

Виталий Каравашкин

КТО ПРЕДАВАЛ РОССИЮ

МОСКВА

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К93

Все права защищены, ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме и любом виде без разрешения автора и издателя. За информацией следует обращаться в ООО «ИД «Русь»-«Олимп».

Каравашкин, В.В.

К21 Кто предавал Россию / Виталий Каравашкин. — М.: АСТ: Олимп, 2008. — 670, [2] с.

ISBN 978-5-17-049896-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9648-0183-2 (ООО «ИД «Русь»-«Олимп»)

Ветеран спецслужб Виталий Каравашкин взял на себя редчайшую, смелую и, наверное, не самую благодарную задачу: рассказать о людях, предававших Россию, и понять причины, толкнувшие их на это страшное преступление.

Почему русские князья не смогли объединиться перед нашествием Батая? Кто первый перешагнул запретную грань цареубийства? Действительно ли сражение под Бородином было нашей победой? Почему русская оппозиция в борьбе со своими идеологическими противниками опускается до тайной связи с врагами Родины? Русское изменничество пронизывает всю историю нашей страны. Не ожидает ли нас по этой причине новая революция, остановить которую будет не в силах ни власть, ни спецслужбы?

Еще недавно Россия напоминала корабль, гибель которого ожидал весь мир. Но корабль не затонул и до сих пор держится на плаву. Героизм и самопожертвование всегда спасали наш многонациональный народ в самые трудные исторические времена, несмотря на усилия как внешних, так и внутренних врагов. «Громада двинулась и рассекает волны. Плышет. Но куда ж нам плыть? »

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© ООО «ИД «Русь»-«Олимп», 2008

ОТ АВТОРА

Еще недавно Россия напоминала корабль, в трюме которого были открыты все кингстоны. Весь мир, затаив дыхание, ожидал, когда же этот корабль пойдет ко дну. Но он не затонул и до сих пор держится на плаву. Неужели его так сконструировали и построили наши отцы и деды? А может быть, нашлись смельчаки, которые эти кингстоны вовремя закрыли, и корабль вскоре отправится в новый путь?

Очередная тайна истории России. А такими тайнами она необыкновенно богата.

Почему, например, русские князья не смогли объединиться перед нашествием Батыя, несмотря на настойчивые призывы таких дальновидных современников, как автор «Слова о полку Игореве»? Где нашел силы русский народ, чтобы освободиться от татаро-монгольского ига после более чем двухвекового рабства, и обусловлено ли это только социально-политическими факторами? Как в Россию пришла Смута 1612 года? Каким образом народ, когда казалось, все потеряно, положил ей конец? Не реформы ли Петра I, несмотря на всю их жестокость и дикость, спасли Россию именно в то время, когда враждебный Запад совершил впечатляющий бросок вперед в экономическом и военном отношении? Кто первый перешагнул запретную грань цареубийства, и являются ли большевики первоотк-

рывателями этого вида преступления? Каковы истоки русского самозванства и его специфика? Почему русские крепостные крестьяне, несмотря на свое тяжелейшее положение, в 1812 г. защитили Отечество рука об руку с большинством своих господ — дворянством? Почему в войну 1812 года среди русских, в отличие от наполеоновского окружения, не было ни одного случая измены, которое существенно повлияло бы на ход войны? Почему М.И. Кутузов, поставленный во главе войска по требованию русского общества и народа для прекращения отступления, продолжал отступать и только нехотя дал французам сражение под Бородино, а затем оставил Москву? И действительно ли сражение под Бородином было нашей победой? Действительно ли декабристы сыграли «прогрессивную» роль, подняв в 1825 г. мятеж против самодержавия, и не затормозил ли этот мятеж поступательное движение России, недавно одержавшей историческую победу над Наполеоном? Неужели достойны презрения и оскорбления партия и режим, которые, несмотря ни на что, внесли самый весомый вклад в Победу 1945 года, спасшей народ, многонациональное государство и, кстати, Православную церковь, от преследования и уничтожения? Почему русская оппозиция в борьбе со своими противниками в конечном счете чаще всего деградирует и опускается до тайной связи с противниками России? Почему могущественная партия, называвшая себя народной, в 1991 году была просто опечатана и ни один рабочий не вышел на улицу ее защитить? Почему отечественный капитал, в отличие от западного, вновь демонстрирует нежелание и неспособность к социальному сотрудничеству с основной частью населения и не желает делиться с ним сверхдоходами, иногда уступая только робким нажимам властей и невнятным призывам Церкви? И не ожидают ли их по этой причине новый бунт или революция, остановить которую будет не в силах

никакая армия и спецслужба? И, наконец, почему русское изменничество пронизывает всю историю страны, обнаруживая в начале симптомы нравственной болезни общества, а затем перерастает в настоящую эпидемию, поражающую духовное и моральное состояние народа?

Последний вопрос как раз и содержит в себе тему предлагаемой книги, которая тем или иным образом касается всего вопросника.

Ни один учебник истории не дает и не даст удовлетворительных ответов.

Кто-то сказал, что войну нельзя доверять исключительно военным.

Действительно, в мировой истории можно обнаружить немало примеров, подтверждающих эту парадоксальную мысль. Вспомним хотя бы, как О. Бисмарк на исходе Франко-прусской войны 1870—1871 гг. хлестко побуждал прусских полководцев оставить свою нерешительность и штурмом овладеть столицей Франции, что означало бы окончательную победу Пруссии. После капитуляции Парижа и завершения военных действий он, напротив, старался умерить пыл военных и настаивал на более мягком мирном договоре с противником, дабы не унижить его и не спровоцировать у французов непомерные реваншистские настроения¹.

Великий немец оказался прав: в 1919 г. французы взяли реванш и продиктовали немцам унижительные условия мира, а в 1940 г. вновь были унижены именно они, унижены изощренно, в духе гитлеровской Германии. Как продолжился этот процесс в 1945 г. — общеизвестно.

Но каждый афоризм всегда односторонен. Ведь в битвах побеждают все-таки именно профессиональные военные, а не политики даже самого высокого уровня.

¹ См.: *Бисмарк О. Мысли и воспоминания*. М., 1941. Т. 1—3.

Можно ли распространить приведенный парадокс на другие области человеческой деятельности? Например, вправе ли мы доверять воспитание детей исключительно педагогам? Или можно ли медицину доверить только врачам? Или (что ближе к нашей теме) можно ли историю доверить только историкам?

Следует признать, что историю пишут именно историки-профессионалы. Многие российские гуманитарии, независимо от эпохи, мировоззрения и принадлежности к разным исследовательским школам, внесли неоценимый вклад в изучение истории своей страны. И никто иной, как они, выигрывали немало сражений, в том числе и с внешними (т.е. зарубежными) оппонентами, отстаивая историческую правду.

Сегодня мы как раз являемся свидетелями подобных сражений, не менее ожесточенных, чем на поле брани. Как и в военном деле, постоянно совершенствуются средства и методы противоборства. Одна из сторон получила в свое полное распоряжение такое мощное оружие, как средства массовой информации, и прежде всего, телевидение. На театре этих «военных действий» появились целые подразделения спецназа в лице так называемых историков-интерпретаторов, которые получили, кроме всего прочего, и доступ к материалам, ранее не подлежащим опубликованию. Только они имеют право на толкование истории страны, постоянно выдавая свои интерпретации за «вот как это было на самом деле». Схема их доказательств выстроена заранее, и если очевидные факты противоречат этим схемам, то тем хуже для фактов, которые постоянно искажаются или умалчиваются. Не менее стереотипным является следующий «силлогизм»: если так могло быть, то, значит, это так и было. То есть любая сенсационная гипотеза выдается за установленный факт. Однако самая, казалось бы, обоснованная гипотеза остается гипотезой, и не более.

Творцы таковых ухищрений всегда ссылаются на закрепленное Конституцией РФ право на свободу слова, забывая, видимо, что этой же Конституцией закреплено право каждого гражданина РФ на достоверную информацию.

Предлагаемая книга и есть реакция на существующую практику толкования истории в средствах массовой информации. Автор, не будучи профессиональным историком, пытается лишь отстоять свое право на историческую достоверность, право миллионов соотечественников, «потерпевших» от действий предвзятых прежних и нынешних «историков-интерпретаторов».

Предлагаемая книга адресована не к читателю, ожидающему скорые и ясные ответы и удовлетворяющемуся выводами историков-пропагандистов.

Мы не ставим своей целью кого-либо переубедить. Книга обращена прежде всего к взыскательному читателю, не принимающему на веру поверхностные рассуждения и досужие домыслы, но стремящемуся составить самостоятельное мнение о событиях отечественной истории, ее героях и антигероях (о последних, собственно, и пойдет речь). Такой читатель, видимо, должен прежде всего исходить из того, что исторические события находятся в вечном, порой очень сложном движении, а творцы этих событий могут так видоизменяться, что в конечном счете превращаются в свою противоположность.

По мнению автора, только самостоятельное и независимое мышление и интеллектуальный поиск позволит нам в полной мере реализовать право на достоверную информацию, что всегда требует определенных усилий. Черный, выражаясь фигурально, цвет предлагаемой книги нацелен вовсе не на очернительство нашей истории. Разве в изумительный по красоте дворец можно войти только через парадные двери? Ведь есть и черный ход, через кото-

рый можно проникнуть в его прекрасные залы, увидеть расписанные своды, антресоли, гостиные, анфилады, галереи. Но в отличие от парадного, черный вход даст возможность внимательному наблюдателю сделать выводы об обитателях дворца, их привычках, пороках, уровне благополучия и т.п. Жалкое состояние черного входа, грязь и мусор, отходы, обилие грызунов и насекомых подчас говорят больше, чем блестящие наряды хозяев и гостей в залах дворца и накрытые столы с экзотическими яствами. Но, несмотря ни на что, дворец остается в целом прекрасным творением архитекторов и мастеров. Не случайно, А.С. Пушкин в полемике с П.Я. Чаадаевым заявлял, что ни за что не хотел бы поменять историю Отечества на другую.

Основная часть предлагаемой книги является своеобразной «энциклопедией русского изменничества», в которой представлены биографии (краткие либо более пространные) наших «героев» — изменников и клятвопреступников, дезертиров, перебежчиков, перевербованных агентов и т.д., и т.п. Персонажи размещены в алфавитном порядке, поэтому читатель на одной странице может встретить, например, историю предательства офицера органов госбезопасности 70-х и 80-х гг. прошлого века и описание бегства за рубеж воеводы или дворянина в XVI в. Изложение этих фактов намеренно сухо и, как правило, не сопровождается комментариями. Любознательному читателю представляется исключительное право на свои собственные оценки, пусть расходящиеся с общепринятыми интеллектуально-пропагандистскими клише.

Введение составляет неотъемлемую часть книги. Оно, по замыслу автора, выполнит роль лоцмана в путешествии по морю, условно называемому «энциклопедией русского изменничества», т.е. призвано помочь читателю более свободно ориентироваться в предлагаемом материале, понять

каждый случай измены более объемно в жесткой связи с эпохой, в которой это преступление имело место. Во введении автор постарался показать критерии выбора своих «героев», заинтересовать читателя генезисом правовых норм, касающихся измены и других государственных преступлений.

Автор считал уместным уделить некоторое внимание сведениям об уголовном праве и уголовном процессе разных эпох, а также структуре и деятельности органов, занимавшихся выявлением и расследованием государственных преступлений.

Однако проблему изменничества в истории России нельзя рассматривать только с юридической точки зрения. Здесь выходит на первый план феномен нравственно-исторической памяти, который невозможно объяснить ни формальной логикой, ни привычным интеллектуальным анализом. Именно историческая память порождает такие духовно-нравственные константы, как идея необходимости защиты Русской земли как этнического, конфессионального, географического, духовного, культурного, лингвистического целого. Поступки изменников иногда не подпадают под нормы уголовного права, но их оценка обществом, не потерявшим историческую память, всегда однозначна.

Героизм и самопожертвование всегда спасали наш многонациональный народ в самые трудные исторические времена, несмотря на усилия ее внешних врагов и изд из числа наших соотечественников.

«Громада двинулась и рассекает волны,
Плывет. Куда ж нам плыть?..¹

¹ См.: Пушкин А.С. Осень.

* * *

Автор особенно благодарит доктора исторических наук А.И. Филюшкина за предоставление необходимых материалов и бесценные рекомендации.

Большую помощь в создании книги оказали автору профессиональные контрразведчики полковники в отставке Ю.М. Калинин, А.Д. Родионов и С.С. Терехов.

Без практической помощи супруги автора и друзей, особенно братьев Е.П. и В.П. Загородневых и К. Н. Липотенкова работа над книгой никогда не была бы завершена.

ВВЕДЕНИЕ

В Древней Руси понятие измены первоначально трактовалось как нарушение присяги на верность, данной господину (вассалом — сюзерену), или клятвы, скреплявшей политические договоры. Формулы присяги языческого времени сохранились в договоре Руси с Византией 944 г. Согласно им, клятвопреступники «не имеют помощи от бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посечени будут мечи своими и от стрел, и от иного оружия своего, и да будут раби в сии век и в будущий»; «Аще ли же кто... преступить се, еже есть писано на харатье сей, и будет достоин своим оружием умерети, и да будет клят от бога и от Перуна, яко преступи свою клятву»¹.

После принятия на Руси христианства такие клятвы скреплялись целованием креста. Эта процедура имела широкое распространение². Крест как главный символ хрис-

¹ Цит. по: Памятники русского права (далее — ПРП). М., 1952. Вып. 1. С. 31, 35.

² См.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1997. Т. 1. Стб. 167 (1167 г.), 172 (1068 г.), 219 (1093 г.), 227 (1095 г.), 230 (1096 г.), 257, 259, 269 (1097 г.), 297 (1127 г.), 301 (1132 г.), 302 (1133 г.), 306 (1138 г.), 307 (1139 г.), 315, 316 (1147 г.), 326 (1149 г.), 335, 336 (1151 г.), 347 (1157 г.), 362 (1169 г.), 372, 373 (1175 г.), 375, 376 (1176 г.), 379—381 (1177 г.), 386—388 (1178 г.), 402 (1186 г.), 413

тианства обозначал соединение, слияние верующего с Господом, служил орудием победы над дьявольскими силами.

При клятве на кресте проявлялась и другая его семантика — он служил символом мук Спасителя, искупившего ими человечество от греха. Тем самым клятвoprеступник как бы предавал искупительную жертву Иисуса и этим уподоблялся распявшим Христа. В числе главных виновников гибели Сына Божьего был и предатель, чье имя стало нарицательным — Иуда...

Нарушение крестоцелования означало отречение от Бога и гибель души клятвoprеступника; «Если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную» (Повесть временных лет под 1068 г.)¹. Сходная трактовка содержится и в «Поучении Владимира Мономаха» (ок. 1117 г.): «Если же вам придется крест целовать братии (т.е. князьям. — Авт.) или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей»².

Именно с этим связан термин, обозначающий изменника в Древней Руси, — «преступник» («преступившие клят-

(1197 г.), 415 (1200 г.), 417—420 (1202—1204 гг.), 425, 428 (1206 г.), 429 (1207 г.), 434 (1208 г.), 435 (1210 г.), 452 (1228 г.), 455 (1230 г.); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 291 (1128 г.), 293 (1130 г.), 295 (1133 г.), 299 (1136 г.), 302 (1139 г.), 306 (1140 г.), 310, 312 (1142 г.), 315 (1144 г.), 318 (1145 г.), 320—354 (1146 г.), 360 (1147 г.), 362—363, 366—368 (1148 г.), 374, 376—377, 393 (1149 г.), 394, 399 (1150 г.), 443 (1151 г.), 451, 454 (1152 г.), 474 (1153 г.), 474, 477 (1153 г.), 479, 481 (1155 г.), 487 (1157 г.), 489 (1158 г.), 494 (1159 г.), 500, 509 (1160 г.), 520 (1162 г.), 522—524 (1164 г.), 529 (1168 г.), 533, 536, 537 (1169 г.), 542—543 (1170 г.), 547 (1171 г.), 559 (1172 г.), 564, 566 (1173 г.), 570, 578 (1174 г.), 595—597, 599 (1175 г.), 602 (1177 г.), 615, 624 (1180 г.), 657 (1187 г.), 660, 661 (1188 г.); Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 21 (1118 г.), 22 (1132 г.), 51 (1209 г.), 54 (1215 г.), 55 (1216 г.), 59 (1219 г.), 60 (1220 г.), 63 (1223/24 г.), 68 (1229 г.), 70 (1230 г.).

¹ ПЛДР. М., 1978. Ч. 1. С. 186—187.

² ПЛДР. Ч. 1. С. 399.

ву»), «а в четверк побегоша к Ярославоу преступници кресту, человали бо бяхоу хрест честный к Мстиславоу со всеми новгородци» (Новгородская Первая летопись, ст. 1216 г.)¹. «Преступников» летописец часто определяет как «беззаконных» (т.е. отрекшихся от соблюдения христианских заповедей, «закона») и «окаянных» («сходных с Каином» — библейским братоубийцей, чье имя стало нарицательным).

Сам обряд крестоцелования известен с апостольских времен. На Русь он пришел из Византии вместе с христианством. О присяге христиан на кресте говорится в договорах Руси с греками 911 и 944 гг.² В самой же Руси она впервые упоминается в 1059 г., когда Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи, освободив своего дядю Судислава из темницы, «водили его к кресту»³.

Крестоцелование отражало особое положение князя — как стержня всей политической структуры⁴. Первоначально оно выступало как атрибут статуса князей, исключительная прерогатива в институте регулирования межкняжеских отношений. Им утверждался мир между враждующими князьями, держание ими столов на момент заключения соглашения, фиксировалось единство военных коалиций, закреплялись международные соглашения. Часто акт крестоцелования осуществлялся на княжеском съезде.

Текст клятвы, как правило, включал следующую формулу: «Кто преступит крестное целование — на того быть всем» (Лаврентьевская летопись под 1097 г., Ипатьевская летопись под 1145 г.)⁵.

¹ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1991. Т. 4. С. 3, 16—317.

² ПРП. Вып. 1. С. 9, 35.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162.

⁴ См.: *Рогов В.А.* К вопросу о развитии княжеской власти на Руси // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. М., 1984. С. 60—62, 65.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257; ПСРЛ. М., 1997. Т. 2. Стб. 318.

Присяга сопровождалась заключением крестоцеловальной грамоты, в которой оговаривались конкретные условия соглашения. В случае возникновения спорных моментов она могла быть предъявлена оппоненту (напр., это сделал в 1144 г. галицкий князь Владимир Володаревич в ходе конфликта со Всеволодом Ольговичем)¹.

При оценке легитимности присяги арбитром мог выступить митрополит или церковный собор. Иерарх церкви имел право снять с князя крестоцелование, приняв ответственность за его нарушение на себя².

Нарушение присяги на верность в Киевской Руси встречалось довольно редко, поэтому каждый раз привлекало к себе внимание летописца. В рассказе об аресте 10 июля 1067 г. Всеслава Брячиславовича Полоцкого князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами говорится, что, поклявшись на кресте, они заманили Всеслава для переговоров в шатер, схватили его и бросили в киевскую тюрьму («поруб»). Однако князь находился там недолго: 15 сентября 1068 г. во время восстания киевлян против Изяслава Всеслав был освобожден из заточения, восславлен и поставлен восставшими на киевский престол. Летописец подчеркивает: «Всеслава же явно избавил крест честной! ...Бог же показал силу креста и поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную»³.

Следует отметить, что летописцу не очень важно, пред кем нарушена клятва, — перед соотечественниками или иноземцами. Показателен в этой связи рассказ об избииении Итларевой чади. В 1095 г. в Переяславль Южный прибыло для заключения мира посольство половцев во главе с

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297; Т. 2. Стб. 291—292, 684 (ст. 1195 г.).

³ ПЛДР. Ч. 1. С. 180, 186—187.

Итларем и Кытаном. Им были даны гарантии неприкосновенности. Переяславский князь Владимир Всеволодович (Мономах) даже отдал им в заложники своего сына Святослава. Но дружинники Славята и Ратибор убедили Владимира перебить послов. Князь поначалу возражал, ссылаясь на нерушимость «роты» (клятвы). Но веская аргументация, что половцы сами не держат мирных клятв, привела князя к решению, что «нет в том греха».

Славята с небольшой дружиной выкрал заложника Святослава и убил Кытана с его людьми, расположившимися у ворот Переяславля. На следующий день, 24 февраля 1095 г., Итларь и его спутники были обманом заманены в избу, якобы специально истопленную для них. Дружинники Владимира во главе с Ольбером Ратиборовичем расстреляли их из луков через разобранную крышу¹.

Летописец довольно сухо излагает эти факты, описывает колебания Владимира, подчеркивает, что клятвопреступление русского князя явилось ответом на нарушение половцами своих обещаний. И все же он называет смерть Итларя «злой».

Наказание за измену клятве часто трактовалось как причина поражения и гибели клятвопреступника. Показательная реакция летописца на вероломное ослепление Василька Теребовльского в 1097 г. Интересно, что причиной разгрома половцев во главе с Белодюзей в 1103 г. также называется клятвопреступление. В уста Владимира Мономаха вкладываются слова: «Знай, это клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, не проливать кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей»².

¹ ПЛДР. ч. 1. С. 238; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227—228.

² ПЛДР. ч. 1. С. 271.

Модификация понятия измены происходит в период феодальной раздробленности. Со второй трети XII в. учащаются крестоцелования князей и их последующие нарушения. При постоянных междоусобицах князья клялись и нарушали свои обязательства столь часто, что, по выражению летописца, «уста не успевали обсыхать от крестного целования»¹⁵. Выявить зачинщика клятвопреступления зачастую не было никакой возможности: присягу нарушали все стороны в многочисленных конфликтах.

Крестоцелование обрело в значительной мере формальный характер. Клятвопреступление по-прежнему осуждалось, но усобицы теперь расценивались, скорее, как «мятеж», «крамола» — явление негативное, но практически повседневное. Лишь в некоторых случаях летописец выражает безоговорочное возмущение «окаянными законопреступниками»: например, если присяга была нарушена особо злодейским способом и привела к ужасающим последствиям (см. ст.: Кучковичи, Улеб настоящего издания).

Рост городов и городских общин, нередко выступающих в междоусобных конфликтах в роли самостоятельной силы, вызвал новую форму крестоцелования. С XII в. оно начинает скреплять договоры горожан с князем (ранее стороны присягали на иконе — покровительнице города). Представители городских общин, приносящие князю присягу, включали в нее следующую формулу: «Яко ты нам князь еси, и даи ны Бог с тобою пожити, извета никакоже до тебе доложити и до хрестного целования» (Ипатьевская летопись под 1159 г.); или: «Якоже им имети сына его собе князем, а иного князя не искати, оли ся с ним смертью розлучити» (Ипатьевская летопись под 1168 г.)².

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 536.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 494, 529.

Если нарушение клятвы князем воспринималось как привычное дело, то аналогичные преступления горожан осуждались более сурово. Как пример можно привести «полоцкую измену 1159 г.» и «новгородскую измену 1161 г.».

В 1159 г. вече г. Полоцка принесло присягу на верность князю Ростиславу Глебовичу. В ней говорилось, что «ты нам князь, и дай нам Бог с тобою пожить, никаких обвинений на тебя не возводя». Как отмечает летописец, полочане тут же изменили и тайно снеслись с князем Рогволодом Борисовичем Друцким. Они подговаривали его напасть на Ростислава и отомстить за его былые обиды. При этом клятвopепреступники обещали хранить верность уже Рогволоду, а Ростислава выдать.

Рогволод «целовал крест» полочанам и согласился на их условия. Они же «лестью» заманили Ростислава в город. Князь приехал на церковный праздник (день Св. Петра), но предусмотрительно надел «под порты» доспехи, и напасть на него заговорщики не решились. Они позвали его вторично, утверждая, что им срочно надо сообщить какие-то важные вещи. Ростислав удивился, но поехал, полагаясь на крестное целование. Неподалеку от крепостных ворот его встретил сбежавший из Полоцка младший дружинник, который сказал, что людей Ростислава убивают на городских улицах, а приглашение веча — это ловушка. В отместку за измену Ростислав устроил погром Полоцкой земли. Полочане все же пригласили на престол Рогволода, и тот после непродолжительной усьобицы сумел заключить мир с Ростиславом¹.

В 1161 г. новгородцы на вече приняли решение свергнуть князя Святослава Ростиславича, которому ранее принесли присягу на верность. По традиции новгородский князь жил не в самом городе, а неподалеку от него, на Рюрико-

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 494—496.

вом Городище. К нему прибежал вестник, сообщивший, что «великое зло деется в городе»: новгородцы изменили крестоцелованию и хотят его схватить. Святослав, однако, что-либо предпринять не успел: на Городище ворвались вооруженные люди и схватили князя. Его жену заточили в монастырь, имущество разграбили, дружину разоружили и заковали в цепи. Пленного Святослава под конвоем отослали в Ладогу. Позже он сумел освободиться, по выражению летописца, «силой честного креста»¹.

Частые изгнания князей из Новгорода создали его жителям репутацию клятвопреступников. Когда жертвой аналогичной «новгородской измены» в 1169 г. стал Святослав Ярославич, то один из его дружинников воскликнул: «Но обаче невернии суть всегда, ко всим князем»².

В XII в. институт крестоцелования стремительно распространяется на социально-экономические и правовые отношения, бытовую, повседневную среду и становится чисто ритуальным действием, скрепляющим любую клятву, присягу. Если в Древнейшей Правде (нач. XI в.) присяга упоминается как атрибут дружинной среды, то в Пространной редакции Русской правды (XII в.) клятва (рота), видимо, скрепляемая крестоцелованием, фигурирует уже в целом ряде статей: 22 (разбирательство по татьбе и поклепе при исках менее двух гривен), 31 (развитие ст. 10 Краткой редакции). 37 (покупка краденого имущества), 47, 48 (вопросы займов), 49 (хранение товара), 52 (вопросы займов от трех кун), 109 (размеры судебных пошлин — уроков — при принесении клятвы).

Кризис института крестоцелования отражен в «Поучении к простой чади» (до 1187 г., приписывается новгородскому игумену Моисею): «Пророк глаголет: того ради завя-

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 510—511.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537.

за небо, не пустить дъждя на землю, зане человеци кленуться Богом и его святыми, и друг друга догонять до клятвы, и церковь Святую невесту Христову ротою скверняще. Приводяще, закаляют сына пред матерью. Слугы же тоя матере своего брата, рожьшагося по духу святым крещением, пьют кровь заколеного сына матери тоя. И того ради вся силы небесныя трепещють страхом, занеже Господь Бог не велит догонити человека до клятвы и до роты»¹.

Уменьшение с конца XII — начала XIII в. летописных свидетельств об актах княжеской присяги на кресте и ее все большее распространение в «некняжеской сфере» отражают девальвацию роли клятвы как регулятора политических отношений. Естественно, что подобное «измельчание» понятия уменьшало его соотношение с трактовкой измены: она перестала сводиться только к нарушениям княжьего слова. Теперь большее внимание начинает уделяться контактам «предателей» с чуждыми этническими и конфессиональными общностями.

По мнению средневекового русича, в приходе иноплеменных (не принципиально, пришли они сами или их «навели») заключалось Божие наказание, справедливо посылаемое на Русскую землю за грех клятвопреступления, «княжьи крамолы» и братоубийства: «Бог попусти казнь на ныя, а не аки милуя их, но нас кажа, обращая ны к покаянию, да быхом ся встыгнули от злых дел, и сим казньныи нахождением поганых, се бо есть батог его, да некли смерившеся въспоманемся от злаго пути»; «Татаром же победившим Руськыя князя за прегрешение крестианьское пришедшим»².

Соглашения с иноземцами, особенно неверными, летописцами осуждаются. Особенно часто подобные мотивы

¹ ПЛДР. Ч. 2. С. 402.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 603, 648, 745.

возникают с 1170—1180-х гг., когда на первый план выходит борьба с половцами как главным внешним врагом всех русских земель. Походы на половцев оцениваются как «мысль благая о Русской земле», вызванная желанием ей добра, защитой ее интересов¹. Все чаще высказывается мысль, что рост усобиц — на руку противникам. Именно в это время было возможно появление «Слова о полку Игореве» (1185 г.), содержащего горячий призыв к единению русских князей для отражения половецких набегов для защиты всей Русской земли. Связь с врагами Русской земли расценивается как предательство и измена христианству, особенно в период татаро-монгольского нашествия.

События 1237—1240 и последующих годов были восприняты на Руси как государственная катастрофа. По словам древнерусского книжника, в то время «инии же бежаша в земли дальнии, инии же кряхуся в пещерах и в пропастях земных, а иже в градах затворишас(ь), ти исповеданиемъ и со слезами без молящеся, тако от поганных немолитвено избьены быша, а инии же кряхуся в горах и в пещерах и в пропастях и в лесах, мало от тех осталось». Нашествие татар резко обострило проблемы национально-религиозной самоидентификации и верности своему правителю, вере, земле, городу и т.д. Именно в связи с их осмыслением мы впервые сталкиваемся с термином «измена».

По мнению летописцев, пришельцы с востока являлись варварскими народами, «заклепаннными» Александром Македонским в горах. Они должны вырваться на свободу, в соответствии с эсхатологическими пророчествами Мефодия Патарского, как раз накануне наступления «последнего века», конца Света.

В сознании людей, живущих эсхатологическими ожиданиями, особое значение приобретает чувство ответствен-

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 700.

ности за свое поведение, его соответствие христианскому идеалу. Пренебрежение этим идеалом означало неготовность ко Второму Пришествию Христа, погубление своей души и тем самым — вольный или невольный союз с Антихристом, дьявольскими силами. Второе и считалось изменой. Таким образом, термин «измена» имел, прежде всего, религиозное происхождение.

Именно в таком контексте он впервые встречается в «Повести об убиении в Орде князя Михаила Всеволодовича Черниговского и боярина его Федора», описывающей события 1246 г. Явившись к Батыю за ярлыком на Великое княжение, князь согласился поклониться хану и признать его власть: «А царю вашему кланяюся, понеже поручи ему Бог царство света сего». Это отражало понимание нашествия как Божьей кары, противление которой было бы бунтом против Божьей воли. Но Михаил наотрез отказался участвовать в унижительных языческих обрядах, которым обычно подвергали в Орде русских князей: поклонение идолам, кусту и прохождение между зажженных костров, при этом в огонь бросались атрибуты православной веры. Черниговский князь заявил, что «не хочу именем хрестьян зватися, а дела поганных творити». При обосновании данной мысли звучит и термин «измена»: по словам Михаила, какая польза в обладании всем миром при погублении своей души, и «что дать человеку измену на души своей»¹.

Во второй половине XIII — первой половине XV в. на Руси присутствует двоякое осмысление изменничества. Первое — как преступное сотрудничество с иноземными захватчиками (см. ст.: Плоскиня). С другой стороны, с развитием феодальных отношений приобретает актуальность проблема отъезда дружинника (вассала) от князя (сюзере-

¹ Цит. по: *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. Тексты. М., 1915. С. 57.

на). Дружинник сохранял еще право отъезда, несмотря на присягу.

В русских землях такой акт назывался «отдать» или «отложить» крестное целование, а в литературе подобные действия обычно называют «правом отъезда». В договорные грамоты князей обязательно вводилась статья: «А боярам и слугам межи нас вольным воля: кто поедет от нас к тебе... или от тебе к нам, нелюбья не держит»¹, т.е. гарантировалось их право выбирать себе господина по своему разумению.

Право отъезда обеспечивало личные права представителей феодализма, но подрывало политические силы княжеств и земель, т.к. не было никаких гарантий, что в самый ответственный момент бояре и служилые люди не покинут своего господина и на совершенно «законных основаниях» не присоединятся к его врагам. Поэтому довольно рано отмечаются попытки ограничения самовольства «отъездчиков». Одно из первых свидетельств этого установление в 1368 г. Новгородом Великим — правила конфискации земель отъехавших бояр².

К этому времени относятся и попытки князей запретить право перехода для служилых людей, получавших свои земли за обязанность пожизненной военной службы. Осуждению отъездчики подвергались и со стороны Церкви, прямо связывающей поступки перебежчиков с изменой: «Аки кто от своего князя отъидет, а достойну честь приемля от него, то подобен Иуде, иже любим господом ти умысли продати е ко князем жидовьским... Да и вы, сынове мои милии, не мозите приятии чюжему князю, да

¹ Цит. по: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. 2, 5, 9—11, 13—15. С. 13, 20, 27, 30, 32, 39, 40, 42.

² См.: Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД). М., 1813. Ч. 1. С. 28.

не в то же зло впадете» (Поучение ко всем крестьянам XIV—XV вв.)¹.

* * *

Во второй половине XV—XVI вв. проблема «отъезда» дружинников обретает особую остроту в условиях образования Русского централизованного государства. Аристократия стремилась сохранить за собой привилегию выбора господина, независимо от его национальной и государственной принадлежности (например, князья пограничных земель не считали зазорным переходить в Литву вместе со своими вотчинами).

В связи с этим Иван III (1462—1505) вводит практику взимания с «отъездчиков» клятвы на верность. Первая известная нам такая присяга была взята 8 марта 1474 г. с князя Данилы Дмитриевича Холмского, ранее эмигрировавшего из Литвы на Русь.

Подобный документ назывался «укрепленной грамотой». При этом приносилась на кресте клятва никуда не отъезжать, служить до конца жизни («до своего живота») государю и его наследникам. Приносящий присягу обязан был сообщать о всех услышанных им «помыслах» «добра» или «лиха» на великого князя. При нарушениях виновный подвергался церковному проклятию и казни. Поручителями тех, от имени которых возбуждалось принесение клятвы, выступали митрополит и освященный собор (собрание высших церковных иерархов страны).

Одновременно с укрепленной грамотой взималась поручная запись (она называлась «поручная кабала») с представителей аристократии, которые ручались своими деньгами, что их конфидент не сбежит. Например, за Д.Д. Холмского дали такие записи восемь человек, оценив свое доверие в две тысячи рублей.

¹ Цит. по: *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. М.; Л., 1926. С. 205.

Кроме того, Иван III широко практикует присягу на верность (крестоцелование) всех жителей покоренных земель, присоединенных к России. В соглашения с ними вносятся статьи, ограничивающие их возможности к «изменным поступкам». Например, Коростынский договор с Новгородом 1471 г. содержал положения, запрещавшие новгородцам сношения с Литвой, «кто на Литве не буди, от вас, от великих князеи, нам, вашей отчине Великому Новугороду, мужем вольным не отдатися никоторою хитростью, а быти нам от вас, от великих князеи, недоступным ни к кому». Бывший вольный город также отказывался принимать перебежчиков — «лиходеев великих князеи».

* * *

Уголовное преследование политических преступлений в XVI—XVII вв. до принятия в 1649 г. Соборного уложения осуществлялось по царским судебникам, дополняемым уставными и другими царскими грамотами.

Особенностью законодательства XVI в. было то, что государственные преступления еще не отделялись от обычных уголовных и объединялись в категорию «лихих дел».

В Судебнике 1497 г. в эту категорию включались: поджог, убийство господина, воровство, вооруженный грабёж, крамола, кражи из церкви, подбрасывание «подметных» писем. В судебник 1550 г. была введена и особо выделена новелла — «градский здавец», т.е. намеренная сдача города противнику.

На практике политические дела подпадали под правовое понятие «крамола», которая включала в себя государственную измену, заговор, восстание, мятеж. Все эти преступления карались смертной казнью.

Если судебные власти попадали в затруднение при квалификации преступления, они обращались к верховной власти, указания которой создавали прецедент для решения

аналогичных дел в будущем. Складывалась судебная традиция, породившая правовое понятие «государево слово и дело», применяемое для рассмотрения государственных преступлений. «Государевым делом» рассматривались преступные действия против государственной власти. Под «государевым словом» понимались словесные выпады против верховной власти, причиняющие ущерб авторитету царя. В начале XVII в. эти правовые понятия уже повсеместно применялись в судебной практике. В результате постепенно вытеснялось употребление юридического термина «крамола».

Особо следует подчеркнуть, что под определение «слово и дело» входили не только измена, восстание и заговор, но и самозванство, которому придавалось значение первоочередной важности. В то же время рядом с ним фигурировали дела о критике царя и его семьи, словесное порицание политики властей, неповиновение указам, употребление царского имени при ссорах, искажение полного царского титула, колдовство или ведовство, направленное против царя и высших должностных лиц.

Принятое в 1649 г. Соборное уложение, в основу которого легли судебники, царские указы и решения Боярской думы, явилось важным шагом в дальнейшем развитии уголовного законодательства, в том числе и по государственным преступлениям. Впервые произошло разделение государственных уголовных правонарушений от «татиных и разбойных дел». Появилась глава «О государьской чести и как государское здоровье оберегать». Как особо опасными преступлениями считались посягательства на жизнь, здоровье и власть царя («хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того злого умысла начнет рать собирать», ст. 2), а также с этой же целью тайно вступил в контакт с «царского величества недруги». Кроме того, сюда добавлялись преступления, связанные с намеренной

сдачей неприятелю городов (ст. 3, 4), а также грабежами и убийствами должностных лиц. Все эти преступления квалифицировались как измена и карались смертной казнью.

Большинство дел о государственных преступлениях возбуждалось по доносу. Под стражу брался не только обвиняемый, но и «изветчик», в обязанность которого входило доказательство правдивости доноса. К ним обоим применялись пытки. Пытали до тех пор, пока обвиняемый или доносчик не признавали своей вины. Нередко пыткам подвергались и свидетели.

Во всех приказах имелись пыточные комнаты, где производились допросы «с пристрастием», а также колодничи палаты, где содержались государственные преступники, чаще всего вместе с обычными уголовниками. Нередко «слово и дело» объявляли уголовники, услышавшие от своих «сокамерников» антиправительственные высказывания. В приказах содержались так называемые заплечные мастера, т.е. палачи, проводившие казни и пытки, а также костоправы, вправлявшие суставы после пыток.

Соборное Уложение 1649 г. юридически закрепляло институт извета, вменяя доноительство в обязанность подданным, включая крепостных крестьян. За недоноительство за государственные преступления предусматривалась смертная казнь.

Правительство требовало от должностных лиц быстрого и тщательного проведения следствия по государственным делам, соблюдая при этом полную секретность.

Образованный в 1650 г. Тайный приказ (просуществовал до 1676 г.) ведал расследованием дел по государственным преступлениям, особенно интересовавшим царя. Кроме того, он выступал органом контроля за рассмотрением дел в других приказах. Как правило, рассмотрение государственных преступлений производилось в различных приказах, в зависимости от того, куда попадали изветы. Наи-

более часто следствие по таким делам проводилось в Разрядном приказе, в столах Приказном, Московском, Белгородском, Новгородском и Владимирском. Кроме Разрядного приказа государственные преступления расследовали приказы Казанского Дворца, Сибирский и Посольский.

Первой попыткой создать единый орган по расследованию государственных преступлений можно считать указ царя Алексея Михайловича от 23 мая 1675 г. о формировании группы дьяков из разных приказов, в исключительную компетенцию которых входило ведение «тайных дел».

В XVI в., а еще интенсивнее в XVII в., дела по государственным преступлениям рассматривала Боярская дума, иногда в присутствии царя. Так, по ее приговору в 1616 г. был бит кнутом рязанец Бузовлев за ложный донос о «государевом деле».

Неограниченные полномочия царя давали ему право не только контролировать работу по расследованию государственных преступлений, но и лично возбуждать и решать дела любого уровня. Это продолжалось и при царях Федоре Иоанновиче, Борисе Годунове, Михаиле Федоровиче.

Во второй половине XVII в. появилась практика создания временных следственных комиссий, которые действовали быстрее и эффективнее обычных судебно-следственных органов.

Так, в мае 1675 г. было передано от дьяка приказа Тайных дел И. Полянского дело «ведомой ворихи и ворожеи» Феньки. Делу придали особое значение, поскольку были отмечены факты посещения ею двора боярина Ф. Куракина, где Фенька и была арестована. Находясь под следствием, Фенька умерла, и дело было прекращено.

Данному делу было уделено повышенное внимание в связи с тем, что колдовские действия в отношении близких царскому двору людей, и особенно самого царя и его родственников, квалифицировались как тячайшие государственные

преступления, предусмотренные статьями Соборного Уложения. Эти преступления карались смертной казнью.

Во второй половине XVI в., в царствование Ивана Грозного, после довольно длительного переходного периода было окончательно отменено право служилых людей на отъезд в другие государства. Переход, чаще — тайное бегство на сторону противника, теперь рассматривался как измена. Этот период дал ряд классических примеров измены, наиболее известным из которых является побег в Польшу князя Андрея Курбского (см. соотв. ст.).

В XVII в. правительство продолжает предпринимать серьезные меры по борьбе с изменниками-перебежчиками. Например, согласно отписке 1660 г. подьячего Приказа Тайных дел Юрия Никифорова, была установлена слежка за «литвином» Плотаревичем, в 1659 г. вместе с сыном Воином бежавшим из России в Польшу. Сперва Плотаревич был замечен в Гданьске, а затем в Колывани, где пытался наняться на службу к шведскому королю. Плотаревича планировалось выкрасть и привезти для допросов в Юрьев Ливонский¹.

Чаще всего после долгих переговоров на посольском уровне происходил обмен «перемещенными лицами». Эта практика была столь распространенной, что былработан даже типовой формуляр «розменной» грамоты².

Например, 21 марта 1631 г. стольник и воевода Михаил Петрович Пронский и шведский «державца» Данило Фонесен осуществили на границе «розмен», в ходе которого российской стороне было передано 49 человек (Мостко Гаврила, Ивашко Лазарев, Иван Копровище Лашка и др.). 19 перебежчиков (Иван Никонов, Иван Сандреев и др.) были выданы русской стороне 21 марта 1651 г. Особым карам

¹ См.: Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 348.

² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 484. Л. 62—67.

они не подвергались. Беглецов отвозили в Новгород и затем расселяли по землям новгородских пятин¹.

В 1650 г. был учрежден Преображенский приказ во главе с князем Ф.Ю. Ромодановским. Он выполнял в основном полицейские функции². В 1718 г. в связи с процессом над царевичем Алексеем Петровичем при данном учреждении была образована Канцелярия тайных розыскных дел. Она занималась делами «по первым двум пунктам»: по именному указу Петра³ все подданные обязывались доносить императору или караульному офицеру о преступлениях по трем пунктам — 1) «О каком злом умысле против персоны его царского величества или измены»; 2) «о возмущении или бунте»; 3) «о похищении казны». Последний пункт попал в компетенцию общей юстиции, а первыми двумя занималась Тайная канцелярия. В 1722 г. обязанность доносить по ним была вменена даже священникам, исповедующим прихожан (с нарушением тайны исповеди).

Правда, власти следили, чтобы не было ложных доносов, которые рассматривались как тяжкое преступление и строго наказывались. Например, в 1703 г. «изветчики» Борис Слюнин, Афанасий Чеботарь и поп Иван Никифоров донесли, будто бы донские казаки «хотят изменить государю», отъехать на Аракан и не пускать государевы полки в Черкасское. «Извет» оказался ложным. Чеботаря «казнили смертью» — отсекли голову перед Преображенским приказом, попа секли кнутом и сослали в Сибирь на вечное жительство³. В 1720 г. фискал Санин был даже сослан на

¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 622. Л. 1—13.

² См.: *Домов В.И.* В Преображенских застенках // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 216—218.

³ ПСЗ (полное собрание законов). № 2877.

⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 167, 829, 1398, 1849, 1994 и др.; Ф. 371. Оп. 2. Д. 1139. Л. 1—5; *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I (по материалам Преображенского приказа). М., 1957. С. 44.

каторгу за «напрасный донос» на соучастников дела Мазепы¹.

При Петре изменой считались: прямой переход на сторону врага, выдача военных секретов и шпионаж, всякая помощь врагу, а также враждебная России агитация, под влиянием которой люди бежали из страны. Мерой наказания за подобные преступления была одна — смертная казнь².

Государственной изменой считались также дела, связанные с бунтом и оскорблением императорской фамилии. Дел по предательствам в пользу иностранной державы были единицы (см. ст. Мазепа, Орлик). В качестве примера подобных «изменных дел» можно привести и процесс над приезжим черкашенином В. Желтовским, который в 1703 г. за вознаграждение в 300 рублей взялся устроить побег сидевшего в русском плену бея турецкой крепости Казы-Кермень. Бей бежал и был пойман уже далеко от столицы, в Рыльском уезде. Поступок Желтовского и нанятых им крестьян-возчиков был квалифицирован как измена, и в 1705 г. их казнили³.

В 1726 г. Тайная канцелярия была упразднена, в 1729 г. закрыт Преображенский приказ. Государственные преступники, в том числе «изменные дела», рассматривались Сенатом, коллегиями, органами полицейского надзора, губернаторами и т.д. В 1731 г., при Анне Иоанновне, Тайная канцелярия была восстановлена. Она была снова ликвидирована в 1762 г., но ее функции тут же передали образованной Тайной экспедиции, существовавшей до 1801 г.⁴

¹ Здесь же см. другие примеры казни за ложный донос по обвинению в государственной измене.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 79.

³ См.: Голиков Н.Б. Политические процессы. С. 42, 44.

⁴ См.: Джинчарадзе В.З. Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762—1801 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Новгород, 1956. Т. 2. Вып. 2. С. 83.

Подавляющее большинство так называемых «изменных дел» составляли процессы об оскорблении императорского величества, выпадах в адрес присяги и оскорбительных отзывах о государственной политике¹. Например, в 1734 г. дворянин Василий Нефедов в пьяном виде на поминках в г. Торопце ругал присягу: «Раздобоная мать наша проклятая присяга» и «проклят тот человек, который присягнет должности». На него тут же донес отставной каптенармус Савва Кармалин, и Нефедова обвинили в государственной измене².

В 1739 г. кронштадтский бомбардир Семен Ефремов поделился с сослуживцем фузелером Михаилом Семеновым: «Надо молить Бога, чтобы “турка поднялась”», тогда их пошлют из надоевшего Кронштадта в действующую армию. Ефремова осудили за «изменнические речи» (желал начала Русско-турецкой войны), он был бит плетью и переведен служить в Остзейский полк³.

Подавляющее большинство дел по шпионажу было связано с пребыванием в России иностранцев, находящихся здесь проездом или же нанявшихся в той или иной форме на русскую службу. В 1725 г. рассматривалось дело капуцинов П. Хризолога и Аполлинария, подозревавшихся в том, что они посланы в Россию «с политическими целями»⁴.

В 1743 г. расследовалась деятельность шведских дезертиров Ю.А.Ф. Гавони и И. Коконте, обвинявшихся в шпионаже⁵. В 1752 г. расследовалось дело купца Якова Гарднера и служителей подполковника барона Лейтрома, подозревавшихся в шпионской деятельности⁶. В 1756 г. велось дело

¹ Подробнее см.: *Веретенников В.И.* Истории Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1911.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 398. Л. 1—25.

³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 686. Л. 1—15.

⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 204.

⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 884.

⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1556.

французского миссионера Валькруассана и лифляндского барона Готгарда Фридриха Будберга, заподозренных в политическом шпионаже¹. В 1757 г. в документах, связанных с подобными обвинениями, фигурируют имена прусского шпиона Ламберта² и Эрикса Стампея, слуги принца Антона Ульриха³. Тогда же разбиралось большое дело полковника Сванге-Блюма и нарвского коменданта барона фон-Штеинге, по поводу передачи ими иностранным державам секретных сведений⁴.

За шпионаж в пользу Пруссии в 1758 г. были осуждены капитан Альбрехт Ключевский и драгун Абрам Дейхман⁵. За добывание секретной информации для пруссаков в том же году находился под следствием прапорщик Павел Калугерович⁶, а в 1758—1762 гг. — инженер-поручик Фридрих Теш и вахмистр Мартин Келер⁷.

Продолжались и побеги за границу, но они по-прежнему были связаны в основном с социальными или уголовными причинами, тяготами несения службы и т.д. В качестве примеров упомянем следующие случаи: попытки бегства «за польский рубеж» солдата Глуховского гарнизонного полка Дениса Прилепова (1742)⁸, солдата Слободского драгунского полка Акима Ясовецкого (1742)⁹, бегство за границу драгуна Астраханского гарнизонного полка Семена Крохалева (1746)¹⁰, солдата Рижского гарнизона Петершанского полка Андрея Колобова (1747)¹¹ и др.

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1762.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1811.

³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1812; ср. также д. 1116.

⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1831. Ч. 1—21.

⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1839.

⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1853.

⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1855, 1968.

⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3/92. Д. 342. Л. 1—16.

⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3/92. Д. 355. Л. 1—14.

¹⁰ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3/92. Д. 473. Л. 1—20.

¹¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3/92. Д. 671. Л. 1—7.

Поводом для возбуждения дел, как и раньше, чаще всего служили доносы. Интересно, что в Тайной экспедиции был ужесточен порядок проверки достоверности полученного сообщения о государственном преступлении. Информатора полагалось сначала «увещевать», затем посадить «на два дни под крепкий караул и не давать ему ни питья, ни пищи», дабы «оставив ему все сие время на размышление». Только если после этого человек упорствовал в своих показаниях, им давали ход. Впрочем, он еще раз должен был подтвердить свой донос под пыткой¹.

* * *

Конец XVIII — начало XIX в. для России стало временем тяжелых испытаний. Постоянные войны с Пруссией, Швецией, Турцией, Францией заставляли русские власти держать в постоянной готовности свой военный потенциал. С приходом к власти во Франции Наполеона все политические проблемы для России еще более обострились.

В этой связи на первый план выдвинулись вопросы получения упреждающей политической и военной информации, что было невозможно без создания отлаженного разведывательного аппарата, укомплектованного высокопрофессиональным и, главное, верным престолу кадровым составом.

В это время император Александр I по существу лично возглавил русскую стратегическую разведку. Ему удалось найти в этом деле блестящих помощников (Чернышев, Барклай-де-Толли, де Санглен, Нессельроде, Кутузов). Понимая, что он значительно уступает своему главному противнику Наполеону в военном таланте, Александр I полностью обыгрывает его в организации и эффективности работы разведки. Организационная аморфность разведки Алек-

¹ См.: Голикова Н.Б. Органы политического сыска... С. 273.

сандра I создает лишь дополнительные преимущества в конспиративности ее работы.

Накануне нашествия Великой армии на Россию в 1812 году Александр I и внешнеполитическое и военное ведомства уже располагали достоверной информацией о планах Бонапарта, неизбежности его вторжения, количестве войск и качестве вооружения, направлении главных ударов. Это позволило русскому императору с помощью своих блестящих помощников обеспечить фланги (мир с Турцией и Швецией) и выработать адекватный план противодействия французскому вторжению, который с началом войны последовательно проводился в жизнь.

Конечный итог войны и победоносное шествие русских войск по бульварам и улицам Парижа во многом был обеспечен благодаря филигранным разведывательным операциям, проведенным под личным руководством Александра I.

Что касается контрразведки, то в этой области тайной войны русский император пошел несколько другим путем, жестко регламентируя ее структуру и методы работы. В январе 1812 года Высочайшим указом была создана «Высшая воинская полиция при армии» (т.е. военная контрразведка), непосредственно подчинявшаяся Главному штабу. Воинская полиция имела в своем составе три округа (по обоим флангам и в центре неприятельской армии). В задачу округов входило агентурное обеспечение «неприятельской операционной линии», чтобы охватить оба крыла и тыл неприятельских операций и линий снабжения.

Инструкция, разработанная для Высшей полиции, жестко регламентирует методы ее работы. Разделы этой инструкции посвящены работе с агентами, лазутчиками, тайным перепискам и другим способам конспиративной связи, методам вербовки, работе с пленными и т.д. Директором Высшей воинской полиции был назначен Я.И. де Санглен (происходит из семьи выходцев из Франции), до этого за-

нимающий пост директора особенной канцелярии Министерства полиции.

В ходе войны высшая военная полиция показала блестящую работу. Были разоблачены несколько резидентур французской разведки, а также проведены операции по дезинформации противника с использованием так называемых агентов-двойников.

Разоблаченные шпионы подвергались смертной казни только в период военных действий. Не было ни одного факта расстрела шпионов до войны и после войны. В 1815 г. большая часть арестованных наполеоновских агентов была прощена и отпущена на родину¹.

Следует особо отметить, что в ходе Отечественной войны 1812 г. в России не было ни одного предательства, которое могло бы существенно повлиять на стратегические и даже тактические аспекты всей военной кампании. Редкие случаи измены (см. ст. Московское правительство, Смоленское правительство, Верещагин) лишь подтверждают этот вывод.

Исключением является эпизод в конце кампании, который, строго говоря, имел место не в результате преднамеренного предательства.

Главные силы Наполеона были блокированы в районе р. Березины, которую необходимо было форсировать. Пути для спасения полностью контролировали русские войска под командованием адмирала П.В. Чичагова. Наполеон решил имитировать намерение форсировать реку на юге, для чего по его приказу у дер. Ухолоды началось строительство ложной переправы, была осуществлена на этом участке «концентрация войск». Помимо этого был созван совет местных жителей, которым «по секрету» сообщено, что

¹ См.: Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1992. Т. 2—3.

именно здесь французы готовят переправу на другой берег. Три жителя немедленно информировали об этом русское командование. Они были награждены, но оставлены под арестом.

Главные силы русских были стянуты к дер. Ухолоды, но французы начали форсирование на севере, у д. Студенка, где русские силы были малочисленны. Наполеону и его гвардии удалось вырваться из окружения. По приказу П.В. Чичагова трое местных жителей, ставших невольными дезинформаторами, были повешены.

События Отечественной войны оставили особый след в истории русского изменничества.

В 1812 г. значительная часть территории России подверглась иностранной оккупации. В этих условиях неизбежно могли появляться случаи сотрудничества с оккупантами определенной части коренного населения. Прежде всего под подозрение попадали находившиеся в стране иноземцы, как принявшие русское подданство, так и имевшие временный вид на жительство. Некоторые из них пострадали от властей «за фамилию» (знаменитый эпизод, когда генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин, известный своей эксцентричностью, приказал выпороть своего повара только за то, что он француз). Но многие иностранцы действительно были замешаны в сотрудничестве с оккупантами.

Иноземцы не имели русских корней, среди мотивов, приведших их в чужую страну, были желание заработка, поиск места службы, коммерческие дела, наконец, элементарная корысть, но любовь к своей новой родине встречалась редко. Нашествие наполеоновских войск они приняли с готовностью: если для русского народа это была Отечественная война, то иностранцы видели в оккупантах своих соотечественников. Недаром они столь охотно занимали посты в учреждаемой французами оккупационной администрации, помогали наполеоновской разведке и т.п. Многие видели в

этом шанс подняться от ничтожного учителя или канцеляриста до вершителя судеб в новой, посленаполеоновской России (см. ст.: Московское оккупационное правительство 1812 г., Смоленское оккупационное правительство 1812 г.).

В качестве примера можно привести и дело Станислава Жуковского — поляка, принявшего русское подданство, служившего учителем гимназии в г. Могилеве. Во время занятия города войсками Наполеона в 1812 г. он вызвался сотрудничать с неприятелем, вступил в звание секретаря у интенданта Фесака, вместе с французскими мародерами участвовал в грабежах местного населения. Когда захватчиками были выдвинута идея проведения в Могилеве бала в честь именин Бонапарта, Жуковский сочинил стихи «для транспарантной картины, где Россия стыла во тьме, а Польша сверкала, озаренная светом, исходящим от изображения Наполеона».

При наступлении русской армии Жуковский бежал вместе с французскими войсками, пытался скрыться в г. Вильно, где нашел убежище у местного профессора Бриотти. Там он был выслежен полицией и взят под наблюдение. Дальнейшая его судьба неизвестна¹.

На национальных окраинах французы часто привлекали на службу иностранцев — представителей местной администрации. Так было в западнорусских губерниях, где опорой оккупантов оказались так называемые маршалы (так назывались местные предводители дворянства), избранные дворянами — украинцами, белорусами, поляками. В Пинске, например, местный маршал Г.М. Родзевский был назначен подпрефектом генералом Моро, чьи войска заняли город. Он был обязан собирать подати, сформировать местное правительство и позаботиться о будущем рекрутском наборе для наполеоновской армии. Примечательно,

¹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 49. Л. 1—1 об.

что после изгнания захватчиков Родзевский некоторое время оставался в должности маршала, и лишь позже был арестован по доносу¹.

В Киевской губернии были арестованы поветные маршалы Богуславский, Головинский, Таращанский, Мадейский, Липовецкий и Красницкий. Их сослали в Астрахань, Саратов и Воронеж. В вину им вменялось сотрудничество с оккупантами, пропаганда среди западнорусского дворянства, отказ проводить набор рекрутов в российскую армию, саботаж в организации местного ополчения. Примечательно, что такие случаи все же были скорее исключением, чем правилом, и в целом население западнорусских губерний восприняло приход французов как нашествие захватчиков. Вышеупомянутых маршалов дворянские собрания Киевской губернии торжественно исключили из списков дворян².

Необходимо упомянуть и недостойное поведение некоторых представителей духовенства западнорусских губерний. Например, архиепископ Витебский и Могилевский Варлаам повелел всей епархии величать «в благодарственных ко всевышнему молебствиях вместо императора Александра французского императора и итальянского короля великого Наполеона». В Смоленске духовенство города встретило завоевателя с крестом и изъявлением покорности, в Минске епископ служил в его честь торжественную обедню, а в Подолии и на Волыни церковники раздавали прихожанам листки с текстом молитвы «Отче наш», где вместо имени Бога было вставлено имя Бонапарта³.

Надо также сказать, что российские власти в целом терпимо относились к ситуации, возникшей в западных облас-

¹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 51. Л. 1—12.

² ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 167. Л. 1—23.

³ См.: *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 215.

тях во время наполеоновской оккупации. Случаи прямого сотрудничества с врагом строго карались, но по отношению к основной массе населения велась гибкая политика. 12 декабря 1812 г. был даже издан высочайший манифест о прощении жителей бывших польских областей (т.е. западнорусских губерний), поддержавших Наполеона.

Перед войной и в ее начале русское правительство и командование принимают меры для нейтрализации угрозы возникновения «пятой колонны» из находящихся в стране иностранцев. В основном они заключались во временной высылке иностранцев из охваченных войной губерний¹. В 1812 г. главнокомандующим М.И. Кутузовым был издан указ о высылке из Москвы всех евреев в Нижний Новгород. После окончания боевых действий их возвращали на места жительства, кроме лиц, уличенных в шпионаже в пользу Франции². Впрочем, к ним принимались довольно мягкие меры, к примеру, многим было разрешено просто навсегда выехать из России в Европу.

¹ В фонде Особой канцелярии МВД, хранящемся в ГАРФе (Ф. 1165. Оп. 2), содержатся дела по жившим в России иностранцам, сосланным в 1811—1815 гг. по подозрению в шпионаже: француз Бернард Августин (д. 4), француз Шевалье де Брессоль (д. 5), иностранцы Бушен, Вальдгейм, Биннон, Грек, Туссен, Черпотти, Герен (д. 7), прусский подданный Бютихер (д. 8), генерал французской службы Володкович (д. 9), греческий подданный Николо Галати (1817 г., д. 10), доктор Гербауер (д. 11), Х. Гольберг (д. 13), эльзасский купец Гуртер Франц-Ксава (д. 14), француз Диодон Жан-Никол (д. 15), французский военнопленный Дюпон Альберт (д. 17), фабрикант Лион (д. 20), еврейские купцы Мейеровичи (д. 23), доктор медицины И. Нетолицкий (д. 25), прусский подданный Николай Карл (д. 26), граф Таксис (он же барон Лозн Фридрих) и его камердинер сицилиец Какаче Доминико (д. 21), офицер саксонской армии граф Остророг (д. 27), армянин Ракалович и еврей Цикарий М. Арбенон (д. 29), иностранцы Тевенсте, А. Травери, Мари де Сент Урсене, Сальватори, Д. Бриде, Канелли, В. Бере и еврей Голберх (д. 32а), француз Турналь Огюст (д. 33), французский подданный Шалон (д. 38), в 1814 г. арестован и сослан в Пермь турецкий шпион Шахсевар-Бека (д. 39).

² ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—8.

Довольно суровые меры власти применили к собственным подданным, в трудное для России время предпочитавшим отсидеться за границей. По указу 1813 г. имения всех помещиков, не возвратившихся во время войны на Родину, были конфискованы государством¹. Правительственный секвестр был отменен лишь в 1814—1815 гг., после окончательной победы над Наполеоном и амнистии Александром I лиц, виновных в сотрудничестве с оккупантами или в уклонении от службы России во время войны². Отношение в русском обществе к людям, запятнавшим себя уклонением от службы Родине и даже сотрудничеством с оккупантами, необычайно точно передается словами Дениса Давыдова: «Можно не награждать почестями истинных сынов России, ибо какая награда сравниться может с чувством совести их? Но щадить изменников столь же опасно, как истреблять карантин в чумное время»³.

Еще раз подчеркнем все же необычно малое для войн такого масштаба число изменников, перешедших на сторону Наполеона. Предатели были в своей массе людьми незначительными. В принципе, неизвестно ни одной сколько-либо важной фигуры, вставшей под французские знамена. Это была Отечественная война в истинном смысле этого слова. Наполеон вынашивал планы организации в России внутреннего сопротивления режиму, приказал изучить историю Пугачевского бунта, который рассчитывал вызвать манифестом об освобождении крестьян. В мае 1812 г. он повелел министру иностранных дел Г.-Б. Маре «заложить очаги восстания» внутри России усилиями специальных

¹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 157. Л. 1—433.

² ГАРФ. Ф. 1165. оп. 1. Д. 158. Л. 1—458.

³ *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 года // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 272.

агентов¹. Кроме того, он серьезно обдумывал возможность инспирации сепаратистского бунта на Украине, а также среди татар и казаков.

Немалую роль в отказе Наполеона от подобных планов сыграл фактор массового патриотизма населения, с которым французская армия столкнулась в подобных масштабах чуть ли не впервые (до этого массовое народное сопротивление обусловило его неудачу в Испании). Следует напомнить, что в Пруссии и других европейских странах Наполеон не испытывал колебаний при проведении социальных реформ, в Польше в 1807 г. он отменил крепостное право. Но там его встречали восторженные толпы, послушно склонявшие головы перед французами после капитуляции своих командиров и правителей.

Недаром Наполеон жаловался, что русские воюют «не по правилам», что за топоры взялось то самое мужичье, которое он мог бы освободить от крепостничества. Ужас на французов наводили те самые казаки, о сепаратистском бунте которых он помышлял. Был ли император уверен, что эти люди откликнутся на его призывы развернуть оружие против соотечественников, что они выберут «свободу» из его рук, а не войну за свое Отечество против иноземного супостата?

Французы с удивлением признавали, что «русский деспотизм совсем не принизил крестьян духовно», не погасил в них чувство патриотизма к своей стране и православию. По словам исследователя этой эпохи, «патриотизм русских крестьян был тогда тем самоотверженнее, что они жили в своем Отечестве под крепостным ярмом. Но для них, в отличие от некоторых представителей дворянства или духо-

¹ По данным русской военной полиции, в ноябре 1812 г. в бумагах главной квартиры Наполеона, обнаруженных в деревне Рванице, найден список из 34 французских агентов, все — иноземцы, приехавшие в Россию (ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 42. Л. 70—71 об.).

венства, Россия и крепостное право не были синонимами»¹.

Разница менталитета русских патриотов и иностранных захватчиков, которые не понимали самого характера встретившего их в России сопротивления, видна из яркого примера из мемуаров Дениса Давыдова. Он описывает пленение 15-летнего барабанщика Молодой гвардии Наполеона Викентия Бод, которого Давыдов нарядил в казачью форму, держал при себе не только в кампанию 1812 г., но и в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. довел до Парижа и сдал на руки родителям. К его изумлению, спустя два дня Бод с родителями попросил выдать ему аттестат, что он сражался в отряде Давыдова... против французов! Пораженный гусар возражал, что если он выдаст такой документ, то младшего Бод расстреляют, и за дело. Но ему разъяснили, что Франция здесь ни при чем, а с таким аттестатом Бод сразу станет борцом против тирании Наполеона, что с учетом свержения императора очень кстати.

Изумленный Давыдов заявил: «Если это так, господин Бод, жалка мне ваша Франция! Вот тебе аттестат, какого ты требуешь». По его словам, «...я в оном налгал не хуже правителя канцелярии какого-либо главнокомандующего, сочиняющего реляцию о победе, в коей он не участвовал». Через неделю благодарные родственники Бод сообщили, что Викентий уже награжден... орденом Лилии за свои подвиги в войне!²

* * *

Триада «Самодержавие, Православие, Народность», выдвинутая министром просвещения С.С. Уваровым в 30-е гг.

¹ Подробнее см.: *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России... С. 216—226.

² *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 года. С. 223—224.

XIX в. как основа внешней и внутренней политики России, явно запоздала. Ее без преувеличения можно отнести к реалиям Отечественной войны 1812 года. Но через несколько лет после окончания войны она умерла, еще не будучи сформулированной. Бунт гвардейского Семеновского полка (1820) явился первым признаком социальной болезни русского общества.

В 1821 г. губернатор Васильевского острова генерал-лейтенант А.Х. Бенкендорф представил императору Александру I записку о «Союзе благоденствия», тайном обществе офицеров и генералов, вступивших на путь заговора в целях государственного переворота. А.Х. Бенкендорф докладывал о самороспуске общества, полагая, однако, «что они желают лишь освободиться от излишнего числа с малым разбором наверстанных членов и составить скрытнейшее общество и действовать безопаснее». Предположение генерала полностью оправдалось. Действительно, вскоре возникли Северное и Южное общества, радикальные члены которых планировали убийство императора и введение в России конституции. К Александру I поступали и другие сведения о готовящемся государственном перевороте, но он не принимал никаких мер для пресечения замыслов заговорщиков. Всегда склонный к мистицизму, он полагал, что все это — наказание Божие за участие в свержении отца — Павла I и невольное соучастие в его убийстве.

После подавления восстания декабристов новый император Николай I приходит к выводу о необходимости создания тайной политической полиции. По его повелению было учреждено III отделение Собственной Его императорского величества канцелярии, которую возглавил А.Х. Бенкендорф. III отделение состояло из пяти экспедиций: по борьбе с революционерами, работе с сектантами, наблюдению за иностранцами, контролю за прессой и театрами, пресечению уголовных преступлений.

Одновременно А.Х. Бенкендорф был назначен шефом жандармского корпуса, отныне используемого для политического сыска по всей территории России.

III отделение и сам А.Х. Бенкендорф и его помощники (фон Фокк и Дубельт) создали разветвленную агентурную сеть и привлекли к сотрудничеству ряд известных в русском обществе литераторов (Ф. Булгарин, Н. Греч, П. Толстой).

Деятельность III отделения была весьма продуктивна, однако имела зловещую репутацию в обществе в связи с делами Чаадаева, Герцена, Белинского, Лермонтова и др.

Непосредственно за борьбу со шпионажем отвечал Военно-ученый комитет Главного штаба русской армии.

Вторая половина XIX и начало XX в. приготовили России новые потрясения.

Стремительно развивалось протестное движение, вызванное реформами 60-х гг. и, прежде всего, «дарованием крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». Крестьяне ответили на «освобождение» взрывом возмущения. На социальную и политическую арену выходит прослойка интеллигентов-разночинцев, в среде которых все более крепнут настроения разрушить существующий государственный строй.

Неспособность правящего класса приспособиться к изменившейся ситуации все больше приводила протестные группы к мысли о невозможности политических реформ без применения насилия. Для того чтобы «расшевелить народ», на вооружение был взят индивидуальный террор.

4 апреля 1866 г. в Летнем саду прозвучал первый выстрел террориста, покусившегося на жизнь самого русского императора.

Рескриптом царя от 13 мая 1866 г. Государственному совету было предписано навести порядок в стране. В результате закрыты журналы «Русское слово» и «Современ-

ник», ограничены права земств, расширены права губернаторов, усилен и без того жесткий контроль за университетами и студентами.

С этого момента пути правительства и интеллигенции окончательно разошлись. Для ведения пропаганды среди крестьян была создана в 1876 г. революционная организация «Земля и воля».

Правительство ответило жестокими репрессиями. Народ не понимал агитаторов «Земли и воли», в результате чего деятельность народников полностью провалилась.

Однако вскоре последовала серия терактов против высоких должностных лиц, что застало правительство врасплох. Власти вновь прибегли к жестким мерам: 9 августа 1878 г. был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени».

Покушение на Александра II 2 апреля 1879 г. вызвало Высочайший указ о разделении страны на 6 генерал-губернаторств. С апреля 1879 по июль 1880 г. оттуда было выслано без суда за неблагонадежность 575 человек. Производились повальные обыски и аресты.

К этому времени в стране возникают подпольные революционные организации экстремистской направленности. Создание «Народной воли» являлось новым этапом вооруженной борьбы с самодержавием.

Власти ответили не только совершенствованием полицейских методов. Законодательным образом было ликвидировано III отделение Собственной Его императорского величества канцелярии, а его функции переданы Департаменту государственной полиции Министерства внутренних дел в целях «политического розыска и наблюдения». Шефом Отдельного корпуса жандармов с этих пор являлся министр внутренних дел.

На местах розыскными и осведомительными источниками Департамента государственной полиции стали губернские жандармские управления.

С 1881 г. вступило в силу «Положение об охране», предусматривающее ряд чрезвычайных мер: губернаторы и градоначальники получали право на трехмесячные аресты и административные высылки, закрытие торговых и промышленных предприятий, приостановку периодических изданий, а также передачу на рассмотрение военного суда отдельных дел. Полицейским и жандармам было предоставлено право на обыски в любое время суток в любых помещениях и на задержание на две недели любых лиц, «внушающих подозрение». По сути дела, в стране было введено чрезвычайное положение.

В результате этих мер в совокупности с агентурным проникновением в революционно-террористическую среду полиции удалось нейтрализовать деятельность «Народной воли», на смену которой пришла, однако, новая сила — партия социал-революционеров. Особую активность в проведении террористических акций проявляла Боевая организация эсеров, которая поставила целью уничтожить представителей власти, признанных «наиболее опасными врагами свободы». Главной задачей террористов являлось внесение страха и дезорганизации в высшие эшелоны власти.

Количество террористических акций возросло в период революции 1905—1907 гг. Так, с октября 1905 по апрель 1906 г. в результате террористических акций погибли 288 человек, 388 должностных лиц получили ранения. В 1907 г. не установленными полицией лицами было совершено 3457 терактов.

Эти факты потребовали новых реформ политического сыска. В частности, в Департаменте полиции были созданы два особых отдела для ведения сыска в политических парти-

ях и для контроля за массовым революционным движением. Возросло и число охранных отделений с трех в 1902 г. до 31 в 1908 г.

Дело Азефа, одного из руководителей Боевой организации эсеров и разоблаченного как провокатора в 1909 г., вызвало процесс распада партийных террористических структур. После ряда неудавшихся акций в начале 1911 г. Боевая организация была распущена. ЦК партии эсеров — «гнездо измены и провокаций» — было серьезно скомпрометировано в глазах рядовых ее членов.

Политический сыск в связи с ослаблением терроризма также претерпел изменения. Количество внутренней агентуры было значительно уменьшено, а охранные отделения ликвидированы, за исключением Московского, Варшавского и Петербургского.

Пока Россия, по выражению канцлера А.М. Горчакова, сосредотачивалась после поражения в Крымской войне, а затем приходила в себя из-за внутренних потрясений, связанных с ростом революционного движения и разгулом терроризма, ее будущие противники зорко наблюдали за военным, экономическим, моральным российским потенциалом.

После фактической денонсации Россией Парижского мирного договора 1856 г. как результата поражения Франции в войне с Пруссией в 1871 г., позволило русскому правительству приступить к воссозданию военного флота на Черном море. После русских побед в войне с Турцией 1877—1878 гг. Европе стало ясно: Российская империя вновь выходит на политическую арену как один из главных игроков, не считаться с которым теперь невозможно. Вполне естественно, что другие главные игроки различных политических комбинаций старались тайными методами заглянуть в карты российского партнера.

Не случайно отмечается активизация деятельности прежде всего австрийской и германской разведок на западных

рубежах России именно в 1870—1880-е гг. В связи с этим российские власти начинают предпринимать ряд ответных мер профилактического характера.

В 1885—1892 гг. решалась проблема удаления иностранцев из районов военных крепостей и стратегических пунктов; были составлены специальные карты расселения лиц иноземного происхождения в районах Брест-Литовской и Новогеоргиевской крепостей¹. В 1898—1900 гг. велась интенсивная переписка между МВД и Штабами Военных округов о разрешении иностранцам путешествовать по России только по определенным маршрутам и под гласным надзором местных властей².

В 1887—1888 гг. расследовалось дело прусских подданных Павла и Людовика Штейнке и Георгия и Эдуарда Вунж, заподозренных в разведывательной деятельности³. В 1890 г. проводилось дознание по делу Ф.М. Зильберштейна⁴. В 1893 г. по обвинению в шпионаже были арестованы австрийские подданные Р.-Э.А. Гельветер и О.И. Рычковский, под видом торговых агентов изучавшие коммуникации русских войск в бассейне Средней Вислы⁵. В 1895 г. в Киевском военном округе проходил процесс над австрийским подданным Э. Красницким, рядовым 165-го пехотного Ковенского полка Ф. Харченко и запасным ветеринарным фельдшером И. Пелчинским. В том же году по подозрению в шпионаже в Киевском округе проходили дворяне С. Домарадзский и В. Квятковский, мещанин И. Бригер и связанные с ними 39 человек⁶. В 1901—1902 гг. расследова-

¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 442. Л. 237.

² РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 70. Л. 67.

³ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 562.

⁴ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 565.

⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 3. Д. 198. Л. 1—56; Ф. 217. Оп. 1. Д. 571. Л. 1—152.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 48. Л. 2.

лось дело А. и М. Граневичей¹, в 1903—1906 гг. — Р.К. Броневича, Г.Н. Щербакова, Г.Я. Сладковского и др.², в 1904 г. — Г.И. Альтера³.

Активности русской контрразведки противопоставлялось совершенствование работы иностранных спецслужб. 16 июня 1892 г. между Германией и Австро-Венгрией было подписано соглашение об обмене разведывательной информацией, добытой в России. 7 октября 1906 г. к нему присоединилась Япония⁴.

В 1909 г. Германией была разработана целая программа шпионажа в России (русской контрразведке она стала известна на основе изъятых документов и показаний германских разведчиков Бертольда и Бруно Германов). Она предусматривала сбор подробных сведений об образцах формы, оружия, структуре управления войсками, революционной пропаганде в армии, особенностях фортификационных сооружений, порядке мобилизации и «как отразилось на духе войск сокращение срока службы в армии до трех лет»⁵.

Иностранные разведки предполагали создать весьма разветвленные «штаты» своей агентуры в городах России. В губернских городах полагалось иметь трех своих сотрудников, в населенных пунктах до 10 000 человек — двух, в округах с населением, меньшим 10 000, — одного⁶.

У австрийской разведки в начале века сложились разные категории агентов, действующих на территории России. Первая русской контрразведывательной службой определялась как сеть «агентов-неинтеллигентов». Они

¹ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 578. Л. 1—35.

² ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 589.

³ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 592. Л. 1—64.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 157. Л. 12.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 54. Л. 80—89; Д. 113. Л. 32—40.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 151. Л. 10.

вербовались среди крестьянства, горожан-ремесленников, лиц без определенных занятий. Нередко использовались представители национальных меньшинств, особенно из австрийских подданных, постоянно проживающих в России. Такие сотрудники получали 40—50 рублей в месяц, не имели четких заданий, а должны были сообщать обо всем, что видят и слышат.

Другую категорию составляли «агенты-интеллигенты». Они были разделены в свою очередь на две категории. К первой относились профессиональные австрийские разведчики из состава регулярной армии. Они засылались в Россию чаще всего под видом дезертиров или внедрялись под легендами коммерсантов, коммивояжеров и т.д. Вторая группа включала завербованных российских подданных свободных профессий (инженеры, врачи, юристы, журналисты и т.д.). Обычно они проходили краткосрочные шпионские курсы и своеобразную «производственную практику» в Италии. Им платили поштучно за добытые сведения, но довольно щедро: в среднем у расторопного агента в месяц «набегало» до 300—500 рублей.

С 1907 г. австрийская разведка в качестве проводников и агентов начинает активно использовать пограничных контрабандистов. Тогда же военное министерство Австро-Венгрии в массовом количестве засылает студентов-практикантов лесных школ Праги, Лемберка и Писека под видом практики в Подолье и на Волынь для сбора сведений военного характера¹.

Стиль работы агентов германской и японской разведок в России описывается следующим образом: «От поры до времени в различных городах появляются “отставные офицеры”, “коммерсанты”, “литераторы”, отличающиеся простотой в обращении и хлебосольством, всегда готовые ра-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 157. Л. 12, 147.

душно принять военное общество. Обыкновенно в таких гостеприимных домах царит располагающая к оживленным беседам и спорам атмосфера. Молодые красивые женщины, вино и карты приятно щекогут нервы». На Дальнем Востоке Япония организовывала дома гейш, содержанием которых были офицеры японского Генерального штаба. Все это создавало благоприятные условия для вербовки сотрудников среди российского офицерства¹.

В начале XX в. в России действовали военные агенты: Японии (Акаши), Великобритании (Непир), Швеции (Лейон-Хювуд (1904), Клейн (1911)), Турции (Энвер-Бей) и др. стран². За 1901—1910 гг. только в Варшавском военном округе было выявлено 48 австрийских и 110 германских агентов³.

С 1910 г. на протяжении нескольких лет шла агентурная разработка германского подданного, бывшего офицера германского Генерального штаба, числящегося в Санкт-Петербурге представителем континентальной телеграфной компании в Берлине Зигфридом Геєм⁴. В 1911 г. в Ломжинской губернии по подозрению в шпионаже были арестованы: Ф. Цищевский, И.К. Бартицкий, Л.К. Увесюк, Г.Л. Заборовский⁵. В этом же году осуждены: по Варшавскому военному округу — германские подданные Б. Штейнер и В. Штюнцер, по Киевскому округу — Г. Гаазе, по Приамурскому округу — русский подданный Л. Медер⁶.

В 1912 г. осуждены: по Варшавскому округу — немец Т. Дамм, по Виленскому округу — русские подданные

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 113. Л. 45.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 1. Л. 1—99; Д. 3. Л. 67.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 151. Л. 12 об.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 2. Л. 399; Д. 15. Л. 336; Д. 37. Л. 115; Оп. 15. Д. 125. Л. 112.

⁵ ГАРФ. Ф. 1669. Оп. 1. Д. 76, 77, 78, 80.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 297. Л. 2.

И. Греблов, Г. Сагалович, С. Шейн, А. Офман, Г. Горбаренко, В. Фадеев, по Иркутскому округу — китайцы Дуань Мень Фу и Дань Юнь (он же Чжа), по Туркестанскому округу — персы Мирза-Мамед-Али и Мирза-Абдулла-Оглы, по Приамурскому округу — англичанин Э. Альден и австриец И. Геннерт¹. В том же году в Радомской губернии расследовалось дело австрийского агента В.Л. Масловского, в 1912—1913 гг. — М.Ф. Сагана, в 1913 г. — А.Л. Голдберта².

В 1913 г. велось несколько дел по подозрению в шпионаже в Варшавской губернии. Среди них можно назвать дела: А.А. Цюржицкого, И. Штейна и группы из восьми человек, Э. Бема, П.В., Н.В. и В.В. Антосевич³. В 1913 г. были задержаны шведские шпионы фон Сегебаден и фон Эссен⁴. В Санкт-Петербурге осуждены: русские подданные В. Ершов и В. Шнитков, немецкие шпионы, А. Яковлев, австрийский агент. В Ковно получил четыре месяца тюрьмы Л. Альтшуль, завербованный австрийской разведкой. В Виленском округе разоблачены А. Браунштейн, М. Смильг, Ш. Фрейдберг и В. Киселев. В Туркестанском округе осуждены афганцы Абдул-Гамид-Ходжа Ахметханов и Ходжа-Мамед-Абдул Керимов. В Иркутске задержан и выслан японский агент Ооми-Сутекицы⁵.

В это же время иностранные разведки начинают распространять в России практику работы своих агентов под прикрытием легальных коммерческих и общественных организаций. В фондах контрразведки содержатся материалы по наблюдениям в 1911—1913 гг. за подозревавшимися в шпионской деятельности Кредит-Бюро «Клячкин и К°»,

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 297. Л. 2 об. — 4.

² ГАРФ. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 42, 43, 46.

³ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 611, 614, 615.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 295. Л. 99.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 297. Л. 5—7.

справочной конторы Шиммельпфенга и др. организациями¹.

Действиям иностранных разведок порой помогала преступная халатность некоторых офицеров. Одним из нашумевших дел такого рода был в 1913 г. процесс над князем Кекуатовым, командиром 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. Он умудрился при переезде на другое место жительства просто выбросить во двор секретные штабные карты Южно-Уссурийского края. Их подобрал 6-летний дворовый мальчик Николай Куклин. Несмотря на столь юный возраст, он быстро сориентировался и продал карты китайцам Юй Цзай Ляну и Юй Цзай Вэну по одной копейке за лист. С этими секретными бумагами их и задержали на Хабаровской таможне при переходе границы. Полиция нашла часть брошенных Кекуатовым штабных карт даже в... расположенной напротив его дома лавке, где их использовали в качестве обертки для товаров! Несмотря на грандиозный скандал, полковник отделался всего лишь дисциплинарным взысканием².

Особые надежды зарубежные службы возлагали на рост в России социальной напряженности. Наиболее экзотично в этом отношении донесение китайского агента Лю Шю Циня, в 1912 г. проживавшего в Санкт-Петербурге под видом студента. Он сообщил, что по добытым им сведениям скоро ожидается грандиозное восстание 100 тысяч солдат у правого берега озера Байкал. При этом Дальний Восток будет фактически отрезан от Европейской России. По словам разведчика, «китайскому правительству не следует упускать такого исключительно благоприятного случая и, двинув войска под видом усмирения монголов из северных

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 70. Л. 496; Оп. 15. Д. 201. Л. 160; Д. 247. Л. 95.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 253. Л. 33—34.

провинций, восстановить сразу все потери Китая за последние десятилетия»¹.

Одной из важных сфер деятельности иностранных спецслужб стали инспирирование и поддержка националистических движений на окраинах России. В 1910—1912 гг. русской контрразведкой были выявлены списки польских помещиков, обязавшихся помогать австрийской разведке и армии в мирное и военное время. На австрийские деньги среди них планировалось организовать польские повстанческие отряды. С поляков собирались деньги на укрепление австрийского общеимперского фонда².

Аналогичная ситуация наблюдалась и на восточных границах империи. В октябре 1911 г. контрразведка перехватила послание Каршинского князя Ахунд-Гиясидна афганскому эмиру Хабибулле-Хану, в котором говорилось, что бухарский эмир, сдавшись России, подверг свой народ и мусульманскую веру гибели. Поэтому теперь «царем ислама» является глава афганских племен, и он должен возглавить джихад против русских.

Афганистан вел в Средней Азии довольно активную агентурную работу. Центром их резидентур был г. Мазари-Шариф. Противостояло деятельности восточных спецслужб Ташкентское отделение контрразведки во главе с ротмистром А. Зозулевским. Одной из его задач был перехват пропагандистской литературы, проповедующей идеалы панисламизма и джихада, войну ислама с христианством в мировом масштабе. Наиболее колоритным из конфискованных воззваний было сочинение Бухарского муфтията «Эль-Имамуль-Махди» (декабрь 1911 г.), в котором говорилось о грядущем приходе в Мекку мессии, пророка Махди. В преддверии этого события все мусульмане должны

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 69. Л. 176—176 об.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 103. Л. 418.

...соединить свои силы, иначе их ждет гибель, т.к. христиане уже объединяются против Востока. В качестве примера приводились... коалиции европейских государств (Антанта, Гройсвенный союз), заключенные перед Первой мировой войной¹.

Другой задачей русской контрразведки являлось выявление и ликвидация афганских, персидских, английских агентов. Они действовали под традиционным прикрытием торговых фирм, лавок, различных землячеств. В 1912 г. по подозрению в шпионаже в крае контрразведка зарегистрировала 201 человека². В 1911—1912 гг. в Ташкенте, Керке, Термезе и Чарджуе была ликвидирована группа шпионов афганского правительства³.

Впрочем, надо отметить, что донесения агентов отражали скорее желаемое, чем реальное положение вещей. Один из агентов, в частности, утверждал, что «такого вооружения, которое имеется только в Афганистане и в Англии, ни в одном государстве нет, так что мы русских всегда разобьем... Государь русский со своими войсками против двух залпов не смогут устоять». Или — другое донесение шпиона: «Раз я наблюдал и нашел, что военное дело русских представляет не что иное, как детскую игрушку... если одна рота из полка Махмадди будет иметь с ними дело, то разобьет все эти 12 тысяч»⁴.

* * *

В связи с активизацией шпионской деятельности в 1910—1912 гг. российские власти были вынуждены заняться совершенствованием законодательства. Юридическая база борьбы со шпионажем в России была явно неудовлет-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 179. Л. 19 об., 47 об., 55 об.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 179. Л. 381—384.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 183. Л. 20.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 179. Л. 116 об., 121 об.

ворительной. В 1892 г. на основе германского уголовного уложения 1870 г. был создан русский закон о наказании за сотрудничество с иностранной разведкой. Его нормы видоизменялись, но оставались несовершенными.

По действующему законодательству, дела по государственной измене были изъяты из общего порядка уголовного производства и были подведомственны высшим судам империи — судебным палатам и Особому присутствию правительствующего Сената (ст. 1032 Устава уголовного суда 1906 г.). Однако на практике там сосредотачивались в основном дела по политическим преступлениям, революционному движению, терроризму и т.п.

В отношении изменников-шпионов чаще применялись ст. 111 и 112 Уголовного уложения 1903 г. (развивающего нормы законодательства о шпионаже 1892 г.). Согласно им шпионажем называлось опубликование или сообщение правительству или агенту иностранного государства документов или сведений, которые заведомо должны были храниться в тайне от иностранного государства.

Это определение было расплывчато, не позволяло наказывать за сбор данных и само намерение передать информацию шпионского характера. К тому же к государственной измене относился только шпионаж в военное время в пользу враждебного государства, а в мирное время подобная деятельность изменой не считалась.

Суд должен был оправдать агента иностранной разведки, если он заявлял, что не знал о секретном характере разглашенных или переданных материалов. Такие казусы случались: например, Варшавский военно-окружной суд оправдал Германа и Лоренца Францманов (1909—1910 гг.), несмотря на то, что они на процессе полностью признались в своей работе на иностранную разведку. Судьи не нашли доказательств того, что шпионы знали о совершенной секретности проходивших через их руки материалов, ни в коем

случае не подлежащих разглашению¹! За 1901—1910 гг. из более чем 150 выявленных в Варшавском военном округе шпионов под суд попали всего лишь 14, с общим числом обвинявшихся 17 человек, из коих трое были оправданы².

С проектом нового законодательства об измене и шпионаже выступило руководство Варшавского военного округа. Работа была поручена помощнику прокурора Варшавского военно-окружного суда А. Резанову, в помощь ему назначен помощник юрисконсульта Министерства юстиции надворный советник Лазаренко³. В сопроводительной записке к проекту они обосновывали необходимость принятия нового закона прежде всего требованиями эпохи: «Наше время — время вооруженного мира, постоянных стремлений цивилизованных государств превзойти друг друга военным могуществом... вызвало изменение самого понятия военной мощи, главнейшею основой которой ныне представляется прогрессирующее техническое усовершенствование». Это обстоятельство и вызывает, по мнению авторов проекта, рост шпионажа и увеличение его негативных последствий⁴.

Как указывают составители варианта закона, «опасность шпионства — в ремесле, в том, что, занимаясь повседневно собиранием сведений, шпион может совершенно неожиданно для себя найти “жемчужное зерно” в мусорной массе незначительных сведений». Поэтому в основу нового закона предполагалось положить следующие принципы:

— вербовка, склонение к предательству и само «покушение на шпионство» уже являются уголовно наказуемыми деяниями;

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 113. Л. 16 об., 17.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 151. Л. 16.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 113. Л. 140—141.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 151. Л. 9.

— подлежит уголовной каре передача любых сведений, без оценки степени их секретности и значимости;

— шпионаж отождествлялся с государственной изменой, так как «предусматриваемыми действиями виновный посягает на международное существование России, на ее безопасность среди других государств — в чем, собственно, и заключается сущность измены»¹.

Жандармские дознания по закону от 7 июня 1904 г. имели характер предварительного следствия, а назначение дознания, следствие и предание суду было в компетенции командующего войсками военного округа. Теперь предполагалось усилить гражданскую юстицию военной, более компетентной в вопросах такого рода (по аналогии с действующим законодательством Германии).

Составители использовали опыт принятия подобных юридических актов в других странах — Германии, Японии и т.д. Ими также были привлечены материалы крупнейших шпионских дел начала века: Грубмана (1901—1902), Грима (1902) и др.²

Проект изменения касался ст. 108, 111, 112 Уголовного уложения, ст. 33, 250, 260, 281, 315, 318, 335, 378, 379, 562 и 788 Военно-судебного Устава и ст. 250, 2601, 2644, 2617 и 1032 Устава уголовного судопроизводства. Закон ужесточал наказания и предусматривал санкции за новые виды разведывательной деятельности (авиаразведка, пролет над чужой территорией, использование телеграфа и т.д.)³.

Однако в мае 1910 г. Военно-Судное управление вернуло проект на доработку, потребовав его согласования с Министерством юстиции. Его сочли излишне детализированным и строгим, т.к. «в прессе тогда вообще нельзя будет обсуждать что-либо военное»⁴.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 157. Л. 46.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 113. Л. 149, 151.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 84. Л. 284, 374.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 113. Л. 48.

В мае 1911 г. Резанов был представлен к государственной награде за свою работу. После доработки и рассмотрения закона в Совете Министров 31 декабря 1912 г. по представлению министров военного и юстиции с замечаниями Председателя Госсовета проект был передан в Государственный совет. 5 июля 1912 г. одобренный Государственной думой закон был подписан императором Николаем II на яхте «Штандарт».

* * *

С началом Первой мировой войны русское правительство прибегает к глобальным мерам профилактического характера, направленным на нейтрализацию самой угрозы возникновения шпионских организаций. По циркуляру МВД от 25 июля 1914 г. все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе стран противника и временно находящиеся на территории России, считались военнопленными и подлежали немедленному аресту. Такая же участь ждала и лиц, числящихся в запасе: их предполагалось выслать с территории Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую, Оренбургскую губернии и Якутскую область. Если же в отношении этих лиц возникали подозрения в шпионаже, они подлежали немедленной высылке¹.

29 июля 1914 г. издается новое постановление № 434. В связи с объявлением Германией мобилизации все австрийские и германские подданные от 18 до 45 лет считались военнопленными. Если местные власти гарантировали их лояльность, то им разрешалось продолжать жить на старом месте под надзором полиции и под подпиской о невыезде². Всего в 1914—1915 гг. в Сибирь и северные губер-

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3626. Л. 9.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3626. Л. 30.

нии было выслано 870 немецких офицеров и 57 765 нижних чинов, 2970 офицеров Австро-Венгрии и 141 012 нижних чинов¹.

В 1914 г. принимается распоряжение о порядке задержания подозрительных иностранцев, издается постановление об усилении наблюдения за деятельностью германских разведывательных органов на русских железных дорогах². Предпринимались действия по изъятию русских денег и золотой монеты, обнаруженных у выезжающих за границу подданных воюющих с Россией держав³. Обсуждался вопрос о возможности пребывания на железнодорожной службе лиц немецкого происхождения, особенно на дорогах, примыкающих к прифронтовой части империи⁴.

Надо отметить резкий рост в ходе войны антинемецких настроений. В документах Штаба Отдельного корпуса жандармов зафиксирован случай недовольства рабочих г. Самары в 1915 г. фактами службы лиц немецкого происхождения в различных учреждениях⁵. В 1915 г. вышло постановление о снятии на железных дорогах плакатов и объявлений, рекламирующих изделия, произведенные в Германии и союзных с ней странах⁶. Тогда же имели место случаи погромов немецких магазинов в Москве, и вышло предписание городovým снять в городе все немецкие вывески⁷. В 1916 г. обсуждался вопрос о запрете продажи клея «Синдерикон» Отто Рингса, «к трубочкам которого приложены рекламы, содержащие в себе глумление над русской армией»⁸.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 685. Л. 9.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3408, 3502.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3709, 3952, 4789.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4066.

⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4149.

⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4003.

⁷ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 119. Л. 78.

⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1204. Л. 1—12.

Одновременно на окраинах активизируются сепаратистские настроения.

В первые же дни войны представители Финляндии обратились к Швеции с просьбой помочь в обучении в этой стране боевиков финского освободительного движения. Однако им отказали. Тогда состоялись аналогичные переговоры с Германией. В декабре 1914 г. с помощью немецких спецслужб была создана такая организация. В нее вербовались по преимуществу финские интеллигенты и студенчество. Руководил этим процессом особый комитет в Гельсингфорсе во главе с магистром философии Каем Доннером. Был создан также вышестоящий комитет в г. Стокгольме. В Германии, под Гамбургом, учредили лагерь, где обучали навыкам шпионской и подрывной работы. Всего в 1914 г. — первой половине 1916 г. здесь прошло обучение более двух тысяч человек¹.

Отношение к немецкой пропаганде населения национальных окраин было неодинаково. Среди определенных слоев она, безусловно, находила самый живой отклик. Например, в июле 1914 г. в деревне Рассули Радовского прихода Выборгской губернии учитель Суенянской школы Седергольм вел антирусскую агитацию. Утверждал, что России приходит конец и что «единодушное сопротивление русским даст возможность свободно вздохнуть от ига и разовьет народную культуру»². В 1915 г. командующий корпусом жандармов в записке к и.о. Курляндского губернатора Б.Н. Хитрово отмечал, что «никогда так резко не обнаруживались немецкий состав классных чинов полиции и материальная зависимость урядников от немецких баронов, как в эти дни». Действительно, с момента начала немецкого наступления полиция края ведет себя крайне пассивно и

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4331. Л. 84 об. — 85.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3626. Л. 42.

всячески угождает местным дворянам немецкого происхождения, с восторгом ожидающих прихода немцев¹. Против немецких прибалтийских баронов был возбужден ряд дел за саботаж военных поставок².

В то же время бытовали мнения, что германское нашествие несет вовсе не освобождение Польши, Финляндии, Украины от «русского ига», а оккупацию. Показательно перехваченное русскими спецслужбами 15 августа 1914 г. письмо из варшавской конторы «Сигизмунд и Тадзио» в г. Житомир Г.Ю. Закржевскому. В нем колоритно описываются братание русских и поляков, одание российскими офицерами чести при исполнении оркестрами в Варшаве польских национальных песен и т.д. По словам автора послания, «эта война будет для поляков великой эпохой самостоятельности под скипетром русским, более гуманитарным, чем немецкий»³.

* * *

Неудачи русской армии на фронте, явные просчеты высшего офицерского корпуса (часто немецкого происхождения) очень скоро отразились на настроении в русском обществе. Это видно по материалам перлюстрированной жандармами переписки.

В письме В. Баранцевича в Гомель Р.И. Николаевой от 2 января 1915 г. с горечью говорилось: «Очень жалею, что нашего штаба не захватили немцы, осталось бы меньше бездарностей». По Москве начинают гулять слухи, что Перемысль сдали «изменой» и что многие видели перевозимых по улицам столицы генералов-предателей, закованных в кандалы⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4315. Л. 1—1 об.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 685. Л. 162.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3626. Л. 128.

⁴ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 119. Л. 11, 78.

Неудачи фронтовых операций, особенно если ими руководили генералы с немецкими фамилиями, общество было склонно объяснять только изменой. С 19 января 1915 г. контрразведка вела перлюстрацию переписки и агентурное наблюдение за командиром 3-го армейского корпуса Павлом Георгом Карловичем Эдлером фон Ранненкампом. Проверялись слухи об измене генерала и его тяге к мародерству. Он обвинялся в сознательном проигрыше кампании на Западном фронте, провале Березинской операции, взятках с поставщиков в армию, грабежах населения (генерал присвоил большое количество серебра, мехов, хрусталя, конфискованных в разоренных войной имениях). Ранненкампф был отстранен от командования. Интересно, что его жена, Вера Николаевна, пыталась утешить опального генерала: на спиритических сеансах ей якобы являлись «духи», которые сообщали, что гонения на Ранненкампа — это происки изменников, «Мясоедовых» и «Сухомлиновых»¹.

В этих условиях неизбежен был рост подозрительности и шпиономании в массовом сознании (приложение № 2).

Иной раз это принимало неожиданные формы.

Например, в 1914 г. был арестован крестьянин деревни Капица Ломжинской губернии Антон Яковлевич Козиковский. Он пытался купить у солдат план крепости Осовец, предлагая за него три рубля. Но они сообщили офицеру, поручику 62-го Суздальского полка Тарасевичу, и тот арестовал Козиковского. Но разоблачение шпиона не состоялось: выяснилось, что Козиковский выполнял просьбу его односельчанина Дрозда, который решил использовать общую атмосферу подозрительности, достать карту и подбросить ее своему неуживчивому соседу, а затем сообщить

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 487. Л. 77 об., 79, 82, 94, 157, 184, 208, 245, 246, 535; Д. 702. Л. 1—310.

в полицию, что тот является агентом вражеской разведки. Дрозд небезосновательно рассчитывал, что при наличии такой улики никто особо разбираться не будет, и ненавистного односельчанина сошлют в Сибирь¹.

9 октября 1914 г. в местечке Ораны Трокского уезда Виленской губернии был арестован неизвестный (его личность так и не была установлена), назвавшийся Иваном Алексеевичем Андреевым, крестьянином Енисейской губернии. Он стал шантажировать местных евреев, предъявляя подложное письмо, будто бы они продались вражеской разведке и хотят подорвать ближайший мост. Целью этих действий было обычное вымогательство: если ему не заплатят, «Андреев» грозил выдать всех властям как шпионов. Однако местный житель Ю. Хазанович сообщил о шантажисте приставу, и Андреева задержали. На вопросы задержанный отвечать отказался, а затем повесился в камере².

Необычное событие произошло 28 января 1914 г. в Красноуфимском уезде Пермской губернии. С неба спустился воздушный шар с тремя немцами, летевшими в Швецию и сбившимися с курса, — Александром Гаазе, Гансом Берлинером и Николаем Арнольдом. Их всех арестовали и приговорили за шпионаж к четырем месяцам заключения. Но вскоре их помиловали и выслали на родину. При торжественной встрече в Берлине переживших такие волнующие приключения воздухоплателей забросали цветами³.

В первой половине 1915 г. Главным жандармским управлением со всей серьезностью проводилось расследование анонимного сообщения «граждан города Харькова», будто бы татары-буфетчики на железнодорожных станциях по всей России собрали огромную сумму денег

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 411. Л. 12, 19, 20—27.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 595. Л. 195—196 об.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 411. Л. 42, 93, 183 об.

для нужд персидской армии и флота и передали ее через турецкого посла. Однако выяснилось, что среди буфетчиков на железных дорогах татар нет вообще. Слух о каких-либо денежных поборах, естественно, не подтвердился¹.

Зато в декабре 1914 г. была раскрыта деятельность Петроградского отделения германской организации «Флотен-Ферейн», действительно занимавшейся сбором средств среди русских немцев на немецкий военно-морской флот. По этому делу к следствию было привлечено более 200 человек, против 98 обнаружены улики, изобличающие их деятельность. Из наиболее скандальных разоблачений по этому делу стоит назвать высылку издателя «Биржевого дня» и «Военного телеграфа» Исаака Эн-Янкова. Аналогичная организация была раскрыта в Одессе².

Общую атмосферу военного времени отражает инструкция подполковника Петерсона «Свод обязанностей унтер-офицеров жандармских полицейских управлений железных дорог по борьбе с военным шпионажем» (1916). В ней особо обращалось внимание на болтливость населения, контролировать которую поручалось контрразведке: «В этом отношении русский человек по свойственной ему беспечности и болтливости может совершенно невольно оказывать услугу неприятельской разведке, нанося тем самым в той или иной степени вред своей Родине». Жандармам предписывалось следить за цыганками-гадалками, торговцами-разносчиками, в особенности нерусских национальностей (китайцами и др.), задерживать близ железнодорожных станций любого человека с фотоаппаратом³.

В 1917 г. контрразведкой велось наблюдение за деятельностью лидера украинского националистического дви-

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3759. Л. 1, 7, 11.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 685. Л. 58—63.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4648. Л. 5 об., 7, 10.

жения Владимиром Яковлевичем Степановичем и за работой «Союза вызволения Украины»¹.

Ситуация в пограничных областях, особенно польских и украинских, действительно была очень сложной. Германия и Австро-Венгрия сумели создать здесь разветвленную агентурную сеть, в которой состояли по преимуществу представители местных национальностей. В 1914—1916 гг. среди населения прифронтовых областей постоянно производились аресты за шпионаж. Были осуждены несколько десятков агентов, работавших на Германию и ее союзников. Если же доказательств вины арестованных не хватало, власти практиковали административную высылку в Поволжье и Сибирь по ст. 34 Положения о государственной охране. Особенно это распространялось на немецких колонистов².

Контрразведывательные органы прифронтовых западных губерний в эти годы разрабатывали большое количество подозреваемых. Большинство арестованных являлись представителями определенных национальностей империи (поляками, евреями, немцами, украинцами). В этом случае, конечно, определенную роль играл фактор отрицательного отношения целых слоев населения национальных окраин к имперскому центру, что искусно подогревалось германскими и австрийскими спецслужбами.

Одним из классических прикрытий резидентур спецслужб противника являлись разного рода торговые, промышленные и прочие фирмы, компании, концессии, открытые в России иностранцами. Под их вывесками часто скрывались шпионские организации, а разведчики числились инженерами или коммерсантами. Данные на этих лиц

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 71. Л. 1—137.

² Списки немецких колонистов и др. лиц, высланных в глубь России // ГАРФ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 300. Л. 205; Ф. 1210. Оп. 1. Д. 61. Л. 505, и др.

хранятся в фондах контрразведывательных организаций Российского государственного военно-исторического архива¹. Обратим внимание лишь на некоторые случаи.

В июле 1914 г. по подозрению в связях с германской разведкой в Енисейскую губернию были высланы немецкие подданные, входящие в состав администрации Акционерного общества Шлиссельбургского порохового завода, всего 21 человек². 11 октября 1914 г. во Владивостоке был арестован немецкий агент Адольф Даттан, совладелец торгового дома «Кунст и Альберс»³. В июне 1917 г. в шпионской деятельности было заподозрено Русское восточно-азиатское пароходство⁴. В том же году в сотрудничестве с иностранной разведкой подозревались агентурно-комиссионная контора «Матвур» и Торговый дом «Н.Ш. Зак и К°»⁵, товарищество «Ж. Блок» (владелец — Юлий Блок)⁶, страховое общество «Русский Ллойд»⁷. В 1918 г. в Петрограде действовал организованный пастором Э.М. Винклером Союз граждан немецкой национальности, также подозреваемый в прикрытии разведывательной работы⁸.

В связях со спецслужбами противника подозревались иностранные подданные (журналисты, работники посольств), во время войны проживающие в России. К примеру, по подозрению в шпионаже в 1917 г. велось наблюдение за следующими лицами: Г. Вухмановичем (называвшим

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 88. Л. 129—132. Список из 59 фамилий иностранцев (главным образом немцев и шведов), обвинявшихся в шпионаже.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 478. Л. 106.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 88. Л. 9. Интересно, что два сына Даттана сражались в рядах Российской армии, а третий сын — на стороне Германии.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 68. Л. 1—25.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 70. Л. 10.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 72. Л. 42.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 74. Л. 16.

⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 77. Л. 9.

себя сербом, поручиком Давыдовым)¹, шведским журналистом Э. Клейном², шведским подданным В.Х. Стандбергом³, А. Вестфалем (он же Гуго Симон, после ареста сознавшийся в шпионаже)⁴, финкой по национальности, служащей шведского посольства Л. Кумпулайн-Кумпулен⁵, представителем Датского Красного Креста Мартине Камилло⁶ и др.

В условиях военного времени встречались люди, желавшие «половить рыбку в мутной воде», воспользоваться прифронтовой неразберихой для контрабанды и различных афер. Для некоторых эта «деятельность» заканчивалась трагически. Такова, например, судьба секретного агента Варшавского контрразведывательного бюро Стефана Владимировича Дзиковского (1879—1914). Летом 1914 г. он был задержан при поездке в г. Цехонок с большой суммой денег и письмами непонятного назначения. Он утверждал, что едет по личным делам к знакомым и родственникам, которым везет собранные его друзьями деньги и письма.

Данное объяснение не показалось следствию убедительным, но прямых улик против него не оказалось. 24 июля военно-полевой суд Дзиковского оправдал. Через три дня бывший секретный агент был расстрелян без суда по приказу командующего фронтом как «неприятельский шпион»⁷.

* * *

Немецкие и австрийские разведчики иногда действовали довольно изобретательно и применяли нестандартные методы шпионажа. Например, 25 июня 1916 г. на станции

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 115. Л. 29.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 118. Л. 17.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 130. Л. 32.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 146. Л. 45.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 150. Л. 12.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 247. Л. 15.

⁷ ГАРФ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 627. Л. 6 об., 12—24.

Казатин-товарная жандармский унтер-офицер А. Дрозд задержал 12-летнего мальчика-сироту Якова Некрасова. Он признался, что являлся членом команды беспризорников, завербованных неизвестным господином. Они должны были в поездах красть сумки у офицеров. Руководитель группы платил один-полтора рубля за каждый похищенный пакет. Лагерь детей-шпионов располагался в с. Березинском Волынской губернии, где их обучали австрийские и немецкие агенты¹.

Однако данный метод разведывательной работы был выявлен. Немцев подвела их педантичность и любовь к порядку. Малолетняя агентура формировалась преимущественно из беспризорников. Их нужно было как-то одеть, и германские службы выдавали им своеобразную «униформу». Мальчики получали типовые черные ученические пальто с белыми пуговицами или черную короткую куртку с нагрудными карманами-тайниками для хранения бумаг. Девочки, засылаемые под видом сестер милосердия, одевались в однообразные синие полупальто и черные шляпки с пером в виде стрелки².

В уже упомянутой инструкции подполковника Петерсона («Свод обязанностей унтер-офицеров жандармских полицейских управлений железных дорог по борьбе с военным шпионажем», 1916) упоминался такой вид диверсий, как «засылка шпионов из числа заведомо одержимых различными болезнями проституток, которым вменяется в обязанность наряду со сбором нужных сведений вступать в сношения с неприятельскими солдатами и таким образом распространять заразу в войсках». Совещание начальников военных сообщений Юго-Западного и Западного фронтов, однако, не оценило предложения Петерсона, и зараз-

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4331. Л. 55, 57.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4648. Л. 4 об.

ные проститутки не были признаны заведомыми шпионками и диверсантами¹.

В Первую мировую войну впервые в массовом порядке начинает применяться техническое оборудование, предназначенное для разведки. Так, на фронте немцы устанавливали специальные подслушивающие станции, которые улавливали и передавали разговоры в русских окопах. Они также могли перехватывать телефонные разговоры, если изоляция кабеля была повреждена. В 17-м корпусе немецкой армии имелась 21 установка, каждая из которых носила собственное имя. Впрочем, подслушивающая аппаратура еще была крайне несовершенна².

* * *

Послереволюционное законодательство зеркально отражало переживаемый страной исторический период времени. Оно не могло не носить характер переходного периода, связанного со сменой общественно-политической формации, ожесточенной классовой борьбой, необходимостью правовой защиты и укрепления новой власти.

Первая кодификация советского уголовного законодательства была осуществлена в 1922 г., а затем в 1926 г., в результате разработки и принятия Уголовных кодексов РСФСР.

Одной из особенностей этих законодательных актов являлось юридическое закрепление возможности применения уголовного закона по аналогии (ст. 10 УК 1922 г., ст. 16 УК 1926 г.). Иными словами, если то или иное «собственно опасное действие» не предусмотрено этими кодексами, ответственность определялась по статьям, сходным по роду преступления.

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4648. Л. 3 об., 15.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 151. Л. 214 об., 219 об.

Закон допускал применение «мер социальной защиты» не только в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, но и к лицам, «представляющим опасность по своей связи с преступной средой или же по своей прошлой деятельности» (ст. 7 УК РСФСР 1926 г.).

В качестве одного из видов наказания предусматривалось объявление врагом трудящихся с лишением гражданства и изгнанием из пределов СССР навечно. Допускалось применение высшей меры наказания — расстрела за наиболее тяжкие преступления, направленные на подрыв основ советской власти.

В Уголовный кодекс периодически вносились изменения и поправки. В частности, постановление ЦИК Союза ССР от 21 ноября 1929 г. — отказ должностного лица, действующего за границей, на предложение органов власти вернуться на Родину рассматривался как переход в лагерь врагов рабочего класса и квалифицировался как измена. Лицо, отказавшееся вернуться в СССР, объявлялось вне закона и подлежало расстрелу через 24 часа после установления его личности.

В июне 1934 г. постановлением ЦИК Союза ССР было расширено понятие измены Родине и усилена ответственность за это деяние. В закон была включена статья, предусматривающая лишение избирательных прав и ссылку в отдаленные районы страны на 5 лет совершеннолетних членов семей изменника, совместно с ним проживающих или находившихся на его иждивении.

В октябре 1937 г. постановлением того же органа был значительно повышен максимальный срок лишения свободы до 25 лет (альтернатива высшей меры наказания) за шпионаж, вредительство и диверсию.

В период Великой Отечественной войны с учетом постоянно меняющейся обстановки на фронтах и в тылу возникла необходимость быстрого правового реагирования. Как

известно, на период военных действий вся полнота власти была передана Комитету государственной обороны и Ставке Верховного главнокомандования, которые и принимали имеющие силу закона решения. Для армии соответствующие приказы отдавались от имени и Ставки, и Верховного главнокомандующего и были обязательны для немедленного исполнения.

Достаточно вспомнить наиболее известные правовые акты этого периода: о добровольной сдаче в плен солдат и офицеров Красной Армии, о создании заградительных отрядов из военнослужащих НКВД, об опозданиях и прогулах рабочих и служащих в тылу, об эвакуации промышленных предприятий на восток страны в связи со стремительным наступлением немецко-фашистских войск и многие другие.

Новая кодификация советского уголовного права была проведена только после войны и восстановления экономики. В 1958 г. Верховный Совет СССР принял Основы уголовного законодательства, а также общесоюзные законы о государственных и воинских преступлениях. Затем в период с 1959 по 1961 г. все союзные республики принимают новые уголовные кодексы.

Из системы наказаний исключались объявление врагом трудящихся с лишением гражданства и изгнанием из пределов страны, а также лишение избирательных прав.

Смертная казнь как исключительная мера наказания предусматривалась, в частности, за государственные преступления (измена Родине, шпионаж, терроризм, диверсия).

В новом Уголовном кодексе РСФСР, принятом 25 июля 1962 г., измена Родине отнесена к особо опасным государственным преступлениям. В ст. 64 измена Родине квалифицировалась как «деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной

неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР, переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти».

Действующим Уголовным кодексом РФ, принятым Федеральным законом от 13 июня 1996 г., в ст. 275 государственная измена трактуется следующим образом: «Государственная измена, то есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества или без таковой».

Нетрудно заметить, что законодатель отождествляет измену Родине и шпионаж (ранее по ст. 64 УК РФ 1962 г. шпионаж являлся одной из форм измены Родине), а также полностью исключает такие формы измены, как переход на сторону врага (этот вид преступления, по мнению законодателя, поглощается разделом «Воинские преступления»), а также бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы (в связи с изменением общественно-политического строя в стране и принятием новой Конституции, гарантирующей статьей 27 право беспрепятственного выезда из страны и возвращения на ее территорию).

Исключена также такая форма измены, как заговор с целью захвата власти, поскольку она поглощается соответствующими статьями 208, 210 и 278 действующего УК РФ.

В советское время органы разведки и контрразведки постоянно реорганизовывались и, как следствие, меняли названия.

Дату создания Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) принято считать 20 декабря 1917 г. В феврале 1922 г. на смену ВЧК приходит Главное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел, которое уже в ноябре 1923 г. становится Объединенным главным политическим управлением при Совете Народных Комиссаров СССР.

С 10 июля 1934 г. органы разведки вновь переданы в ведение НКВД, где создается Главное управление государственной безопасности (ГУПБ), при этом министр внутренних дел одновременно является его начальником.

Накануне Великой Отечественной войны происходит новая реорганизация: 3 февраля 1941 г. создается отдельный Наркомат госбезопасности (НКГБ), однако вскоре после начала военных действий, 20 июля 1941 г., он ликвидируется. Органы госбезопасности вновь входят в состав НКВД в качестве Главного управления.

Вскоре при НКВД был создан специальный орган военной контрразведки «Смерть шпионам» (СМЕРШ).

Войска НКВД в ходе войны часто действовали в сугубо военных операциях. При отражении немецкого нападения многие части НКВД проявляли стойкость и героизм.

14 июля 1943 г. в связи с изменением обстановки на фронте НКГБ вновь возрождается. Он просуществовал до марта 1946 года, когда все наркоматы были преобразованы в министерства, и получил наименование Министерства госбезопасности (МГБ). Составной частью МГБ становится и «СМЕРШ», который преобразован в 3-е Главное управление министерства (военная контрразведка).

Сразу после смерти И.В. Сталина функции госбезопасности опять передаются в Министерство внутренних дел, в структуру которого входят 1-е Главное управление (разведка) и 2-е Главное управление (контрразведка). В апреле 1954 г. создается Комитет государственной безопасности

при Совете министров (КГБ при СМ СССР), который в 1978 г. становится КГБ СССР.

После событий августа 1991 г. КГБ СССР упраздняется. Разведка становится отдельной службой (служба внешней разведки — СВР). Контрразведка после многочисленных преобразований и перемены наименований становится Федеральной службой безопасности.

Военная разведка была образована декретом советской власти 21 октября 1918 г. и первоначально называлась Регистрационным управлением рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). В 1926 г. военная разведка передается в ведение главного штаба РККА и становится его 4-м управлением. Сегодняшнее название (Главное разведывательное управление Министерства обороны) военная разведка обрела в июне 1942 г. ГРУ, в отличие от НКВД и КГБ, никогда политическим сыском не занималось. В его обязанности входит организация и проведение разведывательных акций за рубежом для добывания сведений о противнике военного характера. На практике существовал (и, видимо, существует) параллелизм в работе ГРУ и НКВД—КГБ, однако это имеет и свои преимущества, поскольку позволяет перепроверять поступающую информацию из различных независимых друг от друга источников.

Абрамов Федор Федорович, 1840 г. рождения, генерал-лейтенант белой армии.

Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище, а затем в 1898 г. — Николаевскую академию Генерального штаба.

Служил в 6-й лейб-гвардии Донской казачьей батарее. С 1902 по 1904 г. — офицер для поручений при штабах Варшавского военного округа и Маньчжурской армии. Вскоре был переведен в Управление генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем на Дальнем Востоке.

Участник Русско-японской войны. Был начальником штаба 4-й Донской казачьей дивизии. В 1906 г. А. присвоено звание полковника.

В 1912 г. А. назначен командиром 1-го Уланского Санкт-Петербургского полка. В 1914 г. — уже в звании генерал-майора он стал начальником Тверского кавалерийского училища.

Участвовал в Первой мировой войне. В 1915 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба 12-й армии. С сентября 1915 г. А. — командующий 15-й кавалерийской дивизией, а с января 1917 г. — исполняющий обязанности начальника войскового штаба Войска Донского. В марте 1917 г. назначен командующим 3-й Донской казачьей дивизией и вскоре — командиром 1-го Донского корпуса.

После сентябрьских событий 1917 г. выехал в Новочеркасск к донскому атаману Каледину, при котором командовал донскими партизанскими отрядами. Во время Общедонского восстания в апреле 1918 г. назначен начальником 1-й Донской конной дивизии, в августе произведен в генерал-лейтенанты. В феврале 1919 г. успешно отразил наступление Красной армии на Новочеркасск.

С апреля 1920 г. в составе армии генерала Врангеля командует корпусом в Северной Таврии. В ноябре с остатками врангелевской армии эвакуировался из Керчи в Константинополь. В сентябре 1921 г. прибыл в Болгарию, откуда вскоре был выслан за участие в попытке государственного переворота. Оказавшись в Югославии в числе остатков врангелевских военных формирований, А. был назначен помощником Главнокомандующего Русской армией. В 1924 г. вернулся в Болгарию, где возглавил части т.н. Русской армии.

При создании Русского общевойскового союза (РОВС) (см. соотв. статью) был назначен председателем его 3-го отдела в Болгарии. После похищения НКВД руководителя РОВС генерала Кутепова (1930) становится заместителем председателя РОВС, а после похищения генерала Миллера — его председателем. Пробыл на этой должности до 1938 г.

Во время Второй мировой войны А. был одним из инициаторов формирования казачьих дивизий, участвовавших в военных действиях против Красной армии. В 1944 г. возглавляемые им казачьи части вошли в состав власовского Комитета освобождения народов России (КОНР) (см. соотв. статью), созданного по инициативе и при материальной поддержке германских спецслужб. Подписал известный Пражский манифест КОНР.

После войны переехал на жительство в США, где погиб в автокатастрофе в 1963 г.

Агабеков Георгий Сергеевич, 1895 г. рождения, бывш. сотрудник Иностранного отдела ОГПУ.

Родился в Ашхабаде в семье кузнеца-кустаря, армянина по национальности. Отец помимо легальной профессии промышлял контрабандой опиума, что приносило немалые доходы. Семья А. проживала в собственном доме, сам он учился в гимназии.

В 1914 г. А. был мобилизован и до конца 1916 г. находился на фронте, откуда его направили в школу прапорщиков. После ее окончания служил в 46-м запасном полку Румынского фронта, командовал взводом. Использовался штабом полка как переводчик турецкого языка.

Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. А. принял с воодушевлением. В марте 1918 г. он вступает в Красную армию, до начала 1920 г. сражается на колчаковском фронте. В этом же году вступил в партию. Был вскоре назначен командиром батальона внутренней службы, дислоцированного в Екатеринбург.

По решению губкома откомандирован в местную ЧК. Получает должность помощника уполномоченного по борьбе с контрреволюцией, ведет агентурную работу.

Знание нескольких восточных языков предопределило перевод А. на работу в Среднюю Азию. Он активно включается в оперативную деятельность. Участвует в свержении бухарского эмира и создании Бухарской Советской народной республики. А. занимает должность начальника отделения по борьбе со шпионажем и контрабандой ОГПУ республики, а затем возглавляет отдел контрразведки.

В 1924 г. А., став сотрудником Иностранного отдела (ИНО) ОГП, выезжает в командировку в Кабул. В 1926 г. его назначают резидентом ИНО в Персии, где он работает под прикрытием инспектора торгпредства. На счету А. — ряд успешных операций в Афганистане и Персии, в частности — несколько вербовок русских эмигрантов, включая бывшего царского генерала и полковника, а также подкуп вождей местных племен, поднявших восстание против англичан.

В апреле 1928 г. А. возвращается в Москву и получает назначение на должность начальника сектора ИНО по Среднему и Ближнему Востоку. Однако уже в октябре 1929 г. направляется в Стамбул в качестве резидента нелегальной

разведки с документами армянского коммерсанта Н. Овсепяна.

Деятельность А. помимо Турции распространяется на Сирию, Палестину и Египет. Его главной задачей является широкомасштабное противодействие британской экспансии на Ближнем Востоке. Однако здесь с А. происходят непредсказуемые события. Он влюбляется в 20-летнюю англичанку Изабел Стритер, у которой брал уроки английского языка. В январе 1930 г. А. является к военному атташе британского посольства и обращается к нему с просьбой о предоставлении политического убежища. При этом А. назвал свою настоящую фамилию и должность, а также предложил англичанам секретную информацию о советской разведке. Не получив определенного ответа, А. спустя несколько недель возобновил контакты с английскими спецслужбами, однако вновь без успеха. Лишь в мае 1930 г. англичане попросили А. передать им автобиографию и послужной список. Но к этому времени возлюбленная А. была вынуждена уехать во Францию, откуда вела с ним переписку. В июне 1930 г. туда же на пароходе отправляется А. В Париже он открыто заявляет о разрыве с советским режимом и ОГПУ в эмигрантской и французской прессе.

В 1931 г. в Нью-Йорке выходит его книга «ОГПУ: русский секретный террор». Спустя некоторое время русский вариант книги выходит в Берлине.

В результате этих публикаций в 1932 г. в Иране было арестовано более 400 человек, четверо из них были расстреляны, 27 приговорены к различным срокам заключения. Были практически разгромлены все просоветские организации, а отношения между Ираном и СССР на неопределенное время заморожены. Кроме того, власти установили жесткий контроль за поведением сотрудников советского посольства в Тегеране.

После выхода книги А. компартия Ирана была запрещена и вплоть до 1941 г. находилась в подполье.

В августе 1930 г. французские власти, не желая осложнения отношений с СССР, выслали А. из страны. Он был вынужден переехать в Брюссель, где устанавливает контакты со спецслужбами Бельгии, Англии, Франции, Голландии, Болгарии, Румынии и Германии, рассчитывая заработать на конфиденциальных консультациях.

Учитывая возможные последствия дальнейшей предательской деятельности А., а также ущерб, нанесенный интересам СССР, в Москве было принято решение о его физическом устранении.

Первая операция советской разведки по ликвидации предателя в 1931 г. провалилась. Не удалось и повторное мероприятие по его похищению в 1934 г. За это время А. успел разойтись с И. Стритер. Его финансовое положение резко ухудшилось. Не имея профессии и способностей к бизнесу, он начал изобретать различные авантурные комбинации.

Так, он предложил одному из невозвращенцев вступить в контакт со спецслужбами Румынии и за деньги передавать ей фальсифицированные разведданные, якобы полученные от агентуры, находящейся в СССР. Затем предложил одной западной фирме выкупить у него заметки Николая II и княжны Брасовой, якобы вывезенные им из Советской России.

В сентябре 1936 г. А. отправляет советским властям письмо с раскаянием в измене и предлагает услуги с целью загладить вину перед Родиной.

В Москве, видимо, имелись основания не доверять раскаянию А. Операция по его ликвидации возобновилась.

В 1938 г., используя авантурные наклонности и его постоянную нужду в деньгах, агенты НКВД доставили А. в Париж на конспиративную квартиру, где и убили.

Агапеев Владимир Петрович, 1876 г. рождения, генерал-лейтенант белой армии.

Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1901 г.).

Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 1907 по 1909 г. военный атташе в Сербии, а затем — в Бельгии и Нидерландах.

В начале войны 1914 г. — начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии. В 1915 г. назначен командиром 2-го Лейб-Гусарского Павлодарского полка. За боевые отличия получил звание генерал-майора. С 1916 по 1917 г. — начальник штабов различных армейских корпусов.

Весной 1918 г. работал в подпольном центре Добровольческой армии в Харькове. В конце того же года пробрался в Екатеринодар и прибыл в штаб генерала Деникина. Был назначен на должность начальника штаба 2-го армейского корпуса. Повышен в звании до генерал-лейтенанта. После поражения деникинской армии был назначен Врангелем представителем Вооруженных сил Юга России при Союзном командовании в Константинополе. В конце 1920 г. был уволен с этого поста за то, что «не принял достаточных мер по охране генерала Деникина и прибывших с ним в Турцию сопровождающих лиц, вследствие чего был убит генерал Романовский».

В эмиграции проживал в Югославии, служил в Топографическом военном институте, активно участвовал в деятельности РОВС (см. соотв. статью).

В 1941 г. после нападения фашистской Германии на СССР в возрасте 65 лет от роду А. записался рядовым(!) в т. н. Русский охранный корпус (см. соотв. статью). Убедившись в том, что корпус не будет направлен на Восточный фронт для борьбы с Красной армией, осенью 1942 г. переехал в Австрию, а оттуда выехал в Чили.

В 1950 г. поселился в Аргентине, где скончался 6 мая 1956 г.

Агафонов Никита Степанович, 1877 г. рождения, урож. Короваевской волости Покровского уезда Владимирской губернии.

По происхождению — крестьянин. В 1898 г. был призван в армию. Служил старшим писарем Плоцкого уездного воинского начальника Варшавского округа. Указанный уезд привлекал особое внимание германской разведки, одному из агентов которой удалось завербовать жителя г. Плоцка ростовщика А.Я. Грубмана (см. соотв. статью). Тот, в свою очередь, привлек к сотрудничеству с немцами А., который по заданию Грубмана снимал копии с мобилизационных планов и ведомостей о чинах запаса, за что получил в качестве вознаграждения серебряные часы и 20 рублей.

После ареста в октябре 1900 г. Грубмана, А. был также арестован. При обыске у него были изъяты приказы по Варшавскому военному округу, копии которых он собирался передать немецкой разведке.

А. был предан суду, лишен всех прав и приговорен к четырем годам каторги.

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Адамович (Адамов) Симеон (Семен) (?), нежинский протопоп (упом. в источниках вт. пол. XVII в.).

Активный участник внутриполитической борьбы на Украине в период ее воссоединения с Россией.

Долгое время информировал московское правительство об обстановке в Малороссии. Его информация расценивалась как вполне объективная, а самого А. считали надежным осведомителем по украинским делам.

Однако в 1676 г. А. вступил в конфликт с гетманом И. Самойловичем (см. соотв. статью). Он попытался ис-

пользовать свои связи в Москве с целью его скомпрометировать, однако в этом не преуспел, а только вызвал подозрения на свой счет. Не получив поддержки в Москве, А. вместе со стародубским полковником П. Рославченко (см. соотв. статью) установил тайную связь со ставленником турецкого султана П. Д. Дорошенко и начал склонять некоторых других полковников к измене. Однако полностью реализовать свои замыслы не успел. Он был арестован и отправлен в Москву. По приговору русского царя был сослан в Сибирь.

Аксаков Николай Владимирович, 1894 г. рождения, полковник Царской армии.

Служил в Гвардейском Егерском полку. В период Второй мировой войны добровольно вступил в т. н. Русский охранный корпус, включенный гитлеровцами в состав вермахта. Получил чин обер-лейтенанта. Командовал взводом 2-го батальона 5-го полка.

Умер в 1974 г. в США.

Акундинов (Анкудинов) Тимофей Демидович (?), подьячий Новой чети, самозванец.

Родился в 1617 г. в Вологде. Его отец торговал холстами, затем прислуживал архиепископу. А. был обучен грамоте, становится приказным, дослужился до подьячего. Жил в Москве, женился. Претерпевая материальные затруднения, усугубленные разладом с женой, А. похитил 200 рублей из царской казны (сумма, по тому времени весьма значительная), отвел детей к знакомым и поджег свой дом. При пожаре погибла его жена.

Вместе со своим приятелем подьячим К. Конюховским (см. соотв. статью) А. бежал в Польшу, где назвался вологодским воеводой и пермским наместником. Увидев, что поляки подозрительно относятся к его версии, А. уезжает

через Молдавию и Валахию в Турцию, где объявляет себя сыном царя Василия Шуйского. Был принят султаном и визирем. Просил дать ему войска, с которыми он вступит в Малороссию. Уверял, что сопротивления ему казаки не окажут, а, наоборот, поддержат. Согласился принять ислам.

Из Москвы в Константинополь для встречи с А. была направлена специальная дипломатическая миссия. Послам была предоставлена возможность встретиться с А. Самозванец в присутствии визиря был изобличен русскими в том, что по возрасту он никак не может быть сыном В. Шуйского. После этого турки, хотя и не выдали А. послам, но заметно охладели к нему, приказав ждать решения султана.

А. попытался бежать, но был пойман и, чтобы умилизовать своих хозяев, принял ислам. Вторая попытка бегства А. удалась. Он прибывает в Рим, где переходит в католичество. Не получив желаемой поддержки у папы, перебирается на Украину, где был милостиво принят гетманом Б. Хмельницким. Тот запретил ему называться потомком В. Шуйского (теперь А. учел печальный опыт и именовал себя его внуком), однако московским властям не выдал, несмотря на их настойчивые требования. Вскоре А. оказывается в шведских владениях в Ревеле, откуда начал посылать в Псков «воровские грамоты», требуя у жителей города поддержать его как законного наследника престола. Ему удалось поднять в городе мятеж, который, однако, был вскоре подавлен. А. скрывается в Швеции, принимает лютеранство. Не видя перспективы в дальнейших попытках склонить шведов к поддержке его авантюры, переезжает в Гольштинию. Герцог Фридрих III в это время активно добивался согласия Москвы на транзитную торговлю с Персией и, чтобы смягчить на переговорах позицию русских, в порядке «дружественного жеста» решает выдать им А.

А. был доставлен в Москву, где его мать, принявшая к тому времени монашеский постриг, опознала непутевого сына.

На допросах он «повинился» в самозванстве и в 1653 г. был публично казнен.

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1919), генерал-адъютант царской армии.

Родился в семье военнослужащего, участника Севастопольской обороны, выслужившегося из фельдфебеля в офицеры.

А. окончил классическую гимназию в Твери и Московское пехотное юнкерское училище. С 1876 г. проходил службу в 64-м Казанском пехотном полку, в составе которого принял участие в Русско-турецкой войне. Сражался под Плевной, некоторое время был ординарцем у генерала Н.Д. Скобелева. Получил ранение. За храбрость был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны. После войны в течение восьми лет продолжал служить в строю. В 1887 г. поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил первым в 1890 г. Был назначен адъютантом в штаб первого армейского корпуса в Петербурге. С 1894 по 1900 г. — делопроизводитель в канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, составлявшего планы войны и стратегического развертывания.

В 1898 г. произведен в полковники. Одновременно назначен экстраординарным профессором Николаевской академии на кафедре истории русского военного искусства, а с 1900 г. — ординарным профессором на той же кафедре. После трехгодичного руководства Оперативным отделением Генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба произведен в генерал-майоры и назначен начальником отдела Генштаба.

Участвовал в Русско-японской войне, награжден боевыми орденами и Золотым оружием. С 1905 по 1908 г. являлся обер-квартирмейстером Главного управления Генштаба, возглавлял разработки планов войны. В 1908 г. произве-

ден в генерал-лейтенанты и назначен начальником штаба Киевского военного округа.

С июля 1912 г. — командир 12-го армейского корпуса.

С началом Первой мировой войны принял должность начальника штаба Юго-Западного фронта. При активном участии А. фронт уже в первые месяцы войны нанес ряд тяжелых поражений австро-венгерской армии в Галиции. После взятия Львова А. был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в генералы от инфантерии. С марта 1915 г. — главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. После германского наступления летом 1915 г. войска фронта вынуждены были отступать, однако ни одно из запланированных Людендорфом и Гинденбургом окружений русских армий немцам не удалось.

В августе 1915 г., после того как Николай II лично возглавил Вооруженные силы, А. был назначен начальником штаба Верховного Главнокомандующего.

К весне 1916 г. положение на русско-германском фронте стабилизировалось и было предпринято т. н. Брусиловское наступление на Юго-Западном направлении, окончившееся, впрочем, после первых успехов полной неудачей. Тем не менее к весне 1917 г. А. становится общепризнанным авторитетом русской армии. Современники отмечают широкую образованность А., личную скромность, подчеркивая в то же время нерешительность в критических ситуациях и склонность к кабинетной работе («генерал в калошах» — называли его боевые офицеры).

В ходе войны под впечатлением неудач на германском фронте А. постепенно начал сближаться с т. н. «прогрессивным блоком», возглавляемым известным политическим и общественным деятелем А.И. Гучковым (см. соотв. статью). Им же А. был вовлечен в тайную организацию «Военная ложа». Указанная организация являлась по существу филиалом русского отделения французской ложи «Вели-

«ий Восток», в состав которого входили видные общественные и политические деятели, журналисты, предприниматели, научные работники и целый ряд видных генералов русской армии. Главной целью этой глубоко законспирированной организации являлась низложение Николая II и замена самодержавия ограниченной монархией по типу английской либо парламентской республикой.

Другой ключевой задачей организации было недопущение выхода России из войны и заключения сепаратного мира с Германией, чего крайне опасались правящие круги Франции и Англии. Они активно поддерживали «прогрессивный блок» через неофициальные каналы. Руководители русских масонов (в основном — будущие члены Временного правительства) дали клятву своим «французским братьям» довести войну до победного конца.

Заговорщики разработали несколько вариантов захвата власти. Арест Николая II был запланирован в его резиденции в Царском Селе или Петергофе, или — согласно другому варианту — в Ставке с участием военных, где ведущая роль отводилась А.

В конечном счете было принято решение не вмешивать генералов в акцию, являющуюся прямой государственной изменой, из опасений раскола и потери боеспособности армии. На А. и других военных была возложена задача по оказанию на царя давления и недопущения переброски с фронта в Петроград верных ему воинских частей.

Николаю II от Департамента полиции было известно о тайных контактах А. и Гучкова еще в 1916 г., однако серьезных выводов из этих предостережений царь не сделал.

Как показали события февраля — марта 1917 г., А. выполнил поставленную задачу. Именно он убедил царя отменить приказ о направлении в Петроград верных трону войск для наведения в столице порядка, поскольку «время для этого потеряно и будет только бессмысленное кровопро-

пролитие», а также повлиял на принятие царем решения об отречении. (Приложение №3).

После ареста Николая II Временное правительство назначило А. Верховным Главнокомандующим русской армии, но уже в мае 1917 г. он был смещен с этого поста. По соглашению с А.Ф. Керенским, в августе того же года А. принял должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, но после корниловского мятежа вновь отправлен в отставку.

Во время октябрьских событий в Петрограде А. выехал из Смоленска, где проживала его семья, в Петроград, и приступил к созданию подпольной военной организации для борьбы с большевиками. Вскоре он нелегально переехал в Новочеркасск и продолжил создание т. н. «Алексеевской организации», ставшей предтечей Добровольческой армии. Под руководством А. первые белые части предприняли поход на Екатеринодар (1-й Кубанский поход), после чего он передал свои полномочия А.И. Деникину. В июне 1918 г. участвовал во 2-м Кубанском походе Добровольческой армии, по завершении которого возглавил т. н. Особое совещание — гражданский правительственный орган при А.И. Деникине. Однако в сентябре того же года А. скоропостижно скончался и был похоронен в Екатеринодаре. После разгрома белой армии вдова А. перенесла его прах в Сербию.

Алексей Петрович (1690—1718), царевич.

Сын Петра I от первого брака с Евдокией Лопухиной. После развода царя с матерью воспитывался при дворе. С детства проявлял любознательность, недюжинный ум, способность к иностранным языкам. В то же время не отличался энергией отца, его вечным подвижничеством и стремлением к постоянным нововведениям. Был более склонен к традиционным ценностям, много времени про-

водил в беседах с духовными лицами и молитвах. Его пугала страсть отца к радикальным реформам, часто обретавшим уродливые и кощунственные формы. В то же время А. в отличие от своего отца, не понимал технологического отставания России, особенно в военном деле, не осознавал неразвитость ее экономики, торговли, инфраструктуры, не понимал того, что ее самоизоляция от внешнего мира может привести к полному подчинению мощно развивающимся европейским державам, всегда рассматривающим русскую территорию как объект первоочередной экспансии.

В первое время А. уступал воле неумолимого отца и принимал участие в его предприятиях. Выполнял различные поручения во время Северной войны, занимался делами Адмиралтейства и т. д. В 1711 г. по настоянию отца женился на принцессе Софье Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской. От этого брака родился мальчик, будущий Петр II, однако принцесса вскоре после родов умерла.

Как и предполагал А., его отец после рождения внука начал оказывать на него давление для более активного привлечения к государственным делам. Однако неприятие реформ, проводимых отцом, и особенно влияние окружения, среди которого находились довольно влиятельные представители старого боярства, заставили А. в ответ на увещевания и прямые угрозы отца просить «отпустить его в деревню». Ответ Петра I последовал незамедлительно: он предлагал А. уйти в монастырь или подчиниться его требованиям.

Дальнейшее поведение А. во многом определялось тем обстоятельством, что к этому времени он практически становится главой партии «традиционалистов», объединявшей довольно широкие и влиятельные слои русского общества, не согласные с политикой Петра I и стремящиеся с помощью наследника вернуть Россию к патриархальным устоям и исконным ценностям. Это не могло не породить в А. ам-

бициозные устремления. Его сторонники прямо заявили ему, что монашеский «клобук не гвоздем к голове будет прибит», и он ответил отцу «смирненным» письмом, соглашаясь уйти в монастырь.

Уезжая в очередной поход, Петр I посетил заболевшего сына и посоветовал ему не спешить, одуматься, а уже потом дать окончательный ответ.

На самом деле мысль о постриге пугала А., и тогда со своим сторонником А. В. Кикиным (см. соотв. статью) он впервые обсудил план побега за границу, тщательно обдумав, какая страна наиболее безопасна, чтобы тайно укрыться в ней и избежать выдачи.

Вскоре А. совершает поездку в Карлсбад для лечения, и, несмотря на уговоры того же А.В. Кикина не возвращаться на родину, приезжает в Петербург. Здесь он получает от отца письмо, в котором Петр I требует приезда сына в Копенгаген.

26 сентября 1716 г. А. в сопровождении своей сожительницы Евфросиньи, ее брата и трех слуг выехал из Петербурга с твердым намерением бежать. К этому времени А.В. Кикин с помощью русского посла в Вене А. Веселовского договорился с императором Священной Римской империи о предоставлении ему убежища. В Либаве они обсудили бегство, после чего А. меняет маршрут в сторону Вены и в ноябре предстает перед императором Карлом VI. А. был приветливо принят зятем (император был женат на сестре покойной супруги А.) и вскоре под фамилией Кохановский был перевезен в Вейербург, а затем в тирольскую крепость Эренберг. Однако в Петербурге через агентуру в Вене вскоре узнали о местопребывании А. и решительно потребовали от Венского двора его выдачи. Это не входило в планы Карла VI, и он дал указание переместить А. в Неаполь. Одновременно император начал активно обсуждать со своими приближенными, какие выгоды можно из-

влекать из пребывания царевича в Империи, и, в частности, каким образом можно оказывать в этой ситуации на русского царя давление, выгодное для венского престола. Беглец-царевич уверял Венский двор в недовольстве многих в России политикой отца (что соответствовало действительности). Заявлял, что его восшествие на престол при содействии «цесарева войска» будет поддержано большинством русского населения. Он обещал, что не будет вести войн, распустит войска и удовольствуется старыми владениями (последнее, видимо, особенно импонировало императору, который, как и другие европейские монархи, со страхом наблюдал за успехами внешней политики Петра I).

А. по тайным каналам направил в России несколько писем, адресованных некоторым боярам и архиереям Церкви, в которых осуждал политику отца, жаловался на его намерение насильно подвергнуть его постригу, обещал вернуть страну «к старине».

Между тем Петр I направляет в Вену видного сановника П.А. Толстого со специальной миссией: любой ценой вернуть А. в Петербург. Активная закулисная деятельность П.А. Толстого вскоре дала результаты. Кроме того, советники Карла VI рекомендовали императору более не удерживать А. во избежание осложнений с Россией, правитель которой весьма импульсивен и может предпринять самые непредсказуемые действия вплоть до открытия военных действий против Империи.

После долгих усилий и ухищрений, включая банальный подкуп австрийских министров, П.А. Толстому было предоставлено право увидеться с А. Он вручил царевичу письмо от отца с настоятельными просьбами вернуться на родину и гарантиями безопасности. После долгих колебаний А. решает вернуться. В январе 1718 г. его доставляют в Москву, где он немедленно подвергается аресту и допросам. Он не выдерживает психологического напряжения и

выдает всех соучастников своего побега. По его показаниям арестовывают большую группу сочувствовавших ему лиц, в том числе А.В. Кикина. Отец верит в раскаяние сына. А. оставляют в покое.

Однако через некоторое время в Петербург доставляют сожительницу А. Ефросинью, которая задержалась за границей по причине родов. Ее допрашивают, и она, как самое осведомленное лицо, дает обстоятельные показания о поведении А. за границей, коренным образом изменившие его судьбу. Для Петра I становится ясным, что его сын не только подвергся влиянию окружения, но и вынашивал амбициозные планы занять русский престол и радикально изменить его внешнюю и внутреннюю политику. Царь рассматривает это как государственную измену, но не решается самостоятельно выбрать наказание сыну. Он предоставляет право решения Сенату, который после дополнительного следствия единогласно приговорил А. к смертной казни.

Через несколько дней А. при невыясненных обстоятельствах умирает в Петропавловской крепости, где и был вскоре погребен в соборе в присутствии Петра I.

Анастас (Анастас Корсунянин, вт. пол. X — перв. четв. XI в.) — по происхождению грек, выходец из византийской колонии Херсонес в Крыму.

Согласно летописной легенде, осада в 988 г. киевским князем Владимиром г. Корсуня (Херсонеса) шла малоуспешно. Русское войско пыталось соорудить насыпь к городским воротам, однако греки ее разрушили. Тогда А. пустил из города стрелу, на которой написал: «Перекопай и перейми воду, которая идет в город по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир якобы дал обет принять крещение, если совет А. приведет к сдаче города. Лишенный воды Корсунь сдался. Предательство А.

позволило киевскому князю покорить Херсонес и диктовать византийскому императору Василию II свои условия во время переговоров о крещении Руси.

А. в 996 г. был назначен главой Десятинной церкви в Киеве и старшим лицом при сборе церковной десятины. Есть данные, что он был киевским епископом. Однако в 1018 г. А. изменил уже киевскому князю Святополку, приняв сторону польского короля Болеслава, чьи войска во время войны с Ярославом Мудрым заняли Киев. Согласно летописи, А. покинул Киев с поляками и был приставлен «к имению» — т. е. к трофеям, захваченным Болеславом при его уходе из города.

Анастасий (в миру — Грибановский Александр Алексеевич) (1873—1965), митрополит Русской зарубежной православной церкви (РЗПЦ).

До 1917 г. являлся кишиневским архиепископом. С 1919-го — в ставке Главнокомандующего Добровольческой армией Деникина. После разгрома Белого движения находится в эмиграции. При расколе Русской православной церкви за рубежом поддерживал митрополита Евлогия, являлся его заместителем. С 1935 г. — митрополит, с 1936 г. возглавил карловацкое крыло РЗПЦ.

В 1938 г. А. направил Гитлеру благодарственное письмо за пожертвование на постройку православного собора в Берлине. В этом письме назвал Гитлера «вождем мировой борьбы за мир и правду», за которого «русский народ постоянно возносит к Богу молитвы». В 1941 г. поддержал агрессию фашистской Германии против СССР.

А. активно участвовал во власовском движении, благословил ее лидера на «борьбу с большевизмом» и поддерживал т. н. Комитет Освобождения народов России (КОНР), фактически созданный нацистскими спецслужбами и объединивший вокруг генерала Власова основную часть рус-

ских военных формирований антисоветской направленности.

В апреле — мае 1945 г. предпринял неудачные попытки установить неофициальные контакты с американским командованием на предмет сдачи власовской армии западным союзникам с перспективой ее использования в будущей борьбе с Советским Союзом.

После войны А. бежал из Югославии в Швейцарию, а затем в Германию (Мюнхен). В 1950 г. получил разрешение на въезд в США, где проживал до смерти.

Ангелина (уп. в сер. XVII в.), киевская старица.

По данным, полученным дьяком государевых тайных дел Дементием Миничем Башмаковым, посланным на Украину в связи с обострением внутривосточной обстановки, являлась польской шпионкой. Для сбора информации использовала дочь киевского епископа, которой преподавала грамоту. Ее ученица, ничего не подозревавшая, рассказывала А. о содержании бесед в доме отца, активно участвовавшего в политических интригах. Полученные сведения А. тайно передавала полякам и советнику польского короля по русским делам изменнику Тетере (см. соотв. статью). По информации А., польский король принял решение о наступлении на Киев, жители которого склонялись к разрыву с Москвой и принятию польского подданства.

Ангилеев Владимир Иванович, 1878 г. рождения, генерал-майор Царской армии.

Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 1915 г. — командир полка. Георгиевский кавалер.

Во время Гражданской войны сражался в Добровольческой армии. Был тяжело ранен в Северной Таврии. После разгрома белой армии эвакуировался из Крыма в Турцию.

В 1941 г., находясь в Болгарии, вступил в т. н. Русский охранный корпус, где командовал ротой. Получил от гитлеровцев звание гауптмана.

После разгрома нацистов проживал в Германии. Умер в 1951 г. в г. Дорштадт.

Андрей Александрович (1263—1304), сын Александра Невского, князь Городецкий и Костромской (с 1276 г.).

В 1277 г. старший брат А. Дмитрий Александрович Переяславский занял стол великого княжества Владимирского. А., также претендовавший на этот стол, вместе с другими князьями (Борисом Ростовским, Глебом Белозерским и Федором Ростиславичем Ярославским) отправился в Орду. В составе армии хана Менгу-Тимура они участвовали в боевых действиях татар против ясов (алан). А. удалось располжить к себе ордынские власти. В 1281 г. он вместе с боярином Семеном Тонгилиевичем оклеветал брата — великого князя Дмитрия и «навел» на его землю татарскую рать во главе с Кавадыем и Алчедаем.

Войска А. и союзных ему князей (Федора Ростиславича, Михаила Ивановича и Константина Борисовича) осаждали Переяславль, откуда «в мале дружине» Дмитрий Александрович был вынужден бежать. Вот как описывает этот набег на Владимирские земли летопись: «Муром пуст сътвориша, около Володимеря, около Суздаля, около Юрьева, около Переславля все пусто створиша и пограбиша, и в полон поведоша мужи и жены и дети... испустошиша грады и волости, села и погосты, монастыри и церкви пограбиша, иконы и кресты и съсуды священныя и пелены и книги и всякое узорочье пограбиша, тако же и около Ростова, около Торжьку, и около Тфери пусто створиша по самой Торжек, многих же людей избиша, а они и от мраза изомроша». Летописец особо подчеркивает, что А. были грубо

нарушены скрепленные крестоцелованием политические порядки на Руси: «Все же то зло сътвори князь Андреи с своим Семеном Тонглияевичем, добивался княженья великого, а не по старшинству». Призвание князем-крамольником оккупационных войск было воспринято современниками как преступление против всего русского народа и христианской веры.

В 1282 г. А. вновь привел из Орды рать под предводительством Турайтемира и Алына, где служил воеводой Семен Тонгилиеви́ч. Татары разорили Суздальскую землю. Однако Дмитрию Александровичу удалось подтвердить в Орде свои права на великое княжение. По его приказу бояре Антон и Феофан убили в Костроме Семена Тонгилиеви́ча, по определению летописи — «коромольника льстиваго».

В 1285 г. А. в очередной раз привел во Владимир татар, но на этот раз был разбит. Дмитрий истребил его бояр, но самому князю удалось бежать.

В 1293 г. по жалобе А. и его союзников русские земли разорила страшная «Деденева рать». Масштабы погрома приближались к последствиям нашествия Батыя. Дедень «всю землю пусту сотворил», «много пакости учиниша христианом». Он уничтожил 14 крупных городов, среди них такие, как Владимир, Москва, Суздаль, Муром, Коломна и др.

Тем не менее в 1294 г., после смерти Дмитрия Александровича, А., наконец, занял великокняжеский престол. Теперь уже ему пришлось бороться с «крамолами» других князей.

А. умер в 1304 г. в Городце схимником и был похоронен в церкви Св. Михаила.

Андронов Федор (ум. 1613), купец-кожевник, по некоторым свидетельствам, «чернокнижник», сыграл значительную роль в событиях времен Смуты.

Обратил на себя внимание царя Бориса Годунова как человек способный и энергичный, был им призван из Погорелого Городища в Москву.

С появлением на политической сцене Лжедмитрия II немедленно присоединился к нему. Был казначеем в Тушинском правительстве. В этот период времени сблизился с поляками. Становится доверенным лицом короля Сигизмунда III. Систематически информирует его о внутривнутриполитической обстановке в Московии, настроениях бояр и низших слоев русского общества. Одновременно открыто выступает за призвание на русский престол сначала сына Сигизмунда III Владислава, а затем — самого короля. Постоянно демонстрирует свою верность полякам, пишет королю доносы на московских людей, выступающих против польского засилия. Пожалован Сигизмундом III думным дьяком и казначеем, руководил Посольским приказом. Вызывал ненависть у московских жителей как изменник и «предатель христианства».

При вступлении в Москву второго ополчения под руководством князя Дмитрия Пожарского заперся в Кремле вместе с польским гарнизоном, после сдачи которого был подвергнут пытке и казнен.

Антоний (в миру — Медведев Артемий), 1908 г. рождения, урож. г. Вильно, архиепископ Западно-Американской и Сан-Францисской Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ).

Учился в кадетском корпусе в Полтаве. После революции в России эмигрировал, получил высшее образование в Загребском университете. Под влиянием митрополита РПЦЗ Антония принял монашеский постриг. В 1934 г. становится иеродиаконом, в 1938 г. — иеромонахом.

После создания т. н. Русского охранного корпуса назначается священником в 1-й полк.

В 1944 г. был переведен в т. н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова.

После разгрома фашизма бежит в США. Занимается миссионерской деятельностью в Австралии. В 1968 г. возвращается в США, где получает сан архиепископа.

Антонов Владимир Михайлович (он же Андреев), 1924 г. рождения, урож. г. Москвы.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Был завербован представителями абвера, числился в секретных сводках под кличкой Глист. Имел также прозвища Мокрица и Вальдемар.

Преподавал радиодело в Борисовской разведывательной школе при абверкоманде 103 (см. прил. № 5).

Его судьба после окончания войны не выяснена.

Антонов Вячеслав Валерьевич, 1962 г. рождения, урож. г. Москвы, б. ст. лейтенант советской разведки.

Работал в КГБ СССР с 1990 г. В 1993 г. выехал в командировку в Финляндию. Освоившись в новой обстановке, решил кроме основной работы в резидентуре заняться частным предпринимательством.

В 1994 г. без санкции резидента открыл коммерческую фирму. Зарегистрировал фирму на себя, жену и компаньона-финна. Взял кредиты в банке, однако оказался совершенно несостоятельным бизнесменом. Залез в долги, кредиторы пригрозили привлечь его к суду.

Боясь огласки своей частнопредпринимательской деятельности и желая уладить финансовые проблемы, обратился к сотрудникам английской разведки с предложением продать государственные секреты. Англичане приняли его условия и уплатили за него долги. Через некоторое время он и его жена исчезли. В сентябре 1995 г. стало известно, что А. проживает в Лондоне. На допросах в спецслужбах А. выдал известные

ему секретные сведения о работе советской разведки, составе ее резидентуры в Хельсинки и известных ему агентах.

Апостол Даниил Павлович (1658—1734), миргородский полковник.

Возглавив миргородский полк, организовывал и руководил отражением набегов крымских татар на Малороссию. В 1696 г. в составе русских войск участвовал в Азовском походе. В течение 11 лет (с 1700 по 1711 г.) сражался со шведами в Лифляндии под командованием графа Б.П. Шереметева. Направлялся царем в Польшу во главе отрядов русских войск для поддержки союзника России Августа II.

В 1708 г. вместе с гетманом И. Мазепой (см. соотв. ст.) перешел на сторону шведского короля Карла XII. После разгрома шведов был прощен Петром I. В 1722—1723 гг. участвовал в Персидском походе. В 1727 г. избран гетманом Левобережной Украины.

Артамонов Николай Федорович (он же — Шадрин Николай), 1930 г. рождения, бывш. офицер Военно-Морского Флота СССР.

Служил на Балтике, был самым молодым командиром эсминца в советском ВМФ.

В 1959 г. вместе со своей любовницей полькой Евой Горой на небольшой лодке нелегально пересек Балтийское море и пристал к шведскому берегу. Сдался местным властям, у которых потребовал встречи с представителями американских спецслужб. Был вместе с любовницей переправлен в США.

Служил в РУМО (военная разведка США). Весной 1966 г. был привлечен американцами к оперативной игре с советскими спецслужбами (операция «Хитти Хок»). По заданию ЦРУ встречался за пределами США с офицерами КГБ. В декабре 1975 г. во время одной из таких встреч в Вене был

похищен советскими разведчиками недалеко от американского посольства.

Дальнейшая его судьба неясна. По одной из версий, при похищении он оказал сопротивление, ему ввели усыпляющее средство, однако не рассчитали дозу, в результате чего А. умер.

Ассберг (наст. фамилия — Арцезо) Владимир Гаврилович (?), родился в Таганроге.

После окончания в 1916 г. астраханской гимназии прошел ускоренный курс военного училища. Получил чин подпоручика, служил в 156-м пехотном полку.

В 1919 г. добровольно поступил в Красную армию. Воевал на фронтах Гражданской войны, был адъютантом командира полка, получил ранение. В 1920—1922 гг. был адъютантом коменданта г. Баку. Принимал участие в подавлении антибольшевистского восстания в Дагестане. В 1924—1930 гг. в составе специальных частей Красной армии сражался с басмачами в Ферганской области. В 1926—1927 гг. обучался на Академических курсах старшего и высшего состава РККА по разведывательной службе. С 1930 г. служит начальником оргмоботдела штаба Белорусского военного округа. В 1932 г. окончил Бронетанковые курсы усовершенствования командного состава в Ленинграде. В 1936 г. повышен в звании до майора, а в 1939 г. — до полковника.

Участвовал в советско-финской войне. С начала Великой Отечественной войны — на фронте. В мае 1942 г. на ст. Лозовая попадает в плен, содержится в различных лагерях, где добровольно встал на путь сотрудничества с немецкими фашистами.

В 1943 г. организовал офицерскую школу добровольческих войск вермахта. Летом того же года вместе со школой был эвакуирован во Францию, где проводил инспектирование батальонов т.н. Русской освободительной армии

генерала Власова (РОА) (см. соотв. ст.). В декабре 1944 г. назначен начальником отдела боевой подготовки штаба всех власовских военных формирований, разработал и издал уставы по боевой подготовке. В феврале 1945 г. получил звание генерал-майора РОА.

В мае 1945 г. вел переговоры с американцами о разоружении и сдаче частей РОА, дислоцированных на Юге Германии (переговоры успехом не увенчались). Был пленен американцами, в январе 1946 г. обратился к ним с просьбой о предоставлении политического убежища. Однако вскоре в соответствии с решением Ялтинской конференции был выдан советским представителям.

В 1947 г. казнен по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Афанасьев Иван Большой, камердинер царевича Алексея Петровича (казнен в 1720 г.).

Привлечен к суду по делу о бегстве за границу сына Петра I царевича Алексея (см. соотв. статью). Как выяснилось на следствии, А. знал о планах бегства царевича и содействовал ему. Обеспечивал доставку писем Алексею его сообщника А.В. Кикина (см. соотв. статью).

А. был приговорен к смертной казни.

Ахмедов Измаил Гусенович, 1904 г. рождения, урож. г. Орска Оренбургской области.

Родился в семье муллы. В 1918 г. был принят в комсомол. В 1919 г. поступил в Московский институт народов Востока. С 1921 г. — член РКП(б). В следующем году добровольцем вступил в ряды Красной армии. В 1929 г. заканчивает Ленинградскую высшую школу связи, назначается командиром взвода отдельного радиобатальона. Вскоре на этой же должности направляется в Закавказскую армию.

В январе 1931 г. командирован в Разведывательное управление РККА, назначается радиоинструктором. Неоднократно выезжает в заграникомандировки. В феврале 1934 г. зачислен в Военную электротехническую академию. После выпуска из академии работал в Чехословакии под прикрытием корреспондента ТАСС. В 1940 г. возвратился в Москву, был повышен в должности (становится заместителем начальника отдела по спецтехнике).

С сентября 1940 г. работает в Берлине в резидентуре военной разведки. В связи с нападением Германии на СССР был интернирован. Возвратился в СССР в середине 1941 г. Вскоре был направлен на работу в Турцию под прикрытием пресс-атташе советского посольства.

В мае 1942 г. А. явился в турецкую полицию и попросил политического убежища. Пояснил, что главным мотивом для этого послужили развязанные в СССР репрессии против крымских татар. В своих показаниях в полиции А. выдал туркам сведения о деятельности резидентур советских военной и политических разведок, назвал имена двух разведчиков, работающих в Турции нелегально.

Негативные последствия из-за измены А. возникли и в результате его заявления об организации неудавшегося покушения в феврале 1942 г. на посла Германии в Анкаре фон Папена, бывшего рейхсканцлера, активно поддерживавшего контакты с представителями США и Англии с целью заключения сепаратного мира.

В результате перед турецким судом предстали два советских разведчика, которые были приговорены к 16 годам тюрьмы каждый (спустя два года амнистированы вследствие резкого изменения обстановки на фронте).

После войны А. принял ислам, получил новое имя — Исмаилэге.

В 1948 г. турки передали А. американцам. Он являлся консультантом ЦРУ по России, участвовал в подготовке агентуры для заброски на советскую территорию.

Издан книгу «Внутри и вне сталинского ГРУ: побег татарина из разведки Красной армии».

Б

Бажанов Борис Георгиевич, 1900 г. рождения, бывш. технический секретарь ЦК ВКП(б), затем работник Народного комиссариата финансов.

Родился на Украине в г. Могилеве-Подольском. Обучался в местной гимназии, был вынужден прервать учебу в связи с событиями февраля и октября 1917 г. Закончил гимназию в 1918 г. во время оккупации Украины немецкими войсками. В том же году выехал в Киев, где поступил на физико-математический факультет университета. После закрытия университета Б. вернулся в родной город, где в 1919 г. в разгар Гражданской войны вступил в коммунистическую партию. Вскоре был избран секретарем уездной партийной организации. В 1920 г. некоторое время проживал в Жмеринке и Виннице, заведовал губернским отделом народного образования. Затем вновь возглавлял уездную парторганизацию Могилева.

В конце 1920 г. выехал в Москву, поступил в Московское высшее техническое училище (МВТУ). В 1921 г. был избран секретарем партийной ячейки. В 1922 г. параллельно с учебой в МВТУ начал работать техническим секретарем подотдела учета местного опыта Оргинструкторского отдела ЦК. С августа 1923 по май 1924 г. являлся одним из четырех технических секретарей бюро Секретариата ЦК. В его функции входило стенографирование документации. С января 1925 г. является помощником завбюро Наркомфина. С августа 1926 г. — консультант Института экономических

исследований. В 1927 г. назначен сотрудником общего отдела административно-организационного управления Наркомфина, затем переведен на заочные курсы по подготовке финансовых работников в качестве заведующего.

Вскоре обращается с просьбой направить его на работу в Туркестан, где становится управляющим делами республиканского ЦК партии. Позднее свою просьбу о переводе в Среднюю Азию Б. объяснял тем, что разочаровался в коммунистической идеологии и решил бежать из Советского Союза. В январе 1928 г. Б. осуществил свой замысел, нелегально перешел границу и сдался властям Персии. Ему удалось вскоре перебраться в Индию, где он установил контакт с английской разведкой. Выдал ее представителям секретные сведения политического и оперативного характера, известные ему по роду работы в ЦК и Наркомфине. После этого Б. переезжает на жительство во Францию. В 1929—1930 гг. опубликовал в иностранной прессе ряд статей и издал книгу под названием «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». В этих публикациях, используя осведомленность во внутренних интригах советской партийной верхушки, пытался убедить читателя в античеловеческой сущности советского строя. Призывал западные страны прервать все отношения с СССР, развязать против него политическую и военную конфронтацию, допуская для пущей убедительности в своих публикациях ряд «неточностей». В частности, он никогда не был «секретарем Сталина», а лишь «секретарем-машинисткой» Секретариата ЦК. Тем не менее у неосведомленного западного читателя его книга вызвала определенный резонанс. В политических кругах Запада Б. приобрел репутацию специалиста по СССР и ЦК партии большевиков.

В связи с началом в 1939 г. войны между СССР и Финляндией Б. приходит к выводу о своевременности практической борьбы с советской властью на стороне ее против-

ников. Он обратился к финскому правительству с предложением создания «русских отрядов» из числа советских военнопленных, которые можно было бы использовать не только на фронте, но и в агитации бойцов Красной армии против коммунистов.

В январе 1940 г. он был принят фельдмаршалом К.Г. Маннергеймом. В ходе беседы руководитель Финляндии дал Б. санкцию на формирование антисоветской армии. Позднее Б. так обрисовал свой замысел: «Я хотел образовать Русскую Народную Армию из пленных красноармейцев, только добровольцев, не столько, чтобы драться, сколько, чтобы предлагать подсоветским солдатам переходить на нашу сторону и идти освобождать Россию от коммунизма. Если мое мнение о настроениях населения было правильно (а т.к. это было после кошмаров коллективизации и ежовщины, то я полагал, оно было правильно), то я хотел катить снежный ком на Москву, начать с тысячей человек, брать все силы с той стороны и дойти до Москвы с пятьюдесятью дивизиями».

Однако Б. удалось сформировать только небольшой отряд в 500 человек, в котором отсутствовал командный состав. Финское отделение РОВС (см. соотв. статью) направило в распоряжение Б. офицеров из числа белоэмигрантов.

Однако активного участия этот отряд в боях принять не успел, т.к. Финляндия вскоре капитулировала. Б. выехал из Финляндии в Западную Европу, где совместно с представителями белоэмигрантских организаций пытался проанализировать свою первую попытку открытой борьбы с СССР. В целом деятельность Б. была оценена положительно.

Незадолго до нападения Германии на Советский Союз Б. был приглашен в Берлин, где имел встречу с одним из руководителей Рейха, специалистом по восточным вопросам — А. Розенбергом. В беседе с немцем Б. изложил свою

доктрину формирования «русской армии» и ее использования в случае начала германо-советского военного конфликта. Однако идеи Б. не были приняты, поскольку гитлеровцы исходили из принципов расовой теории, исключающей существование на территории СССР какой-либо русской государственности, тем более опирающейся на военные формирования.

После начала Великой Отечественной войны Б. принимает решение отойти от политической деятельности, занимается исключительно наукой и техникой. В 1980 г. вышел в свет «полный» вариант его воспоминаний, в послесловии к которым он излагает свои взгляды на происходящие в мире события. Выступает при этом с прозападных антикоммунистических и антирусских позиций.

Умер Б. в 1982 году.

Бакай Михаил Ефимович, 1880 г. рождения.

В 1900—1901 гг. являлся тайным осведомителем Охранного отделения в Екатеринославле. С его помощью полиции удалось раскрыть боевую террористическую организацию революционеров, выявить местонахождение подпольной типографии в Чернигове. Благодаря информации, поступавшей от Б., было арестовано и осуждено несколько террористов, орудовавших в разных губерниях Российской Империи. После провала переведен на официальную должность в Варшавское охранное отделение, где занимался агентурно-оперативной работой. Затем назначен следователем. Одновременно составляет донесения для особого отдела департамента полиции, в силу чего получил доступ к спискам тайных осведомителей. В это время Б. оказывается замешанным в неблагоприятных поступках. При расследовании дела о польской террористической организации, он, пользуясь своей осведомленностью о делах, направляемых к прекращению, вымогает у родственников

арестованных крупные суммы денег за их «освобождение». Кроме того, были получены данные об участии Б. в ряде дерзких ограблений в Варшаве.

В этот период времени Б. установил контакт с эсерами, которым предложил за соответствующее вознаграждение передавать информацию об агентуре полиции и готовящихся операциях против террористических и революционных организаций.

Позже Б. объяснял этот шаг идейными соображениями. В январе 1907 г. Б. был вынужден подать в отставку, поскольку стали известны факты получения им взяток. Отставка была принята, при этом ему выдали 1000 рублей выходного пособия. После увольнения Б. попытался шантажировать свое бывшее начальство, что, впрочем, не имело успеха. При попытке передать некоторые секретные материалы о деятельности охраны в Государственную думу он был арестован и заключен в крепость. Вскоре был выслан в Сибирь, однако в январе 1908 г. с помощью одного из руководителей эсеровской организации В.Л. Бурцева бежал и тайно перебрался в Париж. Он передал В.Л. Бурцеву список с указанием 53 тайных осведомителей, работавших на Варшавское охранное отделение. Кроме того, сообщил террористам о наличии в их высшем руководстве агента полиции под псевдонимом Раскин, указав В.Л. Бурцеву некоторые детали, позволившие изобличить руководителя боевой организации Е. Азефа, пользовавшегося у товарищей по партии безусловным доверием. Б. участвовал в заседании партийного суда над Е. Азефом как свидетель.

Вскоре Б. перебрался из Франции в США, где в 1912 году издает книгу «О разоблачениях и разоблачительстве». Дальнейшая его судьба неизвестна.

Бакатин Вадим Викторович, 1937 г. рождения, урож. г. Киселевска Кемеровской области.

Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева, получил специальность инженера-строителя.

С 1961 по 1973 г. работал в различных строительных организациях прорабом, г. Кемерово, начальником участка, главным инженером, начальником строительства.

С 1973 г. — на партийной работе. Делает быструю карьеру. Последовательно работает вторым секретарем Кемеровского горкома партии, заведующим отделом Кемеровского обкома, секретарем Кемеровского обкома.

После работы инспектором ЦК КПСС направляется в Кировский обком, где избирается первым секретарем. Затем вновь переезжает в Кемерово, где становится первым секретарем обкома (1973—1988 гг.). Закончил Академию общественных наук при ЦК КПСС.

В годы перестройки проявляет себя как активный сторонник демократизации партии и государства. Входит в близкое окружение М.С. Горбачева, энергично поддерживает его в реформировании всех областей общественной жизни. Назначается министром внутренних дел СССР, а в 1990 г. — членом Президентского совета СССР. Получает звание генерал-лейтенант. В 1991 г. становится членом Совета безопасности СССР.

После провала ГКЧП назначается Председателем КГБ СССР, возглавляет его с августа по октябрь 1991 г., с октября по ноябрь того же года — председатель Межреспубликанской службы безопасности.

Поставил своей целью в корне искоренить «чекизм», избавиться от консервативно настроенных кадров, проводить политику «гласности и открытости» спецслужб. Заявляет о необходимости борьбы со шпиономанией.

В начале сентября 1991 г. направил М.С. Горбачеву, автору идеи «нового мышления» в международной политике, письмо с предложением сделать «добрый жест» в сторону

американцев. Речь шла о передаче США документации о системе слухового контроля в новом здании американского посольства в Москве. Это предложение практически реализовал сам Б., передав в скором времени все совершенно секретные документы послу США Р. Страуссу. Не скрывая своего удивления, посол заявил, однако, что этот акт доброй воли советской стороны не накладывает на США никаких обязательств. Действительно, никаких ответных шагов со стороны американцев, на что рассчитывал Б., не последовало. Последовала лишь полная перестройка посольства на Красной Пресне с учетом полученной документации.

По оценке независимых экспертов, переданные американцам документы раскрывали уникальную систему слухового контроля, разработанную в специальных лабораториях и исключавшую ее обнаружение в обозримом будущем.

Акция, проведенная Б., вызвала негативный резонанс у российской общественности. Раздавались голоса с требованием привлечь Б. к уголовной ответственности. Отреагировали на это и за океаном. В частности, одна из влиятельных газет так прокомментировала факт передачи Б. американцам совершенно секретных сведений: «Открытость советского общества, сконструированного отцом перестройки М. Горбачевым, продолжает поражать воображение. Подарок привел г-на Страусса в полное недоумение. История спецслужб еще не знала подобных прецедентов».

Балабан Дионисий (уп. во вт. пол. XVII в.), митрополит Киевский.

В 1658 г. становится киевским митрополитом. Был сторонником гетмана Левобережной Украины И. Выговского (см. соотв. статью), грозил проклятием полтавскому полковнику М. Пушкарю за выступление против него, грозил ему проклятием.

В 1661 г. вместе с И. Выговским изменил царю и открыто перешел на сторону поляков и крымских татар. Был смещен с киевской митрополии, где его сменил И. Тукальский (см. соотв. статью). Его дальнейшая судьба неизвестна.

Балк Петр Федорович, род. в 1712 г., камергер.

Начал службу в качестве пажа императрицы Екатерины Алексеевны. В припадке ревности Петр I отправил его в армию на границу с Персией. Имел в это время чин сержанта.

После воцарения Екатерины I был возвращен в столицу и назначен камер-юнкером. Вскоре возводится в придворный чин камергера цесаревны Елизаветы Петровны (будущая императрица Елизавета I).

Активный участник государственного переворота 1741 г., в результате которого был свергнут с престола малолетний император Иоанн VI, а трон заняла Елизавета Петровна. После переворота произведен в действительные камергеры с рангом генерал-майора.

Умер в 1762 г.

Баранов Вячеслав Максимович, 1949 г. рождения, урож. г. Минска, бывш. полковник военной разведки (ГРУ).

Выпускник Суворовского училища и Военной авиашколы. Получил офицерское звание, служил в авиационном полку. Был направлен на учебу в Военно-дипломатическую академию, после окончания которой направлен на работу в ГРУ.

В 1985 г. выехал в командировку в Бангладеш, где пробыл до 1990 г. Попал в поле зрения резидентуры ЦРУ, активно ею разрабатывался. Принял вербовочное предложение американцев на условиях выплаты ему единовременного вознаграждения в 25 тыс. долларов, а также 2 тыс. долларов ежемесячно. Получил псевдоним Тони.

Передал американцам известные ему секретные сведения о деятельности ГРУ, его операциях, кадровом составе. После возвращения в Москву продолжил связь с американской разведкой.

Был снабжен резидентурой ЦРУ шпионской техникой и деньгами. Однако встречи с американцами не удовлетворяли Б., поскольку они ничего не предпринимали для организации побега Б. на Запад, ограничиваясь общими обещаниями.

Б. решил действовать самостоятельно. Он добыл фальшивый паспорт и приобрел билет на самолет, следующий в Вену. Но в августе 1992 г. при прохождении пограничного контроля Б. был арестован. При допросах дал признательные показания.

В 1993 г. Б. был осужден на 6 лет лишения свободы.

Бармин (наст. фамилия — Графф) Александр Григорьевич, 1899 г. рождения, родился в дер. Валяве Городищенской волости Черкасского уезда Киевской губернии.

Его отец, немец по происхождению, был учителем, мать, по национальности украинка, из крестьян.

Б. закончил гимназию, рано начал зарабатывать на жизнь, т.к. отец бросил семью, а отчим выгнал его из дома.

После февраля 1917 г. Б. заинтересовался марксизмом, во время оккупации Украины немцами был арестован, однако вскоре бежал и скрывался в родной деревне. После занятия деревни немецкими войсками скрылся с группой товарищей в лесу, предпринял ряд партизанских вылазок. Пробрался в Чернигов, где вступил в Красную армию, участвовал во вступлении в Киев. Был принят в партию большевиков. Участвовал в боевых действиях против петлюровцев. Назначен комиссаром батальона, а затем председателем районного революционного трибунала, и вскоре снова направлен на фронт. В 1919 г. закончил курсы красных

командиров, а в октябре 1920 г. откомандирован в военную академию. Одновременно посещал вечерние дипломатические курсы Наркомата иностранных дел (НКВД) и Наркомата внешней торговли (НКВТ). Параллельно с декабря 1921 по май 1922 г. работает в секретариате наркома иностранных дел Чичерина.

В июле 1922 г. Б. получил назначение 2-м секретарем полпредства в Латвии. По возвращении в Москву прошел партийную чистку, во время которой при составлении автобиографии пошел на прямую фальсификацию, чтобы придать ей больше солидности (указал, в частности, что был студентом университета, участвовал в Первой мировой войне в звании унтер-офицера).

В 1923 г. Б. был откомандирован в штаб РККА. К этому времени в той или иной степени владел фарси, английским, итальянским, польским и французским языками. Был принят в Разведывательное управление (Разведупр) РККА и направлен в Персию. Работал в военной разведке, вскоре приобрел репутацию одного из лучших ее сотрудников.

В 1925 г. карьера Б. как разведчика прервалась из-за болезни (малярия). В течение 4 лет он в разных должностях работает во Всесоюзном объединении «Международная книга».

В феврале 1929 г. Б. вновь выезжает за границу. Работает в торгпредстве СССР в Париже, Милане, Брюсселе. В это время его имя неоднократно упоминалось в эмигрантской печати в связи с разоблачениями акций советских спецслужб за рубежом.

С 1932 по 1935 г. работает в СССР на разных должностях во внешнеторговых организациях. В декабре 1935 г. — он уже первый секретарь посольства, а с конца 1936 г. — Генеральный консул СССР в Греции.

В 1937 г. Б., будучи временным поверенным в делах СССР в Афинах, получает срочный вызов в Москву и совер-

шает побег из посольства. Есть основания предполагать, что причиной бегства стали его давние симпатии к Троцкому, который способствовал быстрой карьере Б. еще со службы в Красной армии. Эти связи Б., видимо, не утратил до момента побега, и они обнаружились в Москве.

Оказавшись в Париже, Б. заявил, что порывает со сталинским режимом. И вскоре установил постоянный контакт с сыном Троцкого — Седовым, а через него — с Троцким, с которым вел переговоры о сотрудничестве.

Однако за рубежом Б. постепенно приходит к крайнему антикоммунизму. Он переезжает в США, где издает книгу «Тот, кто выжил», подводящую итог его идейной эволюции.

В 1942 г. Б. поступает на службу в армию США. Работает в Управлении стратегических служб (прообраз ЦРУ) в качестве советника по делам СССР. В 1944 г. его увольняют из разведки за публикацию статьи, содержащей резкую критику «просоветского» курса президента Ф. Рузвельта.

В 1948 г. Б. женился на Эдит Рузвельт, внучке бывшего президента США Теодора Рузвельта (1901—1909).

После войны Б. занимался журналистикой, возглавлял русское отделение радиостанции «Голос Америки». В 1964 г. он был назначен ответственным по делам Советского Союза в Информационном агентстве США, а затем стал его советником.

В своих мемуарах Б. обошел молчанием факт работы на советскую, а затем американскую разведки. Его воспоминания посвящены в основном революционной деятельности, службе в Красной армии, советских внешнеторговых организациях и диппредставительствах. Б. пытается объяснить причину пересмотра своих взглядов от большевизма до антикоммунизма.

Умер в 1987 г. в возрасте 88 лет.

Барятинский Федор Сергеевич, род. в 1742 г., князь.

Один из самых активных участников государственного переворота 28 июня 1762 г., в результате которого был свергнут с престола император Петр III и заняла русский трон его жена Екатерина Алексеевна (императрица Екатерина II).

Был приставлен к Петру III после его отречения вместе с А.Г. Орловым. Б., по версии А.Г. Орлова, явился не только организатором, но и непосредственным исполнителем убийства Петра III. По другой версии, Б. вместе с А.Г. Орловым лишь организовали устранение бывшего императора, а убил его наемник-швед, задушив ремнем лакея.

Б. был пожалован Екатериной II в день ее коронации в камер-юнкеры. С 1788 г. — гофмаршал, с 1795 г. — обер-гофмаршал.

После смерти Екатерины II был сослан Павлом I в деревню.

Умер в 1814 г.

Басманов Петр Федорович (ум. 1606), боярин, воевода эпохи Смуты.

Происходит из тверского боярского рода. Отец Б., Федор Алексеевич, был любимцем царя Ивана IV (Грозного) и по его приказу убил в 1570 г. своего отца — Басманова Алексея Даниловича, одного из организаторов и руководителей опричнины.

Б. воспитывался в семье бояр Голицыных, был сводным братом известных воевод из этого рода Василия и Ивана.

Б. особенно продвинулся при Годунове. По свидетельству современников, пользовался у царя Бориса безусловным доверием. Был послан во главе правительственных войск для уничтожения отрядов Лжедмитрия I. Удачно провел ряд битв, нанес несколько поражений мятежным войскам и польским наемникам, самое значительное — при обо-

роне Новгорода Северского. За эту победу получил боярство, богатое поместье, большие суммы денег.

Во время осады крепости Кромы, в которой находился гарнизон Лжедмитрия I, Б. был назначен вторым воеводой большого полка, что послужило для него поводом для возбуждения местнического спора с князем Андреем Телятевским, возглавлявшим сторожевой полк. Поскольку жалоба Б. удовлетворена не была, он принял решение изменить, и перешел со своим полком на сторону самозванца. Б. соединился с князьями Голицыным, Салтыковым и объявил войску, что истинным царем является Лжедмитрий.

За короткое время сумел стать фаворитом самозванца. Ему удалось вовремя обнаружить и обезвредить заговор против Лжедмитрия бояр Шуйских, которые были арестованы и приговорены к смерти (смертная казнь была заменена ссылкой).

Современники отмечали, что влияние Б. на самозванца было очень велико. Он уговорил, в частности, помиловать Михаила Татищева, который в грубой форме выговорил «царю» за употребление мяса в пост.

Как и подавляющее большинство бояр, окружавших Лжедмитрия, Б. был убежден, что он не настоящий царь. Имеется свидетельство, что однажды после дружеской попойки царский телохранитель спросил Б., действительно ли царского происхождения их государь. Б. ответил: «Молись за него, хотя он не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он нам государь...»

Во время нападения группы бояр и восставших жителей Москвы на дворец самозванца, Б. был единственным воеводой, который пытался организовать сопротивление и защитить Лжедмитрия. Он вышел к мятежникам, чтобы убедить их отказаться от «цареубийства», однако получил смертельный удар ножом от князя М. Татищева, которого когда-то спас от опалы.

Трупы Лжедмитрия и Б. были выставлены для обозрения на Лобном месте и подверглись надругательству. Князь Голицыны едва упростили бояр выдать труп Б. для погребения.

Бахметьев Дмитрий (нач. XVIII в.), капитан Саратовского гарнизона.

В 1718 г. арестован за продажу калмыцкому хану Багши-Гирею пороха и свинца. В деле были также замешаны поручик Иван Петин и драгун Марк Высоцкий. Мотивом их действий была, судя по материалам дела, обычная жажда наживы. Как отмечено в документах, с помощью этого оружия хан с войсками «чинил русским городам и селам раззорения». Бахметьев «со товарищи» был предан военному суду.

«Беглеч» (имя неизвестно) (уп. 1277), дружинник галицких князей.

В 1277 г. войска удельных князей Владимира Васильковича Волынского, Юрия Львовича Галицкого и Мстислава Даниловича двинулись походом на Литву. Целью похода был захват г. Городни. Под г. Волковыском полки расположились на ночлег. Желая получить большую часть трофеев, Мстислав и Юрий тайно от Владимира послали в окрестности города отряд из лучших бояр и дружинников во главе с воеводой Тюимой. Разорив несколько деревень, отряд расположился в небольшом селе на ночлег. Воины вели себя беспечно, не выставили часовых и даже сняли доспехи.

Как сообщает летопись, «тогда же утече от них беглечь един, до-города». Предатель сообщил горожанам, что беззащитные дружинники спокойно спят в никем не охраняемом лагере. Прусы и литовцы, составлявшие городской гар-

низон, ночью напали на отряд Тюимы и полностью его уничтожили. Лишь несколько человек уцелели, в том числе и сам воевода, но попали в плен. Плена избежал лишь дружинник Ратиславко, который «наг и бос» прибежал к князьям и сообщил о гибели отряда из-за изменника.

Князья осадили город, взяли передовое укрепление, после чего заключили с гарнизоном соглашение: они отводят войска, а их противники выдают плененных галичских бояр. О судьбе изменника летопись ничего не сообщает.

Беленко Виктор Иванович, 1947 г. рождения, русский, бывш. старший лейтенант Военно-Воздушных Сил СССР.

Родился в Нальчике, по окончании средней школы поступил в Омский медицинский институт. Одновременно обучался в клубе ДОСААФ. Через два года оставляет институт и поступает в Армавирское высшее летное военное училище, которое закончил в 1971 г. С 1971 по 1975 г. служит в г. Сальске в должности летчика-инструктора центра подготовки пилотов МиГ-17 и СУ-15. Неоднократно ставит вопрос о переводе его в воинскую часть и требует использовать в качестве боевого летчика на ультрасовременных самолетах. Вступает в конфликт с начальством, неоднократно грозит сообщить в Министерство обороны о злоупотреблениях в части. В конце концов Б. добивается перевода в Дальневосточный военный округ, где служит в 513-м полку ПВО, дислоцируемом в Чугуевке. Летает на МиГ-25, являвшимся в то время суперсовременным перехватчиком, который превосходил все западные аналоги и являлся одним из самых важных объектов изучения со стороны разведок США и их союзников.

Вскоре Б. назначается и. о. зам. начальника эскадрильи перехватчиков. К этому времени у него созревает план бегства за рубеж на МиГ-25, который должен был стать, по его замыслу, подарком спецслужбам НАТО и обеспе-

чить ему на Западе безбедное существование. Б. начал делать подробные записи о тактико-технических данных МиГ-25 режимах работы аппарата в различных условиях, разрабатывал самый короткий маршрут от Чугуевки до ближайшего японского аэродрома. Им также была приготовлена записка на английском языке для передачи в момент приземления японским властям, в которой он требовал немедленно известить о своем прилете американскую разведку, а также исключить доступ к самолету посторонних лиц.

6 сентября 1976 г. во время учебного полета Б. на своем МиГе вопреки полетному заданию взял курс на юго-восток. С высоты 8 тыс. метров он снизился до 1000 м, чтобы избежать действия японских радаров. Одновременно Б. включил аварийную сигнализацию, вследствие чего самолет подавал сигналы бедствия, отключил радарное устройство и электронные приборы, чтобы затруднить обнаружение самолета.

Через 30 минут Б. находился в районе острова Хоккайдо. Здесь он был обнаружен японскими ПВО. На его перехват были брошены американские «Фантомы», которые вскоре его потеряли.

Б. удалось приземлиться на взлетно-посадочную полосу гражданского аэродрома. Он остановился в непосредственной близости от металлической антенны, при этом «МиГ-25» едва избежал столкновения с пассажирским «Боингом-727», который взлетал с аэродрома. Горючего в баке самолета Б. оставалось только на 30 секунд.

Б. был доставлен в японскую полицию, которой он вручил заранее заготовленную записку. Заявил, что прилетел в Японию умышленно, намерен попросить политического убежища в США. Потребовал зачехлить самолет и поставить вокруг него охрану. Его отвезли в гостиницу, где он содержался под присмотром полиции.

К этому времени советские официальные органы уже сделали запрос японским властям о судьбе летчика Б. и его самолета, потребовав их возвращения и обвиняя японцев в намеренном задержании летчика, сбившегося с курса во время учебного полета. Заявление МИД Японии о том, что Б. решил попросить политического убежища в США, советским послом принято не было.

На следующий день Б. переправили в Токио, где он был допрошен офицером ЦРУ. От него же Б. узнал, что президент США лично гарантирует ему предоставление политического убежища,, но в интересах безопасности он пока будет содержаться в японской тюрьме. В это время японцы были вынуждены согласиться с требованием советской стороны и организовать встречу Б. с представителем посольства СССР. В ходе этой встречи бывший советский летчик заявил, что добровольно прилетел в Японию и уже попросил политического убежища у американцев. Сразу после разговора с советским представителем Б. был перевезен в США.

В течение месяца МиГ-25 оставался в Японии и подвергся тщательному изучению американских специалистов. Более 200 инженеров, доставленных из США, буквально разобрали самолет «по винтику», было сделано более тысячи снимков его фрагментов и деталей. Окончательные выводы специалистов о МиГ-25 поразили американскую разведку. «Мы, конечно, догадывались, что это чертовски хороший самолет, — заявил один из них, — к сожалению, так это и оказалось! Он может летать выше, быстрее и с большим грузом, чем любой другой самолет этого класса». Другой специалист сделал еще более неожиданное заключение: «Следовало бы пригласить русских конструкторов, чтобы они научили нас проектировать и строить». И совсем обидным для американских авиастроителей прозвучал вывод одного из руководителей ВВС США генерала

Кигена: «В создании этой машины нашло отражение неподражаемое умение русских компенсировать ограниченность ресурсов неистощимой изобретательностью. Блестяще сочетая устаревшую и новую технологии, они в сравнительно короткий срок и с небольшими затратами создали самолет таких тактико-технических данных, достижение которых на Западе потребовало бы вложения колоссальных финансовых средств».

Уже будучи в США, Б. активно консультировал американцев, участвовавших в изучении советского перехватчика. На каждодневных допросах он давал исчерпывающие ответы на поставленные специалистами вопросы. В ходе бесед американские разведчики квалифицировали его поступок как подвиг, заверяли в том, что на Западе никогда не забудут услугу, которую он оказал.

К работе с ним был привлечены специалисты-психологи. Его окружили заботой и вниманием.

На вопрос сотрудников ЦРУ, какова причина его побега из СССР, Б. сослался на желание обрести свободу. Разведчики поинтересовались, что же он понимает под свободой, однако вразумительного ответа не добились. Единственный конфликт между Б. и американцами возник после того, как бывший советский летчик узнал, что МиГ-25 американцы возвращают в СССР, уступая настоянию его официальных представителей. По свидетельству очевидцев, его возмущению не было предела. По завершении исследований американцы действительно вернули МиГ-25 советской стороне в полностью разобранном состоянии.

Через полгода ЦРУ добилось от конгресса создания специального денежного фонда, гарантирующего Б. материальное обеспечение «до конца жизни». Он получил новую фамилию, начал изучать английский, жил в сельской местности на ферме, занимался скотоводством, строительством и ремонтом машин. Для связи с ЦРУ Б. имел специальный

шифр. Вскоре у него появился личный самолет, на котором Б. позволил себе даже фигуры высшего пилотажа.

Поскольку, по мнению американских спецслужб, он себя этим выдал, Б. был переселен в «большой город», где начал учиться в университете. Вскоре денег, полученных от ЦРУ, Б. стало не хватать, из дорогой квартиры он переселился в рабочий квартал. В университете влюбился в девушку-испанку, краткий роман с которой закончился разрывом. Начал злоупотреблять спиртным, в нетрезвом состоянии попал в аварию. Все чаще и чаще стал нарушать правила конспирации, которым так долго и терпеливо обучали его сотрудники ЦРУ. По его признанию, в США он чувствует себя настолько чужим и одиноким, что ему неоднократно приходила в голову мысль вернуться на родину. Однажды он было направился в советское посольство, но страх возмездия его остановил. В ЦРУ было принято решение распустить слух о гибели Б. в автомобильной катастрофе, а его самого после соответствующей переподготовки устроить на работу пилотом на коммерческих линиях.

В 1998 г. российский журналист обратился в ЦРУ с просьбой взять интервью у Б., на что получил ответ, что это невозможно, поскольку последний требует с журналистов большие деньги. Настойчивый журналист попробовал получить от Б. ответ хотя бы на один вопрос: что побудило изменить Родине? Однако ответа не получил, хотя разведчик обещал передать его Б. При расставании с журналистом американец заметил: «Нас тоже до сих пор интересует этот вопрос! Мы уже 20 лет не можем получить на него ответа».

Белин Петр Васильевич, 1897 г. рождения.

В 1916 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Участвовал в Гражданской войне в составе Добровольческой армии. После разгрома Белого движения эмигри-

ровал. Во время Гражданской войны в Испании добровольно вступил в армию Франко. Сражался с республиканцами в составе русского отряда, укомплектованного белоэмигрантами. Занимал должность помощника командира отряда. Во время Второй мировой войны служил в итальянских войсках в России, имел звание лейтенанта. После капитуляции Германии и ее союзников проживал в Испании. Умер в Мадриде в 1977 г.

Бельский Богдан Яковлевич (уб. в 1611 г.), оружничий, боярин.

Племянник известного опричника Малюты Скуратова.

Служил в опричном войске, упоминается в документах за 1570 г. как рында царя Ивана Грозного в походе на Новгород. В 1577 г. пожалован им в думные дворяне, а в 1578 г. — в оружничии.

По поручению царя вел в 1583—1584 гг. переговоры с английским двором о женитьбе Ивана Грозного на Марии Гастингс. Был назначен опекуном малолетних детей Ивана IV. В 1584 г. в царствование Федора Ивановича Б. стал инициатором неудачного заговора и был сослан в Нижний Новгород. Однако в разрядной росписи 1592 г. Б. уже значится воеводой в шведском походе. Вскоре (1598 г.) он вновь участвует в попытке возвести на престол Семена Бекбулатовича. Снова неудача.

Сумел войти в доверие к царю Борису Годунову, пожалован им в окольничьи. В 1602 г. попал в опалу и был опять сослан.

После смерти царя Бориса был освобожден и доставлен в Москву. Участвовал в свержении Федора Годунова.

При въезде Лжедмитрия I по его поручению явился на Красную площадь и всенародно заявил, что узнает в самозванце царевича Дмитрия, которого якобы спас в Угличе от убийц Годунова, «укрыв на своей груди». Призвал народ служить верой и правдой «прирожденному государю».

Участвовал в раскрытии заговора князей Шуйских против самозванца, требовал их казни.

Входил в ближайшее окружение Лжедмитрия I, получил от него боярский чин. Рассчитывал возглавить боярскую Думу, стать «правителем». Однако вскоре его карьера неожиданно закончилась. Его претензии на первенство насторожили самозванца, и он выслал Б. из Москвы, назначив воеводой в Новгород. Через некоторое время Б. был сослан в Казань, где был убит за отказ присягнуть Лжедмитрию II.

Бельский Семен Федорович (уп. в первой пол. XVI в.), князь, боярин.

Происходит из литовского княжеского рода, его отец, Федор Иванович Бельский, в 1482 г. перешел на службу к русскому царю.

В августе 1535 г. Б., нарушив присягу русскому трону, тайно отъезжает в Польшу, где предлагает свои услуги королю в борьбе с Москвой. Был принят поляками на службу, назначен воеводой, лично возглавил часть войск, вторгшихся в Северские земли и захватившие Гомель и Сародуб.

В планы Б. входило с помощью поляков восстановить для себя независимое княжество Бельское и сесть на княжение в Рязани, поскольку он считал себя наследником вымершего по мужской линии рода тамошних князей.

Польские войска не смогли одержать решительных побед и «увязли» в войне. В этих условиях король Сигизмунд был вынужден заключить с Москвой мир.

Б. до заключения русско-польского мира отпросился у короля в Иерусалим якобы для исполнения обета. На самом деле он остановился в Константинополе и начал переговоры с турецким султаном и крымским ханом о совместной борьбе с русским царем. Он сообщил Сигизмунду об успешном завершении этих переговоров, однако продол-

жение войны уже не входило в планы короля, и эта интрига провалилась. О происках Б. вскоре узнают в Москве от крымского хана.

План захвата и убийства Б., составленный в Москве, не удался.

Осенью 1540 г. политическая конъюнктура изменилась, и Б. возобновил в Крыму переговоры о совместном с поляками выступлении на Московию и успешно завершил их.

Наступление крымцев нанесло Руси ощутимый урон. Однако, встретив серьезное сопротивление русских войск, крымский хан обвинил Б. в обмане, поскольку тот уверял крымчан в слабости царских войск, занятых к тому же войной с Казанью. Вскоре хан принимает решение об отступлении своих войск за Дон.

После очередной неудачи Б. вышел из доверия как у поляков, так и крымчан. Его участие в политических и военных предприятиях против русских практически свелось на нет.

Бельский Федор Иванович (?), князь (конец XV в.).

При Иване III появляются перебежчики-эмигранты, чей поступок квалифицировался уже не как отъезд, а как измена великому князю. Одним из первых был Юшка Елизаров, в ноябре 1492 г. бежавший в Литву. В декабре того же года по обвинению в попытке отъезда был арестован Б. был схвачен по показаниям литовского князя Ивана Лукомского. Лукомский получил задание от короля Казимира убить или опоить ядом Ивана III. У князя-террориста обнаружили вещественные доказательства — ядовитые зелья. Он был сожжен в деревянной клетке на берегу Москвы-реки вместе с литовским переводчиком Матиасом Ляхом. Казнили также и их соучастников — лазутчиков-смолян Богдана и Олехну Селевиных, которые и дали показания, разоблачавшие Лукомского как засланного Казимиром шпиона.

Беннигсен Леонтий Леонтьевич, род. в 1745 г., граф.

С 1759 г. служил в ганноверской армии, участник Семилетней войны. В 1773 г. поступил на русскую службу. Назначен премьер-майором Вятского мушкетерского полка. В составе русской армии участвует в Русско-турецких войнах (1768—1774, 1787—1791), в польской кампании (1792 и 1794), а также в персидском походе (1796). С 1798 г. в отставке.

Вернулся на военную службу только после свержения с престола императора Павла I. Активный участник заговора 11 марта 1801 г. и организатор убийства Павла I.

После восшествия на престол Александра I назначается Виленским губернатором.

Участвует во Франко-русской войне 1806—1807 гг. Командовал корпусом, одержал победу под Пултуском, после чего был назначен главнокомандующим русской армией. Под его руководством русские войска отчаянно сражались в битве при Прейсиш-Эйлау, он доложил Александру I о победе (Наполеон заявлял о своей победе, признав, однако, упорство русских. Отвечая на поздравления придворных, французский полководец заметил: «Еще одна такая победа, и я останусь без войск»).

Новое столкновение русских войск под командованием Б. с французами под Фридландом принесли ему разочарование: русские потерпели поражение. В результате этого Б. был отправлен в отставку.

После вторжения Наполеона в Россию в 1812 г. Б. назначен советником при штабе 1-й Западной армии. Уже в августе назначается начальником Главного штаба всей русской армии. На исходе кампании был выслан из армии из-за разногласий с М.И. Кутузовым, на которого писал Александру I доносы с обвинениями главнокомандующего в нерешительности и пассивности.

Во время заграничных походов русской армии командовал польским корпусом. Участвовал в сражениях под

Люценом, Бауценом и Лейпцигом. С 1814 г. возглавляет 2-ю армию в Молдавии.

В 1818 г. уволен из армии. Выехал за границу. Умер в 1826 г. в поместье в окрестностях Ганновера.

Бердников Василий Михайлович (он же — Бобков Владимир), 1918 г. рождения, урож. дер. Трюмна Орловской области.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам и был завербован представителями абвера, направлен в Борисовскую разведывательную школу при Абверкоманде 103. Работал переводчиком в звании старшины.

Его судьба после войны не выяснена.

Беседовский Григорий Зиновьевич, 1896 г. рождения, урож. г. Полтавы, бывш. советский дипломат.

Родился в семье владельца магазина. Закончил коммерческое училище. В связи с материальными трудностями, возникшими после самоубийства отца, занимался репетиторством. Рано принял участие в деятельности подпольного анархического кружка, арестовывался полицией.

В 1912 г. Б. выезжает во Францию, где поступает в электротехнический и аграрный институты. Там Б. — по-прежнему приверженец идеологии анархизма, поддерживает активные связи с французскими единомышленниками.

В 1914 г. возвращается в Россию, поступает в Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства, но с началом войны вынужден прервать учебу в связи с эвакуацией института, работает в сельской местности.

В 1916 г. принимает участие в антиправительственных студенческих демонстрациях, во время одной из них был жестоко избит. Посещает социал-демократические кружки, ведет антивоенную пропаганду среди солдат.

В феврале 1917 г. Б. занят дипломной работой, однако уже в июне возобновляет политическую деятельность. Вступает в партию эсеров.

В период режима гетмана Скоропадского и оккупации Украины немцами он находится в подполье, участвует в организации крестьянских восстаний. После установления советской власти на Украине с дипломом лесовода направлен на работу в Полтавскую губернию.

Захват Украины Добровольческой армией генерала Деникина вынуждает Б. уйти в подполье, он участвует в боевых операциях против белых. В 1920 г. Б. вступает в компартию, назначается председателем гублескома, а затем — членом президиума Полтавского губсовнаркома и редактором местной газеты «Большевик». С конца 1920 г. Б. — председатель Полтавского губотдела профсоюза деревоотделочников.

В декабре 1921 г. он избран членом ВУЦИК, после чего получает направление на дипломатическую работу. В 1922 г. его назначают заведующим консульством полпредства УССР в Австрии, а с мая того же года исполняющим обязанности поверенного в делах УССР в той же стране. В ноябре 1922 г. Б. откомандирован в Варшаву на пост 1-го секретаря полпредства, а затем — временного поверенного в делах УССР в Польше.

С сентября 1923 г. он назначен советником полпредства СССР в Варшаве в связи с переходом внешних отношений союзных республик в ведение Наркомата ИД СССР.

В июле 1925 г. по ходатайству Наркомата внешней торговли Б. направлен в Нью-Йорк, однако уже в апреле 1926 г. он возвращается на дипломатическую работу и направляется в Японию советником полпредства. В мае 1927 г. его переводят на ту же должность во Францию, в октябре того же года он был приглашен И.В. Сталиным на беседу о проблемах внешней политики.

В октябре 1929 г. Б. вместе с семьей неожиданно для всего посольства бежит из диппредставительства и обращается к французским властям с просьбой о предоставлении ему и его близким политического убежища.

По официальной версии, причиной бегства Б. явились допущенные им финансовые злоупотребления, по поводу чего в Париж была направлена комиссия Рабоче-крестьянской инспекции. Более поздние исследователи обнаружили новые факты: вместе с известным авантюристом Багговут-Каломийцевым Б. добивался многомиллионного кредита от английских деловых кругов, ссылаясь на некие негласные полномочия и мотивируя конфиденциальность нежеланием властей СССР «унижать» себя после разрыва дипотношений с Великобританией. Англичане не поверили этой версии, проинформировали Москву, афера сорвалась.

Опасаясь разоблачения и наказания, Б. пытался представить себя жертвой политических преследований, выдал французским спецслужбам большой объем информации о деятельности посольства и резидентуры советской разведки. Он был тепло принят в белоэмигрантской среде, пытался создать организацию «советских» невозвращенцев под девизом «На путях к термидору».

Вскоре издает биографию И.В. Сталина, в которой допускает прямые фальсификации и... лестные высказывания о советском вожде, породившие слухи о его связи с ОГПУ.

В годы Второй мировой войны Б. участвовал во французском Сопротивлении. После войны занялся журналистикой, издал ряд фальшивок, в числе которых известны т. н. «Дневники Литвинова» (бывший нарком иностранных дел).

В конце жизни Б. переселился на Ривьеру, где следы его потерялись. Умер он в 1948 г. (по другим данным — в 1951 г.).

Бессонов Иван Георгиевич, 1904 г. рождения, урож. г. Перми, комбриг РККА.

На военной службе с 16 лет. В 1928 г. окончил школу пехотных войск, перевелся в НКВД. Проходил службу в Средней Азии, затем откомандирован в Ленинград в спецгруппу по охране руководителей партийной организации и обеспечению безопасности парадов и демонстраций. В 1938 г. закончил Военную академию им. Фрунзе, в 1939 г. получает звание комбрига. Возглавляет Главное управление боевой подготовки внутренних войск НКВД. В начале 1941 г. назначен начальником штаба 102-й стрелковой дивизии, которая в первые дни войны была разгромлена в районе Гомеля.

Б. попал в плен. Содержался в лагере для пленных офицеров. Добровольно выразил желание сотрудничать с гитлеровцами. Предложил немцам создать организацию «Политический центр борьбы с большевизмом» (ПЦБ), что ему было разрешено. Б. занимался вербовкой и подготовкой разведывательно-диверсионных групп для заброски в районы Северной Двины и Оби, где дислоцируются лагеря ГУЛАГа. В задачу этих групп входило разоружение охраны лагерей, освобождение заключенных. По замыслу Б., из освобожденных узников ГУЛАГа сформируется повстанческая армия, которая будет действовать в глубоком тылу.

Вскоре боевые группы ПЦБ насчитывали около 200 военнопленных офицеров и солдат. В январе 1943 г. ПЦБ переводится в район Бреслау, а его боевики — в специальный лагерь.

Увидев серьезную заинтересованность немецких спецслужб в ПЦБ и в нем лично, Б. теряет чувство меры и выдвигает гитлеровцам следующие предложения: он возглавляет будущую повстанческую армию и антибольшевистское правительство, с которым германские власти заключат почетный мир с сохранением границ России 1939 или 1941 г.

В результате этого предложения Б. и его ближайший помощник по ПЦБ полковник В.В. Бродников были арестованы и переведены в спецблок концлагеря «Заксенхаузен». Остальные члены ПЦБ были подвергнуты новой проверке, часть из них продолжила сотрудничать с немцами.

В связи с наступлением Красной Армии в апреле 1945 г. Б. и В.В. Бродников были вывезены в Южный Тироль, где были освобождены американцами. В мае 1945 г. руководители ПЦБ были выданы советским властям и этапированы в Москву.

В 1950 г. по приговору советского суда Б. и В.В. Бродников были расстреляны.

Благовещенский Иван Алексеевич, 1893 г. рождения, урож. гор. Юрьевец Ивановской области, бывш. генерал-майор Красной армии.

Сын священника. С 1918 г. участвовал в Гражданской войне на стороне красных. Остался в Вооруженных Силах Советской республики, в 1921 г. был принят в партию. Препуслел в военной карьере, дослужился до звания генерала.

В начале Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Встал на путь сотрудничества с оккупантами. В марте 1943 г. возглавил «Отдел восточной пропаганды особого назначения», созданного гитлеровскими спецслужбами для ведения агитации среди советских солдат и офицеров с целью их деморализации и склонения к переходу на сторону вермахта.

Б. принял также активное участие в организации власовских вооруженных формирований и в боевых действиях против Красной армии и ее союзников.

В мае 1945 г. был арестован и интернирован в СССР. В 1946 г. по приговору советского суда повешен.

Блуд Ивещей, христианское имя Иона (уп. 980), боярин и воевода киевского князя Ярополка Святославича. (см. прил. № 4).

Ключевая фигура в первой междоусобной войне, вспыхнувшей в 977 г. между сыновьями Святослава Игоревича (945—972) Ярополком, Олегом и Владимиром. Поначалу успех сопутствовал Ярополку. В 977 г. при штурме его войсками г. Овруча погиб Олег. Младший из братьев, новгородский князь Владимир, узнав об этом, бежал «за море».

В 980 г., собрав наемное варяжское войско, Владимир осадил Ярополка в Киеве. Понимая, что штурм крепости будет крайне сложным, Владимир решил отыскать предателя в рядах сторонников Ярополка. Он послал к воеводе киевского князя письмо: «Будь мне другом! Бели убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня».

Летописец так комментирует решение Б.: «Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь: потому и виновен в крови той».

Б. спровоцировал бегство Ярополка из Киева в крепость Родню, внушив князю, будто бы киевляне хотят выдать его Владимиру. Владимир занял столицу и осадил Родню. Б. убедил Ярополка вступить в мирные переговоры, сам при этом известив Владимира: «Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка, приготовься убить его».

Западня была подготовлена в Киеве. Когда Ярополк входил в терем, его подняли на мечи варяги Владимира. Победитель, помимо киевского княжения (которое благополучно и занимал до 1015 г.), «взял» и жену Ярополка. Своих наемников, варягов, он также обманул, не заплатив им за службу. Б. участвовал во многих походах Владимира. Убит в 1018 г. в сражении с войском польского короля Болеслава I Храброго.

Блюмкин Яков Григорьевич, 1900 г. рождения, урож. гор. Одессы, бывш. сотрудник Иностранного отдела ОГПУ (разведка).

Родился в семье мелкого служащего, который в 1906 г. умер, оставив фактически без средств многодетную семью. В 1908 г. мать Б. устроила его в начальное еврейское духовное училище — 1-ю одесскую Талмуд-тору, куда принимали мальчиков из бедных семей и сирот от 6 до 12 лет. Обучение было бесплатным, все расходы брала на себя еврейская община. Б., как и другие ученики, изучал Библию, Талмуд, иврит, историю, русский язык, идиш, арифметику; рисование, естествознание и др. предметы. Во время летних каникул Б., чтобы помочь матери, работал посыльным в конторах и магазинах.

В 1913 г. после окончания Талмуд-торы Б. поступает на работу учеником в электротехническую контору Карла Фрака, а затем в мастерскую Ингера. В ночное время занимается ремонтом освещения в трамвайном парке и в Одесском русском театре. В 1916 г. переходит на консервную фабрику братьев Авич и Израильсона.

Несмотря на бедность, Б. стремится продолжить учебу. Он успешно сдает экзамен в техническое училище Линдемора, однако из-за отсутствия денег для оплаты был вынужден отказаться от обучения. Стал рано интересоваться социальными вопросами. В 1914 г. под влиянием студента В. М. Кудельского примкнул к партии эсеров.

Февральские события 1917 г. привели Б. в Совет рабочих депутатов. Неожиданно он получает наследство от деда (300 руб.) и уезжает в Харьков, где устанавливает контакты с местной организацией эсеров. Работая посыльным в конторе, он одновременно занимается агитационной работой среди крестьян. Вскоре по поручению партии выезжает в Симбирск, где, примкнув к левому крылу партии социал-революционеров, был избран в Симбирский совет крестьянских депутатов.

Однако после октябрьских событий в Петрограде он принимает решение вернуться в Одессу. Здесь участвует вместе с большевиками в установлении советской власти, сражается в рядах матросского «Железного отряда» с войсками Центральной рады. В марте 1918 г. Б. в составе частей Красной армии оставляет Одессу под натиском немецких формирований. В качестве комиссара, а затем помощника начальника штаба он был введен в Военный совет 3-й армии, дислоцированной в Феодосии. В апреле того же года уже возглавляет штаб. Вскоре 3-я армия оставила Феодосию. Б. участвовал в экспроприации 4 млн рублей в Государственном банке и предлагал командующему армией взятку в 10 тыс. руб., чтобы тот позволил передать деньги левым эсерам. Однако по требованию командарма был вынужден вернуть 3,5 млн руб., судьба остальных денег осталась неизвестной.

После расформирования 3-й армии Б. переезжает в Москву. Вскоре по распоряжению ЦК левых эсеров, находившихся в это время в правительственной коалиции с большевиками, направлен на работу в ВЧК. По предложению зампреда ВЧК левого эсера В.А. Александровича, назначается руководителем отделения по борьбе со шпионажем. Он развернул активную деятельность по укомплектованию отделения штатами и обеспечению взаимодействия с другими подразделениями ВЧК. Одновременно по заданию ЦК левых эсеров приступает к подготовке убийства германского посла графа В. Мирбаха с целью сорвать переговоры большевиков о сепаратном мире с Германией.

4 июля 1918 г. ЦК левых эсеров дает задание Б. провести физическое устранение посла Мирбаха, чтобы «совершить реальное предостережение и угрозу мировому империализму, стремящемуся задушить русскую революцию, поставив правительство перед свершившимся фактом раз-

рыва Брестского договора». В помощники Б. был выделен левый эсер бывший фотограф ВЧК Н. Андреев.

Перед совершением террористического акта Б. решает составить завещание, в котором пытается объяснить мотивы участия в предстоящем убийстве германского посла: «Я прежде всего противник сепаратного мира с Германией и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир... Но кроме общих и принципиальных моих, как социалиста, побуждений, на этот акт меня толкают и другие побуждения, которые я отнюдь не считаю нужным скрывать — даже более того, я хочу их подчеркнуть особенно. Я — еврей и не только не отрекаюсь от принадлежности к еврейскому народу, но горжусь этим, хотя одновременно горжусь и своей принадлежностью к российскому народу. Черносотенцы-антисемиты, многие из которых сами германофилы, с начала войны обвиняли евреев в германофильстве и сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и за сепаратный мир с немцами. Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особенное значение. Я, как еврей и как социалист, беру на себя совершение акта, являющегося этим протестом».

6 июля Б. и Н. Андреев подъехали на автомобиле к посольству Германии в Денежном переулке и, предъявив документы сотрудников ВЧК, потребовали встречи с немецким послом якобы по поручению Ф.Э. Дзержинского. После кратковременной беседы с Мирбахом, Б. выхватил пистолет и восемь раз выстрелил в него, но ни разу не попал. Посол был смертельно ранен бомбой, которую Б. и Андреев принесли в портфеле. Легко раненый в результате перестрелки с немцами Б. с соучастником скрылись с места преступления.

Убийство Мирбаха послужило сигналом к мятежу левых эсеров. Их воинские формирования захватили здание ВЧК,

почту и телеграф, ими был арестован Ф.Э. Дзержинский. Однако уже на следующий день мятеж был подавлен.

Б. перешел на нелегальное положение. Под фамилией Авербах скрывался в Рыбинске и Кимрах, где ему удалось устроиться на работу в уездный комитет земледелия. Он восстановил связь с ЦК партии левых эсеров, который вскоре направил его на Украину для проведения террористических акций.

В ноябре 1918 г. Б. был заочно приговорен советским судом к 3,5 г. заключения.

На Украине Б. начал подготовку убийства гетмана П.П. Скоропадского, поднял восстание крестьян в Жмеринском уезде. Его положение в партии значительно укрепилось. В феврале 1919 г. он становится секретарем нелегального Киевского горкома левых эсеров. Однако после аннулирования Советской Россией Брестского мира конфронтация левых эсеров с большевиками, по мнению Б., во многом потеряла смысл.

В апреле 1919 г. Б. является в Киевский губчека с повинной и выражает готовность сотрудничать с советской властью во имя «всемирной революции».

16 мая 1919 г. Президиум ЦИК амнистирует Б., и тот немедленно заявляет о выходе из партии эсеров и вступает в «Союз максималистов», который стоял на платформе признания советской власти и борьбы с контрреволюцией совместно с большевиками.

В мае 1919 г. Б. по поручению ЧК готовит группу для убийства генерала Колчака. В то же время левыми эсерами на него было совершено три покушения за предательство, в результате одного из них он получил довольно серьезные ранения. Он обращается к левым эсерам с письмом, требуя партийного суда, который вскоре состоялся. Было вынесено определение, в котором было указано, что «суд не установил, что Б. не предатель».

Вскоре после суда Б. вступает в коммунистическую партию, заявив при этом, что понял «историческую правду большевистской линии в социалистической революции». Он переезжает в Москву, где работает в Политуправлении Реввоенсовета, выезжает на Восточный и Южный фронты. В 13-й армии Южного фронта одно время возглавляет работу по борьбе со шпионажем. После окончания Гражданской войны он был направлен на работу в Наркомат по иностранным делам и откомандирован в Иран, где по заданию партии организует государственный переворот, в результате которого там был установлен режим, лояльный к Советской России.

В сентябре 1920 г. Б. был зачислен в Академию Генерального штаба. Свободное время часто проводил в ресторанах и кафе в обществе В. Маяковского, С. Есенина, В. Шершеневича, А. Мариенгофа и др.

В феврале 1923 г. в Москве открывается выставка, посвященная деятельности Л.Д. Троцкого. Отбор материалов и оформление проводил Б., с чего и началось его знакомство и сближение с Л.Д. Троцким.

Осенью 1923 г. по предложению Ф.Э. Дзержинского Б. переходит в Иностранный отдел ОГПУ. Работает в Палестине, Закавказье. Летом 1925 г. возвращается в Москву и некоторое время работает в Наркомате торговли, но через год вновь возвращается в ОГПУ. Получил назначение в Монгольскую республику на должность главного инструктора государственной внутренней охраны.

Пребывание Б. в Монголии была связано с рядом крупных скандалов. Он начал злоупотреблять спиртным, выпячивал свою роль в международном революционном движении, хвалился связями, оскорблял не только советский персонал, но и монгольских коллег. В результате в ноябре 1927 г. был отозван.

Приезд Б. в Москву совпал с апогеем фракционной борьбы. Были исключены из ВКП(б) Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновь-

ев, а также наиболее видные их сторонники Л.Б. Каменев, Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Х.Г. Раковский, Л.С. Сосновский и др.

В эти дни Б. открыто встречается с участниками оппозиции, морально и материально поддерживает их. Однако вскоре получает задание выехать на нелегальную работу на Ближний Восток под именем Якуба Султанова («персидский купец»). Б. составляет план организации легального прикрытия. Он предлагает создать фирму по торговле древними еврейскими книгами, которые, по его мнению, можно было изъять из Румянцевской библиотеки и спецхранилищ, при этом встречает поддержку наркома А.В. Луначарского. Б. формирует резидентуру, в состав которой входят Л.А. Штимельман и его жена, а также М.И. Альтерман.

В сентябре 1928 г. Б. выезжает в Одессу, оттуда — в Константинополь. Организованная им фирма начала активную деятельность по продаже древнееврейских рукописей и книг, Б. удалось установить обширные связи с американскими и западноевропейскими партнерами. По делам фирмы Б. посещает Париж и Берлин, одновременно решая разведывательные задачи.

В марте 1929 г., находясь в Германии, Б. узнает о высылке Л.Д. Троцкого из СССР. Он направляет начальнику Иностранного отдела ОГПУ М.А. Трилиссеру письмо следующего содержания:

«Высылка Троцкого меня потрясла. В продолжении двух дней я находился в прямо болезненном состоянии. Мои надежды, что радиус расхождения между партией и троцкистской оппозицией суживается и кризис изживается, что Троцкий сохранен для партии, не оправдались».

Симпатии к оппозиции и лично к Л.Д. Троцкому разгорелись у Б. с новой силой. В апреле 1929 г. он приезжает в Константинополь и встречается с Л.Д. Троцким. В ходе четырехчасовой беседы тот высказал мнение, что в ближай-

шие месяцы советский режим рухнет и необходимо найти среди членов партии кадры, которые при смене власти могут сплотить пролетариат на платформе нынешней оппозиции. Он полагал актуальным создание нелегальной организации на территории СССР, интересовался способами конспиративной связи со сторонниками в Советском Союзе, состоянии контроля иностранной корреспонденции.

Л. Д. Троцкий предложил Б. наладить учет оппозиционеров, работавших в советских учреждениях за рубежом, использовать их для организации связи, высказал пожелание достать как можно больше денег для конспиративной работы, предложил доставить их путем тайного изъятия из средств заграничных советских организаций, в том числе и резидентур.

Б. заверил Л.Д. Троцкого в готовности к сотрудничеству. Договорились поддерживать связь через сына Л.Д. Троцкого Л.Л. Седова.

В начале августа Б. был вызван в Москву, о чем он немедленно информировал Л.Л. Седова. На конспиративной встрече тот передал Б. пакет с письмами отца жене и второму сыну, а также двумя книгами, в которых между строк химическим раствором было написано обращение Л.Д. Троцкого к его сторонникам в СССР.

Прибыв в Москву, Б. доложил о своей нелегальной работе руководству ОГПУ, в ЦК ВКП(б) сделал сообщение о политическом положении на Ближнем Востоке. Представил ряд предложений по улучшению работы нелегальной резидентуры, кадровом пополнении, а также изменении методов торговли рукописями и книгами в связи со скандалами, разразившимися в результате коммерческой деятельности Б. на Западе, где на аукционах появились предметы, хранившиеся ранее в Эрмитаже и др. известных музеях России.

Выждав некоторое время, Б. через посредников передал письма семье Л.Д. Троцкого и встретился с К. Раде-

ком, которому рассказал о встрече с Л.Д. Троцким и его сыном в Константинополе.

По достоверной версии А.М. Орлова (см. соотв. статью), человека весьма осведомленного, К. Радек, только что заявивший о разрыве с троцкизмом и возвращенный из ссылки, испугался провокации и через день заявил Б., что рассказал об их беседе ряду партийцев. Все они, в том числе и К. Радек, советуют Б. сообщить о константинопольских встречах в партийные органы и повиниться в совершенной ошибке.

После этого разговора Б. понял, что провалил задание Л.Д. Троцкого. Он тут же отправил покаянное письмо начальнику ИНО ОГПУ М.А. Трилиссеру, а сам, изменив внешность, попытался скрыться, однако на вокзале был опознан и арестован.

После непродолжительного следствия, в ходе которого он детально рассказал о встречах с Л.Д. Троцким и его сыном и полученных им заданиях, он был предан суду и расстрелян (ноябрь 1929 г.).

Блюм фон Сванге, родился в 1681 г., датчанин из г. Штеттина, дворянин, наемник.

В 1706 г. поступил на службу Швеции в полк графа А.Л. Левенгаупта, достиг чина ратмейстера. В 1733 г. обратился к князю С. Барятинскому с просьбой о переходе в русское подданство. Был представлен фельдмаршалу Б.Х. Миниху. Его ходатайство было удовлетворено. Имя Б. упоминается в 1746 г. как подполковника Нарвского драгунского полка. С 1752 г. являлся подполковником Нарвского гарнизона.

В 1753 г. у Б. возникли проблемы с наследованием земель в Пруссии. Этим воспользовалась прусская дипломатия. Через капитана Винтерфельда Б. было предложено «тайно служить прусскому королю», не покидая русской армии. После некоторых колебаний подполковник согласился.

Он отправлял шпионские сведения в письмах, адресованных в гарнизон г. Данцига капитану Лизандеру. За эти услуги ему было обещано уладить проблемы с наследством.

6 марта 1757 г. на Рижском почтовом дворе при перлюстрации писем было перехвачено письмо Б., «которого содержание явную измену изъявляет». Арестованный подполковник во всем сознался и показал, что пересылал неприятелю росписи и штат армии, выкупленные им у сержанта Белозерского полка Михаила Будушева и писаря Новгородского пехотного полка солдата Осипа Сидоровича Ерыгина, получивших за свои услуги по 16 копеек каждый. По делу был также арестован нарвский комендант бригадир барон фон Штейн, но он свою вину категорически отрицал.

Во время следствия, не выдержав условий заточения, 22 февраля 1759 г. Б. умер в Шлиссельбургской крепости.

Боборыкин Михаил (уп. в начале XVII в.), новгородский дворянин.

Активный сторонник шведской партии в Новгороде. Получил от шведов освобождение от воинских повинностей на свою землю в Деревской пятине. Участник новгородского посольства в Стокгольм для призвания на русский престол представителя шведского королевского дома (подробнее см. статью Новгородская смута).

Богатый Анатолий Николаевич, 1944 г. рождения, бывш. офицер советской разведки.

Б., работая заместителем резидента КГБ СССР в Рабате (Марокко), в сентябре 1982 г. бежал с женой и двумя сыновьями. Попросил политическое убежище у американцев. Выдал им секретные сведения о советской агентуре в Марокко и некоторых странах НАТО.

Служебное расследование обстоятельств измены Б. показало, что он отличался высокомерием и расчетливостью. Был очень мнителен (подозревал у себя неизлечимые болезни, в больших количествах приобретал различные лекарства, которые принимал без консультаций с врачом). Ранее во время заграникомандировки в Мадагаскаре был замечен в финансовых злоупотреблениях.

В сентябре 1987 г. жена Б. позвонила в советское посольство в Вашингтоне и заявила о желании семьи вернуться на родину. В декабре того же г. с Б. встречался представитель совпосольства, который дал ему гарантии непривлечения к уголовной ответственности в случае возвращения на родину. С тех пор Б. на связь с посольством не выходил, о его судьбе в настоящее время ничего не известно. Имеются основания полагать, что американские спецслужбы приняли меры к изоляции Б. и его семьи и предотвращению его контактов с советскими официальными представителями.

Де Бодe Константин Владимирович, 1924 г. рождения, барон.

Происходит из семьи белоземigrants. Добровольно вступил в сентябре 1941 г. в т. н. Русский охранный корпус, служил в юнкерской роте в звании подпоручика. После перевода корпуса в состав вермахта, получил от немцев звание обер-лейтенанта. Участвовал в боях против партизан и частей Красной армии. Награжден Железным крестом. Умер в 1977 г. в Венесуэле.

Болотников Иван Исаевич (уб. 1608 г.), предводитель военного мятежа против царя Василия Шуйского.

Холоп князя А.А. Телятевского (по другим источникам, из дворян). В молодости бежал к казакам, участвовал в боевых действиях против турок и крымских татар. Попал в

плен, был продан в рабство. При неизвестных обстоятельствах освободился, переехал в Венецию, откуда через Польшу вернулся на родину. В Польше встретился со сторонником низложенного Лжедмитрия I М.А. Молчановым (см. соотв. статью), якобы чудом спасшегося во время восстания в Москве против самозванца, и получил от него полномочия воеводы.

Попав в Путивль, Б. возглавил поход на Москву с целью отвержения «незаконного» царя. В октябре 1606 г. подошел к столице, однако был разбит царскими войсками и отошел к Туле.

В это время активно поддерживал секретную переписку с турецким правительством, информируя его о внутреннем положении в России. Убеждал турецкого султана осуществить военное вторжение и захватить южные русские области. Гарантировал успех из-за слабости русского государства, переживавшего Смуту. Обещал султану военную поддержку.

После длительной осады в 1607 г. гарнизон Тулы капитулировал, а Б. был взят в плен и сослан в Каргополь, где его ослепили, а затем утопили.

Болтнев Евгений Гаврилович, 1919 г. рождения, урож. села Верхне-Спасское Рассказовского р-на Тамбовской обл.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Встал на путь сотрудничества с германскими спецслужбами, использовался как агент-курьер в районе Минска.

Его судьба после окончания войны не выяснена.

Большаков Михаил Сергеевич, 1865 г. рождения, рядовой запаса русской армии.

Проживал в Одессе, служил в конторе частной фирмы. Попал в поле зрения резидента австрийской разведки

И.Э. Селецкого (см. соотв. ст.), который завербовал его в качестве агента. По поручению Селецкого Б. едет в Киев, чтобы поступить в армию на сверхсрочную службу. Однако по дороге «загулял» и пропил полученный от Селецкого аванс в размере 150 рублей. За этим занятием он и был арестован контрразведчиками, которые уже располагали сведениями о нем.

Б. был предан суду и по приговору сослан на поселение в Сибирь.

Бондаренко-Левченко Федор Павлович, 1911 г. рождения, урож. села Васильевка Кобылянского р-на Киевской области.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Вступил в т. н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала А.А. Власова. Получил чин фельдфебеля РОА.

Состоял штатным агентом немецких спецслужб. Его судьба после окончания войны не выяснена.

Борецкий Дмитрий (уп. в 70-е гг. XV в.), сын новгородского посадника Исаака Борецкого.

После смерти отца вместе с матерью Марфой Борецкой (см. соотв. статью) возглавил в Новгороде пролитовскую партию. Активно боролся против присоединения Новгорода к Москве. В 1471 г. руководил новгородским войском в битве с полками Ивана III на р. Шелони. Был пленен и казнен в г. Русе (подробнее см. в ст. «Новгородская измена XV в.»).

Борецкая Марфа (уп. в 70-е гг. XV столетия.), вдова новгородского посадника Исаака Борецкого.

Вместе со своими сыновьями Дмитрием и Федором (см. соотв. статью) возглавила в Новгороде т. н. пролитовскую

партию, выступавшую за разрыв с Москвой и переход под протекторат Литвы и Польши.

После поражения новгородского войска, которым руководил сын Б. Дмитрий, Новгород был включен в состав Великого княжества Московского. В 1478 г. Б. была арестована и вместе с другими активными деятелями пролитовской парии доставлена в Москву. Была заточена в монастырь (подробнее см. в ст. «Новгородская измена XV в.»).

Борис Вячеславович (?), князь-изгой (т.е. не имевший удела, уп. в сер. — вт. пол. XI в.).

Сын Вячеслава Ярославича Смоленского, родился ок. 1053 г. Внук Ярослава Мудрого.

В 1077 г. захватил Чернигов, но вскоре был вынужден бежать в Тмутаракань, откуда ему удалось изгнать князя Романа Святославича. В 1078 г. заключил союз с князем Олегом Святославичем, и, набрав наемное войско из половцев, начал междоусобную войну с князем Всеволодом Ярославичем, приходившимся Б. дядей, разбил его войска и вновь занял черниговский стол. Выступил против Изяслава Ярославича, однако проиграл сражение. В бою был убит.

Бохан Сергей Иванович (год и место рождения не установлены), б. офицер Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ).

Работал в Греции под дипломатическим прикрытием. В 1976 г. был завербован американской разведкой. В течение девяти лет передавал сотрудникам ЦРУ совершенно секретные сведения о спецоперациях ГРУ, кадровом составе его резидентуры, агентуре из числа иностранцев. Им был выдан американцам ценный агент КГБ, работавший в американской разведке. Он был арестован ФБР и приговорен к 40 годам тюрьмы.

Б. был разоблачен в 1985 г. в результате утечки информации из советского отдела ЦРУ. Однако он почувствовал за собой слежку и бежал из посольства.

В настоящее время проживает в США.

Бредов Федор Эмильевич, 1884 г. рождения, генерал-майор белой армии.

Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище. Служил в лейб-гвардии Финляндском полку. В 1909 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С февраля 1912 г. служил в Иркутском военном округе. В начале 1915 г. произведен в подполковники. Участник Первой мировой войны. В августе 1915 г. попал в плен после сдачи крепости Новогеоргиевск.

С конца 1918 г. — в Добровольческой армии. Вскоре назначен начальником штаба Дроздовской дивизии. Произведен в полковники. С 1920 г. — начальник штаба корпуса в армии Врангеля, после разгрома которой эвакуировался в Галлиополи, где был назначен начальником штаба вновь сформированной дивизии. В 1921 г. произведен в генерал-майоры.

Вскоре в составе эвакуированных войск переехал в Болгарию, откуда в 1922 г. был выслан по подозрению в участии в антиправительственном заговоре. После возвращения в Болгарию работал землемером, продолжая числиться начальником штаба 1-й пехотной дивизии.

В 1941 г. после нападения Германии на СССР оставил семью и переехал в Сербию, где из числа белоэмигрантов начал формироваться т. н. Русский охранный корпус, который вскоре был включен в состав вермахта. Получил должность командира батальона. Б. участвовал во всех боях, которые корпус вел против югославских партизан. Был ранен. Получил от немцев звание гауптмана и крест «За военные заслуги».

После Второй мировой войны Б. переехал на жительство в США, где умер в 1959 г. в Сан-Франциско.

«Броневи́ча дело» — дело о шпионаже, расследовавшееся в 1903 г. в Петроковской губернии (территория совр. Польши) русской контрразведкой.

По нему проходили: литовский дворянин, российский подданный, писец Варшавской казенной палаты Ричард Фримент Клементьевич Броневи́ч, 1871 г. рождения, уроженец Смоленской губернии канцелярский служитель Варшавской казенной палаты Георгий Гаврилович Щербаков, 1867 г. рождения; житель г. Кракова Павел Котарский; дворянин, отставной коллежский секретарь Игнатий Варфоломеевич Колендо, 1859 г. рождения; дворянин Смоленской губернии, судебный рассыльный Варшавской судебной палаты, бывший писарь Варшавского окружного военно-медицинского управления Георгий Яковлевич Сладковский, 1877 г. рождения.

29 ноября 1903 г. на станции Сосновицы Варшаво—Венской железной дороги был задержан Б., пытавшийся без досмотра сесть в поезд, идущий в Австрию. При обыске при нем были найдены приказы по Варшавскому военному округу, материалы о призыве новобранцев в 1903 г. и другие документы военного характера. Б. признался, что собрал их с целью продать австрийской разведке. Назвал соучастников — Щербакова и Сладковского. Документы предполагалось отдать Колендо, который был им знаком, так как в 1894—1895 гг. служил писцом в 10-м полицейском участке г. Варшавы и лишь позже переехал за границу.

На следствии подозреваемые отрицали свою вину, утверждали, что их оклеветали недоброжелатели, но обличали друг друга. 16 мая 1905 г. было принято решение о прекращении в отношении их уголовного преследования,

так как они не успели совершить преступления, а только планировали вступить в контакт с австрийской разведкой.

Брюховецкий Иван Мартынович (уп. сер. — вт. пол. XVII в.), запорожский кошевой атаман, затем гетман Левобережной Украины.

По некоторым источникам, выходец из Польши, принявший православие. Был допущен гетманом Б. Хмельницким в свое ближайшее окружение, что создало ему авторитет среди низового казачества. В 1661 г. избран запорожским кошевым атаманом. Поддерживал непосредственную связь с московским правительством. Эти контакты особенно активизировались к началу 60-х гг., когда у Б. появились серьезные претензии на гетманство Левобережной Украины.

Амбиции Б. встретили серьезные препятствия в лице наказного атамана Я.С. Самко и нежинского полковника В.Н. Золотаренки, которые также претендовали на гетманскую булаву. Каждый из них систематически посылал доносы в Москву о тайных связях их соперников с враждебными державами. Так, в начале 1663 г. Б. информировал русского царя о контактах Я. С. Самка с поляками и их сторонником правобережным гетманом П.И. Тетерею. Свое сообщение он подписал: «Верный холоп и нижайшая подножка пресветлого престола».

В июне 1663 г. троевластие в восточной части Украины было ликвидировано в результате решения Генеральной Рады об избрании левобережным гетманом Б., утвержденным представителем Москвы.

В это время между поляками и русскими возобновились военные действия, в которых казачье войско Б. принимало активное участие. Вместе с московскими воеводами ему удалось нанести ряд чувствительных поражений полякам и их правобережным союзникам.

В сентябре 1665 г. Б. посетил Москву, где был принят государем, который в благодарность за верную службу при-

своим гетману боярское достоинство. Укрепив свои позиции в Москве, в декабре того же года Б. вернулся на Украину, где продолжил военные действия против поляков и крымских татар. Однако в этот период впервые среди священства и горожан возникают признаки недовольства его внутренней политикой, и в частности, обложением населения дополнительными налогами и посягательством на церковные земли. В отдельных местностях и городах вспыхивают восстания, которые гетману с помощью русских войск удалось подавить.

В 1667 г. между русским царем и польским королем было заключено перемирие и военные действия прекращены. Часть казачества была недовольна этим, дело доходило до открытых выступлений. Так, в Запорожской Сечи вспыхнул бунт, в результате которого казаки убили московского представителя в Запорожье. Б. обратился к царю с просьбой простить запорожцев и таким образом погасить опасные выступления казаков, провоцируемые ставленником турецкого султана П. Дорошенко. Просьба Б. была удовлетворена, и московские власти ограничились выговором запорожцам.

В 1668 г. П. Дорошенко через посредников установил контакт с самим Б. и начал склонять его к измене русскому царю, пообещав в этом случае уступить ему правобережное гетманство и выразил готовность признать Б. единым гетманом всей Украины.

После некоторых колебаний Б. принял столь лестные для него предложения и убедил своих полковников открыто выступить против московских властей. П. Дорошенко же вместо обещанного организовал вооруженное нападение, в результате которого Б. был убит. Измена Б. привела к новой вспышке военных действий на Украине, которые потребовали от московских властей мобилизации значительных сил.

Буглак Емельян Андреевич (1920—1964), украинец.

До войны 1941 г. проживал в Краснодаре, работал ко-неводом, занимался джигитовкой, имел призы за победы на соревнованиях.

После нападения гитлеровцев на СССР из города исчез и спустя некоторое время объявился в оккупированном Краснодаре в составе Зондеркоманды СС — 10-а. Принимал активное участие в боях с партизанами, а также в карательных операциях, в ходе которых было уничтожено несколько сот мирных граждан. Привлекался немцами к казням жителей Краснодара в т. н. душегубках. (Приложение №6).

После окончания войны Б. удалось скрыться. Он долгое время переезжал с места на место. В начале 60-х гг. вернулся в Краснодар, поселился у дочерей. Рассказал им, что во время войны воевал в рядах Красной армии, был ранен, попал в плен, потом жил в Сибири.

В конце 1963 г. был разоблачен и арестован, во время следствия и на судебном процессе полностью признал себя виновным в пособничестве гитлеровцам и участии в массовых уничтожениях советских граждан. Расстрелян по приговору суда в начале 1964 г.

Бугураев Максим Константинович, 1893 г. рождения, полковник белой армии.

Участник Первой мировой и Гражданской войн. Эмигрант.

После нападения нацистской Германии на СССР добровольно вступил в т.н. Русский охранный корпус, который был включен немцами в состав вермахта.

Командовал артиллерийским взводом, участвовал в боях с югославскими партизанами и соединениями Красной армии.

После разгрома нацизма выехал в США, где умер в 1982 г.

Булгарин Фаддей Венедиктович, 1789 г. рождения, по национальности поляк, подданный Российской Империи, литератор.

Б. родился в местечке Перышево, в родовом имении, расположенном в Минском воеводстве Великого княжества Литовского, входившего в то время в состав независимой Польши. Через три года после т. н. второго раздела Польши эта территория отошла к России.

Отец Б. — небогатый польский шляхтич — участвовал в восстании Тадеуша Костюшки и после его разгрома был сослан.

Когда Б. исполнилось 10 лет, он был отдан в Сухопутный кадетский шляхетский корпус, где и начал заниматься литературной деятельностью.

В 1806 г. он выходит корнетом в Уланский полк и сразу принимает участие в военных действиях против французов. Сражался в Пруссии, в битве под Фридландом был ранен. Награжден орденом Св. Анны III степени. Затем в составе русских войск воевал против шведов в Финляндии (1808—1809).

После войны продолжил службу в армии. Имел неосторожность сочинить и распространить сатирические стихи против Великого князя Константина, за что был переведен в Кронштадтский гарнизон, где несколько месяцев содержался под арестом. Через год направлен для прохождения службы в Ямбургский драгунский полк. Вскоре из-за скандальной истории, суть которой до нас не дошла, был в 1811 г. уволен в отставку.

Отправившись в герцогство Варшавское, возникшее в результате франко-русского Тильзитского мирного договора, Б. вскоре поступает на службу в польские войска, созданные по указанию Наполеона, в числе которых сражается сначала в Испании, а в 1812 г. участвует в походе на Россию в составе полка польских улан корпуса Удино. Ука-

зал французам при отступлении брод через Березину, был одним из проводников Наполеона при переправе. Затем воевал в Германии.

Во французских войсках получил чин капитана и орден Почетного легиона.

После капитуляции Франции и отречения Наполеона Б. оказывается в 1815 г. в Варшаве, где обращается к литературному труду. Одновременно ведет дела своего богатого дяди, посещает лекции в университете.

В 1819 г. поселяется в Петербурге, сотрудничает в газете «Русский инвалид». Знакомится с Н.И. Гречем, братьями Бестужевыми, В.К. Кюхельбекером, К.Ф. Рылевым, А.С. Грибоедовым. С последним Б. связан дружескими узами, становится его доверенным лицом. С 1825 г. совместно с Н.И. Гречем начинает издавать журнал «Северная пчела», что позволяет ему сделаться одним из ведущих журналистов и издателей. К этому времени издается Высочайший Указ о прощении поляков, служивших в наполеоновских войсках.

Б. выпускает романы «Дмитрий Самозванец» и «Иван Выжигин», которые пользуются успехом у читателей.

В ходе расследования по делу декабристов Б. попадает под подозрение в участии в заговоре, однако к середине 1826 г. власти снимают к нему все претензии.

Именно в этот период Б. вновь «меняет знамена» и становится негласным осведомителем III отделения (тайная полиция). Под руководством А.Ф. Бенкендорфа особенно активно сотрудничает с ним М.Я. фон Фока (с последним его связывали и дружеские отношения). Значительная часть агентурных донесений Б. касалась внутреннего положения в России и Польше, являющейся в это время частью Российской Империи. Довольно часто представленные Б. сведения докладывались самому Николаю I. Информация о Польше позволяла царскому режиму получать упреждаю-

щие данные о сепаратистских процессах в польском обществе и принимать своевременные меры по их локализации. Б. не раз предпринимал попытки использовать связь с тайной полицией для компрометации своих литературных противников, за что неоднократно порицался не только коллегами по литературной ниве, но и своими «тайными» хозяевами. Так, за грубую критику произведений А.С. Пушкина, а также нетактичное ведение литературной полемики с М.Н. Загоскиным он подвергся аресту на гауптвахте, получал устные выговоры от царя, а однажды в течение получаса стоял в углу в кабинете шефа жандармов Л.В. Дубельта.

Во второй половине 50-х гг. в литературных кругах о Б. сформировалось устойчивое негативное мнение как о беспринципном человеке, гонителе А.С. Пушкина, полицейском шпионе. Смерть Б. в 1859 г. была встречена полным молчанием, даже в созданной им «Северной пчеле» появилась лишь короткая заметка.

Буняченко Сергей Кузьмич, 1902 г. рождения, урож. с. Коровяково Глушковского р-на Курской области, бывш. полковник Красной армии.

Выходец из семьи украинских крестьян. В 1919 г. вступил в партию большевиков и в Красную армию. Участник Гражданской войны, после окончания которой остался на военной службе. Сделал быструю карьеру. В 1938 г. назначен командиром дивизии, дислоцированной во Владивостоке, позже входил в штаб начальника Дальневосточного военного округа.

В октябре 1942 г. назначен командиром 59-й стрелковой дивизии. Принимает участие в боях с гитлеровцами на Юго-Западном фронте. Взят в плен румынскими войсками после уничтожения практически всего личного состава дивизии. Был передан немцам, отправлен в лагерь для воен-

нопленных. Находясь в лагере, добровольно высказал желание сотрудничать с гитлеровцами.

Вскоре был назначен командиром добровольческого подразделения из советских военнопленных, которое принимало участие в боях против Красной армии. В июле 1942 г. заочно приговорен советским судом к смертной казни. В июне 1943 г. дал присягу на верность вермахту и фюреру. В сентябре 1943 г. получил должность штабного офицера по особым поручениям при генерал-майоре Столзерге.

Вскоре вместе со своей частью был переброшен во Францию. Здесь немецкими спецслужбами ему было поручено формирование из советских военнопленных и белоэмигрантов нескольких корпусов «освободительной армии».

Вместе с генералом А.А. Власовым занимался подготовкой кадров для т. н. Русской освободительной армии (РОА) (см. соотв. статью), инструктировал ее части, обороняющие т.н. «Атлантический вал».

Был награжден немцами двумя бронзовыми и серебряной медалями, Железным крестом II степени. В начале 1945 г. становится генерал-майором РОА.

После создания по распоряжению Г. Гиммлера т. н. Комитета освобождения народов России (КОНР — см. соотв. статью) во главе с Власовым вошел в руководство его вооруженными силами. В боях против советских войск возглавил им же сформированную 1-ю дивизию. В начале мая, понимая неизбежность поражения гитлеровцев, отказался подчиняться приказам немецкого командования и двинулся со своей дивизией к Праге, где поддержал восстание Сопrotивления и вступил в бой с фашистскими частями. С помощью дивизии Б. столица Чехословакии была очищена от гитлеровцев. Солдаты 1-й власовской дивизии были вначале восторженно приняты местным населением. Однако руководство Сопrotивления вскоре узнало об истинной принадлежности дивизии Б. и решительно потребовало ее

вывода из Праги. Б. был вынужден отдать приказ об оставлении города, куда вскоре вошли советские части. Б. удалось оторваться от частей Красной армии и сдаться в плен американцам. Вскоре, однако, он был выдан ими советским властям и этапирован в Москву.

На судебном процессе над власовцами в 1946 г. фигурировал как один из главных обвиняемых. По приговору суда в том же году повешен.

Бутков Михаил Владимирович, 1958 г. рождения, урож. г. Москвы, б. майор КГБ СССР.

Происходит из семьи военного разведчика. Окончил с отличием Военный институт иностранных языков, проходил службу в особом отделе Черноморского флота, откуда был откомандирован в КГБ СССР.

После прохождения специальной подготовки направлен на работу в Норвегию под прикрытием корреспондента газеты «Труд». Занимался получением политической информации.

Будучи в Осло, Б. установил интимную связь с женой советского дипломата. В 1990 г. она выехала в Москву, развелась с мужем. Весной 1991 г. любовница Б. выехала с дочерью в Стокгольм, откуда позвонила ему для реализации их совместного плана побега на Запад. Б. выехал в Стокгольм, где обратился в английское посольство с просьбой предоставить ему политическое убежище. Он выдал англичанам информацию об операции КГБ по приобретению в политических кругах Норвегии так называемых «агентов влияния», кадровом составе резидентуры советской разведки. В результате из Норвегии были выдворены восемь советских дипломатов. Вскоре в английских газетах последовали несколько публикаций «открытых писем» от имени Б., в которых он резко критикует руководство КПСС и КГБ, обвиняет их в стремлении затормозить де-

мократизацию страны и сохранить антинародный режим. Опубликовал книгу «КГБ в Норвегии», где, в частности, заявил о помощи России Ирану в создании оружия массового уничтожения.

Б. вместе с новой женой были обеспечены деньгами английскими властями. Он получал пенсию, имел в пригороде Лондона дом.

Однако образ жизни Б. и его жены требовал дополнительных расходов. В 1996 г. английской полицией они были уличены в мошенничестве и осуждены судом к тюремному заключению — Б. на три года, а его жена — на полтора года.

Бутурлин Василий Иванович (?), воевода (ум. после 1651 г.).

Происходил из древнего дворянского рода. Уже в начале Смуты перешел на сторону Лжедмитрия I, пожалован им в чашники, а затем — в стольники. После низложения и убийства самозванца выступал против поляков, побуждал народ к восстанию против них. В 1611 г. был послан от первого ополчения во главе русских войск в Новгород для организации борьбы со шведами. Вел с ними переговоры, в ходе которых вопреки данным ему полномочиям выступил с идеей призвания на русский трон представителя шведского королевского дома. Видимо, в это время установил со шведским полководцем Я. Делагарди тайные контакты. Вскоре Б. вместе с войсками отошел из Новгорода и вернулся в Москву, где стал одним из деятельных участников второго ополчения, изгнавшего поляков из России.

В 1613 г. вновь был послан в Новгород для борьбы со шведами, однако в следующем году под Гдовом сдался в плен. Принял шведское подданство и в 1638 г. был назначен полковым квартирмейстером, а в 1649 г. получил звание подполковника. Умер в эмиграции.

Быковская Ванда Антоновна (наст. имя Франтишка), 1894 г. рождения, уроженка Гмины Грабицы Лодзинского уезда Петроковской губернии, жительница г. Лодзи, проститутка.

В марте 1915 г. была завербована германской разведкой. Прошла обучение в шпионской школе г. Инстербурга и с суммой 1500 рублей и списком агентурных адресов была направлена в Одессу для сбора сведений военного характера. По замыслу немецкой разведки, Б., пользуясь броской внешностью, должна была выведывать секретные сведения у русских офицеров, вступавших с нею в связь.

Однако при переходе румынской границы 21 апреля 1915 г. Б. была задержана сотрудниками Бессарабского отделения Одесского жандармского полицейского управления, усомнившимися в подлинности ее документов. На допросе Б. сразу призналась в сотрудничестве с немцами и передала следствию порошок для изготовления симпатических чернил, состав которого не был известен русской контрразведке. По ее показаниям был арестован германский агент Орешану.

Дальнейшая судьба Б. неизвестна.

В

Вакар Сергей Васильевич (1902—1981), урож. г. Тамбова.

После окончания Варшавского политехнического института поступил в Елисаветградское кавалерийского училище, из которого вышел в 1-й Гусарский Сумской полк. Участник Гражданской войны в составе Добровольческой армии Деникина. Получил звание штабс-ротмистра. После

разгрома Белого движения эмигрировал в Югославию, где работал в министерстве путей сообщения.

В первые месяцы военных действий Германии против СССР вступил в сформированный гитлеровцами из числа белоземigrants Русский охранный корпус. В. участвовал в боях с отрядами югославских партизан, получил звание вахмистра.

После капитуляции Германии попал в плен к союзникам. Выдачи советским властям избежал. В 1949 г. переехал в Аргентину, работал чертежником.

Умер в 1981 г. в Буэнос-Айресе.

Валуев (Волуев) Григорий Леонтьевич (уп. в первой четв. XVII в.), боярский сын, воевода.

Активный участник низложения с русского престола Лжедмитрия I, а также его убийства (по некоторым данным, первым выстрелил в самозванца и нанес ему смертельное ранение).

Возглавлял одно из соединений русских войск под командованием князя М.В. Скопина-Шуйского в военных действиях против поляков (по разрядным записям — десятый воевода). В 1610 г. в сражении под Клушином совершил неудачный маневр, был отрезан от главных сил и окружен. Вместе со своим отрядом в 5 тыс. человек перешел на сторону поляков, присягнул королю. Затем выступал как сторонник призвания на русский престол королевича Владислава. После изгнания поляков репрессий избежал. В 1623—1624 гг. был воеводой в Астрахани.

Вареник Геннадий Григорьевич, 1953 г. рождения, урож. г. Москвы.

Родился в семье полковника КГБ. По протекции отца становится чекистом, был принят в 1-е Главное управление КГБ СССР (разведка).

В 1982 г. направлен в Бонн, в качестве прикрытия использовал должность корреспондента ТАСС. Энергично включился в работу резидентуры. Однако в марте 1985 года установил связь с ЦРУ с тем, чтобы «возместить» растраченные им 7 тыс. долларов.

Передал американцам информацию о секретных операциях КГБ в Западной Германии, выдал им трех ценных агентов советской разведки, работающих в правительстве ФРГ.

Сведения о предательстве В. поступили в результате утечки информации из ЦРУ. Он был вызван в Восточный Берлин, арестован и этапирован в Москву.

В феврале 1987 г. по приговору суда В. был расстрелян.

«Варяг» — добровольческий полк.

Сформирован в марте 1942 г. по приказу командующего германскими войсками на Балканах для осуществления десантной операции под Новороссийском. В полк набирали русских эмигрантов немецкого происхождения, осевших в Югославии. Формирование части было поручено бывшему гвардейскому капитану М.А. Семенову (см. соотв. статью), который вскоре и возглавил его в чине гауптштурмфюрера СС. По предложению немцев, его как потомственного дворянина отныне именовали фон Семеновф. Ему удалось укомплектовать один батальон, штаб которого находился в Белграде в «Палас-отеле».

Однако на Восточный фронт этот батальон не попал, а использовался гитлеровцами для борьбы с партизанами И.Б. Тито.

Только в конце 1944 г. численность «Варяга» удалось довести до полка за счет советских военнопленных и жителей оккупированных территорий, С. командовал им уже в чине полковника.

Помощником командира полка был назначен майор М.Г. Гринев, адъютантом — поручик Л. Кубик, командиром

10-й роты — капитан А. Орлов, офицером по связи — А.И. Делианич.

«Варяг» размещался в г. Любляне, охранял город и его окрестности до г. Бледа от нападений партизан.

После капитуляции Германии полк сложил оружие и сдался англичанам, которые вывезли его на юг Италии в г. Таранто, откуда бывших граждан СССР выдали советским властям, пленных югославского происхождения передали администрации Тито (по приговору Военного суда все были расстреляны).

Василий (?—1403) и Семен Дмитриевичи (?—1401) — князья нижегородские, сыновья удельного князя Дмитрия Константиновича Суздальского. В 1382 г. были посланы отцом на помощь хану Золотой Орды Тохтамышу, предпринявшему карательный поход на Русь.

Несмотря на отъезд князя Дмитрия Донского с целью сбора войска для защиты Москвы в других княжествах, москвичи перед лицом врага объединились под командованием князя Остея. Все штурмы были отбиты, впервые использовалась артиллерия, бившая по татарам с городских стен. Убедившись в бесплодности штурма, Тохтамыш отправил на переговоры с москвичами В.Д. и С.Д. Те обманули защитников города, утверждая, что хан воюет с Дмитрием Донским, мстя ему за поражение ордынцев на Куликовом поле. Против москвичей он-де ничего не имеет и лишь хочет «почтения» в виде встречи «с честью и дарами». За это он якобы обещал Москве «мир и любовь свою, а вы ему врата градные отворите». Князья заявили, что они «свои, православные», и поэтому не могут лгать москвичам.

Изменникам поверили. 26 августа торжественная процессия с крестами, иконами и дарами вышла из крепостных ворот навстречу татарам и тут же была изрублена саб-

лями по приказу Тохтамыша. Ордынцы ворвались в город и устроили страшный погром: «И бысть в граде сеча зла, а вне града тако же сеча велика... яко и руки и плеща их измолгоша и сила их изнеможе, саблям же острия притупишася. Людие же христьяньскийи, сущей в граде, бегающе по улицам семо и овамо, скоро рыщуци толпами, вопиюще велми и глаголеще, бьюще в перси своя, не имуще где избавитися от поганных... везде же вопль велик и крик страшен бываше, изводяще бо вся отвсяду христьяны и одирающе до последние наготы и тако мечу придаяху».

Результат предательства был страшен: Москву полностью сожгли и разграбили. Летописец горестно восклицает о судьбе своего града: «В се же время изменися доброта его и отъиде слава его и уничижение приде на нь, и не бе в нем ничто же благо видети, но токмо дым и земля и многа трупия мертвых лежаща, а церкви каменны вне огоревши, внутрь же юду выгоревши и почерневши и полны крови христьяньскы и трупии мертвых... никого же в граде не осталось, но бе пусто в нем».

В.Д. и С.Д. и далее продолжали пособничество татарам. В 1394 г. они бежали в Орду, а в 1399 г. С.Д. привел к Нижнему Новгороду войско татарского царевича Ейтяка, причем сценарий 1382 г. повторился: русских уговорили сдаться под княжки гарантии неприкосновенности, а потом разорили город и начали избиение жителей. Нижегородцев спасла выступившая из Москвы великокняжеская рать.

В 1401 г. была арестована и взята в заложницы жена С.Д., дабы он вернулся на Русь. Вероятно, в результате увещеваний святого Кирилла Белозерского С.Д. вернулся в Москву, признал свою вину, был прощен и отправлен в Вятку, где вскоре умер. Его брат, В.Д., в 1403 г. скончался в Городце.

Васильев Леонид Васильевич, 1890 г. рождения, урож. станицы Островская Донской области.

С 1913 г. служил в лейб-гвардии Атаманском полку, в звании подъесаула, командовал сотней. В декабре 1917 г. вступил в состав воинских формирований донского атамана Каледина, а затем — в Добровольческую армию генерала Деникина.

В 1920 г. за участие в боевых действиях в Крыму произведен в полковники и назначен командиром Атаманского полка.

После поражения Белого движения эмигрировал в Сербию, а затем — во Францию. Работал на заводах и шофером такси.

В 1940 г. добровольно вступил в немецкую армию, служил переводчиком в пехотной дивизии, дислоцированной в Белоруссии. С 1944 г. — в казачьих частях, входящих в состав войск СС. Участвовал в боевых действиях в Северной Италии. В мае 1945 г. произведен в генерал-майоры.

После капитуляции Германии был выдан англичанами советским властям, приговорен к заключению в лагерях на 10 лет. Умер в 1948 г.

Васютенко Остап (Астап) (уп. в 60-е гг. XVII в.), запорожский кошевой атаман.

Был избран кошевым атаманом в результате бунта казаков в Запорожской Сечи и насильственного смещения с этой должности Ждана Рога. В. при одобрении казачьего круга потребовал отъезда из Сечи московского представителя стольника Ф.А. Ладыженского и сам вместе с 40 казаками вызвался проводить его до Днепра. В двух верстах от Сечи по приказу В. казаки с пищалями окружили Ф.А. Ладыженского и его свиту и велели бежать в Днепр, а затем расстреляли их. После этой расправы запорожские казаки объявили войну Московии и заявили о присоединении к западному гетману П. Дорошенко, ставленнику турецкого султана.

Об убийстве Ф.А. Ладыженского гетману И.М. Брюховецкому сообщил сам В. В Сечь была послана следственная комиссия из Москвы, однако В. и его окружение отказались выдать непосредственных исполнителей убийства. Одновременно В. обратился к московским представителям с просьбой попросить русского царя простить запорожцев, а они, со своей стороны, поклялись «продолжить верную службу». Поскольку к этой просьбе присоединился сам гетман И.М. Брюховецкий, в Москве сочли возможным оставить преступление запорожцев без последствий.

Вейх Алоис Карлович, 1921 г. рождения, гражданин СССР, выходец из семьи осевших в России немцев.

В 1941 г. сразу после начала войны перешел на сторону гитлеровцев. Был зачислен в зондеркоманду.

С сентября по октябрь 1942 г. в Краснодаре принимал участие в уничтожении 120 советских граждан в т. н. «душегубках» (см. примеч.).

В октябре 1942 г. в составе зондеркоманды СС 10-а был направлен в Анапу, где вместе с эсэсовцами участвовал в расстреле пленных партизан.

В ноябре 1942 г. во время «операции» в станице Гостагаевской арестовал более 100 граждан из числа советско-партийного актива и членов их семей. Все арестованные были уничтожены в «душегубках».

В этот же период принимал участие в допросах арестованного гестапо советского десантника, лично истязал его, а затем расстрелял.

На территории анапского аэродрома участвовал в уничтожении большой группы советских граждан, арестованных эсэсовцами за связь с партизанами. Арестованных вывезли на автомашинах в каменоломню и расстреляли. Увидев среди трупов раненого ребенка, выстрелом добил его.

В июле 1943 г. в деревне Костюковичи Мозырского района Белоруссии В. вместе с другими членами зондеркоманды арестовал 150 жителей деревни, в основном женщин, стариков и детей, и лично бросал их живыми в колодцы.

Летом того же года привлекался к проведению карательной акции в окрестностях г. Мозыря. Мирных граждан расстреливали и заживо сжигали в домах.

Вскоре после этой «операции» В. вместе с другими карателями в деревне Жуки в колхозной конюшне расстрелял более 700 мирных советских граждан.

Начиная с осени 1943 г., участвовал в нескольких акциях зондеркоманды в Польше, в ходе которых были уничтожены несколько десятков мирных граждан.

Летом 1944 г. был назначен командиром взвода Кавказской роты СД (новое наименование зондеркоманды СС 10-а), принял немецкое гражданство, был награжден Железным крестом.

После войны долгое время разыскивался советскими властями, однако был разоблачен только в 1963 г. К этому времени В. проживал в одном из отдаленных районов Кемеровской области, работал на пилораме в леспромхозе.

По приговору советского суда был казнен в начале 1964 г.

Вельяминов Иван Васильевич (уп. в 1375 г.), сын московского тысяцкого.

В 1375 г. в разгар борьбы Москвы за объединение русских земель вместе с купцом Некоматом Сурожаниным (см. соотв. статью) бежал в Тверь, которая являлась в это время главным соперником московского князя. Спровоцировал неудачный поход тверского князя на Москву.

Судьба В. не выяснена.

Верещагин Михаил Николаевич (1789—1812), сын московского купца Николая Гавриловича Верещагина.

В июне 1812 г. в руки московской полиции попало несколько рукописных экземпляров сочинений: «Речь Наполеона к князьям Рейнского союза» и «Письмо Наполеона королю Прусскому в Дрезден». Одновременно по Москве прошел слух, что французский император распространяет прокламации, в которых заявляет о намерении захватить через полгода «обе российских столицы». Допросив 63 человека в течение 14 часов, следствие вышло на В. Он показал, что прокламацию под названием «К королю Прусскому» он перевел из гамбургской газеты, поднятой им с мостовой на Кузнецком мосту. Помогал делать перевод коллежский секретарь Мешков, бывший служащий Московского Словесного суда.

Однако отец В. заявил, что газету дал его сыну почт-директор Ключарев. Со своей стороны, Ключарев показал, что обо всем этом впервые слышит. В. вскоре изменил показания, признав, что сочинил тексты прокламаций сам. Пояснил, что 17 июня, «находясь в своем доме в особой комнате один, взял четверть листа бумаги и начал писать упомянутое сочинение, в совершенном был тогда разсудке, располагая, как будто сам Наполеон свои мысли против нынешних известных военных действий».

Выяснилось, что В. является франкофилом, поклонником Наполеона, блестящей карьеры и успехов великого полководца, и одержим идеей быть на него во всем похожим. В. хранил дома портреты Бонапарта в богатой раме и еще 23 французских генералов. «Бонапартизм» 23-летнего В. принял довольно неожиданную форму: он стал воображать себя императором, сочинив от его имени две весьма напыщенные речи.

Речь к князьям Рейнского союза:

«Венценосные друзья Франции! Дела в Европе взяли другой оборот. Повелеваю вам, как глава Рейнского союза, для пользы общей удвоить свои ополчения, приведя

их в готовность пожинать лавры под моим начальством на поле чести. Вам объявляю мои намерения: желаю восстановления Полонии, хочу исторгнуть ее из политического небытия на степень могущественного королевства: хочу наказать варваров, презирающих мою дружбу.

Уже берега Вислы и Прегель покрыты орлами Франции. Мои народы, мои союзники, мои друзья думают со мною одинаково. Я хочу — и поражу древних тиранов Европы. Вы знаете, я держал свое слово, и теперь говорю: прежде шести месяцев две Северные столицы Европы будут видеть в стенах своих победителя света».

Письмо королю Прусскому:

«Ваше Величество! Краткость времени не позволила мне известить Вас о последовавшем занятии областей Ваших. Я для соблюдения порядка определил в них моего Принца. Будьте уверены, Ваше величество, в моих к Вам искренних чувствованиях дружбы. Очень радуюсь, что Вы, как курфюрст Бранденбургский, заглаживаете недостойный Ваш союз с потомками Чингисхана (т. е. с Россией — прим. автора) желанием присоединиться к огромной массе Рейнской монархии».

Сам по себе факт сочинения подобных посланий в мирное время заслуживал, скорее, медицинского интереса. Однако Москва летом 1812 г. ожидала прихода французских войск и находилась на осадном положении. Москвичи отзывались о поступке В. крайне отрицательно: «Этот злодей написал то, чего и сам Бонапарт писать не смеет».

Губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин сообщил Александру I по поводу дела В. буквально следующее: «Надо поспешить произведением в исполнение приговора в виду важности преступления, колебаний в народе и сомнений в обществе. Я осмелюсь предложить Вашему Императорскому Величеству средство согласить правосудие с Вашею милостию: прислать мне указ, чтобы Верещагина

повесить, возвестить на виселицу и потом сослать в Сибирь в каторжную работу. Я придам самый торжественный вид этой экзекуции и никто не будет знать о помиловании до тех пор, пока я не произнесу его».

15 июля общее присутствие Московского магистрата с Надворным судом приговорило В. к «лишению доброго имени», заклепанию в кандалы и вечной ссылке в г. Нерчинск. Мешкова же за содействие В. в изготовлении подрывной фальшивки предписывалось, лишив его чинов и личного дворянства, отдать в военную службу. Первый департамент Московской палаты уголовного суда 20 июля приговор утвердил. Однако Ростопчин стал требовать более сурового наказания, и по его инициативе дело было передано в Сенат.

19 августа Сенат вынес следующее решение: хотя от «пасквиля», написанного Верещагиным, «никакого вреда не последовало», и он написан «единственно из ветренности мыслей», но в условиях 1812 г. дерзкие выражения в адрес России от имени Наполеона, содержащиеся в письмах, квалифицируются как измена. Поэтому В. должен быть наказан 25 ударами кнутом и каторгой, его же сочинения палач должен публично сжечь под виселицей.

Одновременно Сенат начал пересмотр дел соучастников В. — Мешкова, Ключарева и др. Процесс затянулся до 1816 г., В. не дожил до его окончания. В день оставления русскими войсками Москвы 2 сентября 1812 г., по приказу Ростопчина он был убит унтер-офицерами охраны московского губернатора при полном одобрении и участии горожан.

Верин Иван (нач. XVII в.), русский писец, служил в городском управлении Нотебурга. Был завербован шведской разведкой. Через анонимного посредника в Ладогe переправлял им сведения о русских войсках, внутренней

и внешней политике. Был разоблачен, его судьба не выяснена.

Вертепов Дмитрий Петрович, 1897 г. рождения, урож. селения Ольты Карской области, хорунжий казачьих войск царской армии.

Происходил из семьи терских казаков. Окончил Владикавказский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В октябре 1917 г. произведен в хорунжие и назначен в 1-й Волгский полк Терского казачьего войска. После октябрьского переворота поселился на Тереке, где в 1918 г. участвовал в восстании казаков против большевиков. Участник Гражданской войны в составе белой армии. Эмигрировал с ее остатками в Грецию, а затем — в Югославию, где служил в пограничных частях. Работал на строительстве железной дороги, а затем — на сахарном заводе.

В 1941 г. после нападения Германии на СССР в составе Дивизиона Собственного Его Императорского Величества конвоя поступил в т.н. Русский охранный корпус. После включения корпуса в состав вермахта получил звание оберлейтенанта. Участвовал в боях с югославскими партизанами и частями Красной армии. После разгрома нацизма эмигрировал в США.

Умер в 1976 г.

Веселовский Абрам (уп. в первой трети XVIII в.), дипломат.

Русский резидент (посол) в Священной Римской империи (1716—1720 гг.). Имел тайные сношения с организатором побега за границу царевича Алексея (см. соотв. статью) А.В. Кикиным (см. соотв. статью). По его поручению получил гарантии от Венского двора в том, что царевич в случае побега получит убежище и защиту. После прибытия

в Вену П.А. Толстого, получившего приказ Петра I любой ценой возвратить сына на родину, имитировал активное содействие эmissару царя в выполнении этой задачи.

В 1720 г. был удален от венского двора в ответ на «немилостивый» прием имперского посла в России. Вместо возвращения на родину он бежал, прихватив значительную сумму казенных денег, и скрылся на территории Империи.

Представители русского царя не могли добиться от венских властей какой-либо информации о местонахождении В. По мнению многих исследователей причиной измены являлся страх перед разоблачением его роли в деле царевича Алексея.

Умер в эмиграции.

Ветров Владимир Ипполитович, 1932 г. рождения, урож. г. Москвы, бывш. помощник начальника отдела Управления «Т» 1-го Главного управления КГБ СССР (разведка), подполковник.

В. — выходец из семьи крестьян, осевших в городе. Его отец, участник Великой Отечественной войны, воевал на Волховском фронте, мать всю жизнь работала на фабрике.

В 1951 г. В. поступил в Московское высшее техническое училище им. Баумана (МВТУ) на факультет электроники. Активно занимался спортом, был чемпионом СССР среди юношей в беге на 300 и 400 м. По окончании вуза получил диплом инженера-механика и был направлен по распределению в закрытое «номерное» предприятие, производящее оборонную продукцию.

В 1959 г. был призван на службу в органы КГБ. В течение двух лет обучался в школе контрразведки, а после специальной подготовки был зачислен в подразделение по сбору научно-технической информации. Дважды находился в заграникомандировках: во Франции (1965—1970) и Канаде

(1974—1975). Последние годы работал в Москве в центральном аппарате 1-го Главного управления.

В апреле 1981 г. через агента французских спецслужб установил контакт с французскими спецслужбами и в течение нескольких месяцев передавал их представителям совершенно секретные материалы о работе советской разведки в области негласного получения на Западе образцов современной технологии и др. важной информации научно-технического характера. В силу занимаемой должности В. имел доступ практически ко всем разведданным в этой сфере. Кроме того, он выдал французам более 400 кадровых сотрудников КГБ, занимавшихся научным и промышленным шпионажем, а также около 60 агентов советской разведки из числа иностранцев, добывавших сведения в интересах военно-промышленного комплекса СССР.

События, связанные со шпионской деятельностью и разоблачением В., вызвали большой резонанс за рубежом. Шеф французской контрразведки М. Шале — непосредственный участник этой шпионской операции, пользуясь «гробовым молчанием» советских спецслужб и средств массовой информации, дал ей такую оценку: «Эта операция — самая значительная из всего того, что проводили спецслужбы свободного мира, а Фэревел (псевдоним В. в материалах контрразведки Франции) — самый важный агент из числа сотрудников КГБ, использовавшихся западными спецслужбами... Почему же он выбрал именно Францию в качестве той страны, которой он предложил свои услуги? Он говорил по-французски и работал несколько лет сначала во Франции, а затем в Канаде, во французских провинциях. Он полюбил Францию и постоянно чувствовал привязанность к ней и ее культуре... Только общаясь с французами, в том числе и с сотрудниками спецслужб, он чувствовал себя по-настоящему свободным человеком». М. Шале подчеркивает, что В. работал на французов со-

вершенно бескорыстно, из идейных соображений, стремясь нанести чувствительные удары как по КГБ, так и по всей советской системе.

Известный французский журналист Т. Волтон в книге «КГБ во Франции», написанной по очевидному заказу спецслужб, приводит некоторые подробности операции. В частности, пишет о том, что В. вышел на французскую контрразведку через одного коммерсанта, за что тот был впоследствии награжден орденом Почетного легиона.

Журналист повествует, что французские спецслужбы долго не решались установить агентурные отношения с В., опасаясь провокации КГБ. По оценке Т. Волтона, В. нанес громадный ущерб советскому режиму и КГБ, т. к. был «высшим офицером» советской разведки, работал в центральном аппарате и обладал неограниченными возможностями для получения важнейшей информации. Как и М. Шале, Т. Волтон утверждает, что В. сотрудничал с французами бескорыстно, по идейным соображениям. На страницах своей книги журналист пытается создать образ «борца-одиночки», который заслуживает места в списке наиболее ярких героев тайной войны XX века.

Позднее на французском телевидении был показан документальный фильм, в котором по воле авторов В. предстает перед зрителем как «очарованный Францией борец за демократию и свободу». По мнению создателей киноленты, французские разведчики проявили в этом деле высочайший профессионализм и изощренность, сумев обыграть такую всесильную спецслужбу, как КГБ.

Все эти версии стали по сути дела общим местом многочисленных зарубежных публикаций, посвященных В. Робкие попытки некоторых специалистов (например, бывшего руководителя французской разведки П. Марьона) оспорить их, потонули в общем потоке мощной пропагандистской кампании. При этом российские СМИ при освещении этого

дела были ориентированы, как правило, на западную точку зрения.

Ситуация резко изменилась только в 1997 г. после выхода во Франции в издательстве «Робер Лафонт» книги российского журналиста С. Костина «Здравствуй, Фэревел. Правда о французском шпионе в КГБ». Автор провел тщательное исследование операции «Фэревел», беседовал со многими ее участниками, родственниками и окружением В. и пришел к выводам, ставящим под сомнение интерпретации западных спецслужб.

Книга, до сих пор не переведенная на русский язык и почему-то обойденная вниманием западных и российских СМИ, открыла новые данные о деле «Фэревел». Укажем на некоторые из них. Во Франции В. действительно зарекомендовал себя как способный разведчик, сумевший провести ряд ценных вербовок и приобрести обширные связи, интересующие советскую разведку. Однако уже там были отмечены его самомнение, явная переоценка своих возможностей, стремление к обогащению, карьеризм. И такой, используя стандартную терминологию минувшей эпохи, моральный облик вовсе не был исключительным на фоне общей обстановки в советской разведке тех лет. Стяжательство, бесконтрольность в расходовании средств, кастовость, ханжество. Дело доходило до того, что наиболее «престижные» резидентуры (определялись по уровню жизни страны пребывания) формировались по принципу «телефонного права», когда в их состав включались исключительно родственники (близкие и дальние) советской партийной и государственной номенклатуры. Для этих лиц пребывание за границей стало не только источником материального благополучия, но и символом принадлежности к элите советского общества. Естественно, любая угроза лишиться возможности выезда за рубеж рассматривалась ими как катастрофа.

В. быстро освоился в этой атмосфере, и будь он строже к себе и ответственнее, вероятнее всего, по сей день бы занимал высокие государственные посты. Но, увы... На исходе своего пребывания во Франции он в нетрезвом состоянии попал в аварию на служебной автомашине. Чтобы избежать взыскания, был вынужден обратиться за помощью к французскому коммерсанту Прево, хотя знал, что тот — агент контрразведки. Француз выручил В., за ночь привел машину в порядок, чем поставил советского разведчика в зависимое положение, закладывая основу его дальнейшей вербовки.

Позднее Прево продолжил разработку В. в Москве, куда приезжал по «коммерческим» делам. Он посещал квартиру В., о чем последний начальству не доложил, хотя был обязан.

Будучи в Канаде, В. вновь попадает в компрометирующую ситуацию. С его одобрения жена пытается продать через антикварный магазин драгоценности. Через несколько дней магазин оказывается «ограбленным», и В. вынужден объясняться в полиции «как потерпевший». Имеются все основания полагать, что именно в Канаде под угрозой огласки этого факта В. получил первое предложение от сотрудников западных спецслужб, принять которое не решился.

Его командировка в Канаде была досрочно прервана, видимо, после получения службой безопасности советского посольства данных о допущенных им нарушениях. Отныне выезд В. за границу был закрыт, что, по сути дела, сделало невозможным успешное развитие его дальнейшей карьеры. Действительно, он долгое время оставался в прежней должности и звании (вплоть до ареста, его положение в разведке было более чем скромным), начал злоупотреблять спиртным, обострились его и без того не безоблачные отношения с женой. Он пытается найти уте-

шение в беспорядочных связях с женщинами, на что требовались побочные источники доходов. Его очевидный комплекс неполноценности усугублялся постоянными конфликтами с руководством.

К роковому решению подтолкнул и новый, весьма существенный фактор. Как раз в это время ему был доверен малопрестижный, но сложный и весьма ответственный участок по обобщению и анализу данных, поступающих по линии всей научно-технической разведки (другими словами, по воле руководства он получил доступ к совершенно секретной информации громадного объема). Кроме того, его очередной раз обошли с повышением в должности, отдав предпочтение менее опытному работнику с солидными связями «наверху». В. принимает решение отомстить начальству, доказать, как он заявил потом на следствии, что остается «профессионалом высокой пробы».

Через французского коммерсанта он восстанавливает связь с Прево и предлагает свои услуги французским спецслужбам. Передает им вначале часть совершенно секретной информации, после чего на него выводят пом. военного атташе при посольстве Франции в Москве Феррана.

Французские спецслужбы не были готовы к работе с агентурой такого масштаба, как В. Когда Ферран предложил В. условия связи, тот понял, что имеет дело с дилетантами, и заявил, что сам разработает способы встреч и гарантирует их высокую эффективность. Французы были вынуждены принять эти условия. Их связники проводили конспиративные встречи по схемам, созданным в системе КГБ. Таким образом, есть все основания согласиться с одним из коллег В. в том, что «в данном случае не французские спецслужбы обыграли советскую контрразведку, а КГБ, как это ни парадоксально, обыграл самого себя».

Более того, как показывают материалы следствия, французы допустили ряд грубых промахов в организации рабо-

ты со своим действительно ценным агентом. Ими, в частности, не были предусмотрены и не обговорены с В. меры по его переходу на нелегальное положение в случае провала или других чрезвычайных обстоятельств. Необходимость в этом действительно возникла после того, как В. попытался убить свою любовницу, догадавшуюся о его шпионской деятельности, а затем ударом ножа убил случайного свидетеля преступления. Это привело к аресту В. и, как следствие, — потере французами источника уникальной информации.

Уже в 1984 г., находясь в Лефортовской тюрьме, В. показал, что по просьбе французских спецслужб собственноручно составил записку, объясняющую причины его предательства. Понимая недоверие к нему спецслужб (а они всегда боятся агентов-двойников), В. написал письмо в расчете на национальные психологические особенности французов (он неплохо изучил их во Франции).

«Уважаемый господин Морис! — начинает свое объяснение В. — Вы спрашиваете меня, почему я решился на установление связи с Вашим представителем в Москве. Постараюсь ответить исчерпывающим образом. Я очень люблю Францию, которая глубоко запала мне в душу. В моей стране я вижу, что в целом люди живут по принципу: человек человеку — волк, что противно моему существу.

Я имею хорошие возможности передавать Вам секретные материалы по линии научно-технической разведки. За свои услуги я хотел бы получать в год 30—40 тысяч рублей. Ветров».

Маневр В. оказался безупречным. Его версия причин измены действительно была точно рассчитана: какой француз не поверит, что «Франция» глубоко «запала в душу» человеку, ее посетившему? Или что Париж не «столица мира»? Кто посмеет утверждать, что французский язык — не самый ясный и благозвучный, а французская культура — не самая утонченная и изысканная? Французы поверили В., так как хотели в это верить.

Комментируя эту версию, один из офицеров КГБ заявил: «В. никого не любил: ни жену, ни сына, ни свою профессию, ни товарищей, ни Родину, ни тем более Францию. Он любил только себя. Единственное, что он воспринял на Западе, так это — индивидуализм, но сделал это по-русски, т. е. довел его до крайности».

Эта оценка личности В., видимо, наиболее адекватна. Он, например, не думал о последствиях, обсуждая с сыном план убийства своей любовницы, а затем поручая ему уничтожить миниатюрный фотоаппарат, полученный от французов.

Уже в лагере предатель не скрывал удовлетворения от просочившихся из печати сведений, что французские власти выдворили 47 советских разведчиков, работавших под дипломатическим и другими прикрытиями, будучи уверенным, что эта акция осуществлена по его информации.

В. не задумывался о еще более серьезных последствиях своей измены, в результате которой серьезно осложнились отношения между СССР и Западом. При этом материалы, полученные от В., дали повод западным странам существенно ужесточить свои позиции по отношению к Советскому Союзу и сорвать принятие ряда уже фактически готовых соглашений в политической и экономической областях.

Вопреки утверждениям французских спецслужб, В. действительно получал от них немалое материальное вознаграждение в виде денежных сумм и дорогих вещей. Видимо, с учетом его существенно возросших нездоровых наклонностей регулярно получал от них и спиртные напитки.

После ареста французы принимали меры к его розыску, но убедились в окончательной потере агента только в 1985 г. после его казни.

Предательство В., как видно из материалов следствия, нанесло большой ущерб СССР и его спецслужбам и стало

ярким свидетельством глубокого кризиса советского общества начала 80-х гг., в частности, деградации элитных социальных групп, что проявилось в полной мере в эпоху т. н. перестройки.

Виниченко Григорий Васильевич, 1889 г. рождения, урож. с. Скибенцы Кашпиловской волости Таращанского уезда Киевской губернии.

Проходил воинскую службу на Черноморском флоте на броненосце «Синоп» (матрос-кочегар 2-й статьи). Во время Первой мировой войны был телефонистом 97-го Лифляндского пехотного полка. Был взят в плен под Сморгонью 16 сентября 1915 г. При допросе назвался прапорщиком 98-го Юрьевского полка Григорием Бедриком.

В плену содержался в различных концлагерях. 20 мая 1917 г. в лагере под г. Данцигом был завербован агентом германской разведки, пленным матросом Черноморского флота Дубининым. В. перевезли в лагерь Альтам, где он по заданию немцев занимался вербовкой военнопленных. Склонил к сотрудничеству с германской разведкой вольноопределяющегося Николая Кирьянова, вахмистра Волкова и военнослужащего гарнизона г. Вильны Владимира Стасиневича.

Затем В. был отправлен в Берлин, где получил задание для работы в России, подписал клятву на верность Германии. Ему было поручено организовать в России провокационные убийства английских офицеров-союзников, а также покушения на Керенского, Милюкова и Гучкова. В. обучили тайнописи и другим методам шпионской работы. Обучение проходило на вилле Аренберг под г. Гамбургом. Занятия проводил германский разведчик Гизеле.

В августе 1917 г. В. под агентурным номером 110 был внедрен в группу русских пленных, отправляемых на Роди-

ну через Данию. Он успешно прошел карантин и добрался до Петрограда. Однако здесь попал под подозрение контрразведки. Прапорщику П.И. Самойлову, занимавшемуся проверкой благонадежности вернувшихся из немецкого плена солдат и младших офицеров, удалось получить доказательства связи В. с германской разведкой. В. был арестован. Его дальнейшую судьбу выяснить не удалось.

Владислав Завидович, Гаврила Игоревич, Юрий Олексич, Гаврила Милятинич (уп. 1216), новгородские бояре.

1 марта 1216 г. началась междоусобная война новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого (?—1228) с Ярославом Всеволодовичем (?—1246). Закончилась эта усобица знаменитой Липицкой битвой 22 апреля 1216 г. и поражением Ярослава и его союзников - суздальцев.

В самом начале войны, 3 марта 1216 г. часть новгородских бояр — В.З., Г.И., Ю.О., Г.М. тайно покинули полки Мстислава и вместе с семьями бежали к Ярославу. Летописец называет их «крестопреступниками», т. е. расценивает их переход на сторону Ярослава не как осуществление феодалного права отъезда, но отождествляет их поступок с первичным пониманием измены — измена как несоблюдение присяги, клятвы, данной господину, сюзерену. Примечательно, что само поведение Ярослава, принявшего перебежчиков, оценивается летописью как преступное. Он и сам нарушил крестоцелование, данное другим князьям, поэтому они с ним борются именем «честного креста», и после поражения Ярослав говорит, что «по правде меня крест убил».

Власов Андрей Андреевич, 1901 г. рождения. Бывш. генерал-лейтенант Красной армии, бывш. заместитель командующего Волховским фронтом.

Родился в селе Ломакино Гагинского уезда Нижегородской губернии в семье бедного крестьянина. Был тринадцатым ребенком. Учился в Нижегородском духовном училище, затем — в семинарии. В 1919 г. поступил на агрономический факультет Нижегородского государственного университета. В 1920 г. был мобилизован в Красную армию, служил рядовым в 27-м Приволжском стрелковом полку. Вскоре был направлен на краткосрочные курсы командного состава, после окончания которых назначен командиром стрелкового взвода во 2-й Донской дивизии, действовавшей на Южном фронте против Деникина и Врангеля.

После Гражданской войны командовал ротой, полковой учебной частью. В 1928 г. направлен на учебу в Москву на стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава. Через два года становится преподавателем тактики в Ленинградской объединенной военной школе им. В.И. Ленина, вступает в партию. Положительно зарекомендовал себя как преподаватель. В 1935 г. окончил курс Ленинградского отделения Военной академии РККА, был переведен в мобилизационный отдел Ленинградского военного округа.

В этом же году был назначен командиром 11-го стрелкового полка 4-й Туркестанской дивизии. За короткий срок превратил часть из отстающей в образцовую. В 1938 г. В. уже является помощником командира 72-й дивизии, но вскоре переведен в штаб Киевского военного округа.

Осенью 1938 г. был командирован в Китай. Под псевдонимом Волков занимал пост начальника штаба советского военного советника, а с мая 1939 г. — советника при губернаторе Шанси генерале Чинь-Си-Шане. Некоторое время исполнял обязанности руководителя аппарата военных советников, был награжден Чан Кайши орденом Дракона.

В 1939 г. В. возвращается в СССР и вновь направляется в Киевский военный округ, но уже в качестве командира

дивизии. В 1940 г. за образцовое выполнение служебных обязанностей награжден орденом Ленина. К тому времени в советской печати появляются публикации, восхваляющие В., его военные способности, внимание к подчиненным.

Начало войны застало В. в должности командира 4-го моторизованного корпуса на Украинском фронте. Часть защищала Львов, несколько раз попадала в окружение.

В августе и сентябре 1941 г. В. командовал 37-й армией, которая упорно защищала г. Киев и лишь после окружения оставила его и вырвалась из котла.

В ноябре 1941 г. В. был отозван в Москву, где встречался с И.В. Сталиным, после чего возглавил 20-ю армию, участвовавшую в обороне столицы. Части армии совместно с 16-й армией К.К. Рокоссовского освободили Истру, Солнечногорск и Волоколамск.

В декабре 1941 г. Совинформбюро сообщило о провале немецкого наступления на Москву. Среди командиров, оборонявших город, был назван и В. В январе 1942 г. он был награжден орденом Красного Знамени и произведен в генерал-лейтенанты. Армия В. участвовала затем в советском контрнаступлении, с целью окружения немцев в районе Можайска, Гжатска и Вязьмы.

В марте 1942 г. В. назначают заместителем командующего Волховским фронтом. Одновременно он руководил действиями 2-й ударной армии. Ставка требовала от командующего фронтом К.А. Мерецкова непрерывного давления на немцев для облегчения положения Ленинграда. В результате недостаточно подготовленного наступления войска 2-й ударной армии попали в тяжелое положение. В. тщетно ожидал подкрепления. Вскоре его части оказались в окружении. 2-я ударная армия продолжала упорные бои с противником, на некоторое время ей удалось создать коридор в районе Мясного Бора. Были вывезены все раненые, однако немцы через 2 дня ликвидировали брешь в

окружении. Части В. вновь пошли в атаку с целью деблокирования, но выйти из котла удалось только нескольким небольшим подразделениям. После этой неудачи В. отдал приказ подчиненным разбиться на небольшие группы и самостоятельно пробиваться к своим. Он лично возглавил одну из таких групп, но она была обнаружена немцами и окружена. В. отдал приказ солдатам сложить оружие и сам сдался в плен. Представился немецкому офицеру, после чего был доставлен в распоряжение 18-й армии вермахта, где был допрошен ее командующим генералом Линдеманом. В. был принят весьма учтиво. Он дал Линдеману подробные пояснения о дислокации войск Волховского фронта.

Спустя три дня был допрошен немецким Верховным командованием, а затем помещен в лагерь для особо важных военнопленных в Виннице. Здесь он познакомился с полковником В. И. Боярским, вместе с которым составил письмо немецким властям с предложениями использовать в борьбе с Красной армией антисталинские настроения, якобы распространенные среди офицеров, солдат и гражданского населения. Этот шаг В. дал основание гитлеровским спецслужбам к активной обработке пленного генерала с целью склонения его к сотрудничеству. К В. было направлено несколько офицеров разведки, среди которых особых успехов добился капитан В. Штрик-Штрикфельдт, служивший в годы Первой мировой войны в русской армии.

В сентябре 1942 г. В. сделал решительный шаг на пути к предательству: он подписал листовку, подготовленную управлением «Вермахт-Пропаганда», содержащую призыв к солдатам и офицерам Красной армии дезертировать. После этого В. был доставлен в Берлин, где дал окончательное согласие на сотрудничество с гитлеровцами, и в частности, на организацию т. н. Русского освободительного движения (РОД), куда должны были войти советские военнопленные и белоэмигранты.

В Берлине В. свели с Г.Н. Жиленковым, М.А. Зыковым, В.Ф. Малышкиным (см. соотв. статьи) и др. активными пособниками немцев. Ими была составлена программа РОД, согласованная с фашистскими спецслужбами. Эта программа получила позднее известность как «Смоленская Декларация». Листовки с ее текстом немцы сбрасывали над советской территорией по личному указанию А. Розенберга.

В феврале 1943 г. В. по указанию немцев прибыл на оккупированные территории в район Смоленска. Его сопровождали офицеры немецкой разведки. Здесь была организована серия выступлений В. перед советскими военнопленными и гражданским населением. В своих речах В. призывал их вступать в военные формирования для борьбы с большевизмом на стороне Германии. Вскоре состоялось второе «турне» В. уже в Псков. Здесь он встретился с представителями Православной церкви, различных антикоммунистических организаций, выступал на заводе, а затем в местном театре. Он посетил Лугу, Волосово, Сиверскую, Толмачево, Красногвардейск, Петеревиц, Дедовичи. На состоявшихся в каждом из этих населенных пунктов «собраниях» призывал поддерживать «германского союзника» и объединяться в борьбе со сталинским режимом «во имя новой России».

Вскоре появилось его «открытое письмо» под названием «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». В этом письме В. предлагал всем соотечественникам последовать его примеру, сражаться с Красной армией с оружием в руках.

Поездка В. не принесла ожидаемых результатов в силу того, что политика гитлеровцев на оккупированных территориях (изъятие у населения материальных ценностей, угон рабочей силы, в основном молодых людей, в Германию, массовые жестокие репрессии в отношении гражданских жителей и т.д.) явно диссонировала с заявлениями плен-

ного генерала о необходимости поддержки немецких властей и создании блока всех антибольшевистских сил. Кроме того, руководители Третьего рейха с большой настороженностью отнеслись к высказываниям В. о том, что он желает возрождения «новой России». Это явно не входило в их планы, по которым предусматривалась полная оккупация территории СССР, уничтожение большей части его населения, полное искоренение ее культурных традиций и т.п.

Эти замыслы красноречиво выразил шеф СС Г. Гиммлер: «Что происходит с русскими или чехами, мне совершенно безразлично... Живут ли они в благополучии или умирают с голоду, меня интересует постольку, поскольку они нужны нам в качестве рабов нашей цивилизации. Если 10 000 русских женщин валяются мертвыми от истощения за рытьем противотанковых рвов, то это интересует меня постольку, поскольку эти окопы должны быть прорыты ради Германии».

По указанию из Берлина В. были запрещены поездки на оккупированные территории и публичные выступления. Ему, однако, разрешили создание в г. Дабендорф военного тренировочного лагеря, где должны были формироваться вспомогательные подразделения из числа советских военнопленных. Вскоре лагерь превратился в центр власовского движения. Однако активная работа В. и его окружения не находила полной поддержки немцев из-за указаний, данных лично Гитлером о необходимости крайней осторожности с власовским движением.

Период вынужденного бездействия В. заполнял поездками в Дабендорф, Магдебург, Франкфурт, Мауну, Кёльн, встречами с гауляйтерами, членами РОВС (см. соотв. ст.), лидерами русской эмиграции.

Тем временем участились массовые переходы солдат и офицеров власовских частей на сторону Красной армии и

партизан. Гитлер был взбешен, дал указание расформировать эти части и превратить в рабочих и шахтеров. Однако вскоре этот приказ был изменен, и власовские батальоны были сняты с Восточного фронта и переброшены на Запад (Франция, Италия).

Постепенно отношение руководства Рейха к В. и его движению начало меняться, т. к. к началу 1944 г. после ряда жестоких поражений от Красной армии вермахт понес невосполнимые потери в живой силе. В сентябре 1944 г. Гиммлер лично принял В. На этой встрече рейхсфюрер дал указание о создании под руководством В. т. н. Комитета освобождения народов России (КОНР — см. соотв. ст.) и формировании его вооруженных сил.

В. активно взялся за выполнение этих указаний. Был составлен манифест КОНР (см. приложение №7) и назначен учредительный съезд на ноябрь 1944 г., состоявшийся в Праге. Кроме русских коллаборационистов, в нем приняли участие националистические организации украинцев, белорусов, калмыков, туркмен, республик Кавказа. Руководителем КОНР, как и ожидалось, был избран В., он же возглавил его вооруженные силы, основу которых составили части т. н. Русской освободительной армии (РОА), сформированные им еще до создания КОНР.

В спешном порядке соединения КОНР были укомплектованы и вооружены. 1-я дивизия была направлена в Чехословакию, казачьи части — в Австрию и Италию, 1-я украинская дивизия двинулась в Саксонию навстречу Красной армии и вступила с ней в ожесточенные бои.

Однако стремительное наступление советских войск и успехи ее союзников на Западном фронте привели В. и его ближайшее окружение к выводу о неизбежности скорого краха Третьего рейха. В. начал злоупотреблять спиртными напитками, впадать в депрессию. Чтобы поднять настроение ренегату, гитлеровские спецслужбы решили «устро-

ить» его личную жизнь. Его отправили в санаторий, где познакомили с его заведующей Хейди Биленберг, вдовой эсэсовского офицера. Между бывшим советским генералом и немкой вскоре установились близкие отношения, которые завершились регистрацией брака. Однако этот поступок В. как «лидера русского освободительного движения» был отрицательно воспринят в его окружении.

События на фронтах в начале 1945 г. заставили В. выехать в распоряжение 1-й дивизии РОА — КОНР. Тотальное отступление немецких войск на востоке и на западе поставило В. перед трудным выбором. Он попытался установить контакт с советским военным командованием, отправив маршалу И. Коневу телеграмму с предложением действовать против немцев совместно, и в частности, силами своей дивизии нанести им удар с тыла. Однако ответа от И. Конева он не получил. После этого В. решил с группой офицеров РОА пробиваться к американцам.

11 мая 1945 г. он, однако, был опознан и арестован офицерами Красной армии. При задержании сопротивления не оказал и вместе с другими предателями был доставлен в Москву.

После расследования В. и др. руководители РОА — КОНР были преданы суду, который состоялся в августе 1946 г. Во время судебного заседания В. заявил буквально следующее: «Я признаю себя виновным в том, что, находясь в трудных условиях, смалодушничал, сдался в плен немцам, клеветал на советское командование, подписывал документы, призывающие к свержению Советов... Я успел сформировать все охвостье, всех подонков, свел их в комитет, редактировал гнуснейший документ, формировал армию для борьбы с советским государством... Содеянные мной преступления велики и ожидаю за них суровую кару. Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, правда, поздно, но на суде и следствии

старался как можно яснее выяснить всю шайку. Ожидая жесточайшую кару».

Суд приговорил В. и всех других подсудимых к высшей мере наказания. Они были повешены в конце августа 1946 г.

Власьев Афанасий Иванович (уп. в конце XVI — нач. XVII в.), думный дьяк.

В 1584 г. — подьячий. В 1595 и 1599 гг. участвует в должности дьяка в русских посольствах в Священную Римскую империю. Зарекомендовал себя как способный дипломат. С 1599 г. в течение пяти лет возглавлял приказы Казанского и Мещерского дворцов, одновременно (1601—1605 гг.) управлял в чине думного дьяка Посольским приказом.

В 1601—1602 гг. был направлен послом к польскому королю Сигизмунду III. По некоторым источникам, именно в это время был привлечен поляками к сотрудничеству, обещал тайное содействие Речи Посполитой в ее борьбе против русского престола. В 1605 г. был послан царем Борисом Годуновым в армию с выговором воеводам за отступление от Рыльска после столкновений с отрядами Лжедмитрия I. Видимо, установил негласный контакт с самозванцем, ставленником поляков. При приближении последнего к Москве организовал ему встречу как царевичу Дмитрию. Был пожалован самозванцем в окольничьи. Вскоре был назначен главой Посольского приказа с титулом канцлера, великого секретаря и казначея. Удостоился «честь» посетить Польшу и доставить в Москву невесту самозванца М.Ю. Мнишек, замещал его во время венчания. В 1606 г. после низложения и убийства Лжедмитрия I был сослан в Уфу, однако в 1611 г. во время польской интервенции по указу короля Сигизмунда III возвращен в Москву, где восстановлен в должности думного дьяка и казначея. Его судьба после изгнания поляков неясна, он еще

долго продолжает фигурировать в русских деловых документах как «вор Афанасий, разоритель веры христианской».

Военные и националистические формирования периода Первой мировой войны

Во время войны немецкая разведка вела активную работу по вербовке представителей национальных меньшинств Российской Империи, их вербовки и формированию воинских подразделений. По донесению русского военного агента из Копенгагена, в 1916—1917 гг. почти все военнопленные магометанского происхождения в течение шести месяцев подвергались агитационной обработке немецкими спецслужбами. Им, в частности, показывали фильмы, которые изобиловали кадрами, как русские, англичане и французы убивают и издеваются над мусульманами. Тех, на кого пропаганда не действовала, переводили в концлагеря и морили голодом. Немцам удалось сформировать 12-тысячный мусульманский корпус, который планировалось использовать на Кавказе, в Галиции и Месопотамии.

Аналогичные методики (фильмы, листовки, пропагандистская литература, пропитанная духом «Убей русского!») применялись германскими спецслужбами для обработки поляков.

В Берлине был создан союз «Вызволения Украины». В конце 1916 г. в концлагере «Раштат» тысяча украинцев присягнула на верность Германии. Их одели в казачью форму, назвали «Войском Богдана Хмельницкого» и отправили в Румынию. Программными задачами «Войска» было отделение Украины от России и образование на ее территории королевства во главе с немецким наместником. Членам «Войска» раздавались особые значки с изображением льва, что символизировало их готовность сражаться с Россией. Всего в лагере «Раштат» в немецкой спецшколе про-

шли подготовку, по агентурным данным, около семи тысяч человек.

Германские спецслужбы при вербовке применили весьма любопытный прием: они утверждали, что знаменитый украинский поэт Тарас Шевченко (1814—1861) не умер, а переселился в Германию. Лжешевченко возили по лагерям, где он читал стихи, славящие независимость Украины.

Аналогичные организации немцы формировали из пленных грузин, имея в виду отделение Грузии от России. На Кавказе в Карской области было зафиксировано сотрудничество с турецкой армией кавказских мусульман.

Военнопленные русской армии в период Первой мировой войны

Немецкие и австрийские спецслужбы с первых же дней войны вели активную работу среди военнопленных, пытались завербовать их для выполнения террористических и диверсионных акций, а также для шпионажа. Первые дни плена русских солдат и офицеров помещали в относительно комфортные условия, хорошо кормили, обеспечивали теплым жильем, одеждой. Затем для контраста бросали в тюрьмы, лагеря, морили голодом и холодом. В лагере г. Дунна-Сардагель был распространен следующий прием устрашения: пленного в одном белье помещали в обитый цинком гроб с маленьким отверстием для дыхания и с металлической решеткой на дне. Держали пленного на солнце по несколько часов. Время от времени часовой стучал прикладом в крышку гроба и кричал: «Русь, не спи!» После подобных издевательств предлагалось оценить разницу условий содержания в плену, сделать «правильный выбор» и начать служить «великой Германии». Согласным на предательство поручалась диверсионная работа и сбор разведданных. Отдельным лицам давалось задание убивать офицеров союзных России войск, чтобы вызвать осложне-

ния в отношении России с другими странами Антанты. За покушение на англичанина, к примеру, немцы платили по 15 тысяч рублей.

Стойкость людей, попавших в эти жестокие условия, проявлялась по-разному. В ряде случаев немцы находили предателей. Некоторые начинали сотрудничать с врагом уже в лагерях, становились старостами, надзирателями, выдавали немцам своих бывших товарищей. Например, рядовой 159-го Гурийского полка Абрам Ганкич выдал немцам русского гусара, рассказав, будто бы в свое время колол пикой пленных германских солдат. Гусара расстреляли. Рядовой Новак донес, что прапорщик Львов вымазал дерьмом стоящий в коридоре лагерной канцелярии бюст кайзера Вильгельма, за что Львова бросили в карцер.

В лагере «Терезиенштадт» поручик 78-го Тульского пехотного полка Гавронский сотрудничал с администрацией лагеря, требовал от нее расстрела подпоручика Коловского за то, что он, не выдержав издевательств, ударил надзирателя. Здесь же артиллерийский унтер-офицер Травинский подвешивал русских пленных на столбы и избивал. Позднее он завербовался в польский легион. Некий Коваленко работал провокатором, подбивал своих товарищей на побег, а затем выдавал их администрации лагеря.

В лагере «Зизербург» служивший немцам переводчиком военнопленный латыш Яков Трах, развлекаясь, забивал русских заключенных до смерти. В лагере «Вормс» фейерверкер 1-й бригады Василий Шишков заведовал штрафным отделением и прославился своим бесчеловечным отношением к соотечественникам. В лагере «Горвице» издевательствами над товарищами со стороны вольноопределяющегося из Варшавы (фамилия неизвестна) возмутился даже немецкий комендант, выславший изувера в другой лагерь.

В лагерях служили врагу и доносили на своих рядовые: 24-го Симбирского полка Нумеровский (рабочая партия 143,

литера А в Тироле), Яков Циплин (работы в местечке Гайдешь в Альпах), Кронштейн (лагерь «Гайтшафт» в Тироле), Домач (там же), Борис Сандлер (лагерь «Терезиенштадт»), Дембицкий (лагерь Мюнстер), Пинкус Бурштейн, Штайнфельд, Левин Пекуровский и Шпилер (лагерь «Старгард»), Кац (лагерь на ст. Воненсу), Берко Жирновский (лагерь «Асбек»), Шроль (134-й рабочий лагерь в г. Шавли).

Большинство военнопленных держались, однако, стойко, что вызывало озлобленность начальства германских концлагерей. Например, рядовой Кронштадтского минного батальона 1-й роты, уроженец с. Малой Вишеры Крестецкого уезда Новгородской губернии Александр Григорьевич Петров был отдан для обработки лейтенанту Зевальду. Позднее Петров рассказывал следующее: «Я на службе в русской армии состоял минным инструктором, и надежды Зевальда в отношении меня были понятны. Он старался подпоить меня, но я ручаюсь за себя — выпивал, сколько мне было нужно, и шел спать». Отчаявшийся немец перевел Петрова в одиночную камеру в тюрьму Шавли, а затем отправил в концлагерь под г. Франкфурт. Тогда измученный матрос поступил так, как делали многие пленные: сделал вид, что его сломали, прекратил упорствовать, прошел курс обучения шпионской работе и был отправлен в Россию. А там явился в контрразведку и предложил начать двойную игру с целью борьбы с германскими спецслужбами.

Согласно распоряжению Начальника штаба Российского Верховного главнокомандующего от 26 января 1916 г. за № 314 против всех, возвращающихся из вражеского плена, возбуждалось дознание по вопросу о шпионаже и измене Родине. Надо отметить, что для большинства русских пленных формальное согласие на сотрудничество с иностранной разведкой создавало возможность вернуться на Родину. После переброски в Россию, они тут же

являлись в контрразведку и «сдавали с потрохами» своих вербовщиков, агентурные связи, известных им немецких шпионов на русской территории. С помощью одного из таких военнопленных был выявлен, например, немецкий разведчик Бауман (он же — Гофман, он же — Бротейгам). Удалось выяснить и его настоящее имя — Арнульф Брай-тигам.

Волков Константин (отчество и год рождения не установлены).

Бывший сотрудник советской разведки.

Работал под прикрытием вице-консула в Стамбуле.

В сентябре 1945 г. явился в консульство Великобритании, представился заместителем резидента НКГБ и заявил, что принял решение о разрыве с СССР и желании переехать на Запад. Выражая готовность передать имеющуюся у него информацию английским спецслужбам, за что хотел бы получить паспорт для выезда на Кипр и 27 500 фунтов стерлингов (по сегодняшнему курсу — более 5 000 000 ф. ст.). Конкретизируя свое предложение, подчеркнул, что имеет в своем распоряжении сведения о советских агентах в Турции, а также о наличии советской агентуры в МИД и спецслужбах Великобритании. Один из агентов, по словам В., является руководителем отдела британской контрразведки.

Сотрудники английского посольства доложили о содержании беседы с В. послу М. Петерсону, который негативно относился к СИС (английская разведка). Он якобы заявил, что не допустит превращения посольства в шпионское гнездо. По этой причине о визите В. к англичанам было сообщено в Лондон только через две недели. Информация из Стамбула попала в руки сотруднику, который по функциональным обязанностям должен был этим заниматься — начальнику 9-го отдела контрразведки (коммунистические

страны) К. Филби, суперагенту советской разведки. Последний сразу оценил грозящую ему опасность разоблачения, немедленно информировал об этом своего куратора — советского разведчика. В результате из Москвы в Стамбул была выслана оперативная группа, которой удалось вывезти В. и его жену в СССР.

В. за предательство был расстрелян.

Филби под разными предлогами вел следствие по делу В. медленно. В Стамбул прибыл только в конце сентября. Через английских дипломатов организовал запрос в советское посольство о В.

Англичанам ответили, что интересующее их лицо посольству не известно.

Воробьев Иван Андреевич (уп. в 1677 г.), мещанин.

Выходец из Литвы, служил у польских аристократов Вишневецких, где, видимо, слышал рассказы о самозванцах в период Смуты.

В. решил выдать себя за царевича Симеона Алексеевича, ездил по городам Украины, «прельщая многих людей своим воровством». Был арестован вместе с беглым стрельцом Федором и этапирован в Москву под охраной 300 черкасов.

Следствие по указанию царя прошло быстро, за один день.

По приговору Думы В. был четвертован.

Воробьев Яков Фролович, 1907 г. рождения, урож. села Салинское Покровского района Свердловской области.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Был ими завербован, получил агентурную кличку Яровицкий.

Его судьба после окончания войны не выяснена.

Воронова Мария Игнатьевна, 1909 г. рождения.

В феврале 1942 г. В. поступила вольнонаемной на службу в Красную Армию. Направлена в систему военторга, была назначена шеф-поваром 20-й армии, которой командовал генерал Власов. Вскоре была переведена в столовую военного совета армии. После назначения Власова во 2-ю ударную армию, В. переехала туда вместе со своим командиром.

В июле 1942 г., находясь в непосредственном окружении Власова, вместе с ним попадает в плен к немцам, была заключена в лагерь для военнопленных. Вплоть до 1944 г. следы ее теряются.

Летом 1944 г. она оказывается в оккупированной Риге, где устанавливает контакт с офицером по связи штаба Власова, к тому времени уже перешедшего на сторону немцев и возглавившего т. н. Русскую освободительную армию.

По приказу Власова ее доставляют в Берлин, где она признается в том, что была завербована НКВД и направлена в Ригу для внедрения в РОА с целью убийства его командующего. Она была амнистирована немцами за «честность» и до конца войны работала в РОА кухаркой. По некоторым данным, В. по заданию спецслужб РОА вела агентурную работу среди власовцев.

После окончания войны В. вернулась в Советский Союз в г. Барановичи (Белоруссия) и была арестована НКВД. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Воронцов Михаил Илларионович, род. в 1714 г., граф.

В юности служит при дворе, является пажом, а затем камер-юнкером цесаревны Елизаветы Петровны. Женился на графине Скавронской, двоюродной сестре цесаревны (по линии матери, Екатерины I), служившей при дворе статс-дамой.

Активный участник переворота 1741 г., в результате которого был свергнут с престола малолетний император

Иоанн Антонович. После воцарения Елизаветы Петровны пожалован в камергеры и генерал-поручики.

В 1744 г. назначен вице-канцлером, получает графский титул. С 1758 г. — канцлер (высшая государственная должность).

В отставке с 1765 г. Умер через два года после ухода от дел.

Воронцов Сергей Яковлевич, 1947 г. рождения, урож. г. Москвы, бывш. старший оперуполномоченный 2-го отдела Управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области.

В. вырос в семье рабочего. Во время службы в органах госбезопасности зарекомендовал себя хорошим профессионалом, за сравнительно короткий срок был повышен в должности до начальника отделения. Однако вступил в конфликт с руководством отдела, был обвинен в нарушении правил расходования оперативных средств и понижен в должности.

В. принял решение «отомстить» руководству отдела за необоснованные обвинения». После некоторых колебаний он опустил в окно автомашины американского дипломата письмо с предложением выдать за соответствующее вознаграждение совершенно секретную информацию о деятельности КГБ. Поскольку американцы на первую попытку В. установить с ними связь не прореагировали, вскоре повторил свой «эксперимент». На этот раз представитель резидентуры ЦРУ в Москве вышел на условленную встречу и завербовал В. (в досье американской разведки он отныне фигурировал под псевдонимом Коул).

Во время нескольких конспиративных встреч с американцами В. выдал им важные сведения о специальных мероприятиях КГБ СССР и средствах эффективного контроля поведения западных разведчиков при передвижении по

городу, выявлению характера их разведывательных акций. За эти услуги В. получил от ЦРУ вознаграждение в размере 35 тыс. рублей (по курсу 1985 г.).

Примерно в это же время советская контрразведка получила достоверные данные о наличии в КГБ СССР американского агента, имеющего доступ в материалам об операциях, проводимых против резидентуры ЦРУ (одним из информаторов КГБ по этому вопросу явился, как выяснилось позже, сотрудник советского отдела ЦРУ Олдридж Эймс).

Вскоре В. был арестован и под давлением неопровержимых доказательств его шпионской деятельности признался в совершенном преступлении. Он подробно рассказал о причинах своего предательства, обстоятельствах установления контакта с ЦРУ, условиях связи с их представителями в Москве. В. согласился содействовать КГБ в поимке с поличным сотрудника ЦРУ, который должен был выйти с ним на очередную встречу.

Американский разведчик Селлерс действительно вышел на встречу с В. Эта последняя акция ЦРУ с В. выглядела весьма экстравагантно. Связник был загримирован под негра (черный грим на лице и руках, соответствующий парик), что не спасло его от задержания и последующего выдворения из СССР.

С учетом тяжести содеянного В. в 1986 г. был приговорен в высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в том же году.

Воскобойников Константин Павлович, 1895 г. рождения, урож. местечка Смела Черкасского уезда Киевской губернии, украинец.

В. родился в семье железнодорожника. В 1915 г. поступил на юридический факультет Московского университета. Окончив 1-й курс, ушел добровольцем на фронт. В 1919 г.

вступил в Красную армию, в 1920 г. демобилизовался по болезни. Вскоре женился и переехал на жительство в уездный город Хвалынский, работал секретарем в военном комиссариате. Однако в 1921 г. во время крестьянских волнений в Тамбовской и Саратовской губерниях вступил в повстанческий отряд, возглавляемый эсерами.

После разгрома восстания скрылся, добыл подложные документы, проживал в Астрахани, Сызрани, Нижнем Новгороде. В 1924 г. приехал в Москву, где после окончания электромеханического факультета Института народного хозяйства работал начальником мастерских при Всесоюзной палате мер и весов. В 1931 г., опасаясь разоблачения, явился с повинной в ОГПУ и был осужден на три года заключения.

После освобождения работал в строительных организациях Кривого Рога и Орска. В 1938 г. перебрался в небольшой город Локоть Брасовского района Орловской области. Преподавал физику в лесотехникуме. Старался зарекомендовать себя лояльным к советской власти человеком, активно участвовал в общественной жизни.

В начале войны В. вместе с женой получил эвакуационные документы в связи со стремительным приближением фронта, но не эвакуировался и ожидал прихода немецких войск.

В октябре 1941 г. немецкие части оккупировали Локоть. В. вместе со своим другом Б.С. Каминским (см. соотв. статью) явился к гитлеровскому командованию и предложил свои услуги по организации «нового порядка» в городе. В. был назначен старостой и командиром отряда т. н. «народной милиции», созданной для борьбы с партизанским движением, особенно активным в этой местности. 16 октября оккупационные власти официально утвердили положение об Управлении в Локотской волости «народной милиции», укомплектованной в основном окруженцами и уголовника-

ми. В близлежащих деревнях были организованы небольшие отряды самообороны.

В. и Б.С. Каминский развернули шумную пропагандистскую кампанию, чем привлекли внимание руководства партизанского отряда «За Родину» им. И.В. Сталина.

8 января 1942 г. сводный партизанский отряд на подводах въехал в Локоть и неожиданно атаковал казармы врага. Было уничтожено 54 бойца «народной милиции» и немецких солдат. В бою с партизанами В. получил тяжелое ранение. Умер на операционном столе. Его не смогли спасти немецкие врачи, специально доставленные самолетом из Орла. По некоторым источникам, последними словами В. были: «А я-то собирался играть роль в истории...».

Восленский Михаил Сергеевич, 1920 г. рождения, преподаватель Московского государственного института международных отношений (МГИМО), доктор исторических наук.

Являлся одним из видных советских германистов. Имел обширные связи среди политических деятелей и ученых ФРГ и Австрии. Являлся агентом контрразведывательного управления КГБ СССР (псевдоним Каратаев), использовался в основном как аналитик и специалист по прогнозам развития внутривосточной ситуации в ФРГ и германо-советских отношений.

В 1974 г. был приглашен правительством ФРГ для участия в симпозиуме и там попросил политического убежища у властей.

Выдал немецким спецслужбам сведения о своем сотрудничестве с КГБ, назвал ряд сотрудников советской контрразведки, работавших с ним. Консультировал западногерманскую разведку и внешнеполитические ведомства по проблемам внешней и внутренней политики СССР.

Умер в Германии в 1986 г.

Выговский Иван Евстафьевич (Астафьевич) (уп. в сер. — второй пол. XVII в), гетман Левобережной Украины.

При гетмане Богдане Хмельницком дослужился до наказного писаря. По завещанию Хмельницкого, был назначен регентом при его несовершеннолетнем сыне Юрии. Однако после смерти Богдана в 1657 г. с помощью части преданной ему казачьей элиты В. был избран гетманом, ему была вручена булава и бунчук — символы верховной власти в Малороссии. Заверяя Москву в своей безусловной преданности и верности решениям Переяславской Рады, начал переговоры с Польшей о переходе Украины под ее вассалитет. Понимая, что Польша ослабела в военном отношении и не сможет оказать ему достаточной поддержки в конфликте с Москвой, В. одновременно вел тайные переговоры с крымским ханом и условился с ним об объединении вооруженных сил.

После ряда военных неудач В. удалось с помощью крымских татар нанести несколько ощутимых поражений русским войскам. Однако в это время против него выступили значительные силы низового казачества, не желающих подчинения Украины Польше и заявляющих о своей верности русскому царю.

Под угрозой низложения В. добровольно уступил гетманство Ю. Хмельницкому, но не прекратил сопротивления. Он сумел склонить на свою сторону Ю. Хмельницкого, который присягнул польскому королю. После этого значительные казачьи соединения покинули царские войска и перешли на сторону поляков и гетмана-изменника. Несмотря на отчаянное сопротивление, московские войска были вынуждены сдаться в окрестностях Чуднова. В плен попал известный русский военачальник Шереметев, которого отправили к крымскому хану.

Эти успехи оппозиционных Москве сил побудили польского короля Яна-Казимира вступить в пределы Вос-

точной Малороссии во главе войска, численность которого, однако, была явно недостаточной для ведения продолжительной борьбы с русскими и их союзниками. После первых успехов поляки потерпели ряд поражений, после чего стала очевидна бесперспективность их предприятия в Малороссии. Это понял и В., который в начале 1664 г. составил антипольский заговор с целью поднять восстание «во имя царя». Однако поляки раскрыли этот заговор, В. был предан военному суду и расстрелян.

Высоцкий Максим (?), полковой старшина Запорожского войска.

В 1772 г. вступил в тайные отношения с польскими конфедератами, обещал им склонить на их сторону запорожских казаков и давал им «нужные советы». С его помощью поляки пытались склонить к измене запорожского кошевого, который должен был вместе с казачьим войском выступить против России на их стороне.

В. был арестован, приговором Тайной экспедиции лишен старшинского достоинства и сослан в Сибирь.

Г

Гаврилов Иван Антонович (?), мещанин г. Кронштадта.

27 января 1916 г. был задержан Колпинским городским полицейским управлением. При обыске у него были обнаружены чертеж № 68489 «Береговые башенные установки для двух 8-дюймовых орудий в 50 калибров длины» и лист копировальной бумаги. Объяснения Г., что он взял чертеж для частных уроков, не были приняты, так как документ носил секретный характер и явно не предназначался для

учебных занятий. Его арестовали по обвинению в шпионаже.

При обыске у Г. были изъяты также записная книжка с подозрительными адресами, пять коробок с фотонегативами и чертежи различных артиллерийских орудий. Для проведения следствия он был отправлен в контрразведку Штаба 6-й армии. Сведений о его дальнейшей судьбе обнаружить не удалось.

Галушкин Николай Васильевич, 1893 г. рождения, урож. г. Санкт-Петербург, полковник царской армии.

Родился в семье кадрового офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Вышел хорунжим, проходил службу в Кубанском казачьем войске. Участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским оружием и многочисленными офицерскими наградами. В 1916 г. вызван на службу в Собственный Его Императорского Величества конвой. Участвовал в Гражданской войне в составе белой армии, после разгрома которой эмигрировал в Югославию. В 1941 г., после нападения Германии на СССР, в составе Собственного Е.И.В. конвоя вошел в т. н. Русский охранный корпус, командовал сотней, а затем — батальоном. После включения корпуса в состав вермахта получил чин гауптмана немецкой армии. Участвовал в боях с югославскими партизанами, в 1944 г. получил тяжелое ранение.

После разгрома нацизма эмигрировал в США. Умер в 1964 г.

Гаузен Дмитрий Павлович, 1903 г. рождения, корнет белой армии.

В 1941 г., после нападения Германии на СССР, добровольно поступил на службу в т. н. Русский охранный корпус. После включения корпуса в состав вермахта получил

звание лейтенанта немецкой армии. После войны эмигрировал в Чили. Умер в 1982 г. в г. Сантьяго.

Генесин Шмурле — Мойша Мейеров, 1879 г. рождения.

Проходил службу в русской армии, являлся канониром Варшавской крепостной артиллерии.

В 1900 г. был завербован резидентом немецкой разведки А.Я. Грубманом (см. соотв. статью). Получил псевдоним Миша. По заданию Грубмана должен был выполнять роль вербовщика и связника. Имел задание завербовать писаря Варшавского военного округа Ярославова, за что получил авансом 50 рублей.

Как и другие члены резидентуры созданной Грубманом, был арестован в октябре 1900 г. В результате судебного процесса неожиданно оправдан по довольно странным мотивам: оказалось, что он был должен Грубману по векселю 50 рублей, а из такой же суммы, полученной от резидента на вербовку Ярославова, присвоил себе 47 рублей. Учитывая явную необоснованность оправдания Г., можно предположить, что он в ходе следствия был перевербован русской контрразведкой.

Георгиевич Михаил Миланович, 1883 г. рождения, генерал-майор белой армии.

По национальности — серб. Окончил Киевский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. В 1909 г. завершил обучение в Николаевской академии Генерального штаба. Участвовал в Первой мировой войне. С 1916 г. — полковник, начальник штаба кавалерийской дивизии, которой командовал генерал Маннергейм (будущий президент Финляндии). В 1917 г. Г. был тяжело ранен и взят немцами в плен. Неоднократно пытался бежать, однако ему удалась только четвертая попытка (летом 1918 г.).

Из плена сразу прибыл в Добровольческую армию, где последовательно занимал должности начальников штабов дивизии и корпуса. Был произведен Врангелем в генерал-майоры. Получил ранение во время боевых действий в Крыму, по выздоровлении возглавил сводные юнкерские отряды.

После разгрома белой армии был назначен начальником Корниловского военного училища в Галлиполи. С 1920 г. проживал в Болгарии, откуда был выслан по подозрению в участии в антиправительственном заговоре. До Второй мировой войны проживал в Югославии, после оккупации которой немцами принял активное участие в формировании т. н. Русского охранного корпуса, в частности, занимался обучением юнкеров (см. статью «Русский охранный корпус»).

В конце войны Г. переезжает в Германию, а затем эмигрирует в Австралию. Умер в Сиднее в 1969 г.

Оставил после себя мемуары под названием «Свет и тени».

Герасимчук Алексей Петрович, 1923 г. рождения, урож. села Рудня Рожищенского р-на Волынской области.

В годы Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Был завербован гитлеровскими спецслужбами. С августа 1943 г. служил штатным сотрудником в территориальных органах (Киев, Минск, Могилев) на Восточном фронте.

Его судьба после окончания войны не выяснена.

Гескет Борис Сергеевич, 1890 г. рождения, урож. г. Варшавы, полковник царской армии.

Окончил Александровский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище, из которого вышел в 1911 г. подпоручиком лейб-гвардии.

Участник Первой мировой войны, награжден всеми боевыми орденами. После разгрома белой армии эмигрировал.

Вступил в 1941 г. в т. н. Русский охранный корпус, где командовал полком. Получил от немцев звание оберста. Участвовал в боях с югославскими партизанами. Погиб в октябре 1944 г.

Глеб и Константин Владимировичи (конец XII — перв. четв. XIII вв.), князья Рязанские.

В 1217 г. собрали в Исадах съезд рязанских князей с целью заключения взаимовыгодного договора («поряда»). Всем гостям были даны гарантии неприкосновенности.

В Исады приехали Изяслав Владимирович, Михаил Всеволодович Пронский, Ростислав и Святослав Святославичи, Роман Игоревич. 20 июня Г. и К. пригласили князей вместе с их боярами и дворней на пир в свой шатер. Когда пир начался, на приглашенных неожиданно напали сидевшие в засаде воины Г. и К. вместе с союзными им половцами. Были истреблены практически все рязанские князья. Уцелел лишь случайно опоздавший на съезд Игорь. В 1219 г. Г. приходил с половцами к Рязани, но был разбит Игорем Игоревичем «креста честного силою», бежал к половцам, где и погиб.

Летописец воспринял события 1217 г. очень эмоционально. Он называет Г. и К. «сродниками» печально знаменитого Святополка Окаянного, «поспешниками» дьявола, сравнивает их с Каином. В отличие от описания обычных усабиц, здесь особо обращается внимание на нарушение данного слова: князей созвали для составления дружественного договора, дали им гарантии неприкосновенности, а затем всех вероломно перебили.

Глинский Михаил Львович Дородный (ум. в 1536 г.), московский боярин.

Потомок татарского князя, выехавшего на службу в Литву.

До 1508 г. — крупнейший литовский магнат, любимец короля Александра. Долго время провел за границей (Италия, Испания), служил при дворе императора Максимилиана. Имел репутацию умного, образованного человека, искусного военачальника. Выполнял различные дипломатические поручения, в частности, в 1493 г. посетил Крым во главе посольской миссии. Был чрезвычайно популярен в Литве, особенно могуществен среди выходцев из Руси. Его личные симпатии к русским породили у аристократов и шляхты подозрения в намерении овладеть литовским тронem и перенести столицу государства в русские земли.

После смерти короля Александра литовским панам удалось вызвать аналогичные подозрения у вновь избранного на литовский трон Сигизмунда. Почувствовав опасность, Г. начал тайную переписку с Великим князем, который пообещал принять его на службу и наградить поместьями.

В 1508 г. Г. поднял мятеж против Сигизмунда и перешел на сторону Великого князя, которому присягнул и дал клятву в «вечной верности».

Принимал участие в составе русских войск в войне с Литвой, руководил осадой и взятием Смоленска, находившегося в то время в составе Литвы. Рассчитывал за свои победы получить от Великого князя значительные земельные пожалования. Когда его расчеты не оправдались, установил негласный контакт с Сигизмундом и подготовился к побегу в Литву. Был разоблачен в результате доноса. При аресте у него была изъята вся переписка с королем. Г. был доставлен в Москву, содержался в оковах в темнице. Надежда на освобождение у Г. появилась в связи с женитьбой Василия III на его племяннице Елене Глинской в 1526 г.

В 1527 г. он был освобожден и назначен уже умирающим Василием III одним из опекунов малолетнего Ивана IV.

В результате борьбы боярских партий вновь был заточен в ту же темницу, где уже провел несколько лет. Спустя два года умер в заточении.

Глухов Василий Иванович, 1901/02 г. рождения.

Во время оккупации гитлеровскими войсками г. Людиново Орловской области служил заместителем управляющего локомотивным заводом. Являлся агентом местной полиции (см. статью Людиновская полиция).

Выдал подпольщика Николая Митрофановича Иванова, который неосторожно предложил ему оказывать помощь партизанам.

Н.М. Иванов и его жена были арестованы и подверглись пыткам. На каждый вопрос полицейских подпольщик отвечал одинаково: «Смерть немецким оккупантам!» Н.М. Иванов и его жена были казнены.

Голицын Анатолий Михайлович, 1926 г. рождения, урож. г. Пирятин Полтавской области, бывш. сотрудник советской разведки.

В 1933 г. семья Г. переезжает из Украины в Москву. В возрасте 15 лет он поступает в военное училище. После войны (1945) был принят в партию. Из военного училища (г. Одесса) переводится в Москву в контрразведывательную школу. После ее окончания одно время работает в Центральном аппарате контрразведки, одновременно продолжает заочно учиться. В 1948 г. получает высшее образование и вскоре откомандировывается в разведку, где в течение двух лет обучается в спецшколе.

В 1954 г. направляется в Вену, работает в аппарате Верховного комиссара. Занимается сбором сведений об эмигрантах, участвует в мероприятиях по разработке английских спецслужб. В это время попадает в поле зрения ЦРУ как возможный объект вербовки, однако после изучения

личности и деловых качеств Г. американцы приходят к выводу о бесперспективности попыток привлечения его к сотрудничеству.

В том же году Г. возвращается в Москву, в течение четырех лет обучается в Институте КГБ, успешно его заканчивает, становится кандидатом юридических наук. Вскоре возвращается на оперативную работу в отдел по странам НАТО. Представляет руководству разведки проект реорганизации структуры и функций советской разведывательной службы, однако этот проект поддержки не получил.

В июле 1960 г. Г. был направлен в Финляндию, где занимался разведкой под прикрытием должности вице-консула. Работал под фамилией Климов. За время пребывания в Хельсинки показал себя амбициозным, неуживчивым человеком. В декабре 1961 г. вместе с женой (Голицына — урожд. Черновалова Светлана Михайловна, 1929 г. рожд., уроженка г. Сальска Ростовской области) и малолетней дочерью явился на квартиру резидента ЦРУ и заявил о намерении бежать на Запад. Через Швецию был доставлен в ФРГ, откуда на военном самолете переправлен в США.

На допросе в ЦРУ заявил, что принял решение о бегстве на Запад из-за того, что руководство советской разведки не оценило его профессиональные и интеллектуальные возможности. Кроме того, в СССР отсутствует свобода, и он «не может больше жить в условиях коммунистической диктатуры». Вскоре Г. потребовал встречи с бывшим сотрудником КГБ П.С. Дерябиным (см. соотв. ст.), бежавшим на Запад в 1954 г. Такая возможность ему была предоставлена, при этом сотрудники ЦРУ контролировали содержание их беседы подслушивающей аппаратурой. Как выяснилось, единственным вопросом, интересовавшим Г., была сумма вознаграждения, получаемая П.С. Дерябиным от американцев.

Г. передал ЦРУ значительное количество ценной документальной информации, похищенной им в резидентуре КГБ, назвал имена и дал характеристики известных ему агентов и кадровых офицеров советской разведки. По сведениям, переданным им американцам и их союзникам, были выявлены и арестованы ценные источники информации КГБ — француз Жорж Пак, сотрудник аппарата НАТО англичанин Уильям Вассал, работавший в Адмиралтействе Великобритании.

В то же время Г. в беседах с американскими разведчиками нередко давал путаные и противоречивые сведения. Заявлял, что КГБ удалось проникнуть в руководство ведущих западных стран и их спецслужб. Требовал от них финансирования (10 млн долларов) для реализации имеющейся у него программы по противодействию акциям КГБ.

Вскоре по инициативе советского отдела ЦРУ Г. был передан под патронат шефа службы собственной безопасности ЦРУ Джеймса Энглтона, близкого друга и соратника Алена Даллеса. В лице Д. Энглтона Г. нашел внимательно-го слушателя и единомышленника. Американец был буквально «заражен» идеями Г. о всепроникающей силе КГБ и необходимости разоблачения его агентурной сети в высших эшелонах власти США и др. западных стран. На одной из встреч с Д. Энглтоном Г. заявил, что ему известно о существовании агента КГБ в советском отделе ЦРУ. В спецслужбах СССР он якобы числится под псевдонимом Саша, его настоящая фамилия начинается на букву «К» и кончается на «ский», «по всей видимости, он — славянского происхождения». Это заявление перебежчика стало началом многолетних поисков советского шпиона, якобы внедренного в «святая святых» ЦРУ. Был взят в разработку целый ряд высокопоставленных разведчиков, специализирующихся по СССР. После продолжительных и трудоемких мероприятий по внедрению в их квартиры и офисы

подслушивающей аппаратуры, прослушивания их телефонов, наружной слежки и т.п. подозрения только усиливались. В ходе этой работы Д. Энглтон и члены возглавляемой им специальной группы под влиянием Г. почти полностью утратили способность трезво оценивать получаемую информацию, отбирали лишь ту ее часть, которая носила обвинительный характер. Отдельные подозреваемые подвергались унижительным допросам. Карьера большинства из них была перечеркнута.

Во время этих расследований по инициативе Д. Энглтона Г. посетил Францию, Англию и Канаду, где дал подробные показания местным спецслужбам. Во Франции, например, он заявил о существовании глубоко законспирированной организации «Сапфир», работающей на советскую разведку, а также обвинил известных политических деятелей Ж. Фокара и Л. Жокса в сотрудничестве с КГБ (ни та, ни другая информация впоследствии подтверждения не получила).

В Великобритании Г. обвинил в сотрудничестве с КГБ премьер-министра Г. Вильсона и руководство английской спецслужбы МИ-5. Аналогичные заявления он делал и в Канаде.

По мере общения с Г. союзные с США спецслужбы постепенно приходили к выводу о недостоверности его сведений, о чем неоднократно сообщали американцам. Однако патронат Д. Энглтона всякий раз ограждал Г. от такого рода обвинений. В результате возникли серьезные противоречия между ЦРУ, с одной стороны, и французскими и английскими спецслужбами — с другой.

Руководство ЦРУ, безусловно доверявшее «экспертным выводам» Д. Энглтона, вынуждено было в течение двух десятков лет по сути дела свернуть широкомасштабные вербовочные акции в отношении советских граждан, поскольку было уверено, что о каждой успешной вербовке немедленно будет известно КГБ. В результате информационная

база ЦРУ в Советском Союзе в эти годы была сведена к минимуму.

Г. сыграл роковую роль в судьбе другого изменника — бывшего подполковника советской контрразведки Ю.И. Носенко (см. соотв. ст.), который бежал на Запад в феврале 1964 г.

Несмотря на то что последний передал американцам ценнейшие сведения о деятельности советских спецслужб, он попал под подозрение только потому, что заявил о своей неосведомленности о наличии в ЦРУ агента КГБ. Д. Энглтон с подачи Г. доложил руководству ЦРУ, что Ю.И. Носенко в силу занимаемого положения в КГБ не мог об этом не знать. По его убеждению, переход Ю.И. Носенко на Запад — не что иное, как «хитрая комбинация русских». В результате перебежчик в течение нескольких лет содержался в тюрьме в одиночной камере, подвергался много часовым допросам с применением психотропных средств. Одно время американские спецслужбы серьезно ставили вопрос о необходимости его физического устранения.

Радикальная ревизия деятельности Д. Энглтона и Г. произошла только в середине 70-х гг. В 1974 г. американец был уволен на пенсию. Интерес к Г. со стороны спецслужб США сразу резко снизился и постепенно свелся к нулю.

Оценивая последствия деятельности Г. и его американского патрона, бывший директор ЦРУ У. Колби заявил: «Начиная с середины 60-х годов операции по СССР были напрочь прекращены. Царила чрезвычайная подозрительность. На перебежчиков смотрели только как на подставу. Отношения контрразведки и разведки зашли в тупик».

По свидетельству американских экспертов, глубоко засевшая в голове Д. Энглтона уверенность, что после Г. все советские добровольные информаторы или перебежчики были подставой, изживалась в ЦРУ с большим трудом даже после ухода Д. Энглтона.

Охота на «шпионов» захватила и некоторых западных союзников США, вылившись, в частности, в особо «разрушительный и безрезультатный» поиск предателей в высшем эшелоне британской разведки. Эта охота приобретала своеобразную форму паранойи, порождала страх и растерянность внутри западных спецслужб.

Оценивая «дело Г.», один из советских контрразведчиков как-то заметил: «Если бы Голицына не было, то его надо было бы обязательно выдумать».

ЦРУ пыталось и в этих условиях сохранить «хорошую мину при плохой игре», наградив Г. в 1987 г. медалью «За выдающиеся заслуги».

Находясь не у дел, Г. выпустил в США книгу «Новая ложь вместо старой», в которой заявляет, что «демократизация в России — это хитрый маневр русских для дезориентации Запада».

Голицын Василий Васильевич (ум. в 1619 г.), князь, боярин.

Происходил из древнего рода Гедиминовичей.

Участвовал в шведском походе (1590 г.), являлся воеводой в Смоленске (1596, 1599 гг.). В 1602 г. пожалован в бояре.

Ненавидел Бориса Годунова, считал себя по родовитости более достойным русского трона. С появлением на политической сцене Лжедмитрия I, решил поддержать его, хотя самозванец был опознан людьми из его окружения как чудовский монах Гришка Отрепьев.

Являясь одним из основных воевод, посланных для отражения наступления отрядов Лжедмитрия I, вместе с некоторыми другими боярами перешел на его сторону, чем фактически обеспечил успешное продвижение к Москве. После убийства сына и дочери царя Бориса объявил народу об их самоубийстве.

Претензии на русский престол привели его в ряды заговорщиков, низложивших вначале самозванца, а затем царя Василия Шуйского. Вошел в состав т. н. семибоярщины. В 1610 г. вместе с Филаретом Романовым (будущим патриархом и отцом первого Романова на русском престоле) возглавил посольство в Польшу, где был арестован и заточен. В 1613 г. рассматривался в качестве одного из претендентов на русский престол. В 1619 г. был освобожден поляками, но по дороге на родину в г. Вильно умер.

Голицын Иван Васильевич (ум. в 1626/27 гг.), князь, боярин. Происходит из рода Гедиминовичей. Брат В.В. Голицына (см. соотв. статью).

В 1588 г. упоминается как московский дворянин. С 1590 г. — стольник, есаул в шведском походе царя Федора. В 1592 г. пожалован в окольничьи. Как и брат, ненавидел Бориса Годунова, считал его по «худородности» недостойным русского престола. Полагал представителей своего рода, и себя лично, более достойными занять трон. Был одним из воевод, посланных навстречу отрядам Лжедмитрия I, однако вместе с братом перешел на сторону самозванца, хотя некоторые дворяне из окружения Г. опознали в Лжедмитрии I чудовского монаха Григория Отрепьева, способствовал успешному продвижению войск самозванца в Москве.

Вскоре вступил в число заговорщиков, свергнувших Лжедмитрия I и Василия Шуйского. На соборе 1613 г. рассматривался, как и его брат, одним из претендентов на русский трон. Был назначен царем Михаилом судьей Владимирского приказа.

В 1624 г. за местнический спор на царской свадьбе был сослан в Вятку, где и умер.

Голицын Михаил Алексеевич (1687 — 1775), князь, племянник Голицына В.В., фаворита царевны Софьи.

В 1731 г. Г. принял католичество, чем вызвал гнев императрицы Анны Иоанновны. За вероотступничество назначен императрицей придворным шутом.

В 1739 г. по приказу Анны Иоанновны женился, выбрал в жены простолюдинку.

По случаю его свадьбы, в Петербурге был устроен праздник. Жениха и невесту провезли по городу в клетке, первую брачную ночь они провели в ледяном дворце на ледяной кровати под охраной караула, который не выпускал молодых до утра.

Головин Николай Николаевич (1875—1944), генерал-лейтенант белой армии.

Из дворян. Военный теоретик, педагог, историк. В 1894 г. окончил кадетский корпус, а затем — Николаевскую академию генерального штаба (1900 г.).

Участвовал в Первой мировой войне, с апреля 1917 г. являлся начальником штаба Группы армий в Румынии. В 1919 г. был начальником штаба войск адмирала Колчака. После разгрома колчаковской армии эмигрировал во Францию. Написал и издал несколько книг по истории Первой мировой войны, читал лекции в США и во французской военной академии. Особую известность приобрела его работа «Военные усилия России в мировой войне» (1939).

Был одним из руководителей РОВС (см. соотв. ст.), активно выступал за борьбу против СССР. Допускал расчленение территории СССР и призывал к оккупации Советского Союза немецко-фашистскими войсками, заявляя буквально следующее: «Это будет платой нашего поколения за допущение большевизма... Придут немецкие врачи, инженеры, архитекторы, агрономы... Что же, такой период Россия уже однажды пережила». Г. постоянно дискутировал с генералом Деникиным, категорически отказавшимся

от сотрудничества с гитлеровцами, и видящего в них врагов не только большевизма, но и России.

Во время Второй мировой войны Г. участвовал в деятельности коллаборационистского комитета взаимопомощи русским эмигрантам, занимался отправкой русских добровольцев на работу в Германию и в армию Власова. Разработал Устав внутренней службы РОА.

Умер в Германии незадолго до окончания Второй мировой войны.

Головин Михаил Иванович (уп. 1586 г.), дворянин, наместник во время царствования Федора Иоанновича.

В 1586 г. бежал в Польшу из своей медынской вотчины в связи с раскрытием боярского заговора против Бориса Годунова, фактического руководителя государства при царе Федоре. В заговоре участвовали бояре Мстиславский, Шуйские, Воротынские, Колычевы и Головины (родственники Г.), которые подверглись преследованию. Узнав об опале родственников, Г. решил скрыться в Польше, где был принят на службу королем Стефаном Баторием. Являлся советником польского короля по вопросам внутреннего положения Московии. Убеждал его немедленно начать войну с москвитами, уверяя, что бояре, ненавидевшие Годунова, немедленно перейдут на его сторону и обеспечат ему захват русского трона.

Активную деятельность развил во время русско-польских мирных переговоров, которые вели в Польше боярин Троекуров и думный дворянин Безнин. В беседах со Стефаном Баторием Г. заявлял, что Московское государство вследствие слабости царя и раздора между боярами находится в самом бедственном положении и сопротивления польским войскам не окажет. Вследствие этого польский король, и без того склонявшийся к войне, потребовал территориальных уступок — передачу

Польше Новгорода, Пскова, Лук, Смоленска, Северной земли.

Для того чтобы нейтрализовать Г., русские послы распространили среди шляхты слух, что Г. — лазутчик, специально подосланный русскими, чтобы спровоцировать войну, к которой московские войска готовы как никогда. Эта дезинформация имела успех. Шляхта отказала Баторию в войсках и денежных субсидиях для ведения войны. По сообщению русских послов, при этом представители шляхты, обращаясь к королю, сделали дерзкое заявление: «Как такой нелепости верить, что король куда ни пойдет, все будет его? А люди-то на Москве куда девались? Еще бы Головин приехал к тебе от старого государя (Ивана Грозного. — Примеч. автора), тогда можно было бы ему верить: старый государь жесток был; а от нынешнего зачем ехать! Теперь государь у них милостив; ты теперь помирись да рассмотри: если объявится, что Головин сказал правду, то у тебя война с московским государем и вперед не уйдет».

Баторий был вынужден согласиться на двухлетнее перемирие с Московией.

Гонторев Борис Викторович, 1879 г. рождения, полковник белой армии.

Окончил гимназию в г. Харькове, поступил в Одесское юнкерское училище. В 1911 г. окончил Николаевскую военную академию.

Участник Первой мировой войны, проходил службу в штабах кавалерийской дивизии и армии. Георгиевский кавалер.

Принимал участие в Гражданской войне в составе Добровольческой армии. Являлся начальником штаба отряда генерала Шкуро. С декабря 1919 по март 1920 г. возглавлял штаб Кубанской армии. После разгрома Белого движения эвакуировался в Галлиополи, откуда переехал в Юго-

славию. Проживал в Белграде, преподавал в сербской гимназии.

В начале Второй мировой войны установил связь с немецко-фашистскими властями, по предложению которых принял активное участие в формировании т. н. Русского охранного корпуса (см. соотв. ст.), создаваемого для ведения военных действий на Восточном фронте. Был начальником штаба корпуса, а затем командовал одним из его полков.

Умер в Австрии в 1977 г.

Гордеев Костя (по некоторым источникам — Костин), уп. в нач. XVIII в., кошевой атаман Запорожской Сечи.

В 1709 г. незадолго до Полтавской битвы перешел на сторону гетмана Мазепы (см. соотв. статью), изменившего русскому царю и присоединившемуся к шведскому королю Карлу XII.

Г. привел в лагерь Мазепы запорожское войско, которое под его руководством в местечке Царичевке напало на отряд русских, убив 60 и пленив 10 солдат. Г. передал пленных шведам и присягнул на верность королю вместе со своими старшинами. Запорожцы получили за это по 20 талеров на каждого казака. Мазепа, со своей стороны, назначил им ежемесячное жалование по 10 талеров.

Вскоре в одной из схваток с русскими Г. был ранен и попал в плен. За измену он был приговорен к смерти и обезглавлен.

Гордиевский Олег Антонович, 1937 г. рождения, урож. г. Москвы, б. полковник советской разведки.

«Потомственный чекист», происходит из семьи полковника НКВД. Окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). В 1962 г. был принят на работу в 1-е Главное управление КГБ СССР (раз-

ведка). Занимался организацией связи с нелегальными разведчиками, работающими в странах Западной Европы.

В 1966 г. был направлен в Данию. В 1970 г. вернулся в Москву, продолжил работу в Центральном аппарате разведки.

В 1972 г. Г. переводят в престижный английский отдел, занимающийся также странами Скандинавии. В 1973 г. он откомандирован в Данию, где занимает должность заместителя резидента политической разведки. Как вспоминает сам Г., в это время он понял, что лучший способ борьбы с коммунистической тиранией для него — переход на сторону Запада.

С 1974 г. он по идейным мотивам начинает сотрудничать с английской разведкой. За четыре года его пребывания в Дании на основе полученных от него сведений последовали аресты ценных советских агентов: секретаря министра иностранных дел Норвегии (умерла в тюрьме), сотрудника управления безопасности Швеции (приговорен к пожизненному заключению), члена норвежской миссии при ООН (приговорен к 20 годам тюрьмы). Г. выдал также информацию о двух нелегальных группах, вскоре выявленных и арестованных западными спецслужбами.

Кроме этого, он систематически снабжал своих западных патронов ценной политической информацией.

В 1978 г. Г. вернулся в Москву и получил доступ к архивам советской разведки, откуда почерпнул новую информацию для англичан о наличии ценнейшего агента КГБ из так называемой «кембриджской пятерки».

В 1982 г. Г. вновь командирован в Лондон в качестве заместителя резидента под прикрытием должности советника посольства. Он вновь зарекомендовал себя в глазах англичан как ценнейший информатор. В частности, выдал сотрудника английской разведки, пытавшегося установить контакт с советской разведкой (арестован и приговорен к 23 годам тюрьмы).

Параллельно Г. был на хорошем счету и в Москве, посылаемые им в Центр сообщения неизменно получали высокую оценку. Особенно отличился Г. во время визита М.С. Горбачева в Великобританию. После этого он и был назначен резидентом советской разведки в Лондоне. Однако в апреле 1985 г. от суперагента КГБ в ЦРУ поступила информация, что Г. является агентом СИС (британская разведка). Г. был вызван в Москву для официального утверждения в должности резидента. В Москве он обнаружил за собой слежку, а вскоре был приглашен «на совещание», где был подвергнут допросу руководством 1-го Главного управления и сотрудниками службы собственной безопасности. В ходе допроса Г. обвинили в работе на СИС. Однако он по каким-то причинам не был арестован, а отправлен в отпуск, который проводил в ведомственной санатории в Московской области. Здесь за ним была организована круглосуточная слежка. Вернувшись после отдыха в Москву, он утром в спортивном костюме вышел из дома якобы на спортивную пробежку и исчез. Как выяснилось позже, он оторвался от наружного наблюдения и, с паспортом на чужое имя на поезде «Москва—Ленинград», а затем на автобусе проследовал в Выборг. В окрестностях Выборга его встретили англичане и вывезли в Финляндию в багажнике автомобиля.

После побега Г. из ряда стран Западной Европы были выдворены десятки советских разведчиков. Некоторые нелегалы в целях безопасности были отозваны на Родину.

Г. был заочно приговорен советским судом к расстрелу.

До настоящего времени Г. проживал в Англии под другой фамилией, получал от спецслужб пенсию (30 тыс. долларов в год).

Он потребовал от советских властей разрешить его жене и дочерям выехать к нему в Англию. Его ходатайство было удовлетворено только после распада СССР и назначения В. Бакатина (см. соотв. ст.) председателем КГБ.

Г. часто выступал как главный специалист по советским спецслужбам и эксперт в судебных процессах над советскими агентами. Опубликовал книгу, которая стала бестселлером.

Грамотин Иван Тарасович (ум. 1638 г.), думский дьяк. В 1595 и 1599 гг. в качестве подьячего направляется в Священную Римскую империю в составе русских посольств. В 1603 г. назначается дьяком в Поместный приказ.

В 1604 г. находится в составе царских войск, направленных на борьбу с Лжедмитрием I. Изменил присяге и перешел на сторону самозванца. Был пожалован им в думные дьяки, затем переведен с этим же чином в Посольский приказ. После падения Лжедмитрия I репрессий избежал. Был направлен дьяком в Псков, откуда на него поступали жалобы о злоупотреблениях и издоимстве. В 1609 г. вновь изменяет и переходит на сторону Лжедмитрия II. Входит в польскую партию, сформировавшуюся в окружении самозванца. В 1610 г. назначен в состав польской администрации в Москве как один из самых преданных королю русских коллаборационистов. Возглавлял Посольский приказ, имел чин печатника. В 1612 г. послан в Польшу для ускорения прибытия в Москву королевича Владислава, которого поляки с помощью некоторых представителей московской знати пытались посадить на русский трон.

До изгнания интервентов в Москву не возвращался, что позволило ему избежать наказания за предательство. Был прощен царем Михаилом Романовым и назначен в 1618 г. руководителем Посольского приказа. В 1626 г. смещен с этого поста за «самовольство и упрямство» и сослан в Алатырь, где находился до 1633 г. Был вновь прощен и в 1634 г. в третий раз возглавил Посольский приказ. В 1637 г. оставил службу по старости. Перед смертью постригся в монахи, получил имя Иоилы.

Гренадерская рота Преображенского полка

Солдаты и офицеры Г.р. явились главной военной силой в руках будущей императрицы Елизаветы I для совершения в 1741 г. государственного переворота, свержения с престола малолетнего императора Иоанна Антоновича (через несколько лет был убит в заточении при попытке его освобождения подпоручиком Смоленского полка В.Я. Мировичем). Правительница при Иоанне, его мать Анна Леопольдовна, была арестована и заточена в крепость.

После восшествия на престол Елизаветы I Г.р. была названа лейб-компанией (т.е. гвардейской), а новая императрица объявила себя ее капитаном.

Все солдаты Г.р. получили дворянское достоинство и офицерские чины, офицеры повышены в звании.

После переворота недавние солдаты, а теперь поручики Г.р., несколько месяцев бесчинствовали в Петербурге, пьянствовали в кабаках, валялись на улицах, врываются в дома знатных дворян, грабили их, угрожали расправой. В конце концов по указу императрицы многие участники этих бесчинств были исключены из гвардии и переведены в армейские полки.

Более драматично сложилась судьба солдата-наемника Г.р. Грюнштейна Петра-Георга, который за активное участие в заговоре был сразу повышен в звании до подпоручика лейб-компании с чином генерал-майора. Однако уже в 1744 г. он поссорился с родственниками фаворита Елизаветы I А.Г. Разумовского, был арестован и сослан в Устюг Великий.

Гресс Игнатий Ильич, г. рождения не установлен.

Лейтенант т.н. Русской освободительной армии (РОА) генерала А.А. Власова (см. соотв. ст.).

Был завербован нацистскими спецслужбами. Работал под псевдонимами Грозный и Хорунжий. Его деятельность

высоко оценивалась немцами. Был назначен заместителем руководителя разведывательной резидентуры северо-западного участка Восточного фронта.

Его судьба после окончания войны не выяснена.

Григорьев Иван Евсеевич (?), поручик 184-го резервного Варшавского полка, с 1904 г. служил в инспекторском отделении штаба Варшавского военного округа, с 1908 г. обучался в Николевской академии Генерального штаба, имел чин штабс-капитана.

В феврале 1908 г. контрразведкой Киевского военного округа была получена информация, что Г. предлагал свои услуги в качестве военного агента разведкам Германии и Австро-Венгрии. За ним было установлено наблюдение, в результате которого был выявлен ряд подозрительных связей Г. Было решено прекратить его обучение в Академии, чтобы предотвратить доступ к военным секретам. Как завершилась разработка Г., выяснить не удалось.

Григорян Норайр (г. рождения не установлен), бывш. сотрудник КГБ Армянской ССР.

Службу в КГБ начал в 1973 г. Через год вышел на резидентуру ЦРУ, сотрудникам которой передал секретную информацию. В качестве вознаграждения получил от американцев 5 тыс. рублей. Намерен был потратить деньги на взятки для освобождения отца, арестованного за хищение. В 1975 г. был арестован советской контрразведкой, приговорен к 12 годам лишения свободы.

После освобождения в 1987 г. возвратился в Армению. В 1993 году приехал в США, предъявил претензии ЦРУ, обвинив его сотрудников в своем аресте. Попал в американскую тюрьму за вымогательство, был осужден на 1 год 8 месяцев.

Гримм Анатолий Николаевич, 1859 г. рождения, полковник, из дворян Нижегородской губернии, старший адъютант штаба Варшавского военного округа.

В течение ряда лет работал на германскую, затем на австрийскую разведки. Его разоблачение сопровождалось громким скандалом.

По делу Г. проходили также: его любовница Серафима Мелитоновна Бергстрем, 1872 г. рождения; заведующий 1-м отделением Повонзковского Интендантского продовольственного заведения надворный советник Андроник Аполлонович Фетисов, 1860 г. рождения; купец, житель г. Сосновицы Эмилий Карлович Рупп, 1855 г. рождения; писарь Иван Спиридонович Подгорнов.

В 1896 г. Г. встретился с «роковой женщиной» — С.М. Бергстрем. Ее муж был полковником, что не мешало ей принимать ухаживания молодых офицеров. Знакомство с ними она заводила сама, посылая записки: «Милая просит придти в одно место на чашку чая». Такое же письмо получил и Г. Он был крайне заинтригован, когда она встретила его в отдельном кабинете ресторана в маске. Полковник не смог устоять против такого обольщения, влюбился и совсем «потерял голову».

Впоследствии Г. красочно описал свою любовную историю следователям. По его словам, он стал «страшно несчастлив: потерял веру в себя, утратил гордость и твердость, был сломан, как “гнилая щепка”». Г. поклялся себе, что купит ее любовь, хотя бы ценою преступления. Кроме мук любви, разжигаемых сопротивлением, он терзался уязвленным самолюбием и хотел выйти из ситуации победителем. Будучи склонным к мистицизму, вообразил, что может добиться этой женщины, если принесет Небесам какую-либо «страшную, огромную жертву». Тогда Господь вознаградит его труды.

Г. размышлял о том, как бы принести в жертву собственную жизнь, даже хотел застрелиться. Благо, у него уже

был опыт суицида: в 1878 г. юношей он пробовал покончить с собой, движимый интересом, «а что при этом чувствует человек». Однако от самоубийства во имя С.М. Бергстрем его отвлекло то, что он увлекся разрешением философского вопроса: стреляются люди с характером или бесхарактерные? К тому же он понимал, что в таком случае не сможет воспользоваться плодами принесенной жертвы.

Оставив мысль о самоубийстве, Г. решил просто купить «роковую женщину». Он пустился в безудержную игру: на скачках, в карты и даже в лотерею. Но, естественно, проигрывал он больше, чем выигрывал. И тогда Г. вернулся к первоначальному «жертвенному плану». Он спросил себя: что может быть хуже самоубийства? Только погубить собственную душу. А как просто и эффективно это сделать, при этом оставшись в живых? Полковник решил, что лучше всего изменить Родине, это и будет его «ужасная жертва». К тому же такой путь мог дать деньги, которые нельзя было добыть игрой на бегах.

Г. нашел способ установить контакт с германским Генеральным штабом и предложил его представителям свои услуги. Он получил перечень необходимых документов и 10 тысяч марок на расходы. Пользуясь должностью адъютанта, Г. имел доступ к секретной документации, которую часто носил на доклад к начальству. При этом он успевал зайти к себе в кабинет и перефотографировать бумаги. Так же периодически изымал подлинники документов и передавал германским агентам, которые их сами копировали и быстро возвращали. Г. считался в Германии «шпионом № 2» по России. В общей сложности за многолетний шпионаж он получил порядка 40—50 тысяч рублей.

План Г. частично осуществился: он сошелся с С.М. Бергстрем, которую смог соблазнить появившимися у него деньгами. Все получаемые за шпионаж суммы он прокучивал с любовницей, но их все равно не хватало. Полковник запу-

тался в долгах. В августе 1899 г. он поссорился с С.М. Бергстром. После этого он разорвал связь с немцами: они ему были больше не нужны.

Однако ссора с С.М. Бергстром оказалась недолгой, и Г. вновь обратился к германской разведке, но ему сообщили, что со своим внезапным исчезновением он вышел из доверия. Поэтому зимой 1900 г. полковник предложил свои услуги австрийцам. Он начал работать на них под агентурным псевдонимом Зарубин, его деятельность курировали австрийские разведчики Носак и капитан Юлиан Дзиковский. Совершенно потерявший голову Г. не думал о последствиях своей шпионской деятельности. Его гораздо больше интересовало, сумеют ли австрийцы на совершенной фотографической аппаратуре по его просьбе сделать большой портрет его любовницы.

Г. попал в поле зрения русских агентов в Австрии, и они передали материал о шпионе в контрразведку. К этому времени, в октябре — ноябре 1901 г., полковник вновь рассорился с С.М. Бергстром и, по обыкновению, прекратил работу на австрийскую спецслужбу. Однако вскоре его арестовали, а 27 февраля 1902 г. против него было возбуждено уголовное дело.

При обыске у Г. были найдены перечни секретных документов военного характера, которые запрашивала иностранная разведка. Он сразу признался в «государственной измене». Видимо, история с С.М. Бергстром его действительно измучила, потому что он сразу же сел писать подробнейшую исповедь, со многими философскими и лирическими рассуждениями о своей жизни, причинах предательства, с подробностями рокового романа.

Арест Г. вызвал панику в штабе округа. Была проведена срочная ревизия секретных документов и порядка их хранения, уничтожены ненужные, но «залежавшиеся» служебные бумаги. Были взяты под арест многие знакомые Г., в

том числе и С.М. Бергстрем. Всех их вскоре, однако, освободили за недостаточностью улик.

Следствие было завершено 16 апреля 1902 г. 14 июня Варшавский военно-окружной суд приговорил Г. к четырем годам каторжных работ.

Громов Василий Григорьевич, 1900 г. рождения.

До войны проживал в Краснодаре, работал на шахте. После оккупации в 1941 г. города немцами был завербован в качестве агента полицейского управления для выявления подполья (псевдоним Ванюша). Выдал десятки подпольщиков, впоследствии расстрелянных. За эти «заслуги» был назначен немцами начальником шахты.

Добился признания у своего 16-летнего пасынка Почепцова Геннадия (см. соотв. статью) в принадлежности к подпольной организации «Молодая гвардия». Заставил его явиться в полицию с письменным доносом, в результате чего более 50 молодогвардейцев были арестованы, подвергнуты пыткам, а затем расстреляны.

После вступления в 1943 г. Красной армии в Краснодар был разоблачен. Признался в совершенных преступлениях.

Военным трибуналом Юго-Западного фронта в сентябре 1943 г. Г. был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Громова Наталья, 1912 г. рождения, жительница гор. Людиново Орловской области.

В 1942 г. во время немецкой оккупации была завербована начальником Людиновской полиции Д.И. Ивановым (см. соотв. ст.). Получила задание под соответствующей легендой явиться в партизанский отряд Василия Золотухина, выдать себя за патриотку, остаться там и собрать сведения о точном местонахождении отряда, его передвижениях, составе, вооружении. Однако действующая в Людинове

подпольная организация Шуманцова получила своевременную информацию о ее намерениях и подробные приметы.

Появившись у партизан, Г. была тут же арестована и расстреляна.

Гротов Сергей Викторович, 1897 г. рождения, урож. Санкт-Петербурга.

Происходит из семьи приват-доцента Императорской военной академии.

После окончания в феврале 1917 г. с золотой медалью Императорского училища правоведения, поступил на работу в Министерство иностранных дел (ближневосточное направление). После октябрьских событий 1917 г. покинул МИД и активно занялся научной работой в области международного права. В 1920 г. становится приват-доцентом Казанского университета, преподавал также в Саратовском университете. Осенью 1921 г. вернулся в Петроград, где продолжил научную и преподавательскую деятельность, издает ряд исследований по балканскому вопросу и проблемам торгового мореплавания.

В 1930 г. Г. арестовывается за участие в монархической подпольной организации и приговаривается к пяти годам лагерей. После отбытия срока наказания проживал в провинции.

После нападения Германии на Советский Союз был призван в Красную армию. Служил как бывший политзаключенный в штрафном рабочем батальоне. Летом 1942 г. бежал, перешел линию фронта и сдался гитлеровцам. По заданию немецких спецслужб занимался пропагандистской работой на территориях, оккупированных вермахтом. После войны проживал в Италии, преподавал русскую литературу. Участвовал в белоэмигрантском монархическом движении, долгое время являлся наблюдателем Архиерейского Собора Русской Православной церкви за рубежом.

Грубман Абрам Яковлевич, 1860 г. рождения, мещанин.

Проживал в г. Плоцке. Занимался ростовщичеством, мелкой контрабандой и воровством. Был замечен также в связях с профессиональными сутенерами, помогал им в вывозе женщин за границу в дома терпимости.

В 1898 г. Г. знакомится с капитаном пароходного общества «Гурицкий и К°» Л. Кинкелем, который являлся германским агентом и имел задание создать в г. Плоцке разведывательную резидентуру. Л. Кинкель завербовал Г. и дал задание приобретать источники информации из числа офицеров и унтер-офицеров русской армии, имеющих доступ к информации военного характера.

Выполняя задание немецкой разведки, Г. проявил недюжинные способности. Ему удалось привлечь к сотрудничеству с немцами старшего писаря Плоцкого уездного начальника Н.С. Агафонова (см. соотв. статью), через которого он получал копии мобилизационных планов, ведомостей о чинах запаса и приказов по Варшавскому военному округу. За указанные материалы германская разведка выдала ему 500 марок.

В 1900 г. Г. получил задание активизировать меры к получению информации о поквартирном расположении русских войск, а также к приобретению трехверстных штабных карт. Особый интерес германская разведка проявляла к получению сведений о поездках за границу русских офицеров и их фотокарточкам, что позволило бы ей выявить кадровый состав русских разведывательных служб. За эту работу Г. пообещали заплатить 43 рубля и партию белья.

Для выполнения этого задания Г. попытался завербовать писаря штаба Варшавского округа П. Ярославова. В целях конспирации связь с ним должен был поддерживать Ш.-М. М. Генесин (см. соотв. статью), канонир Варшавской крепостной артиллерии, который к этому времени также

был завербован Г. Однако Ярославов сообщил о предложении Г. работать на вражеские спецслужбы в контрразведку, немедленно начавшую активную разработку шпионской резидентуры.

18 октября 1900 г. Г. был задержан при переходе границы на Нешавской таможне. При досмотре из его сапог были извлечены мобилизационные планы Варшавского военного округа и приказы № 165/169 и 185/188, полученные им от агентуры. Вслед за этим были арестованы другие члены вражеской агентурной сети.

По приговору суда Г. был лишен всех прав и состояния и сослан на поселение в Сибирь. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Гузенко Игорь Сергеевич, 1919 г. рождения, бывш. сотрудник Главного разведывательного управления Генштаба Министерства обороны СССР.

Участник Великой Отечественной войны. Лейтенант Советской армии. С августа 1943 г. находился в служебной командировке в Канаде, являлся шифровальщиком резидентуры военной разведки. 6 сентября 1945 г. вместе с женой бежал и попросил политического убежища в США.

Передал американским и канадским спецслужбам совершенно секретные сведения о советской агентурной сети, активно действовавшей в США в годы войны. Предоставил им список кодовых имен ученых-атомщиков США и Канады, которые использовались советской разведкой для получения важной информации по атомной бомбе. Вследствие измены Г. контакты с этими учеными были законсервированы, тем более что основные материалы по ядерной проблематике от них были уже получены. Тем не менее с помощью Г. ФБР удалось установить и арестовать трех агентов советской разведки, работавших над атомным проектом.

В 1985 г. умер в США.

Гундарев Виктор Петрович, 1939 г. рождения, бывш. подполковник КГБ СССР.

Служил в 1-м Главном управлении КГБ (разведка). В 1984 г. был направлен в командировку в Грецию, занимался разведывательной деятельностью под прикрытием внешнеторгового объединения «Совфракт» Министерства морского флота.

В феврале 1986 г., захватив 8-летнего сына, по договоренности с сожительницей Громовой (работала в том же объединении) бежал. Обратился в американское посольство с ходатайством о политическом убежище. Был тайно переправлен в США, где выдал спецслужбам совершенно секретные сведения о методах работы советской разведки и ее агентуре (назвал ряд известных ему имен).

В 1988 г. официально оформил развод с женой и зарегистрировал брак с любовницей.

Г. и его новая жена старались не терять связь с Родиной, переписывались и говорили по телефону с родственниками и знакомыми. Высказывали неудовлетворение жизнью в США, испытывали ностальгию. В американской прессе были опубликованы сведения о том, что Г. предъявляет претензии к ЦРУ за невыплату обговоренной за предательство суммы, «угрожал» вернуться в СССР.

Летом 1990 г. Г. встречался в г. Сиэтле с сыном своего друга, посетившего США в составе морского экипажа. Хотя на беседе присутствовали два сотрудника ФБР, Г. сумел сообщить, что находится под плотным контролем спецслужб и хотел бы передать КГБ о его желании встретиться с их представителем. Однако после этого Г. на контакты с официальными советскими представителями не выходил. Обстоятельства его дальнейшей жизни в США не установлены.

Гурджиянц Владимир Мисакович, 1936 г. рождения, урож. г. Ашхабада, бывш. офицер внешней разведки РФ.

В начале 90-х годов работал в Зимбабве под прикрытием должности помощника представителя «Аэрофлота».

Предложил услуги местной спецслужбе. Неоднократно встречался с ее сотрудниками, выдал совершенно секретные сведения о резидентуре российской разведки и ее агентуре.

В 1994 г. был отозван в Москву и арестован.

Приговорен к 8 годам лишения свободы.

Гучков Александр Иванович (1862—1936), известный общественный и политический деятель, председатель III Государственной думы, военный министр в первом составе Временного правительства.

Родился в купеческой семье. Его прадед «прибыл в купечество в 1814 г. из отпущенных на волю от надворной советницы Белавиной дворовых людей». Отец Г., И.Е. Гучков, являлся купцом первой гильдии (потомственный почетный гражданин, совладелец фирмы «Е. Гучков и сыновья»). Мать — обрусевшая француженка (урожд. Вакье).

Детство и юность Г. провел в Москве в родовом владении в Лефортовской части. Закончил Вторую московскую гимназию на Разгуляе, которая являлась одним из самых престижных средних учебных заведений. В 1881—1885 гг. обучался на историческом факультете Московского университета, получил звание кандидата. Вскоре был призван рядовым в 1-й лейб-гвардии Екатеринославский полк. После сдачи экзаменов на младший унтер-офицерский чин был уволен в запас. Через год произведен в прапорщики армейской пехоты.

В 1886 г. Г. предпринял поездку в Германию, где прослушал цикл лекций по истории и философии в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Видимо, к этому времени относится решение Г. отказаться от научной карьеры и посвятить свою жизнь общественной и политической

деятельности. Он становится почетным мировым судьей. В 1892—1893 гг. работал в аппарате нижегородского губернатора. Был награжден орденом Анны третьей степени за заслуги в деле борьбы с последствиями неурожая. С 1893 г. начал работать в Московском городском управлении, был избран членом городской управы. В 1896 г. «за труды и усердие» был награжден орденом Станислава 2-й степени. Исполнял обязанности заместителя (товарища) московского городского головы. В 1897 г. становится гласным городской думы.

Всероссийскую известность имя Г. приобрело после нескольких «экзотических» зарубежных поездок. В 1895 г. он посещает Турцию в самый разгар антиармянской кампании, в 1897 г. служит в охранной страже Китайско-Восточной железной дороги, а затем в чине офицера — в одном из гарнизонов в Маньчжурии. В 1900 г. он вместе с братом Федором оказывается в Южной Африке, где в качестве волонтера сражается с англичанами на стороне буров. Был ранен и попал в плен. Во время боев проявил мужество и храбрость. В 1903 г. он посещает Балканы в самый разгар политического кризиса.

В марте 1904 г. после начала Русско-японской войны Г. по поручению городской думы в качестве ее представителя и помощника главноуправляющего Общества Красного Креста выезжает в Маньчжурию, где развивает бурную деятельность. Постоянно бывает на передовой, организует санитарные отряды, госпитали, руководит их снабжением медикаментами, провиантом, различного рода оборудованием. Г. находился в районе боевых действий вплоть до окончания войны. Он отказывается от эвакуации из Мукдена, остается вместе с ранеными солдатами, содействует передаче госпиталей японской армии в соответствии с международными правилами. После месячного пребывания в плену Г. был освобожден японцами и в начале мая 1905 г.

вернулся в Москву. Его возвращение было триумфальным. Поведение Г. в Маньчжурии было расценено как «подвиг самопожертвования», в момент его появления в зале заседаний городской думы гласные встретили его овацией.

Наращение революционного движения заставило Г. определить свою политическую позицию. Он объявляет себя «конституционалистом», сторонником конституционной монархии. Г. с одобрением воспринял подписанный царем 17 октября 1905 г. в дни Всероссийской политической стачки Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором содержалось обещание даровать неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, создать высший законодательный орган (Государственная дума) путем свободных выборов с участием всех слоев населения. Г. становится основателем политической партии «Союз 17 октября», которую возглавлял с 1906 г. В программу партии вошли все «общедемократические либеральные принципы». Программные положения в социальной области были консервативными и, в частности, не предусматривали ликвидацию помещичьего землевладения и сословного неравенства крестьянства. Последнее явилось причиной поражения партии «октябристов» на выборах в I и II Думы, куда Г. избран также не был. Октябристы и их лидер прошли только в III Государственную думу после изменения избирательного закона. По этому поводу Г. удостоился поздравления со стороны двора и лично Николая II.

С 1907 г. происходит сближение Г. и П.А. Столыпина, который предложил главе октябристов, ставшему к тому времени членом Государственного совета, войти в правительство. Однако министром Г. не стал, поскольку поставил несколько неприемлемых для окружения царя условий (объявление программы деятельности кабинета, некоторые персональные изменения в правительстве). Тем не менее Г. продолжает поддерживать аграрную политику П.А. Столы-

пина, а также принятые им меры по борьбе с революционным движением, и в частности, учреждение военно-полевых судов.

Во многом благодаря поддержке П.А. Столыпина в марте 1910 г. Г. избирается Председателем III Государственной думы. Он покидает этот пост в апреле 1911 г. в знак протеста против проведения П.А. Столыпиным в обход Думы закона о земстве в западных губерниях России. Этот шаг был обусловлен разочарованием Г. в политике П.А. Столыпина, который, по его мнению, капитулировал перед придворной «камарильей».

Первый вызов Николаю II и его окружению Г. бросил еще в 1908 г. в выступлении на пленарном заседании Думы по поводу сметы военного министерства. Говоря о причинах поражения в Русско-японской войне, Г. назвал плохую организацию управления армией, где на ключевых постах находились люди, деятельность которых никем не контролировалась. Более того, он назвал поименно ряд ближайших родственников царя и потребовал их отставки. Особую ненависть царя и его приближенных к Г. вызвали его публичные разоблачения Г.Е. Распутина. Г. приобретает прочную репутацию активного противника режима, за ним устанавливается полицейский контроль.

Эволюция взглядов на роль царя и его окружения, не желающих даровать России конституцию, которая ограничивала бы самодержавное правление, постепенно привела Г. к мысли о необходимости использования нелегальных методов борьбы. В 1908—1911 гг. он совершил ряд поездок в Западную Европу, где установил контакты с масонскими кругами. Здесь он получил полную поддержку своих идей о смене «тоталитарного режима» в России более «демократической» формой правления. Вернувшись на родину, Г. вступает в один из филиалов ложи «Великий Восток Франции». Участие Г. и его единомышленников в русском

масонском движении придавало ему сугубо политический характер. Главным методом работы этой глубоко законспирированной организации было проникновение во все структуры государственного аппарата с целью его разложения изнутри. Не исключались и «хирургические» методы воздействия на противников.

Г. начинает проявлять особое внимание к проблемам армии и военного строительства. Имея аппарат осведомителей в военных ведомствах, он предает огласке факты злоупотреблений и халатности со стороны высших должностных лиц. Главным объектом нападок Г. становится военный министр В.А. Сухомлинов.

В годы Первой мировой войны популярность Г. еще более возрастает. Весной 1915 г. он становится председателем Центрального военно-промышленного комитета, а вскоре его избирают и членом Государственного совета по торгово-промышленной курии. Продолжая публичную критику царя и его сановников за неподготовленность к войне, под впечатлением крупных неудач русской армии и роста революционных настроений на фронте и в тылу, Г. приходит к выводу о необходимости военного переворота, который обеспечил бы отречение Николая II в пользу царевича Алексея при регентстве брата царя Михаила. По плану Г. после этого должно быть сформировано правительство «общественного доверия», главной задачей которого будет умиротворение страны и продолжение войны на стороне Антанты до победного конца.

Г. развернул активную работу по вербовке участников переворота, формированию воинских отрядов для ареста царя и его приближенных. Главной опорой заговорщиков должны были стать члены так называемой «Военной ложи», куда входили генералы, окружавшие царя в Ставке.

Генералы из «Военной ложи» успешно выполнили свою задачу в феврале—марте 1917 г. Им удалось практически

изолировать царя в Ставке и не допустить переброски верных ему частей в Петроград, охваченный антиправительственными выступлениями солдат и рабочих. Николай II не выдержал оказанного на него давления и согласился на отречение.

Г. сыграл одну из главных ролей в заключительном акте монархической драмы. 2 марта 1917 г. он по поручению Временного комитета Государственной думы выехал в Псков, где в салон-вагоне царского поезда участвовал в процедуре отречения Николая II в пользу его сына Алексея при регентстве Великого князя Михаила. Однако на следующий день Николай II изменил формулировку своего отречения, передав трон Михаилу. Последний, несмотря на настойчивые уговоры Г. и других представителей «прогрессивной партии», отказался занять трон до решения Учредительного собрания о форме правления в России. Монархическая рокировка не состоялась.

Планам Г. и его единомышленников был нанесен первый серьезный удар. Дальнейшее нарастание революционного движения привело к двоевластию в стране. Деятельность Временного правительства, куда вошел Г. в качестве военного и морского министра, была по сути дела парализована акциями Советов рабочих и солдатских депутатов. Социальная ограниченность членов Временного правительства, их идеологические установки, основанные на принципах «западных демократий», прямое влияние правящих кругов стран Антанты (в том числе и через масонские каналы), стремящихся ни в коем случае не допустить выхода России из войны, не смогли не привести адептов «либеральных ценностей» в политический тупик. На авансцену вышли радикальные политические течения (большевики и, в какой-то мере, эсеры), программы которых отвечали просто и ясно на два главных вопроса, касающихся мира и земли. Мир без аннексий и контрибуций и ликвидация по-

мещицкой собственности на землю — основные лозунги большевистской партии обеспечили ей поддержку широких слоев населения и, в конечном счете, победу в схватке за власть.

Процесс «демократизации всех сторон общественной жизни», за который еще недавно ратовал Г. и его единомышленники, совсем скоро обернулся против них. Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов был издан приказ по армии № 1, вводившим в воинских частях выборные солдатские комитеты, без одобрения которых, включая кадровые вопросы, никакие решения приниматься не могли. Принцип единоначалия в армии сводился на нет. Неизбежно на фронте усилились хаос и анархия. Предложения Г. о переходе к жестким мерам и разгоне Советов поддержки во Временном правительстве не нашли. В этих условиях в конце апреля 1917 г. Г. подает в отставку и уходит с поста военного министра.

Вскоре он занял пост председателя Центрального военно-промышленного комитета, что позволило ему оставаться в гуще политических событий. Главной целью Г. теперь становится подавление революционного движения. Речь шла уже об установлении военной диктатуры, где главная роль отводилась генералу Л.Г. Корнилову, командующему Петроградским военным округом. Г. убедил генерала в необходимости решительных действий, обеспечил ему мощную финансовую поддержку через крупные банки и страховые компании.

В конце августа 1917 г. корниловский мятеж был подавлен. Главные его вдохновители, в том числе и Г., были арестованы. Пробыв несколько дней под арестом, Г. был освобожден Временным правительством и выехал в Москву, а затем в Кисловодск, где его и застало известие о победе советской власти в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Главной целью жизни Г. становится борьба с большевизмом. Он оказывает помощь в организации белогвардейской Добровольческой армии, ведет активную агитационную деятельность. Весной 1918 г. он вынужден перейти на нелегальное положение. В платье протестантского пастора покидает Кисловодск, скрывается в окрестностях Ессентуков. После захвата Юга России белой армией переехал в Екатеринодар.

В начале 1919 г. командующий «Вооруженными силами Юга России» генерал А.И. Деникин назначил Г. руководителем миссии в Западной Европе. Он, по сути дела, становится дипломатическим представителем всего Белого движения на Западе. С присущей ему энергией добивается увеличения иностранной военной помощи белой армии, постоянно ведет официальные и неофициальные переговоры в Риме, Берлине, Париже, Лондоне, Ревеле, Праге, Константинополе, Риге и др. Однако железнодорожные составы и транспортные суда с вооружением, боеприпасами, амуницией и продовольствием, которые Г. удавалось получить для белогвардейцев, не спасли их от сокрушительного поражения. Трагедия Гражданской войны завершилась падением Крыма и бегством остатков армии Врангеля за рубеж.

Г. с женой и дочерью поселился в Париже. Он оказался в сложном положении, поскольку белоэмигранты-монархисты организовали его травлю. Ему не могли простить борьбы с самодержавием и его роли в отречении Николая II. В 1921 г. он был избит монархистом-фанатиком в берлинском метро. Некоторое время спустя в него стреляли, но преступник промахнулся, убив сопровождающего Г. В.Д. Набокова.

Надежды на свержение большевиков не оставляют Г. Однако он пересматривает свое отношение к правящим кругам Франции и Англии, которые, по его мнению, в

ходе Гражданской войны вели двуличную политику, и связывает все надежды с Германией. Г. часто посещает Берлин, устанавливает широкие контакты с представителями германского правительства, рейхсвера, спецслужб, которых систематически снабжает информацией о внутривнутриполитическом положении Советской России, полученной им от нелегальной агентуры. Г. не мог даже предположить, что все каналы связи с его осведомителями в России контролируются НКВД. Сведения о том, что Г. «продался немцам», постепенно начали циркулировать в белоэмигрантских кругах. От него отвернулись многие единомышленники-либералы, перед ним захлопнулись двери всех масонских лож.

Настоящей драмой для Г. явился идейный разрыв с дочерью В.А. Трэйл-Гучковой, которая примкнула к левому крылу движения «евроазийцев» (синтез славянофильской и большевистской идеологий). Она публично восхваляла Октябрьскую революцию и роль И.В. Сталина в социалистическом строительстве.

Последний год своей жизни Г. был прикован к постели. Он умер в феврале 1936 г. Похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Давыд Игоревич (?—1112), князь Владимиро-Волынский.

В 1097 г. после Любечского съезда князей, Киевская Русь была разделена на три «отчины» — Изяславичей, Святославичей и Всеволодовичей. Был установлен принцип, по которому члены этих ветвей рода Рюриковичей не

претендуют на земли представителей другой ветви — «каждый да держит отчину свою». Князя присягнули об этом на кресте и обещали не пытаться изменять его условия.

Однако князю Д., по выражению летописца, «сатана влез в сердце». Он послушал наговоры своих людей — Туряка, Лазаря, Василия против князя Василька Ростиславича Тербовльского, будто бы он хочет нарушить соглашения и силой захватить киевский престол. Д. вступил в сговор с киевским князем Святополком Изяславичем и 5 ноября 1097 г. их слуги вероломно схватили Василька (последний гостил у Святослава). Тербовльский князь получил известие о готовящемся нападении, но не поверил ему, будучи убежден в нерушимости клятвы, только что данной на кресте всеми участниками Любечского съезда.

Василько был перевезен в Белгород и там ослеплен Торчином Берендеем, Сновидом Изевичем, конюхом Святополка, и Дмитрием, конюхом Д.

Летописец так оценил случившееся: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». Варварское ослепление, сопровождаемое клятвопреступлением, образно сравнивалось с «ввержением ножа» в ряды русских князей. Это событие привело к вспышке новой, кровавой междоусобной войны. В сражении на р. Рожне 1097 г. войск Володаря и Василька Ростославичей со Святополком Изяславичем слепой Василько держал над своими войсками в поднятых руках крест, на котором присягал и клялся Святополк. Это, по мнению летописца, и сыграло решающую роль в поражении Святополка и наказании клятвопреступников. После разгрома войск Святополка Д. был лишен владимирово-волынского княжения и отправлен в г. Дорогобуж, где и умер. Усобица завершилась в 1098 г. заключением мира на Городецком съезде.

Дальневосточные белоэмигрантские формирования (ДБФ)

Создавались в 1941—1945 гг. по инициативе и поддержке военного командования Японии и ее спецслужб в целях использования в потенциальной войне против Советского Союза.

Самыми значительными из них являлись:

— «Бюро по делам российских эмигрантов» (БРЭМ), объединявшее все белогвардейские организации Дальнего Востока. Занималось пропагандистской деятельностью, а также подготовкой вооруженных отрядов из числа эмигрантов. Во главе БРЭМ стояли атаман Г.М. Семенов (см. соотв. статью), А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, К.В. Родзевский, Б.Н. Шепунов.

— Бригада «Асано», укомплектованная белогвардейцами численностью до 4 тыс. человек. Создана в конце 1943 г. Имела в своем составе кавалерию, пехоту и казачьи подразделения. Командир бригады — полковник Г. Наголян.

— Захниганский казачий корпус, включавший 5 полков, 2 отдельных дивизиона и одну отдельную сотню. Сформирован в 1943 г. при активном участии Г.М. Семенова, Л.Ф. Власьевского и А.П. Бакшеева. Подразделения корпуса были укомплектованы исключительно белоказаками. Корпус непосредственно подчинялся главе японской военной миссии в Тайдаре подполковнику Таки.

— Отряды резервистов и молодежные подразделения формировались на случай начала конфликта с СССР.

В 1944 г. в связи с впечатляющими победами Красной армии в войне с Германией настроения в белоэмигрантской среде резко изменились. Японские власти пытались изменить эти настроения. В рядах эмиграции были проведены массовые аресты.

ДБФ прекратили свое существование в августе 1945 г. после быстротечной войны, в результате которой Красная армия наголову разбила японские вооруженные силы. Большинство лидеров ДБФ были арестованы и казнены.

Дашкова Екатерина Романовна, род. в 1744 г., княгиня.

Активная участница государственного переворота в 1762 г. Входила в близкое окружение Екатерины II, постоянно сопровождала ее в дни переворота. Вместе с ней верхом и облаченная, как и будущая императрица, в гвардейский мундир, возглавила поход гвардейцев на Петергоф, где в это время находился император Петр III.

После воцарения Екатерины II Д. утратила ее расположение, т.к. до императрицы стали доходить слухи (и вполне обоснованные), что княгиня считает себя главным вдохновителем и организатором переворота.

Д. была отдалена от императрицы и полностью утратила на нее влияние.

Была назначена директором Петербургской академии наук, а затем — президентом Российской академии.

Двоенко Александр Петрович, дата рождения не установлена, житель г. Людиново, районного центра в Орловской области.

До начала Великой Отечественной войны работал учителем математики и физики в городской средней школе № 1.

После захвата г. Людиново немецкими войсками в 1941 г. встал на путь сотрудничества с оккупантами. Был назначен гитлеровцами начальником местной полиции. Проявил себя крайне жестоким и беспощадным по отношению к местному населению. За малейшее проявление неповиновения оккупационным властям жителей города подвергали расстрелам. Лично участвовал в казнях и пытках. В феврале 1942 г. неожиданно исчез. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Дедешин Андрей (уп. в конце XVI — нач. XVII в.), житель Смоленска, сын боярский.

Впервые его имя упоминается в связи с отъездом русского посольства к польскому королю Стефану Баторию.

Осенью 1590 г. смоленский воевода Траханиотов направляет Д. к польским послам, следовавшим через Смоленск в Москву, в связи с их неожиданным решением вернуться на родину.

В 1611 г. в разгар польской интервенции Д. переходит на сторону поляков и предлагает им свои услуги в овладении Смоленском, около которого сосредоточились войска под предводительством короля Сигизмунда III. По свидетельству современников, цинга опустошила окруженный город (количество горожан сократилось в 10 раз), однако русские войска под руководством воеводы Шеина продолжали сопротивление.

Д. хорошо знал оборонную систему города. Он указал полякам ту часть крепостной стены, которая была построена наспех в сырую осень. Интервенты сосредоточили на этом месте все свои пушки, разбили стену и в образовавшуюся брешь бросили отборные части. Ослабленный гарнизон пытался оказать сопротивление, однако был отброшен. Оставшиеся горожане заперлись в соборной церкви, зажгли порох, находившийся в погребах, и, не желая сдаваться, взорвали себя. Воевода М.Б. Шеин был пленен и подвергнут страшной пытке.

После провала польской интервенции Д., по некоторым данным, ушел в Речь Посполитую. Его дальнейшая судьба не выяснена.

Деревенко (наст. фамилия — Деревенько) Андрей Еремеевич (вторая пол. XIX — первая треть XX в.), боцман яхты «Штандарт».

Из волынских крестьян (Зап. Украина).

Являлся дядькой (слугой) сына Николая II, наследника престола цесаревича Алексея Николаевича. Его длительная служба в семье царя дала повод монархистской прессе к созданию легенды о безусловной верности Д. династии и

лично цесаревичу. Со стороны русских газет и журналов не сходили фотографии Алексея Николаевича в обществе Д., который выдавался за образец преданности простого человека престолу и единения самодержавия со своими подданными.

После февральского переворота 1917 г. и отречения Николая II поведение Д. в отношении царской семьи резко изменилось. По словам А.А. Вырубовой (Танеевой), входившей в ближайшее окружение царицы, 19 марта (т.е. через две недели после отречения царя), когда больную ее провозили в кресле мимо комнаты Наследника, она стала очевидцем следующей сцены: «Я увидела матроса Деревенко, как он сидел, развалившись в кресле, и приказывал Наследнику подать ему то то, то другое. Алексей Николаевич с грустными и удивленными глазами бегал, исполняя его приказания. Этот Деревенко всегда пользовался любовью Их Величеств: столько лет они баловали его и семью его, засыпая их подарками. Мне стало почти дурно: я умоляла, чтобы скорее меня увезли».

Это свидетельство подтверждается Н.А. Соколовым, расследовавшим обстоятельства убийства царской семьи и чрезвычайно осведомленным во всех событиях, ему предшествовавших: «Старый дядька Наследника Цесаревича боцман Деревенко, тот самый, среди детей которого протекали первые годы жизни Наследника, кто носил его на руках во время болезни, в первые же дни переворота проявил злобу к нему и оказался большевиком и вором».

По настоянию царской семьи, находящейся уже под арестом, Д. был заменен другим слугой.

Д. умер от тифа в Петрограде в годы Гражданской войны.

Дерябин Петр Сергеевич, 1919 г. рождения, урож. Алтайского края, бывш. офицер советской контрразведки.

Участник Великой Отечественной войны. Воевал на передовой, получил четыре ранения.

С 1944 г. в течение полутора лет окончил специальные курсы Высшего военного училища. Был распределен в одно из сибирских управлений госбезопасности. С 1952 г. работает в контрразведке в Центральном аппарате на немецкой линии.

Находясь в служебной командировке в Австрии, в феврале 1954 г. бежал в американскую зону оккупации, где установил связь с американской разведкой. Был переправлен представителями ЦРУ в США. Выдал ряд важных материалов о деятельности советской разведки, в результате чего было арестовано несколько советских агентов — источников ценной информации. В 1957 г. заочно приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни.

В США Д. работал консультантом ЦРУ. В 1965 г. дал в Конгрессе США показания о деятельности советской разведки в странах Запада.

По заданию американских спецслужб участвовал в расследовании по делу бывшего сотрудника КГБ А.М. Голицына (см. соотв. ст.). Советовал американцам осторожно подходить к его сенсационным разоблачениям, поскольку хорошо знал фигуранта как авантюриста и прожектера.

По заданию ЦРУ совместно с американским журналистом Дж. Шектером написал книгу под названием «Шпион, который спас мир», посвященную известному изменнику О.В. Пеньковскому (см. соотв. ст.). В книге предпринята попытка героизации одного из самых известных советских предателей.

До настоящего времени Д. проживал в США.

Дзампаев Урузбек Татарханович, 1922 г. рождения, осетин.

В 1942 году добровольно поступил на службу к гитлеровцам. Служил в зондеркоманде СС 10-а, участвовал в карательных акциях, в ходе которых были уничтожены сотни мирных советских и польских граждан.

Разоблачен как активный пособник фашистов в 1963 г., по приговору советского суда расстрелян.

Дмитрий Константинович Суздальский (уп. в 1382 г.), удельный князь.

Вел антимосковскую политику, стремился сохранить самостоятельность Суздальского княжества, сотрудничал с татаро-монголами.

После Куликовской битвы поддержал поход хана Золотой Орды Тохтамыша на Москву (1382 г.). Послал хану своих сыновей Василия и Семена, которые сыграли зловещую роль во взятии татарами Москвы, а позднее (1399) — Нижнего Новгорода (см. соотв. статьи).

Добровольский Александр Васильевич, 1904 г. рождения.

Получил экономическое образование. Преподавал в Ленинграде, заведовал кафедрой. С началом войны его как специалиста эвакуировали в Куйбышев, откуда призвали в армию. На фронте Д. попадает в плен. Добровольно изъявил желание вступить в т. н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова. Преподавал в школе пропагандистов РОА, созданной по инициативе и на средства немецкой военной разведки. После капитуляции Германии бежал в Канаду, где умер во второй половине 80-х годов.

Доман Путивлец (уп. 1246), житель г. Путивля, перебежавший к татарам и вступивший на службу к хану Батыю.

В 1246 г. князь Михаил Всеволодич Черниговский отправился в Орду, чтобы испросить у Батыя подтверждения

права держания им Черниговской земли. Однако, признав силу и власть хана, он отказался выполнить языческие обряды, которые, по мнению татар, подтверждали покорность их вере и уважение их обычаев (поклонение идолам и проход между двух костров).

Батый на это сопротивление «яко свирепый зверь возъярися» и велел убить князя Михаила. Этот приказ исполнил русский перебежчик, «беззаконный» и «нечестивый» Д. Вместе с Михаилом был убит его боярин Федор. Позже за мученическую смерть они были причислены Православной церковью к лику святых. Дальнейшая судьба Д. не выявлена.

Дорошенко Петр Дорофеевич (?), прилуцкий полковник, затем гетман Правобережной Украины.

В 1659 г. участвовал в двух украинских посольствах к представителям русского царя. Был доверенным лицом гетмана Юрия Хмельницкого. После измены гетмана в 1660 г. сражался в составе его войск в союзе с поляками и крымскими татарами с московскими воеводами. После оставления Ю. Хмельницким гетманства Д. принял решение порвать с поляками и вместе с верными ему войсками перейти в подданство турецкому султану. Участвовал с переменным успехом в многочисленных сражениях с русскими войсками и верными левобережному гетману И. Брюховецкому казачьими полками. В 1666 г. вместе с турецкими войсками и крымскими татарами нанес несколько серьезных поражений полякам. Предпринял ряд тайных дипломатических мер по недопущению заключения русско-польского мира. Несмотря на эти усилия, мир между Польшей и Москвией в 1667 г. был заключен (т. н. Андрусовский договор). Д. активизировал борьбу с «москалями» и в том же году направил в Запорожскую Сечь своих лазутчиков-агитаторов, которым удалось возмутить запорожцев против Москвы. В

Сечи был убит посол русского государя и смещены верные ему кошевой и старшины.

Усматривая в военных успехах Д. большую опасность, московское правительство решило начать с ним секретные переговоры. Чтобы облегчить их, был отпущен из русского плена брат Д. Д. поблагодарил царя за этот жест, пообещал не предпринимать против московских воевод военных действий и удерживать союзных ему крымских татар от набегов.

Однако уже в январе 1668 г. Д. нарушает свои обещания под предлогом того, что русский царь и польский король после заключения мира якобы договорились «известить казаков». Московскому правительству были поставлены заведомо неприемлемые условия, которые Д. сформулировал следующим образом: «Под высокодержавную рукою царского величества быть хотим, только бы у нас в городах и местечках воевод, ратных людей и всяких начальников московских не было, вольности наши казацкие и права были бы не нарушены и гетманом бы на обеих сторонах Днепра быть Петру Дорошенко, поборов и всяких податей с мещан и со всяких тяглых людей никаких не брать; а гетману Брюховецкому по милости великого государя можно прожить и без гетманства, потому что пожалован самою высокую честью и многими милостями».

Одновременно Д. продолжал тайную антимосковскую политику, пытаясь поднять восстание на восточном берегу Малороссии и побуждал к измене гетмана И. Брюховецкого. Он обнадежил его в том, что уступит ему гетманство, если он «отпадет от царя» и перейдет под покровительство турецкого султана. Брюховецкий принял это предложение и поднял на Левобережье восстание против московских властей.

В июне 1668 г. войска Д. и И. Брюховецкого соединились у Диканьки. Воспользовавшись тем, что в окружении

И. Брюховецкого зрело недовольство его непоследовательной политикой, Д. приказал схватить его и убить. Этот поступок, однако, вызвал возмущение у казаков, которые начали требовать смерти Д. Последний заявил, что вовсе не желал смерти И. Брюховецкого. Выставив несколько бочек горилки, он утихомирил казачество. Избавившись от давнего соперника, Д. объявил себя гетманом всей Украины, включая ее левобережную часть.

Вскоре у Д. появляются новые оппоненты в лице поставленного гетманом в Запорожье по настоянию крымских татар П. Суховеенко, ставленника поляков Ханенко, а также бывшего гетмана Ю. Хмельницкого, который в свое время постригся, но впоследствии сбросил монашеское одеяние и, пользуясь поддержкой тех же крымских татар, вновь объявил себя гетманом.

Все попытки Д. уговорить московские власти оказать ему военную помощь успеха не имели. Однако ему удалось самостоятельно нанести соперникам поражение. Им был захвачен в плен и выдан турецкому султану Ю. Хмельницкий.

Летом 1671 г. Д. начинает военные действия против татар. Этим воспользовались поляки, с помощью Ханенко буквально опустошившие западную часть Украины. В этих условиях Д. вновь возобновил переговоры с русскими воеводами, одновременно склоняя к отпадению от царя левобережного гетмана Д. Многогрешного, до сих пор верного Москве. Впрочем, вскоре московским воеводам удалось арестовать последнего и вывезти в Москву, предотвратив, таким образом, его измену.

Д. уговорил турецкого султана активизировать военное вмешательство в дела Украины. По его просьбе свыше 300 000 турок перешли Дунай и вместе с войсками Д. нанесли ряд тяжелых поражений польскому королю. При этом гнев турок обращался не столько на поляков, сколько на

местных жителей. Разорялись православные храмы, на их место ставились мечети, уничтожались иконы, чинились надругательства над священниками.

В 1673 г. по указу царя в Малороссию для борьбы с турками, татарами и их «подданным» Д. были направлены большие силы под командованием воеводы Ю.П. Трубецкого. Турки и татары без боя отвели свои основные силы в Крым. Вскоре русские полностью овладели Восточной Украиной, а в 1674 г. вступили на западный берег Днепра и развили успешное наступление на войска Д.

Оказавшись в изоляции, Д. возобновил переговоры с Москвой, требуя, однако, от нее гетманства для себя и очищения от русских войск всей Малороссии. Эти условия в категорической форме были отвергнуты. В 1674—1675 гг. московские войска с верными русскому царю казачьими полками продолжили успешные действия на правом берегу Днепра.

Положение Д. резко ухудшилось. Его авторитет среди казачества значительно упал, поскольку подданство турецкому султану сделалось невыносимым. Резиденция Д. г. Чигирин, по свидетельству современников, превратился в невольничий рынок, всюду турки и татары продавали в рабство пленных, причем делали это под самыми окнами дома Д. Если кто-либо из чигиринских жителей по существующему обычаю хотел выкупить земляка, то вызывал подозрения в промосковских симпатиях. На Украине царил голод, поскольку из-за войн два года ничего не сеяли, кормились тем, что украдкой могли купить на восточной стороне. Эти обстоятельства побудили Д. униженно просить у «москалей» мира, при этом он отказывался от прав на восточную часть Украины, выпрашивал гетманство только на правобережной ее части. Верный своей политике, Д. одновременно зондировал почву в Польше.

Направленные к Д. московские послы отказались обсуждать с ним какие-либо вопросы до того, как он не при-

несет присягу царю либо в Москве, либо на Украине. Опасаясь ареста, Д. от соблюдения этих условий вначале уклонился, но ввиду нового широкомасштабного наступления московских войск и левобережного гетмана И. Самойловича выдал булаву и сложил с себя гетманство. В марте 1667 г. он был отправлен в Москву и предстал перед царем, который простил ему «все измены и указал быть в Москве» впредь до особого распоряжения.

В конце 1679 г. царь предложил Д. вятское воеводство, которое он был вынужден принять. Здесь бывший гетман находился практически на правах ссыльного до конца жизни.

Дружеловский Сергей Михайлович, 1894 г. рождения, бывш. агент советской разведки.

Родился в семье чиновника полиции. Окончил четыре класса гимназии. В годы Первой мировой войны поступил в Гатчинскую летную школу и успешно закончил ее. Становится военным летчиком. Во время Гражданской войны служит в авиационных частях армии Врангеля.

После разгрома Белого движения перебирается в Прибалтику. Здесь был завербован польской разведкой. Переехал в Варшаву, «освещал» внутренние процессы, происходящие в русской эмиграции. В 1923 г. переезжает в Германию, занимается журналистской деятельностью. Предложил свои услуги резидентуре советской разведки, был ею завербован. После нескольких встреч с советскими разведчиками попал в поле зрения немецкой контрразведки, арестован и перевербован. Вскоре потерял связь с резидентурой ОГПУ, понял, что становится из-за этого ненужным своим немецким хозяевам. Занялся фабрикацией советских «секретных» документов и передавал их немцам.

Поскольку «деятельность» Д. могла осложнить развивающиеся советско-германские отношения, в 1926 г. он был

похищен агентурой ОГПУ, вывезен в СССР, предан суду и расстрелян.

Дудник Игорь Викторович, 1964 г. рождения, бывш. майор Ракетных войск стратегического назначения.

Предпринял ряд попыток передать американцам совершенно секретные материалы. Эти попытки были пресечены ФСБ. Арестован в 1997 г., в 1998 г. осужден на 12 лет лишения свободы.

Дудников Виктор Семенович, 1920 г. рождения.

Происходит из старинного казачьего рода. После оккупации в 1941 г. Донской области и Кубани Д. добровольно вступил в казачьи части, сформированные по указанию немцев и входившие в войска СС. Участвовал в боях с Красной армией на Дону, Кубани, в Белоруссии, Польше, а также с союзниками СССР в Италии.

Был взят в плен американскими войсками и выдан советским властям. В 1949 г. был приговорен к расстрелу. Смертная казнь была заменена 25 годами заключения. Осенью 1956 г. был амнистирован. Окончил вечернюю школу, а затем Институт сельскохозяйственного машиностроения в Ростове. Женился. В 1994 г. опубликовал воспоминания, в которых пытался оправдать свое предательство. Умер в 1996 г.

Думбадзе Евгений Васильевич, 1899 г. рождения, бывш. сотрудник советского торгового представительства в Турции.

В 1918 г. добровольно вступил в Красную армию. В годы Гражданской войны являлся комиссаром полка и дивизии. В 1921 г. направлен на работу в Закавказье. Был назначен руководителем группы наружного наблюдения. Работал в г. Потти в местном отделении ЧК.

В 1923 г. перешел в «Центросоюз» Грузии. Прошел обучение в Военном институте Ленинграда. Был командирован в Турцию в советское торгпредство на должность кассира. Бежал, оказался во Франции, где был завербован спецслужбами. В 1930 г. с их помощью издал книгу «На службе ЧК и Коминтерна». По заданию французов организовал похищение В.Г. Орлова (см. соотв. статью).

Его дальнейшая судьба неясна.

Е

Евдокимова Екатерина Алексеевна, жительница г. Москвы.

В 1916 г. вела тайную переписку симпатическими чернилами с немецкой разведкой. Письма отправлялись в лагерь русских военнопленных «Фридрихсфольд» на имя рядового Федора Павлова. На самом деле такого человека в лагере не было. Письма получал инженер Дукс, исполнявший должность военного цензора, он переправлял аннотацию писем Е. в разведку.

Деятельность инженера показалась подозрительной военнопленному фельдфебелю 6-й Сибирской артиллерийской бригады Максиму Назоренко, которого назначили на мелкие работы в канцелярию лагеря. В момент, когда Дукс оказался пьян и не до конца сжег в камине подлинники писем Е., что обычно делал после прочтения, Назоренко изъял остатки сообщений, из которых стал ясен шпионский характер переписки.

Он сообщил об этом военнопленному ветеринарному фельдшеру штаба 6-й Сибирской артиллерийской бригады Антону Моськову. Вскоре тому удалось бежать из плена. Добравшись до своих, Моськов передал сведения о шпион-

ке в армейскую контрразведку. Дальнейшую судьбу Е. установить не удалось.

Евстафий (Остафий) Константинович (ум. 1264 г.), рязанский боярин.

До 1262 г. бежал в Литву и отрекся от православия (стал, по выражению летописца, «беззаконным»). Служил в дружине князя Миндовга (ок. 1240—1263), основателя Литовского государства. Вместе с ним участвовал в литовских завоеваниях галицко-волинских земель. За необычную даже для захватчиков жестокость к местному православному населению снискал прозвища Окаянного (в Древней Руси обычно прилагавшееся к братоубийцам) и Проклятого.

Был убит в 1264 г. преемником Миндовга Войшелком, избавлявшимся от приближенных своего предшественника.

Еськов Михаил Трофимович, 1923 г. рождения, урож. г. Ставрополя.

Во время войны служил во флоте. В 1943 г. участвовал в обороне Севастополя, где был контужен и взят в плен. Был доставлен в госпиталь для военнопленных. После лечения представитель гитлеровской спецслужбы СД предложил ему вступить в немецкие вооруженные силы, на что он ответил согласием. Был направлен на службу в зондеркоманду СС 10-а.

Участвовал в расстрелах захваченных немцами партизан и гражданских лиц, заподозренных в пособничестве им. Привлекался немцами к массовым уничтожениям мирных граждан в т.н. душегубках.

Об одном из эпизодов своей «деятельности» в зондеркоманде Е. рассказал на следствии буквально следующее: «Мы прибыли к месту казни. Арестованные вышли из автомашины. Одна из женщин сказала: “Расстреливать привез-

ли, гады". Другая женщина рыдала, обнимая и целуя дочь. Недалеко от нее еще одна крепко прижимала к груди малолетнего ребенка. Одна из женщин была больной. Она сама сошла в окоп и, повернувшись, сказала: "Придет и ваша смерть, выродки!" Немецкий офицер выстрелил и закричал: "Шнелы!" Мы тоже закричали: "Быстрее, быстрее!", подталкивая арестованных. Молодая девушка закричала: "Да здравствует Ленинский комсомол!" Прыгнула в окоп — ее тут же застрелили. Здесь же оказалась ее мать, которая, добежав до окопа, кричала: "Доченька!" — упала и обняла окровавленный труп дочери. Ее тут же мы застрелили. Они остались лежать в окопе обнявшись. Последней прыгнула в окоп женщина с малолетним ребенком, закрывая его своим телом. Офицер стволом автомата повернул женщину и выстрелил в ребенка. Мать вскрикнула, крепче прижала ребенка к груди, но следующим выстрелом была убита сама.

Мы закопали еще истекавшие кровью трупы.

На обратном пути один из карателей нашел бутылочку с молоком и, смеясь, выпил: не пропадать добру!»

Через полгода службы у немцев Е. получил отпуск и отправился в Севастополь, откуда бежал и сдался советским властям. Признался в том, что служил в зондеркоманде, однако свое участие в казнях советских граждан скрыл. Был арестован и предан суду.

На процессе над членами зондеркоманды в Краснодаре в 1943 г. был приговорен к 10 годам исправительных лагерей. В 1953 г. был освобожден по отбытию срока наказания, остался на Колыме. Женился, работал плотником по найму. Однако вскоре вновь был осужден за бытовое убийство.

В октябре 1963 г. в связи с вновь открывшимися обстоятельствами его участия в казнях советских граждан во время войны был привлечен к суду. Находясь в камере предварительного заключения, сочинял стихи, клеймящие фашистов и их пособников. Приговорен к высшей мере наказания.

Жиленков Георгий Николаевич, 1910 г. рождения, урож. г. Воронеж, бывш. член Военного совета 32-й армии, бывш. бригадный комиссар (генерал-майор) Красной армии, генерал-лейтенант власовской РОА.

Был беспризорником, воспитывался в детском доме, получил высшее образование. Направлен сначала на комсомольскую работу, затем — партийную. Являлся первым секретарем Ростокинского райкома ВКП(б), избирался членом Московского городского комитета партии.

В начале войны был назначен на должность члена Военного совета 32-й армии. Осенью 1941 г. под Вязьмой вместе с частью попал в окружение и, сняв знаки отличия, сдался в плен. До мая 1942 г. под видом шофера Максимова служил в немецкой действующей армии. Однако вскоре был опознан и доставлен на допрос в гестапо. После дачи признательных показаний выразил желание сотрудничать с германскими властями и стал одним из руководителей т.н. «Осиндорфской бригады» — военного подразделения, сформированного немцами из числа советских военнопленных. В бригаде возглавлял организационно-пропагандистский отдел. Составил для фашистского командования докладную записку с предложением создания оргкомитета по «освобождению России» и Русской народной Армии. К этому времени относятся его тесные контакты с гестапо и немецкой военной разведкой. Вместе с «Осиндорфской бригадой» участвовал в боях против партизан, а затем — против частей Красной армии под Великими Луками. За проявленную нерешительность по приказу фельдмаршала фон Клюге был приговорен к расстрелу, однако из-за вмешательства гестапо освобожден. Сама бригада, не показавшаяся немцам благонадежной, была разоружена и рас-

формирована (300 человек из ее состава ушли к партизанам). Вскоре Ж. становится редактором газеты «Доброволец», издаваемой для распространения среди советских военнопленных, служащих в вермахте.

После измены генерала Власова вошел в его ближайшее окружение. Возглавил Отдел пропаганды «Комитета освобождения народов России (КОНР)», созданного Власовым при поддержке немцев. Являлся редактором газеты КОНР «Воля народа». Однако главной задачей Ж. осталось информирование гестапо и абвера о внутренних процессах в КОНР. Кроме того, он исполнял роль посредника между руководством КОНР и вермахтом и нацистскими спецслужбами. Именно Ж. организовывал встречу Власова с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером.

За активное сотрудничество с немцами пользовался льготами, которых были лишены другие власовцы (большое денежное пособие, роскошная квартира).

В 1943 г. Ж. занимался формированием в Пскове гвардейской ударной бригады власовской армии, на базе которой предполагалось готовить террористов и диверсантов. При этом планировалось, что в отдельных случаях под видом советских солдат будут забрасывать в тыл советских войск целые подразделения этой бригады. Такого рода акции продолжались до мая 1945 г.

Летом 1943 г. Ж. по поручению гестапо завербовал дезертира Красной армии Таврина, которого склонил к участию в операции по физическому устранению И.В. Сталина. Ж., совместно с Тавриным, разработали подробный план этой террористической акции, одобренного затем гестапо и абвером (см. ст. Таврин П. И.).

В конце апреля 1945 г., когда неизбежный крах Третьего рейха стал очевиден, Ж. создал ударный офицерский отряд и двинулся с ним из Австрии в Северную Италию. Однако по дороге он распускает отряд, приказав офицерам выжить

любой ценой, поскольку «рано или поздно они понадобятся освободительному движению». Сам же явился в штаб 7-й армии США и добровольно сдался в плен.

Ж. был подвергнут допросу сотрудниками американской разведки и по их предложению составил несколько докладов о положении в СССР и в Русском «освободительном» движении. Эти документы содержали обстоятельные аналитические материалы и многочисленные конкретные сведения: адреса явок, имена потенциальных агентов, их характеристики и т.п. После этого Ж. был переведен в лагерь во Франкфурте-на-Майне. Имеются сведения, что американцы готовили побег Ж. из лагеря, чтобы поселить его в Баварии под фамилией Максимов и использовать в подрывной работе против Советского Союза.

Однако советское командование настояло на выдаче Ж., что американцы в конце концов вынуждены были сделать.

1 августа 1946 г. Ж. вместе с другими руководителями власовского движения был приговорен советским судом к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.

Жирухин Николай Павлович, 1920 г. рождения, родился в Тихвинском р-не Ленинградской области.

До войны обучался в лесном техникуме, затем работал в пожарной охране. На военной службе, куда его призвали в 1940 г., был писарем-кладовщиком новороссийской гарнизонной гауптвахты. Здесь же его застала война. В сентябре 1942 г. Ж. исчез из подразделения. Через день город был захвачен гитлеровскими войсками. Ж. вернулся в город в составе немецких войск.

В составе зондеркоманды СС 10-а Ж. принял непосредственное участие в расстреле пятиста советских пленных из лагеря «Цемдолина». По приказу немцев лично расстрелял пленного политрука Красной армии.

Вскоре Ж. вместе с зондеркомандой был переправлен в Краснодар, а затем — на Украину. В Херсоне за воровство был посажен немцами в тюрьму, но вскоре освобожден. Свою службу у немцев закончил в Германии, где в 1945 г. перебежал к американцам. Последние передали Ж. советским властям. Репрессирован не был. Устроился писарем на фильтрационном пункте. Вернувшись в Советский Союз, переезжал из города в город, торговал в Одессе рыбой, был секретарем Вышковецкого народного суда, фининспектором, учителем физкультуры. Переехал в Татарию, где по поддельным документам устроился в школу, однако вскоре был уволен за грубое отношение к ученикам.

В 1952 г. обосновался в Новороссийске, где проживал до момента ареста.

В 1963 г. по приговору советского суда расстрелян.

Жук Матвей Федорович, 1896 г. рождения, завхоз больницы села Большой Силан Приморского края.

В 1942 г. Ж. проживал во Владивостоке, работал кладовщиком в рыболовецком кооперативе. Имел семерых детей. Двое его сыновей с началом войны были призваны в армию. Его братья — Трофим, Григорий, Алексей, Петр — были на фронте. Совершив кражу муки и сахара со склада, Ж. был арестован и приговорен к двум годам лишения свободы с заменой ИТЛ отправкой на фронт.

До призыва в РККА он был отправлен на временное жительство в село Б. Силан, где работал завхозом больницы, там познакомился с ефрейтором 53-го строительного батальона И.Л. Красновым (см. соотв. ст.), руководителем подпольной антисоветской организации, имевшей целью поднять вооруженный мятеж. По предложению И.Л. Краснова, вступил в эту организацию, получил от него оружие. В июне 1943 г. присоединился к восставшим, участвовал в боях с регулярными частями Красной армии. После подавления мятежа арестован и приговорен к высшей мере нака-

зания, которое было заменено 10 годами исправительно-трудовых лагерей. Умер в местах заключения.

З

Заболоцкий Тимофей Васильевич (ум. в 1-й пол. XVI в.), сын боярский.

В 1534 г. направлен русским царем с дипломатической миссией в Литву. Был принят королем, однако цели — предотвращения войны — не достиг. Видимо, в это время у З. состоялись первые неофициальные контакты с поляками. Имя З. упоминается в 1581 г. в письме Ивана Грозного польскому королю Стефану Баторию среди прочих изменников русского престола князя А.М. Курбского и Тетерина (см. соотв. ст.). Царь прямо указывает на то, что З. непосредственно участвовал в военных действиях против своих соотечественников и единомышленников.

Умер З. в эмиграции.

Завадский Иосиф (?), отставной прапорщик 7-го Егерского полка, столопомощник Белостокского областного правления.

В 1809 г. уехал в отпуск в Дрогичинский уезд и оттуда бежал в Польшу. Там поступил на службу в 3-й Галицийский французский пехотный полк. Засылался французскими спецслужбами на территорию России для проведения тактической разведки.

В марте 1812 г. З. был выслежен в Варшаве агентом русской разведки Фридрихом Штаром. Последнему удалось познакомиться с З., который в беседе с ним хвастался, что недавно был в Слониме, Вильне и Риге, где блестяще выпол-

нил все тайные задания французов. При наступлении русской армии в 1812 г. З. успел скрыться, но позже арестован. На допросах выдвинул версию о том, что был насильно принужден к службе французскими оккупантами.

Однако шпиона разоблачили, вновь арестовали и отправили в Белосток. З. сумел бежать и был вторично пойман в Варшаве в октябре 1813 г. Его предали военному суду. Дальнейшая его судьба неясна.

Задохлин Сергей Васильевич, 1878 г. рождения, урож. г. Екатеринодара.

После окончания кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища служил во 2-м Любинском полку. В составе Добровольческой армии участвовал в Гражданской войне. После разгрома Белого движения в 1920 г. эмигрировал в Югославию. Работал бухгалтером. В период Второй мировой войны служил в казачьих частях, входивших в состав вермахта. Одно время был в штабе генерала П.Н. Краснова (см. соотв. ст.). С начала 1945 г. участвует на стороне гитлеровцев в военных действиях в Италии. Произведен в полковники казачьих войск. После капитуляции Германии был выдан советским представителям.

Умер в лагере в Прокопьевске осенью 1945 г.

Закутный Дмитрий Ефимович, 1897 г. рождения, урож. гор. Зимовники Ростовской области, бывш. генерал-майор Красной армии.

В начале Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Встал на путь сотрудничества с оккупантами. Являлся одним из активных деятелей власовского движения. Принимал деятельное участие в создании КОНР (Комитет освобождения народов России, см. соотв. статью), созданного по инициативе гитлеровских спецслужб и призванного объединить все русские антибольшевистские силы для

вооруженной борьбы с Советской Армией в составе вермахта.

В конце войны (1945) был арестован и интернирован в СССР.

В 1946 г. по приговору советского суда повешен.

Заруцкий Иван Мартынович (уб. 1614), атаман донских казаков.

В детстве был угнан татарами в Крым, где провел несколько лет. Достигнув юношеского возраста, бежал на Дон. Отличался привлекательной внешностью, храбростью и умом. Быстро завоевал авторитет у казаков, был выбран в старшины.

С началом авантюры Лжедмитрия II, собрав 5000 донских казаков, он в 1608 г. объединяется с Лжепетром (см. соотв. ст.) и вместе с отрядами последнего добирается до лагеря Лжедмитрия II в Тушине, где получает от «царя» боярский чин, а также назначается главой Казацкого приказа.

В следующем году одерживает первую значительную победу, остановив войска Василия Шуйского на р. Химке. Вскоре вместе с Лжедмитрием II вынужден отступить в Калугу, где самозванец из мести был убит крымскими татарами. З. остается в Калуге, заявляя о верности наследнику самозванца Ивану (сыну Марины Мнишек от брака с Лжедмитрием II). На этой почве у него возникли противоречия с той частью тушинцев, которые вынашивали планы призвания на русский престол польского короля или его сына.

В 1611 г. З. с верными ему казаками присоединился к первому ополчению, сформированному для борьбы с польскими интервентами. Однако вскоре начал интриговать против одного из лидеров ополчения П.П. Ляпунова, в результате чего тот был убит. В дальнейшем З. пытался воспрепятствовать продвижению к Москве второго ополчения, возглавляемого князем Дм. Пожарским.

В 1612 г. встретился с М. Мнишек в Коломне и отступил в Рязанскую землю, где провозгласил наследником престола ее сына. По некоторым данным, состоял с Мнишек во внебрачной связи.

В 1613 г. был вынужден вместе со своим войском отойти в Астрахань. Здесь ему удалось закрепиться и привлечь на свою сторону терских казаков. Однако в 1614 г. отряды З. потерпели сокрушительное поражение от царских войск. Он был вынужден бежать на Яик, где был выдан казаками воеводе князю И.Н. Одоевскому. Доставлен в Москву и казнен.

Зборовский Виктор Эрастович, 1889 г. рождения, генерал-майор белой армии.

Родился в станице Ладожская Кубанского войска. Окончил Московский кадетский корпус и кавалерийское училище. Служил в отдельном конном дивизионе, в 1912 г. переведен в Собственный Его Императорского Величества конвой. Во время Первой мировой войны получил тяжелое ранение. В марте 1917 г. назначен адъютантом командира Кубанского гвардейского дивизиона.

С начала 1918 г. — в Добровольческой армии. Командовал дивизионом, а с июля 1919 г. — бригадой, входящей в состав Кавказской Горской дивизии. В 1920 г. проходит службу в конвое Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Добровольно принял участие в десанте на Кубань, где вновь получил тяжелое ранение. В ноябре 1920 г., после разгрома белой армии, прибыл на остров Лемнос, где командовал Кубанским гвардейским дивизионом. Летом 1921 г. вместе с дивизионом переброшен в Сербию, где становится командиром казачьей дивизии. Произведен в генерал-майоры.

В конце 1941 г., после оккупации гитлеровскими войсками Югославии, встал на путь сотрудничества с нациста-

ми. Участвовал в формировании т.н. Русского охранного корпуса, а затем командовал 1-м казачьим полком этого военного формирования, использовавшегося вермахтом в боевых действиях против югославских партизан. В одном из сражений с ними в октябре 1944 г. получил смертельное ранение.

Зверев Григорий Александрович, 1900 г. рождения, урож. г. Ворошиловска (Донбасс), бывш. полковник Красной армии.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Встал на путь сотрудничества с оккупантами. Становится одним из видных руководителей власовского движения, сформированного гитлеровскими спецслужбами. Участвовал в создании т.н. Русской освободительной армии — РОА (см. соотв. статью), возглавил ее 2-ю дивизию. Участвовал в боях с частями Советской Армии и ее союзников.

В 1945 г. был арестован и интернирован в СССР. В 1946 г. по приговору советского суда повешен.

Зинкевич Михаил Михайлович, 1883 г. рождения, генерал-майор белой армии.

Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус и Константиновское военное училище. В 1910 г. выпущен из Николаевской академии Генштаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Служил в артиллерийской бригаде. В 1915 г. произведен в подполковники и назначен начальником штаба Сибирской казачьей бригады, входившей в войска Кавказского фронта. В армии Врангеля получил в 1920 г. звание генерал-майора и назначен помощником командира дивизии. С 1922 г. — командир полка той же дивизии, дислоцированной в Болгарии.

С конца 1941 г. — командир батальона 5-го полка т. н. Русского охранного корпуса, сформированного вермахтом.

В декабре 1944 г. умер от ран, полученных в сражениях с югославскими партизанами.

Зосима (Изосима) (? — ум. 1262), ярославский монах.

Согласно Лаврентьевской летописи, был пьяницей; сквернословом, кощунствовал над святынями. После прихода монголо-татар начал с ними сотрудничать, отрекся от христианства и принял ислам, в составе татарского отряда Кутлубея участвовал в грабежах и погромах сел и городов своих соотечественников. Был убит в 1262 г. во время восстания в Ростовской земле против татарского владычества. Труп «беззаконного изменника», как сообщает летописец, был брошен на поругание и съедение птицам и собакам.

Зубов Иван (уп. в нач. XVII в.), дворянин.

Послан Лжедмитрием II в Смоленск воеводой. По свидетельству современников, З. предстал перед горожанами «с длинною грамотою» от самозванца, в которой тот «всю библию и псалтырь выписал, уговаривал, чтоб смольняне ему поддались, воеводу своего свергли, посадили на его место Зубова, прислали к нему в Тушино всю казну, а купцы прислали бы к нему все свои товары».

Смольняне вместо воеводства посадили З. в тюрьму.

Зубов Платон Александрович, род. в 1767 г., князь.

Последний фаворит Екатерины II. Возвысился в 1789 г., был наделен безграничной властью, в 1796 г. в его руках сосредоточилось 13 должностей по высшему управлению империей.

После восшествия на престол Павла I З. полностью лишился своего влияния. В этих условиях он принимает решение войти в заговор против императора, устранить его от власти и посадить на трон его сына — Великого князя Александра, любимца Екатерины II.

С самого начала З. был уверен в необходимости физического уничтожения Павла I. Это мнение разделял и главный вдохновитель и организатор государственного переворота П.А. Пален (см. соотв. ст.).

11 марта 1801 г. З. и П.А. Пален с помощью офицеров гвардии совершили переворот. Павел I был убит. Александр до переворота тайно поддерживал с заговорщиками связь и получил от них гарантию безопасности отца. Потрясенный чудовищным обманом, он, взойдя на престол, удалил основных участников убийства Павла I из столицы. З. был сослан в свое имение.

Умер З. в 1822 г.

Зыков Мелентий Александрович (Евлампиевич), 1902 г. рождения, бывш. политрук батальона Красной армии.

Выходец из семьи одесского торговца (по другим данным, его отец был литературным критиком в Екатеринославе).

Во время Гражданской войны являлся политкомиссаром. После демобилизации работал литературным критиком, преподавал в Москве в Институте им. Герцена, публиковал статьи о русской литературе XVIII в. Сотрудничал в «Известиях», был знаком с Н.И. Бухариным. Женился на дочери наркома просвещения А.С. Буднова.

После ареста Н.И. Бухарина был также арестован и заключен в лагерь в Магадане.

В начале Великой Отечественной войны освобожден и отправлен на фронт. Сдался в плен в 1942 г. под Батайском (Ростовская обл.). Вызвался сотрудничать с гитлеровцами, которые сразу оценили его способности как пропагандиста. Произвел впечатление на офицера разведки группы армий «Юг» фон Фреймаглогрингхофена, и был назначен в управление «Вермахт Пропганда». Составлял для немцев доклады о состоянии советской экономики и различных аспектах военных действий в России и др. В дальнейшем

работал под руководством офицеров разведки полковника Мартина и капитана фон Гроте.

С генералом А.А. Власовым (см. соотв. ст.) познакомился в 1942 г. в Берлине, был автором т.н. Смоленской декларации.

Вскоре З. становится редактором газеты «Заря», выпускаемой для гражданского населения оккупированных территорий.

Женился на русской эмигрантке, проживающей в Югославии. Через нее встречался с представителями фашистского пособника Драже Михайловича, с которыми обсуждал вопросы объединения усилий власовского движения и сербских коллаборационистов.

Летом 1944 г. З. неожиданно исчез. По одной из версий, немцы узнали о его еврейском происхождении, вследствие чего он был арестован и расстрелян. По другой — З. был похищен советской разведкой и уничтожен как изменник.

И

Иван Андреевич Можайский (уп. в первой пол. XV в.), удельный князь.

Союзник Дмитрия Шемяки Большого (см. соотв. ст.) в борьбе за великокняжеский престол.

В нарушение клятвы на верность великому князю участвовал в пленении Василия II, после чего тот был ослеплен.

После поражения от войск коалиции русских князей бежал в Галич.

Иванов Дмитрий Иванович (он же — Смирнов Николай Петрович, он же — Петров Александр Иванович), 1921 г. рождения, урож. села Бутчино Жиздринского р-на Орловской области.

Родился в семье богатого крестьянина, арестованного и расстрелянного в 1937 г. за участие в заговоре против советской власти.

В 1940 г. И. закончил среднюю школу в г. Людиново Орловской области. В 1941 г. обучался на 1-м курсе Брянского лесохозяйственного института. В день нападения фашистской Германии на СССР находился в Людинове, был мобилизован на строительство оборонительных сооружений в окрестностях города. Попал в плен к немцам в результате стремительного наступления гитлеровских войск и оккупации Людинова. Добровольно пожелал служить у немцев, стал сотрудником полиции. Был захвачен партизанами и в числе других полицейских подвергся расстрелу, однако случайно выжил, получив тяжелое ранение руки. После лечения вновь поступил в полицию, созданную оккупационными властями. Быстро завоевал их доверие. Вскоре назначен старшим следователем полиции, командиром роты, а затем — батальона, возглавил секретную службу, т.н. «Русскую тайную полицию», осуществлявшую контрразведывательную работу среди русских служащих в учреждениях оккупантов.

Особенно быстро сошелся с фактическим «хозяином» Людинова майором вермахта Александром Бенкендорфом, прибалтийским немцем, родственником А.Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и руководителя 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии при Николае I. И. становится доверенным лицом Бенкендорфа. Активно сотрудничает с штурмбанфюрером СС Антонио Айзенгаутом, руководившим местным филиалом т.н. «Тайной полевой полиции», выполнявшей функции гестапо. В 1941—1943 гг.

Людиново являлся предметом особого внимания оккупационных властей, т.к. находился в прифронтовой зоне. Там был расположен железнодорожный узел, стратегичес-

ки важный для переброски войск и военной техники. Кроме того, на территории города работал немецкий военный завод, а также были размещены многочисленные склады с военным имуществом и нефтепродуктами.

Советское командование, сознавая стратегическое значение Людинова, заблаговременно организовало в окрестных лесах партизанский отряд (командир — Василий Золотухин), а в самом городе — подпольную группу, состоящую в основном из местных жителей (руководитель — 16-летний Алексей Шумавцов).

Активность партизан и подпольщиков (минирование железнодорожных путей и подрыв военных эшелонов, уничтожение складов с горючим, нападение на немецких солдат, информирование командования Красной армии о передвижении немецких войск и техники, распространение в городе листовок с призывами к населению бороться с оккупантами и т.п.) вызывало беспокойство командования вермахта и гитлеровских спецслужб. Для уничтожения партизан и сочувствующих им местных жителей гитлеровцы приняли решение активно использовать И. и возглавляемую им полицию. При этом учитывались организаторские способности И. и полная его преданность оккупационным властям. Кроме того, И. отлично знал местные условия и охотно выполнял «грязную работу». Он вербовал агентуру для засылки в партизанские отряды, лично участвовал в засадах и боях с партизанами, а также расправах с мирными гражданами, подозреваемыми в сочувствии им. Так, летом 1942 г. И. организовал карательную операцию в дер. Хотня Дятьковского района, в ходе которой были уничтожены все ее жители (в том числе старики, женщины и малолетние дети). Деревня была полностью сожжена. И. лично участвовал в расстрелах. Всего «на счету» И. несколько сотен убитых советских людей, десятки которых он расстрелял лично.

И. удалось выявить состав людиновской подпольной группы, он организовал обыски, лично участвовал в арестах. Вместе с подчиненными допрашивал подпольщиков, зверски избивал их резиновыми дубинками и шомполами. Применял для пыток паяльную лампу. Одну из подпольщиц изнасиловал. По окончании следствия подпольщики были казнены. И. выступал в роли палача.

В 1943 г. И. награжден двумя медалями «За заслуги для восточных народов», а также назначен заместителем бургомистра г. Людиново, оставаясь руководителем местной полиции. В том же году был поощрен поездкой в Германию, где провел полтора месяца. Посетил Берлин, Лейпциг, Штутгарт, Нюрнберг, Вену. Для него были организованы экскурсии на немецкие заводы и лагеря для советских военнопленных.

Из-за наступления советских войск и их подхода непосредственно к Людинову И. был поспешно эвакуирован немцами в Минск, где работал на военном заводе. Когда Красная армия подошла к Минску, И. бежал в Польшу в г. Калиш, работал лесником в имении майора Бенкендорфа.

В начале 1945 г. И. перебрался в Германию в г. Торнау-Зюйд. Когда и сюда вошли части Красной армии, выдал себя за военнопленного красноармейца Николая Петровича Смирнова, уроженца г. Гомеля. По поддельным документам был зачислен рядовым в 716-й саперный батальон 27-го стрелкового корпуса. До осени 1945 г. служил в Восточной Германии, а затем вместе с частью переведен в Киевскую область (г. Обруч). Здесь он сошелся со штабным писарем, который однажды сообщил ему, что им интересуется военная контрразведка. И. удалось похитить у писаря чистые бланки армейских книжек, денежных и продовольственных аттестатов, проездных документов, командировочных удостоверений.

В мае 1946 г. он бежал из части. Приехал в Киев, затем в Харьков, откуда перебрался в Тбилиси. На базаре приобрел документы (паспорт и военный билет) на имя Петрова Александра Ивановича. Работал в артели проводников грузов, перевозимых в товарных вагонах. В июле 1948 г. был арестован за хищение значительного количества вина. В начале 1949 г. осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание в Свердловской области и Якутии.

В феврале 1955 г. освобожден, получил подлинные документы на фамилию Петров. Остался в Якутии, закончил курсы шоферов, работал вольнонаемным. Вскоре перебрался в Магадан, затем — в Находку. Был направлен по путевке Дальстроя на юг. Приехал проездом в Москву, провел некоторое время на квартире случайного знакомого. Через адресное бюро узнал о месте проживания матери (пос. Востряково Московской области), посетил ее.

Его визит к матери был зафиксирован органами госбезопасности, поскольку И. был объявлен во всесоюзный розыск. Из санатория через месяц И. вернулся в Москву, намеревался вновь посетить мать, но был на вокзале арестован.

Этапирован в Калугу, поскольку г. Людиново территориально перешел в Калужскую область. На следствии полностью изобличен как пособник гитлеровцев, участник и организатор военных акций против партизан, а также массовых репрессий в отношении советских граждан.

В марте 1957 г. И. был приговорен к высшей мере наказания и этапирован в Москву, где 21 июня приговор был приведен в исполнение.

Незадолго до казни И. получил свидание с матерью. (Два брата и сестра И. воевали в рядах Красной армии, имели награды и ранения.)

Иванов Иван Иванович¹, 1955 г. рождения, урож. г. Калининграда, капитан 3-го ранга Военно-Морского Флота СССР.

В июне 1990 г. офицер 2-го Главного управления КГБ СССР (контрразведка) проводил оперативную встречу с сотрудником итальянского посольства, перед которым выступал как сотрудник советского внешнеполитического ведомства. Встреча проходила за столиком на открытой площадке ресторана, и беседа велась на итальянском языке. Дипломат спешил и спустя некоторое время покинул ресторан, а оперативник задержался, чтобы расплатиться с официантом.

В это время к нему подсел неизвестный советский гражданин в штатском, который принял нашего оперработника за иностранца. Он поинтересовался, понимает ли его собеседник по-русски и, получив положительный ответ, заявил, что он — советский офицер-морьяк и мог бы передать «иностранцу» секретную информацию о Военно-Морском Флоте СССР за соответствующее вознаграждение.

Оперработник на месте принял решение продолжить игру с очередным «инициативником». Договорились о встрече на том же месте через день.

Эта встреча (с санкции руководства контрразведки) состоялась. Неизвестный вновь выразил готовность передать интересующие итальянскую разведку сведения, однако уклонился от того, чтобы точно сказать, чем именно он располагает. Он якобы хотел бы знать, какие именно сведения «иностранцу» необходимы. Оперработник, имея строгие установки не провоцировать неизвестного на

¹ Единственный фигурант этой книги, фамилия, имя и отчество которого изменены.

необдуманный поступок, уклонился от ответа. Со своей стороны, «инициативник» упорно не хотел сообщать, какой «товар» он может предложить. Расстались без результата, договорившись все обдумать и через три дня встретиться вновь.

После встречи наружное наблюдение установило, что неизвестный действительно является капитаном 3-го ранга, проходит службу в хозяйственном управлении штаба ВМФ СССР. Ранее служил в группе военно-морского флота на Кубе. В последнее время злоупотребляет спиртными напитками, что стало причиной его развода с женой. По оценке агентуры, И. находится на грани алкоголизма, постоянно просит займы, но сослуживцы перестали давать ему в долг. В настоящее время И. доступа к секретам не имеет, однако может располагать закрытыми данными по Кубе.

На следующей встрече с оперработником И. вновь поставил вопрос, что хочет получить от него иностранная разведка. От предложения «иностранца» передать то, что у него имеется, отказался. Оперработник неоднократно предупреждал И. об опасности его шага и рекомендовал оставить эту затею. И., однако, заявил, что давно решил на этот шаг и от реализации своего плана не откажется.

С учетом поведения И. на встречах с «иностранцем», отсутствия у него какой-либо документальной информации было принято решение провести с ним профилактическую беседу. При этом имелось в виду и то, что И., видимо, какими-либо серьезными материалами для передачи иностранной разведке не располагает.

При следовании со службы домой И. был задержан и доставлен в Приемную КГБ. Проводившие с ним беседу руководящие работники контрразведки тут же получили от него признательные показания. Он объяснил свой поступок желанием заработать на выпивку, признал, что дей-

ствовал в нарушение данной им присяги. Подробно описал обстоятельства знакомства с «иностранцем», описал его, рассказал о местах их встреч и содержании бесед с ним.

Руководством контрразведки было принято решение к уголовной ответственности И. не привлекать и ограничиться профилактической беседой с ним, в ходе которой он дал письменное обязательство более подобных «экспериментов» не проводить.

Материалы на И. были доложены министру обороны СССР, который лишил И. офицерского звания и уволил с воинской службы за поступок, порочащий честь офицера.

Ивков Николай Иванович (ум. 1904), ротмистр, штаб-офицер для особых поручений при главном интенданте Санкт-Петербурга.

В 1903 г. был завербован несколькими иностранными разведками. Состоял в агентурной связи с японским резидентом подполковником Акаши, германским разведчиком фон Лютвицом и французским резидентом полковником Муляном.

Навлек на себя подозрения контрразведки тем, что жил явно не по средствам, много играл на скачках, был завсегдатаем ресторанов, содержал любовницу, свояченицу Е.А. Бабушкину. 26 февраля 1904 г. был арестован сотрудниками Санкт-Петербургского охранного отделения. И. признал себя виновным. Сознался, что передавал неприятелю сведения из мобилизационного отдела Генерального штаба, составляя на их основе для японцев собственные аналитические справки по срокам мобилизации русских войск на случай войны и т.д. Его средний ежемесячный «гонорар» от иностранных разведок составлял 500 рублей.

Во время предварительного следствия, находясь в тюрьме, И. покончил жизнь самоубийством.

Игнатий (ок. 1540 — ок. 1620 гг.), патриарх Московский и всея Руси. Грек по происхождению.

В 1571 г. поставлен епископом области Ериссо и святой горы Афон. В 1596 г. приехал в Москву «за милостыней» и остался в России, поставлен архиепископом в Ростове.

С началом Смуты перешел на сторону Лжедмитрия I. Был возведен самозванцем в патриархи. Декларировал неприятие католичества, однако допустил венчание Лжедмитрия I с католичкой Мариной Мнишек. После свержения и убийства самозванца был заключен в Чудов монастырь.

В 1610 г. поддержал Лжедмитрия II. В следующем году был освобожден поляками и перебрался в лагерь интервентов под Смоленск. Был признан королем Сигизмундом III патриархом. После провала интервенции переехал в Польшу, где публично отрекся от православия и перешел в униатство.

Иголкин Степан, житель Новгорода (уп. в начале XVII в.).

Участник новгородского посольства в Стокгольме для призвания на русский престол шведского принца (см. ст. Новгородская смута).

Измайлов Артемий Васильевич (?), окольничий, виновен в измене при осаде Смоленска в 1632—1634 гг. (см. ст. Шеин М.Б.).

Изяслав II Давыдович (уб. в 1162 г.), князь Черниговский, великий князь Киевский.

Внук Святослава Ярославовича Черниговского и Киевского в непримиримой борьбе Мономаховичей и Ольговичей, приходившихся ему двоюродными братьями, переходил то на одну сторону, то на другую.

В 1155 г. впервые занял киевский стол после того, как в союзе с Глебом Юрьевичем Переяславским разбил Рос-

тислава Мстиславича. Однако вскоре уступил стол Юрию Долгорукому. После его смерти вернулся в Киев на великое княжение. Потерпев поражение от галицких князей, покинул стол. В третий раз вернулся в Киев при поддержке Андрея Боголюбского, вновь одержав верх над Ростиславом Мстиславичем. Однако в 1162 г. был им разбит, бежал с поля боя, но был убит преследователями.

Илларионов Сергей Сергеевич, 1956 г. рождения, урож. г. Москвы, офицер КГБ СССР.

Выпускник Московского государственного института международных отношений (МГИМО). В КГБ СССР с 1979 г. проходил специальную подготовку, распределен в подразделение научно-технической разведки.

В 1981 г. был командирован в Италию, работал под прикрытием советского консульства в Милане. В 1988 г. прибыл в Москву, работал в Центральном аппарате разведки. В 1990 г. вновь направлен в Италию, в г. Геную в качестве вице-консула. Он и его жена находятся в центре светской жизни, устанавливают обширные контакты среди бизнесменов, профсоюзных руководителей, политиков, актеров и художников. Это позволяет ему собирать разведывательные сведения о научных разработках в военной области. Получал одобрительные отзывы из Центра. Поэтому для руководителей разведки была довольно неожиданной информация о том, что с декабря 1990 года И. завербован ЦРУ и активно сотрудничает с американцами. И. был отозван на Родину, однако в феврале 1991 года он вместе с женой успевает выехать из Генуи и покинуть Италию.

Вскоре в Москве узнают, что И. находится в США, где дает показания американским и итальянским спецслужбам.

Из-за предательства И. в Италии было арестовано тридцать человек, в том числе два итальянских генерала и поли-

цейский. Вскоре И. получил политическое убежище в США, где проживает в настоящее время.

Иоанн (Шаховский Дмитрий Алексеевич) (1902—1989), архимандрит Русской зарубежной православной церкви.

Накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз встал на путь сотрудничества с нацистами. Через неделю после начала гитлеровской агрессии против СССР сделал следующее заявление в издававшейся в Берлине газете «Новое слово»:

«Промысел избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить свое предназначение. Кровавая операция свержения III Интернационала поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу».

После окончания Второй мировой войны И. переехал в США (г. Сан-Франциско), где обрел сан архиепископа РПЦ за рубежом.

Иордан Борис Михайлович, 1888 г. рождения, полковник белой армии.

Окончил Пажеский корпус и два курса Николаевской академии Генштаба. Служил в лейб-гвардии Уланском полку. После объявления мобилизации в 1914 г. прервал обучение в академии и в составе своего полка участвовал в боевых действиях. С середины 1915 г. прикомандирован к Генеральному штабу.

В 1916 г. назначен адъютантом гвардейской кавалерийской дивизии, а в 1917 г. — начальником штаба кавалерийского корпуса.

В Добровольческой армии с 1918 г. Эвакуировался из Крыма в составе армии генерала Врангеля в ноябре 1920 г. Проживал в Югославии, где был принят на государственную службу.

После оккупации Югославии гитлеровскими войсками активно участвовал в формировании т.н. Русского охранного корпуса (см. соотв. ст.), созданного по инициативе руководителей вермахта. Занимал штабные должности. В мае 1942 г. назначен начальником штаба бригады. После разгрома Германии проживал в Австрии, а с 1951 г. — в США. Умер в 1956 г. в г. Конкорд (США).

Исидор (уп. в сер. XV в.), московский митрополит, выходец из Византии.

В 1436 г. константинопольская патриархия утвердила И. московским митрополитом. В это время византийские императоры вступили в переговоры с папой римским Евгением IV о соединении православной и католической Церквей (унии). С помощью союза с Западом они надеялись спасти Византийскую империю, стоявшую на краю гибели. Назначение И., активного сторонника унии, преследовало цель вовлечь в нее самую влиятельную из православных митрополий — русскую, подчинить ее власти Рима.

В апреле 1437 г. И. прибыл в Москву. Он предъявил Василию II грамоты императора Иоанна Палеолога и патриарха Иосифа II, просил отпустить его на церковный Собор в городе Ферраре «утверждения ради православной веры». Митрополит был отправлен с почетом во главе представительной делегации.

На Ферраро-Флорентийском соборе (1439) греки мало заботились о сохранении чистоты своей веры, а стремились за счет уступок по теологическим вопросам выторговать военную и политическую помощь в борьбе с турками. Они признали папу главой христианской церкви и приняли ряд католических догматов. Фактически это означало подчинение Риму.

И. был одним из активных участников собора. 5 июля 1439 г. соглашение было подписано. Некоторые члены русской де-

легации отказались ставить свои подписи под документом, но митрополит заставил их сделать это. Так, суздальского епископа Авраамия Исидор посадил «в темницу, и седе неделю полну, и тому подписавшуся не хотением, но нужею».

По пути в России И. объезжал соседние страны, договариваясь об основах нового порядка. Он написал «пастырское послание» для Польши, Литвы, Ливонии и Руси. В это время от него на Русь сбежали члены делегации Симеон Суздалец и тверской боярин Фома, понимавшие всю сомнительность действий митрополита-реформатора. Попытки Исидора внедрить унию в Польше и Литве провалились: местное духовенство отказалось подчиняться папе Евгению IV, поскольку ориентировалось на Феликса V, избранного Базельским собором и не поддержавшего решения Ферраро-Флорентийского собора.

И. вернулся в Москву 19 марта 1441 г. и организовал торжественное богослужение в Успенском соборе Московского Кремля. Сам митрополит шел во главе процессии, торжественно неся католический крест («крыж»). При полной растерянности присутствующих он начал службу со здравицы папе римскому Евгению IV, а не православному патриарху. Затем И. зачитал буллу папы о соединении Церквей, адресованную Василию II. Против него тут же выступили епископ Авраамий и другие иерархи. На четвертый день после приезда И. был арестован и заточен в Чудовском монастыре. Осенью этого же года он сумел бежать — сперва в Тверь, где искал поддержку. Тверской князь Борис Александрович, однако, тоже посадил его за решетку. Опальному митрополиту вновь удалось скрыться в Литву, а оттуда он перебрался в Рим. В 1448 г. Собор православных иерархов без участия Константинополя избрал нового русского митрополита — Иону. Унию отвергли.

И. был назван «безумным прелестником и отступником веры», т.е. изменником и еретиком.

События 1439—1441 гг. резко обострили проблему конфессиональной уникальности Руси. Она оказалась единственной в мире сильной православной страной, с которой на протяжении последующих столетий сторонники «греческой веры» связывали надежду на выживание и подъем православия: «А иного (кроме Русского. — *Авт.*) царства волнаго и закона христианскаго греческаго нету, и надею (надежду. — *Авт.*) на Бога держат во умножения веры христианския на то царство руское, благовернаго царя рускаго» (И.С. Пересветов, публицист сер. XVI в.).

Несмотря на неудачу И., западные державы не оставляли своих стремлений взять эту ситуацию под контроль и вовлечь Россию в сферу своего влияния. Это было вызвано прежде всего международной обстановкой. В конце XIV — начале XVI в. резко осложняются отношения Запада и Востока. При этом передний край их противостояния проходил как раз через Восточную Европу. Западные страны чрезвычайно опасались вторжения турок в Южную Европу и угрозы их дальнейшего продвижения в глубь европейского континента.

Поэтому определенные круги в европейских столицах стремились использовать Россию в качестве буфера, живого щита от мусульманского мира. Возникает идея создания «антимусульманской лиги». Главная роль в ней отводилась вооруженным силам России, которая должна была в обмен на «милость включения» страны в круг европейских держав закрыть Европу живым щитом от восточных орд. В качестве «приманки», в обмен на которую московский государь должен был подчинить интересы своей страны задачам внешней политики католической Европы, использовалось пожалование царю королевского титула, католическая уния и вхождение России на правах провинции в состав Священной Римской империи.

Впервые королевский титул был предложен Ивану III через венгерского короля Матвея Корвина в 1482—1483 гг.

Позднее западные дипломаты неоднократно пытались склонить и Ивана III, и Василия III к принятию этого титула и заключению церковной унии. Однако к концу правления Василия III стала очевидна бесперспективность этого пути и несговорчивость русских правителей, не желавших делать свою страну провинцией Священной Римской империи. В дальнейшем достижение данной цели Запад связывал в основном с прямой военной интервенцией («План превращения Московии в императорскую провинцию» Г. Штадена).

К

Казарин Василий Назарович, род. в 1773 г., харьковский дворянин.

После обучения в Петербурге проживал в своем имении в Харьковской губернии. Был приписан к лейб-гвардии Семеновскому полку, но в полку, как и многие дворяне того времени, ни разу не появлялся.

После воцарения Павла I, который ввел новые строгие порядки по части государственной службы, К. решает бежать из России.

Взяв с собой беременную 16-летнюю жену, вооружившись огнестрельным оружием, он пробрался в Ковно. Посчитав, что жена ему будет обузой, бросил ее на дороге и пробрался к пограничной реке Неману. Однако был замечен пограничной стражей и задержан. Пытался подкупить солдат, а когда те отказались от взятки, начал угрожать им пистолетом, а затем произвел выстрел. Пистолет дал осечку, после чего К. был связан и доставлен к пограничному начальству.

На него было заведено «изменное дело». В ходе следствия К. показал, что имел страсть к «наукам и философии». Его занятиям в имении могли помешать новые указы императора о необходимости дворянам проходить службу по месту их военной приписки. Он решился бежать из России, поскольку во время обучения в Петербурге получил самые «лестные понятия о чужих землях», а в России он не найдет применения своему таланту. Он был намерен поселиться в Гамбурге среди «просвещенного общества» и «природы, искусством доведенной до совершенства».

К. уголовного наказания не получил. Император Павел I повелел ему поступить на государственную службу.

Казачьи части Краснова (КЧ)

Инициатором создания КЧ из числа белоэмигрантов-казаков уже на первом этапе агрессии Германии против СССР стал генерал от кавалерии белой армии П.Н. Краснов (см. соотв. ст.), в расчете на создание после победы Германии «суверенной казачьей республики» на Юге России. Получил политическую и материальную поддержку руководства Рейха.

В 1943 г. нацистами было создано Главное управление казачьих войск при министерстве восточных областей. Начальником управления назначен П.Н. Краснов.

Было сформировано несколько казачьих частей, которые в составе вермахта участвовали в боях на Восточном фронте против Красной армии. Три казачьи дивизии входили в элитные войска СС.

После оформления власовского движения П.Н. Краснов отверг предложения влиться в него со своими войсками, исходил при этом из необходимости сохранения политической «самостоятельности» казачьих антибольшевистских организаций.

К маю 1945 г. КЧ П.Н. Краснова были разгромлены вместе с немецкими войсками. Большая часть казаков, сдав-

шихся в плен союзникам, была выдана советским властям и репрессирована.

Калугин Олег Данилович, 1934 г. рождения, урож. Ленинграда, генерал-майор КГБ СССР.

Происходит из семьи сотрудника НКВД.

На работу в разведку попал по окончании Института иностранных языков МГБ. Прошел спецподготовку, был принят в американский отдел, а в 1959 г. командирован на стажировку в Колумбийский университет как студент Ленинградского университета.

В 1960 г. он вновь командирован в США под прикрытием корреспондента Московского радио. После бегства Ю. Носенко (см. соотв. ст.) был срочно отозван в Москву. В 1965 г. вновь направлен в США в качестве 2-го секретаря посольства, а по линии КГБ — заместителем резидента политической разведки. Его работа в США была признана успешной. Он становится заместителем, а с 1973 г. — начальником внешней контрразведки. В 1974 г. ему присваивается звание генерал-майора.

Среди коллег у него сложилась репутация коммуниста-ортодокса. Однако в узком кругу близких знакомых вспоминали его кредо: «У чекиста должны быть три качества: он должен быть хорошо одет, всегда подстрижен и выгодно женат». Вспоминают и вечеринки у него на квартире для друзей по случаю присвоения ему звания генерала. «Погоны я поменял, — якобы заявил он, когда его супруга отлучилась на кухню. — Теперь надо менять жену».

Однако блестящая карьера К. начала давать сбои после прихода к руководству разведкой В. Крюкова в 1974 г.

Кончилась их явная несовместимость переводом К. в Ленинградское управление КГБ на должность заместителя начальника. Вскоре К. стала ясной бесперспективность работы

в Ленинграде с карьерной точки зрения. Через свои связи он пытался добиться приема у Председателя КГБ В.М. Чебрикова, чтобы возвратиться в разведку, но безуспешно. Его просьба о приеме осталась без ответа. Обратный эффект имели и его доносы на руководство Ленинградского управления. Хотя его и перевели в Москву, но направили на работу в качестве заместителя начальника отдела по режиму Академии наук СССР, а затем в Министерство электронной промышленности на аналогичную должность.

После назначения в 1988 г. В. Крюкова Председателем КГБ К. был уведомлен о предстоящем увольнении в запас, что состоялось в марте 1990 г.

Уже в июле в одном из публичных выступлений на политическом семинаре К. высказался резко отрицательно о руководстве КПСС и КГБ. Его выступление спровоцировали попытки руководства КГБ лишить его звания, пенсии и наград. К. и его сторонникам удалось развязать кампанию в свою защиту, что привело к избранию опального генерала депутатом Верховного Совета СССР.

К. продолжал обличение КГБ. Начал использовать сведения, полученные в результате работы в спецслужбах. В 1994 г. в США выходит книга К. под названием «Первое главное управление» (т.е. советская разведка). На этом издании К. хорошо заработал, ее издали и в России.

По оценке экспертов, в этой книге К. по существу выдал не менее пяти агентов советской разведки. Так, в 1996 г. в США был арестован один из фигурантов книги К., бывший сотрудник Агентства национальной безопасности.

К. до настоящего времени проживал в США, где получил вид на жительство.

Каминский Бронислав Станиславович, 1899 г. рождения, урож. Витебской губернии Полоцкого уезда. Отец по национальности поляк, мать — немка.

В 1917 г. К. поступил в Петроградский политехнический институт, в 1918 г. ушел добровольцем в Красную армию. После окончания Гражданской войны поступил в Петроградский химико-технологический институт, получил диплом инженера, работал на заводе «Республика». Женился, стал отцом четверых детей.

В 1935 г. за критику политики партии в деревне был исключен из ВКП(б).

В 1937 г. арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации, был осужден. Отбывал срок заключения в лагере в Шадринске, где работал технологом по спиртопроизводству.

После освобождения в 1941 г. К. был направлен на поселение в г. Локоть Брасовского р-на Орловской области. Работал инженером на спиртозаводе.

В г. Локоть К. близко сошелся с преподавателем физики местного лесотехникума К.П. Воскобойником, также ранее репрессированным (см. соотв. ст.). Оказалось, что их взгляды на необходимость борьбы с советской властью любыми средствами — идентичны. Ими была создана небольшая нелегальная организация, куда вошли также С.В. Мосин, бывший заведующий Брасовским районным отделом образования и отбывший тюремное заключение за контрреволюционные действия, а также местный житель Р.Т. Иванин, неоднократно судимый за уголовные преступления.

Начало войны оправдало надежды заговорщиков. Фронт стремительно приближался, в начале октября 1941 г. г. Локоть был оккупирован частями танковой дивизии вермахта. В первые же дни оккупации К. и Воскобойник явились к немецкому командованию и предложили свои услуги по организации в городе «нового порядка». По указанию немцев было создано местное самоуправление (старостой был назначен Воскобойник) и сформирован отряд т.н. народной милиции, численность которого в скором времени дос-

тигла 200 человек. В отряд добровольно вошли военнопленные и уголовники, в среде которых К. и Воскобойник имели обширные связи.

По инициативе К. была создана политическая организация, получившая название «Народная социалистическая партия России». Ее программа предусматривала полное уничтожение в России «коммунистического и колхозного строя», введение частной собственности на землю (без права продажи), «свободное развертывание частной инициативы» с ограничением капитала, сосредоточенного в одних руках (не более 5 млн золотых рублей), установление двухмесячного отпуска, наделение всех граждан бесплатно лесом «из государственных дач» для постройки частных жилищ, государственная собственность на леса, железные дороги, крупные фабрики и заводы, амнистия комсомольцев, рядовых членов партии, Героев Советского Союза, беспощадное уничтожение евреев.

Предусматривалась реализация этих программных установок в масштабе всей России по окончании войны.

Популистские элементы программы НСПР находили некоторый отклик в крестьянской среде. Агитаторам новой партии удалось создать в деревнях Локотского уезда ряд ячеек, однако в целом население оккупированных районов отнеслось к ним равнодушно, рассматривая членов НСПР как ставленников жестоких оккупантов.

В январе 1942 г. после гибели в результате налета партизан Воскобойника, немцы назначают К. бургомистром. Новый глава «местного самоуправления» по их настоянию весьма энергично приступил к формированию вооруженных отрядов для борьбы с партизанским движением, которое к этому времени развернуло настоящую войну в тылу врага.

Первые успехи этих отрядов под командованием К. в феврале 1942 г. против партизан, действовавших в Камар-

ником и Луганском районах, значительно повысили авторитет самоуправления и лично К. в глазах немецкого командования. Вскоре Локотский уезд был расширен за счет соседних районов. В июле 1942 г. Локотский район по распоряжению командующего 2-й танковой армии генерал-полковника Шмидта становится округом, в который было включено восемь районов Орловской и Курской областей.

К. была предоставлена значительная свобода действий в обмен на обеспечение продовольствием немецких войск. Для борьбы с партизанами он получил право формировать вооруженные силы, в распоряжение которых немцы предоставляли трофейное советское вооружение.

Осенью 1942 г. по приказу обербургомистра К. была проведена мобилизация мужского населения Локотского округа 1922 — 1925 гг. рождения. Мобилизация носила принудительный характер, уклонявшихся от нее привлекали к суду по законам военного времени. В качестве наказания применялись расстрелы, взятие заложников из семей, выселение из домов и т.п.

Указанные меры позволили К. поставить под ружье несколько тысяч бойцов и создать некое подобие регулярной армии, получившей название «Русская Освободительная Народная Армия» (РОНА). Фактически РОНА представляла собой бригаду, состоявшую из 5 полков и отдельных подразделений (бронетанковый дивизион, зенитная батарея, истребительная рота и т.д.).

Поскольку в бригаде не хватало командных кадров, по ходатайству К. гитлеровцы направили к нему около трех десятков пленных командиров Красной армии.

Уже в первые дни формирования бригады обнаружилась слабая дисциплина, нередко были случаи повального пьянства, мародерства, жестокого отношения к мирному населению.

Бригада использовалась немцами для обеспечения безопасности при сельскохозяйственных работах, охраны

железных дорог, конвоирования эшелонов с продовольствием. Но ее главной задачей являлась борьба с партизанами. За оказание им помощи подразделения бригады полностью сожгли деревни Красная Слобода, Требушка, Чернь, Гаврилова Гута, Кокоревка, Кокушкино, Чухра, Смиличи, Игрицкое, Добровольское, Алтухово, Шушуево и др. Население было частью уничтожено, частью — выселено. В боях с партизанами бригада несла большие потери. Так, в бою за деревню Коломино РОНА потеряла 150 человек убитыми, не причинив партизанам никакого ущерба.

Весной 1943 г. войска Центрального фронта генерала К.К. Рокоссовского вышли к восточным границам Локотского округа. В связи с этим по указанию немцев РОНА приняла участие в боях с Красной армией в районе Севска и Дмитровска-Орловского. В столкновениях с регулярными частями Красной армии бригада понесла громадные потери и практически показала свою небоеспособность. К этому времени проявились и первые симптомы разложения РОНА. Не принимая боя, солдаты бригады часто разбегались по домам, либо уходили к партизанам и сдавались советским войскам.

В связи с этим К. дал указание провести мобилизацию жителей округа 1925—1926 гг. рождения, что позволило довести численность РОНА до 12 тыс. человек.

В июне 1943 г. при подготовке операции «Цитадель» на Курской дуге, командование вермахта приняло решение о широкомасштабной антипартизанской операции «Цыганский барон», к участию в которой были привлечены несколько немецких пехотных дивизий, танковые и авиационные части, а также два полка РОНА. Операция успехом не увенчалась, обе стороны понесли большие потери. Это обстоятельство усилило разложение РОНА, ее бойцы группами и в одиночку уходили в лес к партизанам. В рядах бригады начали возникать подпольные группы. Три такие группы были выявлены и расстреляны.

В связи с наступлением Красной армии на Курской дуге в июле 1943 г. К. отдает приказ об эвакуации бригады и гражданского населения округа в Белоруссию, в район между Лавелем и Полоцком, на территории активных действий крупных партизанских соединений. Немцы поручили К. очистить Лавельский район от партизан, чтобы обеспечить тылы своей 3-й танковой армии. Несмотря на некоторые военные успехи РОНА, побеги ее бойцов к партизанам и переход на сторону Красной армии стали носить систематический характер. За два месяца (август — сентябрь) 1943 г. общая численность бригады К. сократилась более чем на две трети. В сентябре 1943 г. в РОНА было поднято восстание против К. и руководства РОНА, которое было беспощадно подавлено. Организаторы восстания по приказу К. были повешены.

Весной 1944 г. вместе с шестью дивизиями вермахта РОНА участвовала в операциях по очистке от партизан тылов группы армий «Центр». Немцам с помощью военных подразделений РОНА удалось блокировать партизанские соединения, однако главные силы партизан прорвали окружение.

Летом 1944 г. К. был вызван в ставку Гиммлера в Восточной Пруссии. Рейхсфюрер СС выразил командующему РОНА признательность за боевые действия в Белоруссии. К. был награжден Железным крестом 1-й степени и произведен в генерал-майоры СС.

Однако войска вермахта продолжали отступать под ударами Красной армии. Вскоре была освобождена Белоруссия. К. вместе с РОНА и частью гражданского населения Локотской республики передислоцировались в Польшу.

В начале августа 1944 г. в Варшаве вспыхнуло восстание, возглавляемое «Армией Крайнова». Части РОНА вместе с немецкими войсками были брошены на подавление восстания. Хотя К. отказывался бороться против поляков,

в этих условиях он был вынужден подчиниться приказу хозяев. Действуя в варшавском районе Охота, РОНА проявила крайнюю жестокость, уничтожив за один день более 15 тысяч мирных граждан, среди которых оказались немцы. Эта резня показалась чрезмерной даже немцам.

К. был вызван в Берлин, где обвинен руководством СС в «недостойном поведении» РОНА в Варшаве. Кроме того, ему вменялись в вину факты отказа частей его бригады выполнять приказы немецкого командования. Возражения К. не были приняты. По дороге из Берлина в Варшаву он был расстрелян эсэсовцами.

После смерти К. подразделения РОНА были обезоружены. Часть личного состава была придана 1-й дивизии власовской Русской освободительной армии. Командир этой дивизии при выгрузке из эшелонов остатков РОНА был поражен их моральным состоянием. «Из вагонов, — докладывал он начальству, — высыпала дикая орда вооруженных и невооруженных людей, одетых в разномастную форму. Среди них было много женщин, увешанных украшениями, а офицеры, которые были распущены так же, как большинство солдат, имели по три, четыре и пять пар часов на руках. Это — настоящие бандиты, грабители и воры».

Кикин Александр Васильевич (уб. в 1718), дворянин, помещик, государственный деятель эпохи Петра.

Крупный новгородский землевладелец. Начал военную службу в качестве бомбардира Потешного полка.

В 1695—1696 гг. сопровождал Петра I в Азовских походах, был его денщиком. В 1697—1698 гг. во время т.н. Великого посольства учился за границей кораблестроению, по возвращении в Россию работал на верфях. В 1707 г. назначен комендантом Адмиралтейства, а с 1712 г. является адмиралтейским советником. В 1715 г. за взятки и должностные преступления был лишен чинов и сослан, однако

вскоре прощен. Еще ранее сблизился с царевичем Алексеем Петровичем (см. соотв. ст.), а по возвращении из ссылки становится его доверенным лицом. Воспользовался крайним обострением отношений Петра I с сыном, чтобы уговорить последнего бежать за границу. В 1716 г. практически организовал этот побег, подготовил условия для тайного пребывания царевича в Священной Римской империи. После возвращения Алексея Петровича в Россию К. был схвачен и на следствии признался в совершенных преступлениях. Вскоре был казнен.

Клеопин Иван Алексеевич (1640—1671), сын новгородского боярина.

Уволенный в 1665 г. со службы по состоянию здоровья, выдавал себя за не существовавшего сына царя Алексея Михайловича Алексея. Осенью 1671 г. пытался бежать в Речь Посполитую с целью получить поддержку в претензиях на русский престол и повести поляков на г. Великие Луки. Был схвачен, отвезен в г. Торопец, признан умышленным и повешен.

Климов Григорий Петрович, 1918 г. рождения, бывш. майор советской военной разведки.

Родился в г. Новочеркасске, его отец был известным в городе врачом. Окончив с золотой медалью школу, К. поступил в Новочеркасский индустриальный институт, получил специальность инженера-электрика. Обучался в аспирантуре Московского энергетического института и одновременно — в институте иностранных языков. После нападения фашистской Германии на СССР был призван в армию, воевал на Ленинградском фронте, откуда был отозван в Военно-дипломатическую академию. После окончания академии служил в советской военной администрации в Берлине, откуда бежал в западную зону. Попросил поли-

тического убежища в США, выдал американцам известные ему сведения о деятельности советской разведки. По словам К., причиной бегства послужило сложившееся у него убеждение о преимуществах западной демократии перед советским режимом.

Заочно приговорен к расстрелу.

К. рассчитывал на то, что американцам понадобятся его знания о Советском Союзе и он сможет получить место консультанта в Госдепартаменте. Вместо этого более двух лет он провел в одиночной камере, где подвергался ежедневным допросам, поскольку спецслужбы США полагали, что его побег на Запад инсценирован советской разведкой.

После освобождения из тюрьмы работал на стройке. Активно занимается литературной деятельностью, является автором бестселлера «Берлинский Кремль», переведенного на многие европейские языки, а также романов «Князь мира сего» и «Имя мое — легион».

Взгляды К. претерпели глубокую эволюцию. Он разочаровался в западной демократии, выступает в периодической печати с позиций русского национализма и антисемитизма, резко критикует проамериканскую политику руководства РФ.

Клубков Василий Андреевич, 1923 г. рождения, урож. деревни Богородицкое Чернявского р-на Рязанской области, рядовой Красной армии.

Родился в семье крестьянина-бедняка, окончил семилетнюю школу. Мобилизован в Красную армию в октябре 1941 г., служил в подразделении разведчиков-диверсантов.

В ноябре 1941 г. во время наступления немецких войск на Москву в составе группы разведчиков, куда кроме него входили его ровесники Крайнов и Зоя Космодемьянская, перешел линию фронта. Каждый из группы имел пистолет

и бутылки с зажигательной смесью. Получили задание проникнуть в дер. Петрищево и поджечь дома, в которых были расквартированы немецкие солдаты.

Ночью группа разделилась и приступила к выполнению задания, предварительно распределив участки деревни.

Пробравшись к одному из домов, К. увидел немецких часовых, убежал и спрятался в лесу, однако вскоре был обнаружен гитлеровцами. К. сам сдал немцам оружие и под конвоем был доставлен в немецкий штаб. В ходе допроса назвал немецкому офицеру состав и фамилии участников диверсионной группы, сообщил характер задания, полученного от советского командования. Кроме того, назвал дислокацию своей воинской части.

После этого в помещение, где происходил допрос, ввели Космодемьянскую, которая отказалась давать гитлеровцам какие-либо показания. В присутствии К. офицер и солдаты начали избивать ее, но она продолжала молчать. На вопрос офицера К. в присутствии товарища ответил, что Космодемьянская является участником их диверсионной группы и именно она подожгла южную окраину деревни.

После этого немцы раздели Космодемьянскую догола и начали избивать резиновыми дубинками, однако ничего от нее не добились. В присутствии К. она заявила немцам: «Убейте меня, я вам ничего не расскажу». Больше К. Космодемьянскую не видел. Как выяснилось позднее, она была подвергнута новым истязаниям: ее обнаженной держали на морозе, продолжали избивать ремнями и дубинками, поджигали ей лицо спичками и зажигалками. Но добиться признания не смогли.

На следующее утро немцы в центре деревни возвели виселицу и, повесив на шею Космодемьянской табличку с надписью «Поджигатель», повели к эшафоту.

К месту казни согнали всех жителей деревни. Некоторые офицеры вытащили фотоаппараты, чтобы снять «на память» казнь партизанки.

После казни немецкие офицеры продолжали делать фотографии безжизненного тела Космодемьянской. Ее труп провисел в деревне еще месяц. Только при отступлении немцы разобрали виселицу, а тело партизанки бросили в яму за деревней.

Судьба К. сложилась в дальнейшем так, как и должна была сложиться в военное время. Он был передан офицерами вермахта в разведку. Его отправили в Можайск, а затем в г. Смоленск, где находилась школа диверсантов, которых готовили для подрывной и разведывательной работы в тылу Красной армии. Вместе с другими «слушателями» школы (в основном, пленными красноармейцами) он прошел двухнедельную подготовку. Затем его сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и взяли подписку о его обязанности «работать на благо германской непобедимой армии». Ему было дано задания после переброски через линию фронта явиться в особый отдел Западного фронта, где заявить, что при выполнении задания в дер. Петрищево он после поджога попал в плен к немцам, а Космодемьянскую больше не видел. Он якобы бежал из плена. В случае, если его оставят в разведывательном отделе, он должен собирать информацию о диверсионных группах, их маршрутах, составе, вооружении. С ним были обговорены условия связи.

7 февраля 1942 г. К. был переброшен немцами через линию фронта, однако вскоре был задержан патрулем красноармейцев. При допросах в особом отделе он изложил свою легенду пребывания в плену, после чего отправлен в Москву в формировавшуюся часть. Вскоре, однако, был арестован. Дал признательные показания о принадлежности к немецкой разведке и о предательстве, совершенным им в дер. Петрищево.

В апреле 1942 г. Военным трибуналом Западного фронта К. был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Зое Космодемьянской посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В октябре 1943 г. советские войска вошли в непосредственное соприкосновение со 197-й немецкой пехотной дивизией, в которой служили офицеры и солдаты, пытавшие и казнившие Космодемьянскую. Дивизия противника за несколько дней была наголову разбита. Пленных не брали.

Клыч Султан-Гирей, 1877 г. рождения, генерал белой армии.

Участник Гражданской войны. Командовал «Дикой дивизией», сформированной из горцев Северного Кавказа и входившей в состав Добровольческой армии Деникина. Дивизия отличалась особой жестокостью при обращении с местным населением и пленными красноармейцами.

В 1920 г. К. с остатками своей дивизии бежал в Грузию, а затем — в Крым. В 1921 г. эмигрировал.

В 1935 г., находясь в Бельгии, вошел в состав так называемого Совета конфедерации Кавказа, который, кроме него, возглавляли: от Грузии — меньшевик Чхенкели (председатель) и Менагаришвили; от Азербайджана — мусависты Расул-Заде и Якубов; от Северного Кавказа — Саидбек; от Армении — дашнак Джамалян.

После нападения Германии на СССР К. при поддержке немецких спецслужб пытался поднять адыгейский и др. кавказские народы на борьбу с Красной армией.

После капитуляции Германии был арестован советской контрразведкой. По приговору суда расстрелян.

Козлов Александр Данилович, 1920 г. рождения, урож. села Александровки Ставропольского края.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Был завербован германской разведкой, получил агентурную кличку Меньшиков. Преподавал в Борисовской разведывательной школе при Абверкоманде 103. (Приложение № 5).

Судьба К. после окончания войны не выяснена.

Козлов Иван (Ивашка) (уп. во второй пол. XVI в.), житель Москвы.

В 60-е гг. бежал из Московии в Польшу. Обзавелся семьей, был принят на службу к польскому королю. Использовался в «тайных делах» как специалист по Московии. Являлся доверенным лицом фактического руководителя польской разведки Н. Радзивилла. Устанавливал негласные контакты с царскими воеводами и боярами, склонял их к измене.

В 1568 г. был отправлен в Москву гонцом короля Сигизмунда-Августа с тайными грамотами нескольким видным воеводам с предложением перейти к полякам. Однако был схвачен и заключен под стражу.

Ознакомившись с письмами короля, Иван Грозный составил ответы от имени своих воевод и бояр. К. был освобожден и с ними отпущен в Польшу. Эти письма Грозного, по мнению специалистов, являются шедеврами русской публицистики XVI столетия.

Умер К. в эмиграции.

Койда Самуил Трофимович, 1901 г. рождения.

Родился в станице Елисаветинской Краснодарского края в крестьянской семье. В 1915 г. окончил сельскую школу. В 1920 г. был призван в Красную армию. Принимал участие в подавлении мятежей на Кавказе. В 1928 г. окончил пехотную школу в Тифлисе. До 1935 г. служил в Северо-Кавказском военном округе. Дослужился до командира роты. В 1935 г. направляется на службу в Сибирский военный

округ. С 1938 г. — майор, занимает должность командира полка. С 1941 г. — подполковник.

В начале Великой Отечественной войны в звании полковника командует стрелковой дивизией.

В январе 1943 г. приказом по Воронежскому фронту отстранен от командования дивизией, однако через месяц восстановлен в должности.

В марте 1943 г. К. попадает в плен. В 1944 г. добровольно присоединяется к «власовскому» движению, с декабря 1944 г. — командир запасной бригады РОА. В конце войны вместе с бригадой сдался в плен американцам. Выдачи советским представителям избежал.

Колычев Полуэкт (Полиевкт) (ум. в 1618 г.), воевода.

На службе с 1582 г. Участник защиты Москвы в 1609—1610 гг. на стороне Василия Шуйского. Возглавил новгородское посольство в Стокгольм для призвания на русский трон представителя шведского королевского дома (подробнее см. ст. Новгородская смута).

Комитет освобождения народов России (КОНР)

Создан по инициативе руководства вермахта и гитлеровских спецслужб в ноябре 1944 г. Основу КОНР составили т.н. Русское освободительное движение (РОД) и Русская освободительная армия (РОА), возглавляемые самым известным пособником нацистского режима пленным советским генералом А.А. Власовым (см. соотв. ст.).

Учредительный съезд КОНР состоялся в Праге. На нем была провозглашена необходимость объединения всех «антибольшевистских сил», которые должны на стороне Германии оказывать сопротивление СССР и его союзникам. В работе съезда приняли участие некоторые представители белоэмигрантских организаций, казачьих объединений, формирований украинских, белорусских, кавказских,

калмыцких националистов. Участники съезда приняли Манифест, где сформулировали задачи и цели своей борьбы (Приложение № 7).

Несмотря на громкие декларации, содержащиеся в Манифесте о необходимости «восстановления свободной России», выразителями интересов которой являются только учредители КОНР, практичные немцы в деловой переписке называли эту «организацию» не иначе, как зондеркоманда «В — Гауптапт СС», выделив на ее содержание специальную статью в военном бюджете.

Было принято решение о формировании Вооруженных сил КОНР, основу которых составили части РОА. 16 февраля 1944 г. состоялся парад 1-й дивизии КОНР, которая насчитывала 10 тыс. человек. Кроме того, дивизия была вооружена 100 орудиями, винтовками и автоматами советского производства. (По мнению командира дивизии полковника РОА С.К. Буняченко (см. соотв. ст.), его часть была вооружена лучше, чем аналогичные немецкие соединения.)

13 апреля 1945 г. 1-я дивизия КОНР после мощной артиллерийской подготовки атаковала части Красной армии на плацдарме «Эрленхоф».

В атаке приняли участие ВВС КОНР под командованием генерала РОА В.И. Мальцева (см. соотв. ст.). По некоторым данным, это было одно из последних наступлений вермахта на Восточном фронте. 1-я дивизия КОНР была отброшена контратакой советских частей и отступила.

Остальные войска КОНР использовались немцами на Западном фронте из опасений массового перехода ее офицеров и солдат на сторону Красной армии. Подразделения ВС КОНР ожесточенно сражались во Франции, Дании, Италии, Норвегии, а наиболее проверенные из них — дислоцировались вдоль т.н. «Атлантического вала», сменив здесь немецкие дивизии, переброшенные на Восточный фронт.

В апреле—мае 1945 г., видя неминуемый близкий крах Третьего рейха, А.А. Власов и ближайшее его окружение в

лице Жиленкова, В.Ф. Малышкина, В.И. Мальцева, М.А. Меандрова, С.К. Буняченко (см. соотв. статьи), Г.А. Зверева (начальник 2-й дивизии КОНР), И.А. Благовещенского, Д.Е. Закутного начали искать выход из создавшегося положения.

Контакты Власова и командования 1-й дивизии КОНР с советским командованием успеха не имели. В мае 1945 г. они вышли из подчинения немцев и даже участвовали в освобождении Праги. Чехословацкое Сопротивление потребовало от командира дивизии С.К. Буняченко оставить город. Чешские партизаны продолжали вести против власовцев военные действия, два генерала 1-й дивизии М.М. Шаповалов и Боярский были захвачены ими в плен и казнены.

КОНР прекратил существование в мае 1945 г. после капитуляции Германии. Американцы и англичане, намереваясь использовать власовцев в будущей борьбе с СССР, были в итоге вынуждены выдать сдавшихся им членов руководства КОНР советским властям.

Коноплев Владимир Яковлевич, 1946 г. рождения, урож. г. Москвы.

Выпускник Института международных отношений (1974), в КГБ — с того же года. Прошел специальную подготовку в школе разведки. Был направлен на работу в подразделение по добыче научно-технической информации.

В течение шести лет работал в Швейцарии. По возвращении в Москву был повышен в звании до полковника.

В конце 1988 г. выехал в Бельгию, где являлся заместителем резидента научно-технической разведки. Имел дипломатический паспорт, в качестве прикрытия использовал должность 1-го секретаря советского посольства.

Весной 1992 г. К., его жена и дочь исчезли. Как выяснилось позднее, еще в конце 1991 г. он предложил свои услу-

ги ЦРУ. После бегства объявился в США, где передал американцам ряд важных сведений о работе разведки в Бельгии.

Из-за предательства К. были арестованы четыре ценных информатора КГБ в Бельгии, пять агентов во Франции, а также выдворены из Бельгии четверо дипломатов, обвиненных в шпионаже.

Конюховский (Конюхов) Константин (уп. в первой пол. XVII в.), подьячий.

Соучастник самозванца Анкудинова (см. соотв. ст.). Вместе с ним бежал из Москвы в Польшу. Содействовал ему в попытках поднять мятеж в Пскове, где они вели активную агитацию, призывая горожан поддержать внука царя Василия Шуйского, за которого себя выдавал самозванец. После подавления бунта К. бежал в Швецию, но был выдан московским властям.

Казнен в 1653 г.

Корбуков Владимир Денисович, 1900 г. рождения, урож. г. Двинска, бывш. подполковник Красной армии.

Участник Гражданской войны, по окончании которой остался в Красной армии. К началу Великой Отечественной войны подполковник К. занимал должность пом. Командующего 2-й Ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант А.А. Власов (см. соотв. ст.). Вместе с ним попал в плен к немцам. Находился в ближайшем окружении А.А. Власова, являлся его адъютантом. В мае 1945 г. был арестован и интернирован в СССР.

В 1946 г. по приговору советского суда повешен.

Кореев Епифан (уп. в 1380—1390 гг.), боярин, сподвижник рязанского князя Олега Ивановича (см. соотв. ст.).

Накануне Куликовской битвы (1380) по поручению князя Олега вел переговоры с представителями татарского темника Мамаю об участии Рязани в военных действиях против московских дружин Дмитрия Донского. Планировалось выступление рязанцев с полками литовского князя Ягайло. Этот план, однако, не удался из-за удачного маневра московских воевод, не допустивших соединения рязанцев и литовцев. После этого князь Олег отказался от мысли участвовать в сражении против Дмитрия Донского.

В поздних летописях поведение К. резко осуждалось, он был назван «антихристовым предтечей».

Корела Андрей (уп. в нач. XVII в.), атаман донских казаков.

Происходил из Курляндии (по другим источникам — из Карелы). За свою храбрость и бесшабашность был избран казаками атаманом. В самом начале авантюры Лжедмитрия I перешел на его сторону и со своим войском поспешил к нему на помощь. Организовал укрепленный лагерь под Кромами, успешно противостоял наступлению царских войск.

По поручению самозванца сопровождал эмиссаров Г.Г. Пушкина и Н.М. Плещеева (см. соотв. статью настоящего издания) в Москву, где им удалось поднять мятеж против Федора Годунова, наследника царя Бориса. Возглавил авангард войск самозванца при вступлении его в Москву. Судьба К. после низложения и убийства Лжедмитрия I остается неясной.

Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630 — ноябрь 1667 гг.), подьячий Посольского приказа.

Родился в семье келаря одного из московских монастырей. Около 1645 г. он поступает на должность писца в Посольский приказ, в 1656 г. произведен в подьячие, в 1658—

1660 гг. участвует в двух посольствах для переговоров со шведами. В 1660 г. за ошибку в донесении в царских титулах был бит батогами.

В том же году К. отслеживает изменника «литвина Плотаревича», а в 1661 г. участвует в подписании Кардисского мира после Русско-шведской войны 1656—1661 гг. В это же время в Москве думный дворянин Прокофий Елизаров обвинил отца К. в растрате монастырской казны, у семьи конфискуется имущество.

В августе — сентябре 1661 г. К. доставляет в Стокгольм королю Карлу XI письмо царя Алексея Михайловича. Был приветливо встречен и щедро одарен при шведском дворе.

Летом 1663 г. К. устанавливает тайный контакт со шведским послом Адольфом Эберсом, который вел в Москве переговоры по поводу взаимных денежных претензий, возникших после ратификации Кардисского мира. Эберсу было очень важно знать, на какие уступки может пойти русская миссия переговорщиков, возглавляемая окольничим В.С. Воротынским, и получил совершенно точные сведения от К., которого характеризует в донесении королю следующим образом: «...этот парень, по происхождению русский, но по своим симпатиям добрый швед, обещал и впредь извещать меня как о том, что будут писать русские послы, так и о том, какое решение примет царь на счет денежной суммы». Эберс сообщил также, что заплатил К. за эту услугу 100 червонцев, хотя последний позднее заявил о получении от шведа 40 рублей.

В конце 1663 г. К. был направлен к князю Черкасскому, который стоял во главе русской армии на Двине и проводил операции против польских войск. Эберс по этому поводу счел необходимым известить короля: «...мой тайный корреспондент, всегда передававший мне положительные сведения, послан отсюда к князю Якову Черкасскому и, вероятно, некоторое время будет отсутствовать, что для

меня очень прискорбно, т.к. найти в скором времени такого человека мне будет очень трудно».

После ряда военных неудач князь Черкасский был смещен. Из Москвы был прислан новый воевода князь Ю.А. Долгорукий. Согласно версии, которую К. выдвинул позже, уже находясь в эмиграции, Долгорукий предложил ему сочинить донес на его бывшего начальника. Подьячий не принял этого предложения и якобы по этой причине бежал в конце лета 1664 г. за границу.

Вначале он обосновался в г. Вильно и был оставлен при канцлере Великого княжества Литовского. Здесь он добивался аудиенции у польского короля Яна Казимира и предлагал ему на продажу пакет военных и дипломатических секретов, а также делился собственными военными сообщениями, которые могли быть полезны польской армии.

Письмо К. польскому королю заслуживает, чтобы процитировать его целиком (курсивом выделены наиболее колоритные места).

«Сие мое написание честно да вручитца и велме упрошаю чтоб был преведен и добрый ответ учинен.

Наяснейшего великого государя его королевского величества пана моего всемилостивейшего как есть на милосердного монаха милость приказал меня пожаловать своим королевского величества жалованьем на год по сту рублей. И быть при его милости канцлере литовском всегда. И аз просил того, чтоб мне ехать к нему вторых днях для разговоров для тех, которые ниже сего пишу. И хочу его милости наяснейшаго великого государя у его королевского величества быть при службе через общание и веру до смерти своєю ломом крепким. И службу свою в скорых временах хочу показать добрую.

Ныне на границах что сделает, так же явити что делаетца на Москве и меж Москвою и шведами. Так же и на Украине и меж татарами. Надобно мне о том крепко ведать.

Потом у королевского величества прошано же быто от меня неустанно было. Для того могу аз королевскому величеству... [слово неразборчиво] Чернетцкий с войском. И татарове чтоб к походу их на Москву о дорогах написать податнее.

Так же бы ведать о Офонасие Нащокине что он был и посолство свое правил, чтоб мне поведано ж было, для того бояре о том не ведали, ему дан ис Посолского приказу. И он по нем не чинит ничего, и если то уведаю, и королевскому величеству ведомо о том будет, для чего с царским величеством к миру не доходит и что прешкожает.

К тому же еще упрошаю, что я поведал о способе войны чтоб дан был мне землемерный чертеж о рубежах полских и литовских с московским, Ливония с Москвою, Украина и Татария с Москвою.

Если королевскому величеству надобно умысл мои как учинить рогатки что есть шпанштеитеры, что они будут к пехоте годны, лутче и лехче московских, и умысл, чем разрывать московские рогатки. Чтоб был отведен двор, чтоб никто не прешкожал. И даны б были шесть человек плотников, два человека кузнецов, железа сколько надобно, пять долот, три сверла розных, два топора лехких.

Также б даны были кузнецы, сколки человек пригоже для образца заступов, топоров, бердышей, кирок, что все то по королевского величества будет пригодно и пристойно, и чтоб был лес годной на те рогатки и чем разрывать московские рогатки.

О сем милости и милосердия у королевского величества прошу же бы умилился на тем москалем предавчиком, которои предался на имя короля его милости к гетману великому литовскому приходит ко нем[у] и плачет слезно. Не может ни чрез кого достать что король его милость на него бы милостивою приказал, пожаловал своим королевского величества жалованием как ему Бог по сердцу

великого есть у него универсал. И королевскому величеству будет добрый слуга у пехоты в ученье и в рогатках помощник, Григорий Котошихин».

Однако К. так и не был удостоен аудиенции у Яна Казимира. Поляки относились к перебежчику с подозрением. Опасаясь, что при заключении мира между Россией и Речью Посполитой он будет выдан как изменник, бывший подьячий под именем Иоанна Александра Селицкого переезжает в Силезию, а оттуда — в Пруссию. Там он тоже не нашел прибежища, и осенью 1665 г., изможденный голодом и с обмороженными ногами К. приплывает на корабле из г. Любека в г. Нарву. Здесь с помощью шведского подданного, купца Афанасия Овчинникова, он обращается к нарвскому губернатору Якову Таубе с просьбой о поступлении на шведскую службу. При этом напоминал о своих давних связях со шведской разведкой, былом сотрудничестве с Эберсом.

Таубе не стал принимать решение «по столь необычному делу», а запросил Стокгольм. Тем временем в Нарве появился московский гонец Михаил Прокофьев, который обнаружил местопребывание К. и сообщил об этом новгородскому воеводе князю В.Г. Ромадановскому. Тот немедленно послал Таубе официальный запрос с требованием выдачи изменника на основании 21-й статьи Кардисского договора. Для поимки «вора» в Нарву отправилась команда стрелецкого капитана Ивана Репнина.

Однако К. сумел скрыться, а 9 января 1666 г. в Нарву прибыл Эберс. Он привез перебежчику деньги и разрешение на выезд в Стокгольм. Таубе инсценировал арест и заключение его в тюрьму. Позже русской стороне было сообщено, что К. бежал.

В шведской столице бывший подьячий был назначен сотрудником Государственного архива ведомства канцлера Магнуса Делагарди. По совету последнего, в 1666—1667 гг.

в течение восьми месяцев К. написал свой знаменитый исторический труд, позже названный «О России в царствование Алексея Михайловича». В 1669 г. книга была переведена на шведский язык и приобрела в Европе определенную известность. Вплоть до наших дней она используется политиками и историками для доказательства «тиранического и бесчеловечного» характера Русского государства, «дикости и забитости» его народа.

Однако самому К. не суждено было узнать об успехе своего сочинения. В Стокгольме он жил у переводчика Даниила Анастасиуса. Друзья довольно весело проводили время, часто устраивая гулянки и пирушки. Не выдержав этого, от Анастасиуса ушла жена. К. решил уладить конфликт и вместе с хозяином купил кольцо — подарок для нее в знак примирения. В тот же вечер, 25 августа 1667 г. К. вернулся домой от капитана Свена Гэте, с которым в очередной раз пировал. Будучи пьяным, он подрался с Анастасиусом, приревновавшим его к собственной жене. В ходе драки бывший подьячий убил шведа испанским кинжалом и тяжело ранил его свояченицу.

К. был арестован и приговорен шведским судом к смертной казни. Русское правительство пыталось добиться его выдачи, но шведы отказали, мотивируя это тем, что за уголовное преступление он должен быть наказан в Швеции. К. не помог и срочно предпринятый им переход в лютеранство.

В ноябре 1667 г. он был казнен. Поскольку родных в Швеции у К. не было, его тело передали для анатомических исследований в г. Упсале.

Кравченко Борис Михайлович, 1922 г. рождения, урож. г. Москвы.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен, был завербован германской разведкой, получил псевдоним Доронин. Преподавал топографию в Борисовской раз-

ведывательной школе при Абверкоманде 103 (Приложение №5).

Его послевоенная судьба не выяснена.

Крапива Александр (отч. не установлено), 1950 г. рождения, бывш. полковник военной разведки (ГРУ).

В 1982 г. был командирован в США, где вел разведывательную работу под прикрытием дипломата.

В 1990 г. был направлен в Австрию. Работал в советской миссии при ООН.

В феврале 1991 г. К. вместе с женой и двумя детьми выехал в ФРГ. Вскоре объявился в США, где ему было предоставлено политическое убежище. Заявил о своем добровольном желании остаться на Западе. Выдал ЦРУ совершенно секретную информацию.

Краснов Илья Лукьянович, 1907 г. рождения, урож. Орловской области, бывш. ефрейтор Красной армии.

В начале 30-х г. работал на оборонном заводе «Баррикады» в Сталинграде. Здесь вступил в тайную антисоветскую организацию, которую возглавлял троцкист И.С. Доброкваша, бежавший с места ссылки и перешедший на нелегальное положение (имел документы на фамилию Кабанцева). И.С. Доброкваша полагал малоперспективной вооруженную борьбу с советской властью. Главным средством подпольной деятельности была избрана агитация среди рабочих. Планировалось ее вести так, чтобы рабочие «сами восстали и без оружия сделали переворот». Для реализации своей программы организация приступила к распространению листовок. Однако была раскрыта ГПУ, а ее участники — арестованы. Во время следствия К. полностью признал свою вину и дал подробные показания о деятельности подполья. Он обратился в ГПУ со следующим заявлением: «Чистосердечно раскаиваюсь в моем преступ-

лении перед партией и Советской властью. Приветствую пролетарское ГПУ за ее четкую работу на страже защиты интересов рабочего класса и крестьянства. Когда я буду освобожден, обязуюсь всемерно помогать в работе пролетарского ГПУ».

В 1933 г. К. был приговорен по ст. 58 УК РСФСР к 3 годам высылки в Казахстан. После освобождения проживал в Актюбинске, откуда в 1941 г. после начала войны был призван в армию. Направлен для прохождения службы в 53-й дорожно-строительный батальон, дислоцированный в сельской местности (деревни Виноградовка, Дмитрово-Васильевка, Б. Силан) Приморского края. Среди личного состава батальона находилось немало лиц, ранее судимых за уголовные и политические преступления.

Начиная с лета 1942 г., спекулируя на трудных условиях службы и страхе перед отправкой на фронт, К. начал вербовать солдат и младший офицерский состав в свою подпольную организацию. Исходя из прошлого опыта, К. внес существенные коррективы в методы подпольной борьбы с режимом. В его планы входило взбунтовать батальон, и с оружием в руках, подавляя возможное сопротивление, попытаться поднять против Советской власти другие части Дальневосточной армии.

Особую надежду К. возлагал на привлекательность лозунгов, которые он собирался использовать в пропаганде, а именно: немедленное заключение мира с Германией, свержение Советской власти, роспуск колхозов, раздача земли в частные руки, демобилизация большей части Красной армии. Планировался марш-бросок восставших на Читу, Челябинск навстречу немецким войскам, которые к этому времени должны, по расчетам К., взять Сталинград и Саратов. Большие надежды заговорщики возлагали на военную помощь Японии.

К. удалось вовлечь в организацию несколько солдат и сержантов, а также гражданских лиц — жителей близле-

жащих сел и, в частности, завхоза местной больницы М.Ф. Жука (см. соотв. ст.), тракториста Погорелого.

В ночь на 2 июня 1943 г. восстание началось. Первой подняла мятеж 1-я рота батальона в селе Виноградовка. Были убиты зам. командира по политчасти, старшина и рядовые, попытавшиеся сопротивляться. Восставшие взяли в заложники командира роты и двух командиров взводов, и, захватив оружие, боеприпасы и продовольствие, начали продвигаться к селу Дмитрово-Васильевка, где дислоцировалась 2-я рота батальона.

Имея в составе 2-й роты достаточно сообщников, К. удалось привлечь на свою сторону большинство ее личного состава. При этом восставшие расстреляли ст. лейтенанта П. Буркуна и техника-лейтенанта А. Птичина. Был тяжело ранен сержант И. Горбунов. Остальных офицеров взяли в качестве заложников. Был разграблен продуктовый склад, разобраны оружие и боеприпасы.

Объединившись, две мятежные роты двинулись к селу Б. Силан, где находился штаб батальона и размещались 3-я и 4-я роты.

Соучастникам К. удалось уговорить часть личного состава этих рот восстать и вместе продолжить вооруженную борьбу. Однако в селе начался настоящий бой между повстанцами и группой бойцов, не желавших к ним присоединиться. После отступления этой группы в сторону с. Стольное штаб батальона и склады подверглись полному разграблению. Перед восставшими выступил К., который заявил, что к ним скоро присоединятся другие части, бронепоезд и дорожно-эксплуатационный батальон.

«Советской власти больше нет, — закончил К. свое выступление, — правительство будет расстреляно, на фронтах уже устанавливается перемирие, и война с Германией больше продолжаться не будет!»

Вечером мятежный батальон вступил в село Стольное и занял оборону. В составе батальона к этому времени насчитывалось 330 бойцов. Они имели 230 винтовок с боеприпасами и 3 пулемета «Максим». Никто из пленных не делал попыток бежать, т.к. К. распространил слух, что восстал весь Дальневосточный фронт.

Однако ночью к селу подошли и перекрыли все дороги подразделения Красной армии (рота отдела контрразведки «СМЕРШ» 35-й армии и группа мотоциклистов). На марше находился стрелковый полк и две стрелковые роты. Утром село было окружено. В скоротечном бою мятежный батальон был разгромлен. Однако К. с группой в 70 человек удалось прорваться и уйти в лес. Они направились к госгранице, однако все пути к ней уже были перекрыты частями Красной армии и поисковыми группами, сформированными из местных жителей-охотников и школьников-старшекласников. Днем и ночью в засады попадались одиночки и группы мятежников. 10 июня в засаду попал и К. Он пытался выдать себя за другое лицо, однако был опознан. К 15 июня остались необнаруженными только четверо повстанцев, остальные либо погибли, либо были пленены.

Следствие по делу о восстании 53-го батальона вело Управление контрразведки «СМЕРШ» Дальневосточного фронта. Вначале были осуждены бывший комбат Ф. Аккуратов (во время восстания он находился в командировке в Хабаровске) и 10 оставшихся в живых офицеров. Они были признаны виновными в том, что «не вели надлежащей работы за укрепление дисциплины, узнав о поднятом в батальоне восстании, не приняли надлежащих мер к своевременной его ликвидации».

Все подсудимые получили от 5 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

В августе 1943 г. перед судом предстали 104 военнослужащих батальона, участвовавших в мятеже. 19 из них, вклю-

чая К., были приговорены к расстрелу, 30 человек — к 10 годам лагерей, 22 — к 8 годам, а остальные получили от 3 до 7 лет. Троице осужденным лагерный срок заменили отправкой на фронт, 2 арестованных оправданы.

В результате рассмотрения кассационной жалобы Военная коллегия Верховного Суда СССР заменила высшую меру наказания 10 годами ИТЛ трем подсудимым. 23 октября 1943 г. осужденные к ВМН были расстреляны.

Краснов Петр Николаевич, 1869 г. рождения, генерал от кавалерии белой армии.

Окончил Александровский кадетский корпус и Павловское военное училище.

В 1889 г. назначен хорунжим в лейб-гвардии Атаманский полк. Один год проучился в Николаевской академии Генерального штаба, откуда был отчислен и вернулся в строй.

Направлялся в командировки в Абиссинию, Китай. Во время Русско-японской войны являлся корреспондентом одной из русских газет, принимал активное участие в боях с японцами, за что был отмечен орденами.

В 1910 г. произведен в полковники и назначен командиром казачьего полка. В августе 1914 г. в этом качестве вместе с частью выступил на фронт в Восточной Пруссии. Уже в ноябре того же года произведен в генерал-майоры. Был назначен командиром знаменитой Туземной («Дикой») дивизии. За успешные действия в боях с австрийцами и немцами получил орден Св. Георгия и Золотое оружие.

В августе 1917 г. К. был вызван в ставку генерала Корнилова и назначен командиром 3-го конного корпуса, который во время октябрьских событий в Петрограде по указанию А.Ф. Керенского был направлен в столицу для восстановления власти Временного правительства. Однако корпус был разбит, а К. попал в плен и доставлен в

Смольный институт, являвшийся штабом большевиков. Был отпущен под честное слово, дал слово офицера, что не будет продолжать борьбу против новой власти.

В мае 1918 г. бежал на Дон, где был избран атаманом Войска Донского. Произведен в чин генерала от кавалерии. Признал главенство генерала Деникина, однако из-за противоречий с командованием Добровольческой армии вскоре подал в отставку.

В 1919 г. выехал в Батум, а оттуда — в Эстонию. Принял участие в боевых действиях в составе армии генерала Юденича, однако после ее разгрома частями Красной армии был вынужден бежать. Эмигрировал во Францию.

В 1921 г. стал одним из основателей т.н. «Братства русской правды», боевой организации, включавшей в себя остатки белорусских националистических отрядов и организации Савинкова. В течение десяти лет «Братство» вело террористическую деятельность в Советской России, главным образом в Белоруссии. Одним из принципов деятельности «Братства» стал т.н. «низовой террор», т.е. физическое устранение представителей низовых структур советской власти. Эта форма политического террора часто выливалась в обыкновенный бандитизм и мародерство.

Деятельность боевиков «Братства» (остановка и «проверка» поездов, расстрел представителей власти на местах и чекистов, взрывы объектов и т.п.) приобрела в западных советских областях значительный размах, под их контролем находились целые административные районы. Однако к 1933 г. ГПУ удалось нанести «Братству» ряд серьезных ударов, из-за чего оно вскоре по существу развалилось.

После начала Второй мировой войны К. переехал на жительство в Германию. Здесь он и начал активно сотрудничать с гитлеровским режимом. В разгар Великой Отечественной войны (1943 г.) был назначен начальником Главного управления казачьих войск при Министерстве

восточных областей Третьего рейха. Эти части участвовали в боевых действиях на Восточном фронте и против партизан.

В мае 1945 г. в Австрии К. был выдан английским командованием советским оккупационным властям.

По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР в 1947 г. повешен.

Красовский Олег Антонович, 1920 г. рождения, урож. г. Москвы.

После окончания военного училища получил первое офицерское звание в Красной армии. Во время Великой Отечественной войны попал в плен. Добровольно вступил в т.н. Русскую освободительную армию генерала Власова. Занимал ответственные посты, специализировался в вопросах ведения «психологической войны».

После капитуляции Германии выдачи советским властям избежал. Работал руководителем радио «Свободная Россия» на Тайване, корреспондентом радио «Свобода» в Бонне. Умер в 1993 г.

Крейтер Владимир Владимирович (? — 1950), генерал-майор белой армии.

Окончил Суворовский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию. Проходил службу в Сумском Гусарском полку, в составе которого участвовал в сражениях Первой мировой войны. Получил за храбрость Георгиевское оружие.

В 1916 г. ему присвоено звание капитана, он назначен адъютантом штаба кавалерийской дивизии.

С 1917 г. — подполковник и начальник штаба дивизии.

Во время Гражданской войны находится в рядах Добровольческой армии, где возглавляет штабы бригады, а затем — дивизии. В армии генерала Врангеля занимает сна-

чала ту же должность, но вскоре получает повышение до начальника штаба конного корпуса.

В 1920 г. произведен в генерал-майоры и командует бригадой в составе кавалерийской дивизии.

После разгрома армии Врангеля проживал в Сербии, где служил в пограничной страже. Во время Второй мировой войны добровольно поступил в сформированный гитлеровцами т.н. Русский охранный корпус. В самом конце войны являлся начальником штаба корпуса.

Умер в Германии в г. Дахау недалеко от Мюнхена.

Кривицкий Вальтер Германович (Самуил Гершевич Гинзберг), 1899 г. рождения, урож. г. Подволочинска.

Окончил гимназию в г. Львове, затем — Венский университет.

В 1919 г. вступил в польскую компартию. Участник советско-польской войны 1920 г., занимался диверсиями и саботажем в тылу противника.

В 1921 г. принят на работу в советскую военную разведку, проходит специальную подготовку. Начинает службу в разведке в Германии, участвует в подготовке коммунистического переворота, который, впрочем, закончился неудачей.

В 1926 г. направляется за границу на нелегальную работу. Занимается вербовкой агентуры в Германии, Франции, Италии. С 1929 г. — резидент в Голландии. За достигнутые успехи награжден именным оружием и орденом Боевого Красного Знамени.

В 1931 году переведен в ИНО ОГПУ (политическая разведка). До 1935 г. работал в Москве, затем назначен резидентом в Голландию, где добивается заметных результатов. В частности, им были получены достоверная информация о германо-японских переговорах о заключении антикоминтерновского пакта, за что был представ-

лен к очередному ордену. По заданию Центра участвовал в организации похищения в Париже руководителя белоэмигрантской организации РОВС генерала Е.К. Миллера.

В 1937 г. К. был вызван в Москву, где узнал о секретных переговорах советских представителей с фашистским руководством о заключении политического соглашения, чем был крайне разочарован. Кроме того, у него возникли веские основания задуматься о своей личной судьбе в связи с многочисленными арестами так называемых «старых большевиков» и сотрудников ГРУ и НКВД.

Вскоре он возвращается в Голландию, встречается со своим другом И. Рейссом, также резидентом НКВД (см. соотв. ст.) и узнает от него, что тот хотел бы остаться на Западе. Спустя некоторое время К. получил задание руководства уничтожить Рейсса, о чем немедленно сообщил своему другу, и тот успел скрыться, однако в сентябре 1937 г. был убит в Швейцарии.

В 1937 г. К. срочно переезжает в Париж, где встречается с Л. Седовым, сыном Л.Д. Троцкого, руководителем «специального сектора» троцкистской организации. Передает Седову текст открытого письма для опубликования в печати. В письме заявляет о разрыве с режимом И.В. Сталина и советской разведкой. Французское правительство организовало охрану К., что, возможно, оградило его от мести «московских коллег».

В 1938 г. К. уезжает в США, где публикует статью о тайных переговорах СССР и Германии в 1936 г. Становится экспертом по внешней политике СССР. Издает книгу «Я был агентом Сталина».

Спустя некоторое время приезжает в Англию, где дает официальные показания, в которых называет более ста имен агентов советских спецслужб. Однако большинство из них были вывезены в безопасные места, кроме шифро-

вальщика британского МИД Кинга, работавшего на советскую разведку в течение 4 лет.

В 1941 г. К. был вызван для дачи показаний в Лондон. Покончил самоубийством в гостинице «Бельвю».

Кромиади Константин Григорьевич, бывш. командир полка Красной армии, полковник (см. ст. Юнг С.Н.).

Кротков Юрий Васильевич, 1918 г. рождения, урож. г. Тбилиси.

Происходит из семьи художника, мать — актриса.

В 1941 г. К. поступает в Литературный институт. В начале Отечественной войны эвакуируется в Алма-Ату. После возвращения в столицу продолжает обучение.

В 1936 г. был завербован советской контрразведкой, получил псевдоним Сулико. Участвовал в разработках иностранцев. Благодаря эрудиции и широким связям среди творческой интеллигенции (являлся, в частности, близким другом семьи Б. Пастернака) легко обзавелся связями в дипломатическом корпусе.

В 1956 г. был привлечен к участию в вербовке французского посла в Москве М. Дежана. Через него с французом познакомился начальник контрразведки О.М. Грибанов, который выступил в роли ответственного сотрудника Совмина СССР. Сценарий операции заключался в компроматах М. Дежана на почве его постоянного интереса к молодым красивым женщинам. Француз был вывезен на квартиру одной из них (также агента КГБ). За время интимной «беседы» неожиданно возвращается «муж-геолог» и устраивает сцену ревности с рукоприкладством. На следующий день, для того чтобы уладить инцидент, М. Дежан, по совету К., обратился к О.М. Грибанову. Дело, конечно, было «не без труда улажено». Это позволило О.М. Грибанову установить с французом доверительные отношения и по-

степенно приучить его делиться политической информацией. Планировалось в будущем превратить М. Дежана в так называемого «агента влияния», особенно с учетом его близких отношений с президентом де Голлем.

В дальнейшем К. участвовал в разработке военного атташе Франции Л. Гидо. В результате операции КГБ по компрометации Л. Гидо застрелился.

В 1963 г. в составе туристической группы К. выезжает в Великобританию, где обращается в английскую разведку с просьбой о политическом убежище. К. сообщил англичанам в деталях об операции КГБ в отношении М. Дежана, о чем вскоре стало известно де Голлю. Посол был отозван из Москвы и был вынужден уйти в отставку (до своей смерти в 1982 г. он был руководителем Ассоциации «Франция — СССР»).

В 1967 г. на Западе выходит книга К. «Я из Москвы». В 1969 г. он выезжает в США для дачи показаний в сенате и остается на постоянное жительство.

Крымов Александр Михайлович (1871—1917 гг.), генерал-лейтенант царской армии.

Кадровый офицер, генштабист. Участник Первой мировой войны. Был близок к т.н. прогрессивному блоку, группировавшемуся вокруг А.И. Гучкова, кн. Г.Е. Львова и П.Н. Милюкова. После военных неудач в августе 1915 г. по предложению А.И. Гучкова вступил в масонскую Военную ложу и вместе с генералами М.В. Алексеевым, Н.В. Рузским и некоторыми другими высокопоставленными офицерами стал участником антимонархического заговора, ставившего целью отречение от престола Николая II. Ярый сторонник продолжения войны до победного конца. Вместе с единомышленниками вынашивал планы ареста царя, его убийства и заточения в монастырь императрицы. Активный участник т.н. корниловского мятежа августа 1917 г.,

после провала которого был арестован и допрашивался А.Ф. Керенским.

На угрозы последнего сорвать с него погоны якобы ответил: «Не ты, мальчишка, мне их давал, не тебе их с меня срывать». После допроса застрелился. При его похоронах министр Временного правительства М.И. Терещенко положил ему в гроб свою перчатку (масонский ритуал).

Кудрявцев Георгий Степанович (?), писарь управления Воронежского уездного воинского присутствия.

В мае 1912 г. из перехваченного русской разведкой «Отчета австрийского Генерального штаба о военной разведке в России» стало известно, что в 1911 г. из Управления Тамбовской местной бригады австрийским агентом под псевдонимом Жорж было похищено 17 секретных документов. Удалось выяснить, что шпион служит писарем в Воронеже.

После проведенного расследования было установлено, что Жоржем является К. Он был арестован. Вместе с ним к дознанию привлекались: старший писарь Тамбовской бригады Федор Лобаков и писарь-литографщик Тамбовской бригады Константин Проскурин.

При обыске у К. обнаружили буквенно-цифровой шифр. Причастность к делу других подозреваемых доказать не удалось. Материалы следствия, проведенного контрразведкой, были переданы в дальнейшие инстанции. Чем оно закончилось — неизвестно.

Кузичкин Владимир Андреевич, 1947 г. рождения, бывш. майор КГБ СССР.

Работал в разведке, куда попал по протекции. В 1977—1982 гг. находился в командировке в Иране под прикрытием должности вице-консула. Работа К. в Тегеране вызывала серьезные замечания со стороны руководства резидентуры. Оно неоднократно информировало Центр, что К. зло-

употребляет спиртным, нарушая правила конспирации. Однако высокие покровители в разведке оберегали К. от взысканий.

В июне 1982 г., находясь в Турции, он бежал и вскоре оказался в Великобритании. Как позже показало следствие, К. установил контакт с английскими спецслужбами еще в Иране. Он выдал противнику ряд ценнейших сведений о работе советской разведки и ее агентуры.

Представителям совпосольства в Лондоне заявил, что «выбрал свободу окончательно и бесповоротно».

Однако в 1988 г. К. позвонил по телефону жене и заявил о своем желании вернуться на Родину. Выразил готовность «искупить свою вину перед Родиной и товарищами по работе».

Вскоре следы К. теряются. Какую-либо связь с родственниками он прекратил. Его дальнейшая судьба неясна.

Кулак Алексей Исидорович, 1922 г. рождения, сотрудник советской разведки.

Участник войны 1941—1945 гг. Якобы получил звание Героя Советского Союза. По специальности — ученый-химик в области радиологии, доктор химических наук.

Занимался разведывательной деятельностью в США, используя прикрытие Научного комитета ООН по изучению проблем радиации.

В начале 1962 г. явился в восточной части Манхэттена в местное отделение ФБР и потребовал встречи с руководством. В ходе «собеседования» с представителем американской контрразведки назвал себя и истинную цель своего пребывания в США. Заявил, что недоволен карьерой в КГБ и поэтому решил порвать с системой, его не оценившей. Передал американцам ряд сведений секретного характера. В 1967 г. вернулся в СССР в связи с окончанием срока заграникомандировки.

В 1971 г. вернулся в США и возобновил сотрудничество с ФБР, которое длилось до 1977 г., когда он вновь приехал на Родину. Получил за указанный период времени от американцев более 100 000 долларов в качестве вознаграждения.

В 1978 г. его имя появилось в книге американского журналиста Э.Д. Эпштейна как «русского, сотрудничавшего с американцами». Однако К. на родине не был арестован. По одной из версий, из-за героического прошлого он был вне подозрений у советских спецслужб, что его и спасло. По другим данным, К. с самого начала сотрудничества с ФБР действовал под контролем КГБ, передавал американцам дезинформационные сведения.

В 1990 г. К. скончался.

Кулешов Михаил Емельянович, прим. 1900 г. рождения.

Во время Гражданской войны воевал в составе Добровольческой армии генерала Деникина. Имел офицерский чин. После разгрома Белого движения осел в Краснодаре, получил юридическое образование, работал адвокатом. В 1941 г. во время оккупации города немецкими войсками добровольно поступил на службу в полицейское управление, был назначен на должность следователя. Лично завербовал в качестве осведомителя В.Г. Громова, с помощью которого выявил и арестовал несколько членов подполья. Участвовал в их пытках и казнях.

Завербованный К. Громов первый получил информацию о подпольной организации «Молодая гвардия», в результате чего было арестовано, подвергнуто пыткам и расстреляно более 50 ее бойцов. В допросах и пытках молодогвардейцев К. принимал самое активное участие.

После освобождения Краснодона советскими войсками К. был разоблачен и предстал перед судом. При этом ого-

ворил как предателя-активиста «Молодой гвардии» В. Третьяковича.

При написании известного романа «Молодая гвардия» советский писатель А. Фадеев ознакомился с показаниями Кулешова. Создавая вымышленный образ предателя, он назвал его Евгением Стаховичем, используя первый слог фамилии Г. Стаценко, действительно причастного к аресту молодогвардейцев, и Третьяковича, оговоренного Кулешовым. Лишь через несколько лет следственная комиссия установила полную невиновность В. Третьяковича в провале организации. Он был награжден посмертно орденом Отечественной войны I степени.

В сентябре 1943 г. Военным трибуналом Юго-Западного фронта К. был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Курбский Андрей Михайлович (1528—1583), князь, боярин (с 1556), первый крупный русский политический эмигрант (1564).

Первое упоминание имени К. вторым в чиновном списке поезда князя Юрия Васильевича относится к 1547 г. В Тысячной книге 1550 г. он назван сыном боярским 1-й статьи по Ярославлю. Первый известный нам чин К. — «стольник в есаулах» в царской свите при походе на Казань 1550 г. В мае 1551 г., в июне 1552 г. он является вторым воеводой полка правой руки среди войск, выходивших на южные рубежи России при известии о нападении крымских татар. Аналогичную должность К. занимал в Казанском походе 1552 г. Участие в данной кампании было позже им описано в автобиографической части историко-политического памфлета «История о великом князе Московском».

Полк К. и боярина П.М. Щенятева отвечал за участок от Елабугиных ворот до р. Казанки. Именно он преградил дорогу татарам, пытавшимся прорваться к лесу, спасаясь от

уличных боев при штурме русскими ханского двора. К. преследовал их: «...выеде из города и всед на конь и гна по них, и приехав в всех в них, они же его с коня збив и его секоша множество и преидоша по нем замертво многие, но Божиим милосердием последи оздравел». Под воеводой убили коня, его нашли среди груды трупов. «Аз же видех себя обнаженна лежаща, многими ранами учащенна, а живот цел, понеже на мне зброика была праотеческая, зело крепка». К. получил много ран, был вынесен с поля боя двумя верными слугами и двумя царскими воинами.

Возможно, доблесть К. во время Казанского взятия была оценена царем, и его приблизили ко двору. Выздоровевший воевода получил новую должность: в октябре 1553 г. при выходе на Коломну «по вестям» о набеге ногаев он был 1-м воеводой полка левой руки.

В декабре 1553 г. 1-м воеводой сторожевого полка К. отправился на усмирение казанских татарской и луговой стороны, «места воевать, которые где не прямят государю».

В сентябре 1555 г. он вновь был послан в Казань 1-м воеводой для проведения карательных акций против луговой черемисы.

После возвращения с окраины Российского государства в июне 1556 г. К. был удостоен боярского чина. Однако вхождение в состав Боярской думы мало сказалось на его военной карьере. В осенней росписи 1556 г. по полкам на южных рубежах он вновь назван 1-м воеводой полка левой руки. Весной 1557 г. при аналогичной росписи князь выступает в должности 2-го воеводы полка правой руки.

В январском 1558 г. походе на Ливонию К. и П.П. Головин возглавляли уже сторожевой полк. Боевые действия продолжались всю весну и лето. Всего за это время русскими войсками было захвачено около 20 городов.

Весной 1560 г. К., будучи 1-м воеводой большого полка, ходил «из Юрьева войною в немцы». В мае 1560 г. во время

большого похода по Ливонии князь являлся 1-м воеводой передового полка.

В автобиографии К. описывает, как он был послан Иваном IV под крепость Феллин: «Введе мя царь в ложницу свою и глагола ми словесами, милосердием разстворенными и зело любовными... к тому со обещаньми многими: [вынужден] ... або тебя, любимаго моего, послати, да охрабрится паки воинство мое, Богу помогающе ти, сего ради иди и послужи мне верне». 30 августа город пал. Воеводы были из-под него «отпущены в войну» на другую территорию Ордена.

В 1562 г. князь «годовал» на Великих Луках. В августе 1562 г. состоялась неудачная для К. битва с литовцами под г. Невелем. В 1563 г. боярин принял участие во взятии Полоцка. Он был третьим воеводой сторожевого полка.

Как видно из послужного списка К., его жизнь прошла в боях и походах, в «дальноконных градах», по его собственному выражению. Он прошел с боями фактически все три главных фронта того времени: казанский, крымский и ливонский. Единственный известный факт участия князя во внутривосточных делах — упоминания о проведении им дворянского смотра в Муроме в 1555—1556 гг.

Вплоть до 1562 г. карьера боярина абсолютно безоблачна. В апреле 1563 г. он был назначен воеводой в Юрьев Ливонский. Этот факт его биографии исследователями оценивается по-разному. Некоторые из них считают, что данное назначение было следствием опалы, при этом проводится аналогия с судьбой крупного политического деятеля 1550-х гг. А.Ф. Адашева, сосланного в 1560 г. в этот же город.

Однако Иван IV в одном из писем К. резонно замечал, что если бы он подверг К. опале, то он «...в таком бы еси в далеком граде нашем (Юрьеве. — Авт.) не был, и утекания было тебе сотворити невозможно, коли бы мы тее в том не

верили. И мы, тебе веря, в ту свою вотчину послали...» Являясь юрьевским наместником, К. фактически оказывался наместником всей завоеванной территории Ливонии с достаточно широкими полномочиями (вплоть до права ведения переговоров со Швецией). Назначение на такую должность вряд ли можно расценивать как проявление царской опалы.

В то же время есть свидетельства, что князь чувствовал себя в Юрьеве неуютно. Уже через несколько месяцев после прибытия в город К. писал монахам Псково-Печерского монастыря: «И многажды много челом бью, помолитесь о мне окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают».

Были ли у К. основания для подобных опасений? Видимо, были. Образно выражаясь, у князя, пытающегося изобразить себя безвинно пострадавшим, «рыльце было в пуху». Историки Б.Н. Флорей и Р.Г. Скрынников упоминают документ, свидетельствующий, что уже в январе 1563 г. К. завязал изменнические связи с литовской разведкой. Речь идет о письме Сигизмунда II Раде Великого княжества Литовского от 13 января 1563 г. из Познанского архива. В нем король благодарил руководителя польской разведки витебского воеводу Н.Ю. Радзивилла «за старания в отношении Курбского». В письме говорится также о некоем «начинании» князя-изменника. По справедливому предположению Р.Г. Скрынникова, речь идет о передаче им сведений о передвижении русской армии. Ученый связывает с «утечкой» информации поражение российских войск в битве 25 января 1564 г. под Улой.

В Хронике Ниенштедта приводится свидетельство, что переговоры боярина с неприятелем вызвали подозрение у Грозного. Поводом послужили контакты князя с графом фон Арцем, наместником шведского герцога Иоганна III в Ливонии. Арц обещал К. сдать замок Гельмет, но был арес-

тован своими же за измену. Русское войско под стенами замка встретили огнем. Этот эпизод и послужил для Ивана IV основанием подозревать юрьевского наместника в двойной игре.

В своих письмах Иван Грозный отмечает, что князь изменил «единого ради малаго слова гневна». В Наказе посла в Литву 1565 г. царь велел говорить: «...учал государю нашему Курбский делати изменные дела, и государь был хотел его наказати, и он, узнав свои изменные дела, и государю нашему изменил». В беседе с литовским послом Ф. Воропаем Грозный клялся « царским словом», что он не собирался казнить боярина, а хотел лишь убавить ему почестей и отобрать у него «места». Позже в своих письмах и в наказах русским дипломатам царь разовьет целую концепцию «измен» Курбского, связав их с внутривосточными процессами, с боярскими крамолами и деятельностью княжеско-боярской оппозиции. Однако это будет сделано задним числом.

Незадолго до бегства, в начале 1564 г., К. получил из Литвы два письма (от Сигизмунда II и от Н. Радзивилла и Е. Воловича), гарантирующих беглецу поддержку, теплый прием и оплату измены. В «привилее» Сигизмунда на Ковельское имение сказано, что боярин выехал «з волею и ведомостью нашою господарскою... нашим службам в подданство нашо господарское приехал». В завещании К. от 24 апреля 1583 г. говорится, что в 1564 г. ему было обещано за эмиграцию богатое содержание.

Каковы же были обстоятельства побега князя-диссидента? Историк Н.Г. Устрялов приводит такую легенду: «В таже лета (1564 г. — Авт.) во граде Юрьеве Ливонском быша воеводы князь Андрей Михайлович Курбский да зять его Михайло Федорович Прозоровский. Князь же Андрей, увидав на себя царский гнев и не дождався присылки по себя, убояся ярости цареви. Помянув же прежния свои службы и

ожесточился. Рече же супружнице своей сице: “Чесо ты, жено! Хочеши: пред собою ли мертвым мя видети, или за очи жива мя слышати!” Она же ему рече: “Яко не точию ты мертва хощу видети, но ниже слышати о смерти твоей, господина моего, желаю!” Князь же Андрей прослезився, и, целова ю и сына своего девятилетна суца, и прощение сотворив с ними, и чрез стену града Юрьева, в нем же бысть воеводою, прелезе; ключи же врат градных поверже в кладезь. Некто же верный раб его, именем Васька, по реклому Шибанов, приготова князю своему кони оседланы вне града, и на них седоша, и к литовскому рубежу отъехалаша и в Литву приидоша».

Однако обстоятельства бегства были не столь романтическими и трагическими. К. выехал 30 апреля 1564 г. с тремя лошадьми и 12 сумками «с добром», бросив беременную жену. Путь князя лежал через замок Гельмет, где он должен был взять проводника до Вольмара, в котором его ждали посланцы Сигизмунда. Тут боярина постигло первое возмездие за его поступок: гильметцы арестовали изменника, ограбили его и как пленника повезли в замок Армус. Там местные дворяне довершили дело: сорвали с него лисью шапку, отобрали лошадей. В Вольмар К. прибыл, ограбленный «до нитки». Позже он судился с обидчиками, но вернул лишь некоторую часть похищенного. В эмиграции он особо жалел об оставшихся в России дорогих доспехах и библиотеке. Литовский воевода А. Полубенский предлагал выменять их на русских пленных, но ему отказали.

Уже находясь в эмиграции, К. попытался играть роль защитника всех обиженных и угнетенных на Руси, критика и обличителя общественных пороков. Он изображал свое бегство как вынужденное, вызванное многочисленными гонениями и притеснениями. В предисловии к «Новому Маргариту» князь писал: «Изгнанну ми бывшу без правды от

земли Божии и в странстве пребывающую... И мне же несчастливому что въздал? Матерь ми, у жену, и отрочка единого сына моего, в заточению затворенных, троскою (горестью (польск.). — Авт.) поморил; братию мою единокленных княжат Ярославских, различными смертями поморил, служащих ему верне, имения мои и их разграбил, и над то все горчайшего: от любимаго отечества изгнал, от друзей прелюбезных разлучил!»

Однако описанные князем гонения произошли после его бегства и были во многом им же и спровоцированы. То, что К. во всех своих произведениях стремился оправдать свою измену и подвести под нее высокоморальные обоснования показывает, насколько этот вопрос мучил его в эмиграции.

Есть все основания предполагать, что утверждение К. о внезапности и вынужденности его бегства из России из-за опасения несправедливых гонений является ложным. По всей видимости, он бежал, опасаясь раскрытия своих связей с литовцами, но перед этим заблаговременно позаботился о гарантиях высокой цены за свое предательство. Когда воевода пересек границу, обнаружилось, что он обладает огромной по тем временам суммой денег: 300 золотых, 30 дукатов, 500 немецких талеров и 44 московских рубля. Происхождение этих денег неизвестно, но показательно, что они практически все в «иностранной валюте», что позволяет сделать определенный вывод.

За свое предательство, помимо денежных выплат, К. пожаловали и земли. 4 июля 1564 г. он получил грамоту на владение Ковельским имением (вотчиной князей Любартовичей-Сангушков). Условием пользования К. этими землями являлось присутствие его в действующей армии во время походов против России.

Неоднократное участие К. в нападениях на Россию в составе литовской армии стало одной из самых позорных

страниц его биографии. Именно по совету князя-диссидента в 1564 г. Сигизмунд спровоцировал нападение на Россию крымских татар. Во время одного из литовских вторжений К. благодаря хорошему знанию местности загнал в болото русский отряд и полностью его уничтожил. Изменник просил короля дать ему 30-тысячную армию, которую намеревался вести на Москву. Если же ему не доверяют, пусть прикуют цепями к телеге, окруженной стрельцами с пищалями наперевес, чтобы они его застрелили в ту же секунду, когда усомнятся в его преданности Литве. На этой телеге К. будет ехать впереди войска, вдохновляя литовскую армию на разгром московитов.

Находясь в эмиграции, К. выступил автором ряда эпистолярных и исторических произведений, в которых обличал пороки правления Ивана Грозного. Пафос этих работ позволяет исследователям назвать их «первым документом русского диссидентства».

Произведения К. содержат две основные мысли, вокруг которых развиваются его обличения: несправедливость гонений царя на самого К. и его друзей (чем во многом он старался оправдать собственную измену) и обвинение Ивана Грозного в еретичестве, несоответствии идеалам православного царствования, сотрудничестве с Сатаной и Антихристом и т.д. Таким образом, знаменитый спор Грозного и К. был, кроме всего прочего, и дискуссией по этико-богословским вопросам, которая носила в конкретных исторических условиях принципиальный характер.

В этом контексте определенный интерес представляют некоторые факты из жизни К. в эмиграции. Показательна, например, история 1569 г., когда финансовые споры с ковельскими евреями князь решил просто и радикально: посадил их в пруд с пиявками во дворе своего замка. Потребовался королевский указ, чтобы он их отпустил, причем его слуга возражал посланцам Сигизмунда: «Разве пану не

вольно наказывать подданных своих не только тюрьмою или другим каким-либо наказанием, но даже смертью?» Эта фраза выдает столь характерную для К. склонность к «двойным стандартам»: перед Грозным он отстаивал вольности аристократии и права «свободного естества человеческого», в собственной же практике в полной мере исповедовал хорошо известные принципы своего идейного оппонента: «Своих холопов хочу — жалую, а хочу — казню».

Из произведений К. видно также, как происходила его духовная эволюция. В первом письме Грозному (1564) он выступает с позиций ревностного сторонника идеалов православного царства, в несоответствии которым упрекает Ивана IV. Князь изображает себя защитником интересов Святой Руси и ее лучших людей («сильных во Израили»). Но постепенно ненависть беглого боярина лично к Ивану IV превращалась в неприязнь к своей бывшей Родине в целом. Так, в третьем письме Грозному (1579) К. уже злобно издевается над пленными русскими воеводами, при этом в панегирических тонах пишет о литовской армии и правителях Речи Посполитой. Пороки царя изобличаются не только с позиций несоответствия идеалам православного государя, но с привлечением западных мировоззренческих парадигм.

В истории измены на Руси фигура К. является знаковой. В определенных научных и общественных кругах имеет место политическая канонизация князя-изменника. Имя князя стало нарицательным и служит символом борьбы с деспотизмом и произволом для представителей известного направления общественно-политической мысли, общий пафос которого можно передать словами М.П. Пиотровского: Курбский, по его мнению, «...уносил голову от плахи, а вовсе не продавал высокой ценою свою измену».

Такая оценка места К. в истории представляется субъективной, политически ангажированной. Факты неоспоримо

указывают на его шпионскую связь с Литвой задолго до бегства, получение им за измену денежных и земельных пожалований от Сигизмунда, его участие в завоевательных походах на Россию в составе литовской армии. По словам известного исследователя: «Курбский явился к королю польскому не как беглец, преследуемый страхом... напротив, он действовал обдуманно, вел переговоры и только тогда решился изменить своему царю, когда плату за измену нашел для себя выгодною».

Курлятев Иван Иванович (уп. в конце XVI — нач. XVII в.), князь.

Происходил из черниговских Рюриковичей. В 1577 г. в чине московского дворянина служил в крепости Орешек. В 1603 г. — воевода в Орле.

Добровольно перешел на сторону Лжедмитрия I, пожалован им в окольных и в подचाшии. На свадьбе самозванца удостоился чести «пить наливать» и «ходить с ним в мыльню».

Судьба К. после низложения Лжедмитрия I не выяснена.

Кутергин Леонид Алексеевич, 1941 г. рождения, урож. Кировской области, бывш. полковник КГБ СССР.

В 1964 г. окончил Московский институт иностранных языков им. М. Тореза. Владел двумя европейскими языками.

Благодаря родственной протекции был принят на работу в 1-е Главное управление КГБ СССР (разведка). После окончания спецшколы сделал по той же причине быструю карьеру. Уже в 1983 г. становится заместителем начальника отдела Центрального аппарата разведки.

В июне 1984 г., находясь в краткосрочной командировке в Швейцарии, бежал и вскоре оказался в Западной Германии. Выдал противнику ценнейшие сведения о деятельности органов госбезопасности СССР и ГДР. В ходе

следствия по делу были получены данные о его длительном сотрудничестве со спецслужбами противника. Основной вербовки К., видимо, послужили его гомосексуальные наклонности.

Находясь за границей, К. работал консультантом в западногерманской разведке. Обдумывал план вывоза в ФРГ жены и сына, однако реализовать это намерение не сумел.

Его дальнейшая судьба неясна.

Кучковичи (уп. 1174—1175), участники заговора против владимирского князя Андрея Юрьевича Боголюбского (1157—1174/75).

Жестокое, властное правление князя Андрея, ревность к некоему Прокопию, любимцу князя, его высокомерное поведение. В заговоре, поводом к которому послужила казнь одного из К., приняли участие приближенные князя Андрея: Яким, брат казненного К., его зять Петр, Анбал, осетин по происхождению и дворовый человек, Ефрем Моизич (Моисеевич), еврей по происхождению и тоже дворовый человек. По ряду сведений, к ним примкнула и жена Андрея — Улита Кучковна. (На летописной миниатюре, изображающей убийство Андрея, она держит отрубленную руку своего мужа.) Всего в заговоре приняли участие около 20 человек.

В ночь с 28 на 29 июня 1174 г. убийцы с оружием ворвались в башню дворца князя Андрея в селе Боголюбове, его резиденции. В башне располагалась спальня князя. Видимо, не отличаясь мужеством, заговорщики предварительно отправились в погреб напиться вина для «поднятия боевого духа». После этого они пытались вызвать Андрея из спальни от имени его любимца Прокопия. Князь не поверил им, не открыл дверей, тогда их выломали. Андрей пытался сопротивляться, но Анбал, занимавший должность ключника, еще днем выкрал из опочивальни княжеский меч.

Завязалась борьба, Андрей пытался устыдить заговорщиков, сравнивал их с убийцей св. Глеба Гoryасером и грозил, что если они прольют его кровь на земле, то Бог отомстит им «за его хлеб».

В свалке убийцы тяжело ранили одного из своих товарищей и решили, что поразили Андрея. Они ушли из спальни, унося с собой тело, полагая, что это убитый князь. Обнаружив ошибку, возвратились назад, нашли спустившегося в сени князя по кровавому следу и добили его. После этого в Боголюбове началось избиение приближенных князя, членов его двора и «думы». Были убиты Прокопий, верные князю дружинники, представители княжеской администрации (посадник и тиуны). Все это сопровождалось небывалым грабежом. Заговор узкого круга лиц по сути перерос в восстание и погромы, что свидетельствует о серьезной неприязни владимирцев к князю Андрею. Мятеж затих лишь к 5 июля, и то не без настойчивых усилий священнослужителей.

Л

Лаврентьев Владимир Александрович, 1954 г. рождения, урож. г. Балашихи Московской области.

Происходит из рабочей семьи. Окончив в середине 70-х Высшую школу КГБ, направлен на работу в военную контрразведку. Был командирован в ГДР в Особый отдел Западной группы войск. По возвращении в Москву продолжил службу в Центральном аппарате. В 1988 г. вновь командирован в ГДР, где по линии военной контрразведки являлся офицером по связи с Министерством безопасности Восточной Германии.

После объединения Германии в 1991 г. вместе с советскими войсками собирался эвакуироваться на родину, однако с помощью бывшего сотрудника спецслужб ГДР был завербован западногерманской разведкой (БНД). Основой вербовки послужило стремление Л. «заработать много денег».

За семь оставшихся месяцев пребывания в Германии провел восемь встреч с сотрудниками БНД, передал им секретную информацию. Связь Л. с БНД продолжалась после его возвращения на Родину. Две встречи с германскими разведчиками он провел при посещениях Эстонии.

В 1994 г. он был арестован. При обыске у Л. были изъяты фотопленки с совершенно секретными документами, шифрограммы, инструкции по шпионской связи, шифроблокнот.

Л. был осужден на 10 лет лишения свободы.

Ладыжинский Александр Ильич, 1889 г. рождения, белоэмигрант.

Проживал во Франции, где начинал с 1931 г. заниматься активной антисоветской деятельностью. Осуществлял переброску пропагандистской литературы на территорию СССР. Во время Великой Отечественной войны служил в т.н. Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова. В 1943 г. был завербован гитлеровскими спецслужбами.

После войны был арестован во Франции.

По некоторым данным, по договоренности с властями Франции был обменян на оберштурмфюрера СС О. Хоффмана, обвиняемого в массовых репрессиях в отношении французских граждан и находящегося в советской тюрьме.

Его дальнейшая судьба неизвестна.

Лампе фон Алексей Александрович, 1885 г. рождения, генерал-майор белой армии.

Окончил кадетский корпус и Николаевское инженерное училище. Поступил в Николаевскую военную академию Генштаба, прошел в ней полный курс. Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

В 1916 г. произведен в подполковники и назначен штаб-офицером армейского корпуса. В 1917 г. исполняет должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии.

В середине 1918 г. вместе с полковником Б.А. Штейфоном (см. соотв. ст.), возглавляет подпольный центр Добровольческой армии в Харькове, занимается нелегальной переброской офицеров в военные формирования Деникина во время немецкой оккупации и при Петлюре.

В конце 1918 г. — в рядах Добровольческой армии, является начальником оперативного отдела в группе войск генерала Врангеля. В 1920 г. находится за границей, где выполняет различные поручения Верховного главнокомандующего Вооруженных сил Юга России. Произведен в генерал-майоры. В эмиграции является военным представителем Русской армии в Дании, Венгрии и Германии. Затем активно работал в Русском общевойсковом Союзе (РОВС) в Берлине.

Накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз предложил главнокомандующему вермахта фон Браухичу сотрудничество в борьбе с большевиками. Ответ немцев недвусмысленно давал понять, что «в войне Германии против СССР привлечения русской эмиграции не предвидится», да и последовал он лишь после начала войны. Несмотря на это, Л. продолжал действовать самостоятельно и во многом способствовал вступлению в ряды немецкой армии рядовых членов РОВС. В первые месяцы фашистской агрессии против СССР только во Франции выразили готовность сражаться на Восточном фронте более полутора тысяч белоэмигрантов.

Первое время гитлеровское командование выражало удовлетворение боевым духом русских добровольцев, многие из них были награждены знаками отличия за храбрость. Но уже к 1942 г. большинство эмигрантов были удалены из немецкой армии, поскольку начали «объединяться с населением».

В связи с этими событиями РОВС был распущен в Германии, а Л. неоднократно арестовывало гестапо.

После Второй мировой войны Л. переехал во Францию и назначен заместителем начальника РОВС, а с 1957 г. — его руководителем.

Л. умер в 1967 г. в Париже.

Левченко Станислав Александрович, 1941 г. рождения, бывш. майор КГБ СССР.

Родился в семье военнослужащего. Окончил МГУ, вторым браком женился на дочери высокопоставленного работника АН СССР. Владел японским языком, привлекался Международным отделом ЦК КПСС к работе с иностранными делегациями.

В 1964 г. был распределен на работу в Институт морского и рыбного хозяйства, затем перешел в Комитет защиты мира.

Весной 1966 г. Л. была предложена работа в Главном разведывательном управлении Генштаба (ГРУ). Прошел подготовку разведчика-диверсанта.

В 1968 г. был переведен из ГРУ в КГБ СССР в качестве внештатного сотрудника контрразведки. В 1971 г. принял предложение стать кадровым офицером разведки.

В течение года проходил специальную подготовку. Освоил профессию журналиста, которую использовал в будущем как прикрытие разведывательной работы.

В начале 1975 г. был направлен в Токио в качестве корреспондента журнала «Новое время». Быстро зарекомендовал себя высококлассным журналистом, установил об-

ширные контакты с иностранными коллегами, что с успехом использовал в своей основной работе. Все это позволило Л. довести до уровня доверительных отношения с рядом известных японских журналистов, систематически получать от них интересующую Центр политическую информацию. За достигнутые успехи весной 1979 г. ему было присвоено звание майора. Одновременно он был назначен в резидентуре руководителем подразделения по вербовке так называемых «агентов влияния».

Однако уже в октябре 1979 г. Л. связался с сотрудниками ЦРУ, работавшими в Токио, и попросил политического убежища. Вскоре самолетом под охраной ЦРУ он был доставлен в США.

Мотивом своей измены Л. назвал полное разочарование в советской системе и КГБ.

На допросах в ЦРУ Л. выдал совершенно секретную информацию о специальных операциях советской разведки в Японии, кадровом составе резидентуры в Токио и ее агентах из числа иностранцев. По оценке советских экспертов, побег Л. на Запад парализовал работу разведки в Японии на несколько лет.

В 1981 г. в СССР Л. был заочно приговорен к расстрелу.

Находясь в США, Л. издал четыре книги, выступал с лекциями о подрывной работе советских спецслужб. Активно сотрудничал с эмигрантской газетой «Новое русское слово» (см. ст. Сабаев О.П.).

В 1991 г. Л. имел встречу в Вашингтоне с Калугиным и Бакатиным (см. соотв. ст.). О последнем он отзывался восторженно.

Лейб-гвардии полки — участники государственного переворота 28 июня 1762 г.

Офицеры и солдаты Измайловского, Семеновского и Преображенского полков явились главной военной силой

в осуществлении переворота 1762 года, в результате которого был свергнут с престола император Петр III и возведен на трон его жена — Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина II.

Основной вдохновительницей заговора была Екатерина II. Она поддерживала тайные связи с послами французского и английского дворов, которых не устраивала ориентация внешней политики Петра III на Пруссию. Англичане финансировали заговор для подкупа противников Петра III. Последних, впрочем, найти было нетрудно, особенно среди офицеров л.-г. полков. Гвардия после смерти Петра I постепенно теряла свою боеспособность, превращалась в «изнеженное воинство» и использовалась в основном для охраны императорских резиденций, обеспечения безопасности царских выездов, парадных шествий.

Характеризуя состояние гвардии этого времени, современник отмечает: «Их боеготовность была очень низкой, за последние двадцать лет они совершенно разленились, так что их скорее стоит рассматривать как простых обывателей, чем как солдат. По большей части они владели собственными домами, и лишь немногие из них не приторговывали, не занимались разведением скота или еще каким-либо делом. И этих изнежившихся людей Петр III стал заставлять со всей строгостью разучивать прусские военные упражнения».

Не устраивала гвардию и перспектива войны с недавним союзником России Данией, о чем Петр III в угоду прусскому королю Фридриху II официально объявил.

Кроме того, сам Петр III своим поведением давал много поводов, и весьма основательных, для недовольства не только в армии, но и среди знатных вельмож и духовенства. В частности, он устроил безобразные сцены при отпевании императрицы Елизаветы Петровны, шутил с дежурными дамами, издевался над духовными лицами, придирался к офи-

церам по поводу их экипировки. Не соблюдал траура, проводил время в кутежах, устраивал фейерверки. Крайне раздражены были и церковные иерархи, видевшие пренебрежительное отношение Петра III к православию.

Поступки Петра III, естественно, порождали во дворе и его окружении неуверенность в завтрашнем дне, поскольку никто не мог предвидеть, как император может себя повести и какое решение он примет.

В день переворота (28 июня 1762 г.) приближенным Екатерины Алексеевны удалось вывести на улицу из казарм Измайловский полк, который тут же присягнул новой императрице. Присягу принял полковой священник. Во главе измайловцев встала сама Екатерина, которая верхом на коне и со шпагой в руке двинула полк к семеновцам, которые также ей присягнули. Затем к измайловцам и семеновцам присоединился Преображенский полк.

Во дворце были вскоре собраны высшие государственные чины, которые немедленно присягнули императрице. Был обнародован манифест о вступлении Екатерины на престол «по желанию всех верноподданных».

Петр III оказался без военной поддержки, многие его приближенные переходили в лагерь новой императрицы. Он был обречен.

29 июня Петр III отрекся от престола.

Лейб-гвардейские подразделения — участники государственного переворота 11 марта 1801 года.

В отличие от переворота 1762 г., в событиях 11 марта 1801 г. приняли участие лишь отдельные роты Семеновского и Преображенского полков. Рядовые Измайловского полка охвачены заговором практически не были.

Этот факт, видимо, можно объяснить большой популярностью императора Павла I среди широких слоев солдат и крестьян, поскольку его реформы после восшествия на пре-

стол значительно облегчили положение низов русского общества. Указами Павла I, в частности, было существенно повышено денежное содержание рядовых и унтер-офицеров в армии. Император ограничил барщину до 3 дней в неделю и запретил использовать крестьянский труд в праздники. Не меньший резонанс среди крестьян и солдат имели меры, принятые императором для наведения порядка в гвардии, офицеры которой в царствование Екатерины II практически службу не несли, пребывая в своих имениях либо предаваясь развлечениям в столице. Устроенная императором чистка гвардии и массовый перевод ее офицерского корпуса в армейские части вызвала особое недовольство и раздражение гвардейских офицеров. Не нравились им и запрет карточных игр, и беспощадная борьба Павла I со взяточничеством в бюрократическом аппарате и армии. По словам одного из критиков реформ Павла I, «...государю мало пользы, что он взяточников карает, а убыток тот, что он теряет умных людей, ибо кто умеет брать, тот умеет работать».

Кардинальное изменение Павлом I внешнеполитического курса России с ориентацией на Францию и разрыв с Англией усилил оппозиционные тенденции среди проанглийски настроенных вельмож и аристократов в окружении царя.

В данных условиях идейным вдохновителям заговора против Павла I не составило особого труда для вербовки в свои ряды заговорщиков из числа аристократии и гвардейского офицерства. Не обошлось и без участия «коварного туманного Альбиона». Английский посол постоянно контактировал с главным организатором заговора П.А. Паленом (см. соотв. ст.), от имени своего правительства оказывал ему финансовую и моральную поддержку.

Кроме П.А. Палена за организацию группы заговорщиков и реализацию плана по свержению Павла I и его физи-

ческому устранению охотно взялись также князь П.А. Зубов и граф Л.Л. Бенигсен (см. соотв. ст.).

Другими наиболее заметными фигурами среди участников переворота были:

— Н.А. Зубов, шеф Сумского гусарского полка, брат П.А. Зубова;

— П.А. Талызин, генерал-лейтенант, командир Преображенского полка;

— П.А. Уваров, генерал-лейтенант, шеф кавалергардского корпуса;

— А.В. Аргамаков, 1-й поручик, адъютант Преображенского полка;

— Л.И. Депрерадович, генерал-майор, командир Семеновского полка;

— Н.М. Бороздин, полковник лейб-гусарского полка;

— П.П. Долгоруков, князь;

— В.М. Яшвиль, князь, гвардейский полковник;

— А.И. Талызин, капитан Измайловского полка;

— С.Н. Марин, поручик Преображенского полка;

— И.М. Татаринов, полковник артиллерии;

— Е.С. Гарданов, корнет кавалергардского полка;

— Н.И. Талызин, гвардейский полковник;

— Я.Ф. Скарятин, гвардейский штабс-капитан.

Сцена убийства Павла I, по многим свидетельствам, выглядела следующим образом.

Ночью в спальню императора ворвалась, выломав дверь, группа офицеров. Ему было объявлено о его свержении с престола. Заговорщики требуют от императора подписания акта об отречении. Возмущенный Павел I наносит удар по лицу П.А. Зубову, взявшему на себя оглашение этого акта. После этого брат Зубова Николай ударил императора в висок золотой табакеркой, которую держал в руке. Павел I выдержал этот удар и обнажил шпагу для защиты, но на него с разных сторон налетели Яшвиль, Татаринов, Гар-

данов и Скарятин, вырвали у него шпагу, повалили на пол, начали жестоко избивать, шпажным эфесом проломили ему голову, набросили на шею шарф и задушили (последний эпизод дал повод известной швейцарской писательнице де Сталь, характеризуя режим царской власти, заметить: «Самодержавие в России — это самовластие, ограниченное удавкой»).

Некоторые части гвардии после объявления о смерти Павла I отказались присягать новому императору Александру. По их требованию, представители солдат во главе с унтер-офицером Григорием Ивановым были допущены к телу покойного Павла. На вопрос офицера, убедился ли Григорий Иванов в смерти Павла, тот, заметив на лице покойного следы насилия, ответил: «Он крепко умер». На следующий вопрос, будет ли он присягать теперь новому императору, Иванов ответил буквально следующее: «Буду, хоть он и не лучше, но кто не поп, тот и батька».

Лентяев Илья Михайлович, 1867 г. рождения.

Проживал в Петербурге. Одно время служил писарем 76-го резервного пехотного кадрового батальона. Был переведен на ту же должность в Комендантское управление Санкт-Петербургской крепости, а затем — в Министерство земледелия и государственных имуществ.

Попал в поле зрения резидента австрийской разведки М.Н. Парунова (см. соотв. ст.) и был им завербован. Л. дал согласие передавать ему секретные сведения военного характера и, в частности, мобилизационные планы и штатные списки столичного гарнизона, однако потребовал деньги вперед, а после того как П. отказал ему, отношения с ним прервал.

Связь с Л. в 1896 г. восстановила дочь Парунова Мария (см. соотв. статью настоящего издания). С ее помощью Л. удалось добыть и передать австрийской разведке «под-

робное расписание войск за 1896 г. и доклад военного министра за тот же год. Эти документы были высоко оценены в Вене.

Вскоре Парунова и Л. предприняли попытку завербовать писаря Главного интендантского управления Остроумова, который доложил об этом в контрразведку.

После активной разработки Л. вся группа Парунова была в мае 1987 г. арестована.

Л. был приговорен к 8 месяцам тюремного заключения. Дальнейшая его судьба не выяснена.

Леонтьев Николай Матвеевич (1874—?), поручик 4-го Варшавского крепостного пехотного полка.

Летом 1902 г. Л. заведовал офицерской столовой при лагерных сборах и растратил 400 рублей. Чтобы погасить недостачу, он влез в долги. Вскоре командование части перевело Л. в Отчетное отделение штаба под начало адъютанта штаба, подполковника Монкевича. Л. получил по роду службы доступ к секретным штабным бумагам, в том числе к материалам по русской разведывательной агентуре за границей. У Л. возникла мысль продать эти сведения противнику и таким образом погасить долги. Вскоре он познакомился с варшавским дворянином Ромуальдом Кастановичем Венцковским (1854—?). Л. рассказал ему о возможности заработать деньги на продаже секретов. Венцковский «вошел в дело». Оставалось придумать способ установления негласного контакта с иностранной разведкой.

Л. предложил обратиться к австрийскому консулу, но у Венцковского созрел другой план. Он послал в Вену письмо на имя начальника почтовой конторы, а в него вложил второй конверт, адресованный начальнику Главного штаба австрийских войск. В этом послании формулировались предложения о продаже секретных материалов. Л. и Венц-

ковский просили дать ответ на имя некоей Анны Эк в Баден до востребования, и одновременно — послать такой же ответ в Вену на имя офицера австрийского Генерального штаба, фамилию которого они вычитали в газете. За свои услуги они запросили 12 тысяч рублей. Если их предложение принималось, в газете «Ежедневный курьер» должно было появиться объявление о том, что «имеется 12 000 рублей на ипотеку дома в Люблине».

Получив в апреле 1903 г. такое подтверждение, Венцовский выехал в Вену и передал часть собранных Л. данных. В Австрии он встречался с разведчиками полковником Хордличкой, капитанами Дзиковским и Редлем. Они снабдили поляка фальшивыми паспортами на имя Ивана Крола и Роха Вольского, по которым он впоследствии ездил за границу и передавал материалы.

Основной задачей Л. и Венцовского был сбор сведений о русских разведчиках на территории Австрии. Они выдали секретные данные об агенте Штейнберге (агентурная кличка Марс), а также сообщили сведения об австрийском дезертире-сапере, завербованном русской разведкой и передавшем ей схему укреплений г. Перемышля. Однако вскоре выяснилось, что Штейнберг сбежал за границу под именем Чекайло. Л. выдал еще одного агента, Кульматицкого, выкрыв из штаба его карточку, но обнаружилось, что он тоже скрылся из Австрии в неизвестном направлении. Эти факты исчезновения русской агентуры, видимо, не случайны, т.к. капитан австрийской разведки Редль уже являлся в это время агентом русской разведки и мог заблаговременно сообщить ей об угрозе разоблачения этих агентов.

Из-за опасения, что переданные им сведения не соответствуют запрашиваемым «гонорарам», Л. начал выдумывать имена агентов, сочинять их фальшивые донесения, переправляя эти материалы за границу. Фамилии персонажей

своих донесений он брал из списков армейских дезертиров.

Поручения о копировании секретных штабных документов Л. исполнял с некоторой выдумкой: описание системы обороны Бреста он списал с общеизвестного плана 1884 г., приукрасив его собственной фантазией, потом отпечатал на машинке и сфотографировал аппаратом новейшей конструкции, специально переданным ему австрийцами. Эту фотокопию Венцковский переправил своим иностранным руководителям, заверяя, что перед ними — добытые с риском для жизни совершенно секретные материалы. Л. сам составлял описание штабных карт, выдавая их за последнее достижение русской военной топографии. Однако все эти документы вызвали подозрение у австрийцев, о чем они прямо заявили своим агентам. Вследствие этого Л. впал в депрессию и хотел «выйти из игры», но Венцковский вернулся из Вены с деньгами, и этот аргумент пересилил страхи поручика. Он ограничился тем, что составил завещание (половину имущества оставлял матери, а половину — своей сожительнице девице Юлии Уттке). Тем не менее Л. попытался оставить военную службу и перейти в судебные приставы в окружной суд, но его попытка окончилась неудачей.

Тем временем русской контрразведкой была обнаружена утечка информации. Стали выявлять лиц, имевших к ней доступ, и вскоре вышли на поручика Л., жившего явно не по средствам. В ходе проверки обнаружилась его подозрительная связь с Венцковским, часто ездившим без видимой причины за границу. Вскоре они были арестованы. При обыске у них изъяли фотоаппарат, копии донесений и другие документы, полностью изобличающие их шпионскую деятельность. 13 октября 1904 г. Л. был приговорен к смертной казни, которую, однако, заменили бессрочной каторгой. Венцковский получил четыре года каторжных работ.

Лесневская Аглая Николаевна, 1878 г. рождения, жена офицера царской армии.

Происходила из дворянской семьи. Ее муж погиб на фронтах Первой мировой войны. После революции 1917 г. оказалась в Москве с сыном и дочерью.

Была вовлечена резидентом американской разведки Ксенофонтом Д. Каламатиано в подрывную работу против советской власти. Являлась агентом-связником, предоставила американцу квартиру для конспиративных встреч. Состояла с ним в интимной связи.

После провала и ареста была задержана ВЧК, но вскоре освобождена. К уголовной ответственности не привлекалась за «малозначительностью» содеянного.

Работала в швейных мастерских Малого театра. Вышла замуж за бывшего сослуживца мужа, ставшего генералом Красной армии.

В 1938 г. после ареста второго мужа отправлена в лагерь для членов семей репрессированных, где после двух лет заключения умерла.

Лесневский Петр Григорьевич, 1899 г. рождения, юнкер царской армии.

Сын А.Н. Лесневской (см. соотв. ст.). Отец — офицер русской армии, погибший в Первую мировую войну. До революции обучался в юнкерском училище, однако из-за событий октября 1917 г. обучение прекратил.

Скрыл свою принадлежность к юнкерскому корпусу, через дядю, профессора Московского университета, достал справку о том, что до революции был студентом. Это позволило ему устроиться вестовым в Управление военного контроля при полевом штабе Реввоенсовета (военная разведка и контрразведка).

В начале 1918 г. был завербован резидентом американской разведки К.Д. Каламатиано как агент-связник.

В августе того же года арестован ВЧК вместе со всей агентурной сетью американца.

Приговорен судом к 3 годам лишения свободы, однако вскоре умер в тюрьме от воспаления легких.

Лесток Иоганн-Герман (Жан-Арман, в крещении Иван Иванович) (1692—1767).

Происходит из рода дворян-гугенотов, преследовавшихся во Франции и эмигрировавших в XVI в. в немецкие земли. Родился в Ганновере. Получил медицинское образование.

В 1713 г. переехал в Россию как лекарь. Становится русским подданным. За пьянство и разврат был сослан Петром I в Казань.

В 1725 г. Екатерина I возвратила его в Петербург, где Л. был назначен лейб-хирургом цесаревны Елизаветы Петровны.

Активно участвовал в придворных интригах. Являлся доверенным лицом французского посла Шетарди, который всячески вмешивался во внутренние дела России. Л. и Шетарди становятся вдохновителями и организаторами дворцового переворота 1741 г., в результате которого был свергнут с престола и заточен малолетний император Иоанн VI Антонович (убит в Шлиссельбургской крепости при попытке его освобождения). Его мать Анна Леопольдовна, провозглашенная правительницей при Иоанне VI, была отправлена в ссылку.

В 1741 г. Л. становится действительным тайным советником, президентом Медицинской канцелярии, а в 1744 г. — графом. Продолжал активно вмешиваться в государственные дела, возглавлял при дворе Елизаветы Петровны профранцузскую партию. Боролся с канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым.

В 1748 г. в результате интриг был арестован, обвинен в измене и сослан в Углич, а затем — в Устюг. Освобожден Петром III в 1762 г. От политики отошел.

Лжедмитрий I (Отрепьев Юрий Богданович, он же — Отрепьев Григорий, он же — Гришка-вор) (уб. в 1606), дворянин, первый самозванец в эпоху Смуты.

Л. родился в небогатой дворянской семье на рубеже 70—80-х годов XVI в. Его предки выехали из Литвы на службу в Москву. Отец Л., Богдан Отрепьев, достигнув совершеннолетия, получил вместе со старшим братом поместье, служил в стрелецких войсках, дослужился до сотника.

Л. рано осиротел. Его воспитанием занималась мать, она научила его читать божественное писание, «часовник и псалмы Давидовы». Вскоре его посылают в Москву для продолжения учения. Л. быстро усвоил грамоту, у него обнаружился каллиграфический почерк, что чрезвычайно ценилось у приказных. Поступил на службу к боярину М.Н. Романову. После того как Романовы попали в опалу, Л., чтобы избежать преследований, постригся в монахи, оказался в Чудовом монастыре. Попал в поле зрения патриарха Иова, который взял его на свой двор «для книжного письма», а также «сотворяти каноны святым».

По одной из версий, в начале 1602 г. Л. был уличен в еретичестве и, спасаясь от суда, бежал из монастыря. Весной 1602 г. он оказывается в Киево-Печерском монастыре, где «признался» игумену, что он сын Ивана Грозного, царевич Дмитрий, чудом спасшийся в Угличе от убийц, посланных Годуновым. После этого признания Л. был изгнан из монастыря и через Острог добрался до Гощи, где сблизился с сектой ариан, почитавшихся на Руси злейшими еретиками. Одновременно прислуживал на кухне у пана Хойского. Настойчиво продолжал распространять слухи о своей принадлежности к Рюриковичам, впервые вызвал к себе интерес у иезуитов и некоторых представителей польской аристократии.

Сбросив монашеское одеяние, Л. посещает Запорожскую Сечь, где был восторженно принят казаками. Вскоре

Л. понимает, что с репутацией еретика у него нет шансов на русский трон. Он решил искать покровительства у известного магната Адама Вишневецкого, ревностного сторонника православия в Речи Посполитой. Польский аристократ признал «царевича», хотя рассказанные им легенды его не убедили. Дело в том, что у Вишневецкого были давние споры с русскими властями из-за пограничных земель. Приблизив самозванца, он получал возможность оказывать давление на московское правительство и потребовать уступок. Пан Адам начал оказывать «московскому беглецу» полагавшиеся его чину почести. Поддержка такого влиятельного лица, как Вишневецкий, оказало Л. неоценимую услугу. Авантюра Л. получила новое развитие.

Л. с помощью А. Вишневецкого начал формировать военные отряды. Неожиданно они получили поддержку короля Сигизмунда III, который, несмотря на заключенный в 1600 г. мир с московским правительством, тайно вынашивал планы возобновления войны. Его воинственные намерения разделяли сенаторы и влиятельные католические круги. Они хорошо понимали, что появление Л. может послужить причиной внутренних неурядиц в Русском государстве, значительно ослабить его в политическом и военном отношении.

Вскоре Л. перебирается в Самбор, принадлежащий Ю. Мнишеку. Тот помог ему заручиться поддержкой литовского канцлера Л. Сапеги.

В марте 1604 г. Л. был принят польским королем, который обещал поддержку самозванцу в его претензиях на русский престол при следующих условиях: обращение Московии в католичество, вступление Руси в войну со Швецией в союзе с Польшей, а также территориальные уступки Польше исконных русских земель (Чернигово-Северская область с шестью крупными городами). Эти «кондиции» были письменно зафиксированы и подписаны Л.

Кроме этого, Л. дал Ю. Мнишеку обязательство, по которому в случае его восшествия на русский престол он повенчается с его дочерью Мариной и передаст в ее владение Новгородские и Псковские земли. Самому будущему тестю должны были перейти также Смоленские земли.

Выполнение этих обязательств неизбежно привело бы к расчленению России, но это мало заботило такого азартного игрока, как Л. Он думал только о власти.

Несмотря на первые неудачи, войска Л. усиливались за счет притока крестьян, горожан, казаков. Начали перебегать к самозванцу и родовитые люди: дворяне, сыны боярские и даже бояре. Многие представители аристократии понимали, с кем имеют дело, однако видели в авантюре Л. уникальную возможность сделать карьеру, продвинуться по социальной лестнице или обогатиться за счет грабежей и пожалований.

К Л. переходили целые города и земли. Пропаганда самозванца имела большой успех, несмотря на ряд серьезных поражений его войск от царских воевод. Переломным моментом в военном отношении стал переход на сторону Л. воевод П.Ф. Басманова, И.А. Татёва и П.М. Шаховского (см. соотв. ст.).

В октябре 1604 г. Л., незадолго до этого принявший католичество, во главе отрядов, составленных из поляков и немцев, а также русских перебежчиков, вторгся на территорию Московии. Одна польская поддержка вряд ли обеспечила бы Л. успех.

По образному замечанию В.О. Ключевского, самозванец «был только испечен в польской печи, а заквашен в Москве». К середине 1604 г. авторитет царя Бориса и его правительства значительно ослаб. Массовое сознание никак не могло примириться с фактом избрания на престол шурина умершего царя Федора Ивановича, поскольку он не принадлежал роду Рюриковичей. Ностальгия по идее

наследования престола только представителем царской семьи по нисходящей линии развивалась на фоне социального недовольства в низах русского общества и брожения в верхах, не смирившихся с возвышением «худородных» Годуновых. Попытки царя Бориса облегчить положение простого народа в условиях обрушившегося на страну голода как бы не брались во внимание. Все беды рассматривались как наказание за грехи «безбожного» царя.

Еще до объявления самозванцем претензий на трон, по Москве и в провинциях начали распространяться слухи о том, что царевич Дмитрий не был убит, а чудом спасся. Идея самозванства буквально витала в воздухе.

После захвата Путивля, главного торгового центра Северской земли, стратегическая инициатива перешла к войскам Л., который вскоре получил помощь со стороны польских отрядов, сформированных Ю. Мнишек.

После смерти царя Бориса в апреле 1605 г. события начали развиваться стремительно. Эмиссарам самозванца удалось поднять в Москве восстание против сына умершего царя Федора, который вместе с сестрой Марией был убит наемными убийцами. Другая дочь Годунова царевна Ксения, была арестована. В Кромах царская армия присягнула самозванцу, который вскоре торжественно вступил в Москву.

Л. был венчан на царство и, наконец, занял столь желанный трон в Кремле. После расправы с врагами, начались будни управления страной. Самозванец отдавал себе отчет в том, что должен выполнять «кондиции», которые поставили перед ним польский король и Ю. Мнишек.

Однако реальная обстановка в стране и вечный страх перед разоблачением мешали ему решить эти задачи. Он смог выполнить до конца только одно условие — венчание с Мариной Мнишек, которая по настоянию бояр и духовенства приняла православие.

В реализации других планов самозванец встретил противодействие как верхов, так и низов русского общества. Он не смог распространить католичество: любое святотатство и оскорбление религиозных традиций вызывало открытое сопротивление. Окружение Л., состоящее в основном из поляков и немцев, вызывало ненависть у москвичей. Обесчестив Ксению Годунову, Л. в компании с П.Ф. Басмановым предавался разврату. Подвергнутые насилию молодые москвички затем пропадали в подвалах его дворца. Русские были весьма недовольны вывозом из Кремля в Польшу большого количества денег и драгоценностей.

Возмущение вызвала также попытка Л. перезахоронить останки царевича Дмитрия, погребенного в Угличе. Этому воспротивилась прежде всего инокиня Марфа (в миру — Мария Нагая, мать Дмитрия), которая еще недавно под угрозой расправы публично признала в Л. своего сына. Самозванец был вынужден уступить, но это лишь подтвердило слухи о том, что он «не царь, а вор». Несмотря на популярные в народе меры по ликвидации в столице голода и облегчению положение низов, его авторитет резко упал, а покровительствуемая им польская экспансия вызывала настоящую ненависть.

Общие настроения вскоре обрели воплощение. Несколько чудовских монахов намеревались убить Л., но были разоблачены и казнены.

К тому времени окончательно испортились отношения самозванца с польским королем, который был крайне недоволен медлительностью исполнения «кондиций». Дело доходило до взаимных угроз.

Поэтому Сигизмунд III весьма благосклонно принял тайное посольство группы московских бояр, возглавляемых В.И. Шуйским, составивших заговор с целью свержения Л. с престола. Заговорщики не остановились даже перед тем, чтобы пообещать русский трон самому Сигизмунду III. Пос-

ледний фактически санкционировал низложение Л. и его физическое устранение.

В мае 1606 г. заговорщики при поддержке части горожан организовали нападение на дворец Л. Самозванец пытался сопротивляться, но был убит. Его труп был брошен на поругание на Лобное место. Вместе с ним погиб его фаворит П.Ф. Басманов, а также многие поляки из числа его окружения.

Лжедмитрий II (он же — Тушинский вор) (уб. в 1610), самозванец эпохи Смуты.

Происхождение Л. не установлено. Он объявился на территории Польши в 1607 г. Идея второго самозванства ему не принадлежит, а впервые исходит от приближенного Лжедмитрия I дворянина М.А. Молчанова (см. соотв. ст.), который после убийства первого самозванца бежал в Польшу, выдавая себя за спасшегося от мятежников «царя Дмитрия».

Обосновавшись в Самборе у польского магната Ю. Мнишека, М.А. Молчанов отказался от роли самозванца, но от его имени направил в Московию И.И. Болотникова (см. соотв. ст.), который сумел поднять против московских властей казаков, крестьян и часть горожан и одержать ряд побед над царскими войсками.

В июле 1607 г. Л. выступил из Стародуба во главе сформированных в Польше отрядов, взял Брянск, а затем овладел Тулой.

В мае 1608 г. войска второго самозванца, усилившиеся за счет перебежавших к нему казаков, разбили правительственную армию под командованием воеводы Д.И. Шуйского. В июне 1608 г. Л. подступил к Москве и осадил ее. Разбил свой лагерь в Тушине (отсюда прозвище — Тушинский вор). Сформировал органы управления по типу московских. Принял в лагере Марину Мнишек (впоследствии у них родился сын).

Политическая и военная обстановка резко изменилась в сентябре 1609 г., когда польские войска во главе с королем Сигизмундом III вторглись в пределы России. Король серьезно претендовал на русский престол, и Л. стал для него серьезной помехой.

Тушинская армия буквально на глазах развалилась, и Л. был вынужден бежать в Калугу. Сформировал здесь новые отряды и уже в июле вновь подступил к Москве. В августе опять бежал в Калугу, где был убит восставшими против него горожанами.

Лжедмитрий III (он же — Матюшка-раздьякон, он же — Сидорка, он же — Псковский вор) (уб. в 1612), самозванец времен Смуты.

Настоящее имя и происхождение Л. неизвестно.

После смерти Лжедмитрия II бежал из Москвы в Новгород, где объявил себя «царем Дмитрием», избежавшим смерти в Калуге. Вокруг него собралось несколько сот «негодяев и мошенников», которым удалось склонить на свою сторону жителей Гдова, Ям, Копорья, Ивангорода, присягнувших новоявленному самозванцу. В Ивангороде Л. удалось собрать значительные военные силы, после чего он обратился к шведскому королю за помощью. Однако шведы не захотели повторить ошибок поляков и решили самостоятельно осуществить захват русских земель.

В июне 1611 г. Л. во главе своего войска выступил на Псков, куда двигались также шведские войска. У Гдова между ними произошло столкновение, в результате которого Л. потерпел поражение и бежал в Ивангород. Вскоре, однако, он был призван псковичами, полагавшими, что самозванец сможет защитить их от интервентов. Весть о том, что Л. присягнул Пскову, дошла до Москвы, где несколько воевод заявили о своей поддержке третьего самозванца.

Однако в 1612 г. в Псков прибыл посланник второго ополчения с наказом арестовать Л. Тот пытался скрыться, но был схвачен и доставлен в Москву.

После избрания на престол Михаила Романова Л. был повешен.

Лжепетр (он же — Илейка Муромец) (уб. в 1608), самозванец эпохи Смуты.

Настоящее имя — Илья Иванов, являлся побочным сыном жителя Муромы Ильи Коровина. Служил в лавке нижегородского купца, потом ушел в казаки. Был принят в стрельцы, участвовал в походе на Кавказ. Оказавшись без средств после неудачного похода, был вынужден поступить в холопы к дворянину В. Елагину. От него бежал в Астрахань, где «его взяли казаки донские и волжские».

Зиму 1605/06 г. Л. провел на Тереке. Здесь на него обращает внимание атаман Федор Бодырин, недовольный политикой Лжедмитрия I. У казаков созрел план выдвинуть из своих рядов своего царя. По их мнению, эту роль мог сыграть Л., который был провозглашен царевичем Петром, сыном умершего царя Федора Ивановича.

Снарядив струги, атаман Ф. Бодырин с «царевичем» прошли по Тереку, достигли устья Волги и двинулись в Царицын. По дороге казачьи войска быстро пополнялись «черным народом». Мятежники заняли три небольших волжских города, где захватили пушки. По дороге промышляли грабежами и разбоем.

Л. отправил гонцов в Москву к «своему дяде» Лжедмитрию I. Его послание носило дружественный характер. Не желая ссориться с «племянником», первый самозванец признал Л. как царевича и пригласил в Москву.

Их встреча не состоялась из-за переворота в столице и свержения Лжедмитрия I.

После этого Л. решает вместе с казаками двинуться на помощь И.И. Болотникову (см. соотв. ст.), осажденному в Туле.

После падения Тулы был пленен царскими войсками. Доставлен в оковах в Москву, где вскоре был повешен.

«Литовские изменники 1620 г.» — группа лиц, оставшихся на службе у короля Речи Посполитой при обмене пленными.

В основном — мелкие служилые люди и представители городских низов. «Роспись русским пленникам» в числе тех, кто «к Москве ехать не захотели», называет Семена Костина, Ивана Семенова, Петра Давыдова, Ивана Филенова, сапожника Федьку, Фильку-горшечника, подьячего Богдана Гараинова, его брата Савелия. Все они были наделены землями под Смоленском и Белой, отошедшими к Польше по Деулинскому договору 1618 г.

Кроме того, «Литовская метрика» содержит в числе документов о земельных пожалованиях и льготах (привилегиях) грамоты, выданные в 1620—1621 гг. королевичем Владиславом русским перебежчикам, оставшимся после Смуты на службе у Речи Посполитой. В числе тех, кто «крест целовал Владиславу», упоминаются: дети боярские Потап Васильевич, Тимофей и Семен Ингилдеевы, Иван Лыкашин, Федор Потемкинов, Данила Михайлович Хрипунов, Петр Иванович, Федор Михайлович и Иван Михайлович Салтыковы, Лаврентий Андреевич Корсаков.

Изменники получали земли под Смоленском, Почапом, Дорогобужем. В документах указывается, что имения им даются взамен утраченных на Москве. В привилегиях особо подчеркивалось, что имущество, доходы, почести даруются за заслуги в противостоянии России в годы Смуты.

Логинов Юрий Николаевич, 1930 г. рождения, бывш. офицер КГБ СССР, разведчик-нелегал.

Сын партийного работника. Детство провел в Курске и Тамбове. Во время войны семья Л. переехала в Москву. Уже в средней школе у Л. обнаружились способности к иностранным языкам. В 20 лет он был принят на работу в КГБ, прошел подготовку в спецшколе разведчиков-нелегалов.

Во второй половине 50-х г. под видом иностранца работал в Хельсинки, Париже, Брюсселе, Вене, Бонне, Бейруте, Каире. Быстро ассимилировался и «сжился» с западным образом жизни.

В мае 1961 г., находясь в Хельсинки, обратился в резидентуру ЦРУ с предложением о сотрудничестве. Рассказал американцам о том, как его готовили в СССР к нелегальной работе, передал документы, позволившие ему «легализоваться», сообщил сведения о характере полученного задания. Выдал ЦРУ ряд известных ему кадровых сотрудников советской разведки, в том числе нелегалов.

Осенью 1962 г. в Париже на очередной встрече с американцами передал им шифры, с помощью которых поддерживал связь с Центром.

Пал жертвой шпиономании, распространившейся в ЦРУ в результате бегства за рубеж советского разведчика А.М. Голицына (см. соотв. ст.), подчинившего своему влиянию одного из руководителей ЦРУ Д. Энглтона. Последний пришел к выводу о наличии в рядах ЦРУ советского шпиона. С этого момента все перебежчики из СССР за исключением А.М. Голицына, воспринимались как шпионы КГБ, пытающегося путем дезинформации отвлечь ЦРУ от своего агента.

Д. Энглтон сумел убедить в своей правоте целый ряд постоянно меняющихся директоров ЦРУ. По его настоянию в 1965 г. было ревизовано досье Л., при этом американцы пришли к выводу, что от него ценной информации практически не поступило. На этом основании был сделан категорический вывод, что Л. — агент-двойник и работает под контролем Москвы.

В 1967 г. Л. сообщил американцам, что получил задание от КГБ переехать в США транзитом через ЮАР.

По указанию руководства ЦРУ резидентура в Иоганнесбурге сообщила местной контрразведке о пребывании на их территории советского шпиона, сообщив его фамилию. Выданный американцами, Л. был вскоре арестован и подвергнут в местной контрразведке допросу. Л. признал свою принадлежность к советской разведке. Однако американцы пошли еще дальше. По их рекомендации Л. был выдан советским властям.

В СССР Л. предстал перед судом, по приговору которого был расстрелян как предатель.

Ломов Александр Николаевич, 1953 г. рождения, урож. г. Москвы, бывш. капитан органов госбезопасности СССР.

В 1980 г. окончил Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при Московском государственном университете. Свободно владел английским, арабским языками и ивритом.

В ИСАА познакомился со своей будущей женой А.А. Ломовой (см. соотв. ст.). Вскоре оба были приняты на работу в 1-е Главное управление КГБ СССР (разведка).

В 1986 г. они были направлены на работу в Израиль, куда выехали с малолетней дочерью. Склонная к стяжательству, привыкшая жить, не считаясь с реальными доходами семьи, А.А. Ломова летом 1986 г. установила контакт с израильскими и американскими спецслужбами, за материальное вознаграждение передала им ряд секретных материалов. В августе 1988 г. она, забрав дочь, бежала и была переправлена в США.

Узнав о бегстве жены, Л. решил последовать ее примеру. Ему удалось установить контакт с американцами и тайно от советских представителей выехать в США. Здесь он выдал спецслужбам совершенно секретные сведения о деятельности советской разведки и ее агентуры.

На встречах с советскими дипломатами в Вашингтоне и в беседах с отцом Л. подтвердил желание жить в США в условиях «демократии и свободы».

Однако семейная жизнь у Л. за границей не сложилась. Супруги начали злоупотреблять спиртными напитками и на почве постоянно возникавших разногласий начали оформлять развод.

Дальнейшая их судьба не выяснена.

Ломова Анна Алексеевна, 1956 г. рождения, уроженка г. Хаапсалу Эстонской ССР, бывш. служащая КГБ СССР (см. ст. Ломов А.Н.).

Лонкин Николай Павлович, 1911 г. рождения, урож. села Страхово Ивановского р-на Тульской области.

Бывший военнослужащий советских пограничных войск. Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам и был завербован гитлеровской разведкой, получил агентурную кличку Лебедев. Окончил разведшколу в Варшаве, затем преподавал в Борисовской разведывательной школе при Абверкоманде 103 (см. прим. № 5).

Его послевоенная судьба не выяснена.

Лопухин Алексей Александрович, 1864 г. рождения, эстляндский губернатор, товарищ прокурора, директор департамента полиции (1902—1905).

Время пребывания Л. на посту руководителя российского политического сыска совпало с одним из самых активных этапов террористической деятельности боевой организации социал-революционеров (т.н. эсеров). По роду работы Л. имел доступ к совершенно секретной информации департамента полиции, в том числе о персональном составе его агентурного аппарата.

К этому времени российскому политическому сыску удалось завербовать ряд активных террористов из числа эсеров, в том числе руководителя их боевой организации Е. Азефа, благодаря чему основные террористические акции эсеров либо предотвращались, либо своевременно пресекались.

Л. был профессиональным юристом, однако его представления о сыскной работе отличались легковесностью. Многие оперативные мероприятия руководимого им департамента полиции Л. запретил как «провокации». Так, он не мог понять, почему ряд осведомителей полиции время от времени выходят из-под контроля своего «куратора» и участвуют в террористических акциях без их ведома (явление, совершенно обычное для этой категории агентуры).

Некомпетентность Л. привела к конфликту с оперативным составом департамента полиции. В 1905 г. он был отправлен в отставку.

В 1908 г. с Л. установил негласный контакт редактор газеты «Былое», эсер В. Бурцев, который, занимаясь выявлением «provokatorov» в среде социал-революционеров, давно подозревал Азефа в связи с политическим сыском. В частной беседе с Бурцевым Л. назвал Азефа как полицейского осведомителя. По одной из версий, в 1908 г., находясь в Париже, Лопухин якобы получил сообщение, что его дочь похищена в Лондоне. По дороге в Лондон к нему в купе подсел Бурцев и предложил в обмен на освобождение дочери выдать полицейского агента, находящегося в руководстве эсеровской партии. Лопухин назвал имя Азефа, после чего на следующий день его дочь явилась домой целая и невредимая. Данная версия маловероятна и противоречит другим обширным материалам данного дела.

В результате огласки через Бурцева этого факта, Азеф был вынужден бежать из России, а департамент полиции лишился одного из самых ценных своих осведомителей в среде террористов. В т.н. прогрессивной прессе в России и

за рубежом «дело Азефа» стало предметом различного рода инсинуаций, что нанесло большой урон авторитету российских властей.

С другой стороны, партии эсеров был нанесен такой моральный удар, от которого она уже оправиться не могла. Как следствие этого — значительное снижение уровня проводимой ею террористической деятельности.

За огласку государственной тайны Л. был арестован и предан суду. Особым присутствием сената был приговорен к 5 годам каторжных работ, которые были затем заменены ссылкой в Сибирь. По царскому указу от 4 декабря 1912 г. Л. был помилован и восстановлен в правах.

Служил в Москве вице-директором Сибирского торгового банка, затем уехал за границу.

Умер в СССР, по одним источникам, в 1926 г., по другим — в 1928 г.

Лосев Владимир Владимирович, 1882 г. рождения, штабс-капитан 1-го Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона.

В 1906 г. был прикомандирован к разведотделу Туркестанского военного округа. В этой должности зарекомендовал себя блестящим работником, владел афганским и персидскими языками, создал разветвленную агентурную сеть. Фактически курировал всю разведку по Афганистану и Индии, часто посещал эти страны с различными миссиями.

Командующий войсками округа генерал Н.И. Гродеков ходатайствовал перед военным министром о зачислении Л. в офицеры Генерального штаба за особые заслуги в обход существующего порядка.

З 1912 г. вместо Л. на должность руководителя восточного направления разведки Туркестанского военного округа был назначен капитан Генерального штаба Я.Г. Багратуни. Л. оказался в его подчинении. Во время приема дел своего пред-

шественника Багратуни обнаружил многочисленные свидетельства мошеннической деятельности Л. Были получены, в частности, сведения, что он вымогал деньги у бухарского кушбека Астакул-Бия за восстановление того в правах, снимал копии документов 4-го отделения Штаба округа и продавал их разным лицам, за деньги освобождал из тюрьмы афганцев, в том числе и подозревавшихся в шпионаже. Также была установлена его связь с Абду-Наби-Ханом — главным резидентом афганской разведки в Бухаре и Туркестане.

29 марта 1913 г. Л. арестовали. Он признал свою вину в присвоении казенных средств, финансовых аферах и махинациях, но отрицал причастность к шпионажу против России, утверждая, что имел только «коммерческий интерес». Как отметил в рапорте об аресте бывшего разведчика руководитель контрразведки округа ротмистр А. Зозулевский, «материал, уличающий Л. в мошенничестве, — убийственный. По шпионажу — косвенные улики».

Туркестанский военный окружной суд не смог доказать обвинения в шпионаже и осудил Л. за воровство и мошенничество, однако вскоре он был помилован императором Николаем II, но из армии уволен. За ним велось постоянное наружное наблюдение. Л. уехал в Санкт-Петербург, его дальнейшая судьба неясна.

Лотохин Семен (нач. XVII в.), дьяк, помощник псковского воеводы.

В 1617 г. был завербован шведской разведкой. Передавал ей информацию о пограничных районах России, состоянии ее вооруженных сил, мероприятиях в области внешней и внутренней политики. Был разоблачен, его дальнейшая судьба не выяснена.

Лукомский Александр Сергеевич, 1868 г. рождения, генерал-лейтенант царской армии.

Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, а затем — Павловское военное училище, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. С 1898 по 1907 г. проходил службу в Киевском военном округе.

В 1907 г. произведен в полковники и назначен начальником штаба пехотной дивизии. В 1909 г. — исполняющий должность начальника мобилизационного отдела Главного штаба. В 1910 г. произведен в генерал-майоры и назначен начальником мобилизационного отдела Главного управления Генштаба.

В 1914 г. подготовил и провел общую мобилизацию, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени на Георгиевской ленте.

С 1915 г. является помощником военного министра, в апреле 1916 г. ему присваивают звание генерал-лейтенанта, после чего назначают командиром пехотной дивизии на Юго-Западном фронте. В конце того же года Л. был назначен генерал-квартирмейстером Ставки и заместителем председателя Особого совещания по обороне государства.

В ходе войны Л. тайно сблизился с лидерами «прогрессивного блока» и вступил в т.н. Военную ложу (масонская организация, являющаяся филиалом ложи «Великий Восток»), где примкнул к заговору против Николая II и императрицы как возможных инициаторов сепаратного мира с Германией. В зависимости от развития событий участники заговора не исключали убийство Николая II и заточение его супруги в монастырь. В начале марта 1917 г. совместно с генералами М.В. Алексеевым и Н.В. Рузским Л. оказывал давление на царя с целью добиться от него отречения, а также предпринял меры по недопущению верных престолу войск в Петроград для «наведения порядка».

После прихода к власти Временного правительства Л. был назначен начальником штаба Верховного Главноко-

мандующего при генерале Корнилове. Участвовал в т.н. корниловском мятеже, за что был арестован Временным правительством. После бегства из тюрьмы перебрался на Дон, где принял активное участие в создании Добровольческой армии, в рядах которой воевал до разгрома Белого движения. Занимал ряд ключевых руководящих постов в армиях А.И. Деникина и П.Н. Врангеля.

С 1920 г. находился в эмиграции. Проживал в г. Ницца (Франция), состоял при Великом князе Николае Николаевиче, выполнял при нем роль советника. Активно участвовал в деятельности РОВС (Российский общевойсковой союз).

Умер в Париже в 1939 г.

Лунев Станислав Александрович, 1942 г. рождения, бывш. офицер Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба.

В 1992 г., работая в Вашингтоне под прикрытием в должности корреспондента ИТАР-ТАСС, встал на путь предательства. Выдал американцам сведения секретного характера. Выступал в американской печати с разоблачениями шпионской деятельности ГРУ за рубежом.

Львов Николай Владимирович (он же — Корзухин Николай), 1902 г. рождения.

Сын богатейшего самарского помещика, бывшего депутата III Государственной думы, члена Временного правительства, обер-прокурора Святейшего синода В.Н. Львова.

Во время Гражданской войны Л. воевал в чине прапорщика в отряде атамана Дутова, а затем — в армии адмирала Колчака.

После разгрома Белого движения приобрел документы на имя Корзухина Николая. Вступил в Общество по изучению Сибири. К началу Великой Отечественной войны рабо-

тал в Торжке, преподавал географию в техникуме. Был призван в Красную армию. В первом же бою сдался в плен. Предложил немцам свои услуги. Был завербован гитлеровскими спецслужбами. Занимался по их заданию вербовкой и засылкой агентов и лазутчиков в партизанский отряд Героя Советского Союза Медведева.

Был захвачен партизанами и расстрелян.

Людиновская полиция

Один из самых многочисленных и активных карательных органов периода Великой Отечественной войны, созданных вермахтом и гитлеровскими спецслужбами на оккупированных территориях. Л.п. формировалась из советских граждан, добровольно изъявивших желание сотрудничать с немецкими властями.

Сознавая важность г. Людиново (Орловская область) со стратегической и оперативно-тактической точек зрения, а также активность в этой прифронтовой зоне партизан и подпольщиков, фашистские спецслужбы приняли решение использовать Л.п. для борьбы с ними. При этом в полицию набирали в основном местных жителей, хорошо знающих обстановку в городе и охотно выполняющих «грязную работу» (карательные операции, расстрелы, пытки). Особую изощренность в этом отношении проявил начальник Л.п. Д.И. Иванов (см. соотв. ст.), а также полицейские Волосатов Александр, Сахаров Сергей, Попов Василий, Мишин Кондратий Андреевич, Стулов Василий Алексеевич (см. соотв. ст.), Храбров Иван, Горячкин Александр, Двоенко Александр Петрович (см. соотв. ст.), Чижов Николай, Исправников Семен, Сафонов Александр, Селифонтов, Доронин Михаил, Птахин Павел, Расточин Николай, Фирсов Петр, Орлов, Гришин Федор.

Всего в Л.п. служили около 250 советских граждан, в основном 17—20 лет, в том числе бывшие комсомольцы.

Несмотря на строгий отбор в Л.п. и тщательный контроль за их настроениями, отмечались случаи дезертирства.

Так, Титкин Иван, служивший в полиции с апреля 1942 г., в августе 1943 г. перешел к партизанам. Затем воевал в рядах Красной армии, был дважды ранен, награжден орденом Славы.

Начиная с 1944 г., а также после войны большинство сотрудников Л.п. было разыскано советскими органами безопасности. Они предстали перед судом. Особо «отличившиеся» полицейские приговорены либо к расстрелу, либо к длительным срокам заключения.

«Лютотшевского дело» — возникло в результате разоблачения крупной шпионской организации в Люблинской губернии в 1894 г.

По делу проходили более 20 человек: мещанин Давид Шлимор Крейцер (он же — Лейфер, 1860 г. рожд.; мещанин, бывший купец Иван-Адам Иванович Шурановский, 1839 г. рожд.; мещанка Эстера-Шайндля Ицкова Зоненталь (она же — Файнер), 1866 г. рожд.; мещанин Нухим-Хаим Мошкович Ярцейг, 1843 г. рожд.; делопроизводитель по воинской повинности Грубешковского присутствия Эдмунд Викентьевич Галинский, 1866 г. рожд.; каменщик, крестьянин Михаил Петрович Мештам, 1864 г. рожд.; бывший писарь и продавец винно-водочного магазина Феофил Иванович Оленский, 1832 г. рожд.; австрийский подданный Франц Михайлович Скавинский, 1842 г. рожд.; запасной фейервейкер Витольд Фомич Добржанский, 1850 г. рожд.; мещанин и мелкий землевладелец Фома Иванович Добржанский, 1824 г. рожд.; старший земский стражник Владислав Андреевич Чуриловский, 1849 г. рожд.; подполковник Литовского отряда Волынской бригады пограничной стражи дворянин Аркадий Александрович Теляковский, 1846 г. рожд.; запасной писарь Павел Демидович Семышев, 1868

г. рожд.; крестьянка, швея Агафья Романовна Тарас, 1859 г. рожд.; крестьянин-мастеровой Франц Казимирович Пизульский, 1869 г. рожд.; крестьянин Иосиф Иосифович Жуковский, 1849 г. рожд.; крестьянин Александр Иосифович Жуковский, 1852 г. рожд.; крестьянин-мельник Иван Траткевич, 1866 г. рожд.; запасной фельдшер Доминик Петровский, 1854 г. рожд.; бывший чиновник Грубешковского уездного управления Люблинской губернии Константин Лютошевский, 1861 г. рожд.; писарь Томашевской бригады пограничной стражи Франц Игнатьевич Терпиц, 1862 г. рожд.; писарь Штаба пограничной стражи Франц Иванович Драчко, 1859 г. рожд.; австрийский подданный Ваарженец Возь, 1856 г. рожд.

В июле 1893 г. Люблинским губернаторским жандармским управлением были получены агентурные данные, что проживающий в г. Угнове в Галиции адвокат Константин Лютошевский, бывший служащий Грубешковского уездного управления, бежавший от долгов за границу, занимается вербовкой российских подданных в интересах австрийской разведки. Сотруднику жандармерии Иосифу Чижевскому было поручено вступить с Л. в контакт. Информация подтвердилась: Чижевскому предложили за деньги поставлять сведения военного характера. Добывать их предполагалось через штабных писарей. Для вербовки Чижевского были привлечены два ксендза, которые принудили его целованием креста подтвердить клятву верности австрийскому правительству.

Удалось установить, что Л. являлся фактическим резидентом австрийской разведки, в его распоряжении на территории России было по меньшей мере семь активных агентов. Началось их выявление и аресты. В числе первых была получена информация на Эдмунда Галинского, бывшего делопроизводителя Замостского уездного присутствия, и некоего Борена, служащего Луцкого суда. Связь с Л. они

поддерживали через угновского жителя Д. Крейцера (он же Ляйфер), который переправлял шпионские сведения за границу в коробках из-под спичек, в курительной трубке и даже во рту. Он был арестован 14 августа 1894 г. в Грубешове. Другим курьерам — Ш. Зоненталь и Ивану Козаку — удалось скрыться.

Крейцер показал, что шпионские сведения получал от подполковника пограничной стражи А.А. Теляковского, каменщика из г. Томашева М.П. Мишталя и писаря Томашевской бригады пограничной стражи Ф.И. Терпица. Контрразведчики возобновили следствие по эпизоду, имевшему место 27 февраля 1894 г., когда между пограничными постами Салокя и Жилка Томашевского уезда Люблинской губернии пограничниками были задержаны тайно перешедшие границу Терпиц и писарь Штаба пограничной стражи Ф.И. Драчко. Выяснилось, что после задержания им удалось скрыться из-за халатности стражников пограничной охраны.

Э.В. Галинский был арестован 23 августа в Люблине. На допросах показал, что в декабре 1887 г. его знакомый Грудзинский, незадолго до этого уехавший в Австрию, сообщил ему, что «записал» Галинского под псевдонимом Одровонжа в число агентов австрийской разведки. Арестованный утверждал, что отказался от сотрудничества, хотя к нему и явился бывший писарь Ф.И. Оленский, называл его Одровонжем и требовал сведений о русской армии. Задержанный 27 августа в Луцке Оленский показал, что «имел дело» с австрийцами и даже получал от них ежемесячный оклад в 40 рублей, числясь в разведывательной картотеке под псевдонимом Сокол. По его словам, он не передавал им разведанные, поскольку не располагал ими, а всячески «халтурил», желая жульническим путем получать от вражеской разведки деньги.

Почти одновременно с ним задержали Ивана Шурановского. Он не стал отрицать, что еще в 1892 г. был пригла-

шен Л. в Австрию, где его познакомили с офицерами австрийского Генерального штаба Стихием и Витовицким с целью вербовки. Однако, по его словам, он отказался от всех предложений и даже на этой почве поссорился с Л.

15 октября 1894 г. был арестован Теляковский. Он признался, что познакомился с Л. через жену, которая в детстве училась с женой Л. в одной швейной мастерской. Сначала Теляковский выдвинул версию о том, что согласился на вербовку притворно, желая тем самым заманить его в Россию и сдать властям. Однако потом признался в шпионаже, заявив, что «все произошло из-за проклятой жены».

Между тем число арестованных по делу продолжало расти. 5 декабря 1894 г. в местечке Радзивиллове Волынской губернии перешел границу и добровольно сдался властям русский подданный, уроженец Люблинской губернии столярный подмастерье Ф. Пизульский. Он рассказал, что был завербован Л. и другим агентом — Владиславом Бернадским, получил оклад в 40 рублей и псевдоним Эдуард Жонгло. Однако он испугался участия в шпионаже, не поехал в Россию и некоторое время скрывался на территории Австрии.

Узнав, что его разыскивает австрийская разведка, перешел границу и сдался русским жандармам.

На основе показаний Пизульского был арестован бывший писарь Томашевской бригады пограничной стражи П.Д. Семышев. Он уже вышел в отставку и мирно проживал в Нижегородской губернии, когда за ним явилась полиция. Семышев показал, что в августе 1894 г. получил записку от бежавшего в Австрию Ф.И. Терпица, который просил «по дружбе» передать ему бумаги по личному составу бригады. «Дружба» оценивалась в 10 рублей наличными. Писарь выполнил просьбу и передал расписание боевых постов бригады. Под угрозой разглашения этого факта с него взяли подписку работать на австрийскую разведку. Испу-

гавшись, Семышев бежал в Австрию, где некоторое время жил в г. Углове у Л. Там он узнал, что агентами Л. в России были: в г. Любече — Грудзинский, с которым сотрудничал писарь Ф.И. Драчко, а в местечке Гусятине — писарь Терпиц, действовавший под псевдонимом Зайончковский. Он также видел, как к Л. приезжал Пизульский с какой-то женщиной и передавал австрийцам какие-то документы. Кроме того, он был свидетелем, что в Австрию доставили украденную из русской армии винтовку нового образца, за что было уплачено 75 рублей. Операцию провел некий Н.М. Ярцейг, российский подданный. Осенью 1894 г., не выдержав тоски по Родине, Семышев вернулся в Россию и уехал в Нижний Новгород.

По его показаниям арестовали Ярцейга, который заявил на допросе, что купил винтовку во время маневров 1894 г. у солдата 68-го пехотного Бородинского полка Земельмана.

Вновь допрошенный Пизульский выдал свою любовницу швею А.Тарас. Л. велел ему доставить ее в Австрию для вербовки, поскольку она шьет офицерам и может быть полезна. Пизульский сумел уговорить любовницу сотрудничать с австрийцами, пообещав жениться и открыть в Галиции магазин. Тарас отнеслась к поручению со всей серьезностью и перед поездкой в Австрию выкрала у своего клиента, полковника Долгова, две книжки, оказавшиеся сочинениями генерала Драгомирова, не представляющими никакой разведывательной ценности. Л. побуждал Тарас стать любовницей какого-нибудь офицера и затем завербовать его.

К дознанию также привлекались курьеры, переправлявшие шпионские сведения, а также лица, укрывавшие Терпица во время побега (крестьяне Жуковские) и др.

8 апреля 1896 г. был оглашен приговор: Теляковский, Чуриловский и Семышев получили по четыре года каторги; жена Теляковского, Шурановский, Крейцер, Добржанский, Пизуль-

ский, Галинский, Ярцейг, Возь сосланы на поселение в отдаленные места Сибири. Жуковских отдали в исправительное отделение гражданского ведомства на два года и четыре месяца. Скавинский был оштрафован на 50 рублей и посажен в крепость на два года и восемь месяцев. Файнер, Мештам и Оленский были освобождены от наказания.

Люшков Генрих Самойлович, 1900 г. рождения, урож. г. Одессы, бывш. начальник управления НКВД на Дальнем Востоке, комиссар госбезопасности 3-го ранга.

Член партии большевиков с 1917 г. Участник боев на фронтах Гражданской войны. В 1919 г. после окончания курсов при ЧК Украины становится начальником политотдела бригады, в составе которой воюет на советско-польском фронте.

С 1921 г. работает в ОГПУ Украины, затем — в секретно-политическом отделе НКВД. В 1936—1938 гг. последовательно занимает посты начальника Азово-Черноморского управления НКВД, начальника пограничных войск, начальника управления НКВД на Дальнем Востоке. Активный организатор репрессий в данных регионах. По некоторым данным, под его руководством было репрессировано не менее 70 тысяч человек.

После начала арестов в 1937—1938 гг. в органах НКВД Л. принимает решение бежать за границу. В июле 1938 г. он выезжает в пограничный отряд для инспекторской проверки. Использовал это мероприятие для нелегального перехода границы, при пересечении которой был задержан китайскими пограничниками. Он был обыскан, обезоружен и доставлен в штаб японской военной части. На допросе Л. представился и заявил, что добровольно переходит на сторону японцев из опасения репрессий в СССР. Передал японским военным сведения о боеготовности и планах развертывания Особой Дальневосточной армии, системе охраны

госграницы, агентуре НКВД в Маньчжурии, экономическом положении советского Дальнего Востока.

После трехнедельных допросов в штабе Квантунской армии Л. был вывезен в Японию.

Здесь он был привлечен японской разведкой к разработке и реализации плана по убийству И.В. Сталина (операция «Медведь»). Л. предложил уничтожить советского руководителя в Сочи во время его поездки на Мацесту для приема лечебных ванн. По рисункам Л. в лагере подготовки террористов был построен макет ванного корпуса для соответствующих тренировок исполнителей убийства. Японцы пришли к выводу о реальности осуществления их замысла.

В январе 1939 г. Л. и группа террористов, состоящая из белоэмигрантов, отбыла на пароходе в Неаполь, где была встречена японским разведчиком. После оформления необходимых документов и получения виз Л. и его группа выехали в Стамбул. Затем террористы направились к советско-турецкой границе, пересекли ее и двинулись по берегу реки Моруха. Однако здесь они были встречены пулеметным огнем. Авангард группы был уничтожен, остальным удалось скрыться.

После провала операции Л. возвратился в Японию, где продолжил работу в японской военной разведке. Готовил обзоры советской прессы и радиопередач из СССР, делал экспертные заключения о советской внешней политике. Участвовал как эксперт в разработке подрывных акций на территории Советского Союза.

После вступления в августе 1945 г. советских войск в Маньчжурию Л. был вызван якобы для переговоров в военную миссию в г. Дайрен, где был убит. По другой версии, Л. был задушен, а его тело выброшено в залив.

Лялин Олег Адольфович, 1937 г. рождения, урож. г. Пятигорска, бывш. сотрудник советской разведки, капитан.

Окончил Одесское инженерное морское училище. Был призван на службу в органы госбезопасности. Находясь в долгосрочной командировке в Англии, в сентябре 1971 г. бежал и попросил политического убежища. Выдал английским спецслужбам секретные сведения о деятельности советской разведки, в том числе ее агентуру из числа иностранцев. Вследствие предательства Л. из Англии осенью 1971 г. было выдворено 105 сотрудников советских дипломатических и других представительств, являющихся в основном офицерами спецслужб. В результате на продолжительное время была парализована деятельность резидентур военной и политической разведок.

Сын Л. во время прохождения службы в армии, в 1983 г. в Группе советских войск в Германии пытался бежать на Запад для воссоединения с отцом, но был арестован и осужден на 10 лет лишения свободы.

Л. заочно приговорен к высшей мере наказания.

Ляцкий (Кошкин) Иван Васильевич (уп. в первой пол. XVI в.), боярин, воевода.

Участник отражения наступления польских войск в псковских землях осенью 1517 г. Основные события разворачивались в пригородах Пскова — Ворониче, Велье, Красном, Опочке. Русские войска нанесли здесь серьезные поражения войскам короля Сигизмунда. Особенно отличились полки во главе с Л., которые наголову разбили неприятеля у Опочки, взяв большое количество пленных и богатые трофеи. После этого польские войска отступили и вышли из пределов московских владений.

В 1534 г. имя Л. упоминается в связи с ожесточенной борьбой, развернувшейся вокруг трона между различными боярскими группировками из-за политического влияния.

В ходе этой борьбы двое представителей знатных родов С. Бельский (см. соотв. ст.) и Л. тайно покинули пределы

государства и бежали в Литву. Здесь они были пожалованы именными и приняты на военную службу. Оба беглеца принимали участие в вооруженной борьбе против русского царя.

Умер Л. в эмиграции, на нем его знатный род пресекся.

М

Мазепа Иван (Ян) Степанович (?), украинский гетман в 1687—1709 гг.

Родился в 1629 г. на Украине. Получил образование в Киевской духовной академии. В 1649—1652 гг. являлся пажем польского короля Яна II Казимира. В 1663 г. отказался участвовать в походе поляков против Украины, ушел со службы.

По другой версии, уход со службы М. был вызван его связью с женой польского шляхтича Фалдовского, который перехватил их переписку и неожиданно напал на счастливого любовника, раздел его донага, привязал к лошади и протаскил по земле; после того позорного унижения М. бежал в Запорожье.

В 1669 г. М. поступил на службу к гетману Правобережной Украины П.Д. Дорошенко. Был ротмистром, генеральным есаулом и генеральным писарем. В 1674 г. ему было поручено тайно пробраться к туркам и попросить их военной помощи против России. Однако по пути М. был схвачен запорожцами и выдан гетману Левобережной Украины И. Самойловичу, признававшему в то время власть русского царя.

М. был направлен в Москву, где подвергся многодневным допросам. Он подробно рассказал следователям о тай-

ной дипломатии П. Дорошенко, его планах, агентуре, активно действующей в Малороссии, а также сообщил важные сведения о количестве войск правобережного гетмана, их вооружении, дислокации, возможных перемещениях. Информация, переданная М. московским властям, была оценена очень высоко. Он был отпущен в Малороссию к гетману Самойловичу, при котором начал новую службу.

Спустя некоторое время М. получил должность генерального есаула, а в 1687 г. во время Крымского похода в составе русских войск с одобрения московских властей был избран гетманом.

Участник второго Крымского (1689) и Азовского (1695—1696) походов. В 1700 г. М. был награжден Петром главным орденом Российской империи — Св. Андрея Первозванного, стал его вторым кавалером (вслед за генерал-адмиралом Ф.А. Головиным). В этом же году получает титул графа Священной Римской империи.

Усиление политического влияния России в Малороссии вызывало ожесточенное сопротивление со стороны Швеции, Польши и Турции. Эти страны использовали различные формы борьбы с Россией в этом регионе, в том числе путем привлечения на свою сторону украинской элиты, обещав предоставление Малороссии большей самостоятельности.

В 1705 г. союзник шведского короля Карла XII Станислав Лещинский с этой целью тайно направил к М. своего представителя, некоего Франтишека Бельского. Однако по приказу гетмана Бельский был арестован и выдан российским властям, которые изъяли у него вещественные доказательства в виде «прелестных писем».

Тем не менее противники России не прекратили попыток склонить М. на свою сторону. Давление на него нарастает как из-за границы, так и со стороны атаманов, недовольных московской политикой на Украине. Так, «реляции»

о насилии великороссов, недовольстве «хлопцев» и о готовности выступить против российских властей («уже кони в подводья забраны») были направлены М. от атаманов Ивана Черныша и Дмитрия Горленка.

В 1706 г. во время крестин у краковского воеводы Вишневецкого М. представили агента Лещинского княгиню Дольскую, которая сумела добиться расположения гетмана и «имела с ним дневные и ночные конференции». Поняв, что от него добивалась Дольская, М. вначале решил прекратить с ней встречи, опасаясь московских властей. Заявлял, что «проклятая баба обезумелась» и хочет втянуть его в измену Петру I. Однако у него начали появляться первые признаки смены политической ориентации.

Так, в разговорах со своим доверенным лицом Орликом М. отмечал, что Украине надо определиться, какую сторону принять. Орлик оказывал со своей стороны давление на М., подчеркивая, что решением этого вопроса является то, «при ком будет виктория: ежели при шведах, то вельможность ваша и мы все щастливы, а ежели при царском величестве, то и мы пропадем и народ погубим».

М. возобновляет контакты с агентами Лещинского. Он заявляет, что Речь Посполитая раздроблена, одна ее часть поддерживает Лещинского, а другая — союзника России саксонского курфюрста Августа, короля Польши. Поэтому одна Польша — союзник для Украины ненадежный, и совместное выступление против России возможно только после консолидации в Польше внутренних сил.

Одновременно М. все больше и больше склоняется видеть в качестве основного союзника Малороссии Швецию в лице ее могущественного короля Карла XII. Обострение шведско-русского конфликта подталкивает гетмана Украины к осторожным шагам практической реализации изменнического замысла.

В 1708 г. М. уже твердо заверял Карла XII в намерении поддержать его военной силой. Гетман начал заготавливать для шведов запасы боеприпасов и продовольствия в крепости Бату́рин, сосредоточив в ней довольно сильный и верный ему гарнизон. Одновременно, чтобы отвлечь от себя подозрения, М. обнародовал т.н. универсалы, в которых призывал жителей закрывать хлеб, деньги и имущество, а в храмах повелел молиться об избавлении Малороссии от нашествия шведов.

Тем не менее безоговорочное доверие Петра I к М., в свое время послужившее причиной гибели на плахе полковника И.И. Искры и генерального писаря В.Л. Кочубея, пытавшихся донести государю об измене гетмана, сейчас было поколеблено. Киевскому губернатору Д.М. Голицыну и А.Д. Меншикову было приказано «надсматривать» за М. Обнаружив недвусмысленные подозрения московитов, гетман с войском отправляется к Десне и форсирует ее. При появлении шведов он выстроил войска и обратился к ним с речью, в которой приказал соединиться с противником против «москалей». Войска М. в основной массе не подчинились гетману и разбрелись. С гетманом остались только 2000 наемников, с которыми он и явился к Карлу XII.

После измены М. Малороссия в целом продемонстрировала поддержку Петру I, к которому приезжали делегации украинских городов и сельских районов, чтобы заверить его в своей верности.

По приказу русского царя приступом была взята Бату́рин, а его гарнизон либо уничтожен, либо пленен. Крепость была до основания разрушена, а руководители обороны подвергнуты жестокой казни.

После поражения Карла XII под Полтавой М. бежал. Удалось скрыться и шведскому королю.

Беглецы встретились на турецкой территории в крепости Бендеры. М. вскоре тяжело заболел и умер в возрасте 80 лет.

Макаров Виктор Борисович, 1955 г. рождения, урож. г. Москвы, сотрудник 16-го Управления КГБ СССР, лейтенант.

В 1975 г. после службы в армии поступил в Высшую школу КГБ. Обучался на техническом факультете по специальности шифровка и дешифровка. Одновременно овладел греческим и английским языками.

В 1980 г. начал службу в 16-м управлении, где занимался дешифровкой материалов иностранных диппредставительств.

В 1982 г. попытался установить связь с немецкой разведкой через приятеля — валютного спекулянта, однако переданные им секретные документы до адресата не дошли. Повторил свою попытку в 1985 г., но английский коммерсант, к которому он обратился за помощью, ответил отказом. Удачной оказалась только третья попытка. На встрече с работником резидентуры английской разведки заявил, что готов сотрудничать с ним только в случае оказания помощи в бегстве на Запад. Англичане довольно долго размышляли, не подставляют ли им М. как провокатора. М. не дождался их решения, т.к. в 1987 г. был арестован.

Приговорен к 10 годам лишения свободы, однако в 1992 г. был амнистирован Президентом РФ Б.Н. Ельциным.

В том же году с помощью англичан переехал на жительство в Великобританию, где ассимилироваться не смог. Полученные от англичан деньги вскоре израсходовал, а в пенсии ему было отказано. Впал в депрессию, проходил лечение в психиатрической больнице. В 1998 г. начал голодовку у стен британского парламента, но своего не добился. Работает садовником.

Максимов Евстигней Фомич, год рождения не установлен.

Проживал в Мосальском районе Калужской области. Во время оккупации сотрудничал с гитлеровцами, вызвался быть старостой села.

Посылал односельчан на принудительные работы по расчистке дорог от снега, проводил реквизицию теплых вещей и продуктов для солдат вермахта, сообщал в полицию о настроениях местного населения.

В день урожая преподнес немецкому генералу по русскому обычаю «хлеб-соль».

После войны арестован как пособник оккупантов. Свою вину признал. Был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Освобожден по амнистии.

Малышкин Василий Федорович, 1896 г. рождения, урож. Сталинской области, бывш. генерал-майор Красной армии.

Происходил из семьи бухгалтера. Во время Гражданской войны в 1918 г. вступил в Красную армию. По окончании войны остался на армейской службе, закончил военную академию. Некоторое время в той же академии занимался преподавательской деятельностью.

В 1937 г. назначен начальником штаба Сибирского военного округа, награжден орденом «За заслуги», повышен в звании до генерал-майора. Однако в том же году был арестован в связи с делом Тухачевского, но вскоре реабилитирован и назначен начальником штаба 19-й армии.

С первых дней войны находился на фронте. В 1942 г. в районе Вязьмы попадает в плен. Добровольно вызвался сотрудничать с немцами. Присоединился к генералу А.А. Власову (см. соотв. ст.) и его движению. Входил в ближайшее окружение А.А. Власова, в 1944 г. становится главой администрации т.н. «Комитета освобождения народов России» (КОНР — см. соотв. ст.), созданного по указанию гитлеровских спецслужб и объединившего в своих рядах власовское движение и националистические антибольшевистские организации.

М. принадлежит идея соединения усилий всех русских антибольшевистских группировок под эгидой Германии. Особенно энергично он призывал к консолидации КОНР с белоэмигрантскими формированиями. Этому было специально посвящено его выступление в 1943 г. в Париже перед белоэмигрантами, что в немалой степени способствовало притоку последних в вооруженные формирования КОНР. Поддерживая интенсивные контакты с гитлеровскими спецслужбами, которые финансировали КОНР, получал от них 900 марок в месяц и продовольственный паек.

В апреле 1945 г. при инспекции власовских частей на Западном фронте М. перешел линию фронта и вступил в переговоры с командующим 7-й американской армией. Речь шла о сдаче власовцев американцам с целью «продолжения борьбы с большевиками». Эти переговоры, однако, успеха не имели. М. сдался в плен американцам.

Содержался в лагере. Был допрошен офицерами американской разведки и подготовил несколько докладов о положении в СССР. Эти материалы содержали также сведения о потенциальных агентах американцев, способах связи с ними, явках и т.п.

После капитуляции Германии был выдан союзниками советским властям, арестован и этапирован в Москву. На судебном процессе власовцев в 1946 г. фигурировал как один из главных обвиняемых. Повешен в том же году по приговору суда.

Мальцев Виктор Иванович, 1895 г. рождения, урож. г. Гусь-Хрустальный Владимирской области, бывш. полковник Красной армии.

Происходил из крестьянской семьи. Во время Гражданской войны воевал на стороне красных. После разгрома белой армии и провала иностранной интервенции был направлен в летную школу. После ее окончания служил в Централь-

ной Азии и Закавказье. Быстро продвигался по службе. Получил звание полковника, был представлен к правительственной награде. Однако в марте 1938 г. М. был арестован, полтора года провел под следствием. Был реабилитирован, но уволен в запас. Назначен директором санатория «Аэрофлота» в Ялте, где его застало начало войны.

М. уклонился от эвакуации вместе с частями Красной армии из Крыма. После оккупации Ялты гитлеровцами явился к ним и предложил свои услуги.

Лично составил воззвание к советским летчикам, призывая их переходить на сторону немцев. Выступал по радио с призывом к населению поддержать оккупационные власти. Возглавил по заданию немцев антибольшевистское движение в Крыму и Таврии, сформировал шесть добровольческих подразделений, брошенных фашистами на борьбу с партизанами.

Весной 1943 г. обратился к командованию вермахта с просьбой присоединиться к генералу А.А. Власову (см. соотв. ст.), однако ему было поручено «более ответственное дело». М. командировали в распоряжение люфтваффе (немецкие военно-воздушные силы), где он сформировал воздушное соединение, укомплектованное советскими пленными летчиками.

Присоединился к власовскому движению только в конце 1944 г., возглавил в т.н. Русской освободительной армии (РОА) авиагруппу, в которую входили две эскадрильи под руководством Героев Советского Союза майора С.Т. Бычкова и капитана Б.Р. Антилевского.

Во время капитуляции Германии М. вместе со своей частью находился во Франции. Сдался союзникам. В августе 1945 г. по требованию советских властей был выдан.

Один из главных обвиняемых на судебном процессе руководителей РОА в Москве. Повешен в 1946 г. по приговору советского суда.

Мамуков Евстафий Игнатьевич, 1891 г. рождения.

Родился в станице Александро-Невской в окрестностях г. Грозного. В 1913 г. окончил Тифлисское землемерное училище. В 1914 г. ушел добровольцем на фронт. Вскоре был направлен в Военно-топографическую академию, после окончания которой был произведен в подпоручики. Служил в штабах корпуса и армии. Повышен в звании до капитана 1-го класса.

С самого начала Гражданской войны находится в составе белой армии. В 1920 г. с ее остатками эвакуировался в Турцию, затем переехал в Югославию, где получил диплом архитектора. Организовал строительную фирму. Одновременно сотрудничал с различного рода белоэмигрантскими организациями.

После нападения Германии на СССР М. переезжает в Берлин, добровольно поступил на службу в вермахт. Был командирован в оккупированные районы на юг России, занимался пропагандистской работой.

В 1945 г. поступил на службу в т.н. Русскую освободительную армию генерала Власова, получил звание капитана.

После капитуляции гитлеровцев переехал в Аргентину. В 1952 г. вернулся в Германию, занимался журналистикой. Умер в Мюнхене в 1976 г.

Мартынов Валерий Федорович, 1946 г. рождения, бывш. сотрудник советской разведки, подполковник.

Получил специальность радиотехника. Прошел подготовку в разведывательной школе, был направлен на работу в Управление по сбору научно-технической информации. Через некоторое время направлен в США, где был завербован агентами ФБР. Выдал противнику совершенно секретные данные о составе советской резидентуры, ее операциях в США, некоторых научных разработках, проведенных в СССР.

В результате утечки информации из ЦРУ был разоблачен и во время кратковременного посещения Москвы арестован. По приговору суда расстрелян.

Мартынов Сергей (уп. 1812), крестьянин с. Городища Смоленской губернии, изменник, сотрудничавший с французскими оккупантами.

Как отмечает в своих воспоминаниях Денис Давыдов, «к славе нашего народа, во всей той стороне известными изменниками были только одни дворовые люди отставного майора Семёна Вишнева и крестьяне Ефим Никифоров и Сергей Мартынов». Первые, объединяясь с иноземными мародёрами, убили своего помещика, Никифоров с ними же убили отставного поручика Данилу Иванова. Больше всех отличился М., который наводил мародеров на известных ему богатых поселян, убил управителя с. Городище, разграбил церковь, вырыл из гроба прах местной помещицы, а также стрелял по партизанам-казакам.

Предатель был схвачен отрядом Давыдова. Он писал: «Эта добыча была для меня важнее двухсот французов!» Изменника расстреляли перед разграбленной им церковью на глазах специально собранных местных крестьян, с одновременным молебном и церковным проклятием «богоотступников, изменников отечеству и послушников начальству». Его труп по приказу партизан был зарыт в разбойничьей долине в трех верстах от с. Городища.

Матюшин Иван Иванович, 1898 г. рождения, урож. г. Тетюши Татарской АССР.

Бывший военный инженер 1-го ранга Красной армии. Во время Великой Отечественной войны попал в плен. Был завербован гитлеровской разведкой и под агентурной кличкой Фролов направлен в Борисовскую разведывательную

школу при Абверкоманде 103 (приложение №5), где преподавал радиодело.

Его послевоенная судьба не выяснена.

Махнорило Константин Никитович, 1914 г. рождения, урож. д. Мельник Ореховского р-на Запорожской области, украинец.

В начале Великой Отечественной войны был призван в Красную армию. В 1943 г. попал в плен к немцам. Добровольно вступил в т.н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова (см. соотв. ст.). Был направлен в школу пропагандистов в г. Дабендорфе, где служил заместителем командира роты. Попал под подозрение в связи с разоблачением в школе советской подпольной организации. Был откомандирован в подготовительную школу РОА в г. Люкенвальд, где занимал такую же должность.

После окончания войны арестован советской военной контрразведкой и в 1945 г. приговорен военным трибуналом к 10 годам лагерей.

В 1950 г. вторично осужден к 25 годам лишения свободы.

Его дальнейшая судьба неизвестна.

Меандров Михаил Алексеевич, 1894 г. рождения, урож. г. Москвы, бывш. полковник Красной армии.

Происходил из семьи священника. В 1913 г. окончил Алексеевское пехотное училище, получил младший офицерский чин. Участвовал в Первой мировой войне. После революционных событий в России остался в армии. Преподавал тактику в высших военных заведениях.

До 1941 г. в течение двух лет являлся вначале начальником штаба стрелкового корпуса, а затем — заместителем начальника штаба и начальником оперативного отдела 6-й армии.

В начале Великой Отечественной войны в районе Умани М. попал в плен. Добровольно согласился сотрудничать с гитлеровцами. По их указанию присоединился к власовскому движению, возглавил офицерскую школу т.н. Русской освободительной армии (РОА). Немецким командованием характеризовался как «самая достойная фигура власовского командного состава».

Разработал и пытался осуществить план заброски диверсантов в глубокий тыл на севере советской территории в район Петрозаводска и северной Двины. Намечалось использовать заключенных лагерей, а также немецких военнопленных для диверсий и, возможно, восстания.

В сентябре 1944 г. М. получает звание генерал-майора РОА. Вскоре возглавляет 2-ю дивизию власовских «вооруженных сил», которая участвует в боях против наступающей Красной армии. Непосредственно перед разгромом вермахта вместе с остатками своей дивизии он направлялся на Запад навстречу американским войскам. Пытался довести до сведения союзников свою готовность «участвовать в скорой войне Запада с большевиками». Дивизия М. и он сам сдались американцам, но вскоре был выдан советским властям, арестован и этапирован в Москву.

На судебном процессе власовцев в 1946 г. фигурировал как один из главных обвиняемых. В том же году по приговору суда повешен.

Мефодий (Филимонов Максим) (уп. в сер. — вт. пол. XVII в.), протопоп Нежинский, затем епископ Мстиславский, Оршский, блюститель Киевской митрополии.

Будучи нежинским протопопом в 1658 г. писал московскому воеводе Ртищеву о необходимости утверждения в Малороссии власти русского царя и организации стройной административной системы. «Желаем и просим, чтоб был у нас один господь на небе и один царь на земле».

В 1660 г. М. посещает Москву, где назначается епископом Мстиславским. Ему поручают доставить деньги для уплаты жалованья казачьему войску, сражающемуся на стороне московских воевод.

В мае 1661 г. М. поставлен епископом Мстиславским и Оршанским, а также блюстителем Киевской митрополии. С этого времени принимает активное участие в политической борьбе в Малороссии, поддерживает И.М. Брюховецкого (см. соотв. ст.) в борьбе за верховную власть в Восточной Украине. М. пользуется безусловным доверием в Москве, его донесения из Малороссии о внутривнутриполитической борьбе в этот период считаются наиболее объективными.

Но уже в 1664 г. отношения между И.М. Брюховецким и М. осложнились, а вскоре окончательно испортились. Переоценив свое влияние на малоросские дела, М. пишет в Москву доносы на гетмана, однако там они не находят отклика. Находясь в Москве в 1666—1667 гг. по делу патриарха Никона, М. чувствует явное охлаждение к себе со стороны московских властей.

Вернувшись на Украину, М. является к гетману с предложением примирения, начинает активную антимосковскую пропаганду среди украинской элиты, убеждает И.М. Брюховецкого изменить русскому царю и объединиться со ставленником турецкого султана гетманом Западной части Украины П.Д. Дорошенко (см. соотв. ст.).

Не без влияния М. И.М. Брюховецкий вскоре открыто выступил против Москвы, однако стал жертвой убийства, организованного П.Д. Дорошенко, провозгласившего себя гетманом всей Малороссии.

М. был арестован новым гетманом и содержался под арестом в различных монастырях. Однажды ему удалось напоить монахов-стражников и бежать в Киев, где он сдался московским воеводам. Учитывая двуличное поведение

М., воеводы сочли необходимым отправить его в Москву. Здесь он был заточен в Новоспасском монастыре, где вскоре умер.

Микулин Григорий Иванович (уп. в конце XVI — первой четв. XVII в.), думный дворянин.

Впервые его имя упоминается в 1570 г., когда он в должности подателя (помощника) рынды царевича Ивана Ивановича участвовал в опричном походе на Новгород, завершённом массовыми репрессиями в отношении горожан.

В 1588—1589 гг. М. стал вяземским выборным дворянином. В 1590 г. в составе русских войск участвует в шведском походе царя Федора Ивановича.

С 1596 г. занимает должность головы в Березове, а после воцарения Бориса Годунова он в 1600 г. уже возглавляет русское посольство в Англию, принятое там с исключительными почестями. М. проявил изрядный дипломатический дар в переговорах и сумел расположить к себе королеву Елизавету.

В 1604 г. упоминается в деловых документах как голова в Орле. Сумел войти в доверие Лжедмитрию I, проявил себя как один из самых преданных и жестоких его сторонников. Сохранились свидетельства о том, что он раскрыл заговор стрельцов против самозванца и лично участвовал в их истреблении, за что был пожалован в думные дворяне. После народного восстания в Москве и убийства Лжедмитрия М. пытался бежать в Польшу, но был схвачен в с. Вязьмы недалеко от Москвы. Судьба его не выяснена.

Миллер Антон (?).

Шифровальщик советской разведки.

Работал в 20-е г. в Лондоне под прикрытием Всесоюзного кооперативного общества «Аркас». Сотрудничал с английской контрразведкой, которой с его помощью уда-

лось дешифровать секретную переписку советской резидентуры с Центром.

В мае 1927 г. в помещении «Аркуса» лондонской полицией был проведен обыск, в ходе которого изъяты документы, свидетельствующие о шпионской деятельности советской разведки на территории Англии и антибританской пропаганде. На основании этого английские правящие круги разорвали дипломатические отношения с СССР.

М. получил у англичан политическое убежище.

Митрохин Василий Никитич, 1922 г. рождения, урож. г. Пензы, бывш. майор советской разведки.

Службу в разведке начал с 1948 г. В 1956 г. переведен на работу в архив, где проработал до 1984 г. Имел доступ к совершенно секретной информации.

Убедившись, что контроль за его работой с архивными материалами практически отсутствует, начал делать выписки и выносить из здания архива. Похищенные выписки хранил на даче в тайнике. Эту «работу» он проделывал в течение двенадцати лет.

После развала Советского Союза М. принял решение продать имеющуюся у него информацию иностранной разведке.

В 1992 г. он выехал в Литву, где посетил английское посольство. В беседе с сотрудником посольства заявил, что в его распоряжении имеются материалы о работе советской разведки, и в качестве доказательства оставил несколько копий документов.

Через месяц он вновь посетил Вильнюс и в здании английского посольства имел беседу с разведчиком. Предъявил ему пенсионное удостоверение и партбилет. Выразил готовность передать англичанам большой объем имеющихся у него материалов в обмен на предоставление ему, жене и сыну политического убежища и благополучия.

Совершив несколько поездок в Прибалтику, передал англичанам большой объем ценной информации. 7 ноября 1992 г. М. с семьей выехал из Прибалтики в Англию.

Начиная с 1993 г., в западной печати начали появляться публикации о сотрудничестве с КГБ высокопоставленных политических деятелей, в частности бывшего министра обороны Франции, бывшего канцлера ФРГ В. Брандта, более трехсот дипломатов. На Западе были проведены операции по изъятию тайников советских разведчиков-нелегалов.

В 1999 г. вышла в свет книга «Архив Митрохина: КГБ на Западе».

Михаил Александрович Тверской (1368—1399), Великий князь Тверской.

В 1368 г. М., едва получив тверской престол, был вызван в Москву митрополитом Алексием и великим князем Дмитрием Ивановичем, будущим Донским. Этот вызов был связан со спорами вокруг удела К.С. Дорогобужского, на который помимо М. претендовал Е.К. Микулинский. Последний, заключив соглашение с М., нарушил его и апеллировал к Москве с просьбой «оправить» его против тверского князя.

В Москве М. фактически оказался в заточении, были арестованы также и его бояре. По настоянию Дмитрия и Алексия М. был вынужден отказаться от части удела. Отказ был оформлен «через целование». Вернувшись в Тверь и опасаясь военного похода Москвы, негодую на неприглядные деяния московских властей, М. отправляется в Великое княжество Литовское и провоцирует нападение его войск на русские земли.

В 1368 г. на Московское княжество обрушилось крупное нашествие литовцев во главе с великим князем Ольгердом. Литовцы разорили окрестности Москвы, разгромили передовой полк и убили воевод. Летописец так описывает

эти события: «Стояв же Олгерд у града 3 дни и 3 ночи отъиде прочь, не успев граду ничто же, но остаток посада пожьже и монастыри и церкви и успели разбежатися, имение же их пограби и много зла сътворися».

Нападение Ольгерда на Москву было обусловлено не только интригами М. В это время в Восточной Европе происходила борьба за овладение бывшими землями Киевской Руси между тремя государственными образованиями: Великим княжеством Тверским, Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским. После поражения в 1327 г. Тверь настолько ослабла, что уже не могла составлять серьезную конкуренцию Москве. Неизбежно назревало столкновение двух оставшихся конкурентов — Литвы и Москвы.

Сочтя себя отмщенным, а свою задачу выполненной, М. послал к Дмитрию Ивановичу послов с предложением мира. Тот в ответ «сложил с себя крестное целование», т.е. официально объявил об отказе соблюдать мирные обязательства. Митрополит Алексий отправил константинопольскому патриарху жалобу на русских князей, которые сотрудничают с языческой Литвой и наводят ее на Русь, чиня «пагубу христианам». Владыка отлучил М. и его союзника, князя смоленского, от церкви, а условием их возвращения в лоно православия поставил принесение присяги на верность Москве.

В ответ М. вновь спровоцировал нападение Ольгерда на Русь в 1370 г. Осада столицы длилась восемь дней и завершилась страшным опустошением окрестностей. Однако взять столицу литовцам не удалось, и Ольгерд заключил с москвичами мир до следующего года. Однако М. развернул новую интригу и начал добиваться в Орде лишения Дмитрия Ивановича ярлыка на великое княжение Владимирское и перехода его к тверскому князю.

Дмитрий Иванович политическим путем сумел нейтрализовать исходившую из Твери угрозу. В 1371 г. он добился в

Орде подтверждения своих прав на великое княжение Владимирское, а также заключил мирный договор с Ольгердом, не заинтересованным в чрезмерном усилении Твери.

В результате М. фактически оказался в политической изоляции. Это препятствие в борьбе с Москвой ему удалось устранить путем договора с литовцами о территориальных уступках за счет Московского княжества.

В 1372 г. войска М. совершили нападение на подчинившийся Москве Дмитров, а литовские князья Андрей Ольгердович и брат Ольгерда Кейстут сожгли окрестности Переславля. Были захвачены также Кашин, Торжок, разорены многие московские волости. Когда новгородцы вместе с жителями Торжка изгнали наместников М., он обрушил на город репрессии и фактически уничтожил его. По словам летописца, «а что людеи было в городе и на площади и по улицам, те все погорели, и бысть пагуба велика христяном... а жен и девиц одираху и до последней наготы, рекше и до срачицы (т.е. до нижних рубашек. — *Авт.*), иже и погани тако не творят, и те истопишася в реце срама ради; и чернецов и черниц нагих попускаша... Бе же многое множество мертвых, избитых и топлых и горелых и издохъших, наметаша их 5 скудельниц, а инии без остатка изгорели, а инии истопшии уплыли вниз по Тверци. Князь же Михаил Тферьский учинив сие великое зло Торжьку, еже ни от поганных татар зло такое не бывало ему, и многое множество товара взя и корысть бесчислену приобрет и полон поведе и тако отъиде к Тфери».

Однако 12 июля 1372 г. литовско-тверское войско было остановлено московскими полками под Любуцком. Передовой отряд под командованием самого Ольгерда оказался разбит и обращен в бегство. После этого Литва вновь предпочла заключить мир с Москвой.

Для московских властей стало очевидно, что без нейтрализации М. как «князя-крамольника» над Москвой

будет висеть постоянная угроза нападения литовцев и татар.

В 1372 г. Дмитрий Иванович вызвал жившего в Орде сына М. и заточил его в тюрьму. Спустя год он был освобожден. В это время открытых столкновений Москвы и Твери не происходило. Однако отношения княжеств находились в состоянии «холодной войны». И та, и другая стороны копили силы перед решающим столкновением.

В 1374 г. в Москву бежал кашинский князь Василий Михайлович. В ноябре того же года по инициативе Дмитрия Ивановича в Переяславле состоялся съезд русских князей, на котором обсуждались проблемы стабилизации политической обстановки на Руси. Тверские князья не участвовали.

В марте 1375 г. в Тверь из Москвы бежали два «переветника», сын тысяцкого Иван Васильевич Вельяминов и купец Некомат Сурожанин. Они отправились к М. «со многою лжею и льстивыми словесы на крестьянскую пагубу». Сделав из рассказов перебежчиков вывод, что Москва готовится к нападению на Тверь, М. тут же отправил за военной помощью послов в Литву и в Орду, склоняя их к нападению на русские земли. 14 июня Некомат вернулся из Орды, привезя М. ярлык на великое княжение. Князь официально «сложил крестное целование» Дмитрию. Началась война.

Видя, что М. отказался от соблюдения договоров и фактически объявил его низложенным, московский князь объявил сбор войск. 29 июля армия Дмитрия, включавшая в себя полки 18 союзных Москве князей, т.е. значительную часть Русской земли, вторглась в пределы Тверского княжества. С 5 августа по 3 сентября длилась осада Твери. Литовцы было выступили на помощь М., но, узнав о силах коалиции русских князей, предпочли не вмешиваться. После подхода новгородских («скрежетах же зубы на тфериць» за гибель Торжка) и смоленских войск М. понял, что

дело проиграно. Он сдался, открыл ворота города и заключил с Москвой договор, безоговорочно согласившись на все условия. Он превращался в «младшего брата» московского князя, отказывался от притязаний на великое княжение Владимирское, нес ряд территориальных потерь.

Михаил Борисович Тверской (уп. в конце XV в.), удельный князь.

М. — один из самых могущественных удельных князей эпохи централизации русского государства во время царствования Ивана III. Находился в близких родственных отношениях с царем, являлся его шурином.

По существовавшему договору между Москвой и Тверью М. со своим войском должен был участвовать в защите русских земель от Орды, немцев, поляков и Литвы, сохраняя в остальном полную самостоятельность. М. до поры соблюдал данный договор, более того, участвовал в походе Ивана III против Новгорода. Однако в 1484 г. царь получил достоверные данные о тайном договоре, заключенном М. и литовским князем Казимиром, по которому каждый из них был обязан оказывать помощь другому, если он подвергнется нападению извне.

Договор был явно направлен против Москвы, в связи с чем Иван III выступил против тверского князя и вскоре захватил его.

Литва никакой поддержки М. не оказала.

По просьбе тверского князя с Москвою был заключен мир, по условиям которого он отказывался от договора с Литвой, а также свои отношения с иностранными государствами впредь был обязан согласовывать с московским правительством. Однако уже в следующем году М. вновь вступил в тайные отношения с Литвой. Московским властям удалось перехватить его переписку. Тверь была вновь осаждена войсками Ивана III, однако М. удалось тайно выйти и

бежать в Литву. После этого Тверь присягнула царю. М. в Литве был пожалован землями, однако литовцы не вняли его просьбам начать военные действия против Москвы.

Умер М. на чужбине.

Мишин Кондратий Андреевич,(?).

В 1941 г. проживал в г. Жиздра Калужской области. Во время немецкой оккупации принял предложение стать начальником местной тюрьмы, где истязались и уничтожались военнопленные, партизаны и мирные граждане. Лично участия в пытках и казнях не принимал.

Арестован в 1953 г. после длительных розыскных мероприятий. Приговорен к 10 годам тюрьмы.

Многогрешный Демьян Игнатович (уп. в с. XVII в.), черниговский полковник, затем наказной гетман Левобережной Украины.

В 1668 г. был назначен гетманом П. Дорошенко, объявившим о разрыве с Москвой и переходе в подданство к турецкому султану, руководителем всех воинских формирований (наказной гетман) в Восточной Украине, захваченной им в результате вооруженной борьбы с московскими воеводами. Однако М. начал вскоре переговоры с московским правительством, испрашивая прощение для подчиненных ему казаков за измену и предлагая переход на сторону русского царя, если последний сохранит для Малороссии привилегии, дарованные ей при Богдане Хмельницком в соответствии с положениями Переяславской рады. Царь объявил прощение М. и его казакам и «удостоверил их в своей милости», однако на требования убрать из Малороссии московских воевод ответил отказом.

После длительных переговоров договор был все же заключен. По его условиям, московские воеводы оставались в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре. Были оп-

ределены размеры казачьего жалованья, а также подтверждено право казачьего круга избирать гетмана, который должен, однако, «погодно жить в Москве».

После подписания договора М. был выбран гетманом, ему была поднесена булава. Он всенародно объявил, что будет верно служить русскому государю, и получил от московского представителя «подтвердительные царские грамоты», после чего в церкви принес торжественную присягу на верность русскому престолу.

П. Дорошенко, узнав об «отпадении» до сих пор верно-го ему М., добился у константинопольского патриарха предания «изменника» анафеме.

По просьбе М. в Константинополь был послан русский посол, который получил от патриарха грамоту о снятии проклятия. Грамота патриарха, однако, осталась на хранении у русского царя.

Вскоре П. Дорошенко вместе с турецкими и крымскими союзниками возобновил военные действия против Польши, с которой русский царь вел активные переговоры о долгосрочном мире. Одновременно П. Дорошенко начал активные тайные переговоры с М., убеждая его изменить присяге царю и вновь перейти на его сторону. Это предложение встретило сочувствие у М., который к этому времени успел разочароваться в сотрудничестве с московским правительством, считая, что оно идет на слишком большие уступки полякам за счет Восточной Украины и подозревая царя в желании заменить его на гетманском месте. Договоренность М. с П. Дорошенко приняла реальные очертания. Он субсидировал западноукраинского гетмана значительной суммой денег, полученной из царской казны, и выразил готовность открыто перейти на его сторону. Однако изменческие намерения М. стали известны русским от осведомителей в его ближайшем окружении. Кроме того, он сам несколько раз в состоянии сильного опьянения публично

«озвучивал» свое желание нарушить присягу, данную русскому престолу.

Представители русского царя сумели воспользоваться услугами группы оппозиционно настроенных к М. лиц, которые в марте 1671 г. арестовали М. При аресте он оказал сопротивление и был ранен в плечо пистолетным выстрелом. Вместе с ним были схвачены и отправлены в Москву его брат и другие верные ему люди.

Царские власти сочли необходимым через свою агентуру в Малороссии осведомиться о реакции казачества и «черных людей» на арест М. Результаты этой тайной операции были достаточно утешительны для Москвы: «Казак, помещане и вся чернь великого государя державе рады, за гетмана никто не вступается, говорят и про всю старшину что им, черни, стало от тех тяжело, притесняют их всякими работами и поборами; ни один гетман их так не тяжелил и в порабощенье старшинам и союзникам своим не выдавал, как нынешний Демка... Говорят также, чтобы царскому величеству прислать к нам своих воевод, а гетману у нас не быть, да и старших бы всех перевести; нам было бы лучше, да разоренья и измены ни от кого не было бы; а то всякий старшина, обогатясь, захочет себе панства и изменяет, а наши головы гнут напрасно».

Видимо, с учетом этой информации царь решился на жесткие меры в отношении М. и его окружения. Они были подвергнуты допросам и пыткам и преданы суду.

М. и его брат были приговорены к смертной казни, однако, уже будучи на плахе, услышали указ царя, по которому казнь была заменена ссылкой «в дальние сибирские города». Было велено держать их в кандалах в разных тюрьмах «для того, что забыли страх божий и государеву милость».

В дальнейшем условия ссылки М. были значительно смягчены. Имеются сведения, что летом 1689 г. он участвовал в

организации переговоров царского воеводы Головина с китайскими представителями в Нерчинске о разграничении территорий в Забайкалье, а также вел боевые действия против туземного населения, перешедшего на сторону китайцев.

Молчанов Михаил Андреевич (ум. 1611), дворянин.

С 1601 г. являлся стольником, входил в окружение царя Бориса Годунова. В 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия I, участвовал в убийстве дочери и сына Годунова, царевны Марии и царевича Федора.

В мае 1606 г. после восстания москвичей, свержения и убийства самозванца М. был бит кнутом за чернокнижие, однако сумел бежать и в сопровождении двух поляков направился к литовским границам. По дороге распускал слух, что он является царем Дмитрием, который спасается из Москвы, а вместо него восставшие по ошибке убили другого человека.

После воцарения В. Шуйского князь Г.П. Шаховской, поднявший против него мятеж, пригласил М. присоединиться к нему в Путивле под именем царя Дмитрия, но тот предложение отклонил.

Проживая в Польше, в Самборе М. уговорил И.И. Болотникова вернуться в Россию и поднять народ против царя Василия. Вскоре сам перебрался через границу, но был схвачен и за участие в заговоре вновь бит кнутом. Однако опять бежал в Речь Посполитую.

В 1609 г. появился на русской территории в составе польских войск, но вскоре покинул их и перебрался в Тушино, в лагерь Лжедмитрия II (см. соотв. ст.). Получил от самозванца чин окольничего. В январе 1610 г. участвовал в посольстве тушинцев к польскому королю для призвания на русский трон Сигизмунда либо его сына Владислава. М. входил в состав группы тушинских представителей, пытав-

шихся заставить москвичей присягнуть Владиславу и оказать давление на патриарха Гермогена, возглавлявшего антипольскую партию. Увидев М. в Успенском соборе, Гермоген закричал на него: «Окаянный еретик! Тебе не след быть в церкви!»

По приказу патриарха М. был изгнан из собора.

После неудавшейся попытки воцарения Владислава и краха авантюры Лжедмитрия II М. переходит в польские войска, возглавляемые Сигизмундом III. Получил от него чин окольничего, был назначен руководить Панским приказом. М. был убит во время восстания москвичей против поляков.

Морозов Василий Иванович, 1888 г. рождения, генерал-майор белой армии.

Родился в семье казака в станице Семикаракорская Верхне-Донского округа.

В 1908 г. окончил Новочеркасское военное училище. Служил хорунжим в казачьем полку, в составе которого участвовал в Первой мировой войне.

В Гражданскую войну служит в армии Краснова, командовал Донским конным полком. В 1919 г. произведен в полковники и назначен командиром отдельной казачьей бригады, которая вела боевые действия против формирований Махно.

В 1920 г. бригада М. участвовала в обороне Крыма. За бои в Северной Таврии произведен Врангелем в генерал-майоры. Вскоре получил ранение и вместе с Донским корпусом эвакуировался из Крыма. Осел в Болгарии, где в течение 10 лет работал шахтером.

В конце 1941 г. М. одним из первых вступил в т.н. Русский охранный корпус, сформированный гитлеровским командованием в Югославии из числа белоэмигрантов для борьбы с Красной армией и ее союзниками. Командовал в

нем Донским батальоном, а с октября 1944 г. до конца войны — казачьим полком.

После окончания войны находился в лагере «Келлерберг» (Австрия).

Умер в 1950 г.

Морозов Олег Иванович, 1947 г. рождения, урож. г. Баку.

Выпускник Горьковского политехнического института. Службу в КГБ начал в Горьковском управлении госбезопасности.

В 1985 г. переведен в Москву в Центральный аппарат разведки. Через три года был командирован в Италию. В 1991 г. вернулся в Россию.

Работал под прикрытием одной из московских крупных фирм. Участвовал в реализации некоторых ее бизнес-проектов, за что получал определенное вознаграждение, однако «по-настоящему» разбогатеть не смог. Принял решение хорошо заработать на предательстве.

В мае 1995 г. приобрел фальшивые паспорта на себя, жену и сына, оформил визы в Швейцарию. У своих товарищей занял крупную сумму денег, разместил их в зарубежных банках.

В июне того же года вылетел в Швейцарию. Установил контакт с местной резидентурой ЦРУ. Был переправлен в США, где выдал известную ему информацию о советской разведке.

В отношении М. было возбуждено уголовное дело по статьям УК РФ, предусматривающих ответственность за дезертирство, измену Родине и мошенничество.

Мосальский-Рубец Василий Михайлович (ум. 1611).

Происходил из рода черниговских Рюриковичей. С 1588 г. в царской администрации занимал пост стряпчего, в

1598 г. назначен головой в Чернигов, а в 1601 г. — на ту же должность в Тобольск.

По поручению царя Бориса в 1604 г. возглавляет войска, дислоцированные под Путивлем для отражения наступления отрядов Лжедмитрия I. Изменил царю, перешел на сторону самозванца, сдав ему Путивль, имевший важное стратегическое значение. Был пожалован Лжедмитрием I в бояре, сделался одним из наиболее приближенных к нему лиц. Был послан самозванцем в Москву, где участвовал в низложении патриарха, а также в убийстве детей царя Бориса, царевича Федора и царевны Марии. Держал под арестом в своем доме вторую дочь умершего царя, Ксению, над которой впоследствии надругался самозванец.

В 1606 г. по поручению Лжедмитрия I встречал в Смоленске Марину Мнишек, сопровождал ее до Москвы.

После свержения и убийства самозванца М. подвергся опале новым царем Василием Шуйским, хотя наказание его было чрезвычайно мягко — воеводство в Кореле.

В 1608 г. М. бежал в Тушино, в лагерь Лжедмитрия II. В 1610 г. он входит в посольство тушинцев в Польшу для призвания на русский престол короля Сигизмунда III либо его сына Владислава, что закончилось полной неудачей.

Во время интервенции поляков входил в состав т.н. московского правительства, сформированного из русских родовитых людей — сторонников Сигизмунда III.

В 1610 г. М. назначен в состав посольства князей В.В. Голицына и Филарета Романова в Польшу, где вскоре умирает.

Московское оккупационное правительство 1812 г. — администрация, образованная французами из иностранцев и русских подданных после занятия Москвы.

Во главе муниципального правления был поставлен гражданский комендант Ж.-Б. Лессепс. Правление состояло из

шести отделений (bureaux), в их обязанности входило: закупка для французов провианта, размещение их войск по квартирам, содержание улиц, дорог и мостов, очистка улиц от трупов, досмотр за госпиталями и богослужениями, контроль над уголовными преступлениями. Состав должностей в муниципалитете выглядел следующим образом: председатель-интендант, голова, товарищи головы, члены муниципалитета, секретарь и казначей. Кроме того, учреждались должность полицмейстера, в его распоряжении были комиссары.

Пост городского головы занял купец первой гильдии П.И. Находкин. Его товарищами стали: чиновник вотчинного департамента надворный советник А.Д. Бестужев-Рюмин, виртембергский уроженец Е. Менъен, купец Я. Дюлон, московский именитый гражданин Ф. Фракман, купец П. Коробов, купеческий сын Н.Н. Крок. В муниципалитет в качестве членов вошли 14 человек: профессор Московского университета Х. Штельцер, купец третьей гильдии И.К. Козлов, купец И. Переплетчиков, чиновник московского обер-егермейстерского ведомства надворный советник А. Конюхов, старший штаб-лекарь Московской управы благочиния надворный советник И. Кульмен, отставной ротмистр Ф. Брион, титулярный советник Х. Донорович, титулярный советник А. Суцов, купец первой гильдии В.Ю. Бородин, купец второй гильдии Г.Г. Кольчугин, купец второй гильдии В.Ф. Коняев, купеческий сын П.П. Находкин, иностранцы А. Келлер и Е. Мерман. Секретарем назначен иностранец К.К. Куст, казначеем — дерптский купец Х. Фэ, полицмейстером — магистр Московского университета Виллерс, главным комиссаром — иностранец Пюже.

В подчинении последних находился штат комиссаров — представителей исполнительной оккупационной власти, «полицаев» образца 1812 г. Известны следующие имена: титулярный советник С. Залетов, отставной прапорщик

Е. Паланж, учитель Московской гимназии и Александровского института Ф. Реми, учитель при университетском пансионе коллежский регистратор П. Мерсанов, профессор физики И. Чернич, художник Д. Фабер, купец второй гильдии Л. Смирнов, купец третьей гильдии А.М. Прево, учитель Екатерининского института М. Марк, иностранцы И. Бушот, И. Визар, Е. Лаланс, Ф. Рэбэ, Г. Дро, К. Массан, Н. Борн.

Кроме того, французы учредили должности комиссарских помощников. Известны имена лиц, выступавших в этом качестве: отставной ротмистр П. Басков, квартальный поручик московской полиции В. Галданов, титулярные советники П. Нечаев и С. Залетов, коллежский секретарь второго департамента Московского надворного суда В. Виноградов, губернский секретарь М. Щокотов, вольноотпущенный И. Ермолаев, дворовый человек Е. Ушаков.

Степень измены и сотрудничества с оккупантами этих лиц была разной. В заключении императорского манифеста от 30 августа 1813 г. в ст. 19 говорилось: «...находим мы некоторое, но к утешению весьма малое число заблудших людей, из которых иные от страха и угроз неприятельских, иные от соблазна и обольщений, иные же от развратных нравов и худости сердца, забыв священный долг любви к Отечеству и вообще к добродетели, пристали к неправой Богу и людям ненавистной стороне злонамеренного врага». В документах Особой сенатской комиссии, расследовавшей дело о московских изменниках, говорится, что «вины тех подсудимых большей частью состоят в одной только слабости духа, не позволявшей им упорствовать с твердостью против угроз и насилий безчеловечного врага».

Все же необходимо назвать имена и поступки наиболее активных сторонников захватчиков. Магистр Виллерс стал при французах полицмейстером, составляя для них списки кандидатов в комиссары полиции, объявлял фран-

цузские прокламации и исполнял особые поручения. При оставлении Москвы неприятелем он отступал с армией Наполеона, но позже был арестован уже в Черниговской губернии.

Надворный советник А.Д. Бестужев-Рюмин, пользуясь случаем, присвоил более восьми тысячи рублей, которые ему доверили на сохранение в Вотчинном департаменте. Он гордо носил красную перевязь, пожалованную ему французами, и прикрепил на своем доме табличку: «Жилище товарища городского головы». Губернский секретарь Щербачев, приписанный для службы в 1-й Егерский полк, дезертировал и стал состоять при свите Наполеона для особых поручений.

Русский подданный иностранного происхождения И. Бушот призывал французов «принять меры» против спрятанных в домах русских раненых. Купец Смирнов был избит крестьянами Вохонской волости, где пытался наладить сбор провианта для армии Наполеона и распространял от его имени прокламации. Его арестовали сами же сельчане под предводительством головы Стулова. Канцелярист Орлов был схвачен казаками сотника Катасонова в д. Черная Грязь, где он по заданию французов выводывал расположение русских войск.

После занятия русскими войсками Москвы 12 октября 1812 г. по приказу генерал-майора А.Х. Бенкендорфа, назначенного в освобожденной столице на должность полицмейстера, началось следствие в отношении лиц, сотрудничавших с оккупантами. Для рассмотрения деятельности М. о.п. 9 ноября 1812 г. Указом Александра I была учреждена Особая комиссия Правительствующего Сената под началом тайных советников и сенаторов Модераха и Болотникова.

Всего по следствию проходили 87 человек. Они были разделены на три категории: лица, уличенные в активном и

добровольном сотрудничестве с неприятелем (22 человека), лица, занимавшие должности по принуждению и под контролем французов, при этом сделавшие что-то и полезное для города (например, член муниципалитета А. Сущов спас от разгрома университетскую типографию; таких было 37 человек), и подозреваемые (21 задержанный). Были еще арестанты, выделенные в особую категорию (у которых предательство совместилось с мародерством и уголовщиной). Часть из членов М. о.п. оправдали, некоторые отделались административными наказаниями, наиболее злостных служителей оккупантов лишили сословных привилегий и сослали в разные губернии (наибольшее количество — в Тамбовскую губернию и Сибирь). Понесенные изменниками наказания в целом были весьма мягкими, к тому же уже 30 августа 1814 г. вышел царский манифест об их прощении.

Московские жители после Куликовской битвы

Итоги Куликовской битвы (1380) вызвали моральный раскол в русском обществе. Наряду с растущим национально-освободительным движением (русские люди осознали, что татарским поработителям можно не только сопротивляться, но и побеждать их), бытовали пораженческие настроения, связанные с многолетним подчинением Орде. В преддверии новых схваток с татарами москвичи вели себя по-разному. Летописец рассказывает следующее: «Бывшу же промеж ими неодночеству и неимоверству, и то познав и разумеv, великий князь Дмитрий Иванович и бысть в недоумении и в размышлении и поеде в град свой Переяславль, а оттуда к Ростову». В столице возник «мятеж велик, и бяху людие смущены, яко овца не имуще пастыря. Възмятоша бос я гражане, овии хотеху сести во град и затворитися, а друзи бежать помышляху... Граду же единаче мятущуся, акы морю в велице бури, ни откуду же утешения обретеши,

но паче больших зол ожидающе». Пытавшихся покинуть город москвичи избивали камнями, в воротах была выставлена вооруженная стража с приказом никого из Москвы не выпускать. Некоторым жителям столицы все же удалось бежать, но при этом они лишились всего своего имущества.

Моторин Сергей Михайлович, 1952 г. рождения, подполковник, бывш. сотрудник советской разведки.

Окончил Высшую школу КГБ и благодаря связям отца (высокопоставленный партийный работник) был распределен в разведку в американский отдел. В 1980 г. выехал в США, работал под прикрытием 3-го секретаря посольства. От активной разведывательной работы уклонялся. Сожительствовал с женой одного из советских дипломатов, проводил с ней время в гостиницах, что было зафиксировано агентами ФБР. Был ими завербован. Передал ФБР совершенно секретные материалы о составе резидентуры советской разведки в США и ее агентуре. Был отозван в Москву. Весной 1985 г. в результате утечки информации из ЦРУ был арестован и расстрелян.

Мстиславский Федор Иванович (ум. 1622), князь, воевода.

Участник Ливонской войны, по росписи за 1577 г. рядного приказа числился воеводой. В 1604 г. был поставлен царем Борисом Годуновым во главе войска для борьбы с отрядами Лжедмитрия I. В сражении под Новгородом Северским получил ранение. После падения Б. Годунова и захвата русского престола самозванцем сохранил пост главы Боярской думы. Активный участник заговора против Лжедмитрия I.

Во время царствования Василия Шуйского М. участвует в подавлении мятежа И.И. Болотникова (см. соотв. ст.). После низложения Василия Шуйского М. возглавил коллек-

тивный орган управления страной, называемый семибоярщиной.

Во время польской интервенции вошел в пропольскую партию, сформированную из влиятельных политических деятелей, выступавшую за призвание на русский трон короля Сигизмунда III либо его сына Владислава.

Вместе с боярином М.Г. Салтыковым пытался заставить патриарха Гермогена поставить подпись под обращением к польскому королю занять русский престол.

Весь период оккупации Москвы поляками оказывал им содействие в поддержании в столице порядка. Вместе с интервентами был окружен в столице ополчением князя Дм. Пожарского, а после их капитуляции вместе с ними вышел из города. Был спасен Дм. Пожарским от самосуда москвичей, считавших его одним из главных изменников.

В 1613 г. М. участвует в Земском соборе, избравшем на царство Михаила Романова.

После этого участия в политической жизни не принимает.

«Мюизьера де дело»

В мае 1990 г. в западных политических кругах разразился громкий скандал: посол Люксембурга в Бельгии граф де Мюизьер, до этого несколько лет работавший послом в СССР, был обвинен в шпионаже в пользу Советского Союза. Это известие стало достоянием местной прессы, которая не без злорадства активно обсуждала новое «шпионское дело».

Обвинения в адрес М. усугублялись тем, что он одновременно был аккредитован в Брюсселе как представитель Люксембурга при НАТО и, следовательно, был допущен к совершенно секретной информации. Бельгийские власти потребовали немедленного отзыва М. на родину и фактически лишили его доступа к служебной информации по НАТО.

Как выяснилось вскоре, источником этого скандала был сотрудник советской разведки Игорь Николаевич Черпинский, 1962 года рождения, уроженец г. Киева, который в марте 1990 г. вместе с женой и малолетним сыном попросил политического убежища в США. Он передал американцам сведения об агентурной сети КГБ в Бельгии, назвал полный состав резидентуры, в результате чего последовали аресты, а трое советских разведчиков были из страны выдворены.

Видимо, Ч. посчитал, что в переданной им в ЦРУ информации не хватает «изюминки». Поэтому в список агентуры КГБ в Бельгии он включил и М., который советским агентом никогда не был.

В настоящее время Ч. с семьей проживает в США.

По непроверенным данным, М. был подвергнут аресту, однако через неделю был освобожден за отсутствием улик.

Мясоедов Сергей Николаевич, 1866 г. рождения, подполковник царской армии.

Окончил кадетский корпус. В 1892 г. переведен в Отдельный корпус жандармов, был назначен помощником начальника Вержболовского пограничного отделения. Вскоре становится его начальником. Поддерживает хорошие деловые отношения с представителями немецких властей. Был лично знаком с кайзером Вильгельмом II. В 1905 г. М. выезжал на территорию Германии в имение Ромингтен, где по случаю его приезда был устроен обед с участием кайзера, который подарил русскому офицеру свой портрет с подписью.

В 1906 г. было проведено расследование деятельности М. в Вержболове, однако дело было прекращено. Но уже через год М. был уволен со службы за «коммерческую деятельность на границе».

М. создает акционерное общество «Северо-западное пароходство», занимается бизнесом. В 1909 г. отправляет

П.А. Столыпину письмо с просьбой вновь принять его на госслужбу. П.А. Столыпин на письмо ответа не дал, наложив резолюцию: «Не пускать его к границе ближе меридиана Самары».

В 1909 г. в доме жены сенатора М. Викторова знакомится с вновь назначенным военным министром В.А. Сухомлиновым. Это знакомство вскоре переросло в тесную дружескую связь. Они часто общаются семьями, проводят вместе отпуска за границей. Дружба Сухомлинова с М. вызывает недоумение в окружении министра, его неоднократно предупреждают, что отставной подполковник — «темная личность» и, возможно, является шпионом Германии. Однако эти демарши результата не принесли. Более того, Сухомлинов протектирует М., в результате чего в сентябре 1911 г. Николай II через голову министра внутренних дел восстанавливает М. в отдельном корпусе жандармов. Через несколько месяцев он был переведен в военное министерство. Здесь ему было поручено заниматься борьбой с иностранным шпионажем и сыском по политическим делам. Министр внутренних дел Макаров неоднократно предупреждал Сухомлинова об опасности приближения к себе такого лица, как М., однако и эти предупреждения успеха не имели.

Вскоре контрразведка Киевского военного округа перехватила посылаемую из Петербурга в Вену корреспонденцию австрийских агентов, из которой явствует, что они прекрасно осведомлены о происходящем в ближайшем окружении военного министра и его доме, вплоть до его конфиденциальных разговоров с царем.

Некоторые видные представители оппозиции в 1912 г. начали кампанию против М., избирают его в качестве главной мишени для нападок, целя при этом в Сухомлинова и окружение царя. Особое рвение проявляют газета «Вечернее время» и известный политический деятель А.И. Гучков,

постоянно выступавший по данному вопросу в Государственной думе.

Гучков был вызван М. на дуэль, которая, впрочем, закончилась безрезультатно. В это же время на бегах М. публично подверг избиению редактора «Вечернего времени» Суворина. Все это позволило М. несколько успокоить общественное мнение, считавшее, что он как дворянин «добился удовлетворения».

В то же время русская контрразведка продолжала фиксировать активные контакты М. с австрийцами и немцами, среди которых были: Анна Аурих, корреспондент берлинских газет; советник германского посольства фон Люциус; офицер Генерального штаба Германии Гей; доктор философии и одновременно представитель зарубежных оружейных фирм Полли-Полочек (все эти лица разрабатывались по подозрению в шпионаже).

После начала Первой мировой войны М. был откомандирован в штаб 10-й армии Западного фронта, где на него было возложено руководство агентурной разведкой.

К этому времени М. был взят в активную разработку русской военной контрразведкой по указанию ее руководителя Н.С. Батюшина. Основным поводом к этому послужили показания подпоручика 23-го пехотного Низовского полка Я.П. Колаковского, явившегося в декабре 1914 г. в Главное управление Генерального штаба. Он заявил, что был пленен немцами при разгроме армии генрала А.В. Самсонова.

Находясь в плену, он не видел другой перспективы вернуться на Родину, как начать сотрудничать с немцами и войти к ним в доверие и этим принести какую-то пользу России. Он был завербован лейтенантом немецкой разведки Бауэрмейстером, от которого получил задание восстановить от его имени агентурные отношения с М. По словам Бауэрмейстера, М. был им завербован еще в Вержболове.

Я.П. Колаковский должен был приехать в Петроград, выйти на связь с М. и получить от него информацию о настроениях в русском высшем обществе и планах царя и его окружения о продолжении войны. Я.П. Колаковский через Швецию был переправлен в Россию, где сразу сдался русским властям.

В феврале 1915 г. М. был арестован, у него был произведен обыск. Из изъятых при обыске документов контрразведчики обратили особое внимание на совершенно секретные документы о передвижении русских частей на фронте 10-й армии и агентурных данных об упреждающих маневрах немецких войск, которые он скрыл от военного руководства, в результате чего 22-й корпус армии был наголову разгромлен.

На следствии и на судебном процессе М. отрицал свою шпионскую работу в пользу германской разведки.

Суд, однако, посчитал вину М. доказанной и приговорил его к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение.

Н

Нагаев Николай Васильевич, 1883 г. рождения, генерал-майор Генштаба.

После окончания кадетского корпуса и Павловского военного училища служил в гвардейском стрелковом батальоне. Поступил в Николаевскую военную академию, по окончании которой в 1910 г. вернулся в свою часть.

Участник Первой мировой войны. Получил в 1916 г. Георгиевский крест за отличие в боях во время Брусиловского наступления. Произведен в полковники. В 1917 г. был назна-

чен командиром 2-го лейб-гвардии стрелкового Царскосельского полка, вскоре получает звание генерал-майора.

В Добровольческой армии — с начала ее формирования. Командует пластунским батальоном. С 1919 г. — начальник штаба гвардейской дивизии. После разгрома армии Врангеля эвакуировался с ее остатками, проживал в Белграде. В 1943 г. принял монашество. С 1944 г. становится полковым священником т.н. Русского охранного корпуса, сформированного гитлеровцами из числа белогвардейцев-эмигрантов.

С 1954 г. возглавил английскую епархию Русской зарубежной церкви как архиепископ Ричмондский Никодим. Умер в Лондоне в 1976 г.

«Народная милиция» в Смоленске (НМС)

Сформирована по указанию немцев на оккупированной территории Смоленской области в 1941 г. Возглавил НМС майор Д. Космович, белорус, эмигрант, проживавший в Белграде. После нападения Германии на СССР Д. Космович вернулся на родину, где в районе Брянска и Смоленска по приказу гитлеровцев сформировал «силы самообороны», которые использовались против партизанских отрядов. Они размещались в бункерах около г. Демидова. Основной целью борьбы НМС, по заявлениям Д. Космовича, являлась независимость Белоруссии.

НМС постоянно расширялась за счет военнопленных и вскоре была разбита на батальоны.

Массовые переходы бойцов НМС на сторону партизан привели в конечном счете к ее расформированию.

Науменко Вячеслав Григорьевич (?), генерал-лейтенант белой армии.

Окончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Поступил в Николаевскую во-

енную академию Генштаба, но в связи с началом Первой мировой войны успел завершить обучение только в двух классах.

С марта 1915 г. — старший адъютант Кубанской казачьей дивизии. С 1917 г. — начальник штаба дивизии, полковник.

С 1918 г. находится в рядах Добровольческой армии, командует полком, а затем — бригадой. В ноябре 1918 г. производится в генерал-майоры, а с декабря того же года возглавляет командование конной дивизией. Избирается атаманом Кубанского казачьего войска. В 1919 г. назначен командиром 2-го Кубанского конного корпуса Кавказской армии. В эмиграции — походный атаман Кубанского казачьего войска.

Во время Второй мировой войны встал на путь сотрудничества с нацистским режимом. Входил в руководство Главного управления казачьих войск вермахта, одно время вместо генерала П.Б. Краснова возглавлял его. Формирования под его управлением принимали участие в военных действиях на стороне Германии, в том числе и на Восточном фронте. Поддержал создание т.н. Русской освободительной армии генерала А.А. Власова.

После войны выехал в США, где умер в доме престарелых в 1979 г.

Националистические военные формирования в составе войск СС (НФ)

Основными военными НФ, созданными руководством вермахта и немецкими спецслужбами в ходе Великой Отечественной войны, являлись:

1-я пехотная дивизия СС «Галиция» (лица украинской национальности). Образована в 1943 г., формировалась на добровольной основе, капитулировала в 1945 г.

15-я гренадерская дивизия СС «Латвия» (латыши, немцы), создана в 1943 г., формировалась на добровольной основе, капитулировала в 1945 г., находилась в плену у англичан.

19-я гренадерская дивизия СС «Латвия» (латыши) создана в 1944 г., капитулировала в 1945 г. Латышские легионеры участвовали в обороне рейхсканцелярии в 1945 г.

1-я пехотная дивизия СС «Эстония» (эстонцы), создана в 1944 г., капитулировала в 1945 г.

Туркестанские, кавказские, калмыцкие части СС.

НФ принимали участие в боях с Красной армией и партизанами, а также в карательных акциях против гражданского населения, отличались особой жестокостью.

После войны часть личного состава НФ была репрессирована советскими властями.

(Приложение № 8)

«Национально-трудовой союз» (НТС)

Фактически возник в белоэмигрантской среде в 1929 г. Последовательно носил названия: «Национальный союз русской молодежи за рубежом» (1929), «Национальный союз русской молодежи» (1930), «Национальный союз нового поколения» (1931), «Национально-трудовой союз нового времени» (1936). Свое нынешнее название получил в 1945 г., после войны.

Основу организации НТС вначале составляли молодые эмигранты, которые обвиняли старшее поколение и их организации типа РОВС (см. соотв. ст.) в недостаточно активной борьбе с большевизмом.

На первом этапе вплоть до начала 40-х г. НТС пытался создать русский вариант немецкого национал-социализма. Видными его деятелями являлись В. Байдалаков, Варгун, А. Казанцев, Р. Редлих, В. Поремский, М. Георгиевский, Трушкович.

В 1936 г. НТС предпринял попытку установить первый контакт с руководством нацистов, но неудачно. После нападения Германии на СССР руководство НТС выдвинуло идею освобождения России от Советской власти с помощью Германии, хотя его членам были хорошо известны цели восточной политики рейха. НТС начал активно внедряться в различные структуры германской оккупационной администрации на советской территории.

Многие члены НТС занимали ответственные должности в различных гитлеровских учреждениях: в министерстве пропаганды, в отделе пропаганды вермахта, в министерстве восточных территорий и др.

Начиная с 1943 г. НТС установил тесные контакты с генералом А.А. Власовым (см. соотв. статью настоящего издания) и координировал с ним пропагандистскую работу среди советских военнопленных.

В этом же году руководители НТС разочаровались в сотрудничестве с германскими властями, которые подозрительно относились к русским эмигрантским организациям. Со стороны НТС раздались критические замечания по поводу восточной политики Германии. В результате этого гестапо провело массовые аресты членов НТС, заключив их в концлагеря.

В новых условиях руководители НТС резко переориентировались в сторону «западных демократий».

Сохранив свои кадры и организационные структуры после капитуляции Германии, НТС продолжил активную антисоветскую деятельность уже под руководством Центрального разведывательного управления США. После известных событий в СССР в 1991 г. НТС пытается распространить свое влияние на российское общество, однако, будучи скомпрометированным своей прошлой деятельностью, особых успехов не добивается.

Некомат Сурожанин (уп. в 1375), московский купец.

В 1375 г. в разгар борьбы Москвы за объединение русских земель вместе с сыном тысяцкого Вельяминовым бежал в Тверь, которая являлась в это время главным соперником московского князя. Убедил тверского князя Михаила (см. соотв. ст.) в том, что Москва готовит на Тверь нападение. Был послан Михаилом в Литву и Орду за военной помощью. Привез тверскому князю из Орды ярлык на великое княжение. После поражения Твери в борьбе с Москвой скрылся. Его дальнейшая судьба не выявлена.

Нерадец (уп. 1086), дружинник владими́ро-во́лынско́го и ту́ровско́го князя Ярополка Изяславича.

Во время междоусобной войны Ярополка со Всеволодом Ярославовичем Киевским и Владимиром Всеволодовичем Черниговским 1085—1086 гг. изменил господину. 22 ноября 1086 г. Н., по выражению летописца, «наученный дьяволом и злыми людьми», убил Ярополка ударом сабли во время похода. После этого Н. бежал в г. Перемышль к князю Рюрику Ростиславичу. Труп Ярополка был перевезен в Киев и там оплакан его детьми — Владимиром и Ростиславом. Есть основания полагать, что убийство Ярополка было организовано младшими Ростиславичами, Рюриком и Васильком, в 1084 г. бежавшими от Ярополка и пытавшимися изгнать его из Владимира Волынского.

Нечаев (Нечай) Иван (сер. XVII в.), атаман черкас (украинцев), чаусский наказной полковник, зять гетмана Б.М. Хмельницкого.

В отличие от своего знаменитого родственника был враждебно настроен к русскому царю. Выступал за вассалитет Малороссии Польше.

Но в ходе Русско-польской войны 1654—1667 гг. за присоединение Украины к России он принес присягу на вер-

ность русскому царю. Отряд черкас под командованием Н. действовал на территории Белоруссии. Со стороны местного населения на Н. неоднократно поступали жалобы о притеснениях, принудительном наборе в войско, поборах и т.п. По свидетельствам современников, черкасы его полка разоряли местную шляхту, «из маетностей выгоняют, иных побивают, крестьян от пашни отлучили и произвели такой голод, какого давно не слыхано, не только что мертвечину и всякую нечистоту, но и человеческое мясо едят».

В условиях войны с Польшей такие действия дискредитировали украинских союзников Москвы. Для расследования проступков самовольничающего полковника в апреле 1656 г. в Белоруссию Б. Хмельницким были посланы полковник Антон Жданович и московский стрелецкий сотник Сивцов. Н. обвинили, кроме того, в принудительной замене в городах местных гарнизонов казацкими и в чинимых ими разбоях. Однако казаки взяли вину на себя и показали, что якобы творили беззакония без ведома своего командира. Украинцев обязали вывести казацкие гарнизоны. После отъезда следственной комиссии Н. продолжал ту же политику и даже начал сам жаловаться в Москву на русских воевод, не оказывающих ему содействия в боевых действиях против Польши.

Во время наступления 1659 г. войск гетманов Сапеги и Гонсевского Н. «со товарищи» были приписаны к полку Н.И. Одоевского. Н. же со своими людьми самовольно покинул отряд Одоевского в разгар боевых действий. Перебежчик принес новую присягу польскому королю Яну-Казимиру, стал нападать на русские отряды, пытался подбить на антироссийский мятеж жителей Мстиславля и Кричева.

После ряда столкновений с московскими войсками Н. со своими людьми заперся в г. Старый Быхов. В его распоряжении оказался гарнизон из 60 человек шляхты, 300 казаков, 1000 мещан и 400 евреев. Помощь осажденным обещал гетман Павел Сапега.

Однако положение Н. и его сторонников, осажденных русскими войсками, было весьма плачевным. Он выпустил из города 45 «самых нужных голодных людей», и они показали, что в Быхове «от голоду больных большая половина и многие мрут». Осажденная крепость была взята воеводами И.И. Лобановым-Ростовским и С. Змиевым. Н., его брат, Самушка Выговский и другие его сторонники были схвачены и отосланы в Москву.

Отчеты об измене Н. регулярно поступали в Приказ тайных дел в Москве. Это всерьез беспокоило царя Алексея Михайловича. Видимо, власти опасались распространения действий изменника на другие города и старались их предотвратить. Например, в г. Могилев была послана благодарность С. Змиеву и могилевским «бурмистрам, райцам и славникам» за то, что они «ни на какие прелести изменнические не прельщались».

В 1660 г. гетман Ю. Хмельницкий (сын Богдана Хмельницкого) обратился к русскому царю с ходатайством об освобождении Н., однако получил категорический отказ. В своем ответе гетману царь Алексей Михайлович пишет, в частности, следующее: «Иван Нечай нам изменил, польскому королю Яну-Казимиру присягал, наших ратных людей на проездах многих побивал, в Мстиславль и Кречев мещанам прелестные листы писал, по которым мещане нам изменили, воевод наших и ратных людей побили, а иных воевод он, Нечай, отослал к польскому королю; он же из Чаде под Могилев и под Мстиславль приходил, много разорение и кровопролитие починил, в Смоленск к воеводе и в другие города воровские листы писал, называясь верным подданным польского короля; в Быхове заперся, наших милостивых грамот не послушал, почему и взят в Быхове нашими ратными людьми. Польский король и теперь с нами войну ведет, так нам Нечая к вам в Войско Запорожское отпустить нельзя, по-

тому что он, по присяге своей, станет польскому королю желать всякого добра, а нам и вам всякого зла».

Дальнейшие события подтвердили обоснованность доводов русского царя: вскоре изменнически перешел на сторону Польши сам гетман Малороссии Ю. Хмельницкий.

Никандр (уп. в нач. XVII в.), архимандрит Георгиевского монастыря.

Участник новгородского посольства в Стокгольм для призвания на русский трон шведского принца (подробнее см. статью «Новгородская смута» настоящего издания).

Никитины: Альфан, Герасим, Иван (Микитич), Конон и Родион (уп. 1398), двинские воеводы.

В 1397 г. великий князь московский Василий Дмитриевич (1389—1425) послал в Двинскую землю своего боярина Андрея Альбертова. Последний склонил двинян изменить присяге на верность, данной Великому Новгороду, и перейти под патронат Москвы. Новгородцы протестовали против такой акции, указывая, что Василий «отымает» у них Заволочье, Торжок, Волок Ламский, Вологду и Бежецкий Верх в нарушение крестного целования, скреплявшего прежние договоры Москвы и Новгорода. Но великий князь оставил их претензии без внимания.

В 1398 г. новгородское вече постановило, что таких обид терпеть более нельзя. Горожане торжественно «целоваша крест за един брат» на том, что все выступают на защиту «отчины и дедины», исконных владений Святой Софии и Великого Новгорода. Выступление войск возглавляли посадники Юрий Дмитриевич и Василий Борисович. Их благословил епископ Иоанн.

Новгородские полки вторглись в мятежную двинскую землю. Были взяты Белоозеро с полостью, Устюг, Вологодская и Кубенская волости. Новгородцы сурово карали

«крестопреступников» и «переметчиков» — в основном знать двинской земли. После падения г. Орлеца двиняне признали свою «вину». Их воевод, «кто водил двинскую землю на зло» — Ивана, Конона, Альфана, Герасима и Родиона Никитиных — в оковах привезли в Новгород.

Осенью 1398 г. новгородцы заключили с Москвой мир на старых условиях. После этого главного «переветника» Ивана Никитина сбросили с моста в р. Волхов, Герасима и Родиона постригли в монахи. Альфану удалось бежать. Судьба Конона неизвестна.

Новгородская измена конца XV в.

В XV в. Новгород имел суверенный статус, но был связан целым рядом договоров («докончаний») с великим князем. Горожане были разделены на две «партии»: одни выступали сторонниками дальнейшего сближения с православной Москвой, другие же видели в этом угрозу потери Новгородской республикой своих вольностей. Последние полагали, что Новгород не сможет самостоятельно противостоять Москве, на помощь других князей, и, в частности, Рязанского, Тверского, рассчитывать не приходится. Поэтому в их среде возник план союза с литовским и польским королем Казимиром с перспективой дальнейшего перехода республики под их покровительство. Это фактически означало не только нарушение всех предыдущих договорных обязательств новгородцев, скрепленных клятвой (крестным целованием), но и альянс с католической Литвой.

Ситуация в городе осложнилась в ноябре 1470 г. после смерти новгородского архиепископа Иова, умного и тонкого политика, сумевшего до поры примирить враждующие партии и исключить открытые столкновения с Москвой. Пролитовская группировка, возглавляемая вдовой посадника Исаака Борецкого Марфой и ее сыновьями Дмитрием

и Федором, активизировала свою деятельность. Летописец называет их «наученными дьяволом изменниками, прельстителеми хуже бесов». Вскоре в Новгороде появился литовский князь Михаил Олелькович, сын киевского князя Александра Владимировича, потомка знаменитого Ольгерда. Он был ставленником Казимира, и его вокняжение могло означать начало перехода Новгорода под протекторат Литвы.

В ноябре 1470 г. на новгородском вече произошли столкновения «московской» и «литовской» «партий», доходившие до рукопашной. Победили литовцы, нанявшие специальных людей, коловших своих противников шилами. Михаил Олелькович укрепил свою власть. На рубежах московской и новгородской земли начались столкновения, людям великого князя «многу пакость чинили». Тогда же в Москве на переговорах новгородского посла Никиты Ларионова с великим князем произошел конфликт. Иван III заявил, что его власть носит общерусский характер: «Как было при отце моем... и при деде, и при прадеде моем, и при преже бывших всех великих князей... Их же род есми Володимерских и Новгорода Великого и всея Руси». Эта формулировка вызвала крайнее раздражение на новгородском вече. Борецкие от имени горожан открыто заявили: «Московский князь многие обиды и неправды над нами чинит, хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимира».

В марте 1471 г. обстановка еще больше обострилась. Борецкие вели прямые переговоры с Казимиром, приглашая его на новгородский стол. Их уже не устраивал Михаил Олелькович. Поссорившись с Борецкими, он покинул город и уехал в Киев. Вскоре Борецкими был заключен договор с Казимиром, по которому православный Новгород переходил под власть короля-католика. При этом оговаривалось сохранение православия и боярских привилегий.

Однако фактически вхождение Новгорода в состав Великого княжества Литовского означало подчинение его архиепископа митрополиту-униату и, как следствие, отпадение от московской православной митрополии.

Ситуация могла быть разрешена только военным путем. Первые шаги на этом направлении предприняли западные державы. В марте 1471 г. магистр Ливонского ордена Вольтус фон Герзе неожиданно предъявил Пскову, сохранявшему верность договорам с великим князем, территориальные претензии. Тогда же вопросом о псковских рубежах заинтересовался король Казимир. Данные шаги были направлены на нейтрализацию Пскова — союзника Москвы — в преддверии военного столкновения. В Большую Орду к хану Ахмату был направлен литовский посол Кирей Кривой (бывший перебежчик из Москвы в Литву).

Великий князь пытался уладить проблему дипломатическим путем. Однако посольство Ивана Федоровича Товаркова провалилось. В марте 1471 г. с обращением к новгородцам выступил митрополит Филипп. Он убеждал их не изменять православию и не впадать в «латинскую прелесть». С предложением о посреднической миссии между Москвой и Новгородом выступил Псков. Однако Борецкие не только отвергли все попытки урегулирования вопроса, но и потребовали от псковичей поддержать сепаратистов.

6 июня 1471 г. начался поход московских войск под командованием Д.Д. Холмского и Ф.Д. Хромого против мятежного Новгорода. Вскоре выступили еще две военные группировки — под началом воеводы Стриги-Оболенского и самого Ивана III. Против Новгорода выступили также силы Тверского княжества. Была взята и сожжена Руса, сожжена флотилия новгородцев на оз. Ильмень. Пленным новгородцам воеводы велели «носы, уши и губы резати». В знак презрения к изменникам москвичи не брали себе их доспе-

хи, как того требовала средневековая традиция, а бросали их в воду.

12 июля великокняжеские войска вторглись непосредственно в Новгородскую волость. 14 июля на р. Шелони было разбито 40-тысячное войско под командованием Василия Казимира и Дмитрия Борецкого. В плен кроме них попала пролитовская верхушка новгородского боярства: Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матвей Селезнев, Павел Телятев, Кузьма Грузов, 24 июля четверо из них: Дмитрий Борецкий, Василий Губа Селезнев, Еремей Сухощек, Киприан Арбузьев — были казнены в Русе как государственные изменники.

Новгород был вынужден капитулировать. 11 августа 1471 г. был подписан Коростынский мирный договор. Новгород признал себя «отчиной» великого князя, обязывался прекратить всякие самостоятельные сношения с Литвой, которые были квалифицированы как изменнические. Сохранялся лишь ряд формальных суверенных прав Новгородской республики, которые были окончательно ликвидированы в ходе походов на Новгород Ивана III в 1475 и 1478 гг. Во время последнего похода были арестованы Марфа Борецкая и ее внук Василий Федорович. 7 февраля их отправили в Москву вместе с другими заключенными новгородскими изменниками: Иваном Кузмичом Савелковым, Акинфом с сыном Романом, Юрием Репеховым, Григорием Арбузьевым, Марком Панфиловым. Имущество арестованных было конфисковано в пользу московского престола.

Новгородская измена начала XVII в.

Н.и. и связанные с ней события, произошедшие в Новгороде в эпоху Смуты, во многом имели местную окраску в силу традиционных сепаратистских настроений, бытовавших в различных социальных слоях горожан. Стремление к полной самостоятельности либо отпаданию от русского

престола под вассалитет ее извечных противников, главным образом Швеции, обуславливались многими зачастую весьма сложными причинами. Речь идет, в частности, о географическом положении Новгорода, его экономических, торговых, политических, а также культурных связях с Западом.

В период Смуты шведы решили воспользоваться ослаблением центральной власти в Московии и присоединить к себе ряд исконных русских земель. И в первую очередь — Новгород и Псков.

Летом 1611 г. в разгар польской интервенции войска шведского короля под предводительством Делагарди вторглись в пределы русской территории, захватили ряд населенных пунктов и осадили Новгород. Защищавший город московский воевода В.И. Бутурлин (см. соотв. ст.) вступил со шведами в переговоры для заключения перемирия. Попав под влияние прошведски настроенной части населения, воевода в ходе этих переговоров обсуждал вопросы отделения Новгорода от Москвы. Более того, он дал понять шведам, что все русские земли и сословия хотели бы видеть на русском престоле представителя шведского королевского дома.

Вскоре В.И. Бутурлин вывел свои войска из города, а шведские войска возобновили осаду. Представители горожан заключили с Делагарди перемирие и дали возможность шведским войскам оккупировать Новгород. Была достигнута договоренность о направлении в Швецию посольства для определения условий перехода к ней новгородских земель. В состав посольства вошли представители прошведской партии, которые от имени всех русских земель призвали на московский трон сына шведского короля. Король, однако, согласился послать в Московию своего брата герцога Карла Филиппа, прибывшего в Выборг и ожидавшего там посольство «всех русских земель». Убедившись в том, что посоль-

ство к нему не торопится, он обратился с запросом к новгородцам. Однако в Новгороде к этому времени обстановка резко изменилась. Жители города узнали об изгнании поляков из Москвы, а затем об избрании на престол Земским собором Михаила Романова. В этих условиях прошведская партия фактически потеряла влияние.

Новости из Москвы дошли, наконец, и до шведов. Карл Филипп спешно вернулся в Стокгольм, а Делагарди возобновил военные действия, однако существенных успехов не достиг. Убедившись в усилении сопротивления русских войск под Псковом, шведы вскоре заключили с московским правительством мир.

После завершения шведского нашествия новгородцы «били челом» царю о прощении за измену, сославшись на вынужденный ее характер. По специальному указу Михаила Романова они были прощены.

Новиков (наст. фамилия — Украинцев) Виктор Сергеевич, 1923 г. рождения.

В начале Великой Отечественной войны был мобилизован в Красную армию, направлен в школу летчиков. Бежал, перешел линию фронта и сдался немцам. Добровольно вступил в т.н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова. Служил в школе пропагандистов в РОА в г. Дабендорфе (Германия). В 1948 г. переехал на жительство в Канаду. Умер в 1972 г. от сердечного приступа.

Носенко Юрий Иванович, 1927 г. рождения, урож. г. Николаева, бывш. сотрудник 2-го Главного управления КГБ СССР (контрразведка).

Происходит из семьи инженера, затем — директора крупного судостроительного завода, назначенного в конце 50-х г. министром судостроения. С 1934 г. семья Н. проживала в Ленинграде, а с 1939 г. — в Москве. В 1942 г. Н.

учился в Нахимовском училище, затем поступил в Военную академию. Вскоре, однако, он переходит в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), после окончания которого проходит службу на Дальнем Востоке в подразделении Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ).

В 1953 г. Н. переходит в КГБ СССР. Он «удачно женится» на дочери партийного функционера и делает, по меркам того времени, быструю карьеру. К 1957 г. в возрасте 35 лет занимает должность заместителя начальника отдела контрразведки, получает звание подполковника.

В 1957 г. выезжал в Лондон в составе группы спортсменов, в 1960 г. был откомандирован на Кубу.

В июне 1962 г. в составе советской делегации по разоружению прибыл в Швейцарию, где установил контакт с американской разведкой. Дважды встречался в Берне на конспиративной квартире с сотрудниками ЦРУ. Заявил, что порывает с советским режимом по идейным соображениям и желает сотрудничать с американцами. Выдал последним ряд совершенно секретных сведений о деятельности КГБ, и в частности, информацию о наличии в посольстве США в Москве подслушивающей аппаратуры, указав количество внедренных микрофонов (43 шт.) и места их расположения. Кроме того, передал представителям ЦРУ материалы, позволившие выявить и арестовать завербованного КГБ охранника американского посольства, а также удалить из Москвы сотрудника диппредставительства, попавшего в активную вербовочную разработку советской контрразведки. Н. провалил также оперативную игру КГБ с американскими спецслужбами, которая успешно велась в течение ряда лет.

Н. отверг предложение американцев немедленно бежать на Запад, сославшись на оставшихся в СССР жену и большую малолетнюю дочь.

Контакт с ЦРУ Н. возобновил только в январе 1964 г., когда он вновь приехал в Швейцарию в составе аналогичной делегации. На этот раз он твердо решил остаться на Западе. Во время шести встреч с американскими разведчиками подробно информировал их об обвиненном в убийстве президента Дж. Кеннеди Ли Харви Освальде, ранее находившемся в СССР и предлагавшем свои услуги советским спецслужбам. Н. отверг вероятность вербовки Л.Х. Освальда КГБ и возможность участия советских спецслужб в организации убийства Дж. Кеннеди. Он рассказал также американцам об обстоятельствах ареста в Москве их агента О.В. Пеньковского (см. соотв. ст.).

В феврале по фальшивым документам через Германию Н. был вывезен в США, где содержался на конспиративной квартире в окрестностях Вашингтона. Ему был присвоен оперативный псевдоним Фокстрот.

Откровения Н. вызвали сенсацию в ЦРУ, руководителей которого особенно привлекала возможность использовать информацию о Л.Х. Освальде в публичном обвинении СССР в подготовке и организации убийства Дж. Кеннеди.

Особую позицию о Н. занял шеф службы собственной безопасности ЦРУ Д. Энглтон, соратник и друг Алена Даллеса, пользовавшийся непререкаемым авторитетом в американских спецслужбах. Изучив досье Н., Д. Энглтон пришел к заключению, что его побег инспирирован КГБ с целью дезинформации американцев. Выводы шефа службы безопасности главным образом основывались на том факте, что Н. сослался на свою неосведомленность о наличии в ЦРУ советского агента, о чем ранее американцам сообщил перебежчик А.М. Голицын. По мнению Д. Энглтона, в силу занимаемого в КГБ положения Н. не мог не знать об этом факте, в достоверности которого он, Д. Энглтон, не сомневался.

Под влиянием авторитета Д. Энглтона руководство ЦРУ приняло решение дальнейшую работу с Н. вести как с подставной фигурой и вынудить его к признанию двойной игры с ЦРУ.

В августе 1965 г. Н. был помещен в одиночную камеру с цементными стенами и полом, без окон. Он был в течение полутора лет лишен прогулок, возможности читать книги и знакомиться с прессой. Ему выдавали каждый день жидкий чай, кусок хлеба, немного супа и овсяной каши. Запретили курить, к чему он привык в течение 14 лет. Его подвергали многочасовым допросам, при этом часто применяли психотропные средства, от которых он в течение нескольких дней с трудом приходил в себя. Условия его жизни мало изменились и после того, как ему разрешили прогулки, без которых, как заключили медики, он мог умереть либо лишиться рассудка.

В таких условиях Н. продержали около 5 лет и выпустили из тюрьмы только тогда, когда стало очевидно, что выводы Д. Энглтона, находившегося под влиянием А.М. Голицына, ошибочны и подтверждения не получили. В ЦРУ не знали, что делать с перебежчиком, с которым они так обошлись. Серьезно обсуждался вопрос о его физическом устранении, однако Н. спасла утечка информации из американской разведки в Конгресс, куда для дачи объяснений был вызван шеф американской разведки. Последний признал ошибку ЦРУ в деле Н. и выслушал ряд нелицеприятных замечаний в свой адрес и в адрес возглавляемой им спецслужбы. Один из конгрессменов прямо заявил, что на протяжении целого ряда лет с «человеком, выбравшим свободу на Западе, обращались хуже, чем с животным».

Н. был окончательно «реабилитирован». Он получил компенсацию в размере 137 052 долларов. До настоящего времени проживал в США, номинально числился консультантом ЦРУ.

Оболенский Владимир Андреевич (1869—1951), князь, эмигрант.

Бывший член ЦК партии конституционных демократов (кадеты).

Встал на путь сотрудничества с нацистским режимом в Германии. В марте 1942 г. активно участвует в формировании т.н. Русской национальной народной армии (РННА), фактически созданной вермахтом. РННА (называемая также Осинторфской бригадой — по месту формирования) насчитывала в своих рядах около 8 тыс. человек из числа белоэмигрантов и советских военнопленных. В руководство РННА входили также белоэмигранты Иванов С.Н. (инженер), полковник Сахаров И.К., полковник Кромиади И.К., Юнг И., Реслер В., граф Ламздорф Г., граф Панин С., флигель-адъютант граф Воронцов-Дашков А.И.

Однако уже к осени 1942 г. у немецких спецслужб возникли сомнения в благонадежности РННА, в связи с чем ее белоэмигрантское руководство, включая О., было заменено офицерами-власовцами — генералом Жиленковым Г.Н., и полковником Боярским В.И. (см. соответствующие ст.).

Вскоре части РННА по приказу гитлеровского командования были окружены эсэсовской дивизией и разоружены, однако некоторым бойцам РННА (до 300 человек) удалось вырваться из окружения и пробиться к партизанам.

Оболенский-Ноготков Михаил Андреевич (ум. до 1577)

Один из ближайших сподвижников князя Андрея Курбского. По свидетельству самого Курбского, О. происходил «з роду княжат черниговских». Отец О. был казнен Иваном Грозным, с чем видный советский историк С.Б. Веселовс-

кий связывал бегство самого О. Его отъезд произошел, судя по всему, еще до учреждения опричнины. К противнику Ивана Грозного, польскому королю Сигизмунду II Августу, О. перешел вместе с женой Феодорой Феодоровной Мироновой, «слышячи о вольностях и свободах».

В 1564 г. Сигизмунд II дал О. жалованную грамоту, по которой русскому беглецу передавалось во владение на основе ленного права имение. Однако князь в 1570 г. самовольно, без разрешения польских властей, стал распоряжаться другими королевскими землями. В конце 60-х гг. О. сблизился с Курбским, уговорившим этого «благородного юношу» пройти университетский курс.

В тот момент, когда правительство Ивана Грозного тщетно пыталось получить какую-либо информацию об О., князь находился в Кракове, где поступил в университет (1571). Тогда послы сообщали Ивану Грозному: «А князь Михайлишко Ноготков Оболенской был у Курбского, а ныне вести про него нет, жив ли будет или сдох».

В книге поступивших в Краковский университет шестым указан О. Он, однако, не получил ученой степени бакалавра или магистра. О его судьбе в это время известно по письму Курбского Марку Сарыхозину. О. пробыл в университете три года и потом, оставив жену и детей, «совершения ради до Влох ехал», т.е. для усовершенствования своих познаний отправился в Италию. О. мог обучаться в Падуанском университете, куда нередко приезжали православные славяне и греки.

В 1575 г. О. вернулся в Польско-Литовское государство, где возобновил сотрудничество с Курбским. Молодой князь, получивший на Западе классическое образование, помогал переводить труды Иоанна Дамаскина, так называемые «Богословие» и «Диалектику».

Если судить по документам за 1577 г., то в возрасте около 30 лет О. скончался. Его жена вышла замуж за пред-

ставителя старинного рода Станислава Юрану Гедройца и получила от Стефана Батория подтверждение на пожизненное владение именными покойного О.

Обухов Платон Алексеевич, 1969 г. рождения, урож. г. Москвы.

О. родился в семье видного дипломата, который являлся послом СССР в Таиланде, Дании, занимал некоторое время пост заместителя министра иностранных дел.

В 1997 г. О. закончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). До этого по протекции отца работал в консульстве на острове Шпицберген, а затем — в советском посольстве в Норвегии. Одновременно занимался спортивной журналистикой (сотрудничал с газетой «Советский спорт»). Автор ряда детективных повестей.

Находясь в Норвегии, попал в поле зрения английских спецслужб. Согласился на сотрудничество под нажимом англичан, узнавших о его амурных похождениях с иностранками.

Вернувшись в Москву, О. продолжил контакты с английской разведкой. Занимая должность 2-го секретаря МИД, передал иностранцам ряд ценных сведений по проблемам разоружения. Ежемесячно получал от англичан вознаграждение от 2000 долларов (в зависимости от качества передаваемой информации). Деньги переводились на личный счет О. за границей.

27 апреля 1997 г. О. был задержан сотрудниками ФСБ. При обыске на его квартире обнаружены средства шифровой связи.

О. признался в преступной связи с англичанами. Пытался объяснить предательство чистым любопытством (писателю, работающему в детективном жанре якобы необходимы «живительные» чувства, которые испытывал настоящий шпион).

В ходе следствия у О. проявились признаки психического расстройства, возможно, на почве нервного перенапряжения. В настоящее время О. находится на стационарном медицинском обследовании.

Вследствие разоблачения О. из России были выдворены четыре английских разведчика, работавших под дипломатическим прикрытием и имевших прямое отношение к конспиративной работе с ним.

Огородник Александр Дмитриевич, 1940 г. рождения, урож. г. Севастополя, сотрудник Министерства иностранных дел СССР.

Происходит из семьи флотского офицера. Обучался в Севастопольском нахимовском училище, окончил его с золотой медалью. Поступил в Ленинградское высшее военно-морское училище им. Фрунзе. Однако из-за ухудшения зрения был вынужден покинуть его. Поступил в Московский государственный институт международных отношений. Овладел испанским языком.

Был распределен в МИД СССР, в 1974 г. в ранге 2-го секретаря посольства выехал в командировку в Колумбию, где попал в поле зрения резидентуры ЦРУ в Боготе. Учитывая слабость О. к женщинам, ему была подставлена эффектная дама — из состава тамошней агентуры, с которой он вступил в интимные отношения. Через нее на О. вышли американские разведчики и завербовали его. В целях конспирации ему был присвоен псевдоним Трианон.

После возвращения в Москву О. был переведен в Управление по планированию внешнеполитических мероприятий МИД и получил доступ к совершенно секретной информации. В частности, он имел теперь возможность знакомиться с отчетами советских послов и представителей международных организаций из практически всех стран мира и их конкретными предложениями по очередным внешнеполи-

тическим мероприятиям. О. удавалось в течение около 3 лет передавать американцам такого рода информацию, что оценивалось в ЦРУ весьма высоко. На счет О. в банке американцы ежемесячно переводили деньги, о чем его систематически информировали.

Связь с ЦРУ О. поддерживал в соответствии с полученными инструкциями с использованием целого набора шпионских атрибутов: тайники, миниатюрный фотоаппарат, микропленки, приспособление к радиоприемнику и т.д.

В 1977 г. благодаря утечке информации из ЦРУ КГБ получил данные о шпионской деятельности О. При аресте О. принял полученный от ЦРУ яд. Спасти его не удалось.

В ходе проведенной советскими контрразведчиками уникальной операции при закладке контейнера для уже умершего О. был задержан кадровый сотрудник ЦРУ М. Паттерсон. Подробности разоблачения О. и задержания М. Паттерсона хорошо известны читателю по фильму «ТАСС уполномочен заявить» и книге И.К. Перетрухина «Агентурная кличка — Трианон».

Олег Иванович (1340—1402), князь Рязанский.

В годы подъема русской национально-освободительной борьбы против Золотой Орды вел предательскую политику, сотрудничал с татарами.

О. начал ориентироваться в своей политике на Орду после 1378 г., когда войска темника Мамаю подвергли опустошению земли Рязанского княжества.

В 1380 г., несмотря на то, что он был связан с московским князем союзным договором и клятвой верности, О. поддержал нашествие Мамаю и должен был вместе с ним и литовским князем Ягайло выступить против Дмитрия Донского. По его поручению боярин Епифан Кореев вел с татарами переговоры о координации действий. Однако этот план не был реализован из-за удачных превентив-

ных действий московских воевод. После Куликовской битвы рязанские войска мешали возвращению московских дружин с места сражения (разрушали перед ними мосты), а также грабили и обращали в рабов случайно оставшихся воинов. В 1382 г. О. показал Тохтамышу броды на Оке, что привело к прорыву татар к Москве и ее опустошению.

Вся политика была откровенно сепаратистской. Он предпочитал демонстрировать лояльность по отношению к Орде и соблюдать интересы Рязанского княжества как отдельного государства.

В летописях деятельность О. была оценена как изменническая. Его называли «новым Иудой предателем, на своего владыку бесящимся», «льстивым сотоньщиком» (т.е. сторонником Сатаны) и «дьяволю советнику».

Для подавления постоянной угрозы предательства, исходившей от О. и его окружения, в 1385 г. Дмитрий Донской послал на Рязань с карательной миссией войска во главе с князем Владимиром Андреевичем. Однако при посредничестве Сергия Радонежского между Московским и Рязанским княжествами был заключен мир.

Ольшанские Дмитрий Владимирович и Елена Борисовна (они же — Йан и Лори Ламберт), других установочных данных не имеется.

Супруги, агенты-нелегалы Службы внешней разведки РФ.

В 1996 г. были арестованы канадской контрразведкой. На допросах выдали совершенно секретные сведения о характере своего задания, способе легализации за рубежом и связи с Центром.

Осуждены в Канаде за нарушение законодательства об эмиграции, однако вскоре возвращены в Россию.

Можно предположить, что столь мягкое наказание канадские власти применили в отношении супругов О. пото-

му, что они находились в Канаде транзитом и разведывательной деятельности против этой страны не вели.

Судьба О. неизвестна.

Опперпут (он же — Селянинов, он же — Касаткин, он же — Упелини, он же — Стауниц) Эдуард Оттович, 1894 г. рождения.

Родился в Латвии. Участник Первой мировой войны. Получил чин поручика.

В 1917 г. вступил в партию левых эсеров. После октябрьских событий того же года начал службу в Красной армии (РККА). В 1920 г. являлся комиссаром 17-й стрелковой дивизии. Одновременно был принят в подпольную организацию «Народный союз защиты Родины и свободы» (НСЗРиС), которой руководил известный террорист, бывший член Временного правительства Б. Савинков.

О. под фамилией Селянинов дважды нелегально переходил советско-польскую границу для встречи в Варшаве с руководителем НСЗРиС и передал Б. Савинкову секретную информацию военного характера (приказы по РККА, дислокация советских войск в пограничных округах, фотографии военных объектов, мобилизационные планы). Полученные от О. материалы Б. Савинков продал французской разведке.

В 1921 г. О. назначается начальником минского укрепрайона. Однако вскоре он был арестован ВЧК. После нескольких допросов сотрудники контрразведывательного отдела (КРО) завербовали О. Было принято решение использовать его в операции «Трест», в рамках которой создана легендированная «подпольная» «Монархическая организация Центральной России» (МОЦР). По замыслу чекистов, МОЦР была должна взять под контроль все зарубежные монархические организации, включая РОВС (см. соотв. ст.) и навязать им свою тактику «медленной и тща-

тельной подготовки переворота без эксцессов террористического характера, которые-де могут поставить под удар всю МОЦР и сорвать разработанные планы по захвату власти». Во главе МОЦР ВЧК были поставлены известные за рубежом бывшие царские генералы и чиновники (А. Зайончковский, Н. Потапов, А. Якушев).

О. не играл в МОЦР ведущей роли, однако и он выполнял довольно важные поручения «его руководства» (поддерживал связь с представителями польской разведки, участвовал в аресте английского разведчика С. Рейли, обеспечивал прием и контроль за поведением эмиссаров зарубежных монархических организаций). С одной из эмиссаров РОВС, М.В. Захарченко, О. установил дружеские, а затем и интимные отношения. Долгое время (до 1927 г.) ему удавалось удерживать энергичную М.В. Захарченко и ее напарника капитана Радкевича от проведения террористических акций.

Но уже к этому времени О. становится ясно, что легендарный МОЦР и связанная с ним операция ВЧК исчерпали себя и стоят на грани расшифровки. Кроме того, О. завяз в долгах — он задолжал более 200 тыс. рублей — представителям эстонского посольства.

В апреле 1927 г. О. признается М.В. Захарченко в принадлежности к агентуре ВЧК и выдает ей секреты ВЧК, связанные с МОЦР.

Они решают бежать, и вместе с Радкевичем тайно пересекают советско-финскую границу.

Скандал, вызванный бегством О. и разоблачением МОЦР как легендарной ВЧК монархической организацией, серьезно подорвал авторитет РОВС в белоэмигрантских кругах. В связи с этим руководство РОВС решило разработать новые террористические акции на территории СССР. Планировалось проводить диверсии на транспорте, в портах, на складах, элеваторах. Для ликвидации партийных

руководителей намечалось даже использовать не только взрывные устройства, но и бациллы холеры, чумы, сибирской язвы. Было создано несколько террористических групп, в одну из которых вошли Захарченко, Петерс и О. В июне 1927 г. эта группа перешла советско-финскую границу и тайно проникла в Москву. Террористы пытались взорвать общежитие ОГПУ в доме 3/6 по Малой Лубянке, однако мощное взрывное устройство удалось вовремя обезвредить.

По версии советских властей, О. был убит при попытке перейти границу. Позднее при задержании в районе Смоленска покончили жизнь самоубийством Захарченко и Петерс.

В целом, проведенную чекистами операцию «Трест» следует признать как уникальную долговременную акцию советских спецслужб.

Орехов Виктор (других данных не имеется) (?), бывш. капитан КГБ СССР.

Проходил службу в пограничных войсках. После демобилизации поступил в Высшую школу КГБ им. Ф.Э. Дзержинского. Получив диплом, был направлен в один из районных отделов УКГБ по г. Москве, а затем переведен в аппарат УКГБ в подразделение по борьбе с идеологической диверсией. Занимался разработкой диссидентских групп, проводил по ним разнообразные оперативные мероприятия. Был на хорошем счету у руководства.

В середине 70-х гг. под впечатлением произведений А. Солженицына, А. Зиновьева, А. Авторханова и др. пересмотрел свои взгляды и в нарушение присяги начал передавать представителям диссидентского движения секретную информацию об операциях органов госбезопасности. В частности, он неоднократно предупреждал диссидентов о предстоящих обысках, арестах, а также об агентуре КГБ в их окружении.

В 1978 г. О. был арестован и предстал перед судом. За злоупотребление служебным положением он был приговорен к 8 годам лишения свободы.

После отбытия срока заключения О. вернулся в Москву, создал кооператив по пошиву одежды.

В 1995 г. был вновь осужден за незаконное хранение оружия (получил 3 года лишения свободы). Правозащитные организации проводили кампанию по освобождению О. Кассационный суд оставил приговор в силе, но снизил срок заключения до одного года за «заслуги подсудимого перед Родиной».

После освобождения О. выехал в США, где проживает в настоящее время.

Ордин-Нащокин Воин Афанасьевич (упом. во второй пол. XVII в.), стольник, воевода.

Сын выдающегося русского дипломата А.Л. Ордина-Нащокина, руководителя Посольского приказа, любимца царя Алексея Михайловича О. уже в юности готовился отцом к дипломатическому поприщу, изучил несколько иностранных языков, приучался вести деловую переписку. По достижению совершеннолетия О. становится помощником отца, участвует в сложных перепитиях русско-польских и русско-шведских отношений. Вскоре ему был пожалован чин стольника и воеводы одного из небольших пограничных городов.

В начале 1660 г., когда его отец вел переговоры со шведами о мире, О. получает от русского царя тайное поручение и отправляется в «лифляндские земли» со значительной суммой денег (можно предположить, что речь шла о передаче этих денег иностранному дипломату или военачальнику в обмен на согласие сотрудничать, что было довольно обычным для дипломатической практики того времени).

Однако О. бежал в Польшу, присвоив деньги и выдав полякам ряд важнейших дипломатических сведений и документов.

Узнав об измене сына, А.Л. Ордин-Нащокин немедленно подал царю прошение об отставке. Однако царь отставки не принял и заявил: «А что будто и впрямь сын твой изменил, и мы, великий государь, его измену поставили ни во что, и конечно ведаем, что кроме твоей воли сотворил, и тебе злую печаль, а себе вечное поползновение учинил. И будет тебе, верному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить в ведомство и в соглашение твое ему, и он, простец, и у нас, великого государя, тайно был, и, не по одно время и о многих делах с ним к тебе приказывали, а такова просто умышленного яда под языком его не ведали. А тому мы, великий государь, не подивляемся, что сын твой сплутал: знатко то, что с малодушия то учинил. Он человек молодой, хочет создания владычня и творения руку его видеть на сем свете, якоже и птица летает семо и овамо и, полетев довольно, таки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспоманет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от св. духа во святой купели, и к вам вскоре вызвратится. И тебе, верному рабу божию и нашему, государеву, видя к себе божию милость и нашу государскую отеческую премногою милость, и, отложя тое печаль, долгие и наше государево дело совершать... а нашего государского не токмо гневу на тебя к ведомости плутости сына твоего, ни слова нет...»

Несмотря на утешительный тон царского послания, к главе отечественной дипломатии был послан подьячий приказа Тайных дел Ю. Никифоров, который по поручению самодержца обсудил с А.Л. Ординым-Нащокиным возможность поимки или убийства его сына за границей. Но тот категорически отказался участвовать в этом. «О сыне печали у меня нет, — заявил А.Л., — дело это я положил на суд

божий, а о поимке его промышлять и за то деньги добывать не для чего, потому что он за неправду и без того пропадет и сгинет и убит будет судом Божиим».

Комментируя факт измены О., С.М. Соловьев писал: «Сын его (А.Л. Ордина-Нащокина), Воин, давно был известен как умный, распорядительный молодой человек, во время отсутствия отца занимал его место в Царевичеве-Дмитриеве городе, вел заграничную переписку, пересылал вести к отцу и в Москву к самому царю.

Но среди этой деятельности у молодого человека было другое на уме и на сердце: сам отец давно уже приучал его с благоговением смотреть на Запад постоянными выходками своими против порядков московских, постоянными толками, что в других государствах иначе делается и лучше делается. Желая дать сыну образование, отец окружил его пленными поляками, и эти учителя постарались со своей стороны усилить в нем страсть к чужеземцам, нелюбы к своему, воспламенили его рассказами о польской воле».

О. был принят польским королем и после недолгого пребывания в Речи Посполитой отправлен во Францию. Некоторое время жил в Голландии. После этого его следы на время теряются. Однако предсказания русского царя сбылись: в начале 1665 г. О. вернулся на родину и через Псков направился в Москву испрашивать у царя прощения за измену.

Он был сослан «под начало» в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1667 г. был прощен и отправлен воеводой в Галич.

Орлик (начало XVII в.), запорожский казак, старшина.

С 1705 г. являлся адъютантом и секретарем гетмана Украины И.С. Мазепы, который в 1708 г. перешел на сторону шведского короля Карла XII. Гетман откровенно делился с О. сведениями о тайных контактах с польскими и шведскими агентами, уговаривавшими его перейти на их сторону.

О. поддержал Мазепу, когда тот окончательно решил порвать с русским царем.

После Полтавской битвы (1709) Мазепа бежал в Турцию. Его сопровождал О. Здесь же оказался шведский король.

Вскоре М. заболевает и умирает, а О. остается в свите Карла XII, который пытается использовать его связи с анти-московскими элементами в Малороссии. О. произвел себя в запорожские гетманы. Составлял прокламации, доставляемые на Украину. Его призывы к казакам подняться против России успеха не имели.

В 1715 г. О. в свите Карла XII через Польшу перебрался в Швецию. Во время кратковременного пребывания на польской территории русские послы потребовали его выдачи, однако их демарш остался без результата.

Последние годы жизни О. проживал в эмиграции. Сохранились его письма митрополиту Стефану Яворскому за 1721 г., в которых он пытался объяснить мотивы своей измены. О. объяснял свои поступки слабохарактерностью, нерешительностью, страхом, что Мазепа первым донесет на него царю, если заподозрит в сотрудничестве с русскими, как поступил в свое время гетман Демьян Многогрешный со своим помощником. «Щастлив тот, которого Другова человека погибель в осторожность приводит!» — пишет по этому поводу О.

Дальнейшая судьба О. неясна.

Орлов Александр Михайлович (Фельдбин Лейба Лазаревич), 1895 г. рождения, урож. г. Бобруйска.

Родился в небогатой, глубоко религиозной еврейской семье. Его отец работал агентом в конторе по лесоторговле. О. хорошо учился в школе, рисовал, занимался спортом. В 1915 г. его семья переезжает в Москву. Он поступает в Лазаревский институт (впоследствии — Институт восточ-

ных языков). По окончании продолжает обучение в Школе правоведения при Московском университете, однако в 1916 г. был призван в армию и прикомандирован к 104-му пехотному полку, который находился в резерве и в боевых действиях участия не принимал.

После Февральской революции 1917 г. О. закончил школу прапорщиков. К тому времени относится и начало революционной деятельности. Он вступает в РСДРП и работает в ее радикальной фракции так называемом «Союзе интернационалистов». Как впоследствии отмечал сам О., его решение вступить в партию объяснялось привлекательностью программы В.И. Ленина, а также «инстинктивной реакцией» на еврейские погромы в царское время. Благодаря своим связям становится руководителем информационной службы Верховного финансового совета, в этом качестве работает с ноября 1917 по июнь 1918 г.

В 1920 г. его направляют в 12-ю армию Красной армии, действовавшую на юго-западном фронте, где он возглавил военную контрразведку, выполняя одновременно обязанности следователя. О. участвовал в боях против польской армии и отрядов Б. Савинкова. Во время боевых действий на польском фронте О. возглавлял диверсионные группы, проводившие операции на оккупированной территории. Некоторые из них, в частности разгром польских диверсионных групп и пленение польских полковников Сеньковского и Сосновского, значительно облегчали действия 12-й армии. Нередко О. лично руководил операциями в тылу врага. После польской кампании становится одним из главных экспертов Красной армии в области диверсий и контрразведки.

В начале 1921 г. по инициативе А.Х. Артузова (руководитель контрразведки) О. переводят на работу в ВЧК. Он получает назначение в Архангельск, где занимает пост начальника секретно-оперативной части. Здесь в оператив-

ных целях он меняет фамилию и становится Никольским Львом Лазаревичем (его первый профессиональный псевдоним). Вскоре О. женится на М.В. Рожнецкой, с которой прожил почти 50 лет.

Осенью 1921 г. возвращается в Москву, вновь поступает в Школу правоведения, одновременно являясь следователем Верховного трибунала ВЦИК. В сентябре 1923 г. у него рождается дочь Вероника. В 1924 г. после окончания Школы правоведения возвращается в органы госбезопасности, назначен начальником отделения Экономического управления ОГПУ. Курировал борьбу с экономическими преступлениями в промышленности и торговле.

В конце 1925 г. его командируют в Закавказье в пограничные войска. Он был назначен бригадным командиром, под его началом находилось шесть полков пограничников.

Летом 1926 г. получил первое назначение на работу за границей по линии Иностранного отдела ОГПУ (разведка). Он прибывает в Париж, возглавляет здесь резидентуру советской разведки, работает под прикрытием портового представительства. При его личном участии удается провести несколько вербовочных мероприятий, в результате которых резидентура приобрела источники важной политической и военной информации. По инициативе О. были осуществлены также успешные дезинформационные операции, нацеленные на западноевропейские правительственные круги. В результате работы в Париже О. приходит к выводу о необходимости переноса акцента в разведывательной деятельности на «нелегальные» резидентуры, в чем его укрепили последовавшие в 1927 г. провалы советских спецслужб в Англии, Германии, Турции, вызвавшие громкие дипломатические скандалы.

В начале 1928 г. О. был переведен в Берлин, где перед руководимой им резидентурой в качестве главной задачи была поставлена добыча новейших промышленных, вклю-

чая оборонные, технологий. Эффективность работы резидентуры в этой области была высокой, о чем свидетельствуют выводы немецких экспертов, считавших, что в результате негласной деятельности Советов в сфере промышленного шпионажа только в 1930 г. Германии был нанесен ущерб в 800 млн марок. По их же оценкам, за 1929—1930 гг. ими было зарегистрировано более 1000 случаев промышленного шпионажа, что превышало почти втрое данные за предыдущий период.

О. принимает также участие в других вербовочных мероприятиях в Германии, что явилось первым шагом к созданию нелегальной резидентуры, получившей позднее название «Красная капелла». Эта подпольная разведывательная организация сыграла позднее выдающуюся роль в первые годы Великой Отечественной войны. Ею руководил ученик О. — А.М. Коротков, ставший легендой советской разведки.

Повышенная активность советской резидентуры в Берлине не могла не привести и к ряду провалов, в результате которых О. был вынужден покинуть Германию и в апреле 1931 г. вернуться в СССР. Он возглавил VII отделение ИНО ОГПУ, занимавшееся координацией деятельности экономической разведки. Осенью 1932 г. он совершает поездку в США, где кроме выполнения заданий пытается разыскать своих родственников из Бобруйска, эмигрировавших после революции. В 1933 г. он посещает также Францию, где без особого успеха попытался создать «нелегальную» резидентуру ОГПУ.

В апреле 1934 г. О. направляется в Лондон, где руководит группой нелегалов-разведчиков. Он стоит у истоков создания впоследствии ставшей известной на весь мир так называемой «кембриджской пятерки» Кима Филби, добывавшей ценную информацию в период Второй мировой войны и в послевоенное время.

В июле 1936 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) О. направляется в Испанию, где в это время вспыхнула гражданская война. Являясь номинально атташе советского посольства в Мадриде, он фактически возглавил аппарат НКВД. При направлении О. в Испанию учитывалось, что он обладает опытом партизанской войны, контрразведывательной и разведывательной работы.

О. прибыл в Мадрид в тяжелый момент для республиканского правительства, которое вело подготовку к эвакуации из столицы. Однако вовремя подоспевшая помощь СССР в виде боевой техники и подготовленных кадров не позволила франкистам захватить Мадрид. В этих условиях О. разворачивает активную деятельность. Осенью 1936 г. на него была возложена обязанность организовать эвакуацию испанского золота на хранение в СССР (по мнению советского руководства, в случае захвата Мадрида Франко расплатился бы золотым запасом с Гитлером и Муссолини за военную помощь). По личному указанию И.В. Сталина О. провел соответствующие переговоры с министром финансов республиканского правительства и получил от него принципиальное согласие на вывоз золота. Под личным контролем О. золото было погружено на четыре советских судна. После успешного завершения «золотой операции» О. не менее активно принялся за создание эффективных средств разведки и контрразведки республиканской Испании.

В скором времени в полную мощь заработала Служба военных исследований, которая под контролем О. занялась прежде всего чисткой госаппарата и армии. В арсенал службы входили самые радикальные меры, включая расстрелы. Репрессии вызвали возмущение членов республиканского правительства, которое потребовало отзыва О. как их главного инициатора. Конфликт был улажен после того, как О. доложил детально об арестованных и репрес-

сированных лицах, среди которых были агенты резидентур французской, итальянской, немецкой и английской разведок. Одновременно О. успешно руководил проведением партизанских операций в тылу противника. Были созданы учебные лагеря в Валенсии, Барселоне, Бильбао и др. городах. Отряды партизан проникали до 300 км в глубь оккупированной фашистами территории, сковывали действия крупных военных формирований врага. По мнению специалистов, активные партизанские действия позволили республиканцам удерживать военную инициативу весь 1937 г.

Руководимая О. резидентура и он лично продолжали сбор информации политического и военного характера, при этом их вербовочные акции всегда отличались смелостью и дерзостью. Кроме вербовки агентуры О. проводил негласный набор бойцов в интернациональные бригады, которые отлично зарекомендовали себя в боях с франкистами. Сохранились воспоминания одного из таких лиц — К. Хенкина, пробравшегося из Франции в Мадрид для участия в борьбе с фашизмом. Он попал на прием к О., о чем вспоминал впоследствии: «Когда меня провели в комнату, Орлов сидел довольно далеко от меня. Я поразился, насколько тщательно он ухаживал за собой. Он только что побрился и сбрызнул себя одеколоном. На нем была утренняя одежда: фланелевые брюки и шелковая сорочка без галстука. На поясе в открытой замшевой кобуре виднелся пистолет «вальтер» 7,65 калибра. Вскоре слуга в униформе вкатил сервировочный столик. Орлов помазал маслом горячий поджаренный ломтик хлеба, откусил кусочек и занялся яичницей с ветчиной, время от времени прихлебывая кофе. Он слушал меня рассеянно, иногда задавал вопросы, чтобы смутить меня... Что касается меня, то я изо всех сил старался не пялиться на еду, — не для того, чтобы скрыть, что я голоден, а чтобы не утратить достоинства. Целые сутки у меня не было крошки во рту. Подобрал яичный желток

булочкой и допив кофе, Орлов вынул пачку американских сигарет, закурил и, показывая, что разговор закончен, сказал: "Мы с вами свяжемся"».

Ключевую роль О. сыграл в разработке и пресечении деятельности троцкистских и анархистских групп. Ему удалось внедрить свою агентуру в ПОУМ (Рабочая партия марксистского единства), стоявшую на крайне левой троцкистской платформе, а также в Федерацию испанских анархистов. По инициативе ПОУМ Л.Д. Троцкий был приглашен в Барселону, чтобы возглавить свержение «буржуазной демократии» республиканцев. Особое внимание О. уделял контролю за поведением лидера ПОУМ Андрэу Нина, близкого соратника Л.Д. Троцкого. Особую активность ПОУМ проявляла в период чистки в СССР рядов ВКП(б) от троцкистских элементов, как бы бросая вызов советскому режиму.

О. удалось получить упреждающую информацию о подготовке лидерами ПОУМ вооруженного мятежа в Барселоне. Более того, он получил достоверные данные об участии в подготовке мятежа германской агентуры.

Мятеж начался в мае 1937 г., однако был жестоко подавлен. После этого О. организовал физическое устранение лидера ПОУМ.

Весной того же года службы, руководимые О., выявили и арестовали в Мадриде разветвленную агентурную сеть фалангистов. Было арестовано 270 человек, изъяты 2 радиостанции с шифром, копии донесений о расположении республиканских войск, большое количество оружия и взрывчатки.

В июле 1938 г. О. получил телеграмму из Москвы. Ему приказывали выехать в Бельгию, где в порту Антверпена его будет ждать пароход, на котором будет проведено совещание по поводу нового важного задания.

О., и не без оснований, решил, что в Бельгии его ожидает не совещание, а арест (массовые чистки и репрессии в

отношении сотрудников советских спецслужб в СССР продолжались).

О. вместе с семьей выезжает во Францию, где исчезает. В результате вскрытия сейфа О. было установлено, что он похитил 60 тыс. долларов (по курсу того времени — очень значительная сумма). Кроме того, было обнаружено письмо, адресованное наркому Ежову Н.И., в котором он излагал причины побега (спасение своей жизни и жизни семьи), а также требует не мстить за побег ему лично, его матери и матери жены, проживающим в СССР. О. обещает, что в случае выполнения этого условия он не предпримет никаких шагов, наносящих вред СССР. Учитывая осведомленность О. и его личные качества, уже в августе 1938 г. в Москве принято решение оставить его родственников в покое, не проводить в их отношении «спецмероприятий».

Вскоре, имея на руках дипломатический паспорт, О. вместе с семьей оказался в США. Благодаря помощи постоянно проживающих в США родственников О. и его семья получает вид на жительство и обосновывается в Калифорнии.

После смерти И.В. Сталина О. публикует книгу «Тайная история сталинских преступлений».

Только теперь американские спецслужбы узнали, что в течение 15 лет на территории США нелегально под чужим именем проживает советский суперразведчик.

О. пришлось давать показания в ФБР и сенатской комиссии, однако ему удалось не нарушить обещаний, данных в 1938 г. советским властям.

В 1963 г. выходит его книга «Учебник разведки и партизанской войны», где изложены методы работы советских спецслужб за рубежом. Затем с помощью ЦРУ О. читает лекции в Мичиганском университете.

В 1969 и 1971 гг. сотрудник КГБ дважды посетил О. на его квартире. По поручению руководства он предложил О.

вернуться в СССР, где его считают честным человеком, преследовать не будут и создадут все условия для нормальной жизни. О. отказался от этого предложения, заявив, что не может покинуть страну, где похоронена его дочь.

В 1971 г. умирает его жена. О. тяжело переживает смерть жены. В 1973 г. он умирает от болезни сердца.

Побег О. за границу является одной из самых таинственных страниц в истории советских спецслужб. На самом деле, возникает немало вопросов в связи с фактом побега О. и обстоятельств, ему сопутствующих. Кроме того, насколько могли быть основательными претензии Москвы к О. и деятельности за рубежом?

В противовес существующим интерпретациям, позволим себе предположить следующее.

1938 г. характеризуется ожесточенной борьбой И.В. Сталина и его окружения с троцкизмом и лично Л.Д. Троцким, ведущим из-за границы активную борьбу с ВКП(б) и его руководством. Подвергались жестоким репрессиям не только люди, связанные с троцкизмом, но и просто подозреваемые в этом.

Действительно, одной из установок спецсектора троцкистского центра, резиденция которого находилась в Париже и действовала под руководством сына Л.Д. Троцкого — Л.Л. Седова, была активная работа с советскими работниками за рубежом, с целью их вербовки, получения от них необходимой информации, а также побуждения их изымать денежные средства из казенных финансовых средств и передачи их троцкистскому движению. Особую активную обработку предлагалось проводить среди сотрудников резидентур советских спецслужб.

Следует учитывать, что в это время симпатии к троцкизму были довольно живучи в ВКП(б), особенно в среде старых большевиков, имеющих опыт революционной деятельности, борьбы с царизмом и Белым движением.

Симпатизировал ли О. троцкизму? Думается, что на этот вопрос есть веские основания ответить положительно.

Как установлено, в конце 1938 г., уже после побега, О. послал Л.Д. Троцкому анонимное письмо, в котором указывалось, что в окружении его сына в Париже имеется агент НКВД по имени Марк, который носит очки и имеет маленького ребенка. По этим данным было легко определить действительного агента НКВД Марка Збровского, сумевшего расположить к себе Л.Л. Седова и стать его самым близким сотрудником. Кроме того, О. предупреждал Л.Д. Троцкого о готовящемся покушении, которое совершит либо этот агент НКВД, либо испанец, выдающий себя за троцкиста. Л.Д. Троцкий не внял этому предупреждению и через полтора года был убит Меркадером.

Что это? Мсть Збровскому, как возможному, по мнению О., доносчику о его связи с Л.Д. Троцким и Л.Л. Седовым? Либо проявление определенных симпатий к троцкизму и лично к Л.Д. Троцкому? И существовали ли тайные связи О. с Троцким?

Окончательный ответ на эти вопросы могли бы дать оперативные материалы, полученные НКВД в результате организованного им контроля за парижской квартирой-резиденцией Л.Л. Седова. После рассекречивания этих материалов можно было бы дать определенный ответ на эти вопросы. Если, конечно, эти материалы будут когда-либо рассекречены, поскольку могут пролить новый свет на сталинские репрессии тридцатых годов. И не уничтожены ли они из «политических соображений»?

Орлов Алексей Григорьевич, род. в 1731 г., граф.

Один из самых главных участников государственного переворота 28 июня 1762 г., в результате которого был свергнут с престола император Петр III и взошла на русский трон Екатерина II. Сопровождал Екатерину II к казармам

Измайловского полка, а затем к Семеновскому и Преображенскому полкам (см. ст. Лейб-гвардии полки). После принятия полками присяги новой императрице вместе с Екатериной II возглавил толпу солдат и жителей столицы в походе к Зимнему дворцу, откуда был обнародован соответствующий манифест.

По приказанию Екатерины II и с ее участием возглавил авангард 14-тысячного войска в походе на Петергоф, где находился Петр III. В состав этих войск входили казаки, гусары, гвардейцы и полевая артиллерия.

После этой военной демонстрации и взятия под стражу Петра III, последний был вынужден отречься от престола. О. обеспечил его строгую охрану в Ропше. Он же — организатор и, возможно, непосредственный исполнитель убийства Петра III. В своей записке Екатерине II О. излагает обстоятельства смерти бывшего императора следующим образом:

«Матушка! Его нет на свете, но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором (Ф.С. Барятинский — см. соотв. статью настоящего издания). Не успели мы их разнять, а его уже не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты. Помилуй меня, хоть для брата (фаворит Екатерины Г.Г. Орлов — см. соотв. ст.). Повинную тебе принес. Повинную тебе принес, прости или вели казнить».

Лицемерный характер записки О. очевиден. Конечно, он не подвергся казни. Наоборот, сделал при Екатерине II блестящую карьеру.

В 1770 г. возглавлял русский флот в битве с турецким флотом в Чесменской бухте. В ходе сражения турки были наголову разбиты. Получил титул графа Чесменского.

В 1774 г. выполнил «деликатное» указание Екатерины II о похищении из Италии самозванки княжны Таракановой, объявившей себя дочерью императрицы Елизаветы Петров-

ны и сестрой Е. Пугачева. О. удалось обманом заманить княжну на борт русского корабля и доставить в Петербург. Тараканова умерла в Петропавловской крепости от чохотки.

В 1775 г. утратил расположение Екатерины II и вышел в отставку.

После смерти Екатерины II ее сын император Павел I приказал похоронить мать, которую он боялся и ненавидел, вместе с ее мужем. По приказу Павла I прах Петра III был эксгумирован, помещен в гроб и накрыт прусским мундиром. Останки Петра III были доставлены во дворец и помещены во дворце рядом с гробом Екатерины II.

О. был вызван в столицу и по приказу императора в прусском мундире времени Петра III сопровождал катафалк и участвовал в отпевании убитого им императора. Ходили слухи, что после похорон О. будет сразу казнен, однако Павел I ограничился лишь унижением убийцы своего отца.

Умер О. в 1807 г.

Орлов Владимир Григорьевич, 1882 г. рождения, урож. Зарайского уезда Рязанской области, действительный статский советник.

Родился в семье обедневших дворян. Его родители переезжают на жительство в Варшаву. О. поступает в гимназию, после окончания которой продолжает обучение на юридическом факультете Варшавского университета. Не имея достаточных материальных средств, вынужден по вечерам работать наборщиком в типографии и матросом на портовых судах. Досрочно сдавая экзамены, О. получил возможность совершить поездку в США, где проходил дополнительный курс по криминалистике, уголовной регистрации и учету.

Известие о начале Русско-японской войны застаёт О. за границей. Он прерывает обучение и возвращается в Рос-

сию. Добровольно поступает на военную службу и оказывается в действующей армии, в Маньчжурии. Получил контузию, в 1906 г. был демобилизован. Назначен судебным следователем в г. Лодзь. В 1911 г. занял должность следователя в Варшаве, специализировался на расследовании дел по измене и шпионажу. В 1912 г. в ведение О. переходят Варшавский, Киевский и Виленский военные округа. По роду работы он поддерживает тесные контакты с контрразведкой и охранными отделениями. Здесь О. начал создавать картотеку политических преступников, шпионов и подозреваемых в шпионаже лиц.

После начала Первой мировой войны О. добровольцем поступает в армию и получает назначение в артиллерийскую часть в крепость Оссовец. Однако опыт следственной работы, знание польского языка и наличие военных знаний предопределило его перевод в разведывательный отдел Северо-Западного фронта, где О. занимается контрразведкой.

Весной 1915 г. О., будучи военным следователем при Ставке Верховного Главнокомандующего, участвует в разоблачении немецкого шпиона ротмистра Бенсена, «двойных» агентов разведотдела штаба 9-й армии Затайского и Михель, австрийской шпионки Л. Карпюк, а также расследовал дело бежавшего к австрийцам с секретными документами штабс-капитана Янсена.

Яркой страницей в биографии О. — следователя осталось участие в расследовании дела жандармского подполковника С.Н. Мясоедова (см. соотв. ст.), обвиненного в шпионаже и казненного по приговору военно-полевого суда.

Летом 1915 г. О. участвовал также в расследовании дела бывшего военного министра В.А. Сухолевцова (см. соотв. ст.).

За успехи в деле борьбы со шпионажем О. в период войны был награжден орденами Святой Анны, Святого Ста-

нислава, Святой Анны и Святого Владимира с мечами и с бантом.

Октябрьские события 1917 г. резко изменили судьбу О. Первоначально он намеревался бежать на Дон, однако получил приказ от бывшего Главнокомандующего русской армии генерала М.В. Алексеева, чьим покровительством пользовался, остаться в Петрограде и создать подпольную разведывательную организацию, способную добывать для формирующегося на Юге Белого движения необходимую военную и политическую информацию. В обязанности О. также входила переброска на Дон и на Север офицеров царской армии, желающих с оружием в руках бороться с большевиками.

В январе 1918 г. О. появился в Петрограде под именем Болеслава Ивановича Орлинского, якобы польского революционера. Он изменил внешность: отпустил бороду и усы. Ему удалось поступить на работу в аппарат Совета народных комиссаров, однако вскоре был переведен в Наркомат юстиции, где возглавляет уголовно-следственную комиссию. По роду работы он поддерживал тесные контакты с ВЧК, был осведомлен о проводимых ею оперативных мероприятиях. Недюжинные способности О. позволили ему сделать карьеру и в советском госаппарате.

Он назначается председателем Центральной уголовно-следственной комиссии при Наркомате юстиции. В его сферу деятельности теперь входили Петроградская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Вологодская и Архангельские губернии.

В мае 1918 г. случайная встреча с Председателем ВЧК Ф.Э. Дзержинским имела для О. неожиданные последствия. Ф.Э. Дзержинский сразу узнал следователя, который вел его дело в Варшаве в 1912 г. и неоднократно допрашивал его в тюрьме.

Председатель ВЧК, видимо, запомнил корректность О., строгое соблюдение им правовых норм и даже некоторое сочувствие и уважение по отношению к нему. Это, скорее всего, и явилось причиной того, что легендарная проницательность Ф.Э. Дзержинского на тот раз изменила ему. Он выразил удовлетворение тем, что О. теперь на стороне новой власти, и предложил ему более тесное сотрудничество в области борьбы со шпионами.

Обеспечив себе таким образом надежное легальное прикрытие, О. развернул активную подпольную деятельность. Прежде всего он установил постоянные негласные контакты с представителями английской и французской разведок, систематически передавал им военную и политическую информацию, которую он получал через разветвленную агентурную сеть, состоявшую из не менее восьми десятков осведомителей. Ему удалось обеспечить устойчивую связь с белой армией и переправить в ее распоряжение более 800 офицеров, которые были обеспечены необходимыми документами и материальными средствами.

Особенно тесные отношения у О. сложились с разведчиком-нелегалом английской разведки Сиднеем Рейли, которому он передал документы на имя сотрудника ЦК Реленского, обеспечив ему безопасное и беспрепятственное передвижение по всей стране.

О. удалось завербовать сотрудника германского консульства в Петрограде В. Бальжерса, от которого получал важную информацию, немедленно передаваемую французам и англичанам. Через этого агента он, кроме того, пересылал в германские правительственные круги материалы о большевистской пропаганде в Германии и деятельности советского посольства в Берлине.

Эта двойная игра стала известна французским хозяевам О., которые занесли его в «черный список» как германского агента и навсегда закрыли ему въезд во Францию.

В конце сентября 1918 г. группа офицеров, которых О. в очередной раз снабдил фальшивыми документами, при попытке уйти на Дон была арестована. Некоторые члены этой группы дали показания на О. и поставили его на грань провала. Совершенно случайно он узнает о грозящей опасности и бежит из Петрограда к финской границе, при переходе которой был серьезно ранен пограничниками.

Излечившись от раны, О. в феврале 1919 г. перебирается на юг России и оказывается в рядах Добровольческой армии. Он был назначен начальником контрразведывательного отделения штаба Одесского района. Под его руководством была разоблачена подпольная организация «Молодежный революционный интернационал», члены которой были расстреляны.

Он поддерживает активные рабочие контакты с контрразведками Франции и Англии, войска которых участвуют в интервенции против Советской России. В этот период он продолжает развивать идею создания Международного бюро по регистрации и сбору материалов о лицах, причастных к деятельности советского правительства. Однако его проект у французов поддержки не получил.

В апреле 1919 г. вместе с частями белой армии О. эвакуировался из Одессы. Он пребывает в Екатеринодар и является в штаб Добровольческой армии, где получает должность руководителя разведки и контрразведки вне зоны боевых действий. Он занимался, в частности, вопросами создания особо секретной агентурной сети на западной границе Советской России (Финляндия, Прибалтика, Польша, Украина, Румыния). Летом 1920 г. по решению руководства спецслужб Добровольческой армии с учетом положения на фронтах О. вместе с документами его отдела был отправлен за границу.

Он оказывается в Риге, а затем — в Берлине, где возглавил резидентуру врангелевской разведки под псевдо-

ними Орданский и Боровой, активно работает над реализацией плана интервенции против Советов, инициатива в которой отводилась Польше и Румынии. Его деятельность попадает в поле зрения советской закордонной агентуры, которая оценивает работу О. как одну из самых эффективных в ставке Врангеля.

На О. в ВЧК—ОГПУ было заведено дело разработки, вскоре повлекшее за собой агентурное проникновение советских спецслужб в окружение О. Это позволило систематически доводить до него дезинформацию. «Секретные сведения» попадали на стол немецких спецслужб, с которыми О. к этому времени наладил активное сотрудничество, став практически их платным агентом.

Однако агентурная сеть О. в России катастрофически уменьшалась из-за арестов и добровольного «отхода от дел» целого ряда осведомителей. Снижение количества и качества поступающей информации существенно снизило субсидии германских спецслужб для резидентуры О.

В 1923 г. он вынужден отказаться от идеи создания «Белого Интернационала» из-за охлаждения к ней немцев и англичан (французы всегда относились подозрительно как к О., так и ко всему, от него исходящему). Деградация агентурной сети и невозможность из-за финансовых трудностей активизировать борьбу с Советской властью привело О. к мысли заинтересовать западные спецслужбы поддельной документальной информацией, тематика которой не могла их не заинтересовать. К идее фабрикации «разведывательной информации» О. подтолкнул факт измены советского разведчика М.Г. Сумарокова, который выдал немцам большое количество секретной документальной информации. Кроме того, он захватил с собой большое количество бланков различных советских организаций (ВЧК—ОГПУ, Наркомата иностранных дел, Совета народных комиссаров и др.), а также Коминтерна. М.Г. Сумаро-

ков принял предложение О. о сотрудничестве, передал ему эти бланки и принял участие в составлении фальшивок. Довольно длительное время французские, английские и германские разведки охотно покупали эту «документальную информацию». Деятельность О. и М.Г. Сумарокова тщательно отслеживалась советской разведкой, которой удалось выяснить «источники» поступления к О. обильной «разведывательной информации». Эти факты удалось довести до сведения немецких властей. О. и М.Г. Сумароков были арестованы, их «лаборатория» подвергнута обыску, в ходе которого были обнаружены бланки и черновики фальшивок. В марте 1929 г. началось следствие, а в июле — суд, длившийся 10 дней. М.Г. Сумароков признал вину, пытался взвалить всю ответственность на О.

Оба были признаны виновными в мошенничестве и приговорены к 4 месяцам тюрьмы каждый. Однако срок заключения поглощался пребыванием обвиняемых в тюрьме во время следствия, и они были освобождены из зала суда. Через год суд второй инстанции приговор оставил в силе, однако О. было предложено покинуть Германию.

О. был полностью скомпрометирован не только в глазах своих зарубежных хозяев, но и в среде белой эмиграции, основная часть которой резко осудила его методы борьбы с большевиками. Его имя в белоэмигрантских кругах стало нарицательным, синонимом беспринципности и авантюризма. О. переехал в Бельгию, практически отошел от дел, занялся литературным трудом. Написанные им книги с большой осторожностью и недоверием принимались зарубежными издательствами.

О. был морально окончательно сломлен. Он был вынужден уволиться из всех белоэмигрантских организаций, где служил юрисконсультom, и лишился последнего заработка.

В 1941 г. уже после оккупации гитлеровцами Бельгии О. был арестован гестапо и доставлен в Берлин, где его труп

через несколько дней обнаружили в одном из городских скверов.

Орлов Григорий Григорьевич, род. в 1734 г., граф.

Фаворит Екатерины II, брат А.Г. Орлова (см. соотв. статью настоящего издания). Активный участник переворота 28 июня 1762 г., в результате которого был свергнут с русского престола Петр III.

После восшествия на трон Екатерины II произведен в генерал-майоры и действительные камергеры. В 1769 г. вместе с четырьмя братьями, также участниками заговора, возведен в графское достоинство. Впоследствии получил титул князя Римской империи.

В 1771 г. усмирал чумной бунт в Москве, с 1772 г. — на дипломатической службе.

В 1776 г. женился на двоюродной сестре. Члены Совета при императрице настаивали на его разводе и заключении О. в монастырь. Однако Екатерина II позволила ему и его жене выехать за границу.

О. умер в 1783 г.

Орлов Игорь Григорьевич (он же — Копецкий Александр, он же — Койшвиц Франц), 1922 г. рождения, урож. г. Киева.

С августа 1941 г. О. работает в советской военной разведке.

В конце 1943 г. был заброшен на территорию Германии, но во время приземления на парашюте был ранен и захвачен в плен. Был помещен немцами в госпиталь. Завербован немецкой военной разведкой «Абвер», использовался как офицер связи с армией Власова РОА (см. соотв. ст.). С марта 1945 г. до окончания войны служит в разведке РОА. Был пленен американцами и содержался в концлагере «Дахау».

Под чужой фамилией — Кобацкий, избежал выдачи советским властям.

В 1946 г. О. был завербован спецслужбами США. Использовался американцами как эксперт по советской разведке. Участвовал в воссоздании спецслужбами США немецкой разведки во главе с гитлеровским генералом Р. Геленом.

С 1949 г. О. находится в Западном Берлине под фамилией Койшвиц. Занимался вербовкой проституток в советском секторе города, которые подставлялись военнослужащим Красной армии для выведывания секретов.

Вскоре был переведен во Франкфурт, использовался ЦРУ в отделе перлюстрации почтовой корреспонденции.

В 1957 г. переведен в США, но в 1961 г. ЦРУ отказалось продлевать с ним контракт. О. был вынужден устроиться водителем грузовика. Через три года открыл магазин по продаже багетов.

В 1964 г. О. попал в разработку ФБР в связи с показаниями изменника А.М. Голицына (см. соотв. ст.).

У него на квартире был проведен обыск, его проверяли на детекторе лжи. За ним велась круглосуточная слежка. Периодически проводились его допросы.

О. обратился в советское посольство с просьбой о предоставлении ему политического убежища, но его жена отказалась выехать в СССР.

О. умер в Нью-Йорке в 1982 г.

Ощенко Виктор Алексеевич, 1940 г. рождения, урож. г. Старобельска Ворошиловградской обл., бывш. полковник советской разведки.

Проходил службу в научно-технической разведке КГБ СССР. Первую заграничную командировку провел в Англии. С 1985 г. являлся заместителем резидента в Париже. В качестве прикрытия использовал должность советника посольства СССР во Франции.

В 1992 г. перед отъездом на Родину в связи с сокращением штатов разведки за рубежом вместе с женой и дочерью скрылся и через некоторое время объявился в Англии, где попросил политического убежища.

Переданные им секретные сведения позволили противнику арестовать трех агентов советской разведки. В результате его предательства были выдворены из Франции четыре кадровых сотрудника КГБ. Вскоре в Англии был арестован еще один агент КГБ, приговоренный впоследствии судом к 25 годам тюрьмы.

III

Павлов Юрий Васильевич, 1935 г. рождения, сотрудник Арктического и Антарктического научно-исследовательского института Госкомгидромета.

Был завербован ЦРУ. После ареста советскими спецслужбами дал признательные показания. Рассказал о способах связи с американской разведкой, что позволило контрразведчикам организовать поимку с поличным сотрудника ЦРУ, действующего под прикрытием консульства США в Ленинграде.

В сентябре 1983 г. в день изъятия тайника — полого булыжника с секретной информацией, сотрудник американской разведки с женой и малолетним ребенком выехали за город на дачу и остановились на 30-м км шоссе, где визуально зафиксировали, что тайник на месте. Из машины вышла жена разведчика с ребенком на руках. Подойдя к тайнику, она как бы случайно обронила пленку, которая накрыла камень. Подняв пленку вместе с тайником, жена разведчика направилась к автомашине. В это время

группа захвата осуществила задержание иностранцев с поличным.

Через два дня разведчик и его жена были выдворены из СССР.

П. был осужден советским судом. Определенная ему мера наказания нам неизвестна.

Падунов Дмитрий Демьянович, 1903 г. рождения.

Офицер Красной армии, интендант 2-го ранга. В 1942 г. попал в плен. Добровольно вступил в т. н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова. В конце 1942 г. окончил курсы пропагандистов РОА, организованные и финансируемые немецкой военной разведкой. Там же руководил группой. Капитан РОА. После капитуляции Германии проживал в США.

Пален Петр Алексеевич, род. в 1746 г., граф.

Выходец из семьи гамбургских баронов. Служил у прусского императора Фридриха II. Перешел на службу в русскую армию, принял российское подданство.

Главный организатор заговора и руководитель государственного переворота 11 марта 1801 г., в результате которого был убит император Павел I.

П. пришел к выводу, что изменения в России возможны лишь после физического устранения императора и воцарения его сына великого князя Александра. П. активно вербовал в ряды заговорщиков офицеров гвардии, аристократов и вельмож, права которых при Павле I были серьезно ограничены. П. поддерживал тайную связь с английским послом, получал от него моральную и материальную поддержку. Использовал свои возможности генерал-губернатора Санкт-Петербурга для расширения круга участников заговора. Привлек на свою сторону графа Л.Л. Бенигсена, своего близкого друга, и последнего фаворита Екатерины II

графа П.Н. Зубова, имевшего влияние на офицерский корпус гвардейцев.

П. сумел убедить великого князя Александра (будущий император Александр I) в необходимости свержения его отца с русского престола, поскольку без этого России грозит неизбежная катастрофа. Добился одобрения своих планов лишь тогда, когда Александр посчитал, что его отец подозревает его в заговоре и намерен лишить его трона как прямого наследника. Кроме того, его впечатлила информация, полученная от П., что его жизни угрожает в этой ситуации прямая опасность. Александр согласился участвовать в заговоре только при условии безусловного сохранения жизни отца. П. дал ему соответствующие гарантии. В данном случае П., безусловно, солгал.

Непосредственно перед переворотом П. был вызван к Павлу I в Михайловский замок. Император прямо спросил П. как генерал-губернатора столицы, что ему известно о антигосударственном заговоре. П. не растерялся и заявил, что ему известно о существовании этого заговора и более того, он сам является его участником. По словам П., он намеренно вошел в состав заговорщиков, чтобы быть в курсе их планов. Император может-де не беспокоиться, поскольку мятежники находятся под его полным контролем. Павел I поверил П. На следующий день он был убит.

После убийства отца Александр понял, что его жестоко обманули. Он все же дал согласие на коронование. Один из первых приказов нового императора Александра I касался непосредственно П. Летом 1801 г. он был лишен должности и сослан в свое имение. На государственную службу более не возвращался. До самой своей смерти П. сохранил глубокое убеждение, что совершил «величайший подвиг гражданского мужества и заслужил признательность всех русских».

Умер П. в 1826 г.

Палий-Дроздов Петр Николаевич, 1908 г. рождения, урож. г. Ковеля Волынской губернии, украинец.

Родился в семье преподавателя железнодорожного училища.

В 1930 г. окончил Киевский политехнический институт. С 1931 по 1933 г. проходил военную службу на заводе в Казани. Демобилизовался в звании капитана. Осенью 1933 г. был арестован органами НКВД по обвинению в украинском сепаратизме, однако спустя восемь месяцев освобожден.

В 1934 г. П. переезжает в Киев, где работает инженером-электриком. В 1939 г. награждается орденом «Знак Почета».

В январе 1941 г. призван в Красную армию. В начале войны назначен командиром инженерного батальона. В июле 1941 г. попадает в плен. Находясь в лагере для военнопленных, изъявил желание вступить в т.н. Русскую освободительную армию генерала Власова (РОА). Получил звание майора РОА. Участвовал в боях с частями Красной армии.

В 1945 г. выдачи советским властям избежал. В 1948 г. переехал на жительство в США. Работал чертежником в авиастроительной фирме «Локхид». Окончил Калифорнийский университет, получил должность инженера-исследователя на той же фирме. Принимал участие в переговорах с советскими внешнеторговыми организациями. Девять раз посещал Советский Союз. Занимался журналистикой, избирался старостой православного Свято-Богородицкого храма. В настоящее время — на пенсии, проживает в Калифорнии.

Панин Никита Иванович, род. в 1718 г., дипломат.

Участник заговора и государственного переворота 28 июня 1762 г., в результате которого был свергнут с русско-

го престола и убит император Петр III. Планы П. несколько отличались от намерений будущей императрицы Екатерины II и ее близкого окружения. П. хотел отвести Екатерине II роль регентши при ее сыне Павле, будущем императоре Павле I. Он также разработал проект реформирования Сената и учреждения Императорского Совета.

Предложения П. были отвергнуты Екатериной II.

С 1763 г. П. руководил Коллегией иностранных дел. Вплоть до кончины в 1783 г. сохранял влияние на внешнюю политику России.

Парунов Михаил Николаевич, 1838 г. рождения, действительный статский советник.

В 1895 г. П. был завербован агентом австрийской разведки А.А. Любарским, выходцем из России, в прошлом — сотрудник Русского генерального консульства в Вене, уволенный за «предосудительные поступки». В течение трех месяцев П. получил от Любарского по 300 рублей за сведения о правительственных мероприятиях в Санкт-Петербурге. Вскоре эта связь временно прервалась и возобновилась летом 1896 г., когда П. после поездки в Болгарию посетил Вену. Любарский познакомил П. с кадровыми австрийскими разведчиками, которые поручили ему добыть гелиограммную карту России, изготовленную для русского Генштаба.

Кроме того, австрийцев интересовали мобилизационные планы, дислокация войсковых частей, приказы, данные о материально-техническом снабжении и вооружении русской армии и т. д. За эти услуги П. было обещано «обеспечение до конца жизни».

П. был передан специальный шифр для почтовых отправок, в котором, например, словом «чай» обозначалась характеристика судоводных единиц, словом «икра» — доклад военного министра, словосочетанием «шестнадца-

тилетняя красавица» — мобилизационный план № 16, а «девушка скоро выйдет замуж» означало отправку развед-информации. Австрийские офицеры раздражили аппетиты П. сообщением, что располагают фондом в два миллиона гульденов на приобретение ценных материалов, и выдали ему в качестве аванса 500 рублей. Однако П. не имел профессиональных навыков агента-вербовщика, а для получения интересующей австрийцев информации необходимы были контакты с лицами, имеющими к ней доступ.

Первая попытка вербовки оказалась для П. неудачной. Бывший вольноопределяющийся П.А. Романовский и адъютант комендантского управления Санкт-Петербургской крепости Н.М. Турчанинов согласились работать на П., однако передавали ему либо устаревшие сведения, либо извлеченные из открытых источников материалы, выдавая их за секретные. Кроме того, Турчанинов и П. решили провести финансовую аферу, взяв кредит в 100 тыс. рублей для якобы учрежденного Общества помощи детям Императорского воспитательного дома. Однако весь кредит присвоил себе Турчанинов, после чего П. вообще прекратил с ним какие-либо отношения.

Затем П. провалил вербовку личного почетного гражданина П.С. Войницкого и военного писаря И. М. Лентяева, с которыми не сошелся в размере вознаграждения.

Привлеченные им вскоре после этого чиновник Окружного интендантского управления А.М. Лохвицкий и бывший писарь 63-го кадрового батальона Ф.С. Обидейко также обманывали и доставляли ему под видом закрытых сведений материалы, полученные из общедоступных изданий.

Вскоре из Австрии П. получил гневную отповедь от «хозяев», которые резко отрицательно оценили деятельность его агентуры, назвав их мошенниками, копирующими «старые книги». Напомнив П. о том, что им получено достаточно большая сумма денег, офицеры австрийской разведки

дали понять о грозящих ему неприятностях, если он не будет нормально работать.

Неудачная шпионская карьера и угрозы «хозяев» окончательно вывели П. из равновесия. Он впал в глубокую депрессию, признался о своей тайной деятельности 19-летней дочери, которая решила выручить отца и взять выполнение поручений австрийцев на себя. Ей удалось достать через старые связи отца некоторые подлинные документы русских военных ведомств, однако при попытке завербовать новую агентуру она попала в поле зрения контрразведки, которая вскоре выявила всю агентурную сеть.

Было предъявлено обвинение в шпионской деятельности самому П., его дочери, Лохвицкому, Турчанинову, Обидейко, Лентяеву и др. П. и дочь были лишены дворянского достоинства и сосланы на поселение в Сибирь. Лохвицкий был также лишен дворянства и получил 4 года каторги. Турчанинов и Обидейко сосланы на жительство в Енисейскую губернию на три года каждый с последующим поселением в Сибири на 10 лет. Лентяев был приговорен к восьмимесячному тюремному заключению.

Пассек Петр Богданович, род. в 1736 г., капитан гвардии.

Участник заговора против императора Петра III в пользу его жены Екатерины Алексеевны (будущая императрица Екатерина II), близкий друг ее фаворита Г.Г. Орлова (см. соотв. ст.). Имел неосторожность в компании сослуживцев во время застолья рассказать о готовящемся перевороте. В результате доноса 27 июня 1762 г. был арестован.

Арест П. побудил заговорщиков во избежание последствий возможных признательных показаний ускорить реализацию плана свержения Петра III с престола, что им с успехом удалось.

Пашков Филипп Иванович Истома (ум. 1607 / 10), соловской сын боярский, веневский сотник.

Одна из самых ярких фигур на русской политической арене после падения Лжедмитрия I. Удачно воспользовался распространившимися слухами о том, что царевич Дмитрий (т.е. самозванец) не погиб, а бежал в Польшу и готов продолжить борьбу за престол. П. удалось сформировать в Путивле значительные воинские формирования и выступить против нового царя Василия Шуйского.

Вскоре он соединился с И.И. Болотниковым и возглавил в его войске дворянское ополчение, которому удалось разбить царские войска у с. Троицкое и выйти к Москве. Но в это время у П. возник конфликт с предводителем крестьянского движения. В декабре 1606 г. под Москвой П. во главе своего ополчения перешел на сторону В. Шуйского, что обеспечило победу правительственных войск над И.И. Болотниковым.

В 1607 г. в составе царских войск П. участвовал в битве на Пчельне с войсками самозванца Петра Федоровича, выдававшего себя за сына царя Федора Ивановича и объединившегося с Лжедмитрием II. В результате битвы царские войска потерпели поражение, а П. был вынужден бежать. По некоторым источникам, П. был вскоре убит, однако обстоятельства его смерти не ясны.

Пеньковский Олег Владимирович, 1918 г. рождения, урож. г. Орджоникидзе, бывш. полковник Главного разведывательного управления Генштаба Министерства обороны СССР.

Родился в семье горного инженера. Его отец — Владимир Флорианович Пеньковский — в Первую мировую войну был призван в армию, получил чин поручика. В период Гражданской войны находился в рядах белой армии, погиб в одном из боев. П. отца не помнил, воспитывался матерью.

Закончив среднюю школу, П. поступил во 2-е Киевское артиллерийское училище. Вступил в комсомол, в 1939 г. был принят в ряды партии. После окончания военного училища был направлен на Западную Украину, участвовал в ее освобождении. В качестве политрука был участником финской кампании 1939—1940 гг., затем назначен в Московский военный округ заместителем начальника политотдела Артиллерийской школы им. Красина.

После начала Великой Отечественной войны П. получил назначение в штаб Московского военного округа, где занимает должность старшего инструктора политуправления. Вскоре становится старшим политруком. Через год его перевели в спецотдел Военного совета МВО (работал со сверхсекретными документами).

В Московском военном округе П. служил до конца 1943 г. К этому времени он уже женился на дочери члена Военного совета МВО генерала Д.А. Гапановича. В ноябре 1943 г. попросился на фронт (как он потом пояснил, война близилась к завершению, а у него не было ни одного боевого ордена). Попал в штаб начальника артиллерии 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанта С.С. Варенцова. Затем становится командиром учебного центра пополнения противотанковых артиллерийских частей. Некоторое время находился на передовой, командовал полком артиллерийской противотанковой бригады. В июне 1944 г. был ранен, лечился в госпитале в Москве. Через два месяца вернулся на фронт. Получил звание майора, награжден двумя орденами. Вскоре находящийся в госпитале после ранения С.С. Варенцов назначает его офицером по связи с фронтом. До конца войны П. находился при С.С. Варенцове, оказывает ему и его семье услуги личного характера. Завоевал полное расположение генерал-лейтенанта, был в курсе его семейной жизни. С.С. Варенцов впоследствии всю жизнь протезировал ему.

После войны П. закончил Академию им. Фрунзе и сразу был принят в Военно-дипломатическую академию, где обучался в течение трех лет. За это время был повышен в звании до полковника.

С 1953 г. П. проходит службу в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Министерства обороны (Восточное направление). В 1955 г. направлен на работу в резидентуру ГРУ в Стамбуле, где в течение семи месяцев исполняет обязанности резидента. Здесь он впервые попадает в поле зрения сотрудников американской разведки, которые зафиксировали с его стороны попытки пополнить личный бюджет за счет спекулятивных сделок.

П. рассчитывал, что благодаря его связям в Москве ему вскоре удастся стать военным атташе в Стамбуле и получить генеральское звание. Однако после назначения в Стамбул на место резидента ГРУ генерала Рубенко все его планы рухнули. Теперь он занимает должность помощника военного атташе и становится рядовым сотрудником резидентуры. Между П. и Рубенко начали возникать конфликты. П. неоднократно информировал Москву о просчетах своего начальника. Последний также давал резко отрицательные оценки П. и его работе в резидентуре.

Убедившись в том, что его демарши в Центр и влиятельные связи в Москве не помогают, П. решается на «крайние меры». Он сделал два анонимных звонка в турецкую контрразведку и сообщил ее сотрудникам о готовящихся резидентурой ГРУ нескольких агентурных акций. По его расчетам, провал этих акций убедит Москву в неспособности Рубенко руководить разведывательной работой в Стамбуле.

Однако это не помогло П., и вскоре он был отозван в Москву. Поработав некоторое время в центральном аппарате ГРУ, П. начал проходить подготовку для новой поездки за рубеж. На этот раз планировалось направить его в

Индию на вакантную должность резидента в Дели. Вскоре он, однако, узнает, что КГБ, осуществлявший контрразведывательный контроль за деятельностью ГРУ и его персоналом, категорически возражает против направления его в Индию. П. выясняет, что причиной этой позиции КГБ является служба его отца в царской армии и участие в Гражданской войне на стороне белых. Однако, скорее всего, он всерьез не воспринимает эту версию, резонно полагая, что КГБ, традиционно имевшему сильные агентурные позиции в Турции, стало что-то известно об анонимных звонках в турецкую контрразведку. В этом случае определенные подозрения не могли не возникнуть в отношении П. как их исполнителя.

В конце 50-х гг. П. начинает работать под прикрытием Государственного комитета по науке и технике. В его обязанности входило приобретение источников информации для ГРУ из числа научных работников и представителей иностранных фирм, с которыми он теперь постоянно работал по линии прикрытия. Он также сопровождает советские делегации в непродолжительные заграничные поездки. Расширяется круг его покровителей. Кроме С.С. Варенцова, его протежирует сам начальник ГРУ генерал армии И.А. Серов. Осведомленность П. в делах Министерства обороны и ГРУ в силу этого существенно расширяется. Но он уже не строит иллюзий по поводу карьеры в ГРУ. П. принимает окончательное и бесповоротное решение «сменить баррикады» и перейти на сторону противника. Он разрабатывает план установления связи с иностранными разведками, рассчитывая передачей им совершенно секретной информации заработать крупную сумму денег в иностранной валюте, а затем при благоприятных обстоятельствах бежать на Запад.

Первые попытки установить контакт с английской и американской разведками П. предпринял в 1960 г. В августе

этого года при случайной встрече в городе он просит американских туристов передать письмо в посольство США. Позднее с аналогичными просьбами обращается к членам английской и канадской делегаций. Его очень тревожит тот факт, что ни американцы, ни англичане не реагируют на его предложения о встрече.

Однако «сигналы» П. дошли до западных спецслужб. Их замедленная реакция на них была связана с необходимостью удостовериться в искренности П. Кроме того, ни американцы, ни англичане не были готовы с «технической» точки зрения организовать негласную работу с «советским инициативником» в Москве. На специальном совещании представителей ЦРУ и СИС было решено действовать совместно. С этой целью была создана особая группа, куда вошли наиболее опытные оперативные работники. Был выбран для П. и связник — агент СИС бизнесмен Г. Винн, который часто выезжал в СССР в составе английских делегаций, вел переговоры в ГКНТ и, что самое главное, хорошо знал П., контакты с которым не могли вызвать никаких подозрений.

В апреле 1961 г. в Москве Г. Винн установил с П. связь от имени западных спецслужб и получил от него пакет с информацией о советском ракетном вооружении и письмом с предложением о постоянном сотрудничестве.

Спустя несколько дней П. в составе делегации ГКНТ прибывает в Лондон, где его уже ожидают новые хозяева. В течение двухнедельного пребывания в Великобритании он четырнадцать раз встречается с сотрудниками английской и американской разведок, передает им совершенно секретные сведения о работе ГРУ, составе ракетных сил СССР, их дислокации, тактико-технических данных, советском ядерном потенциале. Уже на первой встрече пытался убедить своих собеседников в необходимости нанесения по СССР превентивного ракетно-ядерного удара. Главным

объектом этого удара, по мнению П., должна стать Москва как центр управления советскими ракетными войсками.

При этом, по расчетам П., необходимо прежде всего уничтожить не только материальное и техническое обеспечение центра, но и не менее 150 000 человек, имеющих отношение к штабам ВВС и ВМС, центральному аппарату Министерства обороны, КГБ и ЦК КПСС. Разведчики пообещали тщательно изучать предложения П.

На одной из конспиративных встреч П. подписал следующее письменное обязательство, которое оформило окончательно его вербовку:

«Я, Пеньковский Олег Владимирович, полковник Советской армии, настоящим предлагаю свои услуги правительствам США и Великобритании отныне и впредь начиная с 21 апреля 1961 г. Обязуюсь служить этим правительствам верой и правдой и приложить все силы для выполнения приказов, переданных мне представителями данных правительств.

Обязуюсь работать на правительство США и Великобритании от их имени в СССР, пока моя работа будет нужна. После я обращусь к правительствам США и Великобритании с просьбой предоставить мне и членам моей семьи политическое убежище и гражданство одной из этих стран, а также положение в выбранной мной стране в соответствии с моим званием и оказанными услугами.

Впредь считаю себя солдатом свободного мира, борющегося за дело человечества в целом и за освобождение народа России, моей родины, от тирании.

Настоящим заявляю, что подписываю этот акт, осознавая всю его важность и проявляя свою собственную волю».

Подписав это обязательство, П. поставил перед своими собеседниками вопрос об оплате своих услуг. Договорились, что он будет получать ежемесячное вознаграждение в размере 1000 долларов, которые будут переводиться на

его счет в один из западных банков. П. получил от западных разведчиков миниатюрный фотоаппарат «Минокс» для снятия копий с секретных документов ГРУ. С ним были обговорены условия конспиративной связи в Москве (тайник, моментальные встречи на приемах в западных посольствах, условные телефонные разговоры). Перед отъездом на родину П. встретился с руководителем британской разведки Д. Уайтом, который высоко оценил его поступок и качество полученной от него информации. П. заверил Д. Уайта в полной преданности и готовности «идти до конца».

Вернувшись в начале мая в Москву, П. встретился здесь с приехавшим вскоре Г. Винном, от которого получил деньги. Со своей стороны, передал ему очередную порцию шпионской информации. Г. Винн показал П. фотографию жены сотрудника посольства Великобритании Р. Чисхолма — Дж. Чисхолм (оба — агенты СИС). С ней П. должен был встречаться в условленное время на Цветном бульваре, где она обычно прогуливалась с детьми, и вручать ей коробку конфет со шпионским вложением. Подключение Дж. Чисхолм к данной агентурной операции явилось позднее главной причиной разоблачения П., поскольку к этому времени КГБ уже располагал информацией о принадлежности супругов Чисхолм к агентуре СИС и начал их активную разработку.

В июле 1961 г. П. вновь посещает Великобританию и вновь встречается с представителями западных спецслужб. Он передает им данные на 300 сотрудников ГРУ и выдает 12 агентов советской военной разведки из числа иностранцев. Кроме того, П. информирует своих кураторов о позиции советской стороны по Берлинскому кризису, что было чрезвычайно высоко оценено в правительственных кругах США и Англии.

В сентябре 1961 г. П. посещает Париж, где снова встречается с сотрудниками ЦРУ и СИС. Его информация по продолжающемуся Берлинскому кризису вновь оценена

разведчиками как чрезвычайно важная. Она позволила Западу выработать адекватную позицию на переговорах с СССР. П. сообщает также сведения о дислокации советских ракет, их количестве и качественных характеристиках. Указанные материалы, а также данные о советской системе ПВО, полученные от П., заставили США изменить концепцию так называемого массированного воздействия на доктрину «гибкого ядерного реагирования».

В Москве П. продолжает встречи с Дж. Чисхолм на улице и на дипломатических приемах, одновременно получая задания от ЦРУ по коротковолновому приемнику у себя дома.

В марте 1962 г. целенаправленная работа советской контрразведки по супругам Чисхолм, наконец, дает результаты. На приеме в квартире атташе по науке посольства Великобритании агент КГБ фиксирует моментальную встречу Дж. Чисхолм с советским гражданином, который скрытно передал иностранке небольшую упаковку. На следующий день агент по фотографиям приглашенных на прием советских граждан опознал П., который был немедленно взят в активную оперативную разработку.

П. вскоре замечает за собой слежку. Кроме того, его чрезвычайно беспокоил тот факт, что его перестали направлять в зарубежные поездки. Его сообщения в западные спецслужбы носят панический характер, он требует организовать ему побег на Запад. П. успевает, однако, передать американцам и их английским партнерам ценнейшую информацию о так называемом Карибском кризисе, и в частности, о размещении советских ракет класса «Земля—Земля» на Кубе в качестве ответной меры на намерение США осуществить военную интервенцию против этой страны. Убедившись в решимости Москвы защитить Кубу, администрация США отказалась от планов насильственного свержения режима Ф. Кастро в обмен на эвакуацию советских ракет с кубинской территории.

В самый разгар Карибского кризиса ЦРУ не могло отказаться от услуг П., всячески уговаривало повременить с побегом, стимулировало его материально (американцы сообщили своему агенту, что на его счет перечислено 250 000 долларов за информацию по Берлину и Кубе).

Однако 23 октября 1962 г. П. был арестован органами госбезопасности. Во время обыска у него на квартире были обнаружены и средства шпионской связи. П. вскоре признался в сотрудничестве с западными спецслужбами и рассказал, в частности, что по условиям связи он в конце ноября должен заложить контейнер в тайник в одном из подъездов жилого дома на Пушкинской ул., вследствие чего советской контрразведке удалось захватить с поличным при изъятии шпионских материалов американского дипломата — сотрудника ЦРУ Р. Джекоба. Почти одновременно в Будапеште был арестован, а затем этапирован в Москву Г. Винн.

Судебный процесс над П. и Г. Винном открылся в Москве 3 мая 1963 г. Оба подсудимых признали себя виновными. Иностранец был приговорен к 8 годам лишения свободы, а П. — к высшей мере наказания. 11 мая приговор П. был приведен в исполнение.

Супруги Чисхолм, Р. Джекоб и др. сотрудники ЦРУ и СИС, обеспечивавшие шпионскую связь с П., были объявлены персонами «нон грата». С.С. Варенцов и И.А. Серов, от которых П. получал «втемную» важную информацию и долгое время его протезировавшие, были уволены из армии «за потерю бдительности» и понижены в звании.

По оценке западных политических кругов, операция с П. была самой результативной из всех тайных операций, проведенных ЦРУ и СИС против СССР в послевоенный период. Через некоторое время после провала П. западные спецслужбы использовали его имя для проведения активной пропагандистской кампании. Наиболее серьезной акцией в

этом направлении следует признать публикацию на Западе, а в 90-е гг. и в России книги Дж. Шектера и П. Дерябина (бывший сотрудник советский разведки) под названием «Шпион, который спас мир. Как советский разведчик изменил курс “холодной войны”». В США был создан так называемый «Фонд Пеньковского», выделяющий премии для перебежчиков и студентов, закончивших курс советологии.

Определенный интерес представляют выводы некоторых американских ученых, исследовавших психологические аспекты измены П. По их заключению, П. принадлежал к тому сорту самовлюбленных и самоуверенных людей, которые при определенных обстоятельствах «преподносят свои личные обиды как дело принципа и становятся тогда очень опасны для общества, в котором они живут».

Пересветов Мурат (уп. 1613), помещик Ростовского уезда.

После взятия в 1611 г. Новгорода шведскими войсками Якоба Делагарди оккупанты распространили свою власть на значительную часть Новгородской земли. В 1613 г., вслед за избранием на царство Михаила Федоровича (1613—1645) началось освобождение от захватчиков Северо-Запада России.

В ходе боевых действий шведские войска во главе с Иоганном Лакумбом осадили Тихвинский монастырь, который защищал воевода Андрей Трусов. На помощь к нему были посланы царские войска.

Сражение шло с переменным успехом. В один из дней осады монастыря к шведам явились перебежчики: дворянин П. и казак Тяпка. Они сообщили, что гарнизон крепости вскоре капитулирует, т. к. «обитатели оскудение», мало еды и боеприпасов. Воодушевленные иноземцы 13 сентября возобновили штурм, но русские не только отразили их

атаки, но и в ходе вылазки уничтожили осадные орудия неприятеля.

В эту ночь одному из бывших служителей обители, Мартиниану, привиделся образ Богородицы, которая сказала ему: «Человече! Иди и рецы воеводам и всему воинству, дабы шедше и срыли свиней с порогу моего». 14 сентября шведы отступили от стен монастыря. Православная церковь празднует эту победу как Чудо иконы Тихвинской Божией Матери.

Судьба перебежчиков осталась неизвестной.

Петров Владимир Михайлович (он же — Пролетарский), 1907 г. рождения, родился в Сибири.

Служил в РККА шифровальщиком под фамилией Пролетарский. С 1937 г. служит в Иностранном отделе НКВД (ИНО — в то время военная и политическая разведка). Около года успешно работал в Китае, был награжден орденом Красной Звезды.

В 1940 г. женился на Карцевой Евдокии Петровне, 1900 г. рождения, уроженке Рязанской губернии, сотруднице Спецотдела ОГПУ, а затем — ИНО НКВД.

С 1942 г. они были командированы в Стокгольм. В посольстве П. выполнял функции шифровальщика и офицера безопасности. По указанию Центра, особое внимание уделял контролю за поведением посла А. Коллонтай, а также деятельностью резидентуры разведки. Его жена работала техническим секретарем резидентуры.

В 1951 г. супруги П. направлены в Австралию, где П. выполнял обязанности резидента. Он не сумел построить нормальные отношения с руководством посольства, они поочередно обменивались доносами друг на друга в Москву. Сторону дипломатов заняла резидентура военной разведки.

В конечном счете в Москве было принято решение о досрочном отзыве супругов П. на Родину.

Когда П. официально был уведомлен об этом, он исчез из диппредставительства, прихватив с собой секретные документы. П. явился в австралийскую контрразведку и попросил политического убежища.

Жену П. в сопровождении дипломатов вывезли в аэропорт и посадили в самолет. Однако до границы Австралии ее сопровождали также австралийские полицейские. При посадке в Дарвине, жена П. попросила политического убежища и, несмотря на протесты ее сопровождающих советских дипломатов, была высажена из самолета и доставлена в Канберру, где воссоединилась с мужем.

П. выдали противнику совершенно секретную информацию о деятельности советской разведки на Западе и в Австралии.

Позднее супруги П. опубликовали две книги, которые активно использовались западными идеологами «холодной войны» в пропагандистских целях.

В 1974 г. П. по состоянию здоровья был помещен в приют для престарелых, где находился до кончины, последовавшей в 1991 г.

Пигузов Владимир (другие данные не установлены) (?), бывш. полковник КГБ СССР.

Завербован ЦРУ в 1976 г. во время долгосрочной командировки в Индонезию. Вербовка была осуществлена американцами в результате подосланной ему агента-женщины, с которой он вступил в интимные отношения.

П. выдал ЦРУ агента советской разведки, кадрового сотрудника американских спецслужб, приговоренного за шпионаж в пользу СССР к 18 годам тюрьмы.

По возвращении в Москву в 1982 г. П. был направлен на работу в Институт им. Андропова, где проходят подготовку разведчики. Вскоре он становится секретарем парткома

института, получает доступ к полной информации на слушателей и их близких родственников.

П. был выявлен как американский агент в результате утечки информации из ЦРУ. Он был арестован и по приговору суда расстрелян.

Пинчук Иосиф Прокопьевич, 1917 г. рождения, урож. г. Дрогобыч.

Работал в милиции. 2 января 1940 г. дезертировал, перешел границу и в Польше сдался германским властям (в это время Польша была оккупирована гитлеровскими войсками).

На допросах добровольно согласился сотрудничать с военной разведкой (абвер), был завербован. Получил агентурный псевдоним Бранденбург. Поддерживал контакты с членами националистических украинских формирований.

Получил задание от немцев проникнуть на советскую территорию и собирать сведения об укрепрайонах, создавать националистические ячейки.

31 августа 1940 г. при пересечении границы в районе г. Перемышля был задержан пограничниками. На допросах признал факт сотрудничества с немецкой разведкой, рассказал о характере полученного задания.

Его дальнейшую судьбу выяснить не удалось.

Плещеев Наум Михайлович (уп. в конце XVI — первой четв. XVII в.), воевода.

В 1589 г. дворянин П. упоминается как участник собора по поводу избрания Бориса Годунова на царство.

В 1605 г. изменяет присяге и переходит на сторону Лжедмитрия I, по поручению которого вместе с Г.Г. Пушкиным (см. соотв. ст.) тайно пробирается в Москву. Здесь на Лобном месте при большом стечении народа они зачитывают указ самозванца и провоцируют массовые антиправи-

тельствственные выступления и убийства членов рода Годуновых.

После свержения и убийства Лжедмитрия I, П. покидает поддерживающие самозванца польские войска и вступает в ополчение. Участвует в изгнании поляков из Московии.

По воцарении Михаила Романова (в 1613—1615) служит вторым воеводой в Подольске, что можно рассматривать как почетную ссылку.

Плоскиня (уп. 1223), воевода бродников — вольных жителей южного пограничья Руси, промышлявших охотой, рыболовством, грабежом и порой нанимавшихся на службу (проводниками или воинами) к русским князьям.

В 1223 г. русские и половецкие полки были разбиты татарами на р. Калке. В битве не принимал участия полк Мстислава Романовича Киевского (?—1223). Видя очевидное поражение русских войск, он предпочел занять оборону на каменистой горе над р. Калкой, укрепив свой лагерь заграждением из кольев. Вместе с Мстиславом оборонялись его зять Андрей и князь Александр Дубравский. В составе его отряда также были бродники. Их командир, П., принес присягу на верность русским князьям.

Основная татарская армия преследовала разбитые русские полки до Днепра, а лагерь Мстислава осадили отряды Чегирхана и Тешухана. П. схватил князей, связал их и выдал татарам. Он помог врагам взять штурмом укрепления киевского полка. Летописец называет его «окаянным» предателем. Русских князей татары положили на землю, настелили на них доски и сели на них обедать.

Поваже Рафаил Михайлович, 1877 г. рождения, подмастерье переплетной мастерской типографии Морского ведомства.

В июле 1903 г. в надежде заработать предложил свои услуги немецкой, а затем английской разведкам. До июня 1910 г. работал на англичан. Передал им через капитанов Кальпорта и Смита ряд похищенных секретных изданий (в частности, «Однофлажный свод морских сигналов для боевого управления флотом в составе броненосцев, крейсеров и миноносцев»).

Образ жизни П. явно не соответствовал его заработкам, что в конце концов привлекло к нему внимание полиции. Летом 1910 г. он был арестован, а в марте 1911 г. приговорен к лишению всех прав и к каторжным работам на 12 лет.

Подкурский Иван (уп. во второй пол. XV в.), псковский житель — см. подробнее в ст. Торгоша Иван.

Подтынный Василий Дмитриевич, 1920 г. рождения, урож. села Пятигоровка Донецкой области, украинец.

В годы Великой Отечественной войны являлся лейтенантом Красной армии, командиром противотанковой батареи. Осенью 1941 г. в бою был ранен и сдался в плен.

Содержался в лагере военнопленных под Уманью. Бежал, долгое время скрывался, в августе 1942 г. пробрался в г. Краснодон, где явился в полицейский участок и изъявил желание поступить на службу к гитлеровцам. Становится сначала ответственным дежурным полицейского участка, а затем — его комендантом. Принимает активное участие в борьбе с партизанами, местным подпольем, советскими диверсионными группами, забрасываемыми в немецкий тыл. По указанию гитлеровского командования, проводит «операции» по изъятию у населения «излишков продуктов и теплой одежды» для солдат вермахта. Лично расстреливает десятки подпольщиков и советских парашютистов.

По указанию гестапо и под руководством начальника полиции В.А. Соликовского занимается выявлением состава красnodонской подпольной организации «Молодая гвардия», состоящей из юношей и девушек в возрасте от 15 до 17 лет. Вследствие предательства одного из членов организации Г.П. Почепцова полицейским удалось установить персональный состав «Молодой гвардии» и их причастность к ряду акций возмездия в отношении оккупантов и их пособников.

В результате этого предательства было арестовано более 50 членов «Молодой гвардии», которые подверглись чудовищным пыткам. В арестах и допросах принимал активное участие П., который избивал молодых людей плеткой и подвешивал их за горло на телефонном проводе. Полицаям активно «помогали» гестаповцы.

Анатолию Попову отрубили ступню и раздробили пальцы рук, Николаю Сумскому сломали ключицу и выбили глаз, Владимиру Осьмухину отрубили кисть правой руки, Анастасию Елисеенко сажали на раскаленную плиту, Антонине Иванихиной вырезали грудь и выжгли глаза, у Ульяны Громовой вырезали на спине звезду.

Несмотря на зверства немцев и полицаев, ни один из молодогвардейцев не дал показаний и не назвал ни одного имени членов организации.

В январе 1943 г. все арестованные были расстреляны, а их тела брошены в шурф шахты № 5. В казни молодогвардейцев также принял участие П. Немного позже полицейши задержали руководителя «Молодой гвардии» Олега Кошевого, а также ее активных членов Сергея Тюленина и Любовь Шевцову. После нескольких дней пыток они также были расстреляны.

За проявленную П. «преданность делу Рейха», он получил звание фельдфебеля немецких вооруженных сил и должность заместителя начальника полиции.

После отступления немцев из Краснодона П. эвакуировался с частями вермахта, однако попал в окружение. Ему удалось скрыться и пробраться в Одесскую область. Здесь он явился в военкомат и представился советским офицером, после ранения длительное время скрывавшимся от немцев. Он был принят в ряды Красной армии.

После капитуляции Германии вернулся в Советский Союз, проживал на Украине и в Казахстане. Через несколько лет переехал в Сталинскую область, где устроился работать скотником в одном из совхозов. Здесь он в 1959 г. был арестован органами госбезопасности. По приговору нарсуда г. Луганска в 1960 г. П. был расстрелян.

Полещук Леонид Георгиевич, 1938 г. рождения, урож. Украины, бывш. офицер 1-го Главного управления КГБ СССР (разведка), последняя должность — помощник начальника отдела, подполковник.

В 1971 г. был направлен на работу в Непал (г. Катманду), где в 1974 г. инициативно установил контакт с представителями американской разведки. Причиной этого поступка, как позже заявил сам П., послужила допущенная им растрата крупной суммы денег, предназначенных на оперативные расходы. Сотрудничеством с американцами П. хотел возместить траты, сделанные им в увеселительных заведениях.

Американцы охотно решили финансовые проблемы П. в обмен на разведывательную информацию. П. выдал им состав резидентуры КГБ и ГРУ в Непале, а также передал сведения об агентуре советской разведки среди граждан совколонии и иностранцев, о проведенных и планируемых негласных операциях. От П. американцам поступил и значительный объем ценной политической информации. В досье ЦРУ П. получил псевдоним Уэй.

В 1975 г. П. выехал на родину в связи с окончанием срока командировки в Непале. От продолжения сотрудничества с американцами в Москве категорически отказался, опасаясь разоблачения. Контакт П. с ЦРУ был прерван на десять лет.

В феврале 1985 г., находясь в Нигерии, куда он в 1984 г. прибыл на работу как резидент внешней контрразведки (Управление «К» 1-го Главного управления КГБ СССР), П. восстановил связь с американской разведкой. С этой целью он имитировал перед зданием посольства США сердечный приступ, а вышедшему для оказания медицинской помощи врачу-американцу передал слова пароля: «Я — Лео из страны Высоких гор».

Поскольку П. являлся одним из руководителей советской разведки в Нигерии, переданная им противнику секретная информация позволила полностью нейтрализовать операции КГБ в этой стране, а также свести на нет многие внешнеполитические акции в этой стратегически важной для внешней политики СССР части африканского континента.

В мае 1985 г. П. отправился в Москву в очередной отпуск. Он отверг предложение американцев взять с собой крупную денежную сумму (20 тыс. долларов), поскольку опасался досмотра на советской границе. В то же время согласился изъять эту сумму в Москве из специального тайника (измазанный грязью булыжник, брошенный в условленном месте), в парке Измайлово. Планируя эту рискованную акцию, американцы имели в виду не только вознаграждение Уэя, но и возможность «приучить» его к работе в Москве.

При изъятии тайника П. был задержан органами советской контрразведки. В течение месяца П. не признавал своей связи с американцами, однако после обнаружения сотрудниками контрразведки у него на квартире шифров для

связи с ЦРУ, дал признательные показания. Желая затянуть следствие, П. сделал заявление о шпионской связи с ЦРУ своего сослуживца сотрудника КГБ майора Кожанова Игоря, работавшего вместе с ним в Нигерии. После трехмесячного тщательного разбирательства невиновность Кожанова была полностью установлена.

В 1986 г. Военным трибуналом П. был приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение.

В ЦРУ весьма болезненно восприняли разоблачение Узя, считавшегося ценным источником информации. Американцам очень импонировал этот «хитрец, красавец и повеса». Один из сотрудников ЦРУ Гербер заявил, в частности, что американцы потеряли в лице П. одного из испытанных бойцов «антикоммунистической армии».

Как выяснилось позже, разоблачение П. стало возможным в результате операции КГБ по агентурному проникновению в русский отдел ЦРУ.

Полисадов Евгений Сергеевич, 1889 г. рождения, урож. г. Санкт-Петербурга, без определенных занятий.

Жил на средства матери — вдовы капитана 1-го ранга. В апреле 1911 г. обратился в германское посольство с предложением продать свое «изобретение» (новый тип зенитного снаряда). Русское военное министерство якобы отнеслось к инженерным талантам П. весьма скептически, и он решил передать его немцам.

За П. контрразведкой было установлено наблюдение. Выяснилось, что, опасаясь провокации, немцы решили не реагировать на его предложения. Дальнейшая судьба П. неизвестна.

Поляков Дмитрий Федорович, 1921 г. рождения, урож. г. Киева, бывш. генерал-майор Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба.

Участник Великой Отечественной войны, командир взвода, роты, затем офицер артиллерийской разведки. Воевал на передовой, награжден орденами и медалями.

С 1946 г. обучался в Академии им. Фрунзе, после окончания которой направлен в ГРУ. Дважды был командирован в США в аппарат ООН.

С 1966 г. П. работал в Бирме начальником службы радиоперехвата. Возвратившись в СССР в 1969 г., возглавлял китайский отдел Центрального аппарата ГРУ, а в 1970 г. командирован в Индию в качестве военного атташе и резидента военной разведки. Отчеты П. высоко оценивались в Центре. Его карьере способствовали также дружеские отношения с начальником управления кадров ГРУ С. Изотовым, ранее работавшим в ЦК КПСС.

В 1974 г. П. получает звание генерал-майора, а в 1978 г. он вновь был направлен на работу в Индию. В 1980 г. отозван в Москву в связи с выводами медицинской комиссии о невозможности использования П. на службе, связанной с пребыванием в странах с жарким и влажным климатом. Вскоре он был направлен в действующий резерв, а затем — на пенсию. Проживал в основном на даче, занимался столярным делом.

В 1986 г. руководство ГРУ обратилось к нему с просьбой выступить перед молодыми сотрудниками. Он прибыл в Москву, где был арестован.

Как выяснилось позднее, П. являлся агентом ЦРУ с 1961 г., т.е. работал на американцев около 25 лет. За это время он выдал девятнадцать разведчиков-нелегалов, более полутора сотни агентов ГРУ из числа иностранцев, передал противнику более полутора тысяч имен кадровых офицеров советской разведки. В частности, им была выдана разведчик-нелегал М. Доброва, которая при аресте покончила жизнь самоубийством.

Кроме того, с помощью П. американцы систематически получали стратегическую информацию о советско-китайс-

ких отношениях, военной доктрине СССР и ее изменениях в связи с политической конъюнктурой, научных разработках в области обороны.

ЦРУ оценивало работу П. как исключительную по важности и ценности.

Что касается связи со своим самым лучшим агентом за время существования СССР (по сегодняшней оценке американских специалистов в области разведки), то ЦРУ для работы с ним в Москве обеспечило его тайниками, миниатюрным фотоаппаратом с самозасвечивающейся пленкой, а также малогабаритным передатчиком, позволяющим в 2—3 секунды посылать зашифрованную информацию непосредственно в посольство США.

За границей П. предпочитал личные встречи с американцами, которые считали его «профессором разведки». Они были вынуждены не раз выслушивать от П. выговоры за ошибки, зная, что «в наказание» за промахи он может вообще прекратить с ними какую-либо связь.

Мотивы измены П. в ходе следствия достоверно установлены не были. Он получал от ЦРУ деньги, но за 25 лет сотрудничества с американцами полученную им сумму можно считать незначительной (около 100 тыс. рублей по курсу 1985 г.).

В 1980 г. П. отверг предложение американцев остаться на Западе, заявив, что навсегда останется русским и умрет русским. На следствии П. заявил, что понимал неминуемость «часа расплаты» за предательство, но привык ходить над пропастью и не мог жить без постоянного риска.

«Час расплаты» для П. настал в результате утечки информации из ЦРУ от сотрудника советского отдела Эймса, агента КГБ.

По приговору суда в марте 1988 г. П. был расстрелян.

Попов Петр Семенович, 1916 г. рождения, бывш. полковник Главного разведывательного управления Генштаба Министерства обороны СССР.

Родился в Тверской губернии в крестьянской семье. Участник Великой Отечественной войны, во время которой получил офицерское звание. Состоял порученцем при будущем руководителе КГБ, а затем ГРУ генерал-полковнике И.А. Серове, по протекции последнего был направлен в военную разведку. Быстро продвигался по службе, характеризовался исполнительным и дисциплинированным офицером.

В 1951 г. П. был направлен на работу в Австрию как стажер легальной резидентуры ГРУ. В 1952 г. он познакомился с молодой австрийкой, с которой у него завязался роман. Встречи в ресторанах, номерах гостиниц требовали от П. значительных расходов. К тому же ему приходилось содержать проживающую в Калининне семью (жена, двое детей), оказывать материальную помощь сестре-колхознице. Вскоре он совсем запутался в своих финансовых делах.

1 января 1953 г. П. обратился к вице-консулу США в Вене с просьбой вывести его на американских разведчиков, для которых передал письмо с предложением о долгосрочном сотрудничестве.

На встрече с представителями ЦРУ П. объяснил свой переход на сторону противника идейными соображениями, потребовав, однако, за передаваемые материалы ежемесячное вознаграждение в валюте. Для работы с ним в рамках ЦРУ было создано специальное подразделение под кодовым названием SR-9. П. был присвоен псевдоним Грэлспайс.

Во время конспиративных встреч с американцами в Вене П. передал им информацию о личном составе резидентуры

ГРУ в Австрии и проводимых ею операциях. Он сообщил ЦРУ важные сведения о советской политике в Австрии, а также имена и кодовые названия около 400 советских агентов на Западе.

На случай отъезда П. в Москву американская разведка подготовила ряд мест для проведения с ним тайниковых операций, однако все они были им «забракованы». Сотрудникам ЦРУ пришлось выслушать от П. по этому поводу упреки и пройти инструктаж по организации связи с агентурой на основе «советского опыта».

В 1954 г. П. был отозван в Москву, а уже летом следующего года он оказывается в г. Шверин на севере ГДР. Через своего агента ЦРУ удалось восстановить с ним связь. Только после перевода П. в Восточный Берлин американцы организовали личные встречи с П. На случай его возвращения на родину он был снабжен средствами тайнописи, шифровальными и дешифровальными блокнотами, приемником для получения радиосигналов, радиопланом, инструкцией для пользования шифрами и подставными адресами.

Весной 1958 г. П. представили его связника в Москве — атташе посольства США Р.А. Ланжелли (кадровый офицер ЦРУ).

Вернувшись на Родину, П. по отработанным условиям связи продолжил активную работу на американцев. Он выдал им, в частности, агента-нелегала ГРУ, заброшенного в США. Обнаружив за собой слежку, нелегалу удалось скрыться и благополучно вернуться в СССР. При анализе причин провала П. обвинил во всем агента, его объяснения были приняты, и он продолжил работу в центральном аппарате ГРУ.

Уроки профессионального мастерства, когда-то преподанные П. сотрудникам ЦРУ, не пошли им, однако, на пользу. В конце 1958 г. резидентура американской разведки в Москве совершает ошибку, ставшую для П. роковой.

В декабре П. позвонил на квартиру Р. Ланжелли и условным сигналом вызвал его на личную встречу, на которую, однако, выйти не смог. Это чрезвычайно обеспокоило резидентуру, руководство которой приняло решение послать П. письмо на домашний адрес в Калинин. Советская контрразведка вряд ли обратила бы внимание на это письмо, если бы его отправка была поручена профессионалу. Однако к этой операции был привлечен не кадровый офицер ЦРУ, а доверенное лицо американской разведки Д. Уинтерс, сотрудник госдепартамента. Не обнаружив за собой «хвост», американец опустил письмо в почтовый ящик вестибюля метро «Щербаковская», что было зафиксировано сотрудником наружного наблюдения. Письмо было изъято, и его адресат вскоре установлен. П. был немедленно взят в активную разработку. В январе 1959 г. были зафиксированы его контакты с Р. Ланжелли. 18 февраля этого же года П. был арестован. При обыске на квартире у него были изъяты средства шпионской связи, хранившиеся в тайниках, оборудованных в охотничьем ноже, катушке для спиннинга и помазке для бритья. Вскоре под тяжестью улик П. признался в сотрудничестве с американской разведкой. Выразил готовность оказать содействие органам госбезопасности в организации захвата с поличным Р. Ланжелли.

Эта операция была проведена, однако в ходе ее реализации П. попытался предупредить американца о том, что находится под контролем КГБ. Р. Ланжелли был все же задержан и вскоре выдворен из СССР.

В январе 1960 г. П. предстал перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. Он был приговорен к высшей мере наказания. Через несколько дней приговор был приведен в исполнение.

Попинако Николай Никифорович, 1911 г. рождения, урож. села Кульново Клинцовского р-на Брянской области.

Во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Был завербован германскими спецслужбами под псевдонимом Титоренко. Использовался как преподаватель физподготовки в Борисовской разведывательной школе при Абверкоманде 103 (см. прим. № 5).

Его судьба после окончания войны не выяснена.

Постников Александр Алексеевич, 1880 г. рождения, дворянин, отставной артиллерийский штабс-капитан.

Окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. В 1909 г. вышел в запас. Затем служил помощником штаб-офицера, начальника курса Военно-медицинской академии. Являлся председателем «Русской лиги эсперантистов» и членом «Универсальной лиги», занимавшейся научной разработкой основ «всеобщего союза государств».

В 1908 г., числясь на службе в Главном управлении казачьих войск, решил заняться реформированием русской военной разведки. Для этого он обратился к своему непосредственному начальнику генерал-лейтенанту Гарфу. Последний отказал П. в приеме, заявив, что у капитана «не то положение». Тогда самодеятельный разведчик решил посрамить начальство, не оценившее его инициативы.

Летом 1910 г. П. обратился с предложением своих услуг по сбору секретной информации к японскому военному агенту Хагино и к австрийскому агенту графу Спаниолли. В качестве маскировки своей деятельности капитан избрал изучение языка эсперанто. Позже П. заявил на следствии, что он хотел таким образом выявить разведывательную сеть врага и «сдать ее» русской контрразведке. 10 апреля 1911 г. он был арестован на ст. Белоостров Финляндской железной дороги.

Показания П. подтверждения не получили. Выяснилось, что во время поездок на международные конференции эс-

перантистов он встречался с представителями австрийской разведки, передавал им шпионские сведения. Тем не менее он продолжал утверждать, что его поведение было этапом «игры» с неприятелем, затеянной им якобы совместно с генералом Гарфом, теперь уже начальником Канцелярии военного министра. Однако к тому времени Гарф умер и подтвердить слова П. никак не мог.

На последующих допросах П. все же признал, что роль Гарфа им выдумана. Он специально представлялся австрийцам агентом начальника Канцелярии военного министра, чтобы придать себе вес. Было установлено, что капитан действительно хотел стать разведчиком, но не нашел поддержки ни у Гарфа, ни у офицеров Генерального штаба, к которым он также обращался. Не найдя себе применения, П. решил предложить услуги иностранцам. По отзывам его знакомых, он всегда был склонен «к сумасбродным проектам».

На суде П. выдвинул новое оправдание своим поступкам: он де совершил измену, так как «утопия будущей эсперантистской всемирной группировки для него была ценнее и выше группировки национально-государственной». В качестве доказательства идейной подоплеки своих деяний ссылался на издаваемый им же журнал «Эсперанто», на страницах которого проповедовал идеалы космополитизма.

31 августа 1911 г. Санкт-Петербургским военно-окружным судом был приговорен к 8 годам каторги.

Поташов Владимир Викторович, 1949 г. рождения, урож. г. Набережные Челны, бывш. научный сотрудник Института США и Канады АН СССР.

В августе 1981 г. был направлен на стажировку в советское посольство в Вашингтоне. Занимаясь военно-политическими проблемами США, П. возобновил ряд научных кон-

тактов с американскими учеными и специалистами, и в частности, с бывшим министром обороны Г. Брауном, с которым познакомился во время пребывания американца в Москве в 1974 г. Спустя некоторое время Браун познакомил П. с неким Полем, являющимся сотрудником ФБР. Поль организовал «случайную» встречу П. с привлекательной американкой Джули (с нею советский ученый познакомился в 1979 г. в Таллине). П. был приглашен молодой женщиной в один из Вашингтонских отелей, но в самый пикантный момент их встречи в номер ворвались полицейские, которые добросовестно запротоколировали компрометирующую советского стажера ситуацию. Вскоре появился Поль, который в обмен за неразглашение произошедшего с П. предложил ему сотрудничество с американскими спецслужбами. Оценив сложившуюся ситуацию и понимая, что огласка интимной связи с Джули приведет к краху его карьеры и невозможности дальнейших поездок за границу, П. согласился с предложением американца.

Через несколько дней после вербовки П. передает американцам ряд секретных сведений, подписывает контракт о сотрудничестве, по которому дает обязательство предоставлять информацию по внутриполитическим и международным проблемам СССР. Одновременно П. проходит обучение способам конспиративной связи, в том числе тайниковой и почтовой с использованием тайнописи, а также приему шифрованных радиопередач.

Он также составляет заявление в ФБР о своем выходе из КПСС.

В скором времени П. возвращается на родину. В течение более четырех лет он передает американцам секретную информацию об отечественной оборонной промышленности, за что систематически получает денежное вознаграждение. К 1986 г. на его счету в одном из американских банков лежало около 100 000 долларов.

1 июля 1986 г. П. был арестован советской контрразведкой. За измену Родине в форме шпионажа он был приговорен судом к 13 годам лишения свободы с конфискацией имущества (как выяснилось позднее, П. был выдан сотрудником советского отдела ЦРУ Эймсом).

В начале 1992 г. Указом Президента России был помилован. Ему дано разрешение выехать за границу. В настоящее время проживает в США в одном из южных штатов.

Почепцов Геннадий Петрович, 1926 г. рождения, урож. г. Краснодона.

Во время оккупации в 1942 г. гитлеровскими войсками г. Краснодона был привлечен школьными товарищами к участию в работе подпольной организации «Молодая гвардия». Однако под давлением своего отчима В.Г. Громова, бывшего в то время негласным осведомителем гестапо и местного полицейского управления, признался в принадлежности к подполью. Добровольно явился в полицию и на допросе у ее начальника В.А. Соликовского составил письменный донос, где указал всех известных ему членов организации. В результате были арестованы, подвергнуты пыткам и казнены более 50 членов «Молодой гвардии».

После освобождения Краснодона советскими войсками П. был разоблачен и по приговору Военного трибунала Юго-Западного фронта в сентябре 1943 г. расстрелян.

Прове Владимир, 1900 г. рождения (другие данные не установлены), сотрудник Центрального аэродинамического государственного института (ЦАГИ).

Служил в Красной армии в частях особого назначения, в 1922 г. демобилизовался и вернулся в Москву. Вскоре на квартире своего дяди К.И. Прове он познакомился с английским дипломатом Э. Чарноком, в действительности сотрудником резидентуры британской развед-

ки. После нескольких встреч разведчик предложил П. за вознаграждение сотрудничать с английскими спецслужбами. П. согласился, поскольку нуждался в деньгах. Для начала он рассказал «дипломату» все, что знал о частях особого назначения Красной армии, работе с допризывниками, моральном состоянии личного состава. За эти сведения П. получил первый «гонорар» в размере 25 долларов.

Вскоре П. устроился на работу в Центральный военно-спортивный клуб, а затем был принят в Наркомзем. Регулярно информировал Э. Чарнока по вопросам, представляющим разведывательный интерес. Каждая информация оплачивалась в зависимости от ее ценности от 25 до 75 долларов.

Спустя некоторое время П. охватил страх, и он попытался уклониться от сотрудничества с англичанами. Поставил этот вопрос в разговоре с разведчиком, однако тот накричал на П. и пригрозил физическим устранением как «врага Британской империи».

По заданию Э. Чарнока П. устроился работать в ЦАГИ, откуда систематически доставлял англичанину чертежи и документы разработок новых моторов, аэросаней, аэродинамической трубы и т. д., получая за это уже более высокие суммы (от 200 до 250 долларов).

Летом 1927 г. П. был арестован ОГПУ (к этому времени Э. Чарнок покинул Москву в связи с разрывом дипломатических отношений между Англией и Советской Россией).

П. предстал перед судом. В ходе следствия и судебного разбирательства подробно рассказал о сотрудничестве с британской разведкой. По приговору Военной коллегии Верховного Суда расстрелян.

Прове Кирилл (другие данные не установлены), рядовой Красной армии.

Младший брат Прове Владимира (см. соотв. ст.). Служил в батальоне охраны Реввоенсовета. В 1925 г. на квартире своего дяди познакомился с английским разведчиком Э. Чарноком, которым был завербован. Их встречи проходили в основном в кинотеатрах, где во время сеансов П. передавал разведчику пакеты с информацией о деятельности Реввоенсовета, организации его охраны, уязвимых ее местах, отдельных сотрудниках, которые могли бы представлять интерес для спецслужб и т.п. За эту информацию каждый раз П. получал вознаграждение от 50 до 70 руб.

Летом 1927 г. П. был арестован ОГПУ вместе со своим братом, также агентом британских спецслужб.

По приговору суда в том же году расстрелян.

Псарев Николай Степанович, 1923 г. рождения, урож. г. Таганрога.

В 1941 г. в оккупированном Таганроге добровольно поступил на службу к гитлеровцам по протекции тетушки, которая привела его к гестаповскому офицеру, проживавшему у нее на квартире. Сначала выполнял функции денщика гестаповца. Стал фанатиком рейха и германской армии, обожал мундиры, всевозможные нашивки с изображением «череп и костей», офицерскую немецкую выправку, вооружение вермахта. За короткое время настолько «германизировался», что был зачислен в зондеркоманду СС 10-А. Принимал в 1942 г. непосредственное участие в расстреле сотен мирных граждан в Ростове-на-Дону и Краснодаре. В том же году участвовал в расстреле более тысячи советских людей в поселке Гайдук в окрестностях Новороссийска. В 1943 г. лично участвовал в казни в Абрау-Дюрсо подпольщика Кукова. Неоднократно внедрялся в партизанские отряды под видом попавшего в окружение солдата Красной армии.

После отступления немецких войск оказался в Польше, где привлекался немцами к расстрелам мирных жителей на стадионе в г. Любляне.

Службу в зондеркоманде закончил в 1944 г. Выдал себя за военнопленного, вернулся в СССР, проживал в Чимкенте, работал, женился.

В 1963 г. был арестован как активный пособник немцев. Виновным себя не признал, однако был полностью изобличен в совершенных преступлениях. В 1964 г. по приговору советского суда расстрелян.

Пушкин Гавриил Григорьевич (ум. 1638), думный дворянин. Предок А.С. Пушкина (по линии отца).

В 1581 г. занимал должность стрелецкого сотника. В 1589 г. — татарский голова, через три года назначается воеводой в Белгород. Накануне Смуты являлся письменным головой в Пелыме.

В 1605 г. одним из первых перешел на сторону Лжедмитрия I и поляков, предложил им свои услуги для возмущения москвичей и свержения Годуновых.

1 июня 1605 г. он вместе с Н. Плещеевым (см. соотв. ст.) пробирается в Москву, где на Лобном месте при большом стечении народа зачитывает «указ» самозванца. Эта акция спровоцировала массовые антиправительственные выступления и убийства членов рода Годуновых. Взошедший на престол Лжедмитрий I пожаловал П. в думные дворяне и сокольничьи.

После свержения самозванца П. не пострадал и некоторое время был не у дел. Однако в 1608 г. он уже значится воеводой в войсках царя Василия Шуйского. Принимает участие в ряде сражений, в 1612 г. оказывается в ополчении князя Д.Т. Трубецкого, которое активно участвовало в изгнании поляков.

Во время венчания на царство в 1613 г. Михаила Романа П. затеял местнический спор с кн. Дм. Пожарским,

полагая, что ему, П., нельзя по знатности и заслугам занимать в царской свите менее почетное место, чем «спасителю отечества». В этом ходатайстве П. было отказано.

В 1614—1615 гг. П. занимает место воеводы в Вязьме, но в 1618 г. возвращен в Москву, где возглавляет Челобитный и Разбойный приказы. Перед смертью П. постригся в монахи.

Пушкин Федор Матвеевич (казн. в 1697), стольник.

Происходит из старомосковского дворянского рода. Его отец — дипломат и воевода — сделал блестящую карьеру при царе Алексее Михайловиче и регентстве царевны Софьи. При Петре I Пушкины были отодвинуты на второй план более энергичными «птенцами гнезда Петрова».

В 1797 г. П. женился на дочери окольничего А.П. Соковина (см. соотв. ст.) и вскоре вовлекается тестем в заговор против царя. Целью этого заговора являлось убийство Петра I и возведение на престол царевны Софьи.

Заговор не удался из-за доноса. Его участники, в том числе и П., были арестованы, подвергнуты пытке и казнены.

Пшеничный Георгий Андреевич, 1898 г. рождения, бывш. офицер Красной армии.

К началу Великой Отечественной войны имел звание майора, занимал должность начальника штаба полка Северо-Кавказского военного округа. Попал в плен. Добровольно вступил в т.н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова. Окончил курсы пропагандистов РОА, был назначен на должность руководителя группы, а с 1944 г. — командира офицерской роты. Получил звание подполковника РОА. Дальнейшая судьба П. неясна.

Пятницкий Николай Владимирович, 1890 г. рождения, полковник царской армии.

Участник Гражданской войны. Воевал в составе Добровольческой армии, где возглавлял штаб дивизии. С осени

1919 г. является штаб-офицером для поручений в Кавказской армии. После разгрома Белого движения эмигрировал, проживал в Париже. Был администратором и помощником генерала А.Н. Головина (см. соотв. ст.) на Высших военно-научных курсах (учебное заведение для подготовки офицерских кадров из числа белоэмигрантов). Вскоре занимает пост помощника генерала А.В. Туркула (см. соотв. ст.), создавшего Российский национальный союз участников войны¹. Редактирует газету этого союза «Сигнал». Со страниц газеты выступает в поддержку нацистов в их военной борьбе против СССР.

В конце Второй мировой войны П. принимает активное участие в формировании т. н. Русской освободительной армии генерала Власова.

После разгрома гитлеровской Германии вернулся во Францию, проживал в Париже. В 1963 г. покончил самоубийством.

Р

«Разведчиков 2-й армии дело» — судебный процесс 1915 г. над бывшими агентами разведки 2-й армии, дислоцированной в Восточной Пруссии.

¹ Российский национальный союз участников войны (РНСУВ) был учрежден в 1936 г. по инициативе генерала А.В. Туркула, что явилось реакцией наиболее радикальной части белой эмиграции на резкое снижение активности «в борьбе с большевизмом» Русского общевойскового союза (РОВС). Многие органы белоэмигрантской печати называли эту инициативу А.В. Туркула «вторым дроздовским походом», поминая поход полка М.Г. Дроздовского, отказавшегося в начале 1918 г. подчиниться приказу о разоружении и совершившего марш на Дон для продолжения борьбы с большевиками (А.В. Туркул был преемником погибшего вскоре генерала М.Г. Дроздовского).

По делу проходили: дворянин Никита Кузьмич Грусков, 1881 г. рождения; дворянин Роман Рафаилович Яворский, 1897 г. рождения; дворянка Анна Станиславовна Свецкая, 1874 г. рождения; австрийская подданная Ева Эдуардовна Вуйчик, 1889 г. рождения; мещанин, житель Варшавы Камиллий-Юлиан Барановский, 1885 г. рождения; мещанин, житель г. Седлеца Владимир Игнатьевич Бентковский, 1880 г. рождения; крестьянки Станислава Станиславовна Вишневская, 1895 г. рождения; Марианна Иосифовна Скодская, 1895 г. рождения, и Наталья Андреевна Красницкая, 1896 г. рождения.

1 июня 1915 г. на основании агентурных данных была задержана агент разведывательного отдела одного из сибирских корпусов русской армии С.С. Вишневская, которая на допросах призналась в работе «на два фронта». Указала группу замешанных в этом лиц. Было установлено, что Н. Грусков, Р. Яворский, В. Бентковский, К. Барановский и А. Свецкая, сотрудничавшие с разведкой 2-й армии, занимались составлением для нее ложных сведений, дезинформационных материалов, а также шантажировали других осведомителей. С этой группой связана и разведчица Н. Красницкая, получившая значительную сумму денег для выполнения задания и сбежавшая к немцам. М. Скодскую арестовали позже, 28 ноября 1915 г. На допросах выяснилась ее связь с группой Грускова.

Роль Е. Вуйчик была иной: ее шантажировали и под угрозами заставили сотрудничать с изменниками Российской Империи. В материалах дела сохранилось ее письмо, написанное из камеры Петроградской тюрьмы. Документ колоритен и достоин дословного воспроизведения (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

«Я имею честь прасить ахранные адделение бытьте любезный сполнить мое прашение, я уж 2 месяца сежу, не виновата, а я жду чтобь меня вызвали, то я скажу что знаю

я жду правильно разбора дѣла но до здаттсѣ не могу, я уж умѣ тераю, чтобъ я была виновна, но то, трудно, но если нѣтъ, то то очень болить что усвоихъ приходится так страдать. вить я безъ адежды безъ сопогъ за то что шантажстѣ меня абокралъ и на меня лошъ бросиль въ добавокъ вътюрму посадили меня

Ева Вуйтикъ».

Разумовский Кирилл Григорьевич, род. в 1724 году, граф.

Брат фаворита императрицы Елизаветы I А.Г. Разумовского. Вместе с братом в 1744 г. возведен в графское достоинство.

С 1746 по 1765 г. возглавлял Академию наук. В 1750—1764 гг. являлся гетманом Украины, одновременно возглавлял Измайловский гвардейский полк, в котором служили братья Орловы (см. соотв. ст.).

Был тайным обожателем Екатерины II еще до восшествия ее на престол.

Активный участник государственного переворота 28 июня 1762 г., в результате которого был свергнут с престола император Петр III. После воцарения Екатерины II становится сенатором и генерал-адъютантом. С 1764 г. — генерал-фельдмаршал. С 1766 по 1771 г. — член Императорского совета. Умер в 1803 г.

Растворов Юрий Александрович, 1921 г. рождения, урож. Курской области, бывш. подполковник органов госбезопасности.

Находясь в служебной командировке в Японии, в январе 1954 г. перешел на сторону американцев, которым выдал известную ему советскую агентуру. Был перевезен в США, где участвовал в акциях против советских граждан, склонял их к измене. По непроверенным данным, женился

на американке. В СССР оставил жену и дочь. Жена Р. (бывшая артистка одного из известных танцевальных ансамблей) еще до замужества стала объектом ухаживаний со стороны Л. Берии, с которым была вынуждена вступить в интимные отношения. Домогательства Л. Берии продолжались и после ее вступления в брак с Р. Есть основания полагать, что Р. стало известно об этом. Указанное обстоятельство, возможно, и явилось одной из причин его предательства.

После перехода Р. на сторону противника, его жена была сослана в Красноярский край на 5 лет. Срок ссылки был увеличен после «разоблачения» и расстрела Л. Берии. Теперь жене Р. инкриминировалась связь с «врагом народа».

Р. заочно приговорен к высшей мере наказания. Точное его местонахождение в настоящее время неизвестно.

Ратибор Клукович (уп. в 1270), новгородский тысяцкий.

В 1270 г. в Новгороде вспыхнул мятеж против князя Ярослава Ярославича. Горожане обвиняли его в нарушениях прав новгородцев, «насилии», незаконных изъятиях чужого имущества. Сторонники Ярослава, в том числе и Р., бежали из города в княжескую резиденцию на Рюриково городище.

Опальный правитель не смирился с изгнанием и начал готовиться к походу на Новгород. Для обеспечения успеха князь послал Р. в Орду за военной помощью. По указанию князя тот оклеветал новгородцев, заявив, что мятеж направлен против татар и вызван их нежеланием платить дань, которую собирал для ордынцев Ярослав.

«По слову лживому» татары тут же выслали в Новгород карательное войско. Однако за новгородцев вступился брат Ярослава, князь Василий Костромской. Он отправился в

Орду вместе со своими боярами, Петрилой Рыгачом и Михаилом Пиняшичем. Они сумели доказать, что «новгородцы пред Ярославом прави». Отряд захватчиков, наведенный на русский город тысяцким Р., повернул назад. После некоторого военного противостояния дружины Ярослава и новгородского ополчения под Голино при поддержке митрополита Кирилла между противоборствующими сторонами был заключен мир.

Резанов Александр Семенович, 1878 г. рождения, бывш. офицер царской армии.

Происходит из семьи служащих. Окончил кадетский корпус в Петербурге, затем — Павловское военное училище и Военно-юридическую академию. Участвовал в Русско-японской войне. С 1908 г. работает по линии военной юстиции, дослужился до должности помощника военного прокурора Петроградского военно-окружного суда. Одновременно занимался журналистикой, публиковал статьи в газете «Новое время» о противодействии иностранным разведкам. В 1915 г. издал книгу «Немецкое шпионство», имевшую определенный успех. Во время Гражданской войны служит в армии Деникина, занимает различные должности в контрразведке. После разгрома Белого движения эмигрировал во Францию. Затем проживал в Бельгии. Был завербован французской разведкой для разработки заграничных резидентур ОГПУ. Его дальнейшая судьба неясна.

Резун Владимир Богданович (он же — Суворов Виктор), 1947 г. рождения, урож. г. Владивостока, бывш. капитан Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ).

По окончании Суворовского училища поступил в 1965 г. в Киевское высшее общевойсковое командное училище. В

1968 г. назначен командиром танкового взвода, а затем — командиром роты в звании старшего лейтенанта.

После стажировки в разведывательном отделе штаба Приволжского военного округа поступил в Военно-дипломатическую академию. Завершив обучение в академии, некоторое время работал в центральном аппарате ГРУ, а в 1974 г. в звании капитана был направлен за рубеж. В качестве прикрытия получил должность атташе представительства СССР при ООН в Женеве. Его работа в женевской резидентуре проходила вполне успешно, вследствие чего он получил дипломатический ранг 3-го секретаря, ему продлили на год пребывание в Женеве.

Коллеги Р. по работе отмечали его чрезмерную активность в партийной жизни, за что он получил прозвище Павлик Морозов, что, впрочем, его нисколько не обижало.

В июне 1978 г. Р. и его жена, дочь и сын исчезли. Их поиски результатов не принесли. Только через две недели в советское представительство пришло сообщение, что Р. проживает в Великобритании, где попросил политического убежища для себя и своей семьи. Позднее, объясняя мотивы побега на Запад, Р. заявил, что возненавидел глубоко коммунистическую систему, однако тайно бежать не хотел. «Мне просто наступили на хвост», — добавил он, намекая, видимо, на обстановку в резидентуре и свои отношения с ее руководством.

Резидентура немедленно приняла соответствующие меры (выезд на родину ряда разведчиков и консервация агентурных связей), в силу чего отрицательные последствия измены Р. были минимизированы.

Р. был приговорен советским судом заочно к высшей мере наказания.

Проживая в Великобритании, Р. занялся литературной деятельностью, выпустил около десяти книг, которые принесли ему немалый доход.

Две книги Р. стали бестселлерами. Речь идет о книгах «Аквариум» и «Ледокол». В первой он подвергает уничтожающей критике систему ГРУ и его руководителей. «Ледокол» явился попыткой на «дскументально подтвержденных фактах» показать, что войну с Германией развязал Советский Союз, а нападение немцев на СССР 22 июня 1941 г. было вынужденным и являлось профилактической мерой.

Литературно-исторические изыскания Р. получили определенную известность как за рубежом (его книги изданы в ФРГ, Англии, Франции, Канаде, Италии, Японии), так и в России.

Рейсс Натан Маркович (он же — Порецкий Игнатий Станиславович), 1899 г. рождения.

Родился в г. Подволочинске (пограничный город с Австро-Венгрией), окончил Львовскую гимназию, а затем — Венский университет. Участник коммунистического движения, подпольщик, воевал на советско-польском фронте, действовал в тылу врага.

С 1921 г. Рейсс становится кадровым сотрудником советской военной разведки. Работает в Польше и Германии, а с 1925 г. — в Австрии. Участвовал в убийстве изменника Ярославского (см. соотв. статью настоящего издания).

В 1922 г. повышен в звании, награжден орденом Боевого Красного Знамени.

С 1931 г. направлен на работу в ИНО ОГПУ и откомандирован в Германию, где создает эффективный агентурный аппарат. Имеет информаторов в Генштабе, спецслужбах, Имперской канцелярии.

В мае 1937 г. принимает решение порвать с советским режимом. Через связника передает письмо, адресованное в ЦК ВКП(б), возвращает орден. В письме заявляет о разрыве со сталинизмом, заявляет о преданности делу В.И. Ленина. Изложенные в письме взгляды на советскую дей-

ствительность полностью совпадают с идейными установками Л.Д. Троцкого.

В ноябре 1937 г. Р. был убит в результате спецоперации ОГПУ.

Ржевский Иван Никитич (уб. в 1611), окольныйничий.

Происходит из рода смоленских Рюриковичей, потерявших княжеский титул.

В 1589—1599 гг. является письменным головой в Тобольске. В 1610 г., будучи воеводой, изменяет царю Василию Шуйскому и перебегает к польскому полковнику Р. Рожигскому. Был пленен и закован в цепи, однако вскоре освобожден поляками. Активный участник низложения В. Шуйского. Признал претензии короля Сигизмунда III на русский престол, за что был пожалован им в окольныеничьи. Убедившись в бесперспективности сотрудничества с поляками, примкнул к первому ополчению. Пытался защитить его руководителя П.П. Ляпунова от взбунтовавшихся казаков, однако был убит вместе с ним.

Ржишевских дело — связано с разоблачением в 1888 г. шпионской резидентуры австрийской разведки.

По делу проходили российские подданные, польские аристократы — графы Ржишевские: Август, 1850 г. рождения; Адам, 1857 г. рождения и Стефан, 1861 г. рождения, а также обер-лейтенант австрийских войск Станислав Урсоне-Прушинский.

Август жил на средства родных, нигде не служил, постоянно нуждался в деньгах. Сделав много долгов, он решил предложить свои услуги австрийской разведке. По маршрутам, разработанным в австрийском Генеральном штабе, он ездил по России и составлял справки по результатам визуальной разведки военных частей и железнодорожных узлов. Всего следствие установило факт пяти та-

ких путешествий с разведывательными целями. Наиболее ответственной была поездка на Дон, в земли Войска Донского, где он изучал дислокацию казачьих частей. За выполнение одного задания он получал в среднем по 60 рублей.

25 марта 1888 г. на ст. Ивангород по агентурной наводке был арестован австрийский разведчик, обер-лейтенант С. Урсоне-Прушинский. На допросе он выдал своих осведомителей, назвав, в частности, Августа. Его задержали.

Адам и Стефан, хотя и оказались в курсе дел брата, были признаны невиновными и освобождены. Августа осудили, но в материалах дела не содержится указаний на примененные к нему уголовные санкции.

Рихва Ярослав Михайлович, 1911 г. рождения, урож. г. Калинка Бургская Львовской области.

Во время Великой Отечественной войны встал на путь сотрудничества с немецкими оккупантами. Был направлен в Борисовскую разведывательную школу при Абверкоманде 103, где работал переводчиком, а затем — заведующим складом.

Его послевоенная судьба не выяснена.

Роман Глебович (? — ум. 1216) и другие рязанские князья: Святослав Глебович с двумя сыновьями, Игорь и Юрий Игоревичи, Глеб и Олег Владимировичи.

В 1207 г. во время очередной междоусобной войны Ольговичи во главе со Всеволодом Святославичем Чермным пошли в поход на Рюрика Ростиславича Киевского. В составе их войска были половцы, которых они «распустили воевать» по территории Киевского княжества. По выражению летописца, «поганые» сотворили много зла, взяли большой полон и сожгли значительное количество сел. Рюрик бежал, и Всеволод Чермный захватил Киев.

Узнав об этих событиях, владимирский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1177—1212) «сжалился» и сказал, что «всем отчина одна — Русская земля, а нам не отчина ли?»

Показателен типичный для периода княжеской раздробленности пример высказывания, содержащего мысль о единстве Руси, необходимости ее совместной обороны от князей-крамольников и их союзников-половцев. Русская земля названа общей «отчиной».

Всеволод стал собирать полки для похода на резиденцию Ольговичей — Чернигов. Его союзниками выступили новгородцы и псковичи во главе с его сыном Константином (?—1218) и рязанско-муромские войска под началом Романа Глебовича и Давида Юрьевича Муромского (?—1228). Однако вскоре Всеволод получил известие, что рязанские князья одновременно вели переговоры с Ольговичами о совместном походе на Владимиро-Суздальские земли, а в роли его союзников выступают лживо — «идут к нему лесью», по выражению летописца.

Всеволод выступил навстречу рязанцам на р. Оку. В шатрах на берегу реки началось выяснение отношений. Опасаясь измены, владимирский князь сам в шатры не пошел, а вел переговоры через Давида Муромского и своего боярина Михаила Борисовича. С обличением «двойной игры» рязанских князей выступили Глеб и Олег Владимировичи, их родственники. 22 сентября Роман Глебович и его союзники были арестованы вместе с их боярами («думой») и отправлены во Владимир.

Арест рязанских князей повлек за собой крупномасштабный поход Всеволода Юрьевича на их земли. Был осажден Пронск, разбиты посланные из Рязани на его выручку войска. Рязанцы покорились владимирцам и даже выдали остальных своих князей вместе с их семьями.

Однако на этом владимиро-рязанская война не закончилась. В 1208 г. жители Рязани присягнули на верность

присланному к ним из Владимира Ярославу Всеволодовичу (?—1246). Но вскоре они подняли мятеж, схватили его и заковали в кандалы, а его двор и бояр истребили (заживо засыпали землей в погреб). Кончилась усобица карательным походом Всеволода на Рязань, разорением всей Рязанской земли и арестом ее епископа Арсения. Рязанские князья и Арсений были выпущены из заточения только в 1212 г., после смерти Всеволода Юрьевича Большое Гнездо.

Романец (уп. в 1318), русский перебежчик, служивший татарам в ставке хана Узбека.

В 1318 г. в результате политической интриги, затеянной князем Юрием Даниловичем Московским (1281—1325), тверской князь Михаил Ярославич (1271—1318), был вызван на суд в Орду. По наветам Юрия, ему предъявили обвинения в непокорности ханской власти, утаивании дани. Михаила заковали в оковы и возили по ставке хана. Он ожидал приговора.

Князь Юрий и его союзник, татарин Кавгадый добились от Узбека приказа о казни Михаила. 22 ноября 1318 г. его зверски убил перебежчик — Р. Летопись говорит об этом так: «И се един от незаконных именем Романец извлек велик нож и удари в ребра святого в десную страну [правую сторону], обращая нож семо и овамо [туда и сюда], отреза чистое сердце его». Бояре и дворовые люди Михаила были «избиты». За мученическую смерть Михаил Тверской был причислен к лику святых.

Судьба его непосредственного убийцы — Р. неизвестна, но инициаторов этого преступления вскоре настигло возмездие: Кавгадый через год погиб, а Юрия в 1325 г. убил в Орде сын Михаила, Дмитрий Тверской по прозвищу Грозные Очи.

Романов Кирилл Владимирович (великий князь Кирилл) (1876—1938), двоюродный брат Николая II.

В 1905 г. К. женился на принцессе Виктории-Мелите Гессенской вопреки прямому запрету Николая II (невеста была лютеранкой и разведенной, что противоречило т. н. «Учреждению об императорской фамилии», включенному в Свод законов Российской Империи). Кроме того, Виктория являлась двоюродной сестрой К. и на их венчание требовалось специальное разрешение церкви. После заключения брака К. вместе с женой был выслан из России и официально лишен прав престолонаследия.

Уступив просьбам родственников, Николай II позже признал брак К. великокняжеским, что позволило супругам получать соответствующее денежное содержание и пользоваться титулами «Великий князь» и «Великая княгиня» (лишение К. и его детей прав на престол не отменялось; титул «Великих князей» детям К. автоматически не переходил).

К началу Февральской революции К. является контр-адмиралом и командиром гвардейского флотского экипажа свиты Его Величества.

1 марта 1917 г. (за день до отречения Николая II) К., нацепив красный бант, привел вверенную ему воинскую часть к зданию Государственной думы (к тому времени распущенной царем) и объявил, что переходит вместе со своими матросами на ее сторону. Как указывает один из исследователей, этот поступок К. попадал под ст. 252 «Уложения о наказаниях уголовных и правительственных», по которой в военное время считается государственным изменником и приговаривается к лишению всех прав состояния (в том числе и дворянства) и смертной казни любой русский подданный: «когда он будет возбуждать войска Российской Империи или союзные с Россией к неповиновению или возмущению, или будет стараться поколебать верность подданных ее». К. публично обвинил императрицу в шпионаже в пользу Германии, в интервью левым газетам буквально заявлял следующее: «Даже я,

как Великий князь, испытывал гнет старого режима. Вместе с любимым мною гвардейским экипажем я пошел в Государственную думу, этот храм народный. Смею думать, с падением старого режима удастся, наконец, вздохнуть свободней в новой России и мне. Я вижу впереди лишь сияющие звезды народного счастья!»

После октябрьских событий 1917 г. К. оказался в эмиграции, жил на юге Франции. В 1922 г. провозгласил себя «блюстителем престола», в 1924 г. — российским императором, чем вызвал раскол не только в доме Романовых (эти противоречия не устранены до настоящего времени), но и в среде сплоченной группы эмигрантов-монархистов.

В 1922 г. К. обратился к «народам Советского Союза» с призывом признать его императором, обещая, со своей стороны, признать советскую власть (ответа на это предложение К. не получил).

После смерти К. его потомки продолжают серьезно претендовать на российский престол.

Рословченко (Рославец) Петр (уп. во второй пол. XVII в.), стародубский полковник.

После измены гетмана Восточной Украины И.М. Брюховецкого (см. соотв. ст.) и его убийства, организованного ставленником Турции П.Д. Дорошенко (см. соотв. ст.), «целовал крест» на верность последнему на гетманство над всей Малороссией. Однако вскоре «отложился» от П.Д. Дорошенко и вновь присягнул русскому царю. Был в плохих отношениях с гетманом Восточной Украины Д.И. Многогрешным, участвовал в его смещении, аресте и этапировании в Москву.

В 1674 г. поддержал избрание гетманом Восточной Украины И. Самойловича, однако в 1676 г. явился в Москву с жалобой на него за «чрезмерные поборы». Склонил под-

чиненный ему полк к неповиновению гетману, за что получил в Москве выговор.

Не получив поддержки от русского правительства, продолжал интриговать против И. Самойловича, который решил предать его суду, однако царь распорядился простить Р. Но получив сведения о тайных сношениях Р. со ставленником турецкого султана П.Д. Дорошенко, приказал арестовать его. Р. был отправлен в Москву, где признан виновным в измене и сослан в Сибирь.

Ростовский Семен (уп. в 1554), боярин.

Привлечен к уголовному делу по обвинению в государственном преступлении — критика политики царя, выдача государственной тайны литовскому послу и заговор в пользу старшего князя, главного политического соперника Ивана Грозного. Р. якобы заявлял, что царь «бояр не жалует, великих родов бесчестит и приближает к себе молодых, а нас ими теснит». Кроме того, Р. не был согласен с походом на Казань и ее взятием.

Царь «з бояры» осудили его на смертную казнь, которая была заменена битьем батогами и заключением в тюрьму в Белоозере.

Ружевиц Халим Герш Бендетов, 1859 г. рождения, мещанин поселка Верущова Велюньского уезда Калишской губернии, отставной солдат 15-го драгунского Александрийского полка.

В 1897 г. во время посещения своего побочного сына Вольфа Хаима Гершева Ружевица, прусского подданного, Р. был завербован офицером немецкой разведки Миллером, за что получил в качестве аванса 20 немецких марок. Обязался поставлять сведения военного характера, и в частности, планы действий пограничных войск в случае начала войны, которые должен был покупать у военно-

служащих русской армии. Для этих целей получил 50 марок.

Осенью 1897 г. ему удалось завербовать старшего писаря Велюньской бригады унтер-офицера Якова Васильевича Тупотенко, который передал ему список офицеров 1-го отдела своей части. Однако писарь не имел прямого доступа к военным секретам. Поэтому в сентябре 1898 г. Р. попытался завербовать старшего писаря штаба отдельного корпуса пограничной стражи Велюньской бригады Леонида Сергиевского. У него планировалось получить мобилизационные планы. Посредником в деле выступал мещанин г. Велюня Лейба Абрамович Сендорович, 1879 г. рождения. За передачу плана Сергиевскому обещали 10 рублей. Однако унтер-офицер доложил о попытке завербовать его бригадному адъютанту и жандармскому вахмистру Петру Конаху. После оперативной проверки 16—17 сентября Р., Тупотенко и Сендорович были арестованы.

Р. сослали в Сибирь на поселение, Тупотенко отделался 20 сутками ареста. Сендоровича как посредника сочли возможным не наказывать.

Рузский Николай Владимирович, 1854 г. рождения, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета.

Участник Русско-японской войны, во время которой был начальником штаба 2-й армии. В начале Первой мировой войны командовал 3-й армией, участвовавшей во взятии Львова. В сентябре 1914 г. был произведен в генерал-адъютанты, а затем возглавил командование Северо-Западным фронтом. Имел репутацию способного генерала, пользовался авторитетом в Ставке и у царя. Не обладая крепким здоровьем, в марте 1915 г. Р. был вынужден на время оставить службу на фронте. После выздоровления назначен командующим вновь

сформированного Северного фронта, а затем — Северо-Западного.

Под впечатлением неудач русской армии сблизился с т. н. «прогрессивным блоком», руководимым А.И. Гучковым и П.Н. Милюковым. Вступил в Военную ложу (масонское объединение) — ответвление русской ложи «Великий Восток», контролируемой французскими правящими кругами и ставящей целью отречение от престола Николая II и устранения его окружения как главной опасности заключения сепаратного мира с Германией.

Участие Р. в заговоре отчетливо реализовалось в феврале — марте 1917 г., когда он, будучи Главнокомандующим Северо-Западным фронтом, вместе с другими генералами, «братьями» по Военной ложе (Алексеев М.В., Лукомский и др.), убедил царя отречься от престола, а также воспрепятствовал продвижению военных частей в Петроград для наведения там порядка.

Р. практически изолировал Николая II от еще верных ему войск и офицеров, хотя, как свидетельствуют участники февральских событий даже из числа противников самодержавия, для подавления восстания в столице «было достаточно одной дивизии».

Будучи под арестом по приказу Временного правительства, Николай II записал в своем дневнике, что «...прощает всех своих врагов, но не может простить Р...». Вскоре после описанных событий Р. был отстранен от командования Юго-Западным фронтом. В сентябре 1918 г. он попал в число заложников большевиков и был вскоре казнен.

Рунге Евгений Евгеньевич, 1928 г. рождения, урож. Запорожской области, бывш. сотрудник КГБ СССР.

Происходит из семьи осевших в России немцев. Женился на гражданке ГДР Руш Валентине Вильевне, 1931 г. рождения, урож. Берлина.

Р. и жена были привлечены органами советской разведки к сотрудничеству в 1960 г. В 1967 г. по заданию КГБ Р. вместе с женой и малолетним сыном выехали в ГДР для прохождения специальной подготовки.

Однако в октябре того же года они бежали в ФРГ, где обратились к американским властям с ходатайством о политическом убежище. Выдали спецслужбам США сведения, составляющие гостайну, о деятельности органов КГБ СССР. Их дальнейшая судьба не установлена.

Русский общевоинский союз (РОВС)

Создан в 1924 г. за рубежом последним командующим белой армией генерал-лейтенантом П.Н. Врангелем. Состоял из центрального аппарата во главе с начальником РОВС, филиалов, действовавших в различных странах, где компактно проживала русская военная эмиграция, организаций, объединявших личный состав бывших соединений и частей, имел военно-учебные заведения. Основная цель РОВС заключалась в сохранении ядра русской армии, оказавшейся после Гражданской войны в эмиграции.

В 1928 г. РОВС возглавил генерал А.П. Кутепов, по инициативе которого начали создаваться диверсионно-террористические группы для заброски на территорию Советской России. Одновременно создавалась широкая агентурная сеть из числа бывших офицеров белой армии, по каким-то причинам оставшихся на родине и занимавших различные посты в Красной армии и советском госаппарате. Добываемая РОВС информация использовалась как для внутреннего пользования, так и передавалась французской и английской разведкам, которые щедро субсидировали эту часть работы союза.

РОВС удалось провести несколько диверсионных и террористических акций на территории СССР. Однако в результате ряда операций ОГПУ—НКВД резидентура РОВС

в Советском Союзе была ликвидирована. В 1930 г. в Париже советской разведкой был похищен генерал А.П. Кутепов (позже расстрелян).

Председателем РОВС становится генерал Е.К. Миллер, с назначением которого РОВС начал медленно дрейфовать в сторону Германии и пришедших в ней к власти нацистов. Ко второй половине 30-х годов эта тенденция окончательно определилась.

Это послужило одной из причин решения советских властей нанести по РОВС новый удар. Используя свою агентуру в Союзе (один из его руководителей — генерал Н.В. Скоблин), советская разведка организовала встречу в окрестностях Парижа Е.К. Миллера с двумя офицерами вермахта, в роли которых выступали сотрудники советских спецслужб. Председатель РОВС был похищен и вывезен из Франции в Москву, где вскоре расстрелян. В результате РОВС лишился не только одного из самых деятельных и энергичных руководителей. По его авторитету был нанесен непоправимый удар, и, как следствие, финансирующие его иностранные спецслужбы значительно охладели к возможности развивать с ним сотрудничество. Немецкая разведка заняла еще более радикальную позицию, стала рассматривать РОВС не иначе как «гнездо советского шпионажа».

В 1938 г. руководство РОВС было выслано из Франции.

Накануне нападения гитлеровцев на СССР новый председатель РОВС генерал А.А. Лампе обратился к руководству вермахта с предложением использовать членов союза в составе немецкой армии или отдельных русских подразделений. Это предложение было категорически отвергнуто.

Однако А.А. Лампе уже после начала войны обратился к рядовым членам РОВС с призывом добровольно вступать в немецкую армию для борьбы с большевизмом. Круг замкнулся. Из оппозиционной Советам белоэмигрантской орга-

низации РОВС превратился в коллаборационистское формирование. Это стало очевидно и рядовым членам РОВС, более полутора тысяч которых вначале добровольно вступили в вермахт, но вскоре почти все были уволены по фактам «объединения с населением» на оккупированных территориях.

После войны РОВС заметного значения в эмигрантском движении не имел.

«Русская национальная народная армия» (РННА)

Военное формирование, созданное в 1942 г. под патронатом вермахта и немецких спецслужб и укомплектованное белоэмигрантами и советскими военнопленными.

Тяжелые потери, понесенные гитлеровскими войсками в первый год войны против СССР, заставили руководство вермахта забыть идеологические и расовые установки нацистской партии и привлекать в боевые части «неарийские», славянские элементы.

Для осуществления этих замыслов был привлечен русский эмигрант радиоинженер С.Н. Иванов, имевший обширные связи в нацистском руководстве. Он создал организованную группу по формированию русских частей во фронтовой полосе из числа военнопленных и эмигрантов. В нее, кроме С.Н. Иванова, получившего псевдоним Граукопф, вошли К.Г. Кромиади (бывший полковник Красной армии), И.К. Сахаров (сын генерала царской армии, белый доброволец в годы Гражданской войны в Испании), И. Юнг, В. Ресслер, священник о. Гермоген (в миру — Кивачук), граф Г. Ламсдорф, граф С. Пален, граф А. Воронцов-Дашков, В. Соболевский.

В марте 1942 г. С.Н. Иванов был принят в Смоленске командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом Х.Г. фон Клюге и получил от него разрешение посещать любой лагерь военнопленных для вербовки солдат и офицеров в

РННА. В этой работе С.Н. Иванов поддерживал тесный контакт с представителями военной разведки абвер и спецслужбы Генштаба сухопутных сил «Иностранные армии Востока» (Р. Гелен).

К концу лета 1942 г. РННА была укомплектована кадрами и представляла собой бригаду, которая дислоцировалась в белорусском поселке Осинторф. Часть делилась на батальоны, подчиненные центральному штабу, начальником которого был назначен майор Риль. Артиллерией руководил полковник Горский, во главе батальонов были поставлены полковник Кобзев, майор Грачев, майор Иванов, майор Николаев, начальником разведки являлся майор Бочаров (все — военнопленные-офицеры).

Руководством РННА и их немецкими патронами предпринимались попытки поставить во главе «армии» известного советского генерала. С этой целью С.Н. Иванов и И.К. Сахаров вели допросы бывшего командующего 19-й армией генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, но тот категорически отказался сотрудничать с немцами и их пособниками.

«Боевое крещение» подразделения РННА приняли уже в мае 1942 г. под Ельней в бою с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-лейтенанта П.А. Белова. В той операции под кодовым названием «Седая голова» РННА участвовала как подразделение спецслужбы Р. Гелена. В целом операция провалилась, П.А. Белову с частью его корпуса удалось вырваться из окружения и соединиться с основными силами советских войск.

По оценке партизанской разведки, 25—30% состава РННА были настроены просоветски и только ждали случая перейти к своим; 30—40% составляли неустойчивые элементы, вступившие на путь предательства из-за тяжелейших условий пребывания в фашистских лагерях для военнопленных, 30—45% — люди, враждебно настроенные к

коммунистическому режиму или уверовавшие в победу Германии.

Первые признаки «неблагонадежности» РННА обнаружались уже в августе 1942 г., когда на сторону партизан с оружием в руках перешли более 200 человек.

Этот процесс получил продолжение в конце 1942 г., когда РННА была привлечена к антипартизанским операциям в Белоруссии, ни одна из которых не принесла успеха. К 22 ноября 1942 г. на сторону партизан перешли около 600 солдат и офицеров РННА. Особенно впечатляющим было бегство 115 человек из артиллерийского дивизиона с пушками и боеприпасами.

После массовых побегов РННА была немцами расформирована. Часть ее состава была включена в немецкие подразделения на Восточном фронте, другая часть вошла во власовскую РОА.

По мнению некоторых исследователей, история РННА показала, что идея русской эмиграции возродить российскую государственность «под сенью германского орла», стремившегося уничтожить историческую Россию, была изначально обречена на провал.

Русская освободительная армия (РОА)

Создана в годы Великой Отечественной войны под контролем германского вермахта и немецкой разведки, которые поставили во главе ее формирований бывшего генерала Красной армии А.А. Власова (см. соотв. ст.).

В РОА вовлекались главным образом советские военнопленные, проходившие специальную идеологическую обработку и военную подготовку в лагере г. Дебендорф. Первые подразделения РОА были фактически сформированы и вооружены только в 1943 г., после поражения немцев под Сталинградом. Медлительность гитлеровского руководства в реализации плана создания «русской

антибольшевистской армии» объяснялась их сомнениями в надежности такого рода формирований.

Первые же бои с участием РОА на Восточном фронте подтвердили опасения немцев: офицеры и рядовые РОА начали в массовом порядке переходить на сторону Красной армии и перебегать к партизанам. После этого вермахт использовал части РОА главным образом на Западе, что позволило им высвободить несколько немецких дивизий и направить их на Восточный фронт. Тем не менее многие военнопленные продолжали вступать в РОА с намерением при первой возможности бежать в ряды Сопротивления.

В ноябре 1944 г., после создания Комитета освобождения народов России (КОНР — см. соотв. ст.), части РОА составляли основу его вооруженных сил. После невосполнимых потерь на фронте вермахт получил разрешение на их использование против Красной армии.

После капитуляции Германии руководство РОА было казнено. Были репрессированы также многие рядовые члены власовской армии.

Русский охранный корпус (РОК)

Военное формирование, созданное в 1941 г. вермахтом и немецкими спецслужбами в Югославии и укомплектованное добровольцами из числа белоземigrants.

В самом начале его создания наибольшую активность проявлял т. н. «Русский общевоинский союз» (см. соотв. ст.), однако гитлеровское командование вскоре отстранило от формирования корпуса его функционеров, не пользовавшихся доверием в Берлине, и назначило командиром РОК царского генерала Б.А. Штейфона (см. соотв. ст.).

РОК насчитывал около 15 тыс. человек из числа русских эмигрантов, желавших попасть на Восточный фронт. Однако немцы, имея печальный опыт с аналогичными коллаборационистскими формированиями, бросили РОК на борьбу с

партизанами Тито, что позволило им освободить значительное количество немецких дивизий для Восточного фронта.

С осени 1941 до сентября 1944 г. подразделения РОК вместе с немецкими, итальянскими, болгарскими и хорватскими дивизиями участвовали в ожесточенных сражениях с югославским Сопротивлением.

Начиная с осени 1944 г. вермахт был вынужден привлечь части РОК для отражения стремительного наступления советских войск.

РОК в этих боях потерял $3/4$ личного состава и 12 мая 1945 г. капитулировал и сдался англичанам.

Рядченко Павел Ефимович (?), табельщик на строительстве укреплений на о. Березань в 1911 г.

За деньги передал жителю г. Одессы Петерсу засекреченный план укреплений, который переправил его студенту Вацлаву Гаевскому, члену националистической организации «Союз Польской молодежи», работавшему на иностранную разведку.

В. Гаевский был арестован контрразведкой и выдал своих сообщников. Р. признали виновным в измене и шпионаже и приговорили к двум месяцам тюрьмы. Петерса, выполнявшего роль посредника, сочли возможным не наказывать.

С

Сабасев Олег Павлович, 1958 г. рождения, урож. Магаданской области.

В 1990 г. выехал вместе с семьей в США. Добился статуса политического беженца. Вскоре понял, что его надежды

быстро преуспеть в Америке были иллюзиями. Прочитал в эмигрантской газете «Новое русское слово» обращение ФБР к вновь приехавшим из СССР гражданам явиться в местные отделения контрразведки и сообщить все, что им известно о деятельности КГБ, ее кадровых сотрудниках, агентуре, методах работы. Надеясь получить хорошо оплачиваемую работу, С. установил контакт с представителями ФБР. По заданию американцев, С. «освещал» процессы, происходящие внутри русской эмиграции, переводил с русского на английский язык записи негласного прослушивания телефонных переговоров, выполнял другие поручения. Вскоре к нему проявили интерес сотрудники ЦРУ.

В 1992 г. С. по его заданию посетил Россию с паспортом гражданина США Алекса Нормана и встретился с офицером Ракетных войск стратегического назначения, с которым был ранее знаком. Как позже объяснял С., он полагал, что «в России все продается и покупается» и потому провел вербовку своего знакомого «в лоб» от имени ЦРУ, а затем организовал ему встречу в Киеве с кадровым сотрудником американской разведки под дипломатическим прикрытием посольства США на Украине. Разведчик «закрепил» вербовку российского офицера и договорился с ним о передаче секретной информации о состоянии РВСН и новых перспективных разработках в области ракетостроения. Офицеру от имени ЦРУ было вручено 1,5 тыс. долларов в качестве аванса. С этого началась операция ФСБ под кодовым названием «Западня», поскольку знакомый С. сразу после вербовки явился в органы военной контрразведки и рассказал о встрече с С. и содержании бесед с ним.

Оперативная игра с ЦРУ велась несколько лет. В 1999 г. было принято решение реализовать эту разработку. Во время очередного посещения России С. был задержан в г. Александров Владимирской обл. На допросах после нескольких дней запирательства рассказал следователям о

своем сотрудничестве с ФБР и ЦРУ. С. было предъявлено обвинение по ст. 275 УК РФ (государственная измена в форме оказания помощи иностранному государству), поскольку он, получив гражданство в США, от гражданства в РФ не отказался, а российское законодательство не признает двойного гражданства. В связи с обращением в ФСБ матери С., а также с учетом его искреннего поведения на следствии в 1999 г., он был освобожден из Владимирского центра и выдворен из РФ. Уехал в США.

Саблин Валерий Михайлович, 1939 г. рождения, урож. Ленинграда, офицер Военно-Морского Флота СССР, капитан 3-го ранга.

Происходит из семьи офицера флота.

На военной службе во флоте — с 1956 г. Окончил в 1973 г. Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Последнее место службы — противолодочный корабль «Сторожевой» 128-й бригады ракетных кораблей Балтийского флота, являлся заместителем командира корабля по политической части.

6 ноября 1975 г. «Сторожевой» по случаю празднования годовщины Октября находился на рейде г. Риги. В состав его команды входило 194 человека (15 офицеров, 14 мичманов и 165 матросов).

8 ноября С. обманным путем заманил командира корабля капитана 2-го ранга А.В. Потульного в гидроакустический пункт, и заперев на замок, изолировал от личного состава. После этого он собрал совещание, в котором приняли участие 13 офицеров и 13 мичманов, и выступил с предложением самовольно отплыть в Кронштадт, объявить его независимой территорией и потребовать возможности выступить на телевидении. В своем выступлении он намерен изложить свои взгляды на происходящее в стране, а именно: отход КПСС и правительства от ленинских принципов,

злоупотребления в торговле, нехватка большинства товаров, бюрократизм, использование служебного положения в корыстных целях, повсеместное очковитительство и бюрократизм. С. добавил, что он заявляет о выходе из КПСС. По его словам, командир корабля находится в своей каюте и обдумывает его предложения.

Часть офицеров и мичманов поддержали С. Несогласные (10 офицеров и 5 мичманов) подверглись аресту и изоляции.

Затем С. построил команду и также изложил им свои взгляды. Заявил, что его поддерживает большинство офицеров и мичманов. На вопросы матросов, где их командир, ответил, что он с ним, т.е. с С., не согласен и находится под арестом. С. заявил далее, что предлагаемый им план не является нарушением присяги. В результате голосования часть команды поддержала С. Другая часть несогласных попыталась освободить командира, но это им не удалось. Однако один из офицеров незаметно покинул корабль, добрался до берега и доложил по команде о ситуации на «Сторожевом».

Рано утром С. телеграфировал командующему флотом, что сформированный на корабле «ревком» требует признать «Сторожевой» независимой зоной, разрешить ему входить в любые порты, снабжать команду продуктами и почтой, гарантировать неприкосновенность экипажа и их семей. С. вновь потребовал выступления по телевидению.

Получив отказ, он вывел корабль в Рижский залив и проследовал на 21 милю за пределы территориальных вод в сторону Швеции. За ним велось наблюдение, на предупреждение о применении оружия С. приказал не реагировать, хотя эти предупреждения стали известны экипажу. Появление самолетов над «Сторожевым» и бомбометание также повлияло на настроение матросов. Некоторые из них вывели из строя часть вооружения и технических средств. Ими были освобождены арестованные командир и офице-

ры. По приказанию командира наиболее благонадежной части личного состава было роздано оружие. Командир А.В. Потульный ранил С., а затем арестовал его и наиболее активных его соучастников, всего 11 человек.

Командир остановил корабль, а затем возвратил судно в Ригу.

С. и часть экипажа были арестованы органами госбезопасности. В июле 1976 г. С. был приговорен за измену Родине к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение.

В 1992 г. уголовное дело С. было пересмотрено, но реабилитирован он не был. Его действия были переквалифицированы со ст. 64 п. «а» УК РСФСР (измена Родине в форме заговора с целью захвата власти) на статьи о воинских преступлениях: превышение власти, неповиновение и сопротивление начальству.

Садовой Семен Васильевич, 1922 г. рождения.

После окончания 10-го Краснодарского пехотного училища служил в должности командира взвода 255-й дивизии 9-й армии. В июле 1942 г. попал в плен. Был направлен в лагерь для военнопленных. В начале 1943 г. добровольно вступил в т. н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова. Служил в Гвардейской бригаде РОА в г. Пскове в чине лейтенанта.

В 1946 г. был арестован советскими спецслужбами и предан суду. Получил по приговору 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбыл. Дальнейшая судьба С. неизвестна.

Салтыков Михаил Глебович Кривой (ум. до 1621), боярин.

В 1580 г. участвовал в войне с Литвой. Возглавляемые им войска нанесли поражение литовскому полководцу Филону Кмите.

С 1590-х гг. С. переведен на дипломатическую службу. В 1597 г. ему пожалован чин окольничего, а в 1601 г. — боярина. Его направляют в качестве руководителя посольства в Польшу.

В самом начале Смуты (май 1605) С. изменяет царю Б. Годунову и переходит на сторону Лжедмитрия I. Находился в окружении самозванца в его лагере в Креме.

После низложения и убийства Лжедмитрия I С. удалось избежать расправы восставших. Вновь избранный царь В. Шуйский направил его воеводой в Орешек, что являлось, по существу, ссылкой. Находясь в Орешке, С. объявляет о своей поддержке Лжедмитрия II. Ему удается убедить жителей города присягнуть новому самозванцу. В 1609 г. он перебирается в Тушино, где становится приближенным Лжедмитрия II. Однако вскоре ему приходится бежать из-за наступления на тушинцев царских войск.

В 1610 г. он возглавил посольство тушинских бояр к польскому королю, чтобы убедить короля посадить на русский престол его сына Владислава.

После занятия польскими войсками Москвы, возглавил польскую партию русского боярства, являлся ближайшим помощником руководителя польских войск А. Гонсевского в управлении Москвой.

В декабре 1610 г. пытался, угрожая ножом, заставить патриарха Гермогена подписать грамоту о роспуске русского ополчения и призыве на трон королевича Владислава. Стойкость патриарха свела все попытки С. на нет.

В 1611 г. по поручению польской партии бояр направился в Польшу уговорить Сигизмунда III как можно скорее выступить с войском и занять Москву. После изгнания поляков из России остался в Польше, где через несколько лет умер.

Самозванство в Смутное время (начало XVII в.).

Самобытное явление, возникшее в средневековой Руси в связи с династическим кризисом после смерти царя Федора Ивановича, который не оставил прямых наследников. Избрание на престол шурина царя, Бориса Годунова, с самого начала было неоднозначно воспринято массовым сознанием, поскольку нарушало вековой порядок престолонаследия по нисходящей линии царствующей семьи.

Отторжение практики избрания царя как нарушения законной преемственности власти развивалось на фоне обострения социальных противоречий, и в частности, в среде боярской аристократии, недовольной возвышением незнатного рода Годуновых.

По Москве начали упорно ходить слухи, что младший брат царя Федора Дмитрий погиб не в результате несчастного случая, а был убит по приказу Годунова, желавшего очистить себе путь к узурпации власти. Идеализация представителей старой династии и ностальгия по прежнему порядку престолонаследия все больше и больше усиливались. Идея самозванства буквально витала в воздухе и вскоре нашла воплощение в личности первого самозванца, объявившего себя случайно уцелевшим царевичем Дмитрием и, следовательно, единственным законным наследником русского престола (см. ст. Лжедмитрий I). Новоявленный претендент на русский трон получил сначала моральную поддержку со стороны Польши, а затем — финансовую и военную помощь.

Низложение и убийство Лжедмитрия I не только не покончило с самозванством, а, наоборот, спровоцировало появление целой группы якобы уцелевших царевичей, начиная с таких значительных фигур, как Лжедмитрий II, Лжедмитрий III, Лжепетр (см. соотв. ст.ст.), и кончая вполне заурядными личностями. Например, объявились царевич Август («сын» царя Федора), царевич Иван («сын» Ива-

на Грозного от его 4-й жены — Анны Колтовской), царевич Лаврентий («внук» Грозного, сын царевича Ивана), царевичи Федор, Клементий, Савелий, Семен, Василий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка (все — «сыновья» царя Федора Иоанновича).

Появление каждого из самозванцев вызывало и обостряло социальные и политические конфликты, религиозные и нравственные противоречия. Полная дезорганизация управления страной и дезориентация общественного мнения порождала желание у исконных врагов русского трона вмешаться во внутренние дела государства, удовлетворить за счет Руси свои территориальные претензии.

Потребовались колоссальные усилия здоровых сил русского общества, чтобы, в конечном счете, преодолеть Смуту, избавиться от самозванцев и изгнать поддерживающих их интервентов.

Понадобился коренной перелом в общественном сознании, чтобы преодолеть инерцию и принять идею избрания на престол «сородича» Рюриковичей.

После Смутного времени самозванство рассматривалось на Руси как один из самых страшных грехов против веры и как тяжкое государственное преступление. (Прил. № 9)

Самойлович (Самойлов, Самойленко) Иван (уп. во второй пол. XVII в.), черниговский полковник, генеральный судья, затем гетман Левобережной и Правобережной Украины.

Сын священника, выходец из Западной Украины, перешедший на жительство в ее восточную часть, население которой традиционно симпатизировало Москве. Вместе с отцом С. вначале проживал в г. Старый Колядин. Был обучен грамоте, о нем отзывались как об умном, внешне красивом молодом человеке. Вскоре он был поставлен сотенным писарем, сумел расположить к себе генерального

писаря (одна из высших должностей в аппарате украинского гетмана). Был назначен сотником, а затем — наказным полковником в Чернигове.

В 1667 г. поддержал вместе с черниговским полком левобережного гетмана И.М. Брюховецкого (см. соотв. ст.), изменившего русскому царю и объединившегося с гетманом Западной части Украины П.Е. Дорошенко (см. соотв. ст.), ставленником турецкого султана. Участвовал в военных действиях против московских войск.

После убийства И.М. Брюховецкого, организованного П.Е. Дорошенко, поддержал на Раде избрание Д.И. Многогрешного (см. соотв. ст.) гетманом Левобережной Украины. В 1668 г. С. по поручению нового гетмана посетил Москву, где вел переговоры о статусе Малороссии в составе Русского государства.

Вскоре С. получил должность генерального судьи. В 1671—1672 гг. начинают появляться серьезные противоречия между московским правительством и гетманом Д.И. Многогрешным в связи с его сближением с Польшей, с которой Москва заключила перемирие. Поскольку обнаружили тайные связи Д.И. Многогрешного с П.Е. Дорошенко, было принято решение арестовать гетмана и препроводить его в Москву, что и было осуществлено с помощью верных России казаков.

Летом 1672 г. по инициативе русского правительства в Конотопе была созвана Рада в Восточной Украине, в результате которой гетманом был избран С.

Совместно с казачьими полками под его командованием русские войска весной 1672 г. начали военные действия против турецких и крымских войск, а также их союзника П.Е. Дорошенко. В это же время впервые среди казачьих низов возникает недовольство действиями С. Его обвиняли, в частности, в злоупотреблении властью и присвоении казачьих денег.

После нескольких военных неудач московским войскам и полкам С. в начале 1674 г. удалось перейти в Западную Украину. В связи с отступлением турецких и татарских войск П.Е. Дорошенко попал в трудное положение. Сознывая бесперспективность борьбы с московскими и казачьими войсками, он обратился к русскому царю с письмом, в котором выразил готовность присягнуть ему, требуя, однако, смещения С. и сохранения «казачьих вольностей». Но предложения П.Е. Дорошенко были отвергнуты, а военные действия продолжены.

После успешных действий на правом берегу Днепра московские власти в марте 1674 г. в Переяславле собрали Генеральную Раду, на которой С. был провозглашен гетманом всей Украины.

Наступление московских войск продолжилось и в 1674—1675 гг., в результате чего П.Е. Дорошенко был вынужден отречься от гетманства, добровольно сдался и в 1677 г. был доставлен в Москву, откуда вскоре был отправлен в ссылку.

В дальнейших действиях против турок и татар, вплоть до 1679 г., С. также принимал активное участие. В 1679 г. русское правительство начало переговоры с турецким султаном о мире. Позиция представителей Москвы на этих переговорах предварительно согласовывалась с С., который одобрил условия мира, подготовленные в Москве. Мир с Турцией был заключен в начале 1681 г.

В мае 1684 г. западные страны, входящие в Священный Союз, начали переговоры с московским правительством о его присоединении к европейской коалиции с целью борьбы с турецким султаном и крымским ханом. По мнению европейцев, ведущую роль в этой борьбе должны играть казачьи войска во главе с С. В обмен на это Москва потребовала заключения «вечного мира» с Польшей и передачи под юрисдикцию русского царя древнего русского города

Киева. Польша и ее союзники были вынуждены принять эти условия.

Заключение этого мира встретило серьезные возражения со стороны С. Свое открытое возмущение он выразил в грамоте, посланной в Москву. Одновременно С. начал вынашивать планы отпадения от Москвы и заключения союза с крымскими татарами и турками. Однако реализовать свои замыслы ему не удалось, поскольку русское правительство вовремя приняло меры к его изоляции. На созванной в Полтаве Раде С. был лишен гетманства, а на его место был избран И.С. Мазепа (см. соотв. статью настоящего издания).

С. по решению московских властей был сослан в Сибирь.

Самутин Леонид Александрович, 1915 г. рождения, урож. Вологодской губернии, из крестьян.

Получил высшее образование, окончил физический факультет Уфимского университета. После нападения Германии на СССР был мобилизован в Красную армию. Вскоре попал в плен. Добровольно вступил в т. н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова. Имел чин поручика РОА. Одно время являлся редактором газеты РОА «На дальнем посту». За «успешную пропагандистскую деятельность» награжден медалью «За заслуги». Вместе с немцами в составе власовских формирований отступил в Германию. После капитуляции гитлеровцев бежал в Данию, однако был выдан советским властям и предан суду. По приговору получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Воркуте, где остался после освобождения. Преподавал физику в филиале Горного института.

С 1970 г. — на пенсии, проживал в Ленинграде. Хранил у себя один из экземпляров рукописи книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». В настоящее время резко отри-

цательно оценивает принципы и практическую деятельность власовского движения.

Сахаров Игорь Константинович (?), сын генерала царской армии, белогвардеец, участник Гражданской войны в Испании (см. ст. Юнг С. Н.).

Селецкий Иосиф Эразмович, 1858 г. рождения, урож. Новомиргорода Одесской губернии, из мещан.

Проживал в Одессе, определенных занятий не имел, судился за кражу, 10 месяцев находился в тюрьме. Попал в поле зрения австрийской разведки, был завербован. Значился в картотеке спецслужб Австрии под № 152. Связь поддерживал с австрийским подданным К.И. Дуткевичем, занимавшимся в России с 1893 г. перегонкой спиртных напитков. Руководил работой С. капитан разведотдела австрийского Генштаба Дзиковский, выступавший под именем Себастиана.

Первым заданием С. было получение информации о тактико-технических данных нового образца винтовок, поступивших на вооружение в 4-ю стрелковую бригаду, дислоцируемую в Одессе. Ему было также поручено добывать штабные документы и снабжать фальшивыми паспортами австрийских агентов.

С этой целью С. завербовал бывшего вольноопределяющегося 13-го стрелкового полка Н.П. Юрашева, рядового запаса М.С. Большакова (см. соотв. ст.ст.). По сути дела с помощью С. австрийской разведкой была создана резидентура, которая действовала на территории одного из ключевых военных округов.

Чтобы расширить агентурную сеть, С. пытался завербовать подпрапорщика 60-го пехотного полка Э.М. Добровольского, 1865 г. рождения, который попал в его поле зрения из-за разгульного образа жизни. Тот страдал хро-

ническим алкоголизмом, не раз подвергался в полку различным дисциплинарным взысканиям. С. решил воспользоваться его пороком и добыть через него секретный приказ по Ольвиопольскому драгунскому полку за № 24. Однако Д. сообщил об этом предложении в жандармское управление, но, поскольку находился в сильной степени опьянения, ему не поверили, приняв его заявление за бред алкоголика.

Другой неудачей С. явилась попытка вербовки подполковника 14-го драгунского Лубенского полка К.П. Григорьева, 1852 г. рождения.

Этот кандидат на вербовку был обременен большими долгами и сомнительными связями в уголовной среде. Пытался приобрести фальшивые деньги, которыми предполагал расплатиться с кредиторами. Зная об этом, С. предложил ему решить финансовые проблемы путем сотрудничества с австрийскими спецслужбами. Г. отверг это предложение. Тогда, чтобы постепенно втянуть Г. в тайное сотрудничество с австрийцами, С. предложил ему фабриковать ложные документы за солидное вознаграждение. На этих условиях Г. дал согласие на сотрудничество, поскольку ему понравилась роль дезинформатора разведки Австрии.

В конце 1893 г. С. совершил роковую ошибку. Он знакомится через Дуткевича с одесским жителем Срулем Купершмидтом и предлагает ему за определенное вознаграждение подыскать штатного писаря, готового продавать секретные документы. Однако Купершмидт являлся секретным осведомителем Одесского губернского жандармского управления. Он сообщил о беседе с С. и Дуткевичем офицеру-куратору. Было принято решение подставить австрийским шпионам штабного писаря Моисеева, который и был ими «завербован» за 60 рублей ежемесячного вознаграждения. Моисеев по заданию контрразведки несколько

раз снабжал С. документами. Получив изобличающие данные в отношении С. и Дуткевича и выявив все их подозрительные связи, русские спецслужбы арестовали всех членов одесской резидентуры. Правда, С. был обнаружен... в тюрьме, куда попал за шулерство. Все арестованные признали вину. По приговору суда С. и Дуткевич были сосланы на вечное поселение в Сибирь. Григорьев был приговорен к восьми годам каторжных работ, Добровольский — к тюремному заключению за «недоносительство».

Находясь в Якутии, С. в 1904 г. обратился к русским властям с просьбой направить его в действующую армию, однако получил отказ.

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Семен Тонгилиевич (уп. в 1283), боярин удельного князя Городецкого и Костромского.

Активный участник междоусобных войн. Сотрудничал с татаро-монголами (подробнее см. статью Андрей Александрович, князь Городецкий и Костромской).

Семенов Григорий Михайлович, 1890 г. рождения, генерал-лейтенант царской армии.

Начал службу есаулом Забайкальского казачьего войска. Участник Первой мировой войны, во время которой проявил себя храбрым офицером и решительным командиром. Награжден многими царскими наградами, быстро сделал карьеру от младшего офицера до генерал-лейтенанта.

В июле 1917 г. становится комиссаром Временного правительства в Забайкалье.

Во время Гражданской войны С. находится на Дальнем Востоке, становится одним из видных деятелей Белого движения. В 1919 г. при поддержке японцев он избирается атаманом Сибирского казачьего войска. После разгрома

армии Колчака получил от последнего власть на Дальнем Востоке.

Созданные С. белые формирования не могли оказать долгого сопротивления частям Красной армии. В 1921 г. он был вынужден эмигрировать, проживал в Корее, Японии, Китае. К тому времени фактически становится агентом японских спецслужб, пользуется их безусловной поддержкой. В интересах японцев С. активно использует в целях сбора развединформации агентурную сеть, оставленную после эвакуации его формирований на советской территории. Для координации действий С. поддерживает постоянные контакты с руководством разведки Квантунской армии.

С конца 30-х гг. до конца войны Германии с СССР Япония как потенциальный противник Советской России держала в напряжении советские районы, пограничные с Маньчжурией. Японцами был разработан специальный план вторжения на советскую территорию, имевший название «Кан-Току-Эн» («Особые маневры Квантунской армии»). Довольно значительная роль в реализации этого плана отводилась русским белоэмигрантам, объединившимся вокруг атамана С. «Нам, русским националистам, — писал С. в газете «Голос эмигрантов» вскоре после нападения немцев на СССР, — нужно проникнуться сознанием ответственности момента и не закрывать глаза на тот факт, что у нас нет другого правильного пути, как только честно и открыто идти с передовыми державами «оси» — Японией и Германией».

Вскоре С. и его сподвижники объединяют все белогвардейские организации Дальнего Востока и начинают активную подготовку вооруженных отрядов.

В конце 1943 г. созданная ранее бригада «Асано» реформирована в «Российские воинские отряды армии Маньчжоу-Го», в составе которых имелись кавалерия, пехота и

казачьи подразделения. В том же году по инициативе С. сформированы специальные казачьи части (пять полков, два дивизиона, отдельная сотня). Эти части непосредственно подчинялись резиденту японской разведки в Тайларе подполковнику Таки.

В эти и другие войска призывалась молодежь из семей белоэмигрантов в возрасте от 16 до 35 лет без каких-либо исключений. Особо подготовленные призывники отбирались в части специального назначения для проведения диверсионной работы в тылу Красной армии. Командовали спецчастями исключительно японские офицеры.

В августе 1945 г. в результате стремительной военной кампании Красной армии на Дальнем Востоке Квантунская армия была разгромлена. Одновременно прекратили существование белоэмигрантские военные формирования. С. был арестован и предан суду, по приговору которого в 1946 г. расстрелян.

Семенов Михаил Александрович, 1894 г. рождения.

В 1912 г. окончил 1-й кадетский корпус, поступил в Императорский Александровский лицей. Вскоре покинул лицей и продолжил обучение в Павловском военном училище, после окончания которого служил в лейб-гвардии Егерском полку. В феврале 1917 г. возобновил обучение в лицее, закончил его, получив диплом. После октябрьских событий и начала Гражданской войны уходит в Добровольческую армию генерала Деникина. Осуществляет охрану членов Императорской фамилии, проживавших в то время в Крыму. В составе белой армии участвовал в боях в Крыму и на Украине. Являлся командиром команды конных разведчиков. После разгрома Белого движения эмигрировал в Югославию.

В годы Второй мировой войны встал на путь активного сотрудничества с немецко-фашистским режимом.

В марте 1942 г. по приказу командующего германскими войсками на Балканах приступил к формированию из числа русских эмигрантов добровольческого батальона для участия в десантной операции под Новороссийском. Вскоре батальон был полностью укомплектован и поставлен на довольствие в Главном управлении СС. С. получил звание гауптштурмфюрера СС под фамилией фон Семеновф.

Вскоре немцы отказываются использовать батальон С. на Восточном фронте и бросают его на борьбу с югославскими партизанами. В дальнейшем эта функция, а также охрана тыловых объектов германских войск становятся для батальона С. основными.

В конце 1944 г. личный состав батальона по приказу немцев увеличивается за счет вербовки советских военнопленных и становится полком, названным «Варяг». С. назначен командиром полка и произведен в полковники вермахта.

Находясь с полком в Любляне, С. установил тесные контакты с прогитлеровскими словенскими и сербскими частями.

После капитуляции фашистской Германии полк «Варяг» вместе с командованием был вывезен англичанами в Италию. Часть рядового состава была выдана советским властям и репрессирована.

С. избежал выдачи, был выпущен из лагеря и обосновался в Германии. Возглавлял в Баварии русское монархическое движение, поддерживал контакты с «двором» великого князя Владимира Кирилловича.

Вскоре С. переезжает в Бразилию, где умирает в 1965 г.

Серко (Сирко) Иван (уп. в сер. — второй пол. XVII в.), калынский полковник, затем запорожский кошевой атаман.

В 1695 г. в должности полковника входил в ближайшее окружение гетмана Юрия Хмельницкого, который присяг-

нул на верность русскому царю. Вскоре во главе калыницкого полка С. выступил против поляков и крымских татар. После измены Ю. Хмельницкого и «отпадения» его на сторону поляков, С. осудил гетмана и заявил о верности присяге, данной русскому царю. Вскоре он переезжает в Запорожскую Сечь, где был поддержан большинством казаков и выбран кошевым атаманом. В 1661 г. С. во главе запорожского войска «пошел для добычи на Буг», где должен был остановить крымских татар, собиравшихся совершить очередной набег на Малороссию.

В 1663 г. С. во главе большого отряда запорожских казаков, усиленных русским отрядом конных и пеших стрельцов и донских казаков под началом стряпчего Г. Касогова, совершил поход на Перекоп, который был ими взят и разорен. Однако под натиском турок и татар отряды С. и Касогова отступили в Запорожскую Сечь.

Вскоре С. и Г. Касогов предприняли второй поход на Крым, после чего передислоцировали свои войска на Западную Украину, где вели бои как с татарами, так и с поляками.

Все эти военные успехи, а также личная храбрость С. позволили ему завоевать большой авторитет у запорожцев. Одновременно у С. возникает стремление играть в делах Малороссии более значительную роль.

Летом 1671 г. С. во главе запорожского войска ведет военные действия против турок и крымских татар, причем в качестве союзников казаков уже выступают поляки.

После падения гетмана правобережья Многогрешного, С. с 1672 г. пытается повлиять на выборы нового гетмана. С этой целью он отправляется в Полтаву и агитирует народ подняться против русского царя. Однако вскоре С. был арестован, этапирован в Москву и выслан в Сибирь. Уже в 1673 г. по настоятельной просьбе запорожцев и нового гетмана И. Самойловича С. был воз-

вращен из ссылки и доставлен в Москву, где предстал перед царем. С. дал клятву отныне быть верным русскому престолу, после чего был отпущен на Украину в Запорожье.

Он был горячо встречен запорожцами, вновь возглавил их войско. Вскоре стало ясным, что С. продолжил двурушническую политику, маневрируя между русскими, поляками, турками и татарами. В беседах с московскими воеводами заявлял буквально следующее: «...пусть цари между собой переведаются, а мы себе место сыщем: кто силен, тот и государь наш будет». Одновременно у С. возникают серьезные претензии на гетманство над всей Малороссией. С этой целью он продолжает заигрывать с московским правительством, выдает ему самозванца, называвшего себя сыном царя Алексея Михайловича, а затем захватывает и отправляет в Москву эмиссара враждебного Москве правобережного гетмана П. Дорошенко генерального писаря С. - Мазепу (см. соотв. ст.).

Однако в Москву продолжали поступать на С. доносы, видимо, имевшие под собой реальную основу. В них указывалось на тайные отношения С. с поляками, готовность вновь перейти под власть короля, нарушив присягу, данную русскому царю. Одновременно он начал переговоры с П. Дорошенко, чем усилил в Москве подозрения на свой счет. Между С. и правобережным гетманом И. Самойловичем с новой силой вспыхивает борьба за лидерство. С. публично заявляет, что хотя он и присягал «великому государю царю в службе, только дедичного государя польского короля не оставит». В то же время С. ведет тайные переговоры с крымскими татарами о мире, что особенно беспокоит Москву, поскольку начал формироваться новый антирусский союз поляков, крымских татар и запорожцев. Однако этому союзу не суждено было окончательно оформиться. В августе 1680 г. С. умер.

Синицын Ефим Львович, 1877 г. рождения, бывш. подполковник царской армии.

Участник Первой мировой войны. Сражался на передовой, был ранен. В 1915—1916 гг. работал в Генеральном штабе, в управлении военной разведки. Приобрел опыт агентурной работы. После революционных событий октября 1917 г. добровольно вызвался сотрудничать с большевиками. Был направлен на работу в Управление Военконтроля при полевом штабе Реввоенсовета (военная разведка и контрразведка). В 1918 г. был завербован резидентом американской разведки К.Д. Каламатиано, активным участником т.н. «заговора послов», составленного дипломатическими представителями Франции, Англии и США и имевшего цель свержение большевистского правительства и вовлечение «обновленной России» в войну с Германией на стороне Антанты. (Прил. № 10)

С. передавал американцам ценную информацию военного характера, а также сведения о мероприятиях Военконтроля и ВЧК в отношении иностранных разведчиков, что позволяло им уходить из-под контроля контрразведки. С. работал на разведку США из материальных соображений, систематически получал от К.Д. Каламатиано денежные вознаграждения.

После провала «заговора послов» С. был арестован чекистами и вскоре расстрелян.

Синцов Вадим Николаевич (других данных не имеет).

Работал руководителем дирекции по внешнеэкономическим связям акционерного общества «Спецмашиностроение и металлургия».

Был завербован английской разведкой во время заграничной командировки в Лондон. Выдал совершенно секретные сведения о новейших видах вооружения.

В 1994 г. был арестован и осужден на 10 лет лишения свободы.

Скворцов Александр Гаврилович, 1903 г. рождения, урож. г. Киева.

До революции учился в гимназии. В начале Первой мировой войны убегает на фронт, участвует в боях в составе Варшавской гвардии. После октябрьских событий 1917 г. вернулся в Киев, затем поступает на службу в Добровольческую армию Деникина. Сражался на фронтах Гражданской войны, был пулеметчиком лейб-гвардии Кавалерийского полка. Вместе с остатками белой армии эвакуировался из Крыма. Проживал в Югославии, где обучался на техническом факультете Белградского университета. В 1941 г., после нападения Германии на СССР, добровольно поступил на службу в т. н. Русский охранный корпус, сформированный немцами для борьбы с Красной армией, войсками союзников и партизанами. Вскоре переходит в полк «Варяг», состоявший из добровольцев из числа русских эмигрантов и советских военнопленных, который входил в состав регулярных частей вермахта. Имел звание капитана немецкой армии. Весной 1945 г. при отступлении полка в Италию был схвачен югославскими партизанами и расстрелян.

Скрипкин Валентин Михайлович, 1921 г. рождения, урож. г. Таганрога.

До войны проживал в Таганроге, был популярным футболистом местной команды. После оккупации города гитлеровскими войсками добровольно поступил на службу полицаем. Вскоре был принят в зондеркоманду войск СС 10-А, сформированную немцами для борьбы с партизанами и для проведения массовых репрессий мирных жителей. Был назначен помощником командира взвода. В со-

ставе зондеркоманды участвовал в операциях в Ростове, Новороссийске, Краснодаре, Николаеве, а затем в Румынии, Чехословакии и Эльзас-Лотарингии. Конвоировал узников Бухенвальда, охранял концлагерь под Берлином.

Впервые принял участие в массовых расстрелах в Ростове-на-Дону в августе 1942 г., когда было уничтожено несколько тысяч евреев. В качестве вознаграждения за это получил личные вещи убитых: двубортный костюм и испачканные кровью детские распашонки. В своих показаниях на следствии по этому эпизоду заявил буквально следующее: «Во время расстрела я помню такой случай. Среди арестованных находилась молодая женщина, с нее сорвали нижнюю рубашку, а затем, с целью поглумиться, — и трусы. Не выдержав надругательств, она бросилась на карателей, среди которых стоял и я. Женщина была сбита с ног немцами, а я вместе с другим полицаем схватил ее за ноги и руки, подтащил ко рву и сбросил туда. Там ее пристрелили немцы».

С. принимал активное участие в уничтожении мирных жителей деревни Кочица (Краснодарский край). Всего здесь было расстреляно более 700 человек, в основном женщины, старики и дети.

В мае 1943 г. в Николаеве по приказу немцев С. участвовал в казни известного одесского подпольщика Ф.А. Комкова.

В августе 1943 г. он вместе с «коллегами» из зондеркоманды расстрелял несколько десятков детей на песчаном карьере в поселке 2-я Змеевка неподалеку от Ростова-на-Дону.

За время службы в войсках СС С. привлекался гитлеровцами к операциям по физическому устранению мирных жителей в т. н. «душегубках» — грузовых автомобилях с герметичным кузовом, в который входило одновременно 80 арестованных. Выхлопные газы подавались через спе-

циальное устройство внутрь кузова. Через 10—15 минут из кузова выгружались трупы.

В 1945 г., находясь в Германии, С. бежал из зондеркоманды, пересек линию Западного фронта и сдался американцам, однако вскоре был выдан ими советским представителям. При допросах «признал», что служил полицаем в Таганроге, за что был осужден на 10 лет исправительно-трудового лагеря. Срок заключения отбывал на Колыме, после чего вернулся в Таганрог. Поступил на работу на хлебозавод, обзавелся семьей. Однако в ноябре 1962 г. был опознан и арестован как активный пособник гитлеровцев, участник боевых действий против партизан и массовых уничтожений мирных граждан.

В 1963 г. по приговору советского суда казнен.

«Слезкина дело» — возникло в 1891 г. в связи с кражей штабных карт из штаба Варшавского военного округа.

По делу проходили: титулярный советник, младший классный литограф штаба Варшавского военного округа Александр Николаевич Флейкин, 1842 г. рождения; дворянин, австрийский подданный, мелкий кустарь-слесарь Михаил-Франц Войцехович Мешковский, 1853 г. рождения; дворянин, бывший заведующий чертежным штабом Варшавского военного округа, а к моменту ареста — сотрудник Управления съемки Юго-Западного фронта коллежский асессор Василий Григорьевич Слезкин, 1851 г. рождения.

В 1891 г. в штабе обнаружилась пропажа топографических карт, в том числе секретных. По подозрению в краже 8 июня 1891 г. был арестован Флейкин. Он признался в хищении и выдал соучастников. Арестованные на допросах показали, что организатором хищения является Слезкин, организовавший при штабе продажу карт всем желающим. Он и Флейкин были должны Мешковскому деньги и

выполняли его заказы на те или иные документы. Австриец же утверждал, что его оговорили, а он знаком с вышеназванными товарищами только на почве совместной торговли лотерейными билетами.

Следствие доказало вину Слезкина и Флейкина в краже служебных топографических материалов для передачи их неприятелю с целью наживы. Все трое были осуждены и высланы в отдаленные места Сибири.

Сметанин Геннадий Александрович, 1949 г. рождения, урож. г. Чистополь, бывш. полковник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба.

Происходит из многодетной семьи рабочего. Имеет высшее военное образование (Киевское общевойсковое командное училище). Окончил Военно-дипломатическую академию, владел португальским и французским языками. С 1982 г. работал в резидентуре ГРУ в Лиссабоне.

В 1983 г. вышел на американскую разведку, предложил свои услуги за миллион долларов. Американцы разъяснили ему, что сумма за его «услуги» явно завышена. Стороны сошлись на 350 тыс. долларов, которые ему были выданы под расписку. Получил в ЦРУ оперативный псевдоним Миллион. Систематически передавал американцам совершенно секретные сведения о работе резидентуры ГРУ и ее источниках информации.

В 1983 г. с его помощью ЦРУ завербовало его жену, работавшую техническим секретарем в советском посольстве и имевшую доступ к секретной документации.

В результате утечки из ЦРУ информации в 1985 г. были получены первые данные о связи С. с американцами. Он был взят военной контрразведкой в разработку.

Летом 1985 г. С. вместе с семьей выехал в Москву, а затем в Казань для посещения матери. Зафиксировал за собой слежку и принял решение перейти на нелегальное

положение. С. вместе с семьей исчез, однако принятыми мерами был обнаружен в вагоне поезда, следовавшего в Москву. С. и его жена были арестованы, при обыске в его личных вещах были обнаружены шпионские атрибуты: инструкция по связи, шифроблокнот, ампула с ядом. У жены были изъяты 44 бриллианта.

В 1986 г. С. и его жена предстали перед судом. Он был приговорен к расстрелу, а жена — к 5 годам лишения свободы.

Смирнов Андрей Павлович, 1895 г. рождения, офицер царской армии, имел звание капитана саперного батальона.

В 1920 г. был арестован ВЧК за участие в антисоветском заговоре. Находясь в тюрьме, был завербован чекистами.

Прошел специальное обучение, был зачислен в Разведывательное управление РККА.

Нелегально проник на территорию Финляндии, где легализовался как эмигрант.

В 1921 г. был назначен руководителем группы агентов. Лично работал с агентурой. Разоблачил недобросовестного закордонного агента Освальда, пытавшегося за соответствующее вознаграждение передать чертежи миноносцев и фотографии пороховых складов. При проверке эта информация оказалась сфальсифицированной. Учитывая, что услуги Освальда были уже оплачены, в Москве приняли решение наказать недобросовестного агента. Его напоили, доставили на советский пароход и отправили в Петроград, где он был расстрелян.

В 1922 г. С. назначили резидентом нелегальной разведки. Он участвовал в проверке резидентур в Эстонии, Швеции и Дании. При возвращении в Финляндию был арестован контрразведкой. На допросе вызвался сотрудничать с финнами, в полном объеме сообщил им информацию об

известных ему сотрудников Разведуправления и его кадровом составе.

Тем не менее финны приговорили его к 2 годам тюрьмы. В 1927 г. был освобожден. Уехал в Бразилию, где находились его родственники.

Смоленское оккупационное правительство 1812 г. — администрация, образованная французами из русских подданных при занятии ими Смоленска.

Его возглавлял мэр — титулярный советник Владимир Ярославцев, при нем состоял муниципальный комитет в составе коллежского асессора Узелкова, обер-форштмейстера майора Меца, коллежского регистратора Рагулина, трактирщика Чапея и учителя гимназии Ефремова, который занимал должность генерал-секретаря.

В подчинении С. о. п. находились полицейские комиссары и мелкие чиновники (переводчики и т. п.). Известны их фамилии: коллежский советник Щербачев, подполковник Сутковский, майор Артемьев, капитаны Телесин и Канатчиков, поручики Буганский, Щетенков, Краинский, Малечкин, губернский секретарь Строев, отставной титулярный советник Д. Краевский, коллежские регистраторы: Жиркевич, Дроздовский, прапорщик Калпинский, неизвестные чины: Возненков, Абатуров и др. Кроме того, в Смоленской губернии зафиксированы случаи сотрудничества с оккупантами представителей православного духовенства — протоиерея Поликарпа Зверева, священников Никифора Муциревича, Якова Соколова и Ширяева. Последний, помимо сбора для французов провианта, произносил речи с призывами покориться врагу.

Обязанности С. о. п. заключались в следующем: проведение в жизнь указов французского командования по вопросам местного управления и отношений с населением, заготовка продовольствия и всего необходимого для

французской армии, организация поборов в ее пользу с крестьян, решение проблем текущей городской жизни.

Среди особо отличившихся в сотрудничестве с неприятелем выделяется майор Мец, который сделал по заказу французского командования экспликацию плана г. Смоленска, делал выговоры членам С. о. п. за их нерадивую службу у французов, конфисковывал продовольствие из купеческих лавок и перепродавал французам с выгодой для себя. При наступлении русских бежал с врагом, но был пойман и сослан.

Деятельность С. о. п. расследовала та же Особая комиссия Правительствующего Сената под началом тайных советников и сенаторов К. Модераха и А.Я. Болотникова, которая сначала работала в Москве, а затем приехала в Смоленск. Всего по подозрению в сотрудничестве с оккупантами в Смоленске после изгнания Наполеона был арестован 41 человек. Они подверглись разным степеням административных наказаний, священники были Святейшим Синодом отлучены от приходов.

Смысловский (он же — фон Решенау, он же — Хольмстон) Борис Алексеевич, 1897 г. рождения, урож. г. Терриоки (Финляндия).

Выходец из семьи военного. Окончил 1-й Московский императрицы Екатерины II кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Служил в артиллерийских частях. С конца 1915 г. в составе русских войск находится на фронтах Первой мировой войны. За участие в боях награжден несколькими орденами. Был контужен. В 1917 г. сдал экзамен в Николаевскую академию Генерального штаба (ускоренный курс).

С 1918 г. — в Добровольческой армии А.И. Деникина. Участник т. н. Второго Кубанского похода и десанта в Крым. В составе белой армии отступал от Таврии до Киева и до польской границы. Закончил Гражданскую войну в долж-

ности начальника разведывательного управления штаба 3-й русской армии в чине капитана. Эмигрировал. Проживал в Польше, принял польское гражданство. С 1928 г. в течение пяти лет обучался в Германии на высших разведывательных курсах. Установил обширные контакты среди высшего немецкого военного командования. По некоторым данным, именно в это время был завербован германскими спецслужбами, которые использовали его в сборе информации по Польше.

После захвата Польши Германией поступил в вермахт, служил в Генштабе, получил чин майора.

Перед нападением Германии на Советский Союз весной 1941 г. С. провел переговоры с ответственными сотрудниками немецкого Генштаба на предмет участия русской эмиграции в войне против СССР. Получил согласие на формирование русского разведывательного батальона.

После вступления немецких войск на территорию СССР на базе этого батальона при штабе группы армий «Север» под эгидой военной разведки (абвера) был создан т.н. «Зондерштаб-Р» (воинское формирование для ведения фронтовой разведки). Личный его состав состоял из белоэмигрантов и по численности составлял 12 батальонов. Руководил «Зондерштабом-Р» С.

В конце 1942 г. С. произведен немцами в подполковники и назначен инспектором всех русских разведывательных батальонов, подчинявшихся непосредственно штабу группы армий «Север». Вскоре деятельность С. распространяется на весь Восточный фронт. По инициативе абвера под руководством С. создается 1001-й гренадерский полк, в который влились «лучшие русские кадры». Главной задачей этого формирования являлось проведение агентурной и диверсионной работы в тылу Красной армии.

В начале 1943 г. полк преобразуется в дивизию особого назначения «Россия», которая вошла в состав регулярных

войск вермахта. Ее командиром назначен С., одновременно он повышен в звании до полковника.

Деятельность С. на этом посту и масштабы операций руководимого им шпионско-диверсионного формирования находят высокую оценку у командования вермахта и абвера. Так, С. удалось наладить связь в тылу Красной армии с различного рода антисоветскими группами и использовать их в своих целях. Наиболее тесные контакты поддерживались с польской Армией Крайовой, украинской УПА и отрядами атамана Т. Боровца («Тарас Бульба»).

Однако после разгрома фашистских войск под Сталинградом С., понимая неизбежность поражения Германии, предпринимает попытки контактов с западными союзниками.

Эти факты не ускользнули от внимания германских спецслужб. В конце 1943 г. С. был арестован гестапо, а его дивизия — расформирована. Кроме всего прочего, С. вменялись в вину отказ сотрудничать с власовским РОА, а также слишком тесные контакты с польскими и украинскими националистами.

В течение шести месяцев С. содержался в тюрьме. Следствие по его делу велось под контролем В. Вейтеля. Однако немцам не удалось собрать каких-либо доказательств, прямо свидетельствующих об «антинемецкой деятельности» С. Он был освобожден из-под ареста и вызван в ставку Верховного командования, где ему было объявлено о реабилитации и вручен орден Германского Орла.

С. вновь возглавил разведывательно-диверсионные операции против советских войск, его дивизия была вновь восстановлена. Личный состав этой дивизии по-прежнему являлся составной частью вермахта, однако имел российское знамя бело-сине-красного цветов.

Вместе с немецкими частями дивизия отступила в Польшу, а в январе 1945 г. — в Германию, где дислоциро-

валась последовательно в Бреслау, окрестностях Дрездена, Алауэне.

В начале февраля 1945 г. дивизия С. стала носить название «Русская армия». Ей был дан шифр «Зеленая армия особого назначения», а С. получил новый псевдоним — Хольмстон и командование этой армией. Вскоре С. был произведен немцами в генерал-майоры.

К этому времени гитлеровцы пытаются соединить в одну армию части, возглавляемые С., А. Власовым, А. фон Лямпе. Однако события на Восточном фронте не позволяют реализовать этот замысел.

В начале апреля 1945 г. части армии С. подвергались на марше интенсивной бомбардировке, в результате которой она понесла большие потери. С. отдал приказ остаткам частей двигаться к швейцарской границе. С громадным трудом отдельным группам удалось пересечь границу Лихтенштейна, куда добралось не более 500 человек.

После войны герцог Лихтенштейна Франц-Иосиф II отказался выдать советским властям С. и остатки его армии.

В г. Вадуце с С. встречался руководитель американской разведки А. Даллес. В результате этой встречи С. передал остатки своего аппарата и агентурную сеть в Советском Союзе начальнику немецкой разведслужбы в американской оккупационной зоне генералу Р. Гелену.

В качестве вознаграждения за эти «подарки» в 1947 г. С. было разрешено выехать в Аргентину, где он становится советником правительства по борьбе с терроризмом. Через некоторое время С. переезжает в США, а в 1966 г. возвращается в Европу.

Умер С. в 1988 г. на 91-м году жизни.

Сникин Дмитрий Николаевич, 1960 г. рождения, русский, бывш. офицер КГБ СССР.

Служил в военной контрразведке в звании капитана, являлся оперуполномоченным Особого отдела военно-транс-

портной авиадивизии, дислоцированной в окрестностях г. Иваново.

Ивановская военно-транспортная авиадивизия являлась объектом повышенного внимания со стороны западных, и особенно французских, спецслужб, поскольку использовалась советским командованием для переброски воинских частей, снаряжения и техники в т. н. «горячие точки» мира (Афганистан, Ангола и др.).

4 июня 1989 г. С. был направлен руководством Особого отдела для сопровождения транспортного самолета «АН» на авиасалон в Ле Бурже (Франция). При повторном посещении авиасалона С. исчез. Через несколько дней в ответ на запрос советских официальных лиц французские власти передали заявления С. о том, что он попросил во Франции политического убежища.

С. передал французам секретные сведения об авиадивизии, а также методах работы Особого отдела по контрразведывательному обеспечению этого стратегически важного объекта.

В 1991 г. после распада СССР и получения Белоруссией самостоятельности, С. появился в Минске, где проживали его родители. По имеющимся данным, уголовного преследования за содеянное избежал.

Соковнин Алексей Прокофьевич (казн. в 1697), окольничий.

Брат знаменитых раскольников Феодосии Морозовой и Евдокии Урусовой.

С 1659 г. — стольник, в 1658—1660 гг., 1671 г. и 1676 г. служил у царского стола. С 1682 г. — окольничий.

В 1697 г. был вовлечен в заговор против Петра I думным дворянином И.Е. Цыклером (см. соотв. ст.). Со своей стороны, предложил войти в число заговорщиков своему зятю стольнику Ф.М. Пушкину (см. соотв. ст.).

Целью С. и его сообщников являлось убийство царя и возведение на престол царевны Софьи. Убить царя Петра должны были стрельцы Василий Филипов, Федор Рогожин, а также казак Петр Лукьянов.

Вскоре, однако, заговорщики в результате доноса были арестованы. С. был подвергнут пытке и казнен.

Соколов Петр (отчество и дата рождения не установлены), офицер царской армии.

Увлекался футболом. Играл за команды «Удельная» и «Унитас», а также за сборные Петербурга и России. Чемпион России по футболу 1912 г., участник Олимпийских игр в Стокгольме. Товарищи по команде дали ему прозвище «Петя, плюнь», т.к. перед ударом по мячу он обычно сплевывал на землю. Отличался физической силой и выносливостью.

После октябрьских событий в Петрограде эмигрировал в Финляндию. Был завербован английской разведкой. Использовался как связник разведчика-нелегала П. Дюкса, который с ноября 1918 г. орудовал в Петрограде, где поддерживал контакты с подпольными белоэмигрантскими формированиями. Участвовал в подготовке очередного антибольшевистского переворота.

С. обеспечивал бесперебойную связь резидентуры английской разведки в Хельсинки с П. Дюксом, десятки раз пересекал границу по льду Финского залива. После провала П. Дюкса С. участвовал в нелегальном его переходе в Финляндию.

Дальнейшая судьба С. нам не известна.

Соликовский Василий Александрович, 1902 г. рождения, украинец.

В годы Гражданской войны служил сотником в армии Петлюры. Перед войной проживал в Краснодаре. Осенью 1941 г. при приближении немецких войск к городу скрыл-

ся, чтобы избежать призыва в Красную армию. Перешел на сторону немцев, вместе с ними вступил в Краснодон. Был вскоре назначен начальником полиции. Под его началом служили полицейскими уголовник Захаров, юристы Кулешов и Черенков, бывший кулак Свириденко, белоказаки Уваров, Тупалов и др.

С. по приказу немцев руководил операциями по выявлению и уничтожению подполья, участвовал в боевых действиях против партизан, а также в захватах и уничтожении советских диверсионных групп в тылу немецких войск. Лично пытал и казнил десятки партизан и подпольщиков.

Особую активность проявил в выявлении состава и арестах краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия», состоящей в основном из юношей и девушек 15—16-летнего возраста. Пытал и подвергал истязаниям наиболее активных ее членов. Участвовал в расстреле более 50 членов организации.

При отступлении из города германских войск С. удалось скрыться. Розыски его в годы войны и после ее окончания успеха не принесли. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Сорокин Назарий (?), унтер-офицер 15-й Новобржеской бригады.

В конце 1913 г. дезертировал и бежал в Австрию. Там он был завербован представителем разведки — специалистом по русским перебежчикам. Становится агентом-вербовщиком.

Среди «объектов» С. оказался некий Василий Шуваев, случайно перешедший границу и арестованный австрийцами. Он согласился на предложения С., получил задание и был отправлен в Россию. На родине он явился в контрразведку и рассказал о произошедшем с ним.

Шуваеву поручили заманить С. в Россию. В январе 1914 г. С. перешел границу и проник на территорию воинской час-

ти, чтобы вместе с Шуваевым похитить бумаги из штаба 2-го отдела бригады. Его арестовали. Он был осужден Ке-
лецким судом.

Стафиевский Анатолий Николаевич, 1896 г. рождения, украинец.

Родился на Волыни. После окончания кадетского корпуса и кавалерийского училища служил в гусарском полку, в составе которого принимал участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. Произведен в штабс-капитаны, награжден боевыми орденами. Во время Гражданской войны — в белой армии. После ее разгрома эмигрировал, проживал во Франции.

В 1942 г. с группой белоэмигрантов прибыл в оккупированный немцами Смоленск и поступил во власовский добровольческий батальон. Участвует в боях с Красной армией. В 1943 г. ранен в штыковой атаке. Отправлен в Голландию, где назначен комендантом крепости Фере. В 1944 г. получает новое ранение. После выздоровления назначен командиром полка т.н. Русской освободительной армии генерала А. Власова. Награжден Железным крестом. После капитуляции Германии избежал выдачи советским властям. Переехал на жительство в Австралию. Участвовал в работе эмигрантских монархических организаций.

Стулов Василий Алексеевич (он же — Семенов Василий Иванович), 1921 г. рождения.

Во время оккупации фашистами в 1941 г. г. Людиново Орловской области добровольно вступил в полицию. За активное участие в карательных операциях назначен начальником полиции в г. Бытош, где по его приказу были расстреляны 14 жителей города, подозреваемых в связи с партизанами.

После войны скрывался в Днепропетровске под именем Семенова Василия Ивановича. Работал плотником. Был разоблачен советскими органами госбезопасности. Предстал перед судом. Во время процесса родственники погибших в Бытоше пытались его убить до решения суда. Расстрелян.

Сумароков (он же — Карпов, Яшин, Павлуновский) Михаил Георгиевич, род. в 90-х гг. XIX в., бывш. сотрудник ВЧК—ОГПУ.

Окончил реальное училище. С юношеского возраста приобщился к революционной деятельности. Являлся членом партии эсеров в саратовской организации. Был арестован, предан суду и осужден на три года тюрьмы. С началом Первой мировой войны мобилизован в армию. После октябрьских событий 1917 г. под фамилией Яшин поступил на работу в ЧК Петрограда. В 1919 г. был направлен на Украину, где с 1920 по 1922 г. возглавлял закордонную работу Особого отдела украинской ЧК. Вскоре был направлен в Берлин по линии политической разведки.

Находясь за рубежом, вел разгульный образ жизни, предавался различным увеселениям, прикрываясь агентурной работой, тратил казенные деньги. Опасаясь обвинений в растрате, решил бежать. Заранее накопил большое количество секретных документов, а также незаполненных бланков различных советских организаций и Коминтерна. В августе 1924 г. бежал и сдался германским властям, выдав им важные документы. Получил от немецких спецслужб значительное денежное вознаграждение, которое вскоре растратил на увеселения. Оставшись без денег, вышел на контакт с известным белоэмигрантским контрразведчиком В.Г. Орловым. Тот предложил С. использовать похищенные им бланки для составления информационных фальшивок о подрывной деятельности за рубежом ВЧК—ОГПУ,

Наркомата иностранных дел и Коминтерна. Эти «сведения» передавались французским, английским и немецким спецслужбам за значительное вознаграждение.

Однако вскоре о деятельности С. и В.Г. Орлова стало известно советской разведке, которая через соответствующие каналы довела эти сведения до немецких властей.

С. и В.Г. Орлов были арестованы, обвинены в мошенничестве и приговорены к 4 месяцам тюрьмы каждый. На судебном процессе С. вел себя трусливо, пытался возложить всю вину на В.Г. Орлова.

Его дальнейшая судьба не установлена.

Сургуладзе Валериан Давыдович, 1922 г. рождения, по национальности грузин.

В 1941 г. добровольно поступил на службу к немцам. Был направлен в шпионско-диверсионную школу абвера, которую закончил весной 1942 г. Числился под номером 65 в списках гитлеровской разведгруппы «Цеппелин». Служил карателем в зондеркоманде СС 10-А, а затем в т. н. Кавказской роте СД, был назначен командиром взвода.

Лично участвовал в расстрелах членов семей партактива в станице Марьяновской на Кубани, в боях с партизанами, расстрелах мирных жителей Польши. В конце войны оказался в Италии, где под видом бежавшего советского военнопленного перешел к партизанам-гарибальдийцам. За два месяца до окончания войны оказался в рядах Красной армии. Вернулся в СССР, был разоблачен в 1963 г.

В 1964 г. по приговору советского суда расстрелян.

Сутупов Богдан Иоаким Иванович (уп. в конце XVI — начале XVII в.), дьяк.

Служил дьяком с 1575 г. Был послан Борисом Годуновым в Путивль с большой суммой денег, предназначенных для выдачи жалованья царским войскам. Изменил царю и

перешел на сторону Лжедмитрия I (см. соотв. ст.), за что был пожалован чином думного дьяка и печатника. Находился в ближайшем окружении самозванца, был послан им в Москву с тайной миссией убить детей Годунова и устранить патриарха Иова, фактического главу антипольской партии, что С. вместе с другими сторонниками Лжедмитрия I выполнил. Участвовал на первых ролях в официальной церемонии венчания самозванца с М. Мнишек.

После московского восстания и убийства самозванца С. перебегает в лагерь Лжедмитрия II, от которого получил чин окольничего. В 1610 г. возвращается в Москву, где сообщает боярам о смерти Лжедмитрия II. Постепенно отходит от участия в политических комбинациях. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Сухов Андрей Устинович, 1921 г. рождения, ветеринарный фельдшер, старший лейтенант Красной армии.

В начале войны попал в плен, принял предложение немцев служить в гитлеровских войсках. Был направлен в зондеркоманду СС 10-А, в составе которой участвовал в борьбе с партизанами и массовых уничтожениях мирных советских граждан. Был привлечен немцами к казни в «душегубках» нескольких десятков русских детей из детдома г. Ейска (т.н. «Ейская операция»).

В январе 1943 г. бежал от немцев. В Цимлянске был арестован советскими представителями. После следствия направлен в штрафной батальон, участвовал в боях, был ранен, восстановлен в офицерском звании, дошел до Берлина.

После войны работал в Ростове на бензоскладе и в воензированной охране.

Арестован в 1962 г. по делу бывших гитлеровских пособников, служивших в зондеркоманде СС 10-А. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в конце 1963 г.

Суховееенко (Суховей) Петр (Шамай), 1644 г. рождения, кошевой атаман.

Служил в войсках гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко, который, исповедуя идею «самостийности» Молороссии, лавировал между Россией, Польшей, Крымом и Турцией. Неопределенность политики П. Дорошенко вызывала недовольство его окружения, где лидером прокрымской партии являлся С.

В 1667 г. С. был направлен П. Дорошенко для дипломатических переговоров в Крым. Хан остался доволен украинским послом, лестно отзывался о нем в письме к атаману: «Вы бы и впредь присылали к нам таких же досужих людей, а прежде вы таких умных людей к нам не присылали».

Крымчане пообещали С. политическую и военную поддержку, если он объявит себя атаманом, и тот отправил П. Дорошенко послание, в котором назвал себя «гетманом ханова величества» и потребовал, чтобы его бывший начальник не смел более называть себя запорожским гетманом. На грамоте С. стояла ханская печать, сам он принял татарское имя Шамай.

Часть запорожских казаков поддержала С. и по его возвращении на родину перешла на его сторону. П. Дорошенко обратился к московским воеводам за военной помощью, однако царь запретил им вмешиваться в этот конфликт, памятуя о ненадежности и двурушничестве правобережного гетмана.

В это время С. соединился с войсками вновь провозглашенного поляками гетмана «западной стороны» Ханенко. К ним присоединился сын Богдана Хмельницкого Юрий, который два года назад отказался от гетманства и постригся в монахи. Несмотря на политическую изоляцию, П. Дорошенко удалось разбить объединенные войска С., Ханенко и Ю. Хмельницкого, причем последний был пленен и

отправлен к турецкому султану, который вел в это время военные действия против крымского ханства. С. и Ханенко бежали, и их политическое влияние на малороссийские дела значительно ослабло.

Сухомлинов Владимир Александрович, 1848 г. рождения, военный министр царского правительства.

Входил в так называемую германофильскую партию накануне и в период Первой мировой войны.

С 1870 г. являлся командующим войсками Киевского военного округа и одновременно — генерал-губернатором Киевской, Подольской и Волынской губерний.

В конце 1908 г. получил назначение в Санкт-Петербург на должность начальника Главного управления Генерального штаба, а через год — военного министра правительства.

С. имел обширные связи среди коммерсантов немецкого происхождения, которые разрабатывались русской контрразведкой как пособники потенциального противника и прямые агенты австрийской и немецкой разведок. В частности, среди его близких друзей был некто А. Альтшиллер, австрийский предприниматель. На одном из заседаний совета министров адмирал И.К. Григорович предупредил С. об опасности дружбы с австрийцем, серьезно заподозренным в шпионаже. С. на эти предупреждения никак не прореагировал.

Более того, круг компрометирующих его друзей расширился за счет подполковника жандармерии С.Н. Мясоедова (см. соотв. ст.), уволенного в отставку за злоупотребление служебным положением. На протяжении многих лет С. энергично протезировал С.Н. Мясоедова, добился от Николая II восстановления его на государственной службе, поручил ему слежку за офицерами вверенного ему министерства.

В русскую контрразведку начали поступать данные о серьезной утечке от С. информации о военных планах России. Более того, австрийской разведке стало известно о содержании конфиденциальных бесед С. с царем.

Один из знакомых С., посетивший его дом в Петербурге, буквально свидетельствует следующее: «Г-жа Сухомлинова больна, лежит в постели, но принимает. В ее спальне собралась обычная компания: Мясоедов и Альтшиллер. Тут же за столом сидит военный министр, просматривая лежащие перед ним деловые документы. Входит вестовой и докладывает военному министру, что его зовут к телефону. Министр выходит и оставляет бумаги на столе, а Альтшиллер, прохаживаясь по комнате, подходит к столу, осматривается, не видит ли кто, и пробегает открытую страницу, затем делает попытку перевернуть страницу, чтобы продолжить свое чтение. В это время к нему подходит один из присутствовавших офицеров, кладет руку на бумаги и говорит: "Извините, это бумаги военного министра". Альтшиллер отходит от стола и спокойно продолжает прогулку».

С. по просьбе А.О. Альтшиллера и С.Н. Мясоедова выступает покровителем ряда коммерсантов немецкого происхождения, подозреваемых в шпионаже в пользу Германии и Австрии. Благодаря его личному поручительству были освобождены арестованные контрразведкой брат того же Альтшиллера, Коннер, Шифлер, Кюрц и т.д.

После начала войны возглавляемое С. ведомство обнаружило полную несостоятельность. Военное министерство провалило подготовку к войне. Войска не были своевременно обеспечены винтовками, патронами и артиллерийскими снарядами. Запасов снаряжения хватило лишь на один месяц, а новые не поступали. Уже в октябре 1914 г. генерал И.Е. Забелин телеграфировал, что «положение с пушечными патронами на Юго-Западном фронте становится критическим». Генерал Н.Н. Янушкевич докладывал в ставку:

«Главный кошмар — нехватка патронов к пушкам. С уменьшением числа пушек и снарядов к ним стало выбывать из строя на 50—60% больше солдат и офицеров». С Кавказа также телеграфировали, что «недостаток патронов ставит армию в безвыходное положение».

В октябре того же года С. доложили о недостатке 870 тыс. винтовок, причем 585 тыс. винтовок не доставало для новобранцев призыва 1914 г. Генерал Брусилов впоследствии утверждал, что все неудачи 1914—1915 гг. были обусловлены главным образом недостатком боеприпасов.

Реакция С. на обвинения оппозиции была своеобразной: «Если верно, что снарядов у нас мало, то надо обороняться, а не наступать».

Поражения русской армии и беспомощность военного министерства в ее снабжении превратили С. в главный объект уничтожающей критики со стороны политических партий и прессы. Лейтмотивом статей в газетах и выступлений с трибуны Государственной думы являлась крылатая фраза: «Что это? Легкомыслие, глупость или измена?»

Положение С. особенно пошатнулось после ареста и судебного процесса над его близким другом Мясоедовым, по делу которого в качестве обвиняемых были привлечены к суду и другие знакомые военного министра (полковник Иванов, инженер Гошкевич, крупный делец Веллер).

Несмотря на симпатии к С., Николай II был вынужден летом 1915 г. учредить Верховную следственную комиссию «для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снаряжения». Затем последовала отставка министра.

В ходе следствия обнаружилось, что по директиве С. до войны было сокращено производство казенных оружейных заводов в 4 раза, а артиллерийских заводов — в 2 раза. Ежемесячно полностью невооруженными оставались

более 150 тыс. солдат. Были выявлены также факты разбазаривания военного бюджета. В частности, заказы на пулеметы были размещены за рубежом по цене 1750 руб. за 1 шт., в то время как русские заводы были готовы производить пулеметы того же качества по цене 1000 руб. за 1 шт. Было установлено, что коммерсанты Думбадзе, Веллер и др. благодаря протекции С. заработали на военных поставках миллионные состояния.

В апреле 1916 г. после долгих колебаний Николай II дал разрешение на арест С. Он был обвинен следствием в государственной измене, шпионаже, превышении власти, бездействии, мошенничестве.

Однако в ноябре Николай II после ознакомления с материалами следственного дела С. наложил на него следующую резолюцию: «Данных для обвинения не имеется, а по сему дело прекратить».

Однако после февральских событий 1917 г. по распоряжению Временного правительства С. был вновь арестован и осужден на вечную каторгу.

В 1918 г. был освобожден. Выехал через Финляндию в Германию, где и находился до смерти, последовавшей в 1926 г.

Т

Таврин (наст. фамилия — Шило) Петр Иванович, 1909 г. рождения, урож. села Бобрик Нежинского р-на Черниговской области Украинской ССР, русский, кандидат в члены ВКП(б) с 1942 г.

Т. — главное действующее лицо разработанной нацистскими спецслужбами операции по физическому устране-

нию И.В. Сталина. Эта операция, по мнению специалистов, является самой серьезной из всех попыток покушения на советского вождя.

Одним из первых авторов плана физического устранения И.В. Сталина был министр иностранных дел рейха Иоахим Риббентроп. Летом 1944 г. план был согласован в общих чертах с Адольфом Гитлером и Мартином Борманом. По мысли руководителей нацистской Германии, убийство И.В. Сталина лишит СССР самого выдающегося руководителя и вызовет «хаос в партии и народе». Риббентроп брался вызвать Сталина в нейтральную страну под предлогом проведения сепаратных переговоров, во время которых убить его из специального револьвера, замаскированного под авторучку. Риббентроп заявил Гитлеру о готовности «пожертвовать собой ради Германии». Шеф немецкого внешнеполитического ведомства поделился своим планом с руководителем разведки В. Шелленбергом, который дал понять нацистскому дипломату № 1, что его замысел по меньшей мере нереален. План Риббентропа более нигде не обсуждался.

Более профессионально к реализации этого замысла примерно в то же время отнесся рейсхфюрер СС Г. Гиммлер. По его указанию в спецлаборатории была изготовлена дистанционно управляемая мина, замаскированная под ком грязи. Взрыватель мины приводился в действие на расстоянии 10—11 км. Она могла быть заложена на маршруте следования машины И.В. Сталина либо в местах, где он периодически появлялся. В качестве исполнителей акции были подобраны два советских военнопленных, которые после тщательной подготовки были заброшены в советский тыл. Однако операция окончилась провалом: террористы явились к представителям советской власти в ближайшем населенном пункте и добровольно сдались. На допросах в НКВД подробно рассказали о полученном от

гитлеровцев задании. Впоследствии они были освобождены из-под ареста и получили правительственные награды.

Проживая в Саратове, Т. в 1932 г. был осужден за растрату, однако вскоре бежал из мест заключения. Затем он еще дважды попадал за решетку за аналогичные преступления, но каждый раз ему удавалось бежать.

В 1939 г., после очередного побега, Т. по фиктивным справкам удалось получить новые документы, по которым он был призван в Красную армию в августе 1941 г. Воевал на Калининском фронте, был командиром пулеметной роты. В мае 1942 г. был случайно опознан одним из военнослужащих, знавших его настоящую фамилию. Т. было приказано явиться в Особый отдел части, однако, почувствовав опасность, он перешел линию фронта и добровольно сдался немцам.

На допросе в гестапо заявил, что дезертировал из-за преследования советской власти, т.к. его отец якобы был полковником царской армии.

Вначале Т. содержали в лагере военнопленных на оккупированной территории, затем перевезли в Германию. Летом 1943 г. он был вызван на беседу с генералом власовской армии Г.Н. Жиленковым (см. соотв. ст.), с которым познакомился раньше в одном из немецких лагерей. Бывший член Военного совета 24-й армии теперь оказался одним из руководителей т.н. Русской освободительной армии (РОА) (см. соотв. ст.). Жиленков убедил Т. в необходимости сотрудничества с германскими властями.

Вскоре Т. был вызван к руководству лагеря. Ему предложили стать агентом немецкой разведки. Т. без колебаний принял это предложение и был перевезен в специальный лагерь в окрестностях г. Зандберна, в особую группу советских военнопленных, завербованных для ведения шпионской, террористической и диверсионной работы в тылу советских войск.

Вскоре Т. был доставлен в Берлин в штаб гестапо, где с ним беседовали подполковник СС Грейфе (начальник Восточного отдела СД) и Жиленков. Они предложили Т. участие в операции по уничтожению И.В. Сталина. Т. дал согласие, оценив это предложение как свидетельство доверия к нему немецкого командования. Его поселили в одном из берлинских отелей.

По предложению генерала РОА — бывшего секретаря одного из райкомов партии г. Москвы, был детально разработан план уничтожения советского вождя в Большом театре, где проводились торжественные собрания с участием руководителей государства. Было запланировано взорвать радиоуправляемую мину под правительственной ложей, а также намечены еще два варианта покушения: обстрел машины И.В. Сталина бронебойными снарядами на маршруте следования в Кремль, а на случай особой удачи — приблизиться к нему на дистанцию пистолетного выстрела и застрелить отравленными и разрывными пулями.

Все три варианта были одобрены СД и группой абвера «Цеппелин». Практическая подготовка Т. к этой акции продолжалась в Пскове и Риге.

По легенде, Т. должен был действовать в советском тылу как заместитель начальника контрразведки «СМЕРШ» 39-й армии, майор госбезопасности, Герой Советского Союза, кавалер пяти боевых орденов и двух медалей. Террорист был снабжен специально изготовленными номерами газет «Правда» и «Известия», где в списках награжденных Указом Президиума Верховного Совета СССР фигурировала фамилия Т. и были его фотографии.

Вместе с Т. в операции должна была участвовать некая Лидия Бобрик, вначале его «оперативная», а затем фактическая жена. Она была снабжена документами на имя младшего лейтенанта Шиловой, секретаря Особого отдела дивизии.

Обоим выдали командировочные удостоверения, в которых было указано, что они следуют в Москву в Главное управление контрразведки «СМЕРШ» Наркомата обороны СССР.

Пробравшись в Москву, Т. должен был легализоваться уже по другим документам, выдав себя за инвалида войны. С этой целью в рижском военном госпитале под наркозом Т. была сделана пластическая операция, в результате которой на его теле появились три «зарубцевавшиеся раны».

Для Т. и его компаньонки в спецлаборатории была изготовлена короткоствольная безоткатная пушка, крепившаяся с помощью кожаного манжета на правой руке. Это оружие можно было спрятать в рукаве пальто. Пушка стреляла реактивным бронебойно-зажигательным снарядом 30-мм калибра, способным пробить 45-миллиметровую броню на расстоянии 300 метров. В комплект входило 9 такого рода снарядов.

Для заброски террористов на советскую территорию специально подготовили четырехмоторный самолет с 20-колесным шасси и каучуковыми гусеницами, что обеспечивало приземление в самых неблагоприятных условиях, даже на пахотном поле. Для передвижения шпионов был транспортирован мотоцикл советского производства с коляской. Посадку самолета должна была подготовить заранее заброшенная в советский тыл специальная группа.

Последний инструктаж Т. провел любимец Гитлера, известный террорист и диверсант Отто Скорцени, который встречался с ним не менее трех раз. Им был окончательно одобрен план операции и кандидатуры исполнителей.

5 сентября 1944 г. Т. и его напарница были заброшены в район деревень Завражье и Яковлево Смоленской области. Первоначальный план приземления в районе Ржева был сорван советскими средствами ПВО, которые в районе Можайска обстреляли немецкий самолет и принудили

его отклониться от заданного маршрута в сторону Смоленска.

Террористы и их руководители не могли предполагать, что районы возможной высадки оцеплены подразделениями «СМЕРШ», поскольку группа подготовки приземления самолета была давно арестована и под контролем советской контрразведки вела радиоигру с немцами, в результате чего были установлены дата и район посадки самолета с диверсантами. После обстрела самолета дислокация группы захвата была изменена, а также перекрыты все дороги в Москву.

Первая же встреча с сотрудником «СМЕРШ» для террористов стала последней. В районе поселка Карманова их остановил переодетый под милиционера ст. лейтенант Ветров, который проверил их документы. Хотя документы не вызвали у Ветрова подозрений, но узнав от Т., что они следуют из района Ржева, он обратил внимание на сухую одежду «сотрудников особого отдела», хотя, по заявлению Т., они были в пути 6 часов, а всю ночь и день шел дождь. Под предлогом необходимости сделать в документах соответствующие отметки, что не вызвало у террористов подозрений, Ветров препроводил их в комендатуру. Пока Т. и его спутница оформляли документы, Ветров осмотрел их мотоцикл и обнаружил там семь пистолетов, портативную рацию, безоткатную пушку, дистанционно управляемую магнитную мину, чистые бланки документов и различного рода штампы. Т. и его спутница были задержаны и вскоре препровождены в Москву, где сразу признались в принадлежности к немецкой разведке и подробно рассказали о целях заброски на советскую территорию, а также сообщили другую ценную информацию о диверсионных планах фашистской разведки. С их участием советская контрразведка вела радиоигру с немцами. В 1952 г. Т. и его жену

осудили к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение.

Тарасов Аркадий Иванович, военнослужащий 15-го уланского Татарского полка.

В 1914 г. дезертировал из части, бежал в Германию и был завербован немецкой разведкой. Т. был арестован 10 июля 1914 г. на пограничном пункте станции Млава. У него были отобраны документы на имя прусского подданного Эриха Мюллера, револьвер системы «Браунинг», инструкции на немецком языке с перечнем документов, которые ему следует достать, а также уже похищенное агентом секретное «Расписание призыва новобранцев 1913 г.».

Татев Борис Петрович (уб. в 1606), князь, боярин.

Потомок стародумских Рюриковичей. В 1591 г. назначен воеводой в Мценск, а с 1603 г. — воевода в Цареве-Борисове. Ненавидел Бориса Годунова, полагая, что из-за «худородности» он не может управлять государством, тем более занимать русский престол. Однако в отличие от своего двоюродного брата — И.А. Татева (см. соотв. ст.) до поры открыто против Б. Годунова не выступал.

В 1605 г. был послан царем в Путивль распространять грамоты, разоблачающие самозванца, однако был взят в плен сторонниками последнего. Представ перед Лжедмитрием I, присягнул ему на верность как истинному царю. Получил от самозванца боярский чин. После низложения Лжедмитрия I не пострадал, был послан царем Василием Шуйским на юг для борьбы с отрядами И.И. Болотникова, поддерживавшего Лжедмитрия II. В бою с воеводой Болотникова князем А.А. Телятевским на р. Пчельне Т. погиб.

Татев Иван Андреевич (уп. в конце XVII — нач. XVIII в.), князь.

Из стародумских Рюриковичей, брат Б.П. Татев (см. соотв. ст.). Непримируемый противник Бориса Годунова. В 1587 г. вместе с Шуйскими и др. родовитыми боярами составил заговор с целью добиться развода царя Федора Ивановича и Ирины, сестры Б. Годунова, страдавшей бесплодием. Основное острие заговора было направлено против Б. Годунова, которого считали слишком «худородным», чтобы управлять государством. Заговорщики, однако, были разоблачены и репрессированы, причем Т. был сослан в Астрахань. Однако уже с 1598 г. он возвращается на «государеву службу», до 1601 г. является воеводой на южной «украине». В 1603 г. направляется в Вязьму для поимки разбойников.

В 1604 г. послан воеводой в Чернигов. Изменил присяге и перешел на сторону Лжедмитрия I, хотя незадолго до этого распространял грамоты, где доказывал, что новоявленный «царевич Дмитрий» никто иной, как чудовский монах Григорий Отрепьев.

В 1606 г. упоминается в разрядах в чине свадьбы Лжедмитрия I. После низложения самозванца и его убийства Т. заметной роли в политической жизни уже не играл.

Татищев Леонид Леонидович (?), граф, проживал в Санкт-Петербурге, определенных занятий не имел.

В 1911 г. Т. обратился к английскому военному атташе подполковнику А.У. Ноксу с предложением продать ему «секретную», им же изобретенную, «мину для стрельбы по дирижаблям».

Информация об этом попала в русскую контрразведку, и к Т. был послан сотрудник, выдавший себя за комиссионера Александра Ивановича Реймана, якобы желающего купить мину для своих тайных заказчиков. «Рейман» установил, что граф живет на средства любовницы, Зинаиды Михайловны Федосьевой. Он гуляка, кутила и пьяница, по-

стоянно «стреляет» у знакомых по 20—50 копеек без отдачи. По словам псевдокомиссионера, «граф представляет собой личность, крайне опустившуюся и, если он еще не совсем пал на “дно”, то это только благодаря своей любовнице, которая его обувает, одевает и кормит. Он нигде не служит и если занимается «изобретениями», то эти изобретения не идут дальше того, чтобы надуть плохо знающих его окрестных мужичков, коим импонирует его графский титул».

Однако, помимо «окрестных мужичков», Т. удалось очаровать и Нокса. Иностранец успел опередить контрразведчика, купил «изобретение» и с большими предосторожностями вывез его в Лондон. Русские спецслужбы отнеслись к этому факту с безразличием, поскольку после ознакомления с «чертежами» нашли проект дутым. Т. был оставлен на свободе, но под наблюдением полиции.

Твердило (Твердослав) Иванович (уп. в 1240), посадник г. Пскова.

В 1240 г. войска Тевтонского ордена и датские рыцари из г. Ревеля при поддержке псковского князя Ярослава Владимировича взяли Изборск — пограничную крепость в Псковской земле. Ополчение псковичей во главе с воеводой Гаврилой Гориславичем выступило против захватчиков, но было разбито. Воевода погиб, многие воины попали в плен. Рыцари сожгли посад и взяли в заложники детей «добрых муж».

Среди псковичей нашлись предатели — Т. «со товарищи». После переговоров с захватчиками они впустили их в город. После захвата города Т. возглавил администрацию оккупантов, принимал участие в их карательных акциях и погромах. Часть горожан была вынуждена бежать из Пскова в соседний Новгород.

В 1241 г. призванный новгородцами князь Александр Ярославич Невский начал вытеснять захватчиков из своих

земель. В 1241 г. он взял Копорье и при этом покарал предателей, сотрудничавших с врагами. Псков был освобожден только в 1242 г. Постигло ли возмездие Т. и его сторонников, выяснить не удалось.

Теплов (имя и отчество не установлены), 1861 г. рождения, генерал-майор царской армии, командир гвардейского Измайловского полка.

Масон «первого призыва». Вступил в русский филиал «Великого Востока» еще в декабре 1906 г.

В 1910 г. становится членом ложи «Малая Медведица», в которую военные не принимались. Исключение было сделано только для Т. При приеме в ложу настаивал на необходимости физического устранения Николая II и предлагал свои услуги в осуществлении цареубийства.

С 1916 г. Т. — активный член т. н. «Военной ложи», где он пользуется особым доверием А.И. Гучкова.

Под прикрытием этой организации реально сформировался антимонархический заговор, ставивший своей целью отречение Николая II в пользу царевича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Допускалось убийство царя (можно с достаточным основанием предположить, что особая роль в физическом устранении Николая II отводилась Т.).

Т. завербовал в ложу и привлек к участию в заговоре генерал-адъютанта М.В. Алексеева, сыгравшего в 1917 г. ведущую роль в отречении Николая II.

После Февральской революции Т. становится комиссаром Финляндского полка. С начала 20-х гг. находится в эмиграции, проживал в Париже, где возобновил членство в одной из масонских лож. Умер Т. не ранее 1925 г.

Тетерин Тимофей (Тимошка) (уп. во вт. пол XVI в.), стрелецкий голова.

Участник успешного похода русских войск на Астраханское ханство в 1556 г. Был отмечен царем за успешное руководство вверенных ему стрелецких отрядов.

В 1564 г. Т. попал в опалу и пострижен в монахи. Из монастыря бежал в Литву, откуда направил дерптскому наместнику русского царя письмо, в котором оправдывал свою измену.

Участвовал в походе польских войск под предводительством Стефана Батория на Русь, сражался со своими соотечественниками и единоверцами. В переписке того времени имя Т. фигурирует в одном ряду с именами наиболее известных изменников.

Умер в эмиграции.

Тетеря Павел Иванович (уп. в сер. XVIII в.), писарь при Богдане Хмельницком, гетман Правобережной Украине (1663—1665).

В 1657 г. был послан Б. Хмельницким с посольством в Москву. Ему было поручено заверить царя Алексея Михайловича в том, что Украина будет неукоснительно соблюдать условия объединения с Россией, принятые Переяславской радой в 1654 г.

Однако во время посольства умирает Б. Хмельницкий. На Украине разворачивается борьба за гетманство, в которой верх одержал И. Выговской. По возвращении на Украину Т. принял активное участие во внутривнутриполитических схватках на стороне И. Выговского. Он был посвящен в изменнические планы нового гетмана с намерением отделиться от России и вернуться в подданство польскому королю. Пользуясь полным доверием И. Выговского, вел тайные переговоры с польскими представителями. Сумел добиться их расположения, стал фактическим проводником польского влияния в Малороссии.

После потери гетманства И. Выговским был в окружении нового гетмана Юрия Хмельницкого, бесхарактерного и непостоянного человека. Имел на него влияние, по указанию поляков наблюдал за его поведением и не допускал контактов с представителями московского правительства. После отказа Ю. Хмельницкого в 1662 г. от гетманства и пострижения в монахи, Т. занял его место. Он продолжал рьяно служить польскому королю, склонял многих видных деятелей Малороссии и казаков порвать с русским царем и окончательно перейти в польское подданство.

После неудачной для поляков войны с московскими войсками в Малороссии в 1664—1665 гг. Т. проживал в основном в Польше, откуда продолжал активную антирусскую деятельность.

Тишинков Кудеяр (уп. в 1571), сын боярский из г. Белева.

Возглавлял группу перебежчиков к крымскому хану Девлет-Гирею в 1571 г. С ним были дети боярские: Окул Семенов из г. Белева; Ждан и Иван Васильевичи Юдинковы из Калуги; Федор Лихарев, по прозвищу Сотник, из г. Каширы; некий Русин из Серпухова и с ними «десять человек, их людей».

Весной 1571 г. на Россию с 40-тысячным войском двинулся крымский хан Девлет-Гирей. Русские войска под командованием боярина князя И.Д. Бельского перекрыли путь татарам, расположившись на берегу р. Оки. Девлет-Гирей не отважился на прорыв. Он планировал пройти через окрестности г. Волхова в густонаселенный район Козельска. Там не было крупных русских сил, их защищали лишь небольшие крепостные гарнизоны.

Однако планы хана изменили русские перебежчики. Сперва у Молочных Вод к нему привели изменника из г. Галича Башуя Сумарокова. Он утверждал, что «на Мос-

кве и во всех городех по два года была меженина¹ великая и мор великой и межениною де и мором воинские многие люди и чернь вымерли, а иных де многих людей государь казнил в своей опале, а государь де живет в слободе², а воинские де люди в немцах³. И против де тебя в собранье людей нет. И царю де говорил, чтобы хан шел прямо к Москве».

Хан не поверил Сумарокову, хотя его слова и произвели впечатление. В середине мая татары перешли русскую границу южнее города Волхова и сделали короткую остановку на Злынском поле (совр. с. Злынь Орловской области). Здесь к Девлет-Гирею прибежали новые изменники, Т. с товарищами. Они горячо убеждали крымцев идти прямо к Москве, уверяли, что путь открыт. Перебежчики сообщили, что «мором де и межениною служилые многие люди и чернь в городех, на посадах и в уездах вымерли, а иных де многих людей государь в своей опале побил». Видя, что хан колеблется, Т. кинулся к нему, схватил за узду коня и говорил: «Только де ты, пришед к Москве, ничего не учинишь, и ты де меня на кол посади у Москвы, стоять де против тебя некому». То, что изменник ручается собственной жизнью, наконец-то убедило Девлет-Гирея. Он развернул полки к Москве.

Татары стремительно прошли «козельские места», под г. Перемышлем форсировали р. Жиздру и по Свиной дороге двинулись в обход русских войск. Они зашли в тыл позициям армии Бельского, расположившейся у Серпухова. Этот путь врагам показали Т. с товарищами.

¹ Меженина — падение уровня воды в реках, приводящая к засухе (здесь и далее прим. автора).

² Имеется в виду Александровская слобода — резиденция опричников.

³ Т.е. основные силы русской армии находятся на фронтах Ливонской войны.

В результате маневра Девлет-Гирея столица оказалась практически беззащитной. Бельский был вынужден срочно отводить войска к стенам Москвы, но успел сделать это всего на день раньше татар, 23 мая. Возможно, из-за спешки он плохо сориентировался в ситуации и сделал грубую ошибку. Вместо того чтобы занять оборону на непосредственных подступах к городу, он ввел полки в Москву, под защиту крепостных стен. Крымцы не стали связывать себя штурмом и уличными боями. 24 мая они подожгли столицу.

За три часа страшного пожара «Москва згорела вся: город и в городе государев двор и все дворы, и посады за Москвою, и людей погорело великое множество, им же не бе числа». По свидетельствам современников, в огне погибло более 120 тысяч человек, в том числе почти вся русская армия и сам воевода Бельский. На обратном пути Девлет-Гирей прошел погромом через каширские и рязанские места, захватив полон в 60 тысяч человек. Таких масштабов разорения Русь не знала со времен монголо-татарского ига.

С Т. Иван Грозный расправиться не смог. Тот скрылся в Крыму. Царь же использовал эту реальную измену для возведения ложных обвинений в сотрудничестве с врагом на опальных боярина И.Ф. Мстиславского, кравчего Ф.И. Салтыкова и др.

Толкачев Адольф Георгиевич, 1927 г. рождения, урож. г. Актюбинска, сотрудник Научно-исследовательского института радиопромышленности.

Имел доступ к совершенно секретной информации военного характера, являлся одним из разработчиков самолета-невидимки.

Встал на путь предательства из материальных соображений.

В 1983 г. Т. оставил записку под стеклоочистителем автомашины сотрудника посольства США в Москве с предложением передать американцам совершенно секретную информацию, которая в состоянии «изменить соотношение сил». Записка попала в московскую резидентуру ЦРУ, которая немедленно потребовала от Центра соответствующих инструкций. Поскольку незадолго до этого по указанию из Вашингтона были приостановлены все агентурные акции в СССР из-за ряда провалов, Центр запретил московской резидентуре каким-то образом реагировать на предложение Т.

Опасаясь провокаций со стороны советской контрразведки, ЦРУ не отреагировало также еще на две попытки Т. установить с ним контакт.

Только на четвертый раз Т. добился результата. Сотрудник ЦРУ по номеру телефона, оставленного Т. в записке, позвонил и указал место тайника в будке телефона-автомата недалеко от НИИ радиопромышленности. Т. изъяс из тайника пакет, в котором содержался перечень интересующих американцев вопросов о советских радарх, инструкции о дальнейших условиях связи и деньги.

Примерно через неделю Т. заложил в указанный ЦРУ тайник с интересующей американцев информацией, характер которой окончательно убедил американцев в ее подлинности и «искренности» вновь обретенного агента.

На личной встрече сотрудник ЦРУ подробно проинструктировал Т. о способах дальнейшей конспиративной связи (в основном тайники).

За время сотрудничества с американцами Т. передал им информацию об электронных системах управления советской истребительной авиацией, о комплексе технических контрмер против фиксации советских самолетов американскими ПВО, советской технологии «Стелс».

В июне 1985 г. Т. был арестован, в 1986 г. по приговору суда расстрелян. Разоблачение шпиона произошло благо-

даря информации, полученной КГБ от своего агента в советском отделе ЦРУ.

По мнению специалистов, ущерб, причиненный шпионской деятельностью Т. советскому ВПК, огромен и не может измеряться по каким-либо критериям.

Торгоша Иван (уп. во второй пол. XV в.), псковский житель.

В 1469 г. войска Ливонского ордена в нарушение имевшегося договора вторглись в Псковские земли. Вторжение сопровождалось убийствами и грабежами. Как выяснилось позднее, немецкие войска действовали в соответствии со сведениями, доставленными им «переветниками» (изменниками) Т. и Иваном Подкурским. Тот и другой были у псковичей вне подозрений, тем более, что Т. сам привез в город весть о нападении немцев, получив за это денежное вознаграждение. Об их измене в Пскове узнали только через полтора года после вторжения, окончившегося, впрочем, для немцев полной неудачей. Выяснилось, что Т. и Подкурский, проживая на границе, долгое время снабжали Орден информацией о внутреннем положении в Псковской земле и о военных приготовлениях в городе.

Т. и И. Подкурский за измену были казнены.

Торчин (уп. в 1015), повар муромского князя Глеба Владимировича.

Во время второй междоусобицы, вспыхнувшей в 1015 г. между детьми Владимира после его смерти, киевский князь Святополк (позже прозванный Окаянным) решил убить своих братьев. Муромский князь Глеб был обманом вызван в Киев. Ему сообщили, будто его отец при смерти и хочет его видеть. На р. Седыни, под Смоленском, 5 сентября 1015 г. Глеб получил известие об убийстве Святополком его брата Бориса.

Пока растерявшийся и пораженный горем Глеб приходил в себя, его настигли посланные Святополком наемники. Дружинники князя пали духом («уныша», по выражению летописца) и сопротивления не оказали. После того как наемник Горясер приказал им зарезать своего господина, повар Т. вынул свой нож и «зарезал Глеба, как непорочного ягненка». Убитого князя бросили на берегу между двумя колодами, а позже увезли и положили рядом с братом Борисом в церкви Св. Василия в Вышгороде.

В 1019 г. брат убитых князей Ярослав, мстя за их убийство, разбил войско Святополка и сел княжить в Киеве. Он вошел в историю под именем Ярослава Мудрого (1019—1054). Борис и Глеб за мученическую смерть были причислены к лику Святых.

Трегубов Юрий Андреевич, 1913 г. рождения, урож. С.-Петербурга.

В 1926 г. вместе с матерью эмигрировал из Советской России. Проживал в Берлине, где обучался в русско-немецкой гимназии. После нападения Германии на СССР добровольно вызвался сотрудничать с немцами. Вел пропагандистскую работу в лагерях для военнопленных. В 1944 г. вступил в т.н. Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова, являлся начальником канцелярии ближайшего сподвижника последнего генерала Ф.А. Трухина. Имел звание поручика РОА. После капитуляции Германии содержался в лагере для немецких военнопленных в Чехословакии. Был освобожден, проживал в Западном Берлине. В 1947 г. похищен советскими спецслужбами и конвоирован в Москву. В 1950 г. приговорен к смертной казни, которая была заменена 15 годами лагерей. Работал на шахтах в Воркуте и Тотьме. В октябре 1955 г. освобожден, т.к. сумел доказать, что в свое время получил германское гражданство. В том же году вернулся в Германию.

Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (ум. в 1625), князь, боярин.

Происходил из рода Гедиминовичей. В 1608 г. был пожалован в стольники. Непримируемый враг царя Василия Шуйского. Нарушив присягу, изменил царю и перебежал в лагерь Лжедмитрия II в Тушино. Получил от него боярский титул, возглавил Боярскую думу при самозванце.

Во время польской интервенции Т. решил искупить свою вину. В 1611 г. вместе с казаками, ранее служившими «тушинскому вору», он вступает в первое ополчение. Возглавляемые им и И.М. Заруцким (см. соотв. ст.) войска дислоцировались под Москвой. Здесь он вступил в переговоры с руководителем второго ополчения князем Дм. Пожарским, достиг с ним соглашения о совместной борьбе с поляками. Однако пытался оттеснить Дм. Пожарского на вторые роли, отказавшись ездить к нему на военные советы по причине более знатного происхождения (в интересах общего дела князь Дм. Пожарский уступил Т. и ездил к нему в лагерь).

В самый разгар боевых действий под Москвой, когда войска Дм. Пожарского попали в трудное положение, Т. не захотел отдать приказ своим казакам о наступлении, надеясь на поражение второго ополчения. Однако казаки, не дожидаясь приказа и вопреки желанию Т., сами вступили в бой, заявив своему воеводе: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!» Приход на помощь свежих сил позволил Дм. Пожарскому нанести полякам сокрушительное поражение.

После изгнания интервентов Т. до созыва Земского собора осуществлял управление государством. На Соборе 1613 г. рассматривался как один из кандидатов на престол.

В том же году был направлен в Новгород во главе русского войска для борьбы со шведами. Был окружен под Бронницами, пробился из окружения с боем.

В 1625 г. послан воеводой в Тобольск, где и умер.

Трубецкой Никита Романович (ум. в 1608), князь, боярин.

Происходил из рода Гедиминовичей; дядя Д.Т. Трубецкого (см. соотв. ст.).

Начал военную службу при Иване Грозном. В 1571 г. значится рындой царя в походе на Литву. В 1602 г. назначается воеводой в Смоленск. Возглавлял царские войска, направленные на борьбу с отрядами Лжедмитрия I, участвовал в обороне Новгорода-Северского.

В 1605 г. изменяет присяге и переходит на сторону самозванца, становится одним из его приближенных. После низложения и убийства Лжедмитрия I выступает за избрание на царство Василия Шуйского. Вскоре отходит от политической борьбы. Перед смертью постригся в монахи с именем Иоанн.

Трухин Федор Иванович, 1899 г. рождения, бывш. генерал-майор Красной армии.

Из дворян. Обучался в Петербургском университете, добровольцем ушел в царскую армию, участвовал в сражениях Первой мировой войны. После революционных событий 1917 г. вступил в Красную армию, провел на фронте всю Гражданскую войну. После разгрома Белого движения и провала иностранной интервенции остался на военной службе. Как кадровый военный быстро продвигался по службе. В 1928 г. занимает должность начальника штаба Саратовского пехотного корпуса. Начальством характеризовался только положительно. В конце 30-х гг. начал преподавать в Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Война застала Т. в должности начальника оперативного отдела штаба Балтийского особого военного округа — Северо-Западного фронта. Летом 1941 г. был ранен и взят в плен. Провел некоторое время в лагере для военнопленных в Хаммельбурге, в 1942 г. переведен в Вустрау. На

допросах привлек внимание немцев критическими высказываниями в адрес Советского Союза и Красной армии. После соответствующей обработки добровольно согласился сотрудничать с гитлеровцами.

В начале 1943 г. немцы организовали встречу Т. с генералом А.А. Власовым (см. соотв. ст.). По предложению последнего, возглавил школу т.н. Русской освободительной армии (РОА — см. соотв. ст.) в Дабендорфе. С этого момента фактически становится вторым лицом во власовском движении. На него были возложены функции формирования и обучения подразделений РОА. В 1944 г. он назначается начальником штаба вооруженных сил т.н. Комитета освобождения народов России (КОНР — см. соотв. ст.), созданного по инициативе и поддержке германских спецслужб и лично Г. Гиммлера. Принимал личное участие в боях с Красной армией.

В начале мая 1945 г. находился во 2-й дивизии РОА, ведшей боевые действия на Западе. Вошел в контакт с американцами, пытался договориться с ними об условиях сдачи дивизии в плен и использовании ее впоследствии «для вооруженной борьбы с Советами». При переходе через чехословацкую территорию был захвачен местными партизанами и передан советским властям.

Т. этапировали в Москву, где он был предан суду. В 1946 г. по приговору Военного трибунала повешен.

Трушнович Александр Рудольфович, 1893 г. рождения, урож. г. Постойна (Словения, входила в состав Австро-Венгрии).

Т. родился и рос в семье железнодорожного служащего. После окончания гимназии уезжает в Италию (Флоренцию), а затем в Инсбрук и Вену, где получает высшее медицинское образование. В августе 1914 г. был мобилизован в австрийскую армию. Направлен в военное училище, из ко-

торого выходит в чине поручика. Участвует в боевых действиях на русском фронте. В июне 1915 г. переходит на сторону русской армии, считая, что «как славянин не может воевать с Россией». Был направлен в Тамбовскую губернию в лагерь военнопленных для проверки. В конце 1915 г. в результате прошения Т. на имя русского царя, он был принят в Первую Сербскую добровольческую дивизию, в составе которой участвовал в боевых действиях. Был ранен. Награжден высшим сербским орденом и русским орденом Св. Анны 3-й степени.

После Февральской революции служит в Корниловском полку. Вместе с ним уходит на Дон, по поручению Л.Г. Корнилова ведет переговоры с командованием чехословацкого корпуса о его объединении с Добровольческой армией. Принимает участие в боях с красными частями, получает тяжелое ранение. В 1919 г. вместе с семьей выезжает в Италию. Осенью того же года возвращается в Добровольческую армию. В марте 1920 г. близ Екатеринодара попал в плен и был мобилизован в Красную армию. Его дважды арестовывает ЧК, но оба раза освобождается. Он безуспешно пытается бежать к белым, однако неудачно.

Ему удастся достать фальшивые документы, благодаря которым он оседает в Краснодаре. Поступает на 3-й курс медицинского института, после окончания которого был распределен в сельскую больницу, где работает до 1931 г. В 1933 г. ему удается уехать в Югославию. Он продолжает медицинскую практику в селе Морович. После оккупации Югославии немцами вступает в НТС (Народно-трудовой союз), а в 1944 г. при приближении советских войск к Белграду уезжает в Германию, где добровольцем поступает во власовскую Русскую освободительную армию (РОА). Занимает должность помощника начальника санитарной части.

В апреле 1945 г. по личному указанию генерала Власова ведет переговоры с югославскими антикоммунистическими формированиями о возможном уходе РОА в горы. Во время выполнения задания попадает в плен к французам, в лагере военнопленных работает врачом. Вскоре был освобожден, проживал в Германии, возобновил связь с НТС, был избран в его руководство. Вел активную антисоветскую работу. В 1954 г. был похищен советскими спецслужбами и перевезен в советский сектор Берлина. Дальнейшая судьба Т. неизвестна.

Тукальский Иосиф (уп. в сер. — втор. пол. XVII в.), митрополит Киевский.

Активный участник внутриполитической борьбы в Малороссии, сторонник гетмана Западной части Украины П.Д. Дорошенко (см. соотв. ст.), ставленника турецкого султана и крымского хана. Поставлен митрополитом Киевским в 1664 г. при помощи П.Д. Дорошенко, стремился подчинить себе православные приходы в Восточной Украине. Принял участие в антипольском заговоре вместе с гетманом Восточной Украины И.Е. Выговским, до этого изменившим русскому царю и присягнувшему польскому королю, однако этот заговор был поляками раскрыт. И.Е. Выговского расстреляли, а Т. был заключен в тюрьму.

После освобождения Т. вновь сближается с П.Д. Дорошенко и по его поручению вступает в тайные сношения с новым гетманом Восточной Украины И.М. Брюховецким, уговаривает его изменить московскому правительству и объединиться с П.Д. Дорошенко. Последний с помощью Т. организовал убийство И.М. Брюховецкого и провозгласил себя гетманом всей Украины.

Т. неоднократно вступал в тайные переговоры с Москвой, обещал поддержку в обмен на признание его киевским митрополитом, однако успеха не добился.

Убедившись в невозможности достижения своих целей с помощью Москвы, активизировал антирусскую деятельность. На этот раз он установил контакт с вновь избранным гетманом Восточной Малороссии Д.И. Многогрешным. Под влиянием Т. гетман решил изменить Москве и принять подданство турецкому султану, однако своевременно был арестован московскими воеводами и доставлен в Москву.

В 1674 г. после ряда военных неудач Т. вместе с Дорошенко обратился к московскому правительству с предложением перейти на сторону русского царя при условии сохранения «казачьих вольностей», провозглашения Дорошенко гетманом всей Украины и распространения юрисдикции киевского митрополита на Восточную часть Малороссии. Эти условия были отвергнуты.

В том же году русские войска с отрядами Н. Самойловича осадили резиденцию Дорошенко и Т. в г. Чигирин, который подвергся артиллерийскому обстрелу. Дом Т. был полностью разрушен, он и Дорошенко готовились к бегству в Крым. По свидетельству современников, Т. «заболел от страха» и вскоре ослеп.

В 1678 г. он умер. По некоторым источникам, перед смертью Т. уговорил Дорошенко порвать с турками, присягнуть русскому царю и верно ему служить.

Туркул Антон Васильевич (1892—1957), генерал-майор белой армии.

Участник Первой мировой войны, которую начал вольноопределяющимся. Был награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами, произведен в офицеры. В конце войны — штабс-капитан.

С 1918 г. — в дивизии белого генерала М.Г. Дроздовского. Был назначен фельдфебелем офицерской роты, но

затем сделал блестящую карьеру благодаря личной храбрости. В 1919 г. — он уже командир полка той же дивизии. Воевал в составе Добровольческой армии Деникина, а затем — Вооруженных сил Юга России барона Врангеля. Произведен последним в генерал-майоры и назначен командиром Дроздовской дивизии.

После эвакуации из Крыма возглавляет сводный Дроздовский полк.

В 1936 г., будучи в эмиграции, Т. создал т. н. Русский национальный союз участников войны (РНСУВ), девизом которого стал лозунг: «Бог — Нация — Социальная справедливость». В то же время в публичных выступлениях Т. неоднократно заявлял: «Наш идеал — фашистская монархия».

Пропагандистские печатные органы РНСУВ с благословения Т. развернули кампанию за оккупацию немецко-фашистскими войсками территории СССР с последующим его расчленением. Эти же органы вели ожесточенную полемику с генералом А.И. Деникиным, отказавшимся сотрудничать с нацистским режимом, называя его врагом не только СССР, но и России.

Руководство РНСУВ резко критиковало Русский общевоинский союз (РОВС) за «пассивность и разложение».

В апреле 1938 г. Т. вместе с рядом других деятелей белой эмиграции был выслан из Франции по решению правительства Леона Блюма за откровенные профашистские настроения.

В годы Второй мировой войны Т. активно сотрудничал с генералом А.А. Власовым. Создал и возглавил бригаду из казаков-эмигрантов, которая влилась в т. н. Русскую освободительную армию и участвовала в борьбе против СССР и его союзников. После поражения Германии избежал выдачи советским властям. Умер в Мюнхене.

Улеб, Иван Войтишич, Лазарь Саковский, Василий Полочанин, Мирослав, внук Хилич (уп. в 1146—1147), тысяцкие и воеводы киевского ополчения. С их именами связаны сложные события уобицы 1146—1147 гг. в Киевской земле.

В 1146 г. умер киевский князь Всеволод Ольгович. Он передал престол своим братьям Игорю (?—1147) и Святославу (?—1164). Боярская верхушка и население присягнуло им на кресте. Однако вскоре киевская община решила свергнуть Игоря и пригласить на княжение Изяслава Мстиславича Переславского (?—1154). К нему была прислана делегация, которая красноречиво заявила, что не хочет видеть Ольговичей на престоле, ибо не желают «быти аки в заднице». Изяслава поддержали «черные клобуки» (торки) и южнорусские города (Белгород, Васильев и др.).

Игорь и Святослав послали за помощью к Владимиру и Изяславу Давыдовичам (?—1162) Черниговским, напомнив, что по крестоцелованию они обязались быть их союзниками. Последние потребовали за услуги «много волостей». Игорь и Святослав были вынуждены удовлетворить их просьбу, и черниговские князья вышли им на помощь.

Киевские тысяцкие У. и И.В. посовещались с киевлянами и решили изменить Игорю, хотя давали на кресте клятву верности. Они послали известие об этом Изяславу Мстиславичу, еще раз позвав его на престол и заодно сообщив, что Владимир и Изяслав Давыдовичи Черниговские идут на помощь Игорю.

Полки Игоря и Святослава вышли для битвы к Шелвову бору у Надова озера. Воеводы У., И.В., Л.С., В.П., М.Х. сговорились с киевлянами изменить Ольговичам в ходе битвы. В начале сражения, получив команду разъехаться

по полкам, У. и И.В. опустили стяги Игоря и поскакали к Жидовским воротам, тем самым демонстрируя, что их полки биться не будут. В последовавшей схватке Ольговичи были разбиты и пленены. Изяслав сел на киевский престол.

Однако в 1147 г. усобица получила продолжение. Черниговские Ольговичи — Владимир и Изяслав Давыдовичи — стали склонять Изяслава вступить в войну с суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким (?—1157). Изяслав долго колебался, тем более что в желании воевать с Мономаховичем он не получил поддержки киевской общины, отказавшейся выставить войско для такого похода. Войска Изяслава медленно двигались вперед. У., ставший его воеводой, прибыл в Чернигов и тут узнал, что Владимир Мстиславич (? — 1171), Изяслав Давыдович, Святослав Всеволодович (? — 1194) и Святослав Ольгович составили заговор против Изяслава и на том целовали крест, чтобы его погубить. Вовлечение киевского князя в войну против Мономаховичей оказалось «лестью». Изяслав отправил в Чернигов послов, те обличили князей-заговорщиков. Неохотно подтвердив факт заговора, князья заявили, что готовы отказаться от своих замыслов, но требуют выдачи плененного Игоря, который после поражения 1146 г. был посажен в тюрьму в Выдубицком монастыре и собирался принять схиму.

Изяслав послал в Киев к своему брату Владимиру посла, велел ему на вече объявить «лесть» черниговских князей. Киевляне выразили всеобщее возмущение и изъявили готовность все, «от мала до велика» идти на Чернигов и истребить сам корень измены. Вече также решило, что «хороший враг — мертвый враг»: раз Ольговичи требуют выдачи Игоря и называют это поводом к распре, то надо Игоря убить, чтобы его и не пытались освободить. Владимир пытался противиться такому решению веча, но тщетно.

19 сентября 1147 г. разъяренные киевляне схватили несчастного князя в церкви Св. Феодора, избили, раздели донага, затем убили и труп таскали по городу, привязав веревкой за ногу. Вступившего за Игоря Владимира избили. При этом киевляне заявили, что в смертоубийстве повинны не они, а Ольговичи, которые замыслили зло на их господина, киевского князя Изяслава, используя имя Игоря, и тем самым вынудили киевлян столь жестоко поступить. Вернувшийся в Киев Изяслав осудил убийство и оплакал жертву.

Унгерн-Штенберг Гаральд Евгеньевич (?), отставной подполковник 13-го лейб-гвардии гренадерского Эриванского полка, барон.

Передал иностранному агенту графу Спаниолли внесенный в Государственную думу проект секретного закона об увеличении набора контингента новобранцев на текущий год. Был уличен контрразведкой в шпионаже. Дело барона вызвало скандал, так как он был вхож в высшее общество. Его судебное дело было уничтожено пожаром 27—28 февраля 1917 г., во время Февральской революции, поэтому детали дела выяснить не удалось.

У. выслали в г. Нарым, однако вскоре ему разрешили поселиться в г. Томске. Дальнейшая его судьба не известна.

Урусов Петр Арсланович (уп. в нач. XVII в.), ногайский князь, стольник при дворе русского царя.

Потомок правителя Золотой Орды. До крещения носил имя Урак-Мурза. Принес присягу на верную службу русскому государю. Состоял в свойстве с Годуновыми и Шуйскими.

В 1607 г. был послан царем Василием Шуйским на борьбу с отрядами Лжедмитрия II. Участвовал в осаде Тулы, где находился самозванец, однако оставил войска и бежал в Крым. В 1608 г. У. оказывается в лагере Лжедмитрия II в Тушине, был пожалован им в бояре.

В 1610 г. на охоте убил самозванца за то, что последний приказал казнить касимовского царя Урус-Мурзу, являвшегося дедом У. После убийства бежал в Астрахань, где сотрудничал с новым самозванцем.

Дальнейшая судьба У. неясна.

Федоров Михаил (он же — Шестов Алексей), 1920 г. рождения, нелегал Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Министерства обороны СССР.

Работал на нелегальном положении в Швейцарии, имел мексиканский паспорт. Осел во Франции, где открыл фотомастерскую.

В 1957 г. в Париже установил контакт с американскими спецслужбами. Выдал им совершенно секретные сведения о деятельности ГРУ. Выразил желание остаться на Западе, однако представители ЦРУ уговорили его не спешить и «остаться на месте», где он принесет им больше пользы. Получил от американцев псевдоним Экьют.

Неоднократно контактировал с офицерами ЦРУ в Париже, Ницце, Берне, Женеве, Берлине. По его просьбе в 1958 г. ему была организована встреча с заместителем директора ЦРУ.

В 1958 г. вернулся по указанию из Центра в СССР. Больше на связь с американцами не выходил. По полученным им позже данным, в 1961 г. Ф. был на родине разоблачен и расстрелян.

Филатов Анатолий Николаевич, 1940 г. рождения, урож. г. Саратова, бывш. офицер Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба.

Выходец из крестьянской семьи. Окончил школу и техникум, работал в совхозе зоотехником. Был призван в армию, стал кадровым офицером. Направлен на учебу в Военно-дипломатическую академию, после окончания которой откомандирован в ГРУ.

Несколько лет проработал в Лаосе, а затем, в 1973 г., — в Алжире под прикрытием переводчика сопосольства.

Находясь в Алжире, попал в поле зрения ЦРУ. Ему была подставлена агент-женщина, которой удалось его соблазнить. Через некоторое время американцы сделали ему вербовочное предложение «в лоб», предъявив фотоснимки его близких отношений с новой знакомой.

Опасаясь неприятностей по работе, и особенно отзыва на родину, Ф. принял предложение американцев о сотрудничестве. Провел с ними около двадцати встреч. Выдал ЦРУ совершенно секретную информацию о спецоперациях ГРУ в Алжире и Франции, а также тактико-технические данные военной техники.

В 1976 г. Ф. вернулся в Москву, оснащенный всеми необходимыми атрибутами шпионажа: блокнотом с инструкциями, шифроблокнотом, копиркой для тайнописи, приемником для приема шифрограмм, карандашом для тайнописи, миниатюрным фотоаппаратом. Он был также снабжен значительной суммой денег.

В Москве Ф. работал в Центральном аппарате ГРУ. Продолжил передачу ЦРУ секретной информации через тайники и письма. К нему поступило около 20 радиосообщений от американских спецслужб.

В июне 1977 г. Ф. был арестован контрразведкой, у него были изъяты шпионские принадлежности.

При закладке очередного тайника для Ф. задержаны сотрудник американского посольства Крокет и его жена, которые по требованию советских властей были вынуждены покинуть СССР.

В середине 1978 г. Ф. приговорили к расстрелу, однако после подачи Ф. прошения о помиловании высшую меру наказания заменили 15 годами тюрьмы.

После освобождения предпринял попытку получить от американских властей компенсацию, но получил отказ.

Финкель Моисей Зусманович, 1937 г. рождения.

Бывший сотрудник Научно-исследовательского института военно-морского флота. Арестован в 1994 г. как агент иностранной разведки.

Осужден, приговорен к лишению свободы.

Фрайде Александр Григорьевич, 1873 г. рождения, бывш. офицер царской армии.

Полковник конной артиллерии. После революционных событий 1917 г. добровольно вызвался служить у большевиков в качестве военного специалиста. Был взят на службу в военное ведомство, занимался вопросами снабжения Красной армии.

В начале 1918 г. был завербован резидентом американской разведки К.Д. Клатиано. Передавал ему за деньги важную информацию военно-политического характера. Встречался с известным английским разведчиком С. Рейли, которому также оказывал различного рода услуги.

В августе того же года был арестован ВЧК и предан суду. Был приговорен к смертной казни и вскоре расстрелян.

Фрайде Мария Григорьевна (ум. в 1989), без определенных занятий.

Младшая сестра А.Г. Фрайде (см. соотв. ст.). Была членом партии эсеров. Выступала за террористические методы борьбы с советской властью. Завербована активным участником т.н. «заговора послов» известным английским

разведчиком С. Рейли. Была с ним в интимной связи. Арестована в августе 1918 г. и приговорена к 5 годам заключения. Отбыв срок в 1923 г., проживала в Москве. Вышла замуж за бывшего белогвардейского офицера. В 1926 г. вновь арестована и приговорена к 6 годам лагерей. В 1935 г. опять подвергнута аресту и ссылке на 12 лет.

Вышла из заключения уже после Великой Отечественной войны. Проживала в коммунальной квартире на Арбате, занималась перепечаткой пьес для театра.

Умерла в 1989 г. в глубокой старости во время интервью.

Франк Р.А. (?), поручик 12-го Сибирского стрелкового полка, бывший полковой адъютант 7-го Финляндского полка.

В 1907 г. был завербован английской разведкой и передал кадровому разведчику Джону-Эрику Альдену секретный план обороны Выборга. Копию этого документа случайно обнаружили в 1912 г. во Владивостоке при аресте Альдена. Он указал на Ф. как на своего осведомителя. Поручик был арестован и предан суду.

В апреле 1914 г. Санкт-Петербургский военно-окружной суд осудил Ф. за шпионаж.

Хворостинин Иван Андреевич (уп. в первой пол. XVII в.), князь, окольничий.

Происходит из рода стародумских Рюриковичей, сын известного опричника. Состоял в родстве с Борисом Годуновым. Заметная фигура периода Смуты. Изменив присягу,

перешел на сторону Лжедмитрия I, был одним из самых приближенных к нему лиц. В 1606 г. на свадьбе самозванца «первым стоял у стола», на четвертый день свадебных торжеств ходил с ним в баню. Был пожалован Лжедмитрием I в окольничьи и кравчие. После свержения «царя Дмитрия Ивановича» и его убийства был арестован и сослан. В 1611 г. возвращен в Москву.

В 1613 г. участвует в войне с Литвой, в одном из сражений отказывается идти на помощь воеводе князю А. Хованскому из-за личной неприязни. В результате русские войска потерпели поражение и были вынуждены отступить. За этот поступок Х. был отстранен от командования.

В 1618 г. является воеводой в Переславле-Рязанском. В 1623 г. сослан в монастырь, обвинялся в хуле на православную веру и еретичестве. Около 1632 г. прощен по специальному царскому указу и возвращен в Москву. Находился под строгим надзором. После этого какой-либо серьезной роли в политической жизни Московии не играл. В целях самооправдания составил историю Смутного времени и трактат «Изложение на еретики-злохульники».

Хейханен Рейно, 1920 г. рождения, урож. д. Каскисаари Ленинградской области.

Окончил педагогический техникум, работал учителем.

В начале Советско-финской войны (1939) был мобилизован. Его, карела по национальности, владеющего финским языком, командование направило в НКВД. Он был откомандирован в оперативную спецгруппу в качестве переводчика.

После войны становится оперативным сотрудником органов госбезопасности в Карелии.

В 1948 г. был переведен в разведку, проходит спецподготовку для нелегальной работы за рубежом. Получил задание работать в США под именем Маки.

Был тайно переброшен в Финляндию, где жил около трех лет. Работал на заводе по производству сейфов.

В 1951 г. по легендированному поводу получил визу в США. После этого тайно возвращается в Москву, где ему объявили, что теперь он является радистом резидента-нелегала в Нью-Йорке. Был обучен обработке фотопленок, расшифровке и зашифровке сообщений в Центр, технике изготовления микроточек, после чего он был вновь тайно вывезен в Финляндию в багажнике автомобиля. Выехал в США, откуда доложил в Центр о своем прибытии. Освоившись в новой обстановке, вышел на связь с резидентом-нелегалом, который при первой встрече и в дальнейшем выступал перед ним под псевдонимом (им являлся известный советский разведчик Рудольф Абель).

По заданиям резидента выезжал в командировки, определял местонахождение ряда лиц, интересующих разведку. Обеспечивал связь резидента с Центром.

Провел Х. в США около четырех лет. Постепенно он пристрастился к алкоголю, что привело к растрате казенных денег. Неоднократно попадал в полицию в состоянии опьянения.

В связи с этим Абель ставил перед Москвой вопрос о его отзыве и замене. В 1957 г. Х. был вызван в Москву в очередной отпуск. Следуя транзитом через Францию, исчез. Как оказалось, Х. явился в посольство США в Париже, где раскрылся как кадровый сотрудник КГБ, продемонстрировал миниатюрные карманные тайники для микрофильмов. Сообщил американцам все, известное ему, о резиденте-нелегале в Нью-Йорке.

Вскоре Х. был переправлен в США. По указанному им адресу было выставлено наблюдение, в результате чего Р. Абель был установлен, опознан Х. и арестован.

На судебном процессе Р. Абеля Х. выступал в качестве свидетеля (советский резидент был осужден на 30 лет тюрьмы).

В дальнейшем Х. проживал в США. В феврале 1964 г. погиб в автомобильной катастрофе.

Хмельницкий Юрий Богданович, 1641 г. рождения, сын украинского гетмана Богдана Хмельницкого.

По завещанию своего отца, должен был получить булаву и бунчук гетмана Малороссии при регентстве И.Е. Выговского. Однако последний воспользовался несовершеннолетием и слабыхарактерностью Х. и с помощью своего окружения захватил гетманство.

Вскоре И.Е. Выговский изменил русскому престолу и заключил договор о вассалитете с Польшей. Под давлением казачьих низов, открыто выступивших против возвращения в подданство польскому королю, И.Е. Выговский передал гетманство Х., что подтвердила своим решением Рада. Однако вскоре Х. переходит на сторону И.Е. Выговского, который при поддержке поляков и крымских татар продолжил военные действия против московских воевод и нанес им чувствительные поражения под Конотопом и Чудновым.

В 1660 г. Х. под впечатлением событий на Украине, когда низы казачества открыто выступили против него, попытался отречься от гетманства, однако под давлением поляков отказался от этой мысли.

К 1660 г. в Переяславле оппозиционные Х. и И.Е. Выговскому промосковские силы объединились под руководством дяди Х., полковника Якима Самко, выбранного наказным атаманом. Его поддержало практически все Запорожье.

Х. со своим войском пытался уничтожить оппозиционное движение и двинул войска на Переяславль. Он осадил город, однако успеха в этом не имел.

В дальнейшем, несмотря на помощь поляков и крымских татар, из-за нерешительности и слабоволия не сумел одержать решительной победы над противниками.

Русский воевода Шереметев так охарактеризовал Х.: «Этому гетманишке надобно было бы гусей пасти, а не гетманствовать».

Испытывая постоянные сомнения в правильности своих действий, в 1662 г. Х. отказывается от гетманства и постригается в монахи.

Однако мирская биография Х. на этом не закончилась. Через два года он сбрасывает монашеское одеяние и присоединяется к противникам правобережного гетмана П. Дорошенко П. Суховею и М. Ханенко, которых поддерживали крымские татары и поляки.

В результате прямого военного столкновения объединенные войска мятежников были разбиты, при этом Х. был пленен. П. Дорошенко отправил Х. к турецкому султану, который вел в то время войну с крымским ханом. Х. был заключен турками в Семибашенный замок, но затем освобожден, пожалован «кормом и двором».

В апреле 1666 г. турецкий султан провозгласил гетманом Малороссии своего пленника, который прислал на Запорожье грамоту следующего содержания: «Спасителю нашему все возможно, нищего посадить с князьями, смиренного вознести, сильного низложить. Лихие люди не допустили меня пожить в милой отчизне; убегал от них, претерпел и много бед, попал в неволю. Но бог подвигнул сердце наияснейшего цесаря турецкого, тремя частями света государствующего, который грешных больше милует, чем наказывает (с меня берите образец!), даровал мне цесарь свободу, удоволил меня своею милостию и князем малороссийским утвердил. Когда я был в Запорожье, то вы мне обещали оказать любовь и желательство и вождем меня иметь; так теперь обещание исполните и направьте послов своих в Казыкермень для переговоров со мной. Георгий Гедсон Веннстик Хмельницкий, князь малороссийский, вождь Востока Запорожского».

Это послание имело успех в Запорожском войске, которое, однако, не решилось до времени открыто поддержать Х.

В августе того же года Х. во главе турецкого и татарского (противники к этому времени помирились) войска осадил Чигирин, однако в сражении с подошедшим русским войском и отрядами гетмана Самойловича потерпел сокрушительное поражение.

Весной 1678 г. посол русского царя в Турции получил от константинопольского патриарха сведения о том, что турецкий султан готовит новый поход в Малороссию с участием Х. На вопрос посла по патриаршему ли благословению снято с Х. монашество, патриарх ответил: «Хмельницкий снял с себя монашество своевольно, желал себе столько же освобождения на неволи, сколько княжения и гетманства. По его наущению визирь несколько раз присылал ко мне с просьбами и угрозами, чтоб я с Юраски монашество снял, на княжение малороссийское благословил, но я от этого принуждения освободился подарками и Юраску к себе не пустил».

Летом 1678 г. турецкие войска действительно возобновили поход, в котором вновь принял участие Х. На этот раз русским не удалось отстоять Чигирин, они подожгли город и отступили. Х. с татарским войском удалось захватить Немиров, Корсунь и ряд других городов.

Обе воюющие стороны понесли большие потери и начали мирные переговоры. Султан потребовал уступок небольшой территории «где бы жить Юраске Хмельницкому», однако одновременно довел до сведения русских буквально следующее: «Мы рады были бы, чтоб его не было, вся беда от него, мы ждали, что казаки только что слышат об нем, так все к нему и пойдут, но теперь ничего этого нет. Теперь он беспрестанно пьян и безумен». В 1681 г. мир с турками и крымскими татарами был заключен при значительных уступках с русской стороны.

По условиям договора, Х. переехал на жительство в г. Немиров, откуда вел по всей Малороссии агитационную работу в свою пользу и в пользу турецкого султана. Кроме того, он засылал на Украину лазутчиков и поджигателей, некоторые из которых были схвачены и показали, что совершают поджоги, чтобы вынудить жителей восточной стороны Днепра переселяться на западную. Они также выдали осведомителя Х., некоего грека Митрофана, который информировал из Нежина ставленника султана о политике московитов и об обстановке в малороссийских городах. Однако вскоре Х. снизил свою активность и даже попытался наладить отношения с представителями московского правительства, которые, впрочем, не доверяли ему и на контакты с ним не шли.

Холмский Михаил (уп. во второй пол. XVI в.), князь, боярин удельного Тверского княжества.

Участник событий, связанных с ликвидацией удельного Тверского княжества и превращения его в «вотчину московского царя и Великого князя». Х. принес присягу Михаилу Тверскому (см. соотв. ст.), согласно традиции «целовал крест на верность ему». Однако во время осады Твери войсками Ивана III, Х. изменил Михаилу Тверскому и помог московским войскам захватить город. После этого удельный князь бежал в Литву. Иван III, вместо того чтобы вознаградить Х., вскоре сослал его в заточение в Вологду, объясняя свое решение тем, что боярин присягал Михаилу Тверскому, целовал крест, но нарушил присягу крестоцелования: «Нехорошо верить тому, кто Богу лжет», — заявил при этом царь.

Хохлов Николай Евгеньевич, 1922 г. рождения, урож. Нижнего Новгорода, агент-террорист советских спецслужб.

Происходит из семьи рабочего.

Рано обнаружил актерские способности. Окончил театральную студию, работал на эстраде, выступал с художе-

ственным свистом, весьма популярным жанром в довоенное время. Хорошо владел немецким языком.

После начала Великой Отечественной войны ушел добровольцем в истребительный батальон НКВД. Был завербован чекистами для работы в подпольной диверсионной группе, созданной на перспективу возможного захвата немцами Москвы. Прошел курс радистов. После разгрома немцев под Москвой, по заданию НКВД командирован в Тбилиси для выполнения спецзадания, однако заболел и попал в больницу.

Затем Х. получил в спецслужбах основательную подготовку. Усовершенствовал свой иностранный язык в лагерях для военнопленных немцев, где провел более трех месяцев, выдавая себя за пленного офицера. «Практику» прошел успешно, каких-либо подозрений у немцев не вызвал.

Летом 1943 г. под именем и с документами офицера вермахта был выброшен с парашютом в Белоруссию, имея задание организовать убийство гауляйтера В. фон Кубе. В сентябре 1943 г. гауляйтер Белоруссии был уничтожен взрывом мины в спальне в своей резиденции. За успешную операцию Х. был награжден орденом Отечественной войны.

В октябре 1944 г. Х. вызвали в Москву, где приняли решение дать ему более тщательную подготовку для нелегальной работы за границей. Он был командирован в Румынию. Здесь провел около 4 лет. Возвратившись в Москву, поступает в МГУ, одновременно становится кадровым сотрудником советских спецслужб.

В 1950 г. женился. Его жена была глубоко религиозной, место работы мужа ей не нравилось.

В 1952 г. Х. получает задание уничтожить А.Ф. Керенского, однако исполнить это задание он отказывается. За этот отказ он наказан не был, но был направлен на работу в разведывательную резидентуру в Восточном Берлине.

Однако уже 1954 г. Х. получает новое задание. Во исполнение решения Политбюро о ликвидации руководителя

Народно-трудового союза (НТС) Г. Околовича, Х. поручено осуществить спецоперацию. Решение высшего партийного органа об убийстве Г. Околовича было принято по представлению МГБ СССР в связи с активной подрывной работой НТС (диверсионно-террористические акции, а также антисоветская пропаганда на территории СССР).

Для Х. была выработана соответствующая легенда, он был снабжен документами и оружием убийства: сигаретницей, выстреливающей капсулами с цианидом, провоцирующим паралич сердца.

Прибыв в ФРГ в феврале 1954 г., Х. явился на квартиру Г. Околовича и признался в полученном задании, заявив, что отказывается от этой «аморальной миссии».

Г. Околович после ухода Х. немедленно информировал ЦРУ о его визите. Х. был задержан и на допросах рассказал американским разведчикам о своей принадлежности к советским спецслужбам и о задании, полученном в Москве.

В апреле 1954 г. Х. с помощью ЦРУ проводит пресс-конференцию, где демонстрирует оружие несостоявшегося убийства.

Несколько позже он дает показания в сенате США. Вскоре Х. получает американское гражданство.

В СССР за измену Х. был приговорен к смертной казни. Его жена была репрессирована (пять лет ссылки).

По заданию ЦРУ Х. выехал на Тайвань, организовал там радиостанцию НТС, а затем обучал диверсантов для партизанской войны в Южном Вьетнаме. Затем получил образование в США, преподавал психологию в одном из американских университетов.

В 1992 г. Х. был амнистирован президентом Ельциным. Посетил Россию, встретился с женой и сыном. По некоторым сведениям, получил разрешение посетить мемориальный кабинет Ю.В. Андропова.

Хрипунов-Дубенский Кирилл (уп. в нач. XVII в.), дворянин.

Х. и его брат Осип — по происхождению уездные дворяне. Служили на границе с Литвой. Были подкуплены канцлером Львом Сапегой и передавали ему сведения о передвижении московских войск, их количестве, вооружении, воеводах, а также информацию о внутривластическом положении на рубежах с Литвой и в Москве. Под угрозой разоблачения бежали в Литву. Требования царя Бориса Годунова об их выдаче успеха не имели.

Братья Х. сыграли заметную роль в самом начале авантюры Лжедмитрия I (см. соотв. ст.), которого Л. Сапега решил поддержать из политических соображений. Канцлер приказал им «опознать» самозванца как царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, чудом спасшегося в Угличе от убийц, подсланных Годуновым. Братья выполнили указание хозяина и были первыми из дворян, публично «признавшими» в самозванце законного наследника русского престола. Этот факт получил широкое распространение в пограничных землях Руси, откуда самозванец начал поход на Москву.

После венчания Лжедмитрия I на царство братьям Х. было разрешено вернуться на родину. Их дальнейшая судьба не выяснена.

Ц

Цесура Тимофей (уп. в 40—60 гг. XVII в.), переяславский полковник.

Один из видных военачальников запорожского казачьего войска. В 1657 г. поддержал избрание на гетманство Мало-

россии И.Е. Выговского и его политику, направленную на разрыв с русским царем и переход в подданство польскому королю вопреки решениям Переяславской рады 1654 г.

По приказу Выговского выступил в союзе с крымскими татарами во главе одного из казацких полков против русских войск, возглавляемых князем Г.Г. Ромодановским. В сражении у Лохвицы сторонники изменника-гетмана потерпели неудачу.

Вскоре Ц. тайно сообщил в Путивль русскому воеводе князю Н.Р. Трубецкому о своем раскаянии и желании служить русскому царю, принял новую присягу. В доказательство искренности своих слов Ц. дал приказ перебить у себя в полку всех сторонников И.Е. Выговского.

После избрания на гетманство сына Б. Хмельницкого Юрия Ц. организовал торжественную встречу в Переяславле войск воеводы Трубецкого. Поклялся «быть под рукою великого государя навеки неотступно».

В связи с обострением польско-русского военного противостояния в Малороссии Ц. вместе со своим полком был придан русским войскам во главе с воеводой В.Б. Шереметевым, который из-за превосходящих сил противника отступил к Котельне, а затем к Чудову, где занял оборону.

В это время Ю. Хмельницкий принимает решение изменить русскому царю и принять подданство польского короля, о чем тайно сообщил Ц., находившемуся с полком в русском стане. Ц. ответил Ю. Хмельницкому, что «отделиться от москалей», как только удостоверится в присутствии гетмана у поляков. На следующий день Ю. Хмельницкий выехал из рядов польских войск на холм под гетманским бунчуком. После этого Ц. дал приказ полку к переходу на сторону противника, что и было сделано на глазах ничего не подозревавших русских.

Измена полка Ц. существенно ослабила русское войско и сделала его положение практически безнадежным.

После двухнедельного отчаянного сопротивления русские были вынуждены сложить оружие из-за недостатка продовольствия и боеприпасов.

Цилли Алексей Владимирович, 1903 г. рождения, служащий оборонного предприятия «Промброня».

В 1921 г. через своего отца познакомился с английским разведчиком Э. Чарноком, работавшим в Москве под дипломатическим прикрытием (до революции англичанин долгое время проживал в России, его отец был известным производителем мануфактуры). Узнав, что Чарнока интересует секретная информация о состоянии оборонной промышленности, добровольно вызвался сотрудничать с ним. В одном из агентурных донесений сообщил англичанину буквально следующее: «На заводе “Промброня” идет сейчас сборка германских аэропланов. Запчасти к ним прибывают из Петроградского порта. Собрано уже не менее 80 аэропланов. Один отряд, охраняющий Петроград, имеет 60 новых машин типа “Фоккер”. Могу сообщить Вам состав администрации завода, его состояние, мощность, а также конструкцию выпускаемых аэропланов, а также деятельность заводов “Дукс” и прочих. Я получу необходимые сведения через лиц, непосредственно служащих в “Промброня” и на др. заводах, “Добролете” и Управлении воздушным флотом.

Сведения, если таковые потребуются, доставлю, не появляясь в Вашей миссии».

Вскоре однако Ц. и его отец Цилли Владимир Иванович были арестованы (последний передал англичанину информацию о состоянии текстильной промышленности) и предстали перед судом.

Ц. был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей, а его отец — одному году тюрьмы.

Цыклер Иван Елисеевич (казн. в 1697), думный дворянин.

Сын полковника из «кормовых иноземцев» (наемников). Начал служить в 1671 г. Быстро сделал карьеру: в 1677 г. получил должность стряпчего, а с 1679 г. является стольником. Участвовал в первом Крымском походе, получил звание подполковника.

В 1689 г. Ц. стало известно о заговоре царевны Софьи, замышлявшей узурпировать власть и физически устранить Петра I. Ц. донес об этом царю, в результате чего тот успел своевременно принять надлежащие меры для подавления мятежа.

В 1692 г. Ц. был пожалован в думные дворяне. С 1693 по 1695 г. он является воеводой в Верхотурье. По указу Петра I в 1696 г. назначен руководителем строительства крепости на Азовском море. Это назначение обидело Ц., посчитавшего его фактической ссылкой. Он решает отомстить царю и вскоре находит единомышленников в лице окольничего А.П. Соковнина (см. соотв. ст.) и стольника Ф.М. Пушкина (см. соотв. ст.). Заговорщики решают организовать убийство царя, при этом непосредственными исполнителями должны были стать стрельцы Василий Филипов, Федор Рогожин, казак Петр Лукьянов. После физического устранения Петра I планировалось призвать на трон царевну Софью и вернуть к управлению государством ее фаворита В.В. Голицына. Реализация этого замысла оказалась невозможной из-за доноса на Ц. и его сообщников. Вскоре они были арестованы, подвергнуты пытке и казнены.

Ч

Чавчавадзе Георгий Николаевич, 1921 г. рождения, урож. г. Харькова.

В 1938 г. выехал вместе с матерью в Германию (в числе обмененных на австрийских коммунистов). Его отчим служил в гитлеровском Министерстве иностранных дел, что создало Ч. возможность быстро адаптироваться в условиях фашистского режима.

В 1940 г. он окончил военное училище. Служил во фронтовой разведке в генштабах дивизий и корпуса. При нападении Германии на СССР являлся командиром разведэскадрона в 1-й дивизии власовской РОА (см. соотв. ст.).

После капитуляции Германии ушел в горы Чехии, где вел вместе в группой сослуживцев по РОА партизанскую борьбу с Красной армией. Пробрался в Восточную Германию, откуда ему удалось переехать в Канаду. В эмиграции работал фотографом и кинооператором. В течение 35 лет руководил отделом иллюстрации при факультете естественных наук Оттавского университета.

В настоящее время проживает там же.

Черепанов Александр Николаевич, 1920 г. рождения, родился в Сибири, бывш. старший уполномоченный американского отдела советской контрразведки.

В октябре 1963 г. передал американским туристам пакет с просьбой отдать его в посольство США. Как выяснилось позднее, в пакете содержались сводки наружного наблюдения за американскими дипломатами. Ч. оформил их по акту как уничтоженные, однако сохранил для передачи в ЦРУ.

Получив пакет и изучив его содержимое, дипломаты решили, что это провокация, и передали документы в МИД СССР.

Ч. был вскоре установлен, однако из Москвы скрылся. Он был арестован на иранской границе. В апреле 1964 г. был осужден и расстрелян.

Черепов Александр Николаевич, 1877 г. рождения, генерал-майор царской армии.

Окончил Орловский кадетский корпус, а также Одесское военное училище, из которого вышел в пехотный полк. В 1914 г. — капитан, командир роты. В 1915 г. произведен в подполковники и назначен командиром батальона. Получил Георгиевский крест за взятие перевала в Карпатах. В начале 1917 г. получает звание полковника, командует 282-м пехотным Александрийским полком. За успешное руководство частью во время июльского наступления произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады, а затем — пехотной дивизии.

С декабря 1917 г. Ч. находится в рядах Добровольческой армии. Командует бригадой и дивизией. В 1919 г. становится черноморским военным губернатором в Новороссийске. В дальнейшем вновь переходит в действующую армию, участвует в боях за Крым, в ходе которых получает тяжелое ранение. Был эвакуирован в Сербию. Поселился в г. Новый Сад, где возглавил эмигрантскую организацию «Союз участников 1-го Кубанского похода».

В 1941 г., после нападения Германии на СССР, вместе с сыном и группой добровольцев вступил в т.н. Русский охранный корпус, сформированный гитлеровцами из числа белоэмигрантов для борьбы с Красной армией и ее союзниками. Командовал в корпусе батальоном, а затем — полком.

После окончания войны проживал в Мюнхене, а с начала 50-х гг. — в США. Умер в Нью-Йорке в 1964 г.

Чернов Николай Дмитриевич, 1917 г. рождения, бывш. сотрудник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба.

В 1962 г. был командирован в США, работал оперативным техником резидентуры ГРУ. В свободное от работы время посещал злачные места, пьянствовал. Присвоил себе 200 долларов при покупке оптовой партии товаров в мага-

зине стройматериалов. Всего этого оказалось достаточно для того, чтобы он согласился сотрудничать с ФБР, агенты которого предъявили ему фотографии его походов и копии квитанций магазина.

Имея как фотограф доступ к совершенно секретным материалам резидентуры ГРУ, передал американцам копии агентурных сводок на более чем 3000 листах. В результате предательства Ч. были арестованы несколько ценных агентов ГРУ в США, Великобритании, Франции, чем был нанесен громадный вред советской разведке.

Получал от американцев денежное вознаграждение.

В ГРУ работал до 1968 г., затем перешел в Международный отдел ЦК КПСС на должность младшего референта, откуда, однако, вскоре был уволен за злоупотребление алкоголем.

В 1980 г. развелся с женой, переехал жить в Подмосковье, занялся огородничеством. Связь с американцами прекратил.

В 1990 г. был арестован и сразу дал признательные показания. На суде заявил, что совершил предательство в корыстных целях, к советскому режиму относится лояльно.

Приговорен к 8 годам лишения свободы в 1991 г. Спустя полгода амнистирован Президентом РФ Ельциным.

Чечеля (ум. в 1708), запорожский казак, наказной атаман.

Участник заговора гетмана Малороссии И. Мазепы. Входил в круг его доверенных лиц. По указанию гетмана готовил в крепости Батурин запасы вооружения и продовольствия для шведских войск.

Перед побегом к шведскому королю Карлу XII И. Мазепа оставил Ч. в Батурине, где он возглавил сильный гарнизон.

Узнав об измене И. Мазепы, Петр I послал к Батурину войска под началом князя А.Д. Меншикова, который потребовал от гарнизона сдачи. В ответ на это требование Ч. ответил, что «сдерет шкуру» с Меншикова, его жены и детей. Крепостные пушки начали интенсивный обстрел русских войск.

По истечении срока ультиматума А.Д. Меншиков дал приказ на штурм крепости, и вскоре она пала. По приказу Петра I Батурин был разорен, а Ч. — казнен.

Чухнов Юрий Николаевич, 1907 г. рождения, урож. г. Санкт-Петербурга.

Семья Ч. в его бытность малолетним ребенком в 1920 г. эвакуировалась из Крыма в Константинополь. Проживали в Чехословакии, где Ч. закончил гимназию. Затем он переехал в Югославию, поступил в русский кадетский корпус, из которого вышел убежденным монархистом и антикоммунистом. В годы Второй мировой войны служил в полку «Варяг», сформированном по инициативе руководства германского вермахта. В составе полка участвовал в карательных операциях против югославских партизан и в охране тылов фашистской армии. Получил чин унтер-офицера, а затем — лейтенанта германских вооруженных сил. При отступлении полка в Италию в 1945 г. Ч. был захвачен в плен титовскими партизанами и расстрелян.

III

Шатов Николай Степанович, 1901 г. рождения, урож. дер. Шатова Кировской области, бывш. подполковник Красной армии.

До начала Великой Отечественной войны являлся начальником артснабжения Северо-Кавказского военного округа. Направлен на фронт сразу после нападения Германии на СССР. Попал в плен к нацистам, встал на путь сотрудничества с ними. Активно участвовал во власовском движении, входил в руководство его военных формирований.

В мае 1945 г. был арестован на территории Германии и интернирован в СССР.

В 1946 г. по приговору советского суда повешен.

Шаховской Григорий Петрович (уп. в конце XVI — первой пол. XVII вв.), князь, одна из самых одиозных фигур эпохи Смуты.

Происходит из рода ярославских Рюриковичей. В 1594 г. являлся головой в Черни, в 1596 г. занимает пост воеводы в Монастырском остроге.

В 1605 г., изменив присяге, перешел на сторону Лжедмитрия I, был пожалован им в бояре. После свержения и убийства самозванца избежал репрессий, однако вскоре был отправлен царем Василием Шуйским воеводой в Путивль, что означало фактическую ссылку. В Путивле Ш. поднял восстание против московского правительства, распространил слух, что «царевич Дмитрий» избежал смерти и скрылся, а он якобы представляет его интересы. Привлек на свою сторону И.И. Болотникова и его военные формирования, одержал ряд побед над царскими войсками. Вскоре, однако, мятежники были окружены и осаждены в Туле. После сдачи Тулы Ш. попал в плен, был сослан на Кубенское озеро. Был освобожден отрядами Лжедмитрия II, к которому присоединился в Тушине. Вошел в состав Боярской думы при самозванце. После разгрома войск самозванца вступил во второе ополчение кн. Дм. Пожарского. Однако вместо активного участия в борьбе с польской ин-

тервенцией начал провоцировать казачьи отряды выйти из ополчения и заняться грабежом и разбоем. После изгнания поляков Ш. перестал играть сколько-нибудь заметную роль в русской политической жизни.

Шваль Иван (уп. в 1611), житель г. Новгорода.

В 1611 г. в разгар польской интервенции шведский король Карл IX решил воспользоваться ослаблением русского государства и завладеть ее северными территориями. Для решения этой задачи в Россию были направлены значительные военные силы, возглавляемые Я. Делагарди. Летом того же года шведы подошли к Новгороду и осадили его. Однако, несмотря на активность среди новгородцев прошведской партии, склонявшей горожан перейти в подданство шведской короне, с помощью московских воевод удалось организовать сопротивление и предотвратить сдачу города.

Убедившись после недельной осады, что лобовой приступ невозможен, шведы решили воспользоваться услугами новгородца Ш., который в это время находился у них в плену. Коренной житель города (по некоторым источникам, холоп дворянина Лутохина), Ш. хорошо знал систему его защиты. Он добровольно вызвался помочь интервентам и в ночь на 16 июля тайно провел шведов через Чудинские ворота, которые практически не охранялись. Несмотря на героическое сопротивление московских войск и горожан, Новгород пал.

Шевченко Аркадий Николаевич, 1930 г. рождения, советский дипломат.

В 1952 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), был направлен на работу в Министерство иностранных дел. Одно время был помощником А.А. Громыко, являвшегося долгие годы

руководителем советского внешнеполитического ведомства. Их отношения выходили за рамки деловых и носили, по мнению окружения, дружеский характер. Благодаря протекции А.А. Громыко, Ш. сделал головокружительную дипломатическую карьеру. В 1974 г. он был назначен в постоянное представительство СССР в ООН, вскоре получает ранг Чрезвычайного и Полномочного посла и назначается заместителем Генерального секретаря ООН.

Попал в поле зрения резидентуры КГБ СССР в Вашингтоне в связи с расследованием фактов утечки совершенно секретной политической информации. Вывод об утечке был сделан на основании того, что большинство инициатив СССР в ООН в середине 70-х гг. наталкивалось на массированное сопротивление западных делегаций, при этом была отмечена их осведомленность в деталях хода разработки советских предложений, различных их вариантах и допускаемых уступках оппонентам. Кроме того, в этот период в американской печати начали периодически появляться публикации, в которых указывались имена работавших в аппарате ООН офицеров КГБ. Был определен круг лиц, осведомленных в этих вопросах. Среди них оказался и Ш. Подозрения к нему косвенно подтверждались, кроме всего прочего, тем, что он за границей вел себя довольно «свободно», и, в частности, периодически устанавливал контакты с женщинами «легкого поведения», чем дал повод американской разведке к его активному изучению. Эти соображения были официально доведены до руководства МИД СССР. Однако из Москвы последовал ответ о недопустимости работы по Ш., поскольку он входит в номенклатуру ЦК КПСС и является доверенным лицом А.А. Громыко. Однако резидент КГБ в Вашингтоне по собственной инициативе продолжил расследование.

Вскоре были получены данные, усугубляющие подозрения в отношении Ш. Во время его пребывания в Майами на

отдыхе резидентуре удалось установить за ним наблюдение, которое показало, что траты на личные нужды в десятки раз превышают финансовые возможности советского дипломата аппарата ООН.

На основании этой информации резидентура КГБ вновь потребовала у руководства МИД СССР отзыва Ш. из Вашингтона. После долгих размышлений было решено вызвать Ш. в Москву на «важное совещание». Однако один из советских дипломатов (его имя до сих пор не передается огласке) предупредил Ш. об истинной подоплеке этого вызова.

31 марта 1978 г. Ш. исчез. Вскоре было объявлено, что он попросил политическое убежище в США. Расследование обстоятельств предательства Ш. показало, что он в течение более двух лет до своего бегства сотрудничал с американской разведкой. За это время он регулярно информировал ЦРУ о существующих в высших эшелонах власти СССР разногласиях по поводу советско-американских отношений. Он сообщал также о содержании указаний Кремля советскому послу в Вашингтоне, позиции советских представителей в ООН на переговорах об ограничении вооружений и пределах возможных уступок СССР при дискуссиях по ОСВ-1. Кроме того, Ш. представил американцам материалы об ослаблении советской готовности участвовать в боевых действиях в Анголе, а также совершенно секретные сведения о состоянии советской экономики (например, о быстро сокращающихся запасах нефти в Волжско-Уральском регионе). По свидетельству одного из сотрудников американской разведки, Ш. «имел невероятный доступ к информации; все, что нам нужно было делать, так это задавать вопросы, а он давал нам ответы».

Неоценимую услугу оказал Ш. и американской контрразведке, выдав ей практически полный состав резидентуры КГБ в США и часть ее агентуры.

В 1985 г. в США вышла книга Ш., названная им «Разрыв с Москвой». Кроме того, он дал несколько интервью западным и российским газетам. Ш. пытался объяснить причины своего предательства, хотя, как отмечают исследователи, его рассуждения на эту тему лишены элементарной логики. С одной стороны, он заявляет: «Я счастлив, т. к. нашел, что искал. Я родился не в той стране». Подкрепляя этот тезис, он неоднократно подчеркивает, что его решение о бегстве было осознанно, поскольку он давно сделал выбор в пользу западной демократии, перестав быть «по духу советским человеком».

С другой стороны, подробно описывая обстоятельства его вербовки американской разведкой, он буквально заявляет следующее: «Если бы я не был загнан в угол, если бы не крайние обстоятельства, если бы у меня был путь поменять судьбу, я бы никогда не пошел на контакты с ЦРУ». Как следует из дальнейших слов Ш., под «крайними обстоятельствами» он имел в виду то, что после обращения к американцам о предоставлении ему политического убежища, сотрудники ЦРУ разъяснили ему необходимость доказать преданность США путем передачи совершенно секретной информации. Он был вынужден согласиться и морально был готов к этому опасному шагу. К тому же он рассчитывал на помощь ЦРУ в «обустройстве его жизни в новых условиях».

Поддерживая тайные отношения с американской разведкой, Ш. постоянно испытывал страх. Он требовал от ее представителей обеспечить его безопасность. Как вспоминает офицер ЦРУ О. Эймс, одно время работавший с Ш. и спустя несколько лет завербованный советскими спецслужбами, каждую встречу с ним Ш. начинал с заявления о том, что «с него хватит, он прекращает работу и дезертирует». Требовалось немало усилий, вплоть до окриков, чтоб привести Ш. в «рабочее состояние». О психологическом над-

ломе Ш. пишет и американская проститутка Дж. Чавез в своей книге, посвященной Ш.: «Что я увидела, представляло собой развалину человеческого существа. Состояние его здоровья было ужасно с психической и физической точки зрения, он пил днем и ночью. Он просыпался среди ночи, вставал и выпивал глоток водки. Трудно было поверить, что он когда-то был таким важным. Он всегда вел жизнь, которая была ложью. Он никогда не доверял никому, даже своей собственной семье. Я знала, что это так, потому что я сама была проституткой».

По мнению одного из бывших советских разведчиков, измена этого «баловня советского режима» — явное свидетельство нравственного кризиса и разложения элиты СССР, начавшейся в середине 70-х гг.

Резидент КГБ, не подчинившийся приказу Центра и продолживший работу по Ш., успешно продолжил карьеру и стал одним из руководителей советской разведки. Председатель КГБ Ю.В. Андропов в беседе с ним признал ошибку руководства страны и свою лично. Это же признание сделал А.А. Громыко, в отношении которого не было сделано никаких «оргвыводов».

Жена Ш. после его бегства была срочно вывезена в СССР, в аэропорту на вопрос американских эмиграционных служб заявила, что покидает США добровольно, без принуждения со стороны советских властей. Она глубоко переживала измену мужа, начала злоупотреблять спиртным, принимала наркотики. В конечном счете, не выдержала одного из психологических кризисов и покончила жизнь самоубийством.

Ш. умер в 1998 г. в своем доме в окрестностях Вашингтона в полном одиночестве. На его похоронах присутствовало несколько сотрудников ЦРУ. Узнав об обстоятельствах смерти Ш., один из американских сенаторов заявил: «Человек, столько сделавший для нас, в конце жизни оказался никому не нужен. Это — позор для Америки!»

Шеин Александр Николаевич, 1955 г. рождения, урож. г. Рубцовска Алтайского края, матрос Военно-Морского Флота СССР.

Окончил среднюю школу. Был судим за хищение. Призван в армию в мае 1973 г. Проходил службу на противолодочном корабле «Сторожевой», имел 13 дисциплинарных взысканий. Наиболее активный пособник заместителя командира корабля по политической части капитана 3-го ранга В.М. Саблина (см. соотв. ст.), организовавшего на «Сторожевом» мятеж. Ш. участвовал в аресте командира А.В. Потульного, насильно удерживал его в изоляции от команды.

Вместе с Ш. В.М. Саблина поддержали лейтенанты В.И. Вавилкин и В.К. Дудник, мичманы В.М. Бородай, В.Г. Величко, А. Гоменчук, В.А. Калиничев, А.Т. Хомяков, старшина А.В. Скиданов, матросы В.Н. Аверин, М.М. Буров, Н.Ф. Саливончик, Г.В. Сахневич.

Все указанные военнослужащие были осуждены военным трибуналом. Ш. был привлечен к судебному разбирательству вместе с В.М. Саблиным. Был осужден на 8 лет лишения свободы.

Шеин Борис Михайлович (?—1634), боярин и воевода.

Ш. начал службу при дворе Бориса Годунова, стал членом Боярской думы, вначале в качестве окольничего, затем — боярина. В 1609—1611 гг. руководил обороной Смоленска от польско-литовских интервентов, которыми командовал сам король Сигизмунд. После падения города оказался в плену, где пробыл восемь лет. По некоторым источникам, в заточении дал клятву никогда не обнажать меча против польского короля.

В 1618 г. Ш. вернулся в Россию вместе с другими высокопоставленными пленными. Занимал различные придвор-

ные и думские должности. Летом 1632 г. назначен главным воеводой русской армии при походе на Смоленск.

Ш. неудачно начал кампанию — слишком долго и неумело вел войска к Смоленску. Путь в 384 версты занял у него целых четыре месяца. За это время литовский гарнизон был усилен. К тому же в результате медлительности Ш. Россия упустила выгодную для себя политическую ситуацию: война была начата в условиях очередного польского бескорольевья после смерти Сигизмунда III. Теперь же на престол Речи Посполитой был избран Владислав IV, тут же поспешивший на помощь осажденному городу.

После похода к Смоленску Ш. начал обстоятельную подготовку осады (вокруг города были возведены остроги с теплыми избами, вырыты валы). Однако кольцо блокады было с изъянами: в город периодически проникали военные отряды поляков и целые обозы с продовольствием. За все время боевых действий Ш. не предпринял ни одной серьезной попытки решительного штурма. После почти полугодовой подготовки приступа 26 мая 1633 г. он попытался его начать, но подведенный подкоп был взорван крайне неудачно, обрушив град камней на свои же полки.

К концу октября 1633 г. армия Ш. под Смоленском неожиданно была окружена Владиславом. Образовался своеобразный «пирог», где в сердцевине находился несдавшийся Смоленск, вокруг него — деморализованные полки Ш., а в качестве внешнего слоя — свежие силы литовцев и поляков во главе с их молодым королем. На помощь Ш. из Москвы планировали отправить новую армию под командованием князей Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского, но ее не успели собрать.

В феврале 1634 г. Ш. принял решение о капитуляции, не предприняв попытки прорыва. Условия сдачи были унижительными: русских обязали выдать всех нашедших у них приют польских перебежчиков, освободить пленных, при-

сягнуть, что в течение четырех месяцев не будут служить в русской армии и тем более воевать против поляков и литовцев. В руки врага передавались все знамена, почти вся артиллерия, а также обоз. Русским было разрешено взять только личное оружие и 12 полковых пушек.

19 февраля полки вышли из укрепленного лагеря. Они положили знамена к ногам польских командиров (потом их было «милостиво» разрешено забрать). Ш. и другие воеводы низко кланялись победителям. После этого русская армия, бросившая около двух тысяч больных и раненых, отступила к Москве.

По возвращении Ш. в столицу началось расследование причин поражения. По окончании следствия он был объявлен изменником, виновным в преступном сговоре с поляками, результатом чего явилось поражение русской армии. Аналогичные обвинения были предъявлены окольному Артемию Измайлову и его сыну Василию, наиболее активно участвовавшим в переговорах с литовцами, предшествовавшим сдаче. Ш. обвинялся также в материальных злоупотреблениях в ходе кампании, приведшей к ослаблению боеспособности армии.

Ш. и другие обвиняемые были казнены.

Неудача Ш. под Смоленском была частично компенсирована героизмом русских войск под командованием стольника Ф.Ф. Волынского, оборонявшего от поляков крепость Белую. Любопытно, что на предложение о сдаче воевода заявил: «Шейн мне не в образец!»

Шеймов Виктор Иванович, 1946 г. рождения, бывш. майор КГБ СССР.

Работал в 8-м Главном управлении КГБ (космическая разведка, дешифровочные разработки).

В мае 1980 г. исчез вместе с женой и малолетней дочерью при невыясненных обстоятельствах. С учетом осве-

домленности Ш. о совершенно секретных новейших дешифровальных разработках органами контрразведки были проведены крупномасштабные оперативно-розыскные мероприятия, десятки криминалистических экспертиз, допрошены сотни свидетелей. Долгое время проверялась версия об убийстве Ш. и его семьи арестованной к тому времени группой сотрудников МВД, занимавшихся ограблением и убийством граждан. Некоторые обвиняемые даже признались в совершении убийства Ш. и его семьи, однако место их захоронения указать не смогли (позднее оказалось, что они дали признательные показания с целью затянуть расследование по другим эпизодам).

В сентябре 1981 г. контрразведке удалось обнаружить фрагменты шпионского письма Ш. американцам, из которого становилось ясным его длительное сотрудничество с ЦРУ. Позже были получены достоверные данные о том, что Ш. вместе с семьей был тайно вывезен из Москвы американцами, а также о выдаче им противнику известных ему сведений, составляющих государственную тайну.

В настоящее время Ш. и его семья находятся в США, проживают в провинции под вымышленными именами.

Шелапутин Вадим Иванович, 1927 г. рождения, урож. г. Москвы, бывш. сотрудник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба.

В 1948 г. окончил Военный институт иностранных переводчиков, где овладел немецким и чешским языками. Был распределен в военную разведку. Направлен на работу в Вену в качестве переводчика разведуправления Центральной группы войск. Составлял обзоры газет, переводил агентурные сообщения информаторов.

Выходные дни проводил в злачных местах Вены, пьянствовал. Затеял драку с американским сержантом, был задержан полицией. На допросе с участием американских

разведчиков признался в принадлежности к ГРУ и выразил желание остаться на Западе.

Позднее выяснилось, что он действительно был очарован западным образом жизни. Особенно его прельстила доступность женщин и возможность развлекаться.

Он получил политическое убежище и был переправлен американцами в ФРГ. Передал спецслужбам США известную ему информацию о ГРУ, а также о слушателях Военного института иностранных переводчиков, являвшихся «кузницей» кадров ГРУ.

В дальнейшем Ш. привлекался к работе эмигрантских организаций «Союз борьбы за освобождение народа России» и «Центральная организация эмигрантов после войны». С 1950 г. передан американцами англичанам, по указанию которых участвовал (и неудачно) в вербовочных акциях в отношении бывших сокурсников по институту. Одно время работал в русском отделе Би-би-си и на радиостанции «Свобода».

В 1990 г. вышел на пенсию и переехал в Ирландию. В интервью российскому журналисту заявил, что в свое время продал душу дьяволу, но на этом свете ни о чем не жалеет.

Шемяка Большой Дмитрий Юрьевич (1420?—1453), князь Галицкий, затем — великий князь Московский, сын князя Галицкого и Звенигородского Юрия Дмитриевича.

В 1425 г. на Руси вспыхнула последняя крупная междоусобная война между Юрием Дмитриевичем (?—1434), сыном Дмитрия Донского, и Василием II Васильевичем (1415—1462), сыном Василия I Дмитриевича (на княжении — в 1389—1425). В войну также включились дети Юрия: Василий Косой (?—1447/48), Дмитрий Красный (?—1440) и Ш. Таким образом, в борьбе за престол столкнулись интересы дяди, претендовавшего на великое княжение как старшего

в роду Рюриковичей, и племянника, получившего власть в качестве прямого наследника государя.

Война шла с переменным успехом. Но в 1424 г. умер Юрий Дмитриевич, незадолго до того захвативший великое княжение Московское. В 1436 г. был схвачен и ослеплен Василий Косой. В 1440 г. скончался Дмитрий Красный. Противником Василия II оставался только Ш., сидевший в Галиче.

В 1445 г. галицкий князь решил воспользоваться выгодной ситуацией, сложившейся в результате разгрома полков Василия II казанскими татарами под Суздалем. В плен попал сам великий князь. Хан Улуг-Мухаммед послал гонцов к Ш. с предложением: низложить Василия II и передать ему престол, если тот признает власть Казанского ханства над Русью в том же объеме, в каком ею обладала Золотая Орда.

Ш. согласился на это предложение. Но из-за распутицы его посол Федор Дубенский слишком долго добирался до ставки Улуг-Мухаммеда. Хан решил, что Ш. великое княжение не нужно, и он на кабальных условиях вернул его Василию II.

Ш. не смирился с потерей реального шанса на власть, сформировал коалицию, заключив военный союз с Иваном Андреевичем Можайским, боярами Добрынскими и др. Их поддержал и тверской князь Борис Александрович. В начале февраля 1446 г. Василий II поехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Воспользовавшись его отсутствием, ночью 12 февраля Ш. и Иван Можайский ворвались в столицу и захватили Москву. По свидетельству летописи, ворота им открыли сторонники, которых летописец называет «изменниками». После ареста великокняжеской семьи и опустошения государственной казны заговорщики отправили отряд под командованием Ивана Можайского в монастырь для пленения великого князя.

Люди Василия были «в оторопи и в изумлении», когда во двор монастыря ворвались вооруженные заговорщики во главе с Иваном Можайским и Никитой Добринским. Пономарь Никифор пытался спрятать великого князя в церкви, однако его быстро обнаружили. Василий обещал не выходить из стен обители и тут же постричься в монахи, вышел к «крамольникам» с иконой в руках и напомнил им про клятвы верности и крестное целование. Он, однако, был схвачен, увезен в Москву и там ослеплен. Ш. заявил, что делает все во имя благополучия Руси: татары, увидев, каким беспомощным калекой стал великий князь, якобы сжалятся и уменьшат размеры дани, обещанной им Василием II после поражения под Суздалем.

Реакция на действия Ш. в русском обществе была отрицательной. Его поступки оценили как «израду», т.е. измену. По выражению летописца, «все людие негодоваху о княжении его». Не желая подчиняться преступникам, из Москвы выехали в Литву князья Василий Ярославич и Семен Иванович Оболенский. Федор Басенок отказался присягать на верность Шемяке, даже когда его заковали в кандалы и посадили в тюрьму. Он сумел бежать и увел с собой часть московских детей боярских. Там же, на русско-литовской границе, стояли войска выехавших на Русь татарских царевичей Бердедата Кудудатовича, Касыма и Якуба Мухаммедовичей, хранивших верность Василию II. Ш. поддерживали только новгородцы. Даже тверской князь Борис Александрович, его союзник, начал сомневаться, стоит ли дальше поддерживать Ш.

Созданная коалиция поставила перед собой цель освобождения Василия II из-под ареста и возвращение его на великокняжеский престол. Среди наиболее значительных ее участников были также князья Рязанские, И.В. Стригун-Оболенский, Иван Ощер с братом Бобром, Юшка Драница, Семен Филимонов (Морозов), М.Я. Русалка-Морозо-

ва, И.Д. Руно и др. После ряда столкновений с войсками Ш. 25 декабря 1446 г. передовой отряд под командованием М.Б. Плещеева и Л. Измайлова занял Москву и сверг наместников Ш. 17.февраля 1447 г. ослепленный великий князь, получивший прозвище Темный, с триумфом вошел в столицу. Отряды сторонников Ш. были разбиты под Угличем, а Ш. и Иван Можайский бежали в Галич.

Война с ними продолжалась еще несколько лет. 17 июля 1453 г. Ш. умер от яда, подложенного в курицу его поваром по имени Поганка — тайным агентом Василия II.

Шереметев Федор Иванович (уп. в нач. XVII в.), боярин, воевода.

Играл значительную роль как воевода в борьбе с отрядами Лжедмитрия II. По приказу царя Василия Шуйского провел ряд успешных операций по возвращению русских городов, присягнувших самозванцу. После низложения и ареста В. Шуйского фактически перешел на сторону польского короля. Принял активное участие в агитации московских жителей присягнуть Сигизмунду III и вместе с другими членами пропольской партии обеспечил захват Москвы польскими интервентами. Униженно просил короля (сохранился подлинник его письма) наградить его за верную службу земельными угодьями.

После изгнания поляков политическое влияние утратил.

Шерефединов (Шелефединов) Андрей Васильевич (уп. в конце XVI — нач. XVII вв.), дьяк.

В 1565 г. — гонец в Польшу. В 1572 г. назначается опричным дьяком, а в 1602 г. товарищем воеводы в Царицыне. Один из первых перебежчиков в лагерь Лжедмитрия I. Принимал личное участие в убийстве сына и дочери царя Бориса Годунова. По некоторым источникам, во время заговора против Лжедмитрия I предлагал за деньги свои ус-

луги для его физического устранения. Был арестован и подвергся пытке, однако его вину доказать не смогли. По приказу самозванца был сослан.

Шинкаренко Дмитрий Захарович, 1910 г. рождения, урож. Краснодарского края.

Бывший полковник Красной армии. Во время Великой Отечественной войны попал в плен. Был завербован германской разведкой, получил псевдоним Петров. Являлся начальником канцелярии Борисовской разведывательной школы при Абверкоманде 103.

Судьба Ш. после окончания войны не выяснена.

Шкуро (наст. фам. Шкура) Андрей Григорьевич, 1887 г. рождения, генерал-лейтенант белой армии.

Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. сформировал и возглавил Кубанский конный отряд особого назначения для ведения военных операций в тылу немцев. С 1917 г. — командир отряда в конном корпусе в Персии. Получил звание полковника.

Во время Гражданской войны находился в армиях А.И. Деникина и П.Н. Врангеля.

В июне 1918 г. сформировал на Кубани партизанскую дивизию, которая влилась в Добровольческую армию. Вскоре был назначен командиром 3-го казачьего корпуса, а в начале 1920 г. — командующим Кубанской армией. Получил звание генерал-лейтенанта.

Белогвардейские части, руководимые Ш., всегда отличались особой жестокостью, мародерством, плохой управляемостью. Сам Ш., обладая большой личной храбростью, пользовался непререкаемым авторитетом у казаков, любил принимать рискованные решения, был склонен к кутежам.

Во время отступления армии Врангеля к Новороссийску (1920) уступил командование Кубанской армией генералу С.Г. Улагаю и остался на Черноморском побережье во главе небольшого отряда. Вскоре был уволен Врангелем из армии и выехал из Крыма.

В эмиграции проживал в Париже, работал наездником в цирке.

Во время Второй мировой войны принимал активное участие в формировании казачьих частей, подчиненных немецко-фашистскому командованию и участвовавших в боях против Красной армии. В конце 1944 г. после провозглашения т. н. Пражского манифеста и образования власовского «Комитета освобождения народов России» Ш. и возглавляемые им воинские формирования вошли в его состав на правах «национального» управления.

В мае 1945 г. Ш. был выдан английскими оккупационными властями советскому командованию. По приговору Военного трибунала казнен в Москве в январе 1947 г.

Шмидт Тугендрейх Густавович, 1896 г. рождения, помещик, житель г. Гостынина Варшавской губернии, бывш. воспитанник Оренбургской семинарии.

Отдал в стирку костюм, в котором прачка Марфа Черпакова обнаружила бумаги непонятного для нее содержания. Будучи неграмотной, она показала бумаги старшему полицейскому Григорию Мирошникову. Он счел, что документы компрометируют Ш., и передал их в контрразведку.

Следствие установило, что Ш. с августа 1914 по август 1915 г., проживая в г. Намгане и Андижане Ферганской области, был завербован германским агентом в Афганистане фон Энгельгартом. Получил задание по сбору сведений военного характера по Туркестанскому военному округу. Должен был пересылать информацию в г. Кабул в резидентуру немецкой разведки.

20 октября 1916 г. Ш. по законам военного времени был приговорен к смертной казни, но, учитывая его юный возраст, ее заменили бессрочной каторгой. Дальнейшая его судьба не выяснена.

Штейфон Борис Александрович, 1881 г. рождения, генерал-лейтенант белой армии.

Родился в Харькове в семье ремесленника, крещеного еврея. Окончил Харьковское реальное училище, Чугуевское пехотное училище и Николаевскую военную академию (1911).

Служил в 124-м пехотном Воронежском полку. Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

В 1914 г. получил звание капитана, являлся помощником начальника разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии. В 1915 г. состоял в той же должности (но уже в чине подполковника) в штабе генерала Юденича. В июле 1916 г. — штаб-офицер для поручений при штабе 1-го армейского корпуса.

После октябрьских событий переехал в Харьков, где возглавил подпольную группу офицеров, занимавшихся нелегальной переброской добровольцев к А.И. Деникину.

В сентябре 1918 г. полковник Ш. покинул Харьков и явился в штаб Добровольческой армии. Был назначен командиром Белозерского пехотного полка. В июле 1919 г. назначен начальником штаба Полтавского отряда, а затем — дивизии генерала Бредова. Под ударами Красной армии в составе этого соединения отступил в Польшу, а затем через Румынию переброшен в Крым, где в 1920 г. произведен Врангелем в генерал-майоры.

После поражения армии Врангеля и эвакуации из Крыма поселился в Белграде, где с 1920 по 1930 г. опубликовал ряд работ по истории военного искусства и занимался преподавательской деятельностью.

В 1941 г. во время формирования т.н. Русского охранного корпуса в Сербии был приглашен занять пост начальника штаба. Вскоре принял командование корпусом.

Находился в постоянном конфликте с немцами, которые сомневались в благонадежности корпуса, не допускали его отправления на Восточный фронт, используя для борьбы с партизанами Тито.

Тяжело переживая потери корпуса в Югославии и будучи угнетенным невозможностью «прямой борьбы с большевизмом», генерал Ш. не выдержал напряжения и скоропостижно умер 30 апреля 1945 г. (по другим сведениям — был убит в Загребе).

Шувалов Александр Иванович, 1710 г. рождения, генерал-фельдмаршал.

Службу при дворе начал в юности — пажом при Петре I, а затем — камер-пажом и камер-юнкером цесаревны Елизаветы Петровны. Управлял ее вотчинным хозяйством.

Активный участник переворота 1741 г., в результате которого был свергнут император Иоанн Антонович. После воцарения Елизаветы Петровны был произведен в действительные камергеры (генерал-майор), а в 1744 г. повышен в звании до генерал-поручика. С 1746 г. — начальник Канцелярии тайных розыскных дел. В том же году получает титул графа, а в 1751 г. получает очередной чин генерал-аншефа.

С 1754 г. — гофмейстер двора великого князя Петра Федоровича. В 1760 г. Высочайшим указом назначается сенатором, а через год — генерал-фельдмаршалом. С 1763 г. в отставке.

Умер в 1771 г.

Шувалов Петр Иванович, 1711 г. рождения, генерал-фельдмаршал.

Брат А.И. Шувалова (см. соотв. ст.).

В юности являлся пажом жены Петра I императрицы Екатерины Алексеевны. В 1727—1728 гг. находился за границей в свите цесаревны Анны Петровны.

С 1731 г. — камер-юнкер цесаревны Елизаветы Петровны. Активный участник переворота 1741 г. После свержения императора Иоанна Антоновича и воцарения Елизаветы I произведен в действительные камергеры (соответствует воинскому званию генерал-майор). В 1744 г. пожалован в сенаторы и повышен в звании до генерал-поручика. С 1746 г. — граф, с 1751 г. — генерал-аншеф. В 1761 г. ему пожаловано звание генерал-фельдмаршала.

Умер в 1762 г.

Ю

Южин Борис Николаевич, 1947 г. рождения, урож. г. Москвы, бывш. сотрудник советской разведки.

После окончания специальной разведывательной подготовки в 1975 г. был командирован в США на стажировку в университет Беркли.

В конце того же года ФБР подставило ему агента, молодую привлекательную женщину, якобы симпатизирующую левым южноамериканским террористам. Ей удалось вывезти Ю. на конспиративную квартиру и соблазнить его. Через некоторое время по заданию американской контрразведки она довела до сведения Ю., что «ее квартира» была подвергнута обыску, а затем ее допросили в полиции. В ходе допроса полицейских интересовали ее связи, среди которых она назвала и Ю. Она предложила Ю. прибегнуть к помощи знакомого ей адвоката, в роли которого выступил сотрудник ФБР.

Вскоре состоялась встреча Ю. с «адвокатом». Последний для улаживания дела предложил Ю. встретиться с его другом из местной полиции.

Проблемы действительно «были решены». Постепенно Ю. был вовлечен в сотрудничество с ФБР, что подкреплялось денежными вознаграждениями. Вербовка была завершена в 1976 г. Он передал американским спецслужбам ряд секретных материалов резидентуры КГБ.

После двухгодичного пребывания в Москве Ю. был вновь командирован в США как корреспондент ТАСС в Сан-Франциско. Его сотрудничество с ФБР было продолжено, его снабдили шпионской аппаратурой (миниатюрные фотоаппарат, кинокамера и др.). В ходе встреч с сотрудниками американской контрразведки Ю. передал противнику копии отчетов резидентуры КГБ в Центр и сведения о планируемых секретных операциях.

В 1982 г. Ю. вернулся в Москву, был переведен в Управление внешней контрразведки, что особенно интересовало американцев. Однако в это время, из опасения быть разоблаченным, Ю. связи с ФБР не поддерживал. В 1985 г. благодаря утечке информации из ЦРУ в Москве получили сведения о его шпионской деятельности. После тщательной слежки, в 1986 г. Ю. был арестован и осужден на 15 лет лишения свободы. Однако в 1992 г. Указом Президента РФ Ельцина был амнистирован. В 1994 г. вместе с семьей выехал в США.

Юнг Игорь Леонидович, 1914 г. рождения, урож. г. Ташкента, российский подданный.

После революции вместе с семьей эмигрировал. С 30-х гг. занимается активной антикоммунистической деятельностью.

С началом Великой Отечественной войны поступил на службу к немцам. Стал одним из создателей т. н. Русской национальной народной армии (РННА), идея формирования которой родилась в недрах гитлеровских спецслужб (абвера и отдела «Иностранные армии Востока» Генштаба сухопутных сил).

Основная роль в реализации этого замысла вначале отводилась белоэмигранту генералу С.Н. Иванову, завербо-

ванному немцами еще до начала войны. В марте 1942 г. С.Н. Иванов встретился в Смоленске с командующим немецкой группой армий «Центр» фельдмаршалом Х.Г. фон Клюге и получил приказ о наборе личного состава РННА из числа белоэмигрантов и советских военнопленных.

В состав руководства РННА вошли С.Н. Иванов, К.Н. Кромиади, И.К. Сахаров, Ю.С. Пален, граф А. Воронцов-Дашков, граф Г. Ламсдорф. Непосредственный контроль за руководством РННА осуществлял начальник отдела контрразведки абвера подполковник фон Геттинг-Зеебург.

Формирование воинских частей РННА началось в белорусском поселке Осинторф (поэтому часто вместо РННА употреблялось наименование «Осинторфская бригада»).

Вскоре бригада начала действия по борьбе с партизанским движением в тылу группы армий «Центр», где зарекомендовала себя как ненадежная (неоднократно отмечались случаи массового перехода бойцов РННА к партизанам). В связи с этим немецкое командование отозвало всех белоэмигрантов из «Осинторфской бригады», которая в 1943 г. была расформирована (часть ее личного состава волилась в состав власовской РОА).

В это же время Ю. командирится в отдел VI Управления РСХА «Цеппелин». Ему присваивают звание майора СД. Он занимается сбором политической информации из СССР и его союзников. Оказывал помощь генералу А.А. Власову в создании спецслужб РОА.

В мае 1945 г. попал в плен к американцам, содержался в лагере для военнопленных. Был вскоре освобожден и выехал на жительство в Чили. Умер в конце 70-х г.

Юмин Борис (нач. XVII в.), донской казачий атаман.

В годы Смуты сражался против правительственных войск (известно о действиях его отряда в Угличском уезде в 1615 г.). В 1616 г. вместе с есаулами Игнатом Гавриловым, Андреем Польшкиным и Ионой Григорьевым «бил челом»

и целовал крест польскому королю Владиславу, претендовавшему на русский престол. Казаки заверяли его, что «верою и правдою служить и прямить хотят». Владислав в ответ прислал свою грамоту о принятии казаков в свое подданство и жаловании им службы в рядах польского войска.

Юрашев Николай Павлович, 1867 г. рождения, дворянин, бывш. вольноопределяющийся 13-го стрелкового полка, дислоцированного в Одессе.

Завербован резидентом австрийской разведки И.Э. Селецким (см. соотв. ст.). Участвовал в сборе разведывательной информации военного характера. Был арестован русской контрразведкой. По приговору суда сослан на вечное поселение в Сибирь. Дальнейшая его судьба не выяснена.

Я

Якимович Стефан Теодор Константинович, 1894 г. рождения, вольноопределяющийся 15-го авиационного отряда.

Перед войной 1914 г. завел множество знакомств среди немецкой аристократии, часто выезжал за границу. На курорте Цолоте встречался с немецким кронпринцем. В начале войны оказался в г. Цехоцинке. Выдал неприятелю поручика авиаотряда разведчика Воробьева. После этого Я. был завербован германской разведкой и переправлен в Варшаву.

Информация о поведении Я. поступила в русскую контрразведку. 5 июля 1915 г. в Варшаве Я. и некоторые его знакомые были арестованы. По делу, кроме него, проходили: мещане г. Варшавы Вильгельм Готлиб Карл Линштедт, 1867 г. рождения; Генрих Федорович Пфефер, 1856 г. рождения; Артур-Владислав Юльевич Буссе, 1881 г. рождения; Мошек-Ицек Кивов Бирцвайг, 1882 г. рождения; Чеслава Шулимовна Гохштейн, 1897 г. рождения; студент Богуслав

Генрихович Пфефер, 1892 г. рождения; мещане г. Влоцлавска Лейба Вениамин Шоелевич Штерн, 1849 г. рождения; Герша Соломонович Кирштейн, 1872 г. рождения; дворянин, инспектор петроградского страхового общества Иван Фелицианович Дзержинский, 1877 г. рождения; дворянин, инженер варшавской фирмы «Лемпицкий и К°» Иван Ипполитович Коверский, 1883 г. рождения.

На допросах Я. все отрицал, утверждая, что Воробьева схватили без его помощи, а через линию фронта его, действительно, переправили немцы, но сделали это «по личному знакомству». Поскольку следствие велось в военное время, то оно не стало себя затруднять поиском более надежных улик. Я. в административном порядке был отправлен в ссылку в Иркутскую губернию. Однако бежал, и его розыск успеха не принес.

Гохштейн, Дзержинский, Ковернский были оправданы, Линштедта и Генриха Пфефера сослали в Иркутскую губернию. Остальным фигурантам дела запретили на время войны жить в прифронтовых местностях.

Якушкин Иван (уп. в нач. XVII в.), новгородский дворянин.

Сторонник шведской партии в Новгороде. В 1611 г. был послан в Стокгольм, где объявил королю о намерении новгородцев призвать на русский трон представителя шведской династии (подробнее см. ст. Новгородская смута).

Янсен Яков Дмитриевич (ум. в 1696), голландец на русской службе, бомбардир. Получил русское подданство, принял православие.

Во время Первого Азовского похода 1695 г. изменил Петру I, перебежал к туркам и выдал им планы русских штурмовых укреплений. Это в немалой степени способствовало провалу штурма турецкой крепости русскими.

Во время Второго Азовского похода в 1696 г. Я. принимал деятельное участие в обороне Азова. Он соорудил по-

зицию для восьми турецких орудий и «по государевых людех в полки стрелял». Перебежчик лично участвовал в трех вылазках турок против русских.

После взятия Азова Я. был схвачен. Достоинно внимания описание его этапирования в Москву в составе триумфальной процессии русского войска, торжественным маршем входившего в столицу: после колонн Преображенского полка «позади тех рот везли вора и крестопреступника и изменника Якушку, на четырех лошадях.

Телега намощена тесом и поставлены рей, а на рейах по столпам воткнуто по обе стороны два топора, два ножа повешены, два хомута, десять плетей, двое клещей, два ремня, а Якушка в турецком платье, голова в чалме обвита по-турецки, руки и около поясницы окован цепями, на шее петля, на грудях бумажное зеркало, на перекладине веревка петлею и ложена на шею, на перекладине подпись:

Переменою четырех вер Богу и изменою, возбуждает ненависть турок, христианом злодей.

Да над ним же луна, да звезда с подписью: Ущерб луны.

На зеркале на груди написано: Злодей.

...Везли того Якушку в другие ворота, что подле Триумфальных ворот. В Белой город, во всесвятские нижние ворота для того, что он за многое свое воровство и измену в Триумфальные ворота весть недостойн».

На суде в Преображенском приказе Я. предъявили обвинения в измене российскому государю и православной вере. После пыток и допросов Я. был казнен колесованием 7 октября 1696 г. в с. Преображенском.

Ярослав Ярославович (?— 1271), новгородский князь.

В 1270 г. был изгнан с княжеского стола по решению новгородского веча, которое обвинило Я. в злоупотреблении властью и незаконных отчуждениях имущества.

Я. решил силой вернуть себе новгородский стол. С этой целью он обратился в Орду за военной помощью. Заявил

хану, что причиной его изгнания явилось нежелание новгородцев платить татарам дань.

Хан послал на Новгород большое войско, однако брат Я. костромской князь Василий разоблачил его, и татары повернули назад.

После непродолжительного военного противостояния новгородского войска и княжеских дружин между ними при посредничестве митрополита был заключен мир.

Ярославский (он же — Нестерович) Владимир Степанович, 1895 г. рождения, бывш. сотрудник Разведывательного управления Красной армии.

Участник Первой мировой войны, имел звание штабс-капитана.

В 1917 г. после Февральской революции вступил в РСДРП. Воевал в Красной армии на фронтах Гражданской войны, командовал «Железной заволжской бригадой». Участвовал в военных действиях на Южном и Восточном фронтах, а также в уничтожении махновских банд на Украине. Награжден орденом Красного Знамени и именным оружием.

Обучался в Военной академии, после окончания которой был принят в Разведывательное управление РККА.

В 1923 г. командирован в Австрию, где возглавил нелегальную резидентуру. Курировал работу нелегалов в Балканских странах.

В том же году выехал в Германию, где установил связь с английской разведкой, которой выдал известную ему секретную информацию о работе советской военной разведки. Мотивом побега Я. послужил факт организации Коминтерном взрыва в Софийском соборе в столице Болгарии с целью убийства премьер-министра А. Цинкова. В результате взрыва погибли 150 человек, при этом А. Цинков не пострадал.

В 1925 г. Я. был убит агентами Коминтерна в г. Манце.

Яцковский Стефан Войцехович 1859 г. рождения, мещанин, проживал в посаде Хорджел Праснышского уезда Плоцкой губернии, русский подданный.

6 октября 1897 г. младший ветеринарный фельдшер 3-го отдела Ломжинской бригады пограничной стражи Василий Иванов случайно встретился с Я. на улице. Последний пригласил его в шинок Юхневского. Они заняли отдельный кабинет. Я. заказал бутылку водки и, когда фельдшер запянул, достал какие-то записи и начал спрашивать, сколько дислоцируется отрядов пограничной стражи между реками Оржец и Омул. При этом Я. доверительно сообщил, что сведения нужны ему для передачи «хорошему человеку в Пруссии».

Иванов, желая поймать шпиона с поличным, притворился пьяным и предложил пройти в канцелярию штаба, где он все выяснит по подлинным секретным документам. Оставив Я. во дворе канцелярии, фельдшер нашел полковника Зиновьева, которому доложил о происшедшем. Я. был арестован. При обыске у него была обнаружена шпионская инструкция на немецком языке.

Я. свою вину полностью признал и пояснил, что выполнял задание прусского жандарма Гардена. Однако он утверждал, что делал это не в целях шпионажа, а из желания угодить Гардену, с которым часто имел дело при поездках через границу по своим торговым делам.

Варшавским военно-окружным судом был приговорен к одному году и четырем месяцам тюремного заключения.

Приложение № 1

Представление об арестах по подозрению, число осужденных за шпионаж и сотрудничество с иностранной разведкой в 1911—1913 гг. дает таблица, составленная в Регистрационном отделении особого производства Главного Управления Генерального Штаба в 1913 г.¹

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 297. Л. 9 об. — 10.

Округа	Число арестованных	Уличенных по суду					Подозреваемых в шпионаже					
		Австрия	Германия	Япония	Англия	Афганистан	Австрия	Германия	Япония	Швеция	Афганистан	Китай
Петербург	6	1	2	—	—	—	—	22	—	—	—	—
Варшавский	22	1	—	—	—	—	8	13	—	—	—	—
Виленский	13	1	2	—	—	—	—	9	—	—	—	—
Киевский	12	—	—	—	—	—	8	2	—	—	—	—
Одесский	5	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—
Кавказский	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Туркестанский	10	—	—	—	—	3	—	—	—	—	4	1
Иркутский	4	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Приамурский	27	—	—	—	—	—	—	—	25	—	—	1
Всего ¹ :	100	3	4	—	—	—	19	27	28	1	4	4

¹ Считая освобожденных из зала суда за недостаточностью улик.

В Варшавской губернии проходили по делам губернского жандармского управления: 1914 г.¹ И. Мосаковский (629), А.Г. Поранский (642), А. Модзеляк и К. Когаровский (643), Р.М. Шифрин (657), Л. Кляймер, Бланке, Л. Лейнерт (661), О. и К. Скибинские (662).

В 1914—1915 гг.: В.К. Паулинский и Б. Савинский (663), И.А. Поплавский, С.Т. Андржеевский, Г.А. Ковальский (677), Х.М. Мендельсон (678), С.М. Грудневский (689), П.З. Дейкарнова (693), М.Я. и Г. Шайер (697), И. Мазурский и Ф. Цукер (698), А.Л. Гельблум (699), С.А. Булаковский и Ф.П. Буда (700), Н.П. Антонюк (701), И.А. Шмулевич (702), Л.З. Шапиро (704). Я.М. Зависляк и С. Карпинский (705), А.С. Кухарский (706), Р.Г. Мадер (707), О.Э. Фенцк (708), Х.М. и М.Ш. Дуклер, Ц.М. Червец и Я.М. Дорне (709), Ю.Г. Вернер и В.В. Видерман (710), Р.М. Штейн (713), Ч. Манн, С. Зильберберг и И. Осинский (714), В.К. Герман и М.Л. Шуберт (715), Л.Х. Лембергер и С.М. Вайнберг (716), Д.А. Вольф (717), М.М. Будник-Клюз (718), Г. Кельм и А.А. Рейзнер (719), М.И. Крол (720), П.П. и Ю.Ю. Здунек (722). Ф. Мюллер, Т.А. Пиль и Р.И. Бауэрц (723), А.-С. Роде (724), Р.А. Кункель (725), В.В. Трофимов, Ш.Ш. Маерзон, М.Д. Шиморовская (727), Ф.Я. Роде и Ф.С. Грамс (728), Г.И. Гербе (729), Г.Э. Гроссман (731), А.К. Бредефельд (732), И.И. Веертрегер и Ш.Х. Жаке (734), М., П., и А. Гринбляты (735), Р. и Н. Шенберг и Р. Нейман (738), М. Виньковский и С. Спанцерский (741). Г.Э. Лядаховский (742), П.Б. Симонсон и Э.Б. Гольдштейн (743), И.Г. Куфельт (745), Е.Я. Нейман (746), Ю.М. и М.М. Раппопорт (747), Г.М. Фефер (751), М.Б. Даске, М.Э. и Г.М. Эйляш. Я. Бургард (752), Л.Ш. Шварц, М.Б. Левин, Ш.Ш. Гутштадт, А.Э. Ратке (753), И.В. Фриц,

¹ Дела хранятся в ГАРФ (Ф. 217. Оп. 1). Номера дел даны в скобках в тексте.

В. Перчуль, М.П. Сопкевич (755), Ю.В. Петрушка (757), Я.Б. Гляйхгевихт (763). З.Я. Бауман и М.И. Райзман (764), В.Г. Ран и Э.Ю. Петер (765), Я.И. Вольский (766), Р.И. Вальсам (767), В.С. Раевский и Ю.Ю. Клиновский (768), И.И. Сипол (770), А.А. Графчинский (771), М.М. Кин (772), З.П. Гутман (773), И.М. Лянге (774 и 791), Р.Т. Писарек (775), Ю. и М. Но-вицкие и Л.Г. Дробинская (776), М.В. Тайхман и И.И. Барабан (778), А.М. Гальбер (780). Ф. Освальд (781), Я.С. Вейнберг (783), Р.О. Виттоло (784), М. Шварцштейн (788), Л.М. Гейне (789), В.М. Шульц и С.Г. Трайхель (790), Б.-Ф. Янковский (792), М.В. Касперский и Б.Ф. Заковский (794), А.Ф. Шульц (795), К.М. и Х.М. Окснеры (796 и 914), Г.Г. Домбровская. Ф.Ф. Аликовская, Г.И. Аликовский, А.А. Прендкопович (798), Б.С. Мацюлевич и С. Вронский (799), А. Щигель, Л. Канарек и С. Познанский (804).

В 1915 г.: М. Шинке, Г. Нецель, Ф. Эпс, Э.Г. Гринке (826), В. Барчинский, М. Прушинский (828). Э.И. Стефанус (830), С.Ю. Пашковский (831), И.Ш. Розенпик (832), А. Качковский (833), В.М. Листопад, Ю.Т. Росоловский, Я.Ю. Копровский (834), В. Пионтковский (835). А. Якубович, А. и И. Гольдберги (836), А.Г. Зык (838), А.А. Энгель (839), М.Б. Рынкевич и А.Д. Гольдберг (840), А.Б. Бушинский (841), П.Г. Франк (842), Ф.Ф. Миллер (843), А.М. Кронский (844), С.А. Возняк (845), К.А. Костецкий (846), А.В. Канцлер (848), Е.Э. Генчель (849), А.М. Свислоцкий, С.Х. Шухе, Г.Г. Турчин, Л.Л. Эдельштейн (850), Ф.Я. Гржегорчик и А.А. Блазиик (851), Ш.Ш. Розенталь (852), Ю.Ш. Сек (853), К.П. Каписевич (854), С.А. По-дольский (855), Х.Ф. Майер (856), Б.-В. Гельвиг и Е.А. Фидлер (858), Ю.В. Корн (861), Л.Т. Дынишкевич (862), Э.Б. Павловская (865), П.Ф. Антошевский (866), Ш.М., Г.Ш., Х.Ш. Юды, Б.С. Учене, Р.Ю. Тульман и П.И. Баум (867), М.М. Геммерлинг (871), И.И. Зингер (872), Э.П. Недзевецкий (874), Я.Ф. Бризек и Я. Зеленый (875 и 976), А.Я. Крайтерман и М.А. Штабзыба

(876), К.Ф. Кемпенский (877), Я.Я. Васильковский (878), С.Т. Голембиовский (879), Е.В. Добржанская (882), Ф.А. Кравчик (883), А.П. Павлюк-Куца (884), С.И. Засада (887), В.М. Лянге (889). И.Т. Робаковский и П.М. Табор (891), А.Э. Ковальский (892), Я.А. Мацеевский и Ф.А. Гужинский (895), С.М. Блинкавич (896), Е.Д. Янишевская и А.Ф. Пензинская (897), С.П. Ястржемский, Ю.П. и С.П. Заржембский (900), К.Я. Глесман (901), Ш.Л. Романкевич (904), С.С. Царко и Б.Ф. Желеховский (907), А.Л. Эйсбрер (909), А.Ш. Тарк, М.Ю. Штрумф, С.Т. Жарко и Т.Л. Ольшак (910), С.И. Скворонский (911), Ф.С. Вертальский (912), М.П. Каплан, Н.С. и Я.Х. Корманы (913), М.-Л. Шварц (915), А.Я. Щестной (916), Ю.П. Вельгус (917), А.Я. Дебус (920). Э.Ф. Польцох и С.И. Богданский (923), Ф.А. Сходовский (925), И.М. Кронгольд и А.Ш. Фриде (926), Ю.А. Ендржейчак (927), С.Г. Мангот (928), В. Кимачинский (930), Я. Фабрикевич и Ф. Гапинский (932), Ф.Ю. Шульц и Я. Ранищевский (933), Б.В. Киселевский (935). С.А. Хлебовский и И.И. Кавецкий (936), А.Я. Копровский (937), С. Голембевский (938). А.Ф. Смыл (933). С.М. Ковальчик (940), И. Карнгольд и Я. Дайчеванде (941 и 1015). А.А. Денсбург (942). И.-Л. Фридлянд (944), Я.К. Шиманский (947), Л.Ф. Бухгольц и Э.Г. Гинкальман (948). С.Ш. Розенберг (949), В.В. Кендзерский (950), З.Ш. Кац (951), Ш.А. Длуский (952), Э. Вецке (953), Л.И. Гловенковский (954), Ю.М. Бляшке, И. Дробный, Л. Бялостоцкий, М.-Г. Пеле (955 и 982), Г.В. Домбровский (956), С.Д. Шапошников (957), Я.Л. Янчевский (959), П.И. Роман и А. Дезнер (961 и 1100), Я.И. Фукс (962), А.А. Процевский (963), С.А. Хлебовский и И.И. Кавецкий (964), В.И. Биньковский и А.Ф. Гаце (965), Л.Ш. Зигельберг (966). П.С. Хуте (967). И.К., В.К. и И.И. Йешки (968, 969), П. Суховольский, М. Коренбрум, М. и Р. Шварцы (971), К.Г. Буса (973), В.К. Зыгмунтик (974), Л. Крамплиц (975), Э.И. Тайбере (977), И.Г. и Е.Г. Береты (978 и 979), М. Переплетчик и Ч.М. Тузин-

кевич (981), С.М. Тухбанд (984), П. Суховольский. М. Коренбрум, М. и Р. Шварцы (985), И.И. Груббе, Ю. Фальковский (986), В.В. Серватко (987), А.И. Гиллер (988), Ш.П. Гайтлер (989), Ф.Ю. Зысс (990), Н. Пашковский, М.М. Скрипкина (991), Г.Ф. Тыл (992), И.-Ф. Шварц и К.Ф. Шпиц (993), Б.Б. Фридман (994), П.К. Букин (995), И.-А. Тененбаум (996), А.В. Круп, Р.Л. Зачек (997 и 1002), Н.Я. Лищинский и Ц.Ш. Нельсон (999), А.Я. Жедик, Н.В. Майоров, С.А. Дурасевич, М.И. Грешко (1000 и 1022), А.Ю. Менге (он же — А.В. Росолек), С.Г. Петржизская и С.Ю. Хохол (1003), Ф.И. Прокоп и М.А. Подлянский (1005), В.А. Плящик (1006), К.С. Вольфрам и С.А. Родыс (1008), Л.Я. Карвовский (1010 и 1024), А.К. Эндерот (1013), Р.Р. Цапинский, А.Ф. Кошутский (1014), Л.М. Цвейгенгафт (1016), З.Ш. Дембинский и З. Фридман (1017 и 1036), Б.Ф. Бота (1018), С.В. Кельчик (1019), Г.Ю. Бертольд (1021), Л.И. Эйберман, Я.А. Тенненбаум, Д.Д. Гольдман (1025), В.-Ю. Рейман (1026), В.Е. Роговский (1027), Я.Ф. Патурай, И.А. Стройный (1028 и 1032), И. Венерский (1029), Ю.С. Учик (1030), С. Козловский (1034), А.Э. Ремус (1035), К.К. Топольский (1038), Ю.В. Новак и М. Вронский (1039), А.Ц. Копытский и Я.Ф. Сечак (1041), Т.К. Лейман и О.К. Фриденбергер (1042), А.Л. Гайдицкий (1045), С. Якимович, С. Валовский, Л. Рожневский (1046), Ф.М. Вайншток, Я.-К. Шрайбер (1049), В.К. Висневский (1051), К.А. Жарский (1052), Ф.Ю. Скопяле (1053), К.-В. Питровский (1055), Я.В. Студнярек (1056), А.Ю. Шуман (1057 и 1097), Я.В. Ковальский и В.А. Адамох (1058), К.Ю. Биллер (1059), М.Ш. Шейнфинкель и Д.Ш. Касман (1060), С.Л. Капицкий-Кавицкий (1061), Г.Д. Деркач (1062), Р. Теофияк, Р. Шляцкий и Ф. Войцех (1063), Я.Ю. Ковальский (1064), Я. Ваилавек (1065), С.В. Заорский (1066), А.И. Ковальский и К.С. Бульский (1068), М.Я. и Э.Я. Корнвас (1079), Ф. Попель (1071), А.Т. Липинский (1072), М.Г. Мрочковский (1073), И. Пинкус (1075), А.М. Шанявский (1076), Э.А. Пель-

цер (1077), Т.А. Щипковский, Гольдзамлер (1080), И.И. Турецкий (1081), И.И. Домброд (1082), В. Шуля (1083) и Э.А. Чаплярский (1085), Ш.С. Ротмиль (1086), А.Я. Кравчик (1087), В.А. Косинский (1088), В.В. Марцинковский (1089 и 1090), Л.Я. Ковальчик (1091 и 1106), В.Л. Штенберг (1092), М.А. Сердень (1093), Т.И. Космаль (1094), Б.Я. Ворнянская (1096), Ф.С. Зоммер, Я.Р. Мельнер, Г.В. Гузик (1101), С.Ц. Желенский (1109), С.Ю. Саковский (1123), В.М. Янишевский, К.К. Гильдебрант, И.А. Стемпен (1127 и 1128), С.С. и Ф.С. Кубятовские (1129). Г. Крушинский (1136 и 1143), К.А. Романовский и А.Э. Сукерт (1140), Ю.А. Кухарский (1142).

В 1915 г. Варшавский генерал-губернатор постановил запретить жить в прифронтовой зоне как подозревающимся в шпионаже¹: И.З., Я.Ш., Ш.Я., М.А., А.Ш., Э.Х. и И.А. Козе, Я.С. Гроеу, Я.Ш. и Ш.Б. Помаранецу, З.Л. Гецелевичу, И.З., Д.З. и А.З. Гещелевичам, И.А. и Х.И. Бергердам, А.Г. Штиферману, Г.-Б.А. Бадоверу, Ш.В. Бляту, Ш.А. Генькевичу, Б.И. Клейну, Д.Ф. Гольдберту, П.М. и Б.И. Штиферманну, И.-Ш. Палтынову-Штиферману, Ш.-Д.М. Рынкевичу, Ю.Д. Пржитицкому, Р.-М. Я.-Д. Зельману, А.-Г. М.-Г. Фингеру, Ш.-И. Х.-Л. Розвергеру, М.И. Грязману, Я.-А.Х. и М.Я.А. Пфуфам, А.-Я. Д. Розенбауму. С.-Г. Я. Гольдбергу.

По Ломжинской губернии² — 1914 г.: подрядчик 21-го пехотного Муромского полка З. Волк (1339/231), крестьяне Толонк (1339/234), В.М. Конвайтис (1339/257), Трофимчук (1339/261), Руткевич (1339/273), Мечниковский (1339/277), крестьянин Шильке и мешанин Бутрейман (1339/279), мешанин Фридман (1339/237, сослан в Томскую губернию). Гурман, Ляховим, Стронявский (1339/256),

¹ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 759. Л. 105.

² Дела хранятся в ГАРФ (Ф. 1139. Оп. 1. Д. 1669. Оп. 1). Номера дел указаны через дробь в скобках после фамилии (первая цифра — номер фонда, вторая — номер дела).

А. Соберайский, Э. Этцель и др. (1669/85), 1915 г.: крестьяне С. Дренжек (1339/209), С. Бервальд (1339/212), Я. Вишневский (1339/344, выслан в глубь России). Листе (1339/347), А.М. Желязко (1669/93), бывший начальник Кольненского уезда И.М. Битнем-Шляхто (1669/94), СМ. и Х.Б. Вишняк (1669/95), Ф.Т. Колачковский (1669/96). А.О. Марковская (1669/97), Х.-Л. З. Лейзерзон (1669/98), Я.Я. Чайка (1669/99), К.И. Ломтев (1669/100), Я.Ф. Пионтек (1669/10Л, К.С. Кемпист (1669/103), П.А. Тарнацкий (1669/104).

По Люблинской губернии¹: 1914/15 г. — А. Гижицкий (101-IV); 1915 г. — Л. Нутер (89-1), Г. Канер (98-1), М. Ниос (100-III), Г. Новоселецкий (130-7).

Через Келецкий окружной суд²: 1915 г. — Сцигае, Богае, Моравский (5), Г. и А. Запорских, И. Слядковский (8), С. Федкович и С. Кудельский (10), Норек (12), П. Голембиовский и И. Миштале (15), К. Жицкий (16), Л. Пиоземский (17), Ф. Рызнер, М. Розенблат, С. Кудрасинский (18), А. Шмидт (19), А.М. Розенгвейгах (20), Г., С. и А. Сверчковские и Марусинская (21), Фронцкевич (22), В. Мышковский (23), С. Бохенек (24), П. Слифарский (26), А. Матусяк (27), А. Зданкевич и И. Канский (28), Б. Соколовский, И. Белявский, М. Скржипчак (29), Лизурай (30), Зберецкая (32); 1916 г. — Гавлик и Хиба (13), Ф. Треле и А. Матерный (14), Скорупский и Хмелевский (33), Гавлик (34), Розенфарб (35), Билевский (36), Станьковский, Кудельский (38), Ф. и А. Цепелях, Хвозик (40), Укельский (41).

В 1914 г. Варшавским районным охранным отделением рассматривалось дело подозревавшегося в связях с иност-

¹ Дела хранятся в ГАРФ (Ф. 294. Оп. 1). Номера дел указаны в скобках после фамилий.

² Дела хранятся в ГАРФ (Ф. 291. Оп. 1). Номера дел указаны в скобках после фамилий.

ранной разведкой А.С. Владиславова (ГАРФ. Ф. 1660. Оп. 1. Д. 156). В том же году из Варшавы в Енисейскую губернию был выслан по обвинению в шпионаже почетный гражданин Абрам Гирш Иоселев Мейлахович (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 478. Л. 16—18). 26 июля 1914 г. туда же отправлены: сверхсрочный писарь 109-го пехотного Волжского полка А.Г. Кондратенко, купец 2-й гильдии И.Г. Давидович, помощник присяжного поверенного Г.Л. Маркус, мещане Э.Д.-М. Куприц, П.М. Слиозберг, З.Г. Фидлер. М.-И.Ш. Найвидель, И.Н. Фрейдберг, Х.А. Дислер, М.А. Маркус, П.Ш. Эльяшевич, К.К. Лубих фон Милован, М.Х. Сагалович, Р.М. Гарбо (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 478. Л. 107). В августе 1914 г. из Одессы по подозрению в шпионаже в пользу Германии выслан владелец технической конторы С.А. Цитрин; по обвинению в связях с болгарской разведкой: из г. Ргеева Бессарабской губернии — А.К. Авербух, из г. Ананьева Херсонской губернии — И.С. Гурвиц. Из Бердичева в Сибирь отправлен Б.Л. Чернявский, из г. Калиша — В.И. Вагнер и из Гродненской губернии — Т.К. Павлючук (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 478. Л. 180, 181. 192, 195).

1917 г.: крестьянин С.Н. Кушнер (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2304), присяжной стряпчий Г.Г. Шталь (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2337).

Приложение № 3

Текст присяги, даваемой всеми военнослужащими русской армии, в том числе Алексеевым М.В., русскому императору Николаю II:

«Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилоостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всерос-

сийского Престола Наследнику, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, исполнять. Его Императорского Величества Государства и земель Его врагов, телом и кровию, в поле и крепостях; под водой и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не только благовременно объявлять, но всякими мерами отвращать и не допускать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мной начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание, и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать; от команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному (офицеру или солдату) надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогуший. В заключение же сей моей клятвы, целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Приложение № 4

Напрашивается предположение о вымышленном имени изменника, с воплощенной в нем характеристикой предателя. Блуд — старосл. — бладь, чеш. — blud, польск. —

blad — «ошибка», «заблуждение», в древнерусском — «исповедование ложного учения», «разврат», «распутство». Его подлинное имя история не сохранила.

Приложение № 5

В 1941 г., после нападения фашистской Германии на Советский Союз, немецкие спецслужбы приступили к активной шпионской и диверсионно-террористической работе на фронте и в советском тылу. Кроме этого, была развернута беспощадная борьба с партизанским движением и любой другой формой сопротивления советских людей немецким оккупантам.

Основную роль в этой деятельности гитлеровское руководство отводило военной разведке и контрразведке — абверу, а также гестапо и СД.

В июне 1941 г. для более эффективной организации разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против СССР при абвере была создана специальная структура, условно именовавшаяся штаб «ВАЛЛИ».

Основными органами этого «штаба» являлись абверкоманды и абвергруппы, действовавшие непосредственно на советско-германском фронте. Среди последних особую активность проявляли абверкоманда 103 (до июля 1943 г. она именовалась абверкомандой 15), приданная армейской группировке «Мите»; абверкоманда 304, приданная армейской группировке «Норд»; абверкоманда НБО, обслуживающая интересы военно-морских сил Третьего рейха.

Абверкоманда 103 (полевая почта № 09358Б, позывные радиостанции «Сатурн») вела активную работу на Западном, Калининском, Брянском, Центральном, Прибалтийском и Белорусском фронтах, а также производила разведку глубокого тыла Советской Армии, засылая агентуру в Москву и Саратов.

Вначале абверкоманда вербовала агентуру из числа белоэмигрантов и членов украинских и белорусских националистических формирований. С осени 1941 г. акцент в вербовочной работе был перенесен на военнопленных, находившихся в лагерях в Борисове, Смоленске, Минске и Франкфурте-на-Майне. С 1944 г. в связи с участвовавшими провалами вербовка агентуры велась в основном среди более «надежного контингента»: полицаев, так называемых «казацких частей», власовцев и т.п.

В августе 1941 г. при абверкоманде 103 была создана Борисовская разведывательная школа, где проходили подготовку подавляющее большинство агентов. После окончания обучения агентура направлялась в пересыльно-переправочные пункты (так называемые G-лагеря и штатс-бюро), в которых получала дополнительный инструктаж, уточненное задание, экипировку, документы и оружие. Затем агенты переходили в подчинение абверкоманды 103.

В школе одновременно в течение 1—2 месяцев обучались до 150 чел., из них 50—60 — радистов. При зачислении в школу агенту присваивалась кличка, при этом запрещалось называть свою настоящую фамилию и расспрашивать об этом других.

Подготовленная агентура перебрасывалась в тыл советских войск по 2—3 чел. (один — радист) и в одиночку на центральные участки Восточного фронта, а также в Московскую, Калининскую, Рязанскую и Тульскую области. Некоторые агенты получали задание пробраться в Москву и осесть там.

Значительная часть агентуры засылалась в партизанские отряды для выявления их местонахождения и подготовки уничтожения.

В связи с наступлением советских войск школа постоянно передислоцировалась. В начале 1945 г. она находилась в Германии в г. Бисмарк, где в апреле того же года была

расформирована. Часть ее личного состава ушла в гор. Аренбург (на р. Эльбе), а другая часть переоделась в гражданскую одежду и «растворилась» на территории, занятой частями Советской Армии.

Приложение № 6

Грузовые автомобили с герметическим кузовом, в который входило единовременно 80 арестованных. Заводился мотор машины, при этом выхлопные газы подавались через специальное устройство внутрь кузова. Через 10—15 минут из кузова выгружались трупы.

Приложение № 7

Манифест Комитета освобождения народов России

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом со-

здать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они поднимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная Армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 г., своей двойственной политикой, соглашательством и неже-

лением взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народов свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей Родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам принятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, созидаящий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустар-

ного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма,

за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего, чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Визвольного Вийска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общи-

ми должны быть и наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте порученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной Армии! Прекращайте преступную войну, направленную на угнетение народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

Приложение № 8

В годы Великой Отечественной войны в состав Красной Армии входила 201-я латышская пехотная дивизия, особо отличившаяся в боях под Москвой и Старой Рузой и получившая звание гвардейской.

На базе этой дивизии был сформирован латышский корпус, 20 тыс. воинов которого были награждены орденами и медалями, 29 из них стали Героями Советского Союза.

Самозванство в России проявило удивительную живучесть. Известно, например, что за убитого императора Петра III выдавал себя в XVIII в. руководитель крестьянского движения Емельян Пугачев.

Даже в советское время этот исторический феномен не исчез.

В 1924 г. на Алтае, в Барнаульском округе, появились слухи о том, что царевичу Алексею, сыну Николая II, чудом удалось избежать расстрела. Он якобы проживает в г. Бийске. Оказалось, что местные жители считают царевичем рабочего отделения Госторга Шитова Александра Ивановича, 20 лет, комсомольца с 1920 года, выходца из бедной крестьянской семьи.

Поводом для этих слухов послужило сходство Шитова с фотографией царевича Алексея, которую ему предъявила хозяйка квартиры, где он проживал.

Эти слухи особенно сильно циркулировали в среде иоаннитов (последователей Иоанна Кронштадтского, убежденного монархиста и преданного дому Романовых).

Несмотря на то что Шитов категорически отрицал свое царское происхождение, ему не верили и старались убедить в обратном. Вскоре вокруг него сплотилась значительная группа иоаннитов, которая фактически взяла Шитова на общее содержание. Он быстро понял преимущества своего нового положения, вышел из комсомола и бросил работать.

Иоанниты начинают перевозить Шитова из города в город (Барнаул, Свердловск, Челябинск, Тверь, Москва и др.).

Он в основном вращается в кругу иоаннитов и их единомышленников, посещает монастыри. Вскоре его знакомят с «его сестрами» Анастасией и Марией, а также его «родственником» Владимиром.

В августе 1927 г. Шитов был арестован ОГПУ. Вместе с ним подверглись аресту еще 45 человек, в том числе «Ана-

стасия Николаевна», «Мария Николаевна» и «Великий князь Владимир».

Советская власть расценила опасность самозванства также, как делали это и при самодержавии.

Шитов и еще восемь обвиняемых Коллегией ОГПУ были приговорены к расстрелу, остальные — к различным годам концлагерей либо высылке.

Приложение № 10

Каламатиано Ксенофон Дмитриевич (1874—1923), резидент американской разведки в Советской России в 1918 году. Использовал в качестве прикрытия должность руководителя Информационного бюро при Генеральном консульстве США. Ранее работал в России, свободно владел русским языком (его мать была по национальности русской, а отец — грек).

Использовал обширные связи среди бывших царских военных, дипломатов, ученых. В короткий срок создал в Москве внушительную агентурную сеть, с помощью которой добывал ценнейшую информацию военного и политического характера. Активный участник так называемого «заговора послов», вдохновителем которого были английские и французские разведчики Ф. Нуланс, Р. Локкарт, С. Рейли и др. Заговорщики в нарушение норм международного права активно вмешивались во внутренние дела Советской России. Планировали арестовать правительство большевиков, поставить у власти марионеточное правительство, заставить его возобновить войну с Германией. Одновременно готовились условия для расчленения России и предательской передаче странам Антанты значительных территорий на Севере и Юге страны.

В августе 1918 года в результате контрразведывательной операции, проведенной ВЧК, «заговор послов» был раскрыт. Последовали повальные аресты агентуры иноразведок. С. Рейли бежал, Р. Локкарт выдворен, К.Д. Кала-

матиано арестован, поскольку между США и Советской Россией официальных дипломатических отношений установлено не было.

На следствии К.Д. Каламатиано признал свою вину и выдал всю свою агентурную сеть.

Американский резидент и часть его агентуры предстали перед судом. К.Д. Каламатиано был приговорен к расстрелу, однако приговор не был приведен в исполнение. В 1921 г. разведчик был выкраден из тюрьмы и отправлен в США в обмен на «несколько вагонов тушенки».

Этого унижения американец никогда не мог забыть. По возвращении в США он настойчиво просил позволить ему продолжить работу в разведке для борьбы с большевиками. Такое разрешение было им получено только в 1923 г., однако вскоре на охоте он отморозил ноги и умер от гангрены.

ИСТОЧНИКИ

(опубликованные и архивные документы)

Абрамов В. СМЕРШ. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М., 2005.

Абрамович Г.В. Князя Шуйские и российский трон. Л., 1991.

Агабеков Г.С. Секретный террор. Серия: Жестокий век: разведчики и шпионы. М., 1996.

Агафонов В.К. Парижские тайны царской охраны. М., 2004.

Аксел А. Герои России 1941–1945. М., 2002.

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Под ред. В.И. Старцева; коммент., примеч. С.Л. Андруса, А.В. Смолина. М., 1993.

Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. III. Ч. 1–2. М., 2001.

Алтунян А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина // Идеино-стилистический анализ записок Ф.В. Булгарина к Николаю I. М., 1998.

Аналитический проект военных действий в 1812 г. П.А. Чуйкевича // Российский архив. Кн. VII. М., 1996.

Андреева Е. Генерал Власов. Русское освободительное движение. М., 1993.

Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля (Биографические очерки о разведчиках). М., 2000.

Архив РОА. Материалы по истории русского освободительного движения. Вып. 2. М., 1998.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990.

Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. М., 1991.

Баранец В. МиГ перебежчика // Комсомольская правда. 1998. 24 сент. (№ 178), 26 сент. (№ 179), 29 сент. (№ 181), 30 сент. (№ 182).

Бармин А.Г. Соколы Троцкого. Серия: Жестокий век. Кремлевские тайны. М., 1997.

Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

Башилов Б. Враг масонов № 1. Масоно-интеллигентские мифы о Николае I. М., 1988.

Башилов Б. История Русского масонства. Вып. 1—6. М., 1992—1993.

Белое дело. Добровольцы и партизаны / Сост. и коммент. С.В. Карпенко. М., 1996.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997.

Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993.

Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1987.

Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. Серия: Осмысление века. Дети об отцах. М., 1994.

Беседовский Г.З. На путях к термидору. Серия: Жестокий век. Кремлевские тайны. М., 1997.

Блейк Дж. Иного выбора нет. М., 1991.

Бодков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995.

- Болтromeюк В.* С кем мы сражались // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1995.
- Боханов А.Н.* Император Николай II. М., 1998.
- Бочаров Л.И., Ефимов Н.Н., Чачух И.М., Чернышев И.Ю.* Заговор против русской истории (факты, загадки, версии). М., 1998.
- Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001.
- Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М., 2001.
- Бурцев В.* В погоне за провокаторами. Кишинев, 1989.
- Бушков А.* Сталин. Схватка у штурвала. СПб., 2005.
- Бушков А.А.* Россия, которой не было. М., 1997.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата / Пер. с англ. Под ред. В. Гурко-Кряжина. М., 1991.
- Варенцов В.А., Ковалев Г.М.* Хроника бунташного века. Очерки истории Новгорода XVII в. Л., 1991.
- Велидов А.С.* Похождения террориста. Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998.
- Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1911.
- Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999.
- Видок Фиглярин.* Письма и агентурные записки Ф.В. Бул-гарина в III отделение / Публ., сост., предисл и коммент. А.И. Рейтблата. М., 1998.
- Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944.
- Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849—1911 гг. М., 1991.
- Водовозов В.В.* Граф С.Ю. Витте и император Николай II. СПб., 1922.
- Воейков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.
- Вольтон Т.* КГБ во Франции. М., 2000.
- Восстание декабристов // Документы // Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1979.*

Всемирная история шпионажа / Авт.-сост. М.И. Умнов. М., 2000.

Вудворд Б. Признание шефа разведки. М., 1990.

ГАРФ (Государственного архива Российской Федерации), фонды: 58 (Московское губернское жандармское управление), 63 (Охранное отделение при Московском градоначальнике), 102 (Департамент полиции МВД), 109 (3-е Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии), 110 (Штаб отдельного корпуса жандармов), 111 (Санкт-Петербургское охранное отделение), 124 (Уголовные дела 1-го Департамента Министерства юстиции), 217 (Варшавское губернское жандармское управление), 270 (Канцелярия товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского), 280 (Московское охранное отделение), 291 (Канцелярия прокурора Келецкого окружного суда), 294 (Прокурор Люблинского окружного суда), 1182 (Заведующий полицейским надзором при Маньчжурской армии отдельного корпуса жандармов подполковник Шершов), 1210 (Канцелярия Варшавского губернатора), 1210 (Канцелярия Варшавского губернатора), 1339 (Канцелярия Ломжинского губернатора), 1660 (Варшавское (Привисленское) районное охранное отделение), 1662 (Жандармское управление Влоцлавского, Нешавского и Гостынского уезда), 1669 (Жандармское управление Ломжинского, Мазовецкого, Щучинского и Кольмежского уездов Ломжинской губернии), 1678 (Жандармское управление Любартовского уезда Люблинской губернии), 1768 (Канцелярия Петроковского губернатора), 1685 (Жандармское управление Бендинского уезда Петроковской губернии), 1687 (Жандармское управление Сандомирского Опатовского и Иломского уездов Радомской губернии), 1791 (Главное управление по делам милиции Временного правительства).

Гелен Р. Служба / Пер. с нем. В. Чернявского, Ю. Чупрова. М., 1997.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991.

Гинзбург Л.В. Потусторонние встречи. М., 1990.

Гладков Т., Калиниченко Ю. Шестнадцатилетний резидент. Секретные материалы свидетельствуют. Калуга, 2000.

Голикова Н.Б. Организация политического сыска в России в XVI—XVII вв. // Государственные учреждения России XVI—XVIII в. М., 1991.

Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I (по материалам Преображенского приказа). М., 1957.

Головков А. Нетерпение высокого духа // Независимая газета. 2000. 14 дек. (№ 21). С. 16.

Городецкий Г. Миф «Ледокола» накануне войны. М., 1995.

Гражуль В.С. Тайны галантного века (Шпионаж при Петре I и Екатерине II). М., 1997.

Грушко В.Ф. Судьба разведчика. М., 1997.

Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Ростов-на-Дону, 1998.

Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.

Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987.

Дайнес В.О., Краснов В.Г. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Воспоминания. М., 2000.

Даллес А. Асы шпионажа / Пер. с англ. Ю.Д. Чупрова. М., 2002.

Даллин Д. Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки. М., 2001.

Дамаскин И.А. Сто великих разведчиков. М., 2001.

Декабристы. Биографический справочник / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1988.

Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991.

Дерябин П.С. От охраны до 9-го управления. Стражи Кремля. М., 2000.

Джанибемян В.Г. Провокаторы. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2000.

Джинчарадзе В.З. Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762—1801 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного института. Новгород, 1956. Т. 2. Вып. 2.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1, 2. М., 1997.

Дневник Марины Мнишек / Сост., пер., вступ. статья, коммент. В.Н. Козлякова. СПб., 1995.

Документы русской военной контрразведки в 1812 г. // Российский архив. Кн. II—III. М., 1992.

Долгоруков П.В. Из записок. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Серия «Тайны века». М., 1997.

Домов В.И. В Преображенских застенках // Вопросы истории. 1966. № 5.

Дочер И. Троцкий в изгнании. М., 1991.

Дроздов Ю.И. Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. М., 1996.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

Елизаров А. Контрразведка. ФСБ против ведущих разведок мира. М., 1999, 2000.

Жандармы России. Политический розыск в России XV—XX век. Серия «Архив» / Сост. В.С. Измозик.

Жуков Д.А. Власовцы и нацистская пропаганда. М., 2000.

Жухрай В.М. Провокаторы. М., 1993.

Жухрай В.М. Просчет Адольфа Гитлера. Новое о И.В. Сталине. М., 1995.

Жухрай В.М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М., 1991.

За Землю русскую. Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков / Сост., вступ. статья, коммент Ю.К. Бегунова. М., 1981.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М., 2003.

Зданович А.А. Свои и чужие — интриги разведки. Серия «Досье». М., 2002.

Зенькович Н.А. Покушения и инсценировки. М., 1998.

Зенькович Н.А. СССР. Самые знаменитые побеги. М., 2002.

Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941—1945 годов. М., 2000.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.

Исторический словарь российских государей, князей, царей, императоров и императриц (Репринтное воспроизведение. И.С. 1795). М., 1990.

История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVIII—XX // Перевороты и войны. М., 1997.

История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVIII—XX // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVIII—XX // Утверждение династии. М., 1997.

История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII—XX // Рождение империи. М., 1997.

История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII—XX. Империя после Петра. 1725—1765. М., 1998.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Авт.-сост. О.В. Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996.

Источник. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу Верховного Совета РФ «Родина». Раздел «Слишком все ясно было для народа. Исповедь палача». М., 1993. С. 107—116.

Кадетов А. Аквариум-3. М., 1999.

Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.

Калугин О.Д. Прощай, Лубянка! М., 1995.

Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М., 2005.

Квецинский Ю.А. Генерал Власов: путь предательства. М., 1999.

КГБ открывает тайны // Вест на связь не вышел / Сост. М.В. Филимошин. С. 69–83.

Кеворков В.Е. Генерал Бояров. М., 2003.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.

Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону, 1997.

Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М., 1996.

Киселев Н. Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 году // Русский архив. 1868. Т. 1. Вып. 6. Стб. 881–903.

Клатков Г.М. Февральская революция. М., 1997.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 9 т. Т. 1, 2. М., 1987.

Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992.

Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998.

Кожин В.В. Великое творчество. Великая Победа. М., 1999.

Кожин В.В. Россия век XX. 1939–1964. М., 1999.

Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1, 2. М., 1992.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 2. Кн. 2. М., 1992.

Колесник А.Н. РОА — власовская армия. Судебное дело генерала А.А. Власова. Харьков, 1990.

Коло да Ф. Доношение о Московии. М., 1996.

Колоницкий Б.И. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август

1914 — начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. СПб.; М., 1999.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Дело Ханссена. «Кроты» в США. М., 2002.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории Российской военной разведки. Кн. 1, 2. М., 2000.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ. Приказано ликвидировать. Спецоперации советских спецслужб. 1918—1941. М., 2004.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ. Спецоперации советской разведки. М., 2000.

Колпакиди А.И., Прудникова Е.А. Двойной заговор Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.

Комментарий к Уголовному кодексу РФ (с постатейными материалами и судебной практикой) / Под общ. ред. С.И. Никулина. М., 2002.

Кондаков Б. Иуда из Ясенева. М., 1996.

Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М., 1995.

Коняев Н.М. Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. М., 2001.

Костенко К. Это было в Краснодаре. М., 1961.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

Кошель П.А. История наказаний в России. М., 2003.

Красильников Р.С. Призраки с улицы Чайковского. Шпионские акции ЦРУ США в Советском Союзе и Российской Федерации в 1979—1992 годах. М., 1999.

Красная книга ВЧК / Предисл., коммент. А.С. Велидова. Т. 1, 2. М., 1989.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1996.

Кто был кто в Великой Отечественной войне. Люди. События. Факты. Краткий справочник / Под ред. О.А. Ржевского. М., 1995.

Кук Э. Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества. М., 2004.

Куманев Г.А. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2000.

Курашвили Б.П. Историческая логика сталинизма. М., 1996.

Легион «Белой смерти». Серия «Досье» / Сост. В.А. Ставицкий. М., 2002.

Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1995.

Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995.

Локкарт Р.Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

Лубянка в дни битвы за Москву / Сост. А.Т.; под ред. В.К. Виноградова, Ю.В. Сигачева. М., 2002.

Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ (справочник) // Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 1997.

Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов-на-Дону, 1999.

Макаревич Э.Ф. Политический сыск. Офицеры и джентльмены. М., 2002.

Марин С.Н., Милонов М.В. Стихотворения, драматические произведения, сцены и отрывки. Письма. Воронеж, 1983.

Маркевич А.И. Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1896.

Мархоцкий Н. История московской войны. М., 2000.

Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I // Россия в мемуарах. М., 1996.

Матвеев О. Джеймс Бонды в России // Футбол. 1998. № 18 (1976). С. 8–12.

Материалы по истории Русского Освободительного движения // Статьи, документы, воспоминания / Под общ. ред. А.В. Окрокова. Вып. 2. М., 1998.

Местр де Ж. Петербургские письма 1803–1817. СПб., 1995.

Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.

Митюрин Д.В. Гражданская война: белые и красные. М.; СПб., 2004.

Млечин Л.М. Сеть Москва—ОГПУ—Париж. Минск, 1991.

Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990.

Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992.

Мэнголд Т. Цепной пес «холодной войны». М., 2001.

Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994.

Немцы о русских / Сост. В. Дробышев. М., 1995.

Никитин Б.В. Роковые годы. Мемуары начальника военной контрразведки Петроградского военного округа. Серия «Архив контрразведки». Т. 1. М., 2000.

Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991.

Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост., вступ. статья, коммент. Б.П. Тарасова. Т. 1, 2. М., 2000.

Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

Носик Б.М. Привет эмигранта, свободный Париж. М., 1992.

Носик Б.М. Этот странный парижский процесс. М., 1991.

Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000.

Оболенский Г.Л. Император Павел I. Смоленск, 1996.

Оборотни (сборник статей, опублик. в советской периодической печати) / Сост. Е.Ф. Губский. М., 1987.

Октябрьская революция. Мемуары. Сборник / Сост. С.А. Алексеев. М., 1991.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов / Рук. сост. группы В.П. Ямпольский. Т. 1. Кн. 1, 2. М., 1995.

Орлов В.Г. Двойной агент. Серия «Жестокий век: разведчики и шпионы». М., 1998.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев / Под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1927.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. / Гл. ред. Е.М. Примаков. Т. 1. М., 1996.

Павленко Н.И. Страсти у трона. М., 1996.

Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. М., 1993.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции / Пер. с фр. М., 1991.

Памятники права периода образования русского централизованного государства. Сборник / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955.

Пантелеев М.М. Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции. М., 2005.

Пеньковский О.В. Записки из тайника. М., 2000.

Перетрухин И.К. Агентурная кличка «Трианон». Воспоминания контрразведчика. М., 2000.

Пискун Е.Е. «Термидор» в СССР. Идеи Л.Д. Троцкого и советская действительность 1920—1980 гг.

Письма Азефа / Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М., 1994.

Платонов О.А. Исторический словарь российских масонов XVIII—XX веков. М., 1996.

Платонов О.А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1997.

Платонов С.Ф. Иван Грозный. СПб., 1923.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1927.

Платошкин Н. Они обороняли Рейсхканцелярию (В Латвии продолжают чествовать легион СС) // Независимая газета. 1999. 16 марта. № 46 (1862).

ПЛДР (Памятники литературы Древней Руси) XIV — сер. XV в ч. 1.

Плющов Б. Генерал Мальцев. История Военно-Воздушных Сил Русского освободительного движения в годы Второй мировой войны (1942—1945). М., 1982.

Покровский В.С. История русской политической жизни. М., 1951.

Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг. Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999.

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов / Предисл. Е.И. Щербакова; сост. В.И. Кочанов, Н.И. Парфенов, М.В. Сидоров, Е.И. Щербакова. М., 2001.

Полмар Н., Ален Т.Б. Энциклопедия шпионажа / Пер. с англ. В. Смирнова. М., 1999.

Полянский А.И. Ежов. История «железного» сталинского наркома. М., 2001.

Попчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001.

Порецки Е. Тайный агент Дзержинского. Серия «Жестокий век: разведчики и шпионы». М., 1996.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. Вып. 1. М., 1992.

Прохоров Д. Трижды предатель. А может быть, и нет... // Независимое военное обозрение. 2005. № 37.

Прохоров Д.П., Лемехов О.И. Перебежчики. Заочно расстреляны. М., 2001.

ПРП — Памятники русского права. Вып. 1. М., 1952.

Прянишников Б.В. Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции. М., 2004.

ПСРЛ (Полное собрание русских летописей) т. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 15, 25, 28.

Путь к трону. История дворцового переворота 28 июня 1762 года. Серия «Русские мемуары» / Сост., предисл., коммент Г.А. Веселая. М., 1997.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 6 т.: История Петра. М., 1946.

Пыханов И. Великая оболганная война. М., 2005.

Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. Серия «Жестокий век. Кремлевские тайны». М., 1998.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989.

Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. М., 2002.

Райле О. Тайная война. Секретные операции Абвера на Западе и Востоке (1921—1945). М., 2002.

Ранге М. Война и индустрия шпионажа. М., 2000.

Раскольников М.В. Тень быстротечной жизни. М., 1991.

РГАДА (Российского государственного архива древних актов), фонды: 6 (разряд 6 — Уголовные дела по государственным преступлениям), 7 (разряд 7 — Тайная канцелярия и Тайная экспедиция), 27 (разряд 27 — Приказ Тайных дел), 124 (Малороссийские дела), 135 (Древнехранилище), 149 (Дела о самозванцах), 159 (Приказные дела новой разборки), 165 (Секретные дела), 173 (Секретнейшие дела), 183 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем), 210 (Разрядный приказ), 248 (Сенат и его учреждения), 299 (Малороссийский приказ), 371 (Преображенский и Семеновский приказы), 349 (Московская контора тайных и розыскных дел и Тайная экспедиция Сената), 389 (Литовская метрика);

РГВИА (Российского государственного военно-исторического архива), фонды: 1 (Канцелярия военного министерства), 8 (Генерал-аудиторская экспедиция канцелярии Военной коллегии), 400 (оп. 15, Судное отделение Генерального шта-

ба), 401 (Военно-учетный комитет), 801 (Главное военное-судное управление), 1867 (Военно-окружной суд Варшавского военного округа), 2000 (оп. 13 — Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), Центральное разведывательное управление ГУГШ, оп. 14 — Санкт-Петербургское городское контрразведывательное управление ГУГШ, оп. 15 — Регистрационное отделение особого производства ГУГШ, оп. 16 — Центральное военно-регистрационное бюро);

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999.

Редфери Н. Секретные досье ФБР. Тайны НАТО становятся явными. Челябинск, 1999.

Рогов В.А. К вопросу о развитии княжеской власти на Руси // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. М., 1984.

Роговин В.З. Мировая революция и мировая война. М., 1998.

Романов В.И. Первый легион Америки. М., 1998.

Романов В.И. Первый шпион Америки. М., 1998.

Ронге М. Разведка и контрразведка. Киев, 1992.

Россия на рубеже веков: исторические портреты / Сост. А.П. Карелин. М., 1991.

Роуан Р.У. Очерки секретной службы. Из истории разведки / Пер. с англ. СПб., 1992.

Рунов В. Миг беглеца // Сов. Россия. 1992. 24 янв. № 148 (10847).

Русская военная эмиграция 20—40-х годов // Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1, 2. М., 1998.

Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг. Документы / Сост. И.В. Деревянко. М., 1993.

Русский корпус. На Балканах во время II Великой войны. 1941—1945 гг. Воспоминания соратников и документы. Сб. 2. СПб., 1999.

Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927.

Салмина М.А. Повесть о нашествии Тохтамыша. Труды отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979.

Саусверд Ф. Слоны и пешки. Страницы борьбы германских и советских спецслужб. Минск; М., 2000.

Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. М., 1939.

Семевский М.И. Тайная служба Петра I. Минск, 1993.

Семенов Г.М. Атаман Семенов о себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 1999.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России 1900–1914. М., 2001.

Серия «Жизнь знаменитых людей». Лев Троцкий. Минск, 1998.

Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997.

Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983.

Скрынников Р.Г. Великий государь Иван Васильевич Грозный. Т. 1, 2. Смоленск, 1996.

Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1980.

Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990.

Смирнов Н.Г. Вплоть до высшей меры. М., 1997.

Совершенно секретно. 1994. № 7 (62). Международный ежемесячник.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998.

Соловьев О.Ф. Русские масоны от Романовых до Березовского. М., 2004.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. М., 1991. Кн. 2. Т. 3; Кн. 3. Т. 5–6; Кн. 4. Т. 7–8; Кн. 5. Т. 9–10; Кн. 6. Т. 11–12; Кн. 9. Т. 17–18.

Соловьев С.М. Самозванец Ивашка Клеопин // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860–1861. Кн. 1. СПб., 1860.

Сонников Г.З. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М., 2002.

Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991.

Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 // Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. / Сост., вступ. статья, примеч. А.С. Сенина. М., 1994.

Столяров К.А. Игры в правосудие. М., 2000.

Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1998.

Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938 гг. М., 1998.

Суворов В. Аквариум. СПб., 1992.

Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну. М., 1992.

Судейный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». М., 1939.

Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. Кн. 1, 2. М., 1998.

Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. Серия «Досье». М., 2001.

Сушинский Б.И. Генерал Власов — отверженный и проклятый // «Вервольф» — ставка фюрера. Йошкар-Ола, 1996.

Танеева А.А. Страницы моей жизни // Русская летопись. 1922. Т. 4.

Телицын В.Л. «СМЕРШ»: операции и исполнители. Смоленск, 2000.

Телицын В.Л. Отто Скорцени, или Коммандос — опасное ремесло. Смоленск, 2000.

Толь С.Д. Ночные братья. Масонское действо. М., 2000.

Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. СПб., 2002.

Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994.

Троцкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.

Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000.

Уайз Д. Охота на «кротов». М., 1994.

Уголовный кодекс Российской Федерации с изменениями и дополнениями на 18.05.95. М., 1995.

Украинский сепаратизм в России. Идея национального раскола. Сборник / Вступ. статья и коммент М.Б. Смолина. М., 1998.

Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л.Н. Годовикова. М., 2002.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.

Федоров В.П. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.

Федосеев С. Бумеранг (дело Попова). Серия «Секретные службы. Разведчики и шпионы». М., 2000.

Филби К. Я шел своим путем. М., 1997.

Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007.

Флоря Б.Н. Иван Грозный. Серия «ЖЗЛ». М., 1999.

Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997.

Царев О., Вест У. КГБ в Англии. М., 1999.

Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М., 1995.

Цареубийство 11 марта 1801 года // Записки участников и современников. СПб., 1907.

Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940 годов. Сборник документов / Рук. группы в подг. текста Ю.И. Стрижов, В.П. Мазуров. Кн. 1, 2. М., 1998.

Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. Смоленск, 2000.

Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. М., 1991.

Чичагов П.В. Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морского министра. М., 2002.

- Шамбаров В.* Белогвардейщина. Рязань, 1996.
- Шектер Дж., Дерябин П.С.* Шпион, который спас мир. М., 1993.
- Шелленберг В.* Лабиринт. М., 1991.
- Широнин В.С.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996.
- Шкуро А.Г.* Записки белого партизана. М., 1991.
- Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1, 2. М., 1992.
- Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993.
- Шульгин В.В.* Годы. Воспоминания бывшего члена Государственной думы. М., 1979.
- Щеголев П.Е.* Охранники, агенты, палачи. М., 1992.
- Эндрю К., Гордиевский О.А.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.
- Энциклопедия военного искусства. Военные разведчики. XX век. Минск, 1997.
- Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С. Воробьев. М., 1996.
- Эрли П.* Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998.
- Яковлев Н.Н.* ЦРУ против СССР. М., 1979.
- Conte Fr. Un revolutionnaire-diplomate: Christian Rakovski: L'Union sovietique et l'Europe (1922–1941). Paris, 1978.
- Kostine S. Bonjour Farewell. La verite sur la taupe francaise de KGB. Paris, 1997.

Справочно-энциклопедическое издание

Каравашкин Виталий Васильевич

КТО ПРЕДАВАЛ РОССИЮ

Ведущий редактор *Я.Н. Плигина*

Редактор *М.Р. Гаврюшин*

Художественный редактор *О.Н. Адашкина*

Компьютерный дизайн: *Г.В. Смирнова*

Компьютерная верстка *Н.Ф. Цыганова*

Корректоры *Л.И. Боршова, Л.И. Гордеева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 17.03.08. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 4824135.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «ИД «Русь»-«Олимп»

115191, Москва, а/я 98

www.rus-olimp.ru

E-mail: olimpus@dol.ru

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

Виталий Каравашкин

КТО ПРЕДАВАЛ РОССИЮ

ISBN 978-5-17-049896-3

9 785170 498963

Ветеран спецслужб Виталий Каравашкин взял на себя редчайшую, смелую и, наверное, не самую благодарную задачу: рассказать о людях, предававших Россию, и понять причины, толкнувшие их на это страшное преступление. Почему русские князья не смогли объединиться перед нашествием Батыя? Кто первый перешагнул запретную грань цареубийства? Действительно ли сражение под Бородином было нашей победой? Почему русская оппозиция в борьбе со своими идеологическими противниками опускается до тайной связи с врагами Родины? Русское изменничество пронизывает всю историю нашей страны. Не ожидает ли нас по этой причине новая революция, остановить которую будет не в силах ни власть, ни спецслужбы?

Еще недавно Россия напоминала корабль, гибели которого ожидал весь мир. Но корабль не затонул и до сих пор держится на плаву. Героизм и самопожертвование всегда спасали наш многонациональный народ в самые трудные исторические времена, несмотря на усилия как внешних, так и внутренних врагов. Громада двинулась и рассекает волны. Плышет. Но куда ж нам плыть?